

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

11
ТОМ

2013

4
номер

Часть 3

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958

До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного
университета

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель:

Южный федеральный университет

Редакционная коллегия:

Мамедов О.Ю. (главный редактор) доктор экономических наук, профессор,
Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В.В. (зам. главного редактора) доктор экономических наук, профессор,
Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,
Овчинников В.Н., доктор экономических наук, профессор.

Редакционный совет:

Овчинников В.Н. председатель, доктор экономических наук, профессор,
Белокрылова О.С., доктор экономических наук, профессор,
Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,
Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор,
Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор,
Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор,
Кетова Н.П., доктор экономических наук, профессор,
Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,
Лукиянцев А.А., доктор юридических наук, профессор,
Макаренко В.П., доктор политических наук, профессор,
Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,
Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,
Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор,
Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор,
Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор,
Ханин Г.И., доктор экономических наук, профессор,
Эллман М.Дж., почётный профессор Амстердамского университета.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105.
тел.: (863) 2653-158, 2648-466
факс: 2645-255, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
тел.: (863) 240 96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Мамедов О.Ю., Брижак О.В. Современная корпорация в координатах классической политической экономии.....	5
Белоусов В.М., Лубский А.В. Геоэкономическая парадигма научных исследований.....	10
Вольчик В.В., Кривошеева-Медянцева Д.Д. Институциональные условия инновационного развития российской экономики.....	18
Шафиров Л.А., Оганесян А.А. Рационализация потребительского кредитования в интересах местного экономического развития сквозь призму институциональной экономической теории.....	27
Буланкина Н.Н., Мещерякова Л.А. Мотивация и стимулирование труда, как объективная форма реализации интересов человека.....	43
Бадоев С.Х. Основные объективные тенденции современной экономической системы.....	47
Аксенов В.В., Раговик Л.В., Селиванова А.Г. Посткризисный рост глобальной экономики и новая промышленная политика.....	50
Горбунов А.П. Университеты в структуре экономики знания.....	55
Жигало Е.А. Модели перераспределения доходов в контексте социальной справедливости.....	59
Криворотова Н.Ф. Предпосылки и последствия внедрения режима таргетирования инфляции в странах с формирующимися рынками.....	65
Захарченко Д.В. Система маркетингового управления конкурентоспособностью промышленных предприятий в условиях формирования и развития «новой экономики».....	69
Сахарова Л.А. Российская экономика: противоречивая динамика промышленного развития отозвана 22.09.23	
Козельский А.В. Эволюция сферы инфраструктурных услуг как фактор экономического роста.....	79
Нахмедова Д.Т. Региональные механизмы локализации социальной дифференциации и бедности населения.....	84
Королев В.К., Пайда Г.В. Парадигмы политической экономии в методологии постмодернистского дискурса.....	89
Ступак В.А. Некоторые вопросы формирования системы кредитного обслуживания малых аграрных предприятий в России.....	94

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Германова О.Е., Штанько М.С. Модели реализации экономического содержания акционерной собственности как отражение современных тенденций ее развития.....	97
Зайнуллина Т.Г. Проблемы и перспективы малоэтажного жилищного строительства.....	105
Жукова И.А. Моделирование снижения накопленного экологического ущерба угледобывающих территорий за счет формирования системы обращения материалов шахтных отвалов.....	108
Бахтеев А.В. Элементы методологии применения аналитических процедур в риск-ориентированном аудите бухгалтерской (финансовой) отчетности.....	113
Татуев А.А., Магомедова П.Г. Проблемы организационно-экономического развития топливно-энергетического комплекса России.....	118
Лаптев С.В., Филина Ф.В. Проблемы совершенствования денежно-кредитной политики современной России.....	124
Ступак Д.М. Экономическое стимулирование развития инновационной деятельности в сельском хозяйстве.....	130
Такушинова М.М. Резервы и перспективы совершенствования системы страхования депозитов.....	133
Аретова Е.В., Литвинский К.О. Государственно-частное партнерство в России: современные проблемы и перспективы развития.....	138
Шевелева А.В. Трансформация эколого-экономической политики предприятий нефтегазового комплекса в условиях стратегической ограниченности запасов энергетических ресурсов.....	143
Магомедова П.Г. Системные противоречия развития топливно-энергетического комплекса.....	149
Савватеев Е.В. Перспективы развития механизма регулирования сферы услуг пространственной социально-экономической системы.....	153
Сахарова Л.А., Хоконов М.М. Противоречия развития малого предпринимательства в современной российской промышленности.....	158

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Белокрылова О.С., Киселева Н.Н. Институциональные изменения на рынке земли южных регионов.....	163
Анопченко Т.Ю., Айдаркина Е.Е. Анализ величины нанесенного и предотвращенного ущерба водным объектам Ростовской области предприятиями, функционирующими на ее территории.....	169
Мовчан И.В., Ищенко-Падукова О.А. Региональная инвестиционная политика как институт модернизации предпринимательства на Юге России.....	175
Измайлова Т.В., Мещерякова Л.А. Основные проблемы и перспективы развития санаторно-курортных и туристских услуг в Ставропольском крае.....	180
Прокопенко З.В. Кластерная детерминанта регионального развития.....	184
Кашникова Т.В. Программно-целевые методы повышения конкурентоспособности малого предпринимательства региона.....	188
Юшкова Н.Г. Пространственный подход в исследовании процессов функционирования и развития социально-экономических систем регионов.....	192
Шевелева А.В. Комплексный стратегический подход к анализу негативного воздействия на окружающую среду предприятий нефтегазового комплекса.....	199
Кушнарченко Т.В. Концептуальный базис перехода на несырьевую модель развития территорий Юга России.....	204
Шафиров Л.А. Жилищные условия домохозяйств малых монопрофильных городов РФ как основа оценки потенциала рационального кредитования жителей.....	208
Шаталов С.Н. Особенности реформирования системы пенсионного обеспечения депрессивного макрорегиона.....	218
Токаева Т.И. Региональная трудозанятость: функциональные изменения и особенности ориентированности.....	222
Гладкая С.В. Механизмы повышения инвестиционной привлекательности региона.....	226

ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Архипов А.Ю., Воронина Т.В., Фомичева Е.В., Коломиец А.Д. Субъекты хозяйствования и отрасли экономики Юга России в условиях членства России в ВТО.....	231
Андреева А.В., Раговик Л.В., Шелепов В.Г. Ограничение развития офшорных финансовых сетей и реализация модели справедливого налогообложения.....	236
Палагина А.Н. Торгово-промышленная палата РФ как ключевой элемент адаптивной инфраструктуры поддержки предпринимательства в условиях интеграции России в ВТО.....	241
Шелепов В.Г. Деофшоризация и устойчивое развитие экономики: налоговые и финансовые инструменты.....	247

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Богданов Ю.В. Мотивация студента к обучению: теория и практика.....	253
Горбунов А.П. Эффективная динамика высшей школы – базовый фактор инновационной трансформации российской экономики.....	258
Полубояров В.В. Разработка информационной системы планирования и отчетности кафедры вуза на основе онтологии как инструмента стратегического управления образовательной организацией.....	263

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Костенко Е.П. Эволюция теории и практики управления персоналом в XX в.	268
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Балакирева Л.Ю. Актуальные направления регулирования и развития страхования ответственности судовладельцев.....	274
--	-----

СОВРЕМЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ В КООРДИНАТАХ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

МАМЕДОВ О.Ю.,

доктор экономических наук, профессор
кафедры политической экономики и экономической политики,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru;

БРИЖАК О.В.,

доцент кафедры экономической теории,
Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар,
e-mail: brizhak71@mail.ru

В центре внимания диалога авторов¹ – современное видение возможностей и перспектив использования классической политэкономии в исследовании природы корпорации и ее роли в рыночной экономике XXI в.; особое внимание уделяется специфике внутрикорпоративных отношений в России.

Ключевые слова: классическая политэкономия; корпорация; социальная ответственность; инновации.

THE MODERN CORPORATION IN THE COORDINATES OF CLASSICAL POLITICAL ECONOMY

MAMEDOV O.U.,

Doctor of Science, Professor,
Department of Political Economy and Economic Policy,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru;

BRIZHAK O.V.,

Associate Professor, Department of Economic Theory,
Kuban State University of Technology, Krasnodar,
e-mail: brizhak71@mail.ru

This article is the result of the dialog between professor Oktay Mamedov and doctor Olga Brizhak. The central problem of this dialog is modern vision of the potential and perspectives of utilization of classic political economy paradigm for the analysis of the nature of corporation and its role in the XXI century economy. Authors also put their attention at the specific features of Russian intercorporate relations.

Keywords: classic political economy; corporation; social responsibility; innovations.

JEL classification: P16, M14.

¹ Мамедов О.Ю. (2013). Будущее политэкономии: по ту сторону псевдопрагматики и лжетеории // *Политэкономия: социальные приоритеты. Материалы первого международного политэкономического конгресса*. Т. 1: От кризиса к социально-ориентированному развитию: реактуализация политической экономики / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, М.И. Воейкова, О.Ю. Мамедова, В.Т. Рязанова. М: ЛЕНАНД; Мамедов О.Ю. (2013). Две эпохи (от диктатуры политической экономики – к диктатуре экономической политики) // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 11. № 1. С. 4–8; Мамедов О.Ю. (2008). Невыносимая тяжесть малого бизнеса // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 6. № 4. С. 5–8 и др.; Брижак О.В., Суанова З.С. (2012). Корпорация: сравнительный анализ основных концепций / *Вестник СОГУ им. К.Л. Хетагурова*. № 4. С. 294–299; Брижак О.В. (2012). Интересы субъектов внутрикорпоративных отношений: проблема распределения доходов в российских условиях / *Вестник ВолГУ. Серия 3 «Экономика. Экология»*. № 2(21); Брижак О.В. (2012). Собственники и менеджеры: институциональные противоречия и влияние на инновационное развитие корпораций // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 10. № 2–2. С. 32–34.

Представители классической политэкономической школы, сформулировав оригинальное видение предмета и метода изучения экономической реальности, обогатили экономическую науку фундаментальными положениями, не потерявшими свою актуальность и в настоящее время. Девизом классической политической экономии стал основной принцип экономического либерализма – «laissez faire». Этот подход в настоящее время подвергается сомнению кейнсианской (особенно посткейнсианской) традицией (Робинсон, 1962). Современные марксисты также оспаривают его адекватность природе экономики современного капитализма (Бузгалин, Колганов, 2005). Однако этот принцип сохраняет широкий круг приверженцев.

Брижак О.В. В рамках классических традиций, идущих от У. Петти, А. Смита, Д. Риккардо (Риккардо, 1995), корпорация представляется как отдельный капитал, находящийся в частной собственности обособленных производителей. Каждый агент, преследующий свой интерес, обеспечивает реализацию общественных интересов. По А. Смиту, борьба эгоистических интересов не является разрушительной силой, а напротив, – содействует экономическому развитию общества. «Человек скорее достигнет своей цели, если обратится к эгоизму своих ближних и сумеет показать, что в их собственных интересах для него есть то, что он требует от них... Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших интересах, а лишь об их выгодах» (Смит, 2007).

В последнее время в российской экономической науке сложилась некоторая категориальная неопределенность относительно того, что же представляет собой фирма, предприятие, корпорация, и в чем принципиальное различие или тождество между ними.

Мамедов О.Ю. С моей точки зрения, корпорация – это «срединное» звено между общественным уровнем производства (макроэкономикой) и его частным уровнем (микроэкономикой). Отраслевая, региональная и корпоративные экономики – все это «срединные звенья», это те звенья, которые связывают высшие уровни экономики с низшими, и в этом их системная, макроэкономическая функция. При этом предприятие – элемент производственной структуры, фирма – экономической, а корпорация – финансовой.

Брижак О.В. А. Смит сформулировал концепцию «homo economicus», поведение которого определяется принципами рационального эгоизма (Смит, 2007). Для ранних этапов развития капитализма этот подход был актуален, так как экономическая деятельность была персонафицирована. Но как бы Вы определили субъектов внутрикорпоративных отношений в современной корпорации?

Мамедов О.Ю. Полноценные, действительные, экономические субъекты возможны только в рамках исторически определенной системы экономики, тогда как корпорация является только институционально-оформленным (представляя, как обидит институционалистов это «только»!) и в этих пределах – самодостаточный фрагмент реальной экономики. Поэтому и действующие внутри корпорации агенты – лишь «под-уровневые», частичные, неполные субъекты. Это доказывает только одно – лишь полного обладания существенным признаком данной экономической системы конституирует меру экономической субъектности данной корпорации, является первичным, системным признаком по сравнению с признаком корпоративной субъектности. Например, в тех рамках, в каких у нас состоялся рынок, пусть в неполной, ограниченной мере, – вот в той мере и корпорация становится субъектом. Не корпорация придает субъектность ее агентам, а экономика придает субъектность корпорации.

Брижак О.В. Необходимость появления корпоративной формы предпринимательства была специально отмечена К. Марксом, который писал: «Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация капитала, посредством акционерных обществ, осуществила это в один миг» (Маркс, Энгельс, 1965). Как Вы считаете, следует ли способствовать возрастанию роли корпораций в российской экономике?

Мамедов О.Ю. Может да, а может и нет; смотря в каких отраслях, поскольку в Вашей постановке вопрос о корпорации перемещается из теоретической плоскости в практическую, а здесь уже иные критерии и аргументы: политико-экономические характеристики сменяются экономико-политическими резонами.

Если же использовать отраслевой критерий, то, может, в каких-то отраслях есть смысл в политике поддержки корпораций, в каких-то – нет. Как неисправимый политэконом, я могу сказать то, что всегда раздражает конкретников своей, как им кажется, абстрактностью, – роль корпорации диктуется объективной необходимостью для данной экономики в данный исторический период ее развития. Я понимаю раздраженность прикладников – они хотели бы, чтобы экономическая теория дала им ответы на те вопросы, на которые они должны отвечать сами. Увы, экономическая теория всегда парит над практикой, а абстрактное никогда не сольется с конкретным. Поэтому все, что может сказать экономическая теория относительно роли корпораций, будет звучать только примерно так: если российской экономике нужны корпорации, то она их построит, несмотря на все противодействия; если же они ей мешают, то она их сметет. Эту абстрактную истину прикладники и должны конкретизировать: если мы своими усилиями будем поддерживать объективные тенденции – усилим нашу экономику, если будем противодействовать – то разрушим ее.

Брижак О.В. В настоящее время в стране активно обсуждается разработка концептуального подхода, позволяющего сочетать интересы государства и бизнеса. Основная цель государственно-частного партнерства – реализация общественно значимых проектов реформируемой экономики с наименьшими затратами и рисками при условии предоставления экономическим субъектам высококачественных услуг. Какова Ваша позиция на этот счет?

Мамедов О.Ю. Корпорация представляет собой самое крупное первичное звено общественного производства, это – стратегическая консолидация финансовых ресурсов. Но именно эта мощь, как ни парадоксально, и нуждается в помощи со стороны государства, особенно она необходима именно корпорациям. Малое предприятие можно оставить без государственной (финансовой) поддержки – оно изначально-то возникает как «негосударственное» образование, оно – самое гибкое из всех форм первичных звеньев производства, и единственное, в чем для него состоит государственная поддержка, это чтобы его оставили в покое. А вот крупная корпорация нуждается в помощи со стороны государства, но не в примитивном понимании этого, а прежде всего – в сфере контроля. Потому что таких бед, какие может натворить корпорация, сотни мелких частных не сделают. Во всяком случае, две мировые войны точно на совести крупнейших мировых корпораций. Вот почему отношения между государством и корпорацией – это основная тайна современной экономики, главный нерв всей экономики.

Брижак О.В. Тенденции к постоянному расширению фирм, к их проникновению в новые сферы деятельности на базе концентрации капитала, стремление к монополизации рынка и его сегментов отмечаются в работах А. Смита (*Смит, 2007*) и его последователей. Наличие крупного и мелкого производства объясняется А. Смитом через разделение труда и специализацию – в соответствии с масштабами спроса на продукцию. Каково, на Ваш взгляд, должно быть соотношение между крупным, средним и малым бизнесом в российской экономике?

Мамедов О.Ю. Такая постановка вопроса говорит о механистическом понимании экономики, предполагая какую-то фрагментарную разорванность экономики. А между тем через институт аутсорсинга корпорации охватывают все мелкие и средние предприятия, превращая национальную экономику в единую систему. Связь малого предприятия с крупным усиливает национальную экономику, придает ей особое конкурентное преимущество в глобальных масштабах. В такой экономике все мелкие и средние предприятия лишь формально являются свободными, но на деле зависят от крупных, получая от корпораций заказы, а это накладывает на корпорации дополнительную социальную ответственность и экономические обязательства. Такая «переплетенная» система сохраняет оба достоинства цивилизованной экономики – самостоятельность мелких предприятий и крупную финансовую мощь корпораций. В современной экономике они не противостоят, а гармонично взаимодополняют друг друга (во всяком случае, такова идеальная модель эффективного производства).

Брижак О.В. Социальная ответственность корпоративных предприятий, с точки зрения сторонников развития ее практики, является социальным преимуществом компании, позволяет связать социальные и экономические цели и улучшить долгосрочные перспективы ее развития (*Porter, Kramer, 2006*). Оппоненты же видят связь между ростом расходов на социальные программы и ростом издержек с точки зрения достижения экономических результатов (*Friedman, 1970, цит. по: Лучко, 2006. С. 340, 348*).

Мамедов О.Ю. Социальная ответственность корпораций велика. На их совести не только две мировые войны, но и три мировых экономических кризиса. Тем не менее корпорация сама отражает дух того общества, той экономики, в рамках которых существует: если это антигуманное общество с кровавой экономикой, то и корпорации будут такими; если же корпорации работают в гуманистической экономике, то они совершенно другие. В развязывании войн участвовали корпорации старой Европы и примкнувшие к ним американские корпорации, тогда как сегодня крупнейшие мировые корпорации стали своеобразными «цивилизаторами» для многих районов мира.

Брижак О.В. Должна ли корпорация в России тратить на социальные нужды?

Мамедов О.Ю. В принципе – да, но никто не знает, как ей лучше действовать в конкретной ситуации. А если денег нет? Социальная благотворительность не является существенным признаком корпорации. Дай бог, чтобы она эффективно работала, создавала занятость и зарабатывала себе на прибыль. Этим она принесет больше блага обществу.

Брижак О.В. Тогда следует ли, вслед за М. Фридменом, понимать рост прибыли компании как увеличение возможности вносить вклад в развитие общества? Получается, что в расширении деятельности компании заинтересованы все основные группы ее стейкхолдеров: и ее сотрудники, и потребители фирменной продукции, и акционеры, и местное население, и деловые партнеры, деятельность которых при прочих равных условиях тоже будет успешно развиваться параллельно с развитием ключевой компании, и в этом неявно проявляется социальная ответственность корпораций.

Фридмен рассуждает и о социальной ответственности топ-менеджеров, не являющихся слугами общества и, тем не менее, несущих прямую ответственность перед собственниками и своими работодателями. Эта ответственность заключается в ведении бизнеса в соответствии с их желаниями, которые можно свести к получению максимально возможной прибыли в рамках принятых правил в обществе, закрепленных в законах или этических нормах (*Friedman, 1970, цит. по: Лучко, 2006. С. 299*). Какова социальная ответственность топ-менеджеров в российских корпорациях?

Мамедов О.Ю. Прежде всего – перед коллективом корпорации. Когда менеджмент присваивает доходы корпорации – это дух прошлого. Приличная корпорация развивается на основе соучастия, сотрудничества, соуправления. Как простой коллектив приблизить к управлению? Что такое рациональный менеджмент? Нужно найти способы заинтересовать работников.

Брижак О.В. Неэффективность отчужденности работников от процессов управления предприятием давно усвоена большинством развитых стран, где в той или иной форме происходит или уже произошел переход от авторитарного управления производством к производственной (хозяйственной, экономической) демократии. В Германии наиболее развита система участия работников в управлении предприятием. Производственная демократия

характерна для Норвегии, Швеции, Франции, Японии, Дании и др. В США уже более 30 лет идут активные процессы по вовлечению большей части работников в процесс принятия управленческих решений. Должны ли работники корпорации участвовать в управлении российской корпорацией?

Мамедов О.Ю. Трудно сказать, – по-разному. Что это за корпорация, как она организована, есть корпорации с дивизиональной структурой управления, а может, некоторым нужен централизм.

Брижак О.В. Основой успешного развития корпорации являются инновации, которые включают не только технические или технологические разработки, но и поиск, и использование новых форм бизнеса, новых методов работы на рынке, новых товаров и услуг, новых финансовых инструментов. Какова инновационная активность российских корпораций?

Мамедов О.Ю. Только корпорации могут дать импульс инновациям. Не государство, не мелкий и средний предприниматель, которым вечно не хватает средств. Государство – это огромный механизм, который часто действует в интересах своих служащих – бюрократов. «Руку на пульсе» экономики держит корпорация, поэтому, развивая корпорации, мы ускоряем инновации. Но сама корпорация должна находиться под контролем, так как для корпорации инновационное дело не является проблемой номер один. Чем монополистичнее ее положение, тем она спокойнее относится к инновациям. Создать конкурентную среду между корпорациями – это невероятно сложная задача. Когда корпорация почувствует противодействие мощной конкуренции, тогда она побежит к инновациям со стремительной скоростью, и все, кто находится в сфере ее влияния, побегут за ней.

Какие бы ни были грандиозные идеи, венчурный капитал остается мелким бизнесом, который не в состоянии реализовать масштабные инновации. Но как только идея обнаружит свою настоящую прибыльность, тогда за нее берутся крупные корпорации. В свое время американские корпорации «похоронили» телевидение лет на 30, потому что это было в то время невыгодно. А вот как только стало выгодно, весь мир опоясался телевизорами.

И вот, когда, с одной стороны, государство создаст конкурентную среду для корпораций, а мелкий венчурный бизнес, со своей стороны, – прибыльную идею, объединение этих двух импульсов обеспечит инновационное развитие корпораций, а с тем – динамику всей национальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

Брижак О.В. (2012а). Интересы субъектов внутрикорпоративных отношений: проблема распределения доходов в российских условиях // *Вестник ВолГУ. Серия 3 «Экономика. Экология»*. № 2(21). С. 152–157.

Брижак О.В. (2012б). Собственники и менеджеры: институциональные противоречия и влияние на инновационное развитие корпораций // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 10. № 2–2. С. 32–34.

Брижак О.В., Суанова З.С. (2012). Корпорация: сравнительный анализ основных концепций // *Вестник СОГУ им. К.Л. Хетагурова*. № 4. С. 294–299.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2005). Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы). М: ЛЕНАНД.

Мамедов О.Ю. (2013а). Будущее политэкономии: по ту сторону псевдопрагматики и лжетеории / *Политэкономия: социальные приоритеты. Материалы первого международного политэкономического конгресса*. Т. 1: От кризиса к социально-ориентированному развитию: реактуализация политической экономики / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, М.И. Воейкова, О.Ю. Мамедова, В.Т. Рязанова. М: ЛЕНАНД.

Мамедов О.Ю. (2013б). Две эпохи (от диктатуры политической экономики – к диктатуре экономической политики) // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 11. № 1. С. 4–8.

Мамедов О.Ю. (2008). Невыносимая тяжесть малого бизнеса // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 6. № 4. С. 5–8.

Маркс К., Энгельс Ф. (1965). Сочинения. М: Политиздат.

Рикардо Д. (1995). Начала политической экономики и налогового обложения. Соч. Т. 1. М.: Знание.

Робинсон Дж.В. (1962). Экономическая философия: Очерк развития экономической мысли (Economic Philosophy: An essay on the progress of economic thought).

Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. (Серия: Антология экономической мысли). М.: Эксмо.

Porter M.E., Kramer M.R. (2006). Strategy and Society: The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // *Harvard Business Review*, december, pp. 78–92.

Friedman M. (1970). The social responsibility of business is to increase its profits // *The New York Times magazine*.

REFERENCES

Brizhak O.V. (2012a). Interests of the intra-corporate relations: the problem of income distribution in the Russian context. *Bulletin of the Volga. Series 3 "Economy. Ecology"*, no. 2(21), pp. 152–157. (In Russian.)

Brizhak O.V. (2012b). Owners and managers: contradictions and institutional impact on the innovative development corporations. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10. № 2–2, pp. 32–34. (In Russian.)

Brizhak O.V., Suanova Z.S. (2012). Corporation: a comparative analysis of the basic concepts. *Herald SOGU named after K.L. Khetagurov*, no. 4, pp. 294–299. (In Russian.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2005). The post-Soviet Marxism in Russia: Meeting the Challenges of the XXI century (theses to the formation of a scientific school). Moscow. LENAND. (In Russian.)

- Friedman M.* (1970). The social responsibility of business is to increase its profits. The New York Times magazine.
- Mamedov O.U.* (2013a). The Future of Political Economy: Beyond the pseudo pragmatics and false theory. *Political Economy: Social the priorities*. Vol. 1: From crisis to socially-oriented development: the political economy reactualization. Under total. ed. A.V. Buzgalin, M.I. Voeikov, O.U. Mamedov, V.T. Ryazanov. Moscow. LENAND. (In Russian.)
- Mamedov O.U.* (2013b). Two periods (from the dictatorship of political economy – to the dictatorship of economic policy). *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 1, pp. 4–8. (In Russian.)
- Mamedov O.U.* (2008). Unbearable heaviness of small business. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 6, no. 4, pp. 5–8. (In Russian.)
- Marx K., Engels F.* (1965). Works. Moscow. Politizdat. (In Russian.)
- Porter M.E., Kramer M.R.* (2006). Strategy and Society: The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. *Harvard Business Review*, december, pp. 78–92.
- Ricardo D.* (1995). Principles of Political Economy and Taxation. Moscow. Knowledge, vol. 1. (In Russian.)
- Robinson J.W.* (1962). Economic Philosophy: Essay on the Development of Economic Thought (Economic Philosophy: An essay on the progress of economic thought). (In Russian.)
- Smith A.* (2007). Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow. Eksmo. (Series: An Anthology of economic thought). (In Russian.)

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БЕЛОУСОВ В.М.,

доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики и регионального менеджмента,
Институт по переподготовке и повышению квалификации
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: belvita.m@gmail.com;

ЛУБСКИЙ А.В.,

доктор философских наук, профессор кафедры социологии, политологии и права,
Институт по переподготовке и повышению квалификации
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: n_lav@mail.ru

В статье в рамках геопространственного подхода рассматривается геоэкономика как геоэкономическая реальность и научная дисциплина, раскрываются особенности геоэкономической парадигмы научных исследований и специфика ее государствоцентристской и экономикоцентристской моделей. В российском научном дискурсе сложились различные представления о геоэкономической парадигме научных исследований. Одни ученые, ориентируясь на западноевропейские научные традиции, рассматривают геоэкономику как новейшую форму геополитики и предлагают этатистскую (государствоцентристскую) модель геоэкономической парадигмы. Другие исследователи считают, что в постиндустриальную эпоху геоэкономика поглощает геополитику и предлагают антиэтатистскую (экономикоцентристскую) модель геоэкономической парадигмы.

Ключевые слова: пространственный поворот; геопространственный подход; конструктивный реализм; глобалистика; геополитика; геоэкономика; геоэкономическая парадигма; государствоцентристская модель геоэкономической парадигмы; экономикоцентристская модель геоэкономической парадигмы.

GEOECONOMIC PARADIGM OF SCIENTIFIC RESEARCH

BELOUSOV V.M.,

Doctor of Science, the head of the Department of Economy and Regional Management,
Institute for Retraining and Advanced Teaching in Humanities
and Social Sciences of Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: belvita.m@gmail.com;

LUBSKY A.V.,

Doctor of Science, the professor of the Department of Sociology, Political Science and Law,
Institute for Retraining and Advanced Teaching in Humanities
and Social Sciences of Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: n_lav@mail.ru

In the article geoeconomics is considered in the framework of geospatial approach as a geoeconomic reality and scientific discipline. The peculiarities of geoeconomic paradigm of scientific research and particularity of its state-centrist and economic-centrist models are also disclosed. The Russian scientific discourse developed different ideas about geoeconomic research paradigm. Some scientists, focusing on the Western scientific tradition, considering geoeconomics as the latest form of geopolitics and offer statist (gosudarstvotsentristskuyu) model geo paradigm. Other researchers believe that the post-industrial era of geopolitics and geo-economics absorbs offer antietatistskuyu (ekonomikotsentristskuyu) model of geo-economic paradigm.

Keywords: spatial turn, geospatial approach; constructive realism; globalism; geopolitics; geoeconomics; geoeconomic paradigm; state-centrist model of geoeconomic paradigm; economic-centrist model of geoeconomic paradigm.

JEL classification: F01, F59.

В конце XX в. возникла концепция мироцелостности, базирующаяся на методологии нового универсализма, основу которого составляют теории глокализации, постулирующие позитивную связь между процессами глобализации и локализации в постиндустриальном обществе. Методология нового универсализма предполагает видение глобального целого как образования, в котором процессы глобализации и локализации разворачиваются одновременно и взаимно необходимы, где глобальное формирует локальное, а локальное – глобальное. Методологии нового универсализма сформировался геопространственный подход, включающий геоисторическую, геополитическую, геокультурную, геоидеологическую, георелигиозную и геоэкономическую парадигмы.

Интерес, проявляемый сегодня в научных исследованиях к геоэкономической парадигме, объясняется, с одной стороны, изменениями в структуре и способах функционирования постиндустриальной экономики, а с другой – наличием таких противоположных тенденций в условиях глокализации, как создание интегрированных макрорегиональных блоков, экономическая регионализация и экономическая ренационализация.

Различные аспекты геоэкономики как атрибута новой мироцелостности и геоэкономической реальности вызывают повышенный интерес у ученых, в том числе и с точки зрения анализа различных геоэкономических концепций, сложившихся в западном и российском научных дискурсах (Дергачев, 2003; Жан, Савона, 1997; Кочетов, 2010; Миньяр-Белоручев, 2009; Неклесса, 2013; Цымбурский, 2003). Однако геоэкономическая парадигма научных исследований в рамках геопространственного подхода еще не стала предметом специального изучения. Поэтому в статье будут рассматриваться особенности геопространственного подхода и специфика геоэкономических парадигмальных оснований, сложившихся в зарубежных и российских научно-исследовательских практиках.

Геопространственный подход, задающий, с одной стороны, приоритетность в постановке научно-исследовательских задач, а с другой – способы их решения, был актуализирован в рамках «пространственного поворота», который произошел в эпистемологии социального познания под влиянием тех вызовов, которые бросает эпоха позднего модерна социальным наукам: в предметном плане – вызова сложности и неопределенности, в методологическом – вызова многообразия когнитивных практик.

Вызов сложности, с которым сталкиваются сегодня социальные науки, состоит в том, что социальные реалии и проблемы в постиндустриальную эпоху становятся все более глобальными и транснациональными, тогда как социальные знания остаются фрагментизированными и разбросанными по различным научным дисциплинам. В силу такой неадекватности в социальном познании постоянно ускользает глобальный контекст, утрачивается целостность, сложность и многомерность изучаемых социальных явлений. Поэтому сегодня социальным наукам необходимы такие подходы познания, которые позволяют, как подчеркивают исследователи, «безбоязненно смотреть в лицо сложности» (Морен, 2004).

Одним из них является геопространственный подход, который сформировался в социальном познании в связи с распространением в нем идей конструктивного реализма. Его представители, преодолевая оппозицию объективного реализма и радикального конструктивизма, исходят из того, что познающий субъект не столько отражает, сколько моделирует социальную реальность в рамках культурно-эпистемологического контекста, но такую реальность, которая в определенной мере соответствует социальной действительности. Поэтому когнитивные модели социальной реальности упрощенно воспроизводят сложный и неопределенный социальный мир, постоянно выпуская из рассмотрения те или иные его аспекты, и за счет этого какие-то стороны моделируемой социальной реальности описывают и объясняют неправильно или противоречиво (Балацкий, 2006).

На Западе о «пространственном повороте» в социальном познании заговорили уже лет 20 назад в рамках различных научных дисциплин, в предметном поле которых соответственно стали выделять историческое, социальное, политическое, экономическое, ментальное и другие виды пространства (Ein interdisziplin res Handbuch, 2010). В России «поворот к пространству» как междисциплинарному научному направлению обозначился сравнительно недавно (Трубина, 2011). Этот поворот, как отмечают исследователи, был связан со стремлением «обрести такую оптику для анализа пространства, которая позволила бы увидеть особенности не только прежних, но и новых образцов социально-пространственных отношений» и изменений, которые дают возможность «говорить о новой архитектонике социального мира» (Бедаш, 2009).

Геопространственный подход как методология интердисциплинарных научных исследований, с одной стороны, возник в результате «вторжения» общественной географии в систему смежных наук, а с другой стороны – в результате ее «территориализации» и «экономизации» (Шарыгин, Столбов, 2006; Дружинин, 2008).

В основе геопространственного подхода лежит методология когнитивного моделирования, результатом которого являются «когнитивные карты» как представления ученых или экспертов о ситуации, в которой локализованы отдельные воспринимаемые объекты, как субъективные картины, имеющие пространственные координаты. Базовым понятием этого подхода выступает геопространство, которое обычно рассматривается как форма и способ существования материальных географических образований и объектов в пределах геOVERCUM как целостности, в которой геообъекты, взаимодействуя между собой, выполняют определенные функции во времени (Краак, Ормелинг, 2005; Шальнев, 1996; Каледин, 2011). Свойствами геопространства, связанного с различными сферами жизнедеятельности людей, являются: 1) протяженность (территория жизнедеятельности людей, включая границы расположения геообъектов), 2) структурность (взаимодействие геообъектов). В связи с этим выделяют глобальное геопространство (геOVERCUM) и локальное геопространство (место жизнедеятельности людей в пределах определенной территории).

Глобальное геопространство в настоящее время является предметом глобалистики как научной дисциплины, в центре внимания которой, как отмечают некоторые геоэкономисты, находится проблема глобальности как контекста

мирового развития и новейшего научного явления, основанного на геологистике, или логике осознания и постижения глобального мира. При этом исследователи отмечают, что при изучении мировой глобальной системы сегодня требуется выход на новый уровень методологии научного исследования. Основой этой методологии может стать «пространственно-философский подход», свидетельствующий о «выходе гуманитарных геопространств (геоэкономики, геостратегии, геополитики, геокультуры, геоинформатики и др.) за глобальные рамки и технологии оперирования в новом пространственном измерении» (Кочетов, 2006).

«В глобалистике, – как отмечает Э.Г. Кочетов, – этот подход «прописан» как «геогенезис», а впитав экономическую составляющую как главенствующую, центральную, «локомотивную» движущую силу глобальности – как геоэкономический подход». В этом плане глобалистика как научная дисциплина акцентирует внимание на том, что «сердцевиной глобального процесса выступает экономическая составляющая (или компонента) – геоэкономика». Геогенезис как пространственное оперирование в глобальном измерении дает возможность, как подчеркивает Э.Г. Кочетов, «не только расчленять мировое пространство на его различные виды, показывать этот процесс в динамике, выявлять иерархический уровень того или иного пространства на определенных исторических отрезках времени, но и соединять их в едином методологическом ключе (в глобальном геоэкономическом атласе мира)... На пороге XXI века в мировой системе геоэкономического пространства, в том числе и геофинансового пространства (как составная часть геоэкономического) занимает господствующее положение в иерархической лестнице стратегического оперирования. Оно вступает в сложнейшие взаимоотношения и взаимодействия с другими пространствами, прежде всего, с геополитическим и военно-стратегическим» (Кочетов, 2013).

В рамках геопространственного подхода предметом изучения являются также локальные геопространства (места жизнедеятельности людей в пределах определенных территорий). При этом изучаются не только те или иные регионы как спатильные области конфликтов и сотрудничества, но и процессы геопространственной регионализации, которая сопровождается созданием нескольких взаимодействующих и конкурирующих интеграционных группировок.

В рамках геопространственного подхода выделяют три варианта создания таких группировок. Первый вариант – это образование экономических интеграционных группировок государствами, расположенными в одном регионе, с целью повышения эффективности экономики за счет унификации законодательства, ликвидации административных ограничений на перемещение товаров, капиталов и рабочей силы, а также полного использования факторов производства. Второй вариант – это создание экономических интеграционных группировок региональными державами, демонстрирующими сопредельным государствам «мягкую силу» и навязывающими им «правила игры», относительно мирными, как политическими, так и экономическими методами (Широков, 2004). Третий вариант, получивший название «треугольника развития» (хотя участников может быть и больше) представляет собой, как отмечают исследователи, новый тип интеграции, складывающийся в пограничных районах нескольких стран в тех случаях, когда масштабы их экономического взаимодействия опережают скорость государственной интеграции (*The world We are Entering: 2000–2050*, 2002).

В целом регионализация одновременно рассматривается, с одной стороны, как порождение глобализации и следствие углубляющегося международного разделения труда, увеличения влияния внешних факторов на производство, требующего выхода его за национальные границы; с другой – как инструмент оптимизации экономики, противодействия негативным последствиям глобализации и поддержания относительного равноправия в мире огромного неравенства потенциалов отдельных стран.

Одной из методологических основ геопространственного подхода является геоэкономическая парадигма как способ постановки и решения определенного класса исследовательских задач, содержание которых обусловлено, прежде всего, представлениями о том, что такое геоэкономика как геопространственная реальность и научная дисциплина.

В зарубежном научном дискурсе понятие «геоэкономика» появилось в начале 90-х гг. прошлого века, благодаря американскому ученому Э.Н. Люттваку, опубликовавшему в 1990 г. статью «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли», в которой он отмечал, что после окончания «холодной войны» соперничество между государствами на международной арене переместилось из сферы мировой политики в сферу мировой экономики. При этом Э.Н. Люттвак подчеркивал, что государствам в новых условиях предстоит бороться на таком поле мировой экономики, важнейшим сегментом которого является транснациональный капитал, геоэкономические цели которого не совпадают с национальными геоэкономическими интересами. Кроме того, он обращал внимание на то, что экономическое соперничество между промышленно развитыми странами отличается от прошлого именно тем, что национальные государства уже не могут прибегать к военной силе как крайнему средству решения экономических разногласий (Luttwak, 1990).

В 1991 г. итальянским генералом К. Жаном была опубликована статья «Геоэкономика: инструментарий, стратегия и тактика». Если Э.Н. Люттвак стремился развести геоэкономiku с геополитикой, то К. Жан считал, что «геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле – и на всей практикологии конфликтных ситуаций» (Carlo, 1991). Представители итальянской школы геоэкономики рассматривали ее как геостратегию и геоэкономическую практику национального государства, выступающего геоэкономической «страной-системой» и отстаивающего национальные интересы (Жан, Савона, 1997. С. 52).

В российском научном дискурсе понятие «геоэкономика» появляется в середине 90-х гг. прошлого века в контексте традиционной геополитики при рассмотрении проблем формирования российского рынка (Григорьев, 1997).

Однако затем в российской науке стали утверждаться такие концепции геоэкономической реальности, которые существенно отличались от западных теоретических построений (Цымбурский, 2008). В частности, некоторые исследователи отмечают, что российские концепции геоэкономики в значительной мере отошли от ее интерпретации в русле идей геополитики и конфликтологии. Геоэкономика в этих концепциях «понимается скорее как пространственная локализация типов экономической деятельности в глобальном контексте и связанная с этим новая формула мирового разделения труда, а также как слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на этой основе системы стратегических (глобальных) взаимодействий» (Некlessа, 2013).

Одна из таких концепций, не связывающих геоэкономику с геополитикой, была разработана Э.Г. Кочетовым, у которого геоэкономика в постиндустриальном мире поглощает геополитику. В рамках глобалистики как геоэкономики он рассматривает современную мирохозяйственную систему как глобальное геоэкономическое пространство, единство которого основано на интернационализации (взаимодействии национальных хозяйств посредством мирового рынка), мондиализации (интеграционно-воспроизводственных связях) и глобализации (взаимодействии глобальной экономики с геоэкологией). Главным элементом единой мирохозяйственной системы является интернационализированный воспроизводственный цикл, звеньями которого выступают наднациональные и национальные экономические субъекты. Интернационализированные части сфер производства и обращения составляют интернационализированное воспроизводственное ядро.

В системе глобального геоэкономического пространства Э.Г. Кочетов выделяет три уровня. *Верхний уровень* включает три зоны: 1) постиндустриального развития (развитые страны Запада, а такжедвигающиеся по этому пути развивающиеся страны, которые ориентируются на техногенную парадигму, разрушающую этнонациональную культурную среду, благоприятную для существования человека); 2) застывшего этнонационального развития (страны, стремящиеся ограничить проникновение техногенной парадигмы и сохранить самобытный этнонациональный путь развития); 3) неоэкономического развития (страны, органично сочетающие техногенную парадигму с особенностями этнонациональной среды). *Второй уровень* включает интернационализированные национальные экономические системы – мощные в экономическом плане «страны-системы» с расширившейся за пределы государственных границ экономикой, интегрировавшей в качестве зависимых элементов более слабые национальные экономики других стран. *Третий уровень* представлен транснациональными воспроизводственными комплексами, объединяющими несколько гигантских транснациональных корпораций (Кочетов, 1994. С. 41–58).

Как отмечают некоторые исследователи, геоэкономика у Э.Г. Кочетова выступает высшей формой конъюнктуроведения, смещающего в национальной внешнеэкономической активности упор с торговли на «воспроизводственную модель». Эта модель предполагает, с одной стороны, сотрудничество по всем звеньям производственно-технологического процесса с другими странами, а с другой – транснационализацию хозяйственной деятельности путем создания через свои ТНК «интернационализированных воспроизводственных ядер» (Цымбурский, 2008). В связи с этим геоэкономика у Э.Г. Кочетова, придающего особое значение геоэкономическим технологиям, выступает, как отмечают исследователи, учением «о технике национального оперирования в геоэкономическом пространстве в целях своевременной перегруппировки сил для выхода на наиболее благоприятные условия формирования и перераспределения мирового дохода» (Дергачев, 2003).

Другая концепция геоэкономики была разработана А.И. Неклессой в виде гексагональной конструкции глобального геоэкономического универсума, впоследствии названная В.Л. Цымбурским «теологией хозяйства» (Цымбурский, 2008). Согласно А.И. Неклессе, геоэкономический универсум характеризуется переходом к глобальному управлению. Это приводит к тому, что «экономика все чаще выполняет управленческие и властные функции, а власть соучаствует в решении экономических задач». Но главное в том, что экономическая практика, имеющая специализированный характер, сегодня является транснациональной и глобальной, хотя и привязана к определенным геопространственным ареалам. В связи с этим произошла, как отмечает А.И. Неклесса, актуализация категории «геоэкономика», фиксирующей, с одной стороны, «слияние политики и экономики, формирование на данной основе системы стратегических взаимодействий», с другой – «пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда в глобальном универсуме».

Для глобального геоэкономического универсума характерно также появление нового фундаментального экономического принципа – «произведено то, что продано», а также сдвигом в экономическом мышлении – от мышления в категориях производства продукта к мышлению в категориях его распределения и получения дохода. При этом А.И. Неклесса отмечает, что перераспределение совокупного мирового дохода в глобальной экономике происходит между геоэкономическими субъектами, которые связаны с такими видами деятельности, как высокие технологии, информационные и финансовые услуги, производство товаров массового спроса, добыча энергетических ресурсов. Поскольку роль этих видов деятельности в процессе глобализации неравноценна, глобальная инфраструктура складывается преимущественно на основе информационных и финансовых услуг, она наиболее благоприятна для экономических субъектов, выступающих здесь в качестве монополистов. Фундаментом такой инфраструктуры является не производство, а распределение и перераспределение ресурсов, доходов и прибыли (*Глобальное сообщество: новая система координат...*, 2000).

Конструируя гексагональную (шестиярусную) модель глобального геоэкономического универсума, А.И. Неклесса пишет, что формирующуюся геоэкономическую конструкцию (геокон) можно представить в виде соподчинения шести ареалов, два из которых являются космополитическими (трансгеопространственными), а четыре имеют геопространственную локализацию.

Трансгеопространственные ареалы – это: 1) «Новый Север» («космос штабной экономики», генетически связанный с Североатлантическим метарегионом, но обладающий собственным трансгеопространственным целеполаганием), геоэкономика которого основана на обладании значительным символическим капиталом, доминированием в принятии властных решений в системе регулирования финансовых операций, оказании высококвалифицированных интеллектуальных и информационных услуг; 2) «Глубокий Юг» как трансгеографическое «теневое» пространство мирового андеграунда, интегрирующее останки несостоявшихся либо обанкротившихся различных форм государственности, а также инволюционные формы социально-экономической практики и глобальной маргинализации, криминальная «трофейная» геоэкономика которого основана на хищническом разграблении ресурсов, наркоторговле, поставках оружия в «горячие точки».

К четырем ареалам, имеющим геопространственную локализацию, А.И. Неклесса относит: 1) Запад (Североатлантический метарегион), геоэкономика которого базируется на производстве высоких технологий, которые затем, с некоторыми ограничениями, тиражируются в других геоэкономических регионах планеты, прежде всего, на просторах Большого тихоокеанского кольца; 2) Новый Восток (Большое тихоокеанское кольцо, протянувшееся от Индии, Юго-Восточной Азии до Латинской Америки), геоэкономика которого связана с массовым промышленным производством, включая наукоемкие и высокотехнологичные товары; 3) «Сырьевой Юг», объединяющий ближневосточный и североафриканский мусульманский мир с «черной» Африкой, геоэкономически ориентированный на производство сырьевых ресурсов; 4) «Северная Евразия» – сухопутный океан евразийского постсоветского геопространства, не обретший еще внятного геоэкономического профиля, ориентирующийся преимущественно на развитие комплекса нефтегазовых, энергетических и транспортно-коммуникационных сетей (Неклесса, 2013).

Рассматривая российские концепции геоэкономики, В.Л. Цымбурский пришел к выводу, что «в отличие от геоэкономики на Западе, заявившей о себе как о новом виде геополитики во утверждение нации-государства в небывалых мировых обстоятельствах, идеологема геоэкономики в России обрела антиэтатистический заряд: за ее антигеополитизмом маячит безгосударственничество». В связи с этим, рассматривая геоэкономiku как ветвь геополитики, В.Л. Цымбурский считал, что главным в прагматике геоэкономики является представление о субъекте геостратегии. Поэтому «из учения о «снятии» государства как субъекта в наблюдаемой мировой ситуации, из орудия демонтажа национального «общего интереса» и «общей пользы» геоэкономiku в России надо переосмыслить в инструментарий национально-государственного самоутверждения» (Цымбурский, 2008).

В связи с разными представлениями о геоэкономике как геопространственной реальности сложились различные подходы к пониманию предмета геоэкономики как научной дисциплины. Один из этих подходов можно назвать государствоцентристским, другой – экономикоцентристским.

В рамках государствоцентристского подхода геоэкономика рассматривается как научная дисциплина, изучающая те аспекты международной конкуренции, где главными действующими лицами выступают не корпорации, тресты или банки, а государства как субъекты единого международного рынка (Жан, 1997). Сторонники этого подхода отмечают, что если в индустриальную эпоху рынков было больше, чем государств, и рынки преимущественно совпадали с государствами, то сейчас существует один-единственный рынок, а число государств постоянно растет. Этим государствам приходится, приспособившись к новым геоэкономическим реалиям, вступать в союзы, поступаться частью своего суверенитета, однако стремление к усилению своей мощи у национальных государств остается прежним.

Однако в постиндустриальном мире представления о мощи государства кардинальным образом изменилось, поэтому этатистская геоэкономика отождествляет могущество государства с его контролем над международными сетями. Это могущество проистекает из способности создавать международные сети (экономические, торговые, информационные) и извлекать из этого прибыль. При этом могуществом обладает тот, кто занимает стратегическое положение в международной сети или совокупности международных сетей и имеет возможность максимально использовать свои преимущества. Если политическая и военная мощь позволяет навязать свою волю, угрожать и наносить удары, то мощь, которая дает контроль над международными сетями, позволяет оказывать давление, склонять на свою сторону, проникать в лагерь противника. В отличие от военно-политической мощи, геоэкономическая мощь, как отмечают исследователи, дает возможность государствам или союзам государств добиваться решения проблем более мягкими средствами. Военная геополитика пространств, доминировавшая в прошлом, сменяется экономической геополитикой сетей и потоков, геоэкономическим сотрудничеством и конкуренцией. В связи с этим геоэкономика часто рассматривается как экономическая геополитика государства, идущая на смену, по крайней мере, в экономических развитых странах, военной геополитике прошлого (Жан, Савона, 1997).

В рамках экономикоцентристского подхода геоэкономика рассматривается некоторыми исследователями как научная дисциплина, изучающая: 1) географический императив, выражающийся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности; 2) «мощь и ее актуальный инструментарий», происходящий сдвиг международных силовых игр из области военно-политической в область экономическую – сдвиг, порождающий особый тип конфликтов – геоэкономические коллизии в глобальном контексте; 3) политику и стратегию повышения конкурентоспособности государства в условиях глобализации экономики (унификации и поглощения мировой экономики «всемирным рынком», ее новой структурности); 4) пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) в новом глобальном универсуме различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда; 5) слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления (Неклесса, 2013).

В наиболее завершенной форме экономикоцентристский подход реализовался в работах Э.Г. Кочетова, который, рассматривая геоэкономику как важнейшую часть глобалистики, считает, что «мир постепенно расстается с государственно-центристским подходом к изучению мировой системы и переходит на новый методологический прием – геоэкономический». Сегодня это, как считает Э.Г. Кочетов, имеет особую практическую значимость. «Кто осмыслит целевые установки глобалистики и геоэкономики и усвоит новые методологические приемы (геогенезис и геоэкономический подход), тот, – как отмечает автор, – смело может приступить к ситуационному оперированию на глобальном геоэкономическом атласе мира, позволяющему выполнять функции глобального предпринимателя в борьбе за мировой доход, крупного игрока на мировой арене, который понимает поведение трансграничных экономических и финансовых потоков и оснащен высокими геоэкономическими и геофинансовыми технологиями». В центре внимания геоэкономики как научного направления глобалистики находятся геоэкономический и геофинансовый мир, а также «*homo geoeconomicus*» как носитель глобального этоса, владеющий новым методом познания окружающего мира.

В структуре глобалистики как геоэкономики Э.Г. Кочетов выделяет несколько приоритетных блоков научных исследований: 1) философский блок, направленный на понимание формирующейся новой глобальной общности; 2) гносеологический блок, связанный с проблемами ее постижения на основе квадрантики геогенезиса (геоэкономического подхода) как новой методологической основы для понимания архитектуры глобального мира; 3) блок центральных векторов (приоритетов) глобального развития, раскрывающий суть глобалистики на фоне широкой геоэкономической и геофинансовой панорамы; 4) блок стратегии оперирования и технологий принятия стратегических решений, дающий общий контур построения пространственной модели глобализирующегося мира как его геоэкономического атласа, раскрывающий возможности этого атласа как объемного поля для принятия равновесных стратегических решений; 5) блок глобального менеджмента и глобального предпринимательства, разрабатывающий основные критерии формирования организационно-функциональных и управленческих структур, дающий новые принципы их построения – модульное «проектирование» оргструктур и прогнозирование их появления и поведения в потоково-сетевых институциональных моделях обустройства современного глобального мира; 6) цивилизационный блок, изучающий проблемы трансформации геоэкономического пространства (а, следовательно, и глобального мира) под воздействием цивилизационного фактора, намечая выход в неоекономику, идущую на смену техногенному (постиндустриальному) миру; 7) геофинансовый блок, рассматривающий геоэкономическую природу трансграничных финансовых потоков, раскрывающий новейшие тенденции в их развитии (финансовый дуализм, виртуальные потоки и др.); 8) блок безопасности в условиях глобальных перемен, обосновывающий пересмотр всей системы военно-политических взглядов на проблему безопасности, раскрывающий ее геоэкономический контекст; 9) блок российского стратегического «хода», посвященный проблемам выработки национальной доктрины оперирования России в глобализирующемся мире (новых глобальных геоэкономических и геофинансовых условиях), оформляющий приоритеты в геоэкономической, геополитической и геостратегической сферах, обосновывающий выход на геоэкономическую модель «Россия – геоэкономическая интернационализованная страна-система»; 10) блок ключевых научных понятий: геогенезис, геоэкономика, геофинансы, блуждающие интернационализованные воспроизводственные ядра, экономические границы, мировой доход, геоэкономический атлас, высокие геоэкономические и геофинансовые технологии, геоэкономические войны и геоэкономический трибунал, тезаврация геофинансовая система, финансовый дуализм и т. д. (Кочетов, 2013).

Таким образом, в западном научном дискурсе одни исследователи считают, что с окончанием «холодной войны» закончилась и эпоха геополитики. Другие, обращая внимание на сохраняющуюся связь между геополитикой и геоэкономикой, акцентируют внимание на том, что в отличие от классической геополитики международные конфликты сегодня разрешаются с помощью не военно-политических, а экономических методов. Общим для зарубежного дискурса о геоэкономике является доминирование представлений об этатистском характере геоэкономической парадигмы научных исследований.

В российском научном дискурсе сложились различные представления о геоэкономической парадигме научных исследований. Одни ученые, ориентируясь на западноевропейские научные традиции, рассматривают геоэкономику как новейшую форму геополитики и предлагают этатистскую (государствоцентристскую) модель геоэкономической парадигмы. Другие исследователи считают, что в постиндустриальную эпоху геоэкономика поглощает геополитику и предлагают антиэтатистскую (экономикоцентристскую) модель геоэкономической парадигмы. Некоторые отечественные исследователи в рамках геопро пространственного подхода отмечают, что прогноз Э.Н. Люттвака относительно «конца эпохи геополитики» в связи с сокращением «важности военной силы в мировых делах» не оправдался, и поэтому нет оснований утверждать, что после «холодной войны» геоэкономика пришла на смену геополитике. Но при этом нет также и оснований рассматривать геоэкономику как нечто вторичное по отношению к геополитике. Геополитика и геоэкономика, считают они, описывают одни и те же реалии геопро пространственного взаимоотношения государств, различие проявляется в том, какие аспекты этих взаимоотношений – политические и экономические соответственно – находятся в сфере их интересов (Миньяр-Белоручев, 2009).

ЛИТЕРАТУРА

- Балацкий Е.В. (2006). Диалектика познания и новая парадигма экономической науки // *Мировая экономика и международные отношения*. № 7. С. 73–79.
- Бедаш Ю. (2009). Пространство как проблема постметафизической философии // *Топос. Философско-культурологический журнал*. № 1(21). С. 106.

Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) (2000) / Под ред. А.И. Неклессы. СПб.: Алетейа.

Григорьев О.В. (1997). От внутренней геополитики к внутренней геоэкономике современной России // *Бизнес и общество*. № 1.

Дергачев В.А. (2003). Глобальная геоэкономика (трансформация мирового экономического пространства). Доступно на: <http://www.dergachev.ru/book-8/01.html>.

Дружинин А.Г. (2008). Российская общественная география начала XXI века: старые проблемы, новые вызовы // *Экономико-географический вестник Южного федерального университета*. № 5. С. 3–9. Доступно на: <http://www.ttu.rushkolnik.ru/docs/8802/index-525354.html>.

Жан К. (1997). Геоэкономика: теоретические аспекты, методы, стратегия и техника // *Русский архипелаг*. Доступно на: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/geoeconomics/theoretical-aspect/>.

Жан К., Савона П. (1997). Геоэкономика, господство экономического пространства. М.: Ad Marginem.

Каледин Н.В. (2011). Геопространство: новые возможности теоретизации в географии // *Социально-экономическая география–2011: теория и практика: материалы международной научной конференции «Социально-экономическая география: фундаментальные и прикладные исследования»* / Под ред. А.Г. Дружинина, Г.М. Федорова, В.Е. Шувалова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. С. 23–29.

Кочетов Э.Г. (2010). Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: Учеб. для вузов. М.: Норма.

Кочетов Э. (2006). Начало XXI века: интеллект в поисках нового знания – глобалистика и геоэкономика как научные и образовательные дисциплины. Доступно на: <http://www.civilg8.ru/6837.php>.

Кочетов Э. (1994). Геоэкономика и внешнеэкономическая стратегия России // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 41–58.

Кочетов Э. (2013). Геоэкономика и глобалистика (новый класс гуманитарных дисциплин и их общественное значение в выстраиваемой модели безопасного развития). Доступно на: <http://www.textedu.ru/docs/1290/index-262491.html>.

Краак М.-Я., Ормелинг Ф. (2005). Картография: визуализация геопространственных данных. М.: Научный мир, С. 287–294.

Миньяр-Белоручев К.В. (2009). Геоэкономика в контексте глобализации: достижения и перспективы // *Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания*. Вып. 2. М. С. 284–296.

Морен Э. (2004). Принципы познания сложного в науке XXI века // *Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире*. М. С. 10–16.

Неклесса А. (2013). Геоэкономическая формула мироустройства // *Развитие и экономика*. № 7. Доступно на: <http://www.devec.ru/almanah/7.html?start=12>.

Трубина Е.Г. (2011). Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. № 4. Доступно на: <http://www.polit-concept.sfedu.ru/>. Цымбурский В. (2003). Русские и геоэкономика // *Pro et contra*. Т. 8. № 2. С. 178–216.

Цымбурский В. (2008). Русские и геоэкономика. Доступно на: <http://mondialism.narod.ru/strategy/geoeconomics.htm>.

Шальнев В.А. (1996). Геопространство и геопространственный подход // *Вестник Ставропольского государственного университета. Естественные науки*. Вып. 6. С. 15–19.

Шарыгин М.Д., Столбов В.А. (2006). Тенденции становления отечественной общественной географии: теоретико-методологические аспекты // *Географический вестник*. Пермь. № 2(4). С. 5. Доступно на: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-stanovleniya-otechestvennoy-obschestvennoy-geografii-teoretiko-metodologicheskie-aspekty>.

Широков Г.К. (2004). Регионализация: новые тенденции мирового развития на рубеже XX и XXI веков // *Новая и новейшая история*. № 4. С. 56–57.

The world We are Entering: 2000–2050 (2002). Ed. by J. Wallerstein and A. Clesse. Amsterdam: Dutch UP, p. 72.

Carlo J. (1991). Geoeconomia: strumenti, strategie e tattiche. *Informazioni della Difesa*, no. 1. p. 43–54.

Ein interdisziplinäres Handbuch (2010). hg. S. Günzel. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler.

Luttwak E.N. (1990). From geopolitics to geoeconomics: Logic of conflict grammar of commerce. *The National Interest*, no. 20, p. 17–24.

REFERENCES

Balatsky E.V. (2006). Dialectics of knowledge and a new paradigm of economic science. *World Economy and International Relations*, no. 7, pp. 73–79. (In Russian.)

Bedash Yu. (2009). Space as a problem postmetaphysical philosophy. *Topos. Philosophical and Cultural Journal*, no. 1(21), pp. 106. (In Russian.)

Carlo J. (1991). Geoeconomia: strumenti, strategie e tattiche. *Informazioni della Difesa*, no. 1, p. 43–54.

Dergachyov V.A. (2003). Global geo-economics (the transformation of the world economic space). Available at: <http://www.dergachev.ru/book-8/01.html>. (In Russian.)

Druginyan A.G. (2008). Russian social geography of the beginning of the XXI century: old problems, new challenges. *Economic and geographic Gazette Southern Federal University*, no. 5. pp. 3–9. Available at: <http://www.ttu.rushkolnik.ru/docs/8802/index-525354.html>. (In Russian.)

- Ein interdisziplinäres Handbuch. (2010). Hg. S.Günzel. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler.
- Global community: the new coordinate system (approaches to the problem) (2000). Ed. A.I. Neklessa. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian.)
- Grigoriev O.V. (1997). From internal geopolitics to geo-economics inside modern Russia. *Business and Society*, no. 1. (In Russian.)
- Jean K. (1997). Geo-economics: theoretical aspects, techniques, strategy and technique. Russian archipelago. Available at: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/geoeconomics/theoretical-aspect/>. (In Russian.)
- Jean K., Savona P. (1997). Geo-economics, economic domination of space. M.: Ad Marginem. (In Russian.)
- Kaledin N.V. (2011). Geospatial: new possibilities of theorizing in geography. Socio-economic geography 2011: theory and practice: proceedings of the international scientific conference «Social and economic geography: fundamental and applied research». ed. A.G. Druzhinin, G.M. Fedorov, V.E. Shuvalov. Kaliningrad Univ BFU. Kant, pp. 23–29. (In Russian.)
- Kochetov E.G. (2010). Geo-economics. Exploration of the world economic space: Textbook for universities. Moscow: Norma. (In Russian.)
- Kochetov E. (2006). Beginning of the XXI century: intelligence in search of new knowledge – global studies and geo-economics as a scientific and educational discipline. Available at: <http://www.civilg8.ru/6837.php>. (In Russian.)
- Kochetov E. (1994). Geo-economics and foreign economic strategy of Russia. *World Economy and International Relations*, no. 11, pp. 41–58. (In Russian.)
- Kochetov E. (2013). Geo-economics and global studies (a new class of humanities and social significance in the development of secure arrayed model). Available at: <http://www.textedu.ru/docs/1290/index-262491.html>. (In Russian.)
- Kraak M.-YA., Ormeling F. (2005). Cartography: visualization of geospatial data. *Scientific World*, pp. 287–294. (In Russian.)
- Luttwak E.N. (1990). From geopolitics to geoeconomics: Logic of conflict grammar of commerce. *The National Interest*, no. 20, pp. 17–24.
- Mignard-Beloruchev K.V. (2009). Geo-economics in the context of globalization: achievements and prospects. *Global Studies as a field of research and the world of teaching*. MY. 2. M., P. 284–296. (In Russian.)
- Morin E. (2004). Principles of knowledge in science complex XXI century. Call cognition: Development Strategy science in the modern world. M., P. 10–16. (In Russian.)
- Neklessa A. (2013). Geo-economic world order formula. *Development and Economy*, no. 7. Available at: <http://www.devec.ru/almanah/7.html?start=12>. (In Russian.)
- Shalnev V.A. (1996). Geospatial and Geospatial approach. *Bulletin of the Stavropol State University. Natural sciences*, no. 6, pp. 15–19. (In Russian.)
- Sharygin M.D., Stolbov V.A. (2006). Tendencies of domestic social geography : theoretical and methodological aspects. *Geographical Bulletin*. Perm, no. 2(4), p. 5. Available at: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-stanovleniya-otechestvennoy-obschestvennoy-geografii-teoretiko-metodologicheskie-aspekty>. (In Russian.)
- Shirokov G.K. (2004). Regionalization: new trends in world development at the turn of the XX and XXI centuries. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 56–57. (In Russian.)
- The world We are Entering: 2000–2050 (2002). Ed. by J. Wallerstein and A. Clesse. Amsterdam: Dutch UP, P. 72. (In Russian.)
- Trubina E.G. (2011). Turn to the space: an interdisciplinary movement and complexity of its popularization. *Political Conceptology: Journal metadistsiplinarnykh research*, no. 4. Available at: <http://www.politconcept.sfedu.ru/> (In Russian.)
- Tsybursky V. (2003). Russian and geo-economics. *Pro et contra*, vol. 8, no. 2, pp. 178–216. (In Russian.)
- Tsybursky V. (2008). Russian and geo-economics. Available at: <http://mondialism.narod.ru/strategy/geoeconomics.htm>. (In Russian.)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

ВОЛЬЧИК В.В.,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

КРИВОШЕЕВА-МЕДЯНЦЕВА Д.Д.,

бакалавр экономики, магистрант,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: medyantsevad@mail.ru

В данной работе процесс модернизации понимается как система институциональных изменений, инициированных группами специальных интересов. Предпринимается попытка проанализировать институциональные изменения в экономике с позиций синтеза методологии оригинальной и новой институциональной экономической теории. Особое внимание уделяется концептам социальных ценностей, групп интересов, социального капитала и доверия. В качестве ограничений осуществления модернизации выступают институциональная неразвитость, дефицит доверия, действия групп специальных интересов и церемониальное доминирование. Степень влияния церемониальных ценностей на экономические процессы и качество социального капитала детерминируют возможности экономического развития страны. В статье также исследуются проблемы формирования ценностей в сфере образования.

Ключевые слова: модернизация; институциональные изменения; социальные ценности; институциональная экономика; образование.

INSTITUTIONAL CIRCUMSTANCES FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

VOLCHIK V.V.,

Doctor of economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

KRIVOSHEEVA-MEDYANTSEVA D.D.,

Bachelor in economics, Master student,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: medyantsevad@mail.ru

In this paper, the process of modernization is considered in the context of institutional change which is generated by special interest groups. We have made an attempt to analyze the institutional change in the Russian economy synthesizing original and new methodologies of institutional economics. A great deal of attention has been paid to the concepts of social values, interest groups, social capital and trust. We assume that the hurdles to modernization are institutional underdevelopment, the deficit of trust, the influence of special interest groups and ceremonial dominance. The degree to which the ceremonial values of the community inhibit various economic processes as well as the quality and quantity of social capital determine the opportunities for economic development of the country. Furthermore, the problems of values formation in the realm of education have been addressed in the article.

Keywords: modernization; institutional change; social values; institutional economics, education.

JEL classification: B52, I28, Z13.

Модернизация экономики – это нелинейный, сложный и многогранный процесс, который затрагивает все сферы общественной жизни. В контексте настоящей работы делается акцент на институциональных условиях модернизации, поэтому процесс модернизации в России можно понимать как систему институциональных изменений, которые продуцируют группы специальных интересов, наделенные значительной властью или оказывающие влияние на власть. В качестве ограничений осуществления модернизации выступают: институциональная неразвитость, тиражирующая формирование гибридных неэффективных институциональных структур и соответствующей им среды, дефицит доверия в экономике, действия групп специальных интересов и неэффективность государственного управления (Вольчик, Кот, 2013. С. 38). Мы, используя метод абдукции, предлагаем объяснительную гипотезу (Майровски, 2013. С. 90), которая заключается в следующем: группы интересов как институциональные инноваторы будут проводить определенную политику в стране (например, политику модернизации), посредством изменения и формирования доминирующих ценностей в контексте эволюционно сформировавшихся поведенческих паттернов. В данной статье категории «ценности» (values) отводится особое место; основываясь на работах Буша, мы анализируем процесс институциональных изменений в российском обществе в концептуальных рамках оригинальной (старой) институциональной экономики (Bush, 1987. P. 1078–1102). Анализируя проблемы институциональных изменений в обществе, мы также обращались к работам неинституционалистов Д. Норта и Дж. Уоллиса (North, Wallis, 1986), (Норт, 2010), (Wallis, 2011. P. 60) в русле методологического синтеза в современном институционализме.

Важным для понимания процесса модернизации как варианта институциональных изменений является тот факт, что модернизация не обязательно приводит к образованию эффективных институциональных структур. Более того, модернизация может привести к замене сравнительно эффективных институтов неэффективными. Этот тезис прекрасно иллюстрируют примеры из экономической истории (Латов, 2004). Поскольку политические процессы, в ходе которых формируются группы со всеохватывающими интересами, являются скорее исключением, чем правилом для порядков с ограниченным доступом (естественных государств), зачастую процессы модернизации инициируются просвещенными автократами, которым удается сплотить элиты вокруг целей модернизации и нейтрализовать сопротивление консервативных групп специальных интересов (Вольчик, Кот, 2013. С. 37).

На сегодняшний день вопрос о том, почему институты гражданского общества будут более развитыми в одних странах, нежели в других, является одним из самых обсуждаемых в мировом научном сообществе. Конечно, богатые страны с большей долей вероятности смогут похвастаться развитыми демократическими институтами, однако, не во всех государствах, где наблюдается стремительный экономический рост и где уровень экономического развития достаточно высок, общество будет демократическим.

Гражданское общество может быть сформировано только в том случае, если процесс экономического развития будет сопровождаться изменениями в человеческих ценностях, убеждениях и моделях поведения. Экономическое развитие, технологии и инновации, в свою очередь, способствуют укреплению демократии, поскольку влекут определенные социокультурные изменения, которые неизбежно влияют на действия индивидов, их цели и поведение. Эту идею развивали и поддерживали Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, а также Р. Инглехарт и К. Вельзел (Inglehart, Welzel, 2009. P. 33–41), (Inglehart, Welzel, 2010. P. 551–555), в работах которых исследования экономического развития осуществляются с учетом институциональных и ценностных факторов. Асемоглу и Робинсон (Асемоглу, Джонсон, Робинсон 2006. P. 180–247) предприняли попытку понять – экономическое ли развитие способствует развитию демократических институтов, или эффективность последних будет определять возможности экономики той или иной страны. В итоге, они показали, что обе причинные взаимосвязности не будут в полной мере правильными, поскольку и экономическое развитие, и эффективность институтов гражданского общества определяются историческими, культурными ценностями и институциональным прошлым каждого отдельного государства. Таким образом, именно социокультурные и институциональные факторы будут детерминировать экономические возможности страны.

Одним из важнейших теоретических концептов является наличествующий уровень доверия в обществе и тесно с ним коррелирующий уровень социального капитала. Теоретической основой исследования социального капитала послужили работы Ф. Фукуямы и А. Селигмена (Фукуяма, 2004), (Селигмен, 2002).

Согласно теории институциональных изменений Пола Буша, общество понимается как набор институциональных систем, состоящий, в свою очередь, из институтов. Институты представляют собой системы социально устоявшихся, укорененных моделей поведения. Модели поведения при этом могут рассматриваться как некоторые связанные посредством ценностей действия. Ценности связывают действия внутри поведенческих моделей и объединяют сами поведенческие модели в некоторую институциональную систему. Разделение ценностей на церемониальные и инструментальные является ключевым в теории П. Буша (Bush, 1987. P. 1078–1080).

Церемониальные ценности базируются на различиях между индивидами, в силу того или иного статуса, привилегий и укоренившейся системы отношений, основанной на принципе «хозяин-слуга». Церемониальные ценности обращаются к мифам и традициям, сложившимся в обществе. Инструментальные ценности, напротив, направлены на решение конкретных проблем общества, посредством расширения запаса знаний, что позволяет, используя новые технологии и инновации, добиться прогрессивных институциональных изменений (Bush, 1987. P. 1079–1080), (Вольчик, Ширяев, 2013. С. 150–153).

Институциональные изменения в России протекают чрезвычайно быстро, но возникает закономерный вопрос, всегда ли эти изменения способствуют росту в экономике и других сферах общественной жизни. Как было описано выше, процесс институциональных изменений можно считать «прогрессивным» лишь в том случае, если общество руководствуется инструментальными ценностями, способствующими накоплению «запаса знаний» (Bush, 1987. P. 1100–1102), (Вольчик, Ширяев, 2013. С. 152–155).

На сегодняшний день волной преобразований захлестнуло сферу образования, существует список «приоритетных» специальностей, численность студентов тех или иных направлений регулируется сверху, сокращается количество бюджетных и коммерческих мест в вузах, однако, вряд ли сокращение людей с высшим образованием приведет к увеличению «запаса знаний». Более того, в обществе, где не развито образование, будут доминировать церемониальные ценности. Уровень образования находится в обратной зависимости от архаичных ценностей, социального капитала и институтов. Теоретически, институциональные изменения в структуре ценностей отражаются в институциональном контексте церемониального доминирования, которое в свою очередь отражает большее распространение церемониальных ценностей по сравнению с инструментальными. На практике это означает, что доминирование и навязывание традиционных (церемониальных) ценностей препятствует эффективным институциональным изменениям. Пол Буш отмечает, что часто существующая в обществе институциональная структура не способна поддерживать жизненные процессы общества и обеспечивать инструментально обусловленное знание, поэтому проводимая социально-экономическая политика не должна способствовать насаждению мифов и церемониальных ценностей (*Bush, 1987. P. 1091*).

Итак, если общества не руководствуются инструментальными ценностями, на передний план выходит проблема церемониального доминирования, проявляющаяся в следовании широкому спектру верований и традиционных убеждений, которые замещают инструментальные ценности. Следует также принимать во внимание тот факт, что ценности могут быть навязаны членам общества сверху, влиятельными группами интересов, которые, во-первых, обладают большей информацией и возможностями, во-вторых, имеют ресурсы влияния на других индивидов. Реализация мер экономической политики, в том числе направленных на модернизацию, зависит от политической воли элит, доминирующих в том или ином социальном порядке.

Характер знаний и навыков, которыми в основной массе обладает население, будет способствовать более успешному развитию одних отраслей экономики по сравнению с другими, что, в свою очередь, предопределяет возможности и векторы экономического развития страны. Государства заинтересованы в формировании у своих граждан интенций получать то или иное образование. Так, например, правительство Сингапура на протяжении долгого времени поддерживает образование в сфере естественных наук, технологий и инжиниринга (45% студентов высших учебных заведений в стране получают образование в рамках данных специальностей). Власти Кубы, где 23% студентов-медиков, поощряют получение их гражданами медицинского образования, с тем, чтобы улучшать здоровье нации. Государство заинтересовано в том, чтобы определять образовательный контент, который потребляют граждане страны, поскольку от того, какое образование получает население, прямо и косвенно зависит качество и стабильность политических и социальных институтов. Причем ценности и убеждения, транслируемые в процессе образования, могут как поддерживать существующий государственный строй, так и угрожать ему. Поэтому, если правительство оценивает экономические изменения, связанные с образовательным прогрессом и инновациями в отдельных областях как опасные для себя, оно будет всячески тормозить инвестиции в приобретение населением новых знаний и навыков, пусть это и будет иметь негативные последствия для экономического развития. Таким образом, характер приобретаемого населением образования будет в значительной степени определять возможности экономического развития государства, более того, правительства играют главную роль в формировании стимулов, связанных с приобретением тех или иных навыков. Несмотря на то, что правящие элиты могут ликвидировать провалы рынка, из-за которых частные инвестиции в образование субоптимальны, они также, преследуя собственные интересы, связанные с удержанием власти, могут сдерживать распространение образования в обществе (*Cantoni, Yuchtman. 2013. P. 234–238*).

Размышления над проблемами высшего образования в России легли в основу исследования, в рамках которого был проведен опрос 80 человек, которым было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Можете ли Вы сказать, что в России переизбыток людей с высшим образованием?
2. Считаете ли Вы, что в нашей стране слишком много юристов и экономистов?
3. Вашим детям необходимо высшее образование?

Необходимо отметить, что среди респондентов были в основном люди с высшим образованием, в возрасте от 23 до 55 лет. Результаты опроса отображены в трех диаграммах ниже.

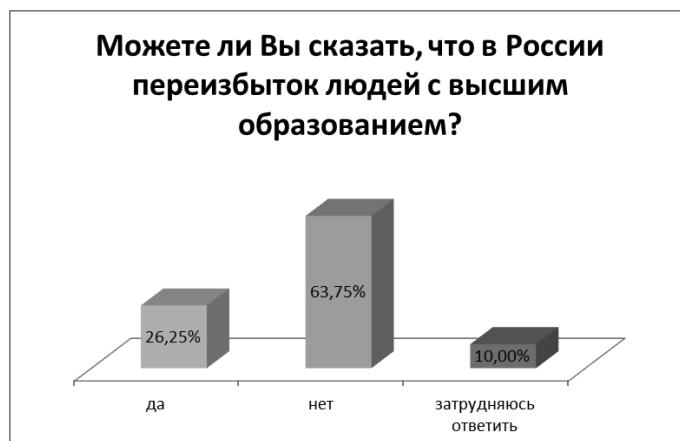

Рис. 1

Рис. 2

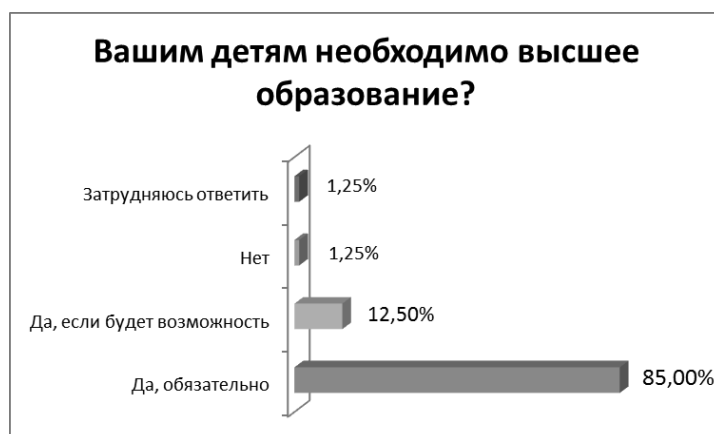

Рис. 3

Особое внимание хотелось бы уделить второй и третьей диаграммам (рис. 2 и 3). На второй вопрос большинство респондентов ответили согласно чрезвычайно популярному и активно транслируемому в средствах массовой информации тезису, что в нашей стране переизбыток людей с юридическим и экономическим образованием. Это, в общем-то, подтверждает тот факт, что насаждение определенных убеждений со связанными с ними ценностями имеет место быть, причем, если респонденту был задан дополнительный вопрос «Почему Вы так думаете?», ответ был предельно прост: «Так говорят»... Данная точка зрения чаще всего опирается на распространенный тезис о том, что высшее образование должно ориентироваться на потребности рынка труда. Однако сами потребности рынка труда и принятие решений о приоритетах направлений профессиональной подготовки разнесены во времени на 4–6 лет. Поскольку спрос на образовательные услуги имеет рыночную природу, он является отражением того неявного рыночного знания (Хайек, 2000), (Вольчик, 2011. С. 19–20), которое распределено в социуме. И если система образования будет производить, например, избыточное количество экономистов и юристов, то данные диспропорции могут при детальном анализе быть связаны не столько с неэффективностью образовательного планирования, сколько просто с временными тенденциями развития общества.

Таким образом, в российском общественно-политическом дискурсе широко распространено мнение о том, что существует значительный избыток учреждений высшего образования и, следовательно, подготавливается избыточное количество лиц высшей квалификации. Тем не менее, согласно статистическим данным (табл. 1), начиная с 2008 г. количество студентов как в государственных, так и в частных учебных заведениях постоянно падает и, соответственно, избыток высшего образования представляется далеко не очевидным, более того, динамика российских показателей показывает, что отечественная система образования устойчиво движется в направлении, противоположном мировым трендам на повышение доли населения, включенным в системы высшей школы. Согласно данным табл. 2, в СНГ, ЕС, Азии и Америке есть страны, в которых показатели численности студентов на 1 000 чел. населения не только не ниже, а выше российской численности студентов. Более того, если учитывать данные табл. 2, численность студентов образовательных учреждений высшего образования на 1 000 чел. составляет 61. Исходя из этого показателя Россия уступает по количеству студентов уже не только США, но и многим европейским странам. Таким образом, современная отечественная система высшего образования характеризуется не избытком студентов, по сравнению с развитыми странами, а наоборот, их относительным недостатком, исходя из социально-экономических реалий развития развитых национальных экономик. Между тем результаты проведенного опроса свидетельствуют о присутствии мифов относительно существующего положения дел. Наличие таких мифов в сфере образования может быть причиной несоответствия интенций акторов и реальных тенденций развития системы высшего образования.

И, наконец, обратимся к третьей диаграмме (рис. 3). Почти все респонденты убеждены, что их детям нужно высшее образование, однако, обратившись к первому вопросу, мы понимаем, что более четверти опрошенных в то же время придерживаются мнения о том, что людей с высшим образованием переизбыток. Хотя ответы и противоречивы, можно отметить, что осознание ценности высшего образования, по крайней мере, для будущего поколения, сидит в умах наших сограждан достаточно прочно.

Таблица 1

Образовательные учреждения высшего профессионального образования (на начало учебного года)¹

Вузы	1993/94	2000/01	2005/06	2007/08	2008/09	2009/10	2010/11	2011/12	2012/13
Число образовательных учреждений – всего	626	965	1068	1108	1134	1114	1115	1080	1046
в том числе:									
государственных и муниципальных	548	607	655	658	660	662	653	634	609
негосударственных	78	358	413	450	474	452	462	446	437
Численность студентов – всего, тыс. чел.	2613	4741	7064	7461	7513	7419	7050	6490	6074
в том числе в образовательных учреждениях:									
государственных и муниципальных	2543	4271	5985	6208	6215	6136	5849	5454	5144
негосударственных	70	471	1079	1253	1298	1283	1201	1036	930

Таблица 2

Численность студентов² (на 1 000 чел. населения)³

Страны	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Россия⁴	49	68	70	69	68	65	61
Страны СНГ							
Армения	28	40	45	46	45	43	43
Беларусь	44	56	60	61	63	65	65
Казахстан	41	77	78	72	69	68	68
Киргизия	44	52	56	55	57	57	59
Украина	40	58	61	61	57	55	51
Страны ЕС							
из них:							
Австрия	33	30	32	34	37	...	...
Болгария	33	31	34	35	37	39	...
Венгрия	30	44	43	42	40	...	...
Дания	36	43	43	42	43	...	...
Испания	46	42	40	40	40	...	...
Литва	35	58	60	62	64	61	...
Нидерланды	31	35	36	37	38	...	...
Польша	42	56	57	57	57	...	...
Румыния	21	34	43	49	52	47	...
Соединенное Королевство (Великобритания)	35	38	39	39	40	...	...
Финляндия	53	59	59	59	56	57	...
Франция	35	36	36	35	35	...	...
Швеция	39	48	46	45	46	49	...
Другие страны							
из них:							
Австралия	45	51	52	53	56	58	...
Индия	9	11	13	15	16	17	...
Китай	6	16	19	20	22	23	...

¹ Россия в цифрах: 2013 (2013). Росстат, М.: Росстат.

² Студенты высших учебных заведений и учреждений послевузовского образования. По России за 2005–2010 гг. показатели рассчитаны с использованием численности населения, пересчитанной с учетом итогов ВВП–2010.

³ Российский статистический ежегодник. 2012 (2012). Росстат, Москва, М.: Росстат. С. 741.

⁴ В России и странах СНГ студенты средних профессиональных и высших учебных заведений, аспиранты и докторанты.

Окончание табл. 2

Страны	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Мексика	20	23	24	24	25	26	...
Новая Зеландия	45	59	58	58	62	62	...
Норвегия	43	47	46	45	46	47	...
Республика Корея	66	69	68	68	68	69	...
США	47	59	60	61	63	67	...

Даже в современных условиях религиозность и секуляризация продолжают оказывать заметное влияние на формирование социальных ценностей. Усиление влияния религиозности детерминирует процессы по вытеснению инструментальных ценностей церемониальными, что негативно влияет на модернизацию институциональной системы хозяйственного порядка. В работах К. Вельзела и Р. Инглехарта представленная система ценностей несколько отличается от церемониально-инструментарной дихотомии П. Буша, однако, можно без труда выделить сходства. Вельзел и Инглехарт оперируют следующими понятиями: ценности традиционные, противоположностью которых являются секулярно-рациональные (Traditional vs. Secular-rational values), и ценности выживания против ценностей самовыражения (Survival vs. Self-Expression values) (Inglehart, Welzel, 2010. P. 552–555). Первая группа ценностей, традиционные секулярно-рациональные, тесно соотносится с пониманием традиционных и инструментальных ценностей у П. Буша; интерес представляет вторая группа. Авторы пишут, что если в отдельно взятой стране люди думают о том, чтобы выжить, следовательно, руководствуются ценностями выживания, у них не будет возможности развивать институты гражданского общества и отстаивать свою позицию. В то же время в странах, где индивид всегда найдет средства для своего существования и возможности прокормить семью, стремление отстаивать свои позиции и связанные с ним ценности и убеждения будут способствовать демократизации и существованию эффективных институтов гражданского общества. Не существует единого мнения по поводу того, какое оно – демократическое государство и общество, – но в любом случае неотъемлемым принципом демократии является коллективный процесс принятия решений, который невозможен без доверия и эффективных институтов. Для того чтобы институты гражданского общества страны можно было назвать эффективными, люди, живущие в ней, должны принимать непосредственное участие в разнообразных процессах общественной жизни. В России, согласно многочисленным опросам общественного мнения, большинство людей считают, что от них ничего не зависит⁵. К сожалению, можно констатировать, что в нашей стране низкий уровень гражданственности, и, как следствие, не принято самостоятельно отстаивать свою позицию.

Примечательно, что авторы (Вельзел и Инглехарт) связывают наличие высшего образования у индивида с его убеждениями; так, согласно исследованию (см. рис. 4), в большинстве стран, в том числе в России, люди с высшим образованием будут руководствоваться секулярно-рациональными ценностями, и их стремление к самовыражению и отстаиванию своих интересов также будет выше. Таким образом, уровень образования – это один из важнейших факторов, определяющих степень развитости и эффективности институтов гражданского общества, а также то, руководствуются ли индивиды инструментальными (секулярно-рациональными) ценностями при принятии решений, что и будет залогом наличия или отсутствия в стране прогрессивных институциональных изменений, успешности или провала модернизации, возможности или невозможности инновационного развития.

Экономическое развитие любой страны есть процесс сложный и многогранный. Дуглас Норт писал о том, что нет готового рецепта по обеспечению экономического развития. Более того, никакая экономическая модель не в состоянии учесть всех тонкостей экономического роста в конкретном обществе. И если источники роста производительности хорошо известны, то процесс экономического развития и экономического роста варьируется в зависимости от общества, отражая особенности культуры, географических и экономических условий и, в наибольшей степени, особенности наличествующей институциональной структуры (Норт, 2010. С. 237). В том случае, если политические и экономические институты эффективны, можно говорить о стабильности в государстве, при этом создаются стимулы для обеспечения процветания страны, т. е. устойчивого экономического развития. Мы можем говорить об эффективности институтов преимущественно в эволюционной перспективе, как способствующих или препятствующих разворачиванию повторяющихся социальных взаимодействий в обществе, и в частности рыночных обменов или трансакций в экономике (Вольчик, 2002). При этом эффективность институтов может быть достигнута лишь в том случае, если люди им доверяют и могут не беспокоиться, например, за безопасность своих прав или справедливость судебных решений (Aseoglu, Robinson, 2012. P. 116). Если группы стабильные и успешные, то институты существуют долго, и в неизменном виде (Вольчик, 2011. С. 17). Однако институты не всегда эффективны. Причинами сравнительной неэффективности институтов могут служить институциональная инерция, зависимость от предшествующего развития и, наконец, проблемы дефицита доверия, вызывающие дисфункции управления и рождающие негативные стимулы (Вольчик, 2012. С. 12–14).

Одной из причин институциональной неэффективности может являться дефицит доверия, который порождает рост трансакционных издержек, сдерживая тем самым экономическое развитие и экономический рост, снижая общественное благосостояние и предпринимательскую активность (Вольчик, 2012. С. 12–14).

⁵ Общественное мнение – 2012 (2012). М.: Левада-Центр,

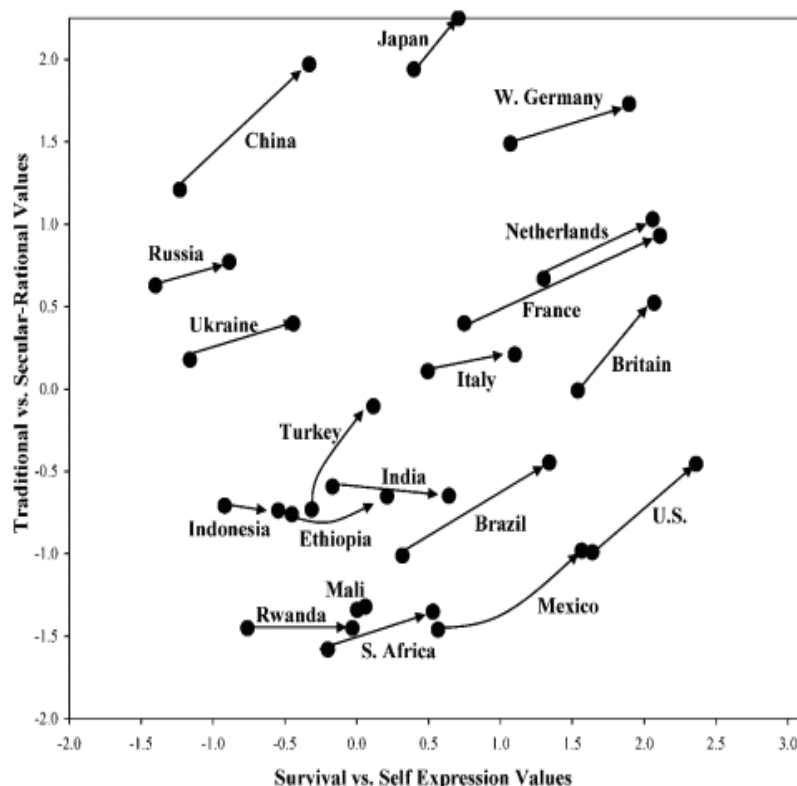

Рис. 4. Изменение убеждений и ценностей в зависимости от уровня образования⁶
(стрелка указывает направление от менее образованных людей к людям с высшим образованием)

Для нашей страны проблема дефицита доверия очевидно актуальна. Для того чтобы говорить о причинах отсутствия доверия, обратимся к нашей недавней истории. Процесс демократизации в России проходил достаточно жестко. В конце прошлого века наша страна была подвергнута радикальной и глубокой институциональной трансформации, более того, все изменения происходили с головокружительной скоростью. Целью проведенных институциональных изменений было обращение страны к рынку, становление общества на путь демократизации посредством внедрения новых политических и экономических институтов. Проблема состоит в том, что обычно институциональные изменения происходят поэтапно, эволюционно, общество постепенно адаптируется к ним, однако, российские реформы двадцатилетней давности носили характер шоковой терапии и помимо быстрого перехода к рынку оставили за собой шлейф проблем, основная из которых – сложившийся во всех сферах общественной жизни дефицит доверия. Существует двусторонняя связь между уровнем доверия в обществе и эффективностью институтов. С одной стороны, институты как результат коллективных действий будут эффективными только при наличии определенного уровня доверия. С другой, общественное доверие эндогенно политической системе и определяется экономической и социальной эффективностью институтов (*Nunkoo, Ramkissooon, Gursoy, 2012. P. 1546*).

Недоверие, вызванное зависимостью России от предшествующего развития, препятствует развитию в стране институтов гражданского общества. Неэффективные институты, рентоориентированное поведение чиновников, пассивность граждан, низкая политическая и экономическая культура, отсутствие зрелого гражданского общества – все эти факторы препятствуют росту российской экономики.

Достижение консенсуса в ходе процессов институциональной трансформации, безусловно, иллюстрирует важную теоретическую конструкцию, основанную на идее общественного договора. Ключевая роль в таких процессах принадлежит развитым социальным сетям (*Аузан, Сатаров. 2012. С. 67–69*) или качественному социальному капиталу, который в свою очередь формируется в условиях перехода от естественного государства к порядку открытого доступа (*Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011*).

Категория «социальный капитал» тесно связана с понятием «доверие» и определяется как известный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами (*Фукуяма, 2004. С. 55*). Выделяют два типа социального капитала. Социальный капитал первого типа проявляется через деперсонифицированное доверие – действующие нормы и запас социальных контактов агента, позволяющие ему принимать рациональные экономические решения, снижающие риски недобросовестной конкуренции (*Курбатова М., Левин С., Каган Е. 2010. С. 38*). Социальный капитал второго типа проявляется в форме локальных групповых норм и правил как персонифицированное доверие. Он позволяет посредством локального взаимодействия обеспечивать устойчивость

⁶ Inglehart R., Welzel C. (2010). Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // *Reflections*. vol. 8, no 2. pp. 555.

экономических агентов, повышать их конкурентоспособность за счет исключительного доступа к определенным видам экономических ресурсов.

Оба типа социального капитала будут существовать, дополняя друг друга, однако, можно говорить о том, что в странах с эффективными институтами, или странах открытого доступа, будет преобладать социальный капитал первого типа, в то время как в государствах со слабой институциональной структурой экономики – второй тип социального капитала. Основной принцип в государствах открытого доступа – равное, иными словами, безличное отношение ко всем его гражданам, что возможно, только если в обществе действуют «безличные» правила, верховенство закона, а не личных связей (Wallis, 2011. Р. 60). Для того чтобы бизнес и экономика страны в целом могли успешно развиваться, необходимы четко специфицированные права собственности и уверенность в том, что решения суда являются справедливыми и беспрекословно выполняются.

Таким образом, среди институциональных ограничений, препятствующих инновационному развитию экономики в России, можно выделить: насаждение церемониальных ценностей и ложных убеждений, церемониальное доминирование, низкую гражданско-правовую культуру, дефицит доверия. При такой структуре ценностей и социального капитала неизбежно растет принуждение и снижается роль общественного выбора, причем особенно страдает экономика. В условиях невозможности самовыражения люди более зависимы и не могут в полной мере реализовывать свой потенциал, их экономические стимулы и экономическая активность снижаются. Надо понимать, что только лишь благодаря созданию инновационных центров, научным изобретениям и технологическим новшествам никак не получится добиться устойчивого инновационного развития страны. Пока в России не сложится сообщества людей, свободных, образованных, руководствующихся инструментарными ценностями, доверяющих друг другу и государству, не сложится и гражданского общества, а говорить об инновационном развитии в таких условиях, на наш взгляд, невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж. (2006). Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // *Эковест*. Т. 5. № 1,2. С. 4–43; 180–247.
- Аузан А., Сатаров Г. (2012). Приоритеты институциональных преобразований в условиях экономической модернизации // *Вопросы экономики*. № 6. С. 67–69.
- Вольчик В.В. (2011). Институты, экономическая координация и неявное знание // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 9. № 2. С. 17, 19–20.
- Вольчик В.В. (2012). Проблема доверия и модернизация институтов // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 10. № 2. С. 12–14.
- Вольчик В.В., Ширяев И.М. (2013). Институциональные изменения в периферийных регионах: роль социального капитала // *Журнал экономической теории*. № 4. С. 150–155.
- Вольчик В.В., Кот В.В. (2013). Институциональные изменения в контексте модернизации хозяйственных процессов // *Журнал институциональных исследований*. Т. 5. № 4. С. 38–53.
- Вольчик В.В. (2002) Эффективность рыночного процесса и эволюция институтов // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион*. Серия: Общественные науки. № 4.
- Курбатова М., Левин С., Каган Е. (2010). Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 38–42.
- Латов Ю.В. (2004). Власть-собственность в средневековой России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 2. № 4.
- Майровски Ф. (2013). Философские основания институционалистской экономики // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 11. № 2. С. 90.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений, М.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.
- Общественное мнение–2012. (2012). Левада-Центр, М.
- Российский статистический ежегодник. 2012. (2012). М.: Росстат. С. 741.
- Россия в цифрах. 2013 (2013). М.: Росстат.
- Селигмен А. (2002). Проблема доверия, М.
- Фукуяма Ф. (2004). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию, М.
- Хайек Ф. (2000). Индивидуализм и экономический порядок // *Использование знания в обществе*. М.
- Asemoglu D., Robinson J. (2012). Why nations fail: the origin of power, prosperity, and poverty, New York.
- Bush P. (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1078–1102.
- Cantoni D., Yuchtman N. (2013). The political economy of educational content and development: Lessons from history. *Journal of Development Economics*, vol. 104, pp. 234–238.
- Inglehart R., Welzel C. (2009). Development and Democracy: What We Know about Modernization Today. *Foreign Affairs*, March, pp. 33–41.
- Inglehart R., Welzel C. (2010). Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Reflections*, vol. 8, no. 2, pp. 551–555.
- North D., Wallis D. (1986). Measuring the transactional sector in the American Economy, Chicago.

Nunkoo R., Ramkissoon H., Gursoy D. (2012). Public trust in tourism institutions. *Annals of Tourism Research*, vol. 39, no. 3, pp. 1542–1544.

Wallis J. (2011). Institutions, organizations, impersonality, and interests: The dynamics of institutions. *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 79, p. 60.

REFERENCES

Acemoglu D., Robinson J., Johnson S. (2006). Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth. *Ecoveat*, vol. 5, no. 1, 2, pp. 4–43, 180–247.

Asemoglu D., Robinson J. (2012). Why nations fail: the origin of power, prosperity, and poverty, New York.

Auzan A., Satarov G. (2012). The priorities of institutional transformations under the circumstances of economic modernization. *Economic Issues*, no. 6, pp. 67–69. (In Russian.)

Bush P. (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no 3, pp. 1078–1102.

Cantoni D., Yuchtman N. (2013). The political economy of educational content and development: Lessons from history. *Journal of Development Economics*, vol. 104, pp. 234–238.

Fukuyama F. (2004). Trust: the social virtues and the creation of prosperity, Moscow.

Hayek F. (2000). Individualism and Economic Order. The Use of Knowledge in Society, Moscow.

Inglehart R., Welzel C. (2009). Development and Democracy: What We Know about Modernization Today. *Foreign Affairs*, March, pp. 33–41.

Inglehart R., Welzel C. (2010). Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Reflections*, vol. 8, no. 2, pp. 551–555.

Kurbatova M., Levin S., Kagan E. (2010). The structure of social capital as a factor of institutional development of the region. *Social sciences and the Present*, no. 6, pp. 38–42. (In Russian.)

Latov Y.V. (2004). Power-property in Medieval Russia. *Economic bulletin of Rostov State University*, vol. 2, no. 4. (In Russian.)

Mirovsky F. The Philosophical Bases of Institutional Economics. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 2, p. 90. (In Russian.)

North D. (2010). Understanding the process of economic change, Moscow.

North D., Wallis D. (1986). Measuring the transactional sector in the American Economy, Chicago.

North D., Wallis D. (2010). Violence and Social orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History, Moscow.

Nunkoo R., Ramkissoon H., Gursoy D. (2012). Public trust in tourism institutions. *Annals of Tourism Research*, vol. 39, no. 3, pp. 1542–1544.

Public opinion–2012. (2012). Levada-center, Moscow. (In Russian.)

Russia in figures. 2013. (2013). Rosstat, Moscow. (In Russian.)

Russian Annual statistical bulletin. 2012. (2012). Rosstat, Moscow. (In Russian.)

Seligman A. (2002). The problem of trust, Moscow. (In Russian.)

Volchik V.V. (2002). Market process efficiency and the evolution of institutions. *Bulletin of Institutions of Higher Education. North-Caucasus Region. Series: Social Sciences*, no. 4. (In Russian.)

Volchik V.V. (2011). Institutions, economic coordination and tacit knowledge. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no. 2, pp. 17, 19–20. (In Russian.)

Volchik V.V. (2012). The trust problem and institutional modernization. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 2, pp. 12–14. (In Russian.)

Volchik V.V., Kot V.V. (2013). Institutional change in the context of economic orders modernization. *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 4, pp. 38–53. (In Russian.)

Volchik V.V., Shiryayev I.M. (2013). Institutional change in the peripheral regions: the role of social capital. *Journal of Economic Theory*, no. 4, pp. 150–155. (In Russian.)

Wallis J. (2011). Institutions, organizations, impersonality, and interests: The dynamics of institutions. *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 79, p. 60.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ В ИНТЕРЕСАХ МЕСТНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

ШАФИРОВ Л.А.,

кандидат социологических наук, магистр делового администрирования (MBA),
докторант SKEMA Business School (Lille, France) и программы DBA
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: shafirov@mail.ru;

ОГАНЕСЯН А.А.,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: vesta11@list.ru

Результаты функционирования рынка потребительского кредитования во многом зависят от институциональных условий, определяющих направления основных тенденций, связанных с его развитием. При исследовании поведения заемщиков на рынке кредитных услуг в составе общей культуры их потребительского поведения необходимо фокусироваться не только на соответствующих ценовых и неценовых условиях кредита, влияющих на решение заемщика, но и на особенностях, образующих основу соответствующих поведенческих паттернов. Недостаток предложения, со стороны кредиторов, социально-ориентированных кредитных продуктов, а также высокая востребованность, со стороны заемщиков, широкого ассортимента нецелевых краткосрочных беззалоговых кредитных ресурсов, выражаются не только в увеличении степени закредитованности домохозяйств, но и в отсутствии долгосрочного положительного внешнего эффекта для развития территорий проживания заемщиков, местных сообществ, с которыми заемщики себя идентифицируют. Задача органов власти должна в первую очередь заключаться в инициировании активной политики, направленной на индуцирование эндогенных институциональных изменений поведения участников рынка потребительского кредитования. В качестве цели для конструирования соответствующих мер институциональной политики предлагается идея использования потребительского кредита в интересах регионального и местного социально-экономического развития, при этом важным фактором выступает предотвращение усугубления финансового положения домохозяйств в долгосрочной перспективе. Реализация таких мер предполагает разработку возможных способов корректировки и гармонизации взаимодействий участников российского рынка потребительского кредитования исходя из концепции институционализированной рациональности. Способствуя опривычиванию рационального кредитования, закрепляя на уровне привычек способы достижения домохозяйствами собственной финансовой устойчивости, такая политика способствовала бы трансформации кредитных ресурсов в источник местного социально-экономического развития. Демонстрация преимуществ успешно внедряемых рациональных кредитных практик, популяризация знаний и информации о них в качестве примера для подражания, тиражирование соответствующего опыта позволят закрепить данные практики, способствуя их опривычиванию среди акторов в результате повторяющегося воспроизведения.

Ключевые слова: потребительское кредитование; институциональная теория; рациональные кредитные практики; кредитное поведение; местные сообщества; институционализированная рациональность; опривычивание кредитных практик; конструирование элементов институциональной политики; эндогенные институциональные изменения; местное социально-экономическое развитие.

¹ Работа выполнена в рамках договора на выполнение научно-исследовательских работ № 213.01-14/2013-16 от 01 октября 2013 г., тема: «Конструирование элементов региональной и муниципальной политики для активизации рациональных финансовых стратегий участников рынка потребительского кредитования в депрессивных территориях (с использованием институционального подхода)».

CONSUMER LENDING RATIONALIZATION FOR THE LOCAL DEVELOPMENT BENEFITS: AN INSTITUTIONAL APPROACH

SHAFIROV L.A.,

Candidate of Sociology (PhD), MBA (St. Gallen University),
Executive DBA Candidate at the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Executive PhD Candidate at SKEMA Business School (Lille, France),
e-mail: shafirov@mail.ru;

OGANESYAN A.A.,

Candidate of Economics (PhD), Principal Researcher,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: aaoganesyan@sfsedu.ru

Consumer lending market performance largely depends on institutional conditions that guide main tendencies related to its evolution. Study of the borrowers' behavior considered as a part of more general consumer behavior, needs to emphasize rather embedded patterns influencing it, than price and non-price terms of consumer loans. Interactions between lenders lacking for a supply of the socially oriented loan products, with borrowers highly demanding for a wide range of non-purpose, short-term, unsecured loan products result both in over-indebtedness of households and negative long-term externalities for local and regional socio-economic development. This, in turn, can cause high risks for the whole national economy. To improve the situation, an active policy aimed at endogenous institutional change in lending/borrowing patterns is supposed to be implemented. Consumer loans contributing to local and regional socio-economic development are to be used as a basis for appropriate policy measures construction. To ease an economic plight and prevent over-indebtedness of households is the long-term priority at that. Possible measures to be implemented imply elaboration of ways and methods to correct and harmonize interactions between the agents of the Russian consumer lending market within the institutionalized rationality framework. Habitualization of rational lending/borrowing practices, as a part of such institutional policy, would promote transformation of credit resources into the source of local socio-economic development. Being popularized and reproduced, advantages of best practices of rational lending are considered as the mechanisms of persuasion for the neighbor households.

Keywords: consumer lending; institutional theory; rational lending practices; borrowing behavior; local communities; institutionalized rationality; habitualization of lending/borrowing practices; construction of institutional policy; endogenous institutional change; local socio-economic development.

JEL classification: B25, B52, G02, G21, G28.

Введение

Исследование процессов, связанных с потребительским кредитованием, имеет высокую теоретико-методологическую значимость для экономической науки. Как было обосновано ранее (Вольчик, 2004. С. 96), нейтральность рыночного процесса по отношению к результатам его функционирования актуализирует значимость институтов, оказывающих влияние на этот процесс (но не детерминирующих его).

Таким образом, вполне обоснованно предположить, что, будучи организовано как рыночный процесс, кредитование населения как вид экономической деятельности потенциально может демонстрировать и положительные, и отрицательные результаты для вовлечённых контрагентов – в зависимости от ряда факторов институциональной среды, значимость которых обуславливается, в том числе, – имманентно присущими человеческим взаимодействиям транзакционными издержками, асимметричностью информации, а также – способностями агентов интерпретировать полученные знания и информацию, применять навыки.

Кроме того, процесс кредитования населения в качестве разновидности экономической деятельности может сопровождаться внешними эффектами, либо способствуя устойчивому развитию экономики в целом за счёт стимулирования спроса, своевременного удовлетворения текущих потребностей домохозяйств в финансовых ресурсах, либо – обуславливая рост социальной напряжённости, рост системных рисков для банковского сектора и снижение устойчивости экономической системы в целом в случае усугубления проблем, связанных с неспособностью оплаты заёмщиками текущих долгов (Авдеева, Мирошниченко, 2013).

В частности, как отмечено в отчёте Центрального банка РФ в связи с произошедшей переориентацией отдельных банков на высокодоходный рынок розничного кредитования, «банки с повышенной концентрацией деятельности на рынке потребительского кредитования могут быть наиболее подвержены кредитному риску в случае ухудшения макроэкономической ситуации и роста безработицы, и это может привести к возникновению условий для снижения устойчивости российской финансовой системы» (Центральный банк ..., 2013).

Современные тенденции, наблюдающиеся на отечественном рынке потребительского кредитования, отражают серьезность проблемы закредитованности граждан, причем опасения экспертов вызывают не столько макроэкономические показатели, характеризующие средние уровни закредитованности граждан РФ и просроченной задолженности, сколько качество кредитов, основная масса которых приходится на краткосрочные нецелевые дорогостоящие необеспеченные займы. Об остроте проблемы, регулярно освещаемой отечественной прессой (*Герасименко, 2013; Хромов, 2013*), свидетельствуют и научные исследования (*Кузина, 2013a; Кузина, 2013b; Центр макроэкономических исследований..., 2013*), особенно в контексте ее значимости в сегменте низкодоходных, малообеспеченных групп населения, проживающих, как правило, в малых населенных пунктах и, в частности, в депрессивных территориях (*Шафиров, Оганесян, 2013*).

Можно предположить, что трудности с осуществлением финансовых расчётов заемщиками, с планированием ими расходов и допускаемые ими ошибки в оценках соответствия ожидаемым доходам – т. е. проблемы количественного расчета – не только негативно влияют на материальное благосостояние домохозяйства, но и тесно связаны с качественными аспектами социальной жизни человека.

Однако также требует дополнительных исследований предположение о том, что источники наблюдаемой ситуации с ростом просроченной задолженности по кредитам населению – не только и не столько в недостатках, связанных с экономическим расчетом и финансовым планированием как таковыми, сколько в игнорировании регуляторами, органами власти особенностей, составляющих фундамент поведенческих моделей кредиторов и заемщиков. На практике это может проявляться в том, что результаты повторяющихся сделок между кредиторами и заемщиками, каждый из которых действует в соответствии со своими представлениями о рациональности, зачастую приводят в конечном итоге не к улучшению, а к усугублению финансового положения обеих сторон. При этом экстернализация соответствующего негативного эффекта позволяет говорить о накапливающихся угрозах стабильности экономической системы в целом.

В данной статье предлагается обратить внимание на исследовательский подход, в рамках которого возможно дать объяснение складывающимся негативным тенденциям сквозь призму институциональной методологии и предложить направления для дальнейших исследований.

1. Постановка проблемы

Обозначенные выше тенденции имеют объяснение.

Рассматривая поведение заемщиков на рынке кредитных услуг в составе общей культуры их потребительского поведения, необходимо учитывать не только соответствующие ценовые и неценовые условия кредита, влияющие на решение заемщика, но и контекст тех поведенческих паттернов, устойчивых моделей, которые на это поведение влияют².

Человеческие взаимодействия всегда контекстно зависимы (*Flyvbjerg, 2006*); помимо ценовых факторов экономического расчёта, наша деятельность неизбежно основана на определенной системе ценностей, и подчас ценностные установки для самого человека неотделимы в процессе принятия решений от условий, в которых это решение принимается. Так, «индивиды часто считают возможным, необходимым и желательным ставить свое поведение в зависимость от когнитивного, координационного, нормативного и информационного содержания, заданного институциональными элементами» (*Greif, 2006*).

В основе этих институциональных элементов – привычные образы мышления, формирующие у нас склонности к определенным способам реагирования на те или иные повторяющиеся обстоятельства.

С точки зрения поведенческих мотивов заемщика, ключевой качественной характеристикой кредитного поведения является стремление удовлетворения текущих потребностей, преодоление текущих финансовых затруднений за счёт будущих доходов. Соответственно, способность возратить заёмные средства, в качестве количественного параметра оценки эффективности поведения заемщиков кредитных ресурсов, во многом определяется будущим потоком доходов – что обуславливается самим возникновением необходимости прибегнуть к помощи кредитных ресурсов, означающим, как правило, недостаток сбережений и (или) текущих доходов для оплаты текущих потребностей.

Так, значимость в данном контексте приобретают два аспекта. Прежде всего, снижению рисков как для кредитора, так и для заемщика, связанному с ростом финансовой устойчивости домохозяйств в долгосрочной перспективе, может способствовать использование кредитных ресурсов для удовлетворения текущих потребностей потенциальных заемщиков, имеющих отношение к деятельности, которая бы позволяла генерировать будущие доходы либо сокращать будущие расходы. Важным условием при этом выступает предотвращение излишней закредитованности домохозяйств заемщиков, сопровождаемое рационализацией процесса потребления (*Шафиров, 2013b*). В качестве таких «рационализирующих» эффективных кредитов могут рассматриваться целевые кредиты, использование предоставленных в счет которых заемных средств может способствовать повышению качества жизни домохозяйств заемщиков, сообществ по месту их проживания, росту человеческого и социального капитала. Предполагается, что к таким кредитам могут быть отнесены целевые кредиты на развитие предпринимательской деятельности, самозанятости, инвестирование в получение знаний, навыков и умений, на оплату медицинских услуг, на повышение энергоэффективности жилья, для сезонных покупок твердого топлива, овощей, фруктов³.

² Однако определения отечественных исследователей, как правило, не акцентируют внимание на подобных факторах, рассматривая, к примеру, поведение заемщиков как «деятельность индивида или домохозяйства, в процессе которой происходит заимствование денежных средств, предполагающее их обязательное последующее возвращение» (*Стребков, 2004*).

³ Соответствующие примеры использования таких, в сущности, социально-ориентированных кредитных ресурсов приведены в работе (*Шафиров, 2013c*).

Кроме того, если использование кредитных ресурсов было бы гармонизировано в части задач и синхронизировано в части сроков местного социально-экономического развития (*Шафиров, 2013а*), это позволило бы экстернализовать положительные эффекты индивидуального потребительского кредита – в частности, если данные эффекты будут усилены в результате регулярного воспроизведения положительных кредитных практик остальными членами местного сообщества.

Так, контекст целей и мотивов, связанных с использованием кредитных ресурсов, в результате институционального воздействия смог бы обусловить социально-экономическое развитие соответствующих территорий или сообществ, с которыми данный заёмщик себя идентифицирует.

Можно предположить, что развитие обозначенных нами во введении к данной статье негативных тенденций является следствием того, что произошедшее за последние несколько лет изменение базовой модели финансового поведения значительного количества россиян от «жизни по средствам» к «долговому» (*Крючкова, 2011. С. 21*) не сопровождалось развитием элементов институциональной среды, которые могли бы способствовать переориентированию целей и мотивов участников рынка потребительского кредитования – как в части кредитных практик финансовых организаций, так и в части спроса со стороны населения. На практике это нашло отражение в отсутствии предложения, со стороны кредиторов, социально-ориентированных кредитных продуктов, а со стороны заёмщиков – в высокой востребованности широкого ассортимента нецелевых краткосрочных беззалоговых кредитных ресурсов, использование которых, увеличивая степень закредитованности домохозяйств, зачастую не имеет никакого долгосрочного положительного внешнего эффекта для развития местных сообществ (*Шафиров, Оганесян, 2013. С. 178*).

Как отмечают отечественные исследователи, сегодня потребительские мотивы, характеризующие поведение индивидуальных заёмщиков, базируются, в основном, на стремлении к поддержанию уровня потребления, соответствующего определенному социальному статусу, к повышению этого статуса, к вхождению в определенные общности и к дистанцированию от других общностей; во многом такие поведенческие установки формируются и стимулируются агрессивной рекламой, построенной на символической нагруженности товаров (*Радаев, 2005*). Все это дает основания говорить о значительном влиянии, даже преобладании, эффекта демонстративного потребления (*Веблен, 1984*), а также эффекта присоединения к большинству (*Лейбенштейн, 1993*), в рамках этики «опережающего потребления» (*Стребков, 2007*).

На преобладание ориентации на демонстративное потребление среди российских заёмщиков в качестве побудительного мотива обращения за потребительскими кредитами также указывают отечественные исследователи (*Смирнов, 2009*). Более того, учитывая, что в менее развитых регионах сложилась так называемая «цепная имитационная модель потребления», проявляющаяся в стремлении населения к поддержанию определенного уровня потребления, соответствующего стандартам, принятым в высокоразвитых регионах (*Григорьев, Салмина. С. 216*), вполне обоснованным представляется вывод о большей потребности изменения соответствующих моделей кредитного поведения именно среди населения менее экономически развитых регионов и, в частности, жителей депрессивных территорий, для которых, в силу ряда причин (прежде всего – более низких, по сравнению с жителями крупных городов, доходах при более высокой налоговой нагрузке и нагрузке по оплате коммунальных услуг (*Шафиров, 2013а*)), такие модели наиболее пагубны, с точки зрения роста закредитованности самих домохозяйств, а также с точки зрения социально-экономического состояния данных территорий в целом.

Между тем использование кредитных ресурсов на цели, связанные с удовлетворением стремления заёмщиков «жить не хуже других», как показали расчёты в рамках исследования Высшей школы экономики, в большинстве случаев лишь усугубляет финансовое положение заёмщика, в особенности среди малообеспеченных категорий населения, в длительной перспективе – в гораздо большей степени по сравнению с ситуацией, если бы потенциальный заёмщик не обратился за кредитом, а откладывал бы в течение некоторого времени определённую сумму на покупку нужного товара; кроме того, макроэкономический эффект роста потребления при использовании кредитных ресурсов оказывается также не столь значительным (*Авдеева, Мирошниченко, 2013*).

Важно отметить, что для целей нашего исследования важно не только обозначить существующие стратегии кредитного (долгового) поведения населения (*Стребков, 2004; Дикий, 2012*), но и обосновать актуальность регулирования рынка потребительского кредитования, а также – необходимость разработки методов воздействия на поведение его участников, выявления условий, при которых возможна успешная реализация таких методов, с целью активного изменения складывающихся негативных тенденций, а также предотвращения их в будущем.

2. Методологические основы исследования кредитного поведения сквозь призму институциональной теории

Исследование поведенческих основ потребительского поведения и, в частности, кредитного поведения заёмщиков на рынках финансовых услуг так или иначе затрагивает вопросы методологических предпосылок. Тем большую актуальность приобретает данный вопрос, что специфика кредитования населения как разновидности экономической деятельности отличается от продажи любого другого потребительского товара и заключается в том, что в качестве объекта трансакции по предоставлению кредита физическому лицу выступают денежные средства, конечная цель использования которых зависит от целей заёмщика, а для самого кредитора, предоставляющего денежные ресурсы, может оставаться частично скрытой – вследствие свойства универсальности денег как меры стоимости и средства платежа.

Такая асимметричность информации в части последующих целей использования заемных средств и влияния решения о выдаче кредитных ресурсов на устойчивость финансового положения заёмщика в долгосрочной перспективе зачастую, наряду с иными факторами, инициирует, со стороны кредиторов, практики компенсации рисков за

счет высоких процентных ставок⁴. В свою очередь, информация об условиях предлагаемого кредита также зачастую остается неполной для заёмщика – главным образом, вследствие нежелания разбираться в подробностях или неспособности адекватно интерпретировать доступную информацию, что, опять-таки, в большей степени характерно для жителей малых населенных пунктов, для малообеспеченных категорий населения, демонстрирующих низкий уровень правовой (Максимов, 2009) и финансовой грамотности. Вместе с тем, кредитный потенциал рационального кредитования, измеряемый посредством оценки спроса в финансовых ресурсах для удовлетворения текущих потребностей в жизненно важных благах, как правило, у таких категорий населения выше (Шафиров, 2013b).

Асимметричность информации, высокие транзакционные издержки, связанные с потребительским кредитованием, обуславливают возникновение тенденций, когда инструмент, позволяющий населению справиться с текущими финансовыми затруднениями, в долгосрочном периоде может спровоцировать возникновение проблем, связанных с несоизмеримой с финансовыми возможностями домохозяйства текущей долговой нагрузкой.

Современные кредитные организации могут частично оправдывать агрессивные кредитные практики (Olsen, 2013), ссылаясь на преобладающий, сформированный во многом благодаря неоклассической теории дискурсом, основывающимся на представлениях об экономическом человеке как о совершенно рационально мыслящем индивиду, действия которого предполагают выбор оптимального варианта из имеющихся альтернатив, направленный, с одной стороны, на максимизацию собственной функции полезности (прибыли) при заданных предпочтениях, а с другой – на минимизацию издержек и затрат на приобретение товара (Ефимов, 2013; Hodgson, 2013). Причем, как отмечали Р. Нельсон и С. Уинтер, на уровне учебников допущение о рациональности в форме максимизации приобретает бескомпромиссную форму (Нельсон, Уинтер, 2002. С. 27).

На наш взгляд, ключевая характеристика такого индивидуального выбора заемщика – добровольность, оправдывающая любую критику в адрес асоциальных практик со стороны кредитных организаций. В то же время, как указывает Дж. Ходжсон, «экономика мейнстрима стремится объединить ... идеологию индивидуальной свободы с моделью прогнозируемого человеческого выбора», в реальности же «человеческое поведение не является ни беспричинным, ни абсолютно предсказуемым» (Ходжсон, 2003. С. 25).

Согласно методологии Дж. Коммонса, принятие условия добровольности сделки (транзакции) означает акцент на возникновении прав и обязанностей, являющихся ее неизбежным следствием. Определяя, вслед за Коммонсом, институт как коллективное действие по контролю, освобождению и расширению, в той или иной степени, индивидуального действия, мы, в действительности, акцентируемся на том, что контроль, о котором идет речь, выражается в выгоде или убытке для другого или других индивидов; долг в данном случае – это возникающее в результате транзакции обязательство, а кредит – соответствующее право, образующееся в результате появления обязательства (Коммонс, 2012). Права и обязанности при таком подходе должны рассматриваться как предмет переговоров между вовлеченными сторонами, а психология транзакций – это психология переговоров (предполагающая ответную реакцию, определенные обстоятельства и устремленность в будущее) (Коммонс, 2012). Так, можно предположить, что если на исход переговорного процесса решающее влияние оказывают укоренившиеся асоциальные практики потребительского поведения, а также – значительная переговорная сила кредитора, то возникающие в результате таких переговоров права и обязанности заемщика свидетельствуют о наличии институциональной дисфункции.

По нашему мнению, транзакция сделки потребительского кредитования не может рассматриваться в отрыве от порождаемых в результате нее прав и обязанностей; недопустимо трактовать результат такой сделки лишь как «продажу кредитного продукта», при которой рациональность участвующих в сделке сторон, каждая из которых стремится максимизировать ожидаемую выгоду, часто выражается таким образом, что кредиторы, фактически прибегающие к агрессивным и асоциальным кредитным практикам при кредитовании граждан, у которых ограничен доступ к кредитованию, нередко предлагают потребителю кредит, в стоимость которого уже изначально закладываются риски невозврата кредита не только самим заемщиком, но и иными гражданами. При этом заемщик не в состоянии оценить последствия использования кредита как для себя, своего домохозяйства, так и для экономики местного сообщества, региона, страны.

Предполагается, что подчиненное положение заемщика потребительского кредита как слабой стороны кредитной сделки, а также значительное социальное воздействие на него как на потребителя товаров, работ, услуг, способствует росту негативных последствий кредитования населения.

Граждане охотно продолжают получать дорогостоящие нецелевые кредиты как вследствие отсутствия предложений кредитов иного качества, так и в результате доминирующих паттернов потребительского поведения, асимметричности информации и недостаточных компетенций заемщиков, необходимых для поиска и интерпретирования релевантной информации.

Неизбежно возникающий в процессе исследования поведения заемщиков вопрос о необходимости использования термина «рациональность» предлагается рассмотреть в контексте институционального подхода.

Отличительной характеристикой институциональной школы экономической мысли является то, что она изначально ставила своей задачей критику концепции совершенной рациональности. Однако недостаточно будет, если мы, вслед за О. Уильямсоном, перечислим 3 основные формы рациональности – максимизацию, ограниченную рациональность и органическую рациональность (Уильямсон, 1993).

В рамках данной статьи предлагается расширить рамки анализа, включив в него концепцию институционализированной рациональности, которая позволила бы сделать акцент, в отличие от упомянутых форм рациональности,

⁴ Данный подход к ценообразованию кредита получил название модели цены, основанной на риске (risk-based pricing). См., например: (Edelberg, 2003; Edelberg, 2006).

не на принципах совершения индивидуального выбора, а на целях и задачах, связанных с развитием определенных сообществ, с которыми действующие акторы себя идентифицируют и интересы которых разделяют, а также – на опривыченных правилах взаимодействий членов данных сообществ.

В сущности, первой оформленной школой, методологически противопоставившей свою позицию классической (а также австрийской) аналитической традиции, опиравшейся на априоризм и дедуктивность и явившейся предтечей институционализма, стала немецкая историческая школа; сами ее представители называли себя «этической» школой (Ефимов, 2012). Выражая ту же мысль, которую развивал в XIX в. Г. Шмоллер (Шмоллер, 2011), П. Козловски, критикуя как неоклассический подход, так и подход австрийской школы⁵, отмечал, что, по сути, принцип органической рациональности, как и принцип инструментальной рациональности, вынося за скобки ценностные суждения о целях и мотивах действующих индивидов, принимая в качестве заданных исторические и культурные обстоятельства, в которых принимает решения действующий индивид, применимы не ко всему спектру экономических проблем, а лишь к определенной их части (Kosłowski, 2000). То же отмечал Д. Норт в отношении применимости аналитического аппарата теории игр, который оказывается бесполезным при исследовании процессов кооперации, основанных на регулярно повторяющихся взаимодействиях (Норт, 1997).

Т. Веблен (Веблен, 1984) также подвергал критике принцип рационального поведения – концепцию экономического человека как пассивного максимизатора, механически реагирующего на заданные факторы, – связывая динамику экономического развития с преобладающим влиянием на поведение человека тех или иных культурно обусловленных инстинктов, формирующих, в сочетании с инстинктом привычки, те или иные поведенческие цели, которые обуславливают те или иные результаты хозяйственного развития (рис. 1).

Рис. 1. Поведенческая концепция Т. Веблена⁶

Выявив влияние соответствующих «инстинктов» на потребительское поведение и проанализировав проявление результатов этих влияний, Веблен фактически показал, как, в контексте феномена «демонстративного потребления», «способность обслуживать потребность» в реальности может сочетаться с бесполезностью трат, сконцентрировав внимание на том, что последствия действий являются важной составляющей их интерпретации (Mirowski, 1987). Так, кажущееся, с позиций внешнего наблюдателя, нерациональным, потребительское поведение может восприниматься как рациональное самими вовлеченными акторами.

Описанные подходы к исследованию человеческого поведения имеют высокую значимость для развиваемой здесь концепции поведения участников рынка потребительского кредитования. Несмотря на произошедшее терминологическое смещение – сегодня экономический анализ апеллирует, скорее, к мотивам и целям, чем к вебленовским «инстинктам», – тем не менее, заложенные Вебленом теоретические основы могут послужить фундаментом гипотезы о том, что, воздействуя на те или иные аспекты, лежащие в основе человеческого поведения, возможно его изменение в целях, соответствующих вектору экономического развития общества. При этом соответствующее воздействие не предполагает однозначной отрицательной зависимости спроса на товар от его цены.

Соотнеся данный подход с обозначенной задачей поиска методов предотвращения и изменения выявленных негативных тенденций, наблюдаемых в сфере потребительского кредитования, обоснованными представляются следующие предположения:

⁵ Мизес отмечал, что «человеческая деятельность всегда необходимо рациональна. Понятие «рациональная деятельность» избыточно и в качестве такового должно быть отброшено» (Мизес, 2000. С. 22), тем самым отождествляя человеческую деятельность и рациональную деятельность (Kosłowski, 2000).

⁶ Составлен на основе: (Веблен, 1984).

1) различия субъективной интерпретации акторами системы потребительского кредитования потока деятельности – важный фактор, актуализирующий внимание на их мотивах и целях;

2) корректировка действий акторов рынка потребительского кредитования может быть осуществлена посредством воздействия на мотивы, лежащие в основе их взаимодействий;

3) стимулирование такого воздействия возможно на уровне политических решений, с одновременным задействованием механизмов, обеспечивающих при этом закрепление изменений мотивов акторов на уровне привычек.

Немаловажно отметить направления, развивающие аналитическую традицию Веблена: в частности, в работах П. Буша (*Bush, 1987*) произошло смещение акцента на социальные ценности, лежащие в основе поведенческих паттернов. Классифицируя поведение, Буш указывает на существование церемониальных и инструментальных ценностных систем, различные сочетания которых проявляются в форме церемониального поведения, инструментального поведения и смешанного поведения. Стремление к поддержанию и повышению социального статуса связывается с преобладанием ориентации на церемониальные ценности; в свою очередь, инструментальные ценности, будучи тесно связаны с инстинктом мастерства, создаваемые и прививаемые населению посредством грамотной политики, напротив, означают предпочтение экономической и технической эффективности, образуя основу модернизационных процессов и институциональных изменений. Развитие инструментальных ценностей осуществляется в процессе образования, расширения запаса знаний. Как правило, церемониальные ценности преобладают в обществе, в котором не развито образование (*Bush, 1987*).

Это, в свою очередь, актуализирует важность процессов обучения, повышения правовой и финансовой грамотности участников рынка потребительского кредитования с целью не только предотвращения ухудшения собственного положения заемщика в результате излишней закредитованности, но и экстернализации положительных эффектов такого обучения в целях развития местных сообществ.

В данном контексте следует отметить, в частности, особую важность развития целевого образовательного кредитования граждан, развитие концепта «умных кредитных ресурсов» среди населения, закрепление его при реализации кредитных практик среди соответствующих сообществ, с акцентом не на стимулирование потребления за счет кредитных ресурсов, а на устойчивое развитие проектов домохозяйств в качестве принципа кредитования.

При этом важной функцией институтов, позволяющей объяснить масштабное распространение тех или иных поведенческих моделей, склонностей вести себя определенным образом в определенных условиях, является информационная, и лучше об этом, пожалуй, дал представление Хайек, выделявший такие типы социального поведения человека, как подражательное и инновационное (*Arena, Festre, 2004*); в свою очередь, они дополняются таким источником институционального поведения, как культурное наследие.

Позже Л. Лахман согласовал роль институтов с австрийскими концепциями рассеянного и «контекстуализированного» знания, определив социально-экономические институты как процесс обмена информацией – коммуникационный процесс, связанный с трансформацией распыленного в обществе и зачастую неявного знания в общественно полезное (*Lachmann, 1971. P. 50*). На рис. 2 изображен процесс, иллюстрирующий специфику институционального поведения как социального коммуникационного процесса и позволяющий проследить, как происходит закрепление успешных поведенческих практик в результате их повторяющегося воспроизведения, под влиянием распространённости имитационного поведения.

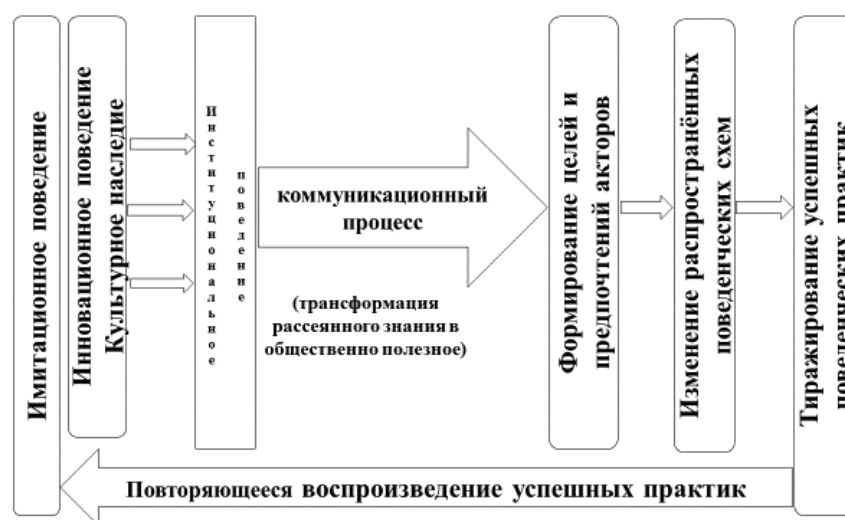

Рис. 2. Институциональное поведение как коммуникационный процесс

Так, в сфере потребительского кредитования задача регулирующих и контролирующих агентств, органов власти на региональном, муниципальном уровнях должна заключаться в формировании и поддержании таких обстоятельств, которые бы способствовали преобразованию целей и предпочтений как кредиторов, так и заемщиков в те, что обладают пользой для сообществ, в каковые данные акторы включены. Достигнуто это может быть путем популя-

ризации и тиражирования успешных практик использования заемщиками кредитных ресурсов в целях развития домохозяйств и местных сообществ, т. е. – трансформируя знания и информацию о соответствующих положительных примерах в общественно полезное.

Однако подход Лахмана необходимо дополнить концепцией Дж. Ходжсона, согласно которой институты – это не только передатчики информации, это еще и скрытые механизмы убеждения (*Ходжсон, 2003, С. 12*). Ходжсон акцентировался на роли привычек в человеческом поведении, которые, отчасти формируясь под воздействием инстинктов, в то же время воздействуют на инстинкты в процессе социального взаимодействия.

Отмечая фундаментальную нефальсифицируемость стандартного ядра теории полезности, его неспособность быть опровергнутым эмпирическим путем, Ходжсон также указывал на его неприменимость к любому из возможных явлений. Рациональный выбор, по Ходжсону, требует заложенных в его основе культурно формируемых привычек, а само рациональное мышление «невозможно кроме как во взаимодействии со структурой социальных институтов» (*Ходжсон, 2003, С. 16*), что неизбежно затрагивает временные и ситуативные аспекты человеческого мышления, адаптивную реакцию на разнообразие внешних структур и обстоятельств, в том числе – социальных институтов. Сложность реальных решений и ограниченная вычислительная способность человеческого разума актуализируют процесс обучения, в ходе которого люди не только обновляют предпочтения и умения, но и изменяют восприятие своих потребностей и целей. Иными словами, наши цели и предпочтения преобразовываются под влиянием обстоятельств, в которых мы оказываемся. Так, «экономическая рациональность является социально и культурно детерминированной» (*Mirowski, 1987*).

Привычки как склонность к определённому типу поведения в ситуациях определённого рода выступают, согласно такому подходу, в качестве строительного материала для институтов, будучи фундаментальны по отношению к целям, предпочтениям и обдумыванию, а также выступая, наряду с правилами, основой рациональности.

В рамках предложенной концепции нисходящей преобразовывающей причинной связи, по Ходжсону (*Ходжсон, 2003*), институты, выступая одновременно и внешними по отношению к человеческому поведению структурами, и его продуктом, не только зависят от деятельности индивидов, но также ограничивают и формируют ее. Институциональные изменения и ограничения могут вызвать изменения сложившегося образа мыслей и поведения, обусловить новое восприятие и новые предрасположенности, иными словами, опосредовать создание и формирование привычек. Соответственно, такой подход не рассматривает предпочтения как заданные; в его рамках, что важно для нашего анализа, институты могут в конечном счете обусловить возникновение новых привычек, предпочтений или мнений – воздействуя не напрямую на индивидуальные решения, а на привычные предрасположенности (*Ходжсон, 2003*). В свою очередь, в рамках развиваемой В. Ефимовым интерпретативной институциональной теории, именно опривыченные правила взаимодействий образуют институты (*Ефимов, 2007а*).

Соответственно, важным выводом, следующим из концепции преобразовывающей причинной связи, является конкретизация роли регулирующих органов, местных сообществ, органов местного самоуправления в предотвращении и изменении негативных тенденций в сфере потребительского кредитования посредством воздействия на привычки и связанные с ними ценности, образующие основу институционального поведения акторов данной сферы.

Эта роль предполагает активное участие регуляторов, местных сообществ, органов власти в инициировании создания и поддержании функционирования институтов, способствующих использованию сложившейся имитационной модели поведения жителей малых населённых пунктов и, в частности, депрессивных территорий, сформировавшейся под влиянием преобладания подражательного типа социального поведения, в интересах развития территорий их проживания.

Для целей трансформации используемых заемщиками кредитных ресурсов в источник местного социально-экономического роста, важным представляется развитие местных сообществ как коллективов, осознающих и продвигающих собственное понимание рациональности: как в части принципов кредитной политики, на которые опирается банковское сообщество при предоставлении заемных средств, так и в части мотивов, целей, направлений использования кредитных ресурсов заемщиками. Иными словами, достижение долгосрочной рационализации поведенческих схем заемщиков зависит от специфики институтов, отвечающих решению определённой экономической задачи, а также от результативности способа их внедрения (*Шафиров, 2013а*).

В свою очередь, осмысление предлагаемой в статье С. Андрески критики терминологического аппарата М. Вебера в части использования концепций ценностно-рационального и целе-рационального действия (*Андрески, 2011*) выявляет, что рациональность всегда основывается на определенной системе ценностей и, соответственно, зависит от релевантности решений в контексте доступных технологий осуществления этого решения, от запаса знаний и компетенций, которым располагает индивид, или который может стать ему легкодоступным, от навыков и умений по использованию соответствующих технологий.

Иными словами, проблема рационализации действия как преимущественно количественного, математического расчета в терминологии сопоставления затрат и выгод и выбора, на основе этого экономического расчета, максимизирующего результат варианта, уступает место скорее качественной проблеме овладения релевантным знанием, необходимым для выбора целей, на которые следует ориентироваться.

Таким образом, на основании вышесказанного мы можем выдвинуть следующие гипотезы.

1. Обеспечение предложения, со стороны банковской системы, кредитных продуктов и услуг, альтернативных по отношению к предлагаемым в рамках наблюдаемых асоциальных практик, доступность таких услуг для потенциальных заемщиков создает предпосылки развития кредитования населения, ориентированного на приоритетные для развития соответствующих местных сообществ цели и задачи.

2. О рациональности потребительского кредитования мы, в таком случае, можем говорить в контексте наличия и доступности для потенциальных заемщиков кредитных продуктов и услуг, условия получения и использования которых учитывают ориентацию на устойчивое развитие как домохозяйств заемщиков, так и местных сообществ.

3. Направленная политика органов региональной власти и местного самоуправления должна заключаться, в данном контексте, в координирующей, образовательной и популяризирующей функции, стимулирующей возникновение реальных предпосылок для устойчивого развития местных сообществ посредством превращения соответствующих кредитных ресурсов в источник такого развития. При этом рациональность потребительского кредита⁷ становится необходимым условием для такого устойчивого развития.

Проведение региональной и муниципальной политики, направленной на переориентирование целей использования кредитных ресурсов заемщиками, на качественное изменение ситуации в сфере кредитования населения, становится при этом главным элементом институционального дизайна, который бы способствовал активизации потенциала рационального кредитования населения (*Шафиров, 2013b*), обеспечивая соблюдение интересов банков – кредиторов населения, предпринимательского сообщества, сообщества потребителей – заемщиков, а также региональных и местных органов власти, способствуя гармонизации этих интересов (*Шафиров, 2013c*).

3. Институционализированная рациональность как основа конструирования элементов институциональной политики в сфере кредитования населения депрессивных территорий

В контексте обоснования предложенной выше гипотезы, необходимо конкретизировать роль институциональной политики, задача которой заключается в ответе на вопрос: каким образом индуцировать институциональные изменения в сфере кредитования населения, чтобы они согласовывались с опривыченными институтами и в то же время вызвали изменения в экономическом поведении участников рынка потребительского кредитования в нужном русле?

Процесс институциональных изменений, согласно интерпретативной институциональной теории (*Ефимов, 2007b*), основывается на том, что, в процессе социальных взаимодействий, люди создают, в том числе, свободные ассоциации, делегируют их представителям определенные функции общественного контроля. В процессе взаимодействий те или иные общественные группы влияния, власти приобретают больший или меньший вес и вводят на уровне формальных институтов, законодательных норм свои изменения. Эти изменения тем или иным образом взаимодействуют, влияя на них или испытывая их влияние, – с неформальными институтами, или, вернее, с комплексами неформальных институтов, укорененных среди тех или иных вовлеченных групп населения, а также с опривыченными предшествующими формальными институтами, которые в прошлом, до введения инноваций, были опривычны, закрепились на уровне привычки в данных местных сообществах.

Региональная и местная экономическая политика должна уделять внимание конструированию элементов институционального воздействия на поведение людей при необходимости корректировки этого поведения, его экономических последствий. Конструирование элементов институциональной политики является качественным фактором экономической среды. Если говорить о конкретных способах индуцирования институциональных изменений, то необходимо обратиться к подходу Д. Норта, связывающего данный процесс как с непосредственным влиянием на относительные цены, так и с попытками инкрементного воздействия на вкусы и предпочтения экономических агентов (*Норт, 1997*).

В связи с этим возникает обоснованный вопрос: какой именно долгосрочный эффект окажет на поведение экономических акторов изменение относительных цен и какой – изменение предпочтений или вкусов?

Целесообразным представляется здесь объяснение в рамках синтеза подходов Дж. Ходжсона и Д. Норта, а именно – объединение объяснения принципов индуцирования институциональных изменений в сфере потребительского кредитования в контексте концепций преобразовывающей восходящей и преобразовывающей нисходящей причинных связей, а также эндогенных влияний на элементы поведения ее участников (рис. 3).

Рис. 3. Индуцирование эндогенных институциональных изменений в сфере потребительского кредитования

⁷ Признаки рационального кредита проанализированы ранее (См., например: (*Шафиров, 2013b*)).

Институциональные изменения в контексте как нисходящей, так и восходящей преобразовывающих причинных связей можно выразить цитатой А. Грейфа: «Существующие институты воздействуют на процессы обучения, имитации и экспериментирования, ведущие к возникновению новых институтов, влияют на затраты и результаты, связанные с введением новых институциональных элементов, и ориентируют новые институты на те, что с ними взаимосвязаны и не слишком отходят от их элементов» (Greif, 2006).

Согласно Норт, «фундаментальные изменения в соотношении цен с течением времени приводят к изменению стереотипов поведения и рационализации людьми того, что образует стандарты поведения» (Норт, 1997). Однако в этой связи представляется чрезвычайно важным прогнозирование того, как отреагируют потребители на экзогенно индуцируемые регулятором изменения условий предоставления кредитов в части требований к их обеспечению в виде залога, а также – на изменение цен кредитов в виде ограничений размера процентных ставок.

В частности, если говорить о низкодоходных группах, которые, в основном, и образуют население депрессивных территорий, – главная опасность для них заключается в том, что возможностей на получение новых заимствований у банков для рефинансирования имеющихся кредитов для данных категорий граждан станет меньше. В итоге у них возникнут обоснованные стимулы прибегнуть к кредитованию у неформальных кредиторов, что влечет соответствующие риски. С большой долей вероятности можно предположить, что тем самым данные категории заемщиков ещё более усугубят своё положение, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

По нашему мнению, важным из вышесказанного является следующий вывод: чтобы изменить ситуацию и предотвратить усугубление негативных тенденций в сфере потребительского кредитования, недостаточно ограничиваться экзогенным воздействием на относительные цены, потому что, в силу привычки – привычного образа жизни, привычного восприятия своих ценностных ориентаций, привычного образа мышления относительно своих прав и обязанностей – индивиды продолжают получать кредиты, но уже на гораздо менее привлекательных для себя условиях, либо не смогут воспользоваться заемными средствами в принципе, даже для удовлетворения базовых потребностей, для развития человеческого капитала.

Важной мерой, направленной на изменение ситуации, должна стать государственная и муниципальная политика, регулятивные меры, призванные вызвать эндогенные изменения в целеполагании заемщиков и кредиторов посредством воздействия на эти привычки, опривычивания новых принципов кредитования кредиторами, получения и использования заемщиками рациональных кредитов. Сделать это предлагается путем инициирования создания новых рациональных кредитных услуг; региональным и муниципальным органам власти в этом процессе отводится роль посредников-координаторов, основная функция которых – снижение информационной асимметрии, трансакционных издержек, связанных с процессами взаимодействия участников рынка потребительского кредитования: посредством обучения, распространения необходимых знаний и информации, повышения уровня правовой и финансовой грамотности населения, с целью развития их представлений о собственных правах и обязанностях, а также распространения инструментальных ценностей, популяризации лучших проектов использования домохозяйствами заемных средств на реализацию проектов устойчивого развития домохозяйств, гармонизированных с целями и задачами устойчивого развития местных сообществ, проведение публичной работы над ошибками заемщиков-банкротов, оказание реального содействия в финансовом оздоровлении при возникновении признаков неплатежеспособности заемщиков⁸.

Индукция требуемых институциональных изменений, таким образом, основывается в данной схеме на том, чтобы стимулировать возникновение новых привычек кредитора и заемщика при предоставлении и использовании потребкредитов, а через них – привить инструментальные ценности, связанные с развитием домохозяйств и местных сообществ, а также обусловить закрепление положительных кредитных практик в результате их повторяющихся воспроизведений.

Гармоничное социально-экономическое развитие депрессивных территорий в аспекте влияния на это развитие процессов, связанных с потребительским кредитованием населения, должно предполагать как улучшение финансового положения домохозяйств, так и соблюдение интересов местного банковского сообщества, а также местных предпринимателей, местной администрации и региональных органов власти (Шафиров, 2013с), а не проявляться в «доминировании одной группы за счет другой» (Норт, 1997).

Ключевую роль, таким образом, приобретает взаимодействие перечисленных групп с акцентом на формирующиеся права и обязанности, а также оценка долгосрочных последствий этого взаимодействия с точки зрения устойчивости их социально-экономического развития.

В определенном смысле, акцентируясь на необходимости устойчивости развития сообществ в долгосрочной перспективе, мы также можем, применив метафору Х. Де Сото о динамической эффективности процесса (De Soto, 2008), говорить о противопоставлении институционализированной рациональности инструментальной максимизирующей рациональности в терминах противопоставления эффективности процесса экономической деятельности эффективности ее результата.

Важно понимать, что концепция институционализированной рациональности предполагает существование, для каждого локального сообщества, своей рациональности, которая определяется опривыченными институтами данного сообщества, соответствием этих институтов целям, связанным с социально-экономическим развитием данного сообщества.

То есть институциональные изменения, сквозь призму предпосылки институционализированной рациональности, необходимо рассматривать как в контексте нисходящей причинной связи, фокусируясь на интересах местных

⁸ См., например, опыт скандинавских стран в области финансового оздоровления физических лиц-банкротов (Heuer, 2013; Niemi-Kiesilainen, 1999).

сообществ, так и в контексте восходящей причинной связи – учитывая поведенческие особенности, характеризующие данные локальные сообщества, согласующиеся с их опривыченными способами взаимодействий и особенностями восприятия окружающей действительности.

Отмеченные нами выше в данной статье негативные тенденции сложились на рынке потребительского кредитования во многом из-за невнимания органов власти к тому, что кредитная политика финансовых организаций использовала в своих односторонних интересах привычки, лежащие в основе поведения заёмщиков, в особенности – среди малообеспеченных категорий населения, жителей депрессивных территорий, которые, в силу социально-психологических особенностей, демонстрируют склонность идентифицировать себя с определенными сообществами, соответствовать определенному уровню потребления на фоне застойной бедности, при этом зачастую перекладывая на государство ответственность за неспособность самим справиться с долгами, за асоциальные практики банков (Герасименко, 2013).

Несомненно, для многих российских регионов было бы крайне актуальным и выгодным для целей местного развития поддержать использование индивидуальными заемщиками кредитных ресурсов не на приобретение импортных товаров, а на такие цели, как улучшение условий жизни (приобретение, строительство, капитальный ремонт, утепление и газификация жилья; оплата медицинских и образовательных услуг), развитие личных подсобных хозяйств, садоводства, огородничества, самозанятости, приобретение товаров местных производителей (Шафиров, 2013а).

Можно с большой долей уверенности предположить, что инициирование и продвижение органами региональной власти и/или органами местного самоуправления инновационных практик потребительского кредитования обусловили бы их повторяющееся воспроизведение уже в рамках имитационных поведенческих установок жителей.

4. Обсуждение и направления будущих исследований

Как было верно замечено ранее (Ефимов, 2007b), исследователь должен нацелить свое внимание на то, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, т. е. каковы для них смыслы того, что происходит, акцентируясь на субъективности восприятия акторами происходящих процессов, участниками которых они являются, как в силу разной доступности информации, так и в силу индивидуальных различий ее трактовки.

Наблюдаемые негативные тенденции на рынке потребительского кредитования могут отражать то, как рациональный экономический расчёт в форме стремления к максимизации собственной ожидаемой выгоды действующими участниками транзакций приводит к усугублению ситуации как на микро-, так и мезо- и макроуровнях. Однако это означает не то что участники сделок вели себя нерационально, а что их рациональность была основана на системе привычек, убеждений и ценностей, которые позволили, в результате повторяющихся сделок, данным тенденциям проявиться и генерализоваться.

Перекредитованность населения, в особенности жителей малых населённых пунктов, связанные с этим последствия в виде усугубления финансового положения домохозяйств, отсутствия положительного влияния от использования кредитных ресурсов на местное социально-экономическое развитие во многом обусловлены игнорированием органами власти и регулятором уровня благосостояния и привычек жителей депрессивных территорий, на фоне закрепившейся ценностной ориентации на имитационную модель потребления, оказывающую влияние на кредитное поведение заёмщиков.

Предлагаемым направлением исследований в контексте разрабатываемой в данной работе методологии может стать концепция институционализированной рациональности как поведенческой предпосылки, учитывающей не только и не столько «чистую рациональность цели», но и, в большей степени, ценностную ориентацию в рамках концепции устойчивого социально-экономического развития местных сообществ (табл. 1).

Таблица 1

**Поведенческая предпосылка институционализированной рациональности
как альтернатива инструментальной рациональности**

Концепция Критерий	Инструментальная рациональность	Институционализированная рациональность
Роль предпочтений	Предпочтения рассматриваются как заданные	Культурно обусловленные предпочтения изменяются в процессе обучения, получения и интерпретирования информации
Основа процесса принятия решений, целеполагания	Экономический выбор индивида, принимающего решения «при прочих равных условиях» на основе калькулирования издержек и выгод	Обусловленность экономического выбора институтами, лежащими в их основе привычками, мотивами, ценностями; акцент на правах и обязанностях, возникающих как результат добровольной транзакции
Цель, проявляющаяся в поведении	Максимизация индивидуальной полезности/прибыли	Принятие решений, способствующих устойчивости собственного финансового положения, ориентированное на имитацию лучших практик, демонстрируемых членами сообщества

Так, принципы реализации концепции институционализированной рациональности в сфере потребительского кредитования предполагают:

- важность процессов обучения и информированности акторов (включая не только повышение уровня правовой и финансовой грамотности, но и популяризацию, тиражирование успешных практик кредитования);
- оценку кредитоспособности заемщика с учетом будущего потока доходов, расходов, значения активов и обязательств;
- экстернализацию положительных эффектов кредитной деятельности и использования заемных средств потребителями;
- обоснование регулирования, которое бы задействовало механизмы соблюдения интересов банковского сообщества, предпринимательского сообщества, сообщества потребителей и региональных и местных органов власти, способствовало их гармонизации (Шафиров, 2013с);
- ориентацию на полезность кредитной деятельности банков для разных социальных групп заемщиков.

Заключение

Включение целей и мотивов взаимодействующих агентов в картину экономического исследования помогает выявить качественные факторы, не только объясняющие, но и обуславливающие наблюдаемые тенденции развития. Важно понимать, что, если речь идет о поведении участников рынка потребительского кредитования, невнимание инициаторов институциональных изменений, включая органы власти, регулирующие и контролирующие организации, профессиональные сообщества и сообщества потребителей, к целям и мотивам, лежащим в основе взаимодействий акторов регулируемой системы, может повлечь пагубные социально-экономические последствия как для домохозяйств заемщиков, так и для тех локальных сообществ, членами которых они являются, для региональной экономики, для страны.

Сегодня необходимо сфокусироваться на разработке возможных способов корректировки и гармонизации взаимодействий участников российского рынка потребительского кредитования, предложив в качестве цели для конструирования соответствующих мер институциональной политики идею использования потребительского кредита в интересах регионального и местного социально-экономического развития.

Методологической предпосылкой, предлагаемой в качестве основы для исследований в данном направлении, служит концепция институционализированной рациональности, позволяющая акцентироваться на принципах устойчивого развития местных сообществ, на гармонизации целей и задач, средств их достижения, имеющихся у кредиторов, предоставляющих потребкредиты, у заемщиков – членов данных местных сообществ, у самих местных сообществ.

На наш взгляд, задача органов власти должна заключаться не в попытках справиться с негативными последствиями финансово-кредитной деятельности посредством ограничительных и запретительных мер, а, в первую очередь, в активной политике, направленной на предотвращение развития таких тенденций. В немалой степени этому может помочь развитие институтов, которые бы, закрепляя на уровне привычек способы достижения домохозяйствами собственной финансовой устойчивости, обуславливали при этом трансформацию кредитных ресурсов в источник социально-экономического развития местных сообществ.

Индуктивное институциональное изменение в целях корректировки поведенческих моделей участников рынка потребительского кредитования – в первую очередь, жителей депрессивных территорий, – должно опираться не только и не столько на экзогенные изменения ценовых и неценовых условий кредитования, в том числе требований к предоставляемому заемщиками кредиторами залогу, сколько государственной, муниципальной политикой, направленной на формирование предпочтений заемщиков и кредиторов, которые способны вызвать институциональные изменения эндогенно, в процессе взаимодействия участников, посредством опривычивания рационального кредитования.

Достичь этого можно, используя успешный опыт внедрения рациональных кредитных практик, демонстрируя их преимущества, распространяя знания и информацию о них в целях их тиражирования и закрепления, в результате повторяющегося воспроизведения, под влиянием имитационной ориентированности поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева Д., Мирошниченко Д. (2013). Жить в кредит – жить не по средствам? // *Банки: статистика & экономика*, № 38, с. 11–18. Доступно на: http://www.hse.ru/data/2013/11/06/1282283346/bse_38.pdf.
- Андрески С. (2011). Самое уязвимое место: понятие рациональности // *Политическая концептология*. № 1. С. 210–235. Доступно на: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.1/13.pdf>.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.: Прогресс.
- Вольчик В.В. (2004). Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. ун-та.
- Герасименко О. (2013). «Захочешь одеваться, обуваться прилично – еще не на то пойдешь» // *Коммерсантъ. Власть*. № 34. 02 сентября. С. 9. Доступно на: <http://www.kommersant.ru/doc/2260489>.
- Григорьев Л.М., Салмина А.А. (2011). Потребительское поведение и социально-экономическое положение домохозяйств в условиях кризиса. С. 209–234 // В кн. Григорьев Л.М., Зубаревич Н.В., Хасаев Г.Р. (ред.) *Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации*. М.: ТЕИС. 357 с.

- Дикий А.А. (2012). Стратегии долгового поведения населения в современной России / Автореф. дисс. ... канд. соц. н. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
- Ефимов В.М. (2007а). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // *Вопросы экономики*, № 8, с. 49–67. Доступно на: <http://mp.ra.ub.uni-muenchen.de/49118/>
- Ефимов В.М. (2007b). Спор о методах и институциональная экономика // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 5. № 3. С. 18–36. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5.3.pdf>.
- Ефимов В.М. (2012). Предисловие к статье Ф. Майровского «Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economica*. Т. 10. № 1. С. 89–99.
- Ефимов В.М. (2013). От машин удовольствия к моральным сообществам (Размышления над новой книгой Джеффри Ходжсона) // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Т. 5. № 2. С. 7–47. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/08/10/1251247886/jis5.2-2.pdf>.
- Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *Terra Economica*. Т. 10. № 3. С. 69–76. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>.
- Крючкова П.В. (2011). Привыкание домохозяйств к рынку // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Т. 3. № 1. С. 8–27. Доступно на: <http://hjournal.ru/journals/jis3.1.pdf>. Дата доступа: 15.10.2013.
- Кузина О.Е. (2013а). Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // *Деньги и кредит*. № 11. С. 30–36. Доступно на: http://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuzina_11_13.pdf.
- Кузина О.Е. (2013b). Потребитель и кредит: портрет в статистическом интерьере // *ПРОДОЛГИ*. № 6(10). Доступно на: <http://publications.hse.ru/articles/85719868>.
- Лейбенштейн Х. (1993). Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // В кн. Гальперин В.М. (ред.) *Теория потребительского поведения и спроса*. СПб.: Экономическая школа.
- Максимов А.Н. (отв. ред.) (2009). Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования. Итоговый доклад. М.: Экон-Информ, 524 с.
- Мизес Л. (2000). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика.
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 536 с.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 180 с.
- Радаев В.В. (2005). Социология потребления: основные подходы // Доступно на: http://ecsocman.hse.ru/data/838/062/1217/001_radaev_2005-1.pdf.
- Розмаинский И.В. (2006). «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике // *Вопросы экономики*. № 9. С. 71–82.
- Сакс Дж. (2012). Цена цивилизации. М.: Издательство Института Гайдара, 350 с.
- Смирнов С.В. (2009). Институционализация экономических отношений домашних хозяйств на рынке потребительского кредитования / Автореф. дисс. ... канд. экон. н. Кострома, 26 с.
- Стребков Д. (2004). Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // *Вопросы экономики*. № 2. С. 109–128. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/878/041/1232/sTREBKOW-02-04.pdf>.
- Стребков Д.О. (2007). Социальные аспекты кредитного поведения населения // *Социологический журнал*. № 1. Доступно на: http://www.hse.ru/data/610/989/1224/Strebkov_SJ_01-2007.pdf.
- Уильямсон О. (1993). Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // *THESIS*. Т. 1. Вып. 3. С. 42–43.
- Ходжсон Дж.М. (2003). Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 1. № 4. С. 11–30. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2003/journal1.4.pdf>.
- Хромов М. (2013). Страна в долгу: что делать с тягой россиян к розничным кредитам // *Forbes.ru*, 2 августа. Доступно на: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurentsia/242945-strana-v-dolgu-chto-delat-s-tyagoi-rossiyan-k-rozничnym-kreditam>.
- Центр макроэкономических исследований Сбербанка России (2013). Кредитное поведение населения: результаты опросов и эконометрическое моделирование // Доступно на: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2013/macro_13082013.pdf.
- Центральный банк Российской Федерации (2013). Годовой отчет 2012 // Доступно на: http://www.cbr.ru/publ/God/ar_2012.pdf.
- Шафиров Л.А. (2013а). Кредитование населения как фактор устойчивого развития депрессивных монопромышленных городов (концепция и рабочие гипотезы исследования) // *Terra Economica*. Т. 11. № 3. Ч. 2. С. 107–114. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.3.2.pdf>.
- Шафиров Л.А. (2013b). Концепция оценки наличия потенциала рационального кредитования населения малых монопрофильных городов РФ (на примере кредитования домохозяйств для улучшения их жилищных условий) // *Terra Economica*. Т. 11. № 3. Ч. 3. С. 20–30. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.3.3.pdf>.
- Шафиров Л.А. (2013c). Роль органов местного самоуправления в системе кредитования населения: координирование в интересах предпринимательского сообщества региона // *Terra Economica*. Т. 11. № 4. С. 90–101. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.4.1.pdf>.

Шафиров Л.А., Оганесян А.А. (2013). Потребительское кредитование населения как фактор экономического роста и благосостояния домохозяйств депрессивных территорий (обзор литературы) // *Terra Economicus*. Т. 11. № 4. Ч. 2. С. 175–181.

Шмоллер Г. (2011). К методологии общественно-политических и социальных наук // *Terra Economicus*. Т. 9. № 3. С. 31–49. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/26/1267244108/Terra%209.3-4.pdf>.

Arena R., Festre A. (2004). Some specific Austrian insights on markets and the «new economy» // In Birner J., Garrouste P. (eds.) *Markets, information and communication: Austrian perspectives on the Internet economy*. London: Routledge.

Bush P.D. (1987). The Theory of Institutional Change // *Journal of Economic Issues*. Vol. XXI. № 3. pp. 1075–1116.

De Soto H.J. (2008). *The theory of dynamic efficiency*. London: Routledge.

Edelberg W. (2003). Risk-based Pricing of Interest Rates in Household Loan // *Markets, Finance and Economics Discussion Series 2003–62*. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System.

Edelberg W. (2006). Risk-based pricing of interest rates for consumer loans // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 53. issue 8. pp. 2283–2298. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304393206001474> (<http://dx.doi.org/10.1016/j.jmoneco.2005.09.001>).

Flyvbjerg B. (2006). Five Misunderstandings About Case-Study Research // *Qualitative Inquiry*. Vol. 12, no. 2. pp. 219–245.

Greif A. (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge: Cambridge University Press.

Heuer J.-O. (2013). Social Inclusion and Exclusion in European Consumer Bankruptcy Systems. International conference «Shifting to Post-Crisis Welfare States in Europe? Long Term and Short Term Perspectives», Berlin, 4–5 June, organized by NordForsk and the Nordic Centres of Excellence NordWel and REASSESS; Workshop «Poverty and Social Exclusion in Times of Crisis – Historical and Contemporary Impact», chaired by Bea Cantillon and Pirjo Markkola, 4 June, 11:30–13:00 // Available at: https://www.academia.edu/3992692/Social_Exclusion_in_European_Consumer_Bankruptcy_Systems. Accessed on: 15.10.2013.

Hodgson G.M. (2013). *From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus*. Chicago and London: The Chicago University Press.

Koslowski P. (2000). The Theory of Ethical Economy as a Cultural, Ethical, and Historical Economics: Economic Ethics and the Historist Challenge, pp. 3–15 // In Koslowski P. (ed.) (2000). *Contemporary Economic Ethics and Business Ethics*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 266 p.

Lachmann L.M. (1971). *The legacy of Max Weber*. Berkeley: The Glendessary Press.

Mirowski Ph. (1987). The philosophical bases of institutionalist economics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 21. pp. 1001–1038.

Niemi-Kiesilainen J. (1999). Consumer Bankruptcy in Comparison: Do We Cure a Market Failure or a Social Problem // *Osgoode Hall Law Journal*. Vol. 37. № 1/2. pp. 473–503. Available at: <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/ohlj/vol37/iss1/21>. Accessed on: 15.10.2013.

Olsen T.D. (2013). A Political Economy Approach to Stakeholder Theory: Understanding the Ethics of Microfinance in Emerging Economies // Available at: <http://ssrn.com/abstract=2405982>. Accessed on: March 15 2014.

The Central Bank of the Russian Federation (2013). Bank of Russia 2012 Annual Report. Available at: <http://www.cbr.ru/eng/publ/God/ar2012en.pdf>.

REFERENCES

Avdeeva D. and Miroshnichenko D. (2013). Does living on credit mean living beyond means? *Banks: Statistics & Economics*, no. 38, pp. 11–18. Available at: http://www.hse.ru/data/2013/11/06/1282283346/bse_38.pdf. Accessed on: March 15 2014. (In Russian.)

Andreski S. (2011). The most Vulnerable Point: the Concept of Rationality. *Political Conceptology*, no. 1, pp. 210–235. Available at: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.1/13.pdf>. (In Russian.)

Center for Macroeconomic Research of Sberbank of Russia (2013). Credit behavior of the population: the results of surveys and econometric modeling. Available at: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2013/macro_13082013.pdf. (In Russian.)

Dikiy A.A. (2012). Debt behavior strategies of the population in modern Russia. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. (In Russian.)

Gerasimenko O. (2013). «Wanna dress well, wear good shoes – means be prepared for anything». *Kommersant Vlast*, no. 34, September 02, p. 9. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2260489>. (In Russian.)

Grigoryev L.M. and Salmina A.A. (2011). Consumer behavior and households' socio-economic position at a time of crisis, pp. 209–234 // In Grigoryev L.M., Zubarevich N.V. and Khasaev G.R. (eds.) *Russian regions: economic crisis and problems of modernizations*. Moscow: TEIS Publ., 357 p. (In Russian.)

Khromov M. (2013). The country is in debt: what to do with the thrust of Russians to retail loans. *Forbes.ru*. August 2. Available at: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/242945-strana-v-dolgu-chto-delat-s-tyagoi-rossiyan-k-roznicnym-kredita>. (In Russian.)

Kryuchkova P.V. (2011). Habituation of households to the market. *Journal of Institutional Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 8–27. Available at: <http://hjournal.ru/journals/jis3.1.pdf>. Accessed on: 15.10.2013. (In Russian.)

- Kuzina O.E. (2013a). Analysis of the Dynamics of Russians' Bank Loans and Debt Burden. *Money and Credit*, no. 11, pp. 30–36. Available at: www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuzina_11_13.pdf. (In Russian.)
- Kuzina O.E. (2013b). Consumer and credit: Portrait in the statistical interior. *PRODOLGI*, no. 6(10). Available at: <http://publications.hse.ru/articles/85719868>. (In Russian.)
- Leibenstein H. (1993). Bandwagon, Snob, and Veblen Effects in the Theory of Consumers' Demand. In Galperin V.M. (ed.) *Theory of Consumer Behaviour and Consumer Demand* Saint-Petersburg: Higher School of Economics. (In Russian.)
- Mises L. von (2000). *Human Action: a treatise on economics*. Moscow: Ekonomika Publ., 878 p. (In Russian.)
- Nelson R.R. and Winter S.G. (2002). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Moscow: Delo Publ., 536 p. (In Russian.)
- Radaev V.V. (2005). Sociology of consumption: the main approaches. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/838/062/1217/001_radaev_2005-1.pdf. (In Russian.)
- Rozmainsky I. (2006). Post-Keynesian Macroeconomics: Basic Perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, pp. 71–82. (In Russian.)
- Sachs J. (2012). *The Price of Civilization*. Moscow: Gaidar Institute. Publ., 350 p. (In Russian.)
- Schmoller G., von (2011). Zur Methodologie der Staats- und Sozial-Wissenschaften. *Terra Economicus*, vol. 9, no. 3, pp. 31–49. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/26/1267244108/Terra%209.3-4.pdf>. (In Russian.)
- Shafirov L.A. (2013a). The lending to individuals as a factor for sustainable development of the depressed monotowns (research concept and working hypotheses). *Terra Economicus*, vol. 11, no. 3, part 2, pp. 107–114. Available at: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.3.2.pdf>. (In Russian.)
- Shafirov L.A. (2013b). The concept of assessing the availability of capacity for sustainable lending to households living in Russian monotowns (purpose-loans to households to improve their housing conditions case). *Terra Economicus*, vol. 11, no. 3, part 3, pp. 20–30. Available at: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.3.3.pdf>. (In Russian.)
- Shafirov L.A. (2013c). The role of local authorities in the lending to individuals system: coordinating for the regional entrepreneurial community benefits. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 4. (In Russian.)
- Shafirov L.A. and Oganessian A.A. (2013). Consumer lending as the factor for sustainable growth and household welfare in depressed areas (literature review). *Terra Economicus*, vol. 11, no. 4, part 2, pp. 175–181. (In Russian.)
- Smirnov S.V. (2009). Institutionalization of economic relations between householdson the consumer credit market. *Kostroma*, 26 p.
- Strebkov D. (2004). Basic Types and Factors of the Credit Behavior of Russian Citizens. *Voprosy Ekonomiki*, no 2, pp. 109–128. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/878/041/1232/sTREBKOW-02-04.pdf>. (In Russian.)
- Strebkov D.O. (2007). The social aspects of the credit behavior of population. *The Sociological Journal*, no. 1. Available at: http://www.hse.ru/data/610/989/1224/Strebkov_SJ_01-2007.pdf. (In Russian.)
- Veblen T. (1984). *The Theory of Leisure Class. An Economic Study of Institutions*. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2004). *Evolutionary paradigm and institutional transformation of the economy*. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ. (In Russian.)
- Williamson O. (1993). Behavioral Assumptions. *THESIS*, vol. 1, issue 3, pp. 42–43. (In Russian.)
- Yefimov V.M. (2007a). Subject matter and method of interpretive institutional economics. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 49–67. Available at: <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/49118/> (In Russian.)
- Yefimov V.M. (2007b). Discussion on methods and the institutional economics. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 5, no. 3, pp. 18–36. Available at: <http://sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5.3.pdf>. (In Russian.)
- Yefimov V.M. (2012). Scientific editor's preface to the translation of the article by Ph. Mirowski «Physics and the «marginalist revolution». *Terra Economicus*, vol. 10, no. 1, pp. 89–99. (In Russian.)
- Yefimov V.M. (2013). From pleasure machines to moral communities (reflections on a new book by Jeffrey Hodgson). *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 7–47. Available at: http://mpira.ub.uni-muenchen.de/49024/1/MPRA_paper_49024.pdf. Accessed on: 01.11.2013. (In Russian.)
- Arena R. and Festre A. (2004). Some specific Austrian insights on markets and the «new economy» / In Birner J. and Garrouste P. (eds.) *Markets, information and communication: Austrian perspectives on the Internet economy*. London: Routledge.
- Bush P.D. (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, № 3, pp. 1075–1116.
- De Soto H.J. (2008). *The theory of dynamic efficiency*. London: Routledge.
- Edelberg W. (2003). Risk-based Pricing of Interest Rates in Household Loan. *Markets, Finance and Economics Discussion Series 2003–62*. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System.
- Edelberg W. (2006). Risk-based pricing of interest rates for consumer loans. *Journal of Monetary Economics*, vol. 53, issue 8, pp. 2283–2298. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304393206001474> (<http://dx.doi.org/10.1016/j.jmoneco.2005.09.001>).
- Flyvbjerg B. (2006). Five Misunderstandings About Case-Study Research. *Qualitative Inquiry*, vol. 12, no. 2, pp. 219–245.
- Greif A. (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heuer J.-O. (2013). Social Inclusion and Exclusion in European Consumer Bankruptcy Systems. International conference «Shifting to Post-Crisis Welfare States in Europe? Long Term and Short Term Perspectives», Berlin, 4–5 June, organized

by NordForsk and the Nordic Centres of Excellence NordWel and REASSESS; Workshop «Poverty and Social Exclusion in Times of Crisis – Historical and Contemporary Impact», chaired by Bea Cantillon and Pirjo Markkola, 4 June, 11:30–13:00. Available at: https://www.academia.edu/3992692/Social_Exclusion_in_European_Consumer_Bankruptcy_Systems. Accessed on: 15.10.2013.

Hodgson G.M. (2013). *From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus*. Chicago and London: The Chicago University Press.

Koslowski P. (2000). The Theory of Ethical Economy as a Cultural, Ethical, and Historical Economics: Economic Ethics and the Historist Challenge, pp. 3–15. In *Koslowski P. (ed.)* (2000). *Contemporary Economic Ethics and Business Ethics*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 266 p.

Lachmann L.M. (1971). *The legacy of Max Weber*. Berkeley: The Glendessary Press.

Mirowski Ph. (1987). The philosophical bases of institutionalist economics. *Journal of Economic Issues*, vol. 21, pp. 1001–1038.

Niemi-Kiesilainen J. (1999). Consumer Bankruptcy in Comparison: Do We Cure a Market Failure or a Social Problem. *Osgoode Hall Law Journal*, vol. 37, no. 1/2, pp. 473–503. Available at: <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/ohlj/vol37/iss1/21>. Accessed on: 15.10.2013.

Olsen T.D. (2013). A Political Economy Approach to Stakeholder Theory: Understanding the Ethics of Microfinance in Emerging Economies. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2405982>. Accessed on: March 15 2014.

МОТИВАЦИЯ И СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА, КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА

БУЛАНКИНА Н.Н.,

старший преподаватель кафедры экономики, аспирант,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Ставропольский институт кооперации (филиал), г. Ставрополь,
e-mail: Sir.Rusik@mail.ru;

МЕЩЕРЯКОВА Л.А.,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, заместитель директора по научной работе,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Ставропольский институт кооперации (филиал), г. Ставрополь,
e-mail: L-dolik@rambler.ru

Стимул и мотив в трудовом поведении не всегда согласуются между собой, представляя две системы воздействия на работника. Проходя через психику и сознание людей, стимулы преобразуются ими и становятся побудительными мотивами поведения, а мотивация представляет процесс активизации мотивов при помощи различных стимулов, с целью побудить работника к определенным действиям. Стимулы во многом связаны с использованием прибыли организации и возможности ее присутствия в системе мотивации и стимулирования труда в качестве поощрения, роста уровня оплаты труда, социальных стимулов и т. п. Развитие трудовых отношений предполагает применение более сложных мотиваций труда, сущность которых состоит во влиянии стимулов на весь спектр интересов работника, главный личный интерес которого заключается в стремлении получить доход от работы для удовлетворения собственных интересов.

Ключевые слова: мотивация и стимулирование труда; эффективность мотивации; социальные потребности работника; трудовые результаты; продуктивность труда.

MOTIVATION AND INCENTIVES, AS AN OBJECTIVE FORM OF REALIZATION OF HUMAN INTERESTS

BULANKINA N.N.,

Senior Lecturer, Department of Economics, Postgraduate
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Stavropol Institute of Cooperatives (branch), Stavropol,
e-mail: Sir.Rusik @ mail.ru;

MESHCHERIAKOVA L.A.,

Vice director for scientific work, Doctor of Science, Professor,
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Stavropol Institute of Cooperatives (branch), Stavropol,
e-mail: L-dolik@rambler.ru

Incentive and motivation in the labor behavior is not always consistent among themselves, introducing the two systems of exposure of an employee. Passing through the mind and consciousness of people, incentives are converted them and become motivated behavior and motivation is the process of revitalization of the motives for using various incentives to encourage the employee to certain actions. Incentives are largely associated with the use of the organization's profits and the possibility of its presence in the system of motivation and stimulation of labour as an incentive, the growth of wage levels and social incentives, etc. Development of labour relations involves the use of more complex motivations of labour, the essence of which consists in the

influence of incentives on the whole spectrum of interests of the employee, the main personal interest which is to receive the income from work in order to satisfy their own interests.

Keywords: labor motivation and incentives; effectiveness of motivation; the social needs of the employee; the employment results; the productivity of labor.

JEL classification: J21, J24, J28.

Социальная политика предприятия в системе управления мотивацией и стимулированием труда включает цели и мероприятия, связанные с оказанием добровольных социальных услуг персоналу, с формированием системы оплаты труда персонала, основанной на присущих заработной плате функциях и направленной на достижение целей функционирования и развития предприятия (организации). Управление мотивацией и стимулированием труда во многом опирается на политику вознаграждений и услуг, т. е. премирование и выплаты социального характера, но эталоном любого вознаграждения являются личные интересы работника. Характеризуя личность с позиции экономического исследования можно предположить, что каждого наемного работника предприятия (организации) должна интересовать получаемая прибыль, оказывающая определенное влияние на рост оплаты труда, увеличение стимулирующей функции заработной платы, что является побудительным мотивом к повышению производительности труда и снижению затрат на производство продукции. Однако на деле это не всегда происходит, поскольку мотивация труда не всегда подкрепляется материальным стимулированием работников. Поэтому любому хозяйствующему субъекту важно создать целую систему мотивации, в которой материальное стимулирование в виде заработной платы являлось бы одним из основных пунктов.

Исходя из социально-психологической и организационно-экономической природы мотивации труда, ряд ученых (Аганцов, 2003; Снитко, 2012) выделяет следующие виды мотивов и, соответственно, стимулов труда:

- материальные мотивы, при которых труд выступает необходимостью для сотрудников организации, так как обеспечивает получение ими жизненных благ;
- духовные мотивы, при которых труд позволяет им реализовать духовный потенциал, получить удовлетворение своей трудовой деятельностью;
- социальные мотивы, при которых труд выступает как фактор формирования определенного социального положения работников в обществе (Салтык, 2010).

«...При стимулировании побуждение к труду происходит через удовлетворение различных потребностей личности, что является вознаграждением за трудовые усилия...» (Ромашов, 2003).

Возможность достижения высокого уровня стимулирующей роли заработной платы, на наш взгляд, обусловлена тем, что в структуре доходов трудящихся и их семей она составляет преобладающую часть доходов по сравнению с другими источниками.

Для эффективности мотивации необходимо, чтобы процесс труда был хорошо организован, отсутствовали простои по организационно-техническим причинам, порученная работа соответствовала уровню квалификации и профессиональной подготовки работника и т. п. По нашему мнению, большую роль для эффективности производства играет социально-психологическая обстановка, способствующая взаимодействию исполнителей в процессе работы. Поэтому важным представляется надлежащее выполнение работниками своих производственных и служебных обязанностей, соблюдение ими трудовой дисциплины. Трудовая активность и творческая инициатива являются проявлением потребностей в самоуважении. Все вышеперечисленное, оказывает значительное воздействие на производительность труда.

Несмотря на значительное количество исследований мотивации в российской экономической науке, ее реализация, как правило, сводится лишь к дифференцированной системе оплаты труда. Безусловно, в большинстве случаев это работает. Однако, ситуация на рынке труда за последние годы существенно изменилась и требует иного подхода к проблеме мотивации и стимулирования труда для обеспечения эффективности производства и результативности бизнеса. Если раньше работодатели выбирали себе работников из большого числа кандидатов, то сегодня все чаще сами работники выбирают наиболее подходящие для себя условия работы, наиболее подходящие компании. Прежде всего это касается квалифицированных специалистов, нехватка которых уже достаточно хорошо ощущается на рынке. Им уже недостаточно одной только высокой зарплаты и хорошего социального пакета, поэтому эта категория наемных работников выбирает компании, где могут наиболее полно удовлетворяться и эмоциональные потребности: уважение, признание, статус, комфорт и т. д., поэтому окончательный выбор компании лежит, как правило, именно в эмоциональной сфере (Снитко, 2012).

И.М. Алиев (Алиев, 2011) дает два определения «мотивации к труду»: 1) совокупность мотивов, определяющих основные параметры трудовой деятельности; 2) составная часть системы управления персоналом, заключающаяся в формировании, поддержании и непрерывной адаптации мотивов трудовой деятельности применительно к отдельным работникам и их группам.

По нашему мнению, второе определение мотивации к труду более детально характеризует это понятие по ряду причин.

Во-первых, в связи с либерализацией цен, инфляционными процессами, рыночной конкуренцией предприятий исчез дефицит товаров повседневного и социального спроса. Структура производства от преобладания продукции

военно-промышленного комплекса сместилась в сторону социальных ориентиров. Появление частной собственности на землю и недвижимость, открытость границ и возможность путешествовать за рубеж, огромный приток в страну импортных товаров из разных стран мира (бытовая техника, одежда, автомобили и др.), бывших до этого времени лишь недостижимой мечтой многих наших сограждан, привели к преобладанию материальных потребностей в обществе. Период накопления капитала и сбережений, пришедший на 90-е гг. XX в. при ослабленном контроле со стороны государства, появление свободно конвертируемой валюты заставили людей зарабатывать денежные средства всеми возможными (легальными и нелегальными) способами.

Вторая причина изменения мотивации – это то, что потребности людей в безопасности и защищенности перестали удовлетворяться со стороны государства и руководства предприятий так, как это происходило в советское время.

Рынок по своей природе несовершенен и не призван к решению социальных проблем. Эту функцию выполняет государство, которое вмешивается в рыночную экономику и путем принятия соответствующих законов стремится устранить социальное неравенство и снизить социальную напряженность в обществе. В любой стране с рыночной экономикой одной из тяжелейших социальных проблем является безработица, так как рынок труда и рабочей силы, так же как и любой другой, подвержен воздействию спроса и предложения. Поэтому многие работники абсолютно не уверены в своей занятости на конкретном рабочем месте и боятся потерять работу. При этом качество их труда не всегда является основной причиной потери рабочего места, так как организация – это открытая система, действующая во внешней среде и, следовательно, подверженная воздействию экономических циклов, кризисов и других экономических явлений. Если предприятие разоряется, то в первую очередь оно увольняет большую часть своих работников. В связи с этим, говоря о мотивации труда, следует учитывать в какой стадии находится национальная экономика (кризис, спад, подъем, депрессия), так как на каждом этапе некоторые составляющие мотивации будут различаться.

Социальные потребности в настоящий период времени не менее важны, чем материальные, однако, в отличие от советского времени они носят не коллективный, а индивидуальный характер. К ним относятся такие факторы (влияния) мотивации, как многолетняя привычка работы в данном коллективе, возможность свободного и дружеского общения с коллегами по работе и граничащий с самоуважением фактор ощущения своей необходимости людям, с которыми приходится общаться внутри предприятия и вне его. Социальные потребности могут учитываться или не учитываться руководителями экономических субъектов, удовлетворяться или не удовлетворяться, но исследования подтверждают то обстоятельство, что там, где эта группа потребностей удовлетворяется, в коллективе благоприятный социально-психологический климат, а текучесть кадров снижается. При этом даже в периоды экономического спада или депрессии, когда руководители предприятий не в состоянии активно стимулировать работников материальными методами поощрения, упомянутые социальные факторы мотивации играют роль внутреннего вознаграждения, и основная часть работников продолжает работать на предприятии, поскольку социальные потребности свойственны всем возрастным группам, независимо от уровня образования и должностного статуса, и также являются формой реализации интересов работника.

Мотивационная роль заработной платы может повышаться только на основе более глубокого познания ее стимулирующей функции, в тесной взаимосвязи с другими функциями, присущими заработной плате как экономической категории, отсюда стимулирование труда – это, прежде всего, внешнее побуждение, элемент трудовой ситуации, влияющий на поведение человека в сфере труда, материальная оболочка мотивации персонала (рис. 1). Одновременно оно несет в себе и нематериальную нагрузку, позволяющую работнику реализовать себя одновременно и как личность, и как сотрудника предприятия. При этом стимулирование выполняет одновременно экономическую, социальную и нравственную функции.

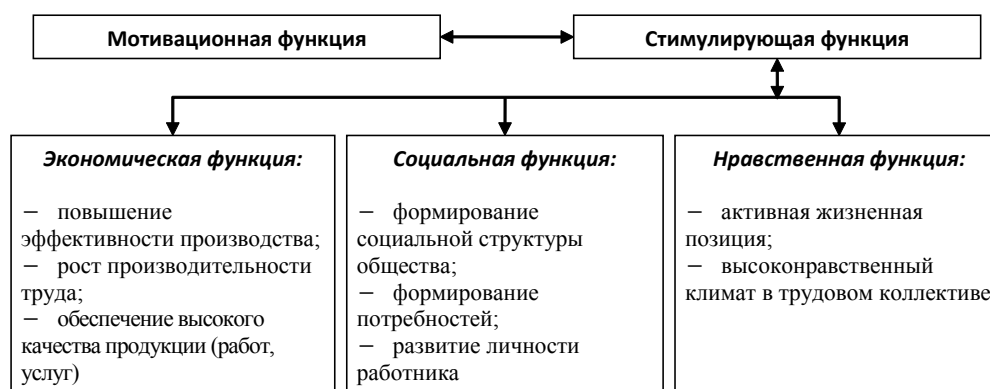

Рис. 1. Взаимосвязь мотивационной и стимулирующей функций заработной платы

Экономическая функция выражается в том, что стимулирование труда содействует повышению эффективности производства, которое выражается в росте производительности труда и качества продукции.

Нравственная функция определяется тем, что стимулы к труду формируют активную жизненную позицию, высоконравственный климат в обществе. При этом важно обеспечить правильную и обоснованную систему стимулов с учетом традиции и исторического опыта.

Социальная функция обеспечивается формированием социальной структуры общества через различный уровень доходов, который в значительной степени зависит от воздействия стимулов на различных людей. Кроме этого формирование потребностей, а в итоге и развитие личности, предопределяются формированием мотивов к труду и его стимулированием в обществе. Думается, что в стимуле заложен определенный дуализм, который состоит в том, что, с одной стороны, с позиций администрации предприятия, он является инструментом достижения цели (повышения производительности труда работников, качества выполняемой ими работы и др.), с другой стороны, с позиций работника, стимул является возможностью получения дополнительных благ (позитивный стимул) или возможностью их утраты (негативный стимул). Когда стимулы проходят через психику и сознание людей и преобразуются ими, они становятся внутренними побудительными причинами или мотивами поведения работника. Мотивы – это осознанные стимулы. Это две стороны, две системы воздействия на работника, побуждения его к определенным действиям.

В любом действии человека есть побудительный мотив, который определяет решение человека, исходя из его потребностей, составляющих внутреннюю побудительную активность. Реализация интереса происходит посредством стимула, т. е. инструмента, при помощи которого образуется зависимость между поощрением человека и его действием. Таким образом, стимул к труду является объективно существующей формой реализации интересов человека.

Стимул к труду как субъективный мотив, возникающий при объективных обстоятельствах, зависит от специфических интересов человека или трудового коллектива. Отсюда стимулирование труда можно определить как систему приведения отобранных стимулов в определенное соподчинение, обеспечивающее достижение цели работником (индивида) или организацией.

Как уже отмечалось, понятие «стимул» близко к понятию «мотив», между тем, в отечественной теории и практике чаще используют термин «стимул», а в зарубежной – «мотив». Различие в них специалисты связывают с тем, что понятие «стимул» связано с материальным и моральным поощрениями, а «мотив» используется в более широком плане, охватывающим все стороны поведения работника (Агапцов, 2003). Именно мотивы труда здесь выступают побуждающими факторами труда, а мотивация работника представляет процесс активизации мотивов поведения при помощи различных стимулов с целью побудить работника к определенному действию, добиться от него определенного поведения.

Мотивами труда могут выступать: карьера, высокий уровень жизни и комфорт, власть, престиж, удовлетворение работой, элемент состязательности и выбора, возможность самореализации как личности, потребность в труде, общении, развитии и т. п. Мотивация труда, опираясь на мотивы, находит и использует преимущественно мощные стимулы, которые различаются по степени воздействия, поскольку личные, коллективные и общественные интересы работника и работодателя имеют различную, зачастую противоположную направленность. Наиболее предпочтительными являются стимулы, связанные с потребительскими, экономическими, социальными, профессиональными, материальными, моральными, познавательными, оздоровительными, духовными, этическими, творческими, техническими, региональными интересами (Кочиева, 2000).

Развитие трудовых отношений предполагает применение более сложных систем мотивации труда, сущность которых состоит во влиянии стимулов на интересы работника. Таким образом, с помощью управления мотивацией можно влиять на трудовые результаты, определять соответствие меры труда мере его вознаграждения. Управление мотивацией труда опирается на политику оплаты труда, поэтому существует возможность выбора и обоснования форм и систем оплаты труда, наиболее эффективных в данных условиях работы для достижения поставленных целей в деятельности конкретного предприятия и удовлетворения интересов наемного работника.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиев И.М. (2011). Экономика труда: учебник / И.М. Алиев, Н.А. Горелов, Л.О. Ильина. М.: Юрайт. 671 с.
 Агапцов С.А., Мордвинцев А.И., Фомин П.А., Шеховская Л.С. (2003). Мотивация труда как фактор повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности предприятия: монография. М.: Высшая школа. 187 с.
 Кочиева Т.Б., Новиков Д.А. (2000). Базовые системы стимулирования. М.: Апостроф, 108 с.
 Ромашов О.В. (2003). Социология труда: учеб. пособ. / О.В. Ромашов. М.: Гардарики. 213 с.
 Салтык И.П. (2010). Материальные стимулы и их роль в повышении эффективности сельскохозяйственного труда / И.П. Салтык, В.Ф. Гранкин, В.А. Левченко // Региональная экономика: теория и практика. № 7. С. 52.
 Снитко Л.Т. (2012). Факторы формирования эффективной системы мотивации на предприятии // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 3. С. 5–9.

REFERENCES

- Aliyev I.M. (2011). Ekonomika of work: textbook. I.M. Aliyev, N. A. Gorelov, L.O. Ilyina. Moscow. 671 p. (In Russian.)
 Agaptsov S.A. Mordvintsev A.I. Fomin P. A. Shekhovskiy L.S. (2003). Motivation of work as factor of increase of efficiency of production economic activity of the enterprise: monograph. Moscow. 187 p. (In Russian.)
 Kochiyeva T.B. Novikov D.A. (2000). Basic systems of stimulation. Moscow. Apostrophe, 108 p. (In Russian.)
 Romashov O.V. (2003). Sotsiologiya of work. Moscow. Gardarika. 213 p. (In Russian.)
 Saltyk I.P. (2010). Material incentives and their role in increase of efficiency of agricultural work. *Regional economy: theory and practice*, no. 7, p. 52. (In Russian.)
 Snitko L.T. (2012). Factors of formation of effective system of motivation at the enterprise. *Messenger of the Belgorod university of cooperation, economy and right*, no. 3, pp. 5–9. (In Russian.)

ОСНОВНЫЕ ОБЪЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

БАДОВЕВ С.Х.,

аспирант кафедры экономики и предпринимательства,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ,
e-mail: indep@nosu.ru

Статья посвящена анализу объективных тенденций современной экономической системы, приобретающих социально-ориентированный и инновационный характер. В системе экономических тенденций особое место занимают краткосрочные тенденции, которые могут оказаться поворотными для всей мировой экономики, реализуя императивы долгосрочных тенденций.

Ключевые слова: экономические тенденции; тенденции устойчивого роста; инновационная экономика; новая экономика; экономика знаний.

BASIC OBJECTIVE TRENDS OF CONTEMPORARY ECONOMIC SYSTEM

BADOEV S.H.,

Postgraduate of economics and business,
North Ossetian State University, Vladikavkaz,
e-mail: indep@nosu.ru

The article analyzes the objective tendencies of the modern economic system, acquiring social-oriented and innovative. The system of economic trends occupy a special place short-term trends that may be pivotal for the global economy, realizing the imperatives of long-term trends.

Keywords: economic trends; the trend of steady growth; innovation economy; the new economy; knowledge economy.

JEL classification: P10, P11, P17.

Большинство действующих в современном мире экономических тенденций в историко-экономическом аспекте являются продолжением последствий промышленной революции конца XIX в. Именно со времен этой промышленной революции ведет отсчет и главная тенденция индустриального производства – постоянно возрастающий спрос на природные (возобновляемые и невозобновляемые, воспроизводимые и невозпроизводимые) ресурсы. Отмеченная тенденция растущего спроса на ресурсные факторы производства и лежит в основе расширения его объемов, а также объемов торговли и потребления.

«Промышленно-революционные тенденции» предопределили и направленность технологических инноваций, сверхзадача которых состояла (и до сих пор состоит) преимущественно в том, чтобы промышленные предприятия могли производить как можно больше промышленной продукции. В результате даже начальный этап формирования глобальной экономики состоял в специализации и кооперации мирового (постранового) разделения промышленного производства. Более того, первоначально даже возникновение веб-экономики (веб-производства, веб-обмена и веб-потребления) составляло только часть индустриального производства и было подчинено его стратегическим целям.

Таким образом, индустриальные тенденции, их формирование и реализация составили основное содержание экономической деятельности на протяжении двух последних веков. Идущие им на смену новые экономические тенденции носят ярко выраженный социально-ориентированный характер, будучи осуществлением тех социальных последствий, которые привнесла в жизнь общества промышленно-производственная революция.

С позиций пространственной экономики индустриализация производственной сферы, выдвинувшая качественно новые критерии экономической эффективности, дифференцировала промышленные регионы на имеющие и не имеющие относительные конкурентные преимущества. Это объясняется тем, что преимущества промышленного характера имеют особенности по сравнению с преимуществами аграрного или постиндустриального характера.

Однако тенденции промышленной революции получили широкое распространение прежде всего потому, что они опирались на развитие массового производства в форме внедрения особой технологии, известной как «сборочная линия». Это позволяло организовать производство промышленных и потребительских товаров в одном месте и в массовом масштабе. На этой основе и возникли высокоорганизованные и специализированные производственные системы для организации промышленности и труда. Р. Нуреев отмечает, что «применительно к событиям конца XIX–начала XX вв. целесообразно рассматривать технологические инновации как более или менее саморазвивающийся процесс, имеющий слабые социальные ограничения. Ведь точка бифуркации была пройдена еще в эпоху промышленной революции. После того как западное общество выбрало стратегию развития, основанную на техническом прогрессе, началось движение по аттрактору, с которого нельзя сойти из-за эффекта Path Dependency (новая бифуркационная ситуация возникла лишь в эпоху Великой депрессии). В рамках этого аттрактора технический прогресс можно и нужно рассматривать как важнейшую первопричину социально-экономических изменений» (Нуреев, 2012. С. 123).

Основным импульсом для процесса обновления системы экономических тенденций современного общества явился энергетический кризис 1970-х гг. прошлого века, который имел главным следствием резкий рост цен на нефть, что необратимо удорожило все стадии промышленного производства. Это означает, что для основных промышленных регионов становится все труднее поддерживать на должном уровне свои конкурентные преимущества без существенной модернизации технологии и управления производством (в виде механизации, автоматизации и компьютеризации используемого оборудования, без расширения сферы услуг, без развития массового перехода на информационные технологии. В число «импульсных» изменений входит и беспрецедентный рост транснациональных корпораций, который выражает тенденцию к мировой глобализации практически всех готовых к этому национальных экономик.

В результате традиционное индустриальное производство – результат промышленной революции – перерастает в новую качественную форму, получившую в экономической теории название «постиндустриальное общество», которое знаменуется революционными сущностными и организационно-управленческими изменениями в большинстве сфер индустриальной экономики, а также появлением новых сфер. В.Г. Наймушин, анализируя современную российскую экономику, отмечает, что «современное российское общество если и может в какой-то степени претендовать на звание постиндустриального или информационного, то лишь с весьма существенными оговорками. Мы, к сожалению, рассматриваем информацию не как основу для создания чего-то нового, а как объект, которым можно овладеть в готовом виде, и который создан другими людьми и в другом пространстве. Такое общество следовало бы назвать не информационным, а коммуникативным, ибо вся его новизна не в том, что оно производит новую информацию, а в том, что оно научилось находить ее в готовом виде, пользуясь коммуникативными технологиями» (Наймушин, 2007. С. 87–88).

Внедрение в массовое производство новых технологий, инновационное содержание которых составляли информационные и компьютерные преобразования, привело к резкому снижению затрат на транспортировку и связь, что принципиально изменило стоимостную структуру производственных процессов. Все это привело к огромному расширению границ, структуры и номенклатуры сферы услуг. И хотя обслуживание потребностей промышленности (в рамках так называемых «третичных отраслей») не генерирует фактически материальную продукцию, оно включает особый комплекс «четвертичных» (научно-технических) и «пятеричных» (инновационных) услуг.

Итогом всех названных преобразований становится ускоренное движение современной экономики к инновационному обществу, «экономике знания». Для региональной экономики это означает изменение экономического статуса как следствия нового (инновационного) международного разделения труда, причем такое изменение коснулось регионов не только в развивающихся, но и в рыночно-развитых странах. В литературе справедливо отмечается, что «инновационная экономика создает предпосылки для стратегического развития новой экономики регионов. К отраслям новой экономики относятся высокотехнологичные и наукоемкие отрасли, как правило, возникающие на основе использования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований, создания инновационной инфраструктуры как важнейшего элемента инновационной системы региона и применения современных информационно-коммуникационных технологий» (Унтура, Евсеев, 2007. С. 154).

Хотя и сегодня продолжается доминирование промышленных отраслей в структуре экономики, тем не менее, происходит массовое перемещение фирм и международных корпораций в новые регионы. В свою очередь, эти изменения в пространственном размещении национальной экономики отражают снижение значимости энергетических ресурсов по мере становления инновационно-информационной «экономики знания». Отсюда – потребность в формировании модернизированных первичных звеньев производства. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «несмотря на совокупность инвестируемых финансовых ресурсов, в масштабе всей экономики результативность инновационной деятельности остается крайне низкой. Это означает, что государственные меры поддержки не приносят желаемого эффекта по причине недостаточно качественной проработки или низкой эффективности практического внедрения новшеств. В то же время, низкая эффективность инновационной деятельности значительно ослабляет конкурентоспособность российских производителей на внешних рынках. Основную часть экспорта из России составляют продукты, не претерпевшие никакой технологической переработки, и сырьевые материалы» (Гстраунталер, 2010. С. 9).

Неожиданным следствием рассмотренных выше изменений является тенденция устойчивого подъема региональной экономики, которая в традиционно-индустриальной экономике длительный период представляла ее производственную, социальную и интеллектуальную периферию. Однако в силу системного характера инновационной экономики региональная экономика не может оставаться в стороне от общего подъема национальной экономики. Таким образом, реальная системность становится базовым императивом современной экономической системы. Однако следует согласиться с мнением о том, что «для российских регионов дореформенная специализация оказалась важнейшим фактором, определившим устойчивость их экономики к изменению условий хозяйствования. Экономический рост создал качественно новую среду для формирования новой, рыночной специализации, ориентированной на спрос, в том числе экспортный, и использование конкурентных преимуществ региона» (Михеева, 2008. С. 232).

В системе экономических тенденций особое место занимают краткосрочные тенденции, которые могут оказаться поворотными для всей мировой экономики, реализуя императивы долгосрочных тенденций. В настоящее время можно говорить о пяти наметившихся базовых тенденциях глобального характера, охватывающих функционирование и направление движения всех основных звеньев национальной экономики – отраслей, регионов и сфер.

1. Посткризисное восстановление экономики всех ведущих стран мира, в том числе и стран группы БРИКС. Основным признаком такого восстановления можно считать хотя и медленный, но структурный выход из сокращения объема производства валового внутреннего продукта, что выразилось в сокращении государственного долга практически во всех ведущих странах мира.

2. Стабилизировалась ситуация на рынке долгосрочных инвестиций, что практически означает рост объемов купли-продажи на рынках строительной недвижимости (жилья) и земельной собственности.

3. Возрастают бюджетные затраты на социальные расходы, в том числе – здравоохранение, социальный сервис и электронные услуги правительства.

4. Снизились энергетические затраты на производство единицы валового национального продукта благодаря массовому внедрению рециркуляции воспроизводимых природных ресурсов.

5. Намечается территориальная передислокация энергоемких отраслей промышленности в регионы с относительно низкими ценами на сырьевые ресурсы и энергетические источники. Это позволит повысить уровень занятости в странах и регионах с традиционно высоким уровнем безработицы.

Отдельные аспекты современных экономических тенденций можно также усмотреть в следующих акциях:

- денежно-кредитные реформы, вводящие банковский надзор относительно трансграничного гарантирования монетарных депозитов;
- переход большинства стран к режиму жесткой экономики, что позволит им балансировать между нулевым ростом и слабым подъемом;
- рост объема и уровня денежной эмиссии как основного финансового инструмента противодействия происходящей в мировой экономике рецессии, хотя последствия такого роста непредсказуемы (исторически дефляция всегда предшествовала высокой инфляции и экономическому спаду).

ЛИТЕРАТУРА

- Гстраунтальер Т., Проскурякова Л.Н. (2010). Пузырь лопнул – базовые отрасли остались // *ФОРСАЙТ*. Т. 4. № 3. С. 9.
- Михеева Н.Н. (2008). Региональные пропорции экономического роста в России // *Регион: экономика и социология*. № 2. С. 232.
- Наймушин В.Г. (2007). Постиндустриальная мифология как «заемный текст» // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 5. № 3. С. 87–88.
- Нуреев Р.М. (2012). От свободной конкуренции к олигополии // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 10. № 3. С. 123.
- Унтура Г.А., Евсеенко А.В. (2007). Экономика знаний как определяющий элемент новой экономики региона // *Регион: экономика и социология*. № 1. С. 154.

REFERENCES

- Gstrauntaler T. Proskuryakova L.N. (2010). Bubble Burst – basic industries were. *FORESIGHT*, vol. 4, no. 3, p. 9. (In Russian.)
- Mikheyeva N.N. (2008). Regional proportions of economic growth in Russia. *Region: Economics and Sociology*, no. 2, p. 232. (In Russian.)
- Naimushin V.G. (2007). Postmodern mythology as “borrowed text”. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 5, no. 3, p. 87–88. (In Russian.)
- Nureev R.M. (2012). From free competition to oligopoly. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3, p. 123. (In Russian.)
- Untura G.A., Evseenko A.V. (2007). Knowledge economy as the defining element of the new economy of the region. *Region: Economics and Sociology*, no. 1, p. 154. (In Russian.)

ПОСТКРИЗИСНЫЙ РОСТ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И НОВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

АКСЕНОВ В.В.,

аспирант кафедры «Экономика и финансы»,
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: vasilyaksenov@gmail.com;

РАГОВИК Л.В.,

аспирант кафедры «Экономика и финансы»
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ragoviklv@mail.ru;

СЕЛИВАНОВА А.Г.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы»,
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: fisa86@mail.ru

В статье рассматриваются этапы формирования современной промышленной политики в условиях замедления роста экономики и снижения курса российского рубля, инструменты и методы менеджмента крупных промышленных предприятий, закладывающие основу для стабильного развития российской промышленности, а также меры государственной поддержки и налогового стимулирования долгосрочного развития. Модель посткризисного роста глобализирующейся экономики еще не является устойчивой, поэтому лишь ограниченное число акторов стран Евросоюза стремятся расширять производство для обеспечения конкурентного позиционирования на новых сегментах рынка.

Ключевые слова: валютные дисбалансы; замедление экономики; инвестиционные проекты; индустриальные парки; инструменты и меры государственной поддержки; кластеры; менеджмент; промышленная политика; ценовое конкурентное преимущество; налоговые каникулы; установление специальных налоговых режимов; стимулирование.

POST-CRISES GROWTH OF GLOBAL ECONOMY AND THE NEW INDUSTRIAL POLICY

AKSENOV V.V.,

Graduate student of Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education,
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don,
e-mail: vasilyaksenov@gmail.com;

RAGOVIK L.V.,

Graduate student of Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education,
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don,
e-mail: ragoviklv@mail.ru;

SELIVANOVA A.G.,

PhD, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education,
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don,
e-mail: fisa86@mail.ru

The article considers the stages of formation of modern industrial policy in the conditions of economy slowdown and a decline in Russian ruble as well as some instruments and methods of management of the large-scale industrial enterprises, forming the base for stable development of the Russian industry. The article also covers some measure of the state support and tax incentives of long-term development. The model of post-crisis growth of globalizing economy is not steady yet, therefore only limited number of actors of the European Union countries seeks to expand its production for ensuring competitive positioning on new segments of the market.

Keywords: currency misbalances; slowdown of economy; investment projects; industrial parks; instruments and measures of government support; clusters; management; industrial policy; competitive price advantage; tax holiday; tax regimes.

JEL classification: F01, O25, O43.

Индикаторы развития мировой экономики в настоящее время значительно изменились. Экономика США демонстрировала в 2012–2013 гг. невысокие темпы экономического роста, медленно восстанавливаясь после кризиса. Предприятиям, которые оказались в затруднительном положении, не хватало ресурсов на расширение производства и создания новых рабочих мест. Экономическим агентам необходимо было решать долговые проблемы.

Рост мировой экономики постепенно увеличивает динамику, при этом отметим, что основой для этого роста является посткризисное восстановление развитых стран на базе реализации устойчивых конкурентных преимуществ и разработки новой промышленной политики.

Несмотря на то что основные риски глобального экономического кризиса остались позади, экономический рост в 2013 г. в странах с формирующимися рынками существенно замедлился. Одной из причин этого явления можно считать ограничение ликвидности в результате решения американской Федеральной резервной системы об окончании программы количественного смягчения (QE), в рамках реализации которой ФРС каждый месяц выкупала активы на 85 млрд долл.

Несмотря на то что мировая экономика восстанавливается после кризиса, оживление роста в развитых странах сопровождалось снижением темпов роста развивающихся экономик, которые встретились со структурными проблемами, а также отличаются неэффективной моделью управления, ограничивающей возможности роста.

Снижение ликвидности на мировом рынке способствовало падению курсов акций, облигаций и валют многих развивающихся стран, из которых стал постепенно уходить финансовый капитал, уменьшению темпов роста экономик формирующихся рынков, прежде всего, экономики Китая, России и других стран БРИКС, а также изменению основных трендов развития глобального мирового рынка. Замедление роста промышленного сектора экономики Китая негативно отразилось на темпах роста других развивающихся стран, ориентированных на китайский рынок, так как именно спрос, обнаруживаемый экономикой Китая, оказывает непосредственное влияние на динамику роста других сырьевых экономик мирового рынка.

Восстановление роста мировой экономики снизило риски распада экономики еврозоны, которая испытывала в последнее время особые трудности. Модель посткризисного роста глобализирующейся экономики еще не является устойчивой, поэтому лишь ограниченное число акторов стран Евросоюза стремятся расширять производство для обеспечения конкурентного позиционирования на новых сегментах рынка. Факторами роста на рынках развивающихся стран выступали следующие: невысокая цена рабочей силы и высокий уровень платежеспособного спроса, стимулируемый в последнее время финансово-кредитными институтами и государственными инвестициями.

Вместе с тем, перспективы развития предприятий, их инвестиционной активности и доходности в крупных европейских странах, таких как Германия и Великобритания, которые успешно проводят политику сокращения издержек, оцениваются выше, чем в крупных развивающихся экономиках странах БРИКС, таких как Россия, Индия и Бразилия. В связи с этим потоки капитала с глобального рынка устремились в страны Западной Европы и США, которые проводят политику новой индустриализации.

Для решения задач политики новой индустриализации в России необходимо создать фонд поддержки промышленных предприятий, обеспечивающий целенаправленное инвестирование ресурсов в решение приоритетных задач развития бизнеса и реализацию крупных стратегических проектов.

Кредитные ресурсы сегодня не являются доступными для российских предприятий, отечественные банки не могут предложить отечественным заемщикам ликвидные ресурсы, поэтому необходим новый институт в виде фонда поддержки. Объем этого фонда должен позволить реализовать программу новой индустриализации и модернизировать отечественное промышленное производство, обеспечив спрос на высокотехнологичную продукцию внутри страны, что означает реализацию политики «импортозамещения» на основе формирования конкурентных преимуществ.

Промышленная политика «импортозамещения» имеет внутреннюю и внешнюю направленность, является основным инструментом развития конкурентных преимуществ российской экономики и основывается на разработке эффективной финансово-кредитной, инвестиционной политики и концепции риск-менеджмента, обеспечивающей управление рисками крупных промышленных предприятий как основных агентов национальной экономики.

На основе концепции риск-менеджмента определяются ключевые потребности развития производства и эффективные инструменты для их реализации. Финансовое и налоговое планирование, грамотная кадровая политика

и стратегия привлечения инвестиций, а также наличие налоговых стимулирующих инструментов оказывают непосредственное влияние на финансовую устойчивость предприятия и обеспечивают возможность проведения модернизационных преобразований. Последовательность реализации инвестиционной, кредитной, налоговой политики, а также концепции риск-менеджмента и составляет основу долгосрочной промышленной политики.

Эффективная промышленная политика снимает ограничения для развития крупных предприятий, связанные с необеспеченностью ресурсами, и приводит к формированию приоритетной концепции развития бизнеса в рамках социально-экономических параметров роста экономики.

При реализации политики «импортозамещения» актуальным вопросом является правильный выбор отрасли с учетом перспектив ее развития, обеспечивающих использование конкурентных преимуществ предприятия и возможностей обеспечения новых направлений развития бизнеса государственной кредитной и налоговой поддержкой.

Разработка системы мер, обеспечивающих поддержку развития промышленных предприятий, связана с созданием привлекательных условий для привлечения инвестиций и благоприятных условий для развития бизнеса. Для этого важно создание институционального механизма, обеспечивающего реализацию долгосрочных конкурентных преимуществ отечественных предприятий корпоративного сектора (*Полтерович, 2006*).

В рамках конкретной отрасли промышленности реализация долгосрочных конкурентных преимуществ предприятий корпоративного сектора связана с обеспечением финансовой устойчивости, стабильной доходности на базе снижения издержек и применения стратегии диверсификации, дифференциации продукции на основе политики «импортозамещения».

Стратегия диверсификации может быть реализована на основе использования новой промышленной политики, включающей комплекс мер системной государственной поддержки, инструменты инновационной политики, целевого финансирования, кредитования и льготного налогообложения.

В рамках новой промышленной политики стратегия диверсификации может объединять несколько направлений: стратегия роста для привлекательных (профильных, ориентированных на национальный или международный рынок) отраслей, стратегия реструктуризации для убыточных, но социально значимых отраслей, удовлетворяющих внутренний спрос или обеспечивающих профильные производства территории. При разработке стратегии диверсификации зарубежные специалисты считают необходимым оценивать следующие факторы (*Томпсон-мл., Стрикленд, 2002. С. 215*).

1. Фактор привлекательности отрасли, отражающий соответствие конкурентным преимуществам и наличие устойчивого потенциала роста.
2. Фактор, связанный с затратами на развитие отрасли, определяющий величину организационно-экономических издержек.
3. Фактор дополнительных преимуществ, возникающий при кластерном подходе управления конкурентными преимуществами.

Теория кластерного подхода была разработана М. Портером. Ученый определил кластер как группу взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества компании и кластера в целом (*Портер, 1993. С. 212*).

По мнению российских ученых, кластер может быть представлен промышленными и непромышленными структурами, может рассматриваться как цепочка создания добавленной стоимости. Одним из отличительных признаков кластера в системе институционального проектирования межхозяйственных взаимосвязей субъектов является территориальная локализация, включающая кластерные сети, промышленные кластерные округа, региональные промышленные кластеры и др. (*Волкова, Сахно, 2009. С. 45–58*).

Промышленный кластерный округ представляет собой территориально сконцентрированную группу компаний, ориентированных на общий конечный рынок, разделяющих единые знания и связанных между собой отношениями конкуренции, сотрудничества и единой кадровой политикой.

В настоящее время в промышленных кластерах обозначился дефицит квалифицированных кадров. Регулировать решение этого вопроса в рамках новой промышленной политики необходимо на основе успешного опыта передовых предприятий, которые системно занимаются этим вопросом для обеспечения своей конкурентоспособности на российском рынке.

Важнейшими составляющими закона «О промышленной политике в Российской Федерации» должны стать подготовка и переподготовка кадров, которые будут проводиться с учетом формирования необходимых компетенций на основе разработанного государственного задания на подготовку квалифицированных кадров.

По мнению специалистов, наиболее перспективным в системе подготовки и переподготовки кадров с учетом формирования необходимых компетенций является опыт Нижегородской области, в которой созданы и успешно функционируют ресурсные центры инновационного образования, на базе которых идет подготовка специалистов для работы на современном промышленном оборудовании (*Шнякин, 2013*).

Для разработки и реализации промышленной политики важно решить задачу снижения кредитных ставок банков для отечественных производственных фирм и предприятий. В начале 2013 г. стоимость кредитных ресурсов для таких заемщиков составляла около 9%, а в конце текущего года увеличилась до 11%. Увеличение стоимости кредита, снижение сроков кредитования и ухудшение их качества для крупных корпоративных заемщиков сократили спрос на продукты корпоративного кредитования, несмотря на высокую потребность в привлеченных ресурсах.

Несмотря на то, что в целом объем портфеля по корпоративным клиентам у отечественных банков не снизился, качество этого портфеля оставляет желать лучшего. Значимую часть кредитного портфеля российских банков по корпоративным клиентам составляют кредиты на пополнение оборотных средств, при этом вследствие дороговизны только небольшая часть банковских ресурсов привлекается российскими компаниями для покупки недвижимости, оборудования, транспорта и запасных частей к оборудованию.

Известно, что на корпоративное кредитование в настоящее время коммерческие банки направляют ресурсы, привлеченные от своих клиентов на депозиты. В связи с этим, безусловно, стоимость таких кредитов продолжает оставаться высокой, соответственно, спрос на дорогостоящие кредиты не будет являться устойчивым в условиях замедления роста отечественного промышленного сектора экономики.

Для активизации спроса на кредитные ресурсы со стороны заемщиков российским банкам необходимо обеспечить привлекательную позицию для реализации депозитной политики. В этом случае у российских банков могут появиться ресурсы (так называемые «длинные деньги») для кредитования программ технического перевооружения производства в рамках реализации новой промышленной политики или концепции «новой индустриализации».

Учитывая, что для крупных промышленных предприятий ставка привлечения заемных средств вследствие достаточно хорошего залогового обеспечения будет значительно ниже, чем для компаний малого и среднего бизнеса, кредитную активность сохраняют компании корпоративного сектора.

Вместе с тем, при кредитовании предпринимательских структур стоимость привлеченных средств зависит также и от финансового состояния клиента, направленности его деятельности, бизнес-цикла компании и репутационного менеджмента. Таким образом, принимая решение о предоставлении кредита, коммерческий банк берет во внимание множество факторов, а не только качество залогового обеспечения, которое представляется заемщиком по кредиту. Низкая ликвидность залогов также увеличивает стоимость кредитных ресурсов для заемщиков.

Инструментом, обеспечивающим снижение стоимости привлекаемых ресурсов, является действующий в настоящее время механизм государственных гарантий, продвигаемый на кредитный рынок «МСП Банком» как государственным институтом развития. «МСП Банк» активно работает на рынке, заключает деловые соглашения с коммерческими банками-партнерами, среди которых можно особо выделить следующие: «Промсвязьбанк», «Уралсиб», «Возрождение», «Азиатско-Тихоокеанский банк» и другие.

На основе стратегии реализации новой концепции промышленной политики необходимо обеспечить механизм конвертации потенциального объема сотрудничества между банками и институтами развития в выданные гарантии заемщикам из корпоративного сектора. Опыт работы коммерческих банков с институтами развития показал, что условия доступа к инструментам гарантийной поддержки следует расширить для обеспечения кредитами большего количества участников финансово-кредитного рынка.

Например, требуется снизить долю капитальных вложений, необходимых для получения гарантии, с 70% до 50% от стоимости проекта, что позволит компаниям инновационного типа привлечь ресурсы на начальных стадиях их реализации. Ранее привлечение финансирования позволит решить вопросы, связанные с финансированием затрат, без которых запустить производство невозможно: например, оплата проектных работ, НИОКР, подготовка разрешительной документации, маркетинговые исследования, лицензии, изготовление опытного образца, обучение персонала и т. п.

Стратегические задачи разработки актуальной для обеспечения экономического роста России политики «импортозамещения», а также инструменты финансовой и налоговой поддержки отечественной промышленности должны быть учтены при разработке стратегии индустриальных парков и обсуждены со специалистами в ходе общественной дискуссии.

В перспективе в России будут созданы не менее 300 индустриальных парков, в которых при поддержке государства разместятся предприятия различных отраслей, обладающих критериями конкурентоспособности для формирования нового поколения высокотехнологичных производств. Программа создания индустриальных парков связана с новой индустриальной революцией, наступлением эпохи индивидуализированных производств, новейших 3D-технологий, роботизации, цифровых систем управления, перераспределения центров создания добавленной стоимости. В России уже созданы новые институты, обеспечивающие развитие новой промышленной политики, например, Ассоциация индустриальных парков, выражающая интересы участников отрасли, утвержден отраслевой стандарт, обеспечивающий эффективный выбор перспективных проектов, создана инфраструктура поддержки инновационных компаний, включающая технопарки, бизнес-инкубаторы.

Действующие индустриальные парки развивались без государственной поддержки, что не позволило полностью раскрыть их потенциал и снизить издержки, связанные с созданием и эксплуатацией. Программа развития индустриальных парков должна также включать налоговые каникулы для вновь создаваемых предприятий. Высокие издержки не позволяли компаниям, работающим в этих индустриальных парках, обеспечивать себе конкурентоспособность. Промышленные парки должны выступать как инфраструктура для развития промышленных предприятий инновационного типа, а инфраструктура является зоной ответственности государства.

Комплекс мер, направленных на создание для отечественных промышленных предприятий базовых условий близких к тем, в которых находятся зарубежные конкуренты, обеспечивает конкурентоспособность российских компаний и требует особого внимания при принятии поддерживающих факторов, изменяющих порядок финансирования или налогового регулирования. Применение перспективных финансово-кредитных инструментов и мер налогового регулирования позволит обеспечить конкурентоспособность российских промышленных предприятий в рамках членства в ВТО.

ЛИТЕРАТУРА

- Волкова Н.Н., Сахно Т.В. (2009). Индустриальные кластеры в США // *США-Канада: экономика, политика, культура*. № 5. С. 45–58.
- Полтерович В. (2006). Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // *Экономико-математические методы*. № 2. С. 8–16.
- Портер М. (1993). Международная конкуренция: Пер. с англ. / М.Е. Портер. М.: Международные отношения. С. 212.
- Томпсон-мл. А.А., Стрикленд А.Дж. (2002). Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа: Пер. с англ. 12-е изд. М.: Вильямс.
- Шнякин В. (2013). Решить кадровый вопрос поможет опыт нижегородских компаний / *Российская газета*, 2013 от 11 сентября. Международный бизнес-саммит: Нижний Новгород-2013. Доступно на: <http://www.rg.ru/2013/09/11/reg-pfo/shnyakin-anons.html>.

REFERENCES

- Polterovich V. (2006.) The strategies of institutional reforms. China and Russia. *The Journal of Economics and Mathematics Methods*, no 2, pp. 8–16. (In Russian.)
- Porter M. (1993). International competition. Translated from English. Moscow: International Relations. p. 212. (In Russian.)
- Shnyakin V. (2013). The experience of Nizhny Novgorod companies could help to solve personnel affairs. *Russian Newspaper*, September, 11. International Business Summit conference, Nizhny Novgorod–2013. Available at: <http://www.rg.ru/2013/09/11/reg-pfo/shnyakin-anons.html> (In Russian.)
- Thompson A.A. (Jr.), Strickland A.G. (2002). Strategic management: concepts and cases for analyses. Edition 12. Translated from English. Moscow, Williams. (In Russian.)
- Volkova N.N., Sachno T.V. (2009). Industrial clusters in the USA. *The Journal of the USA and Canada: economy, policy and culture*, no 5, pp. 45–48. (In Russian.)

УНИВЕРСИТЕТЫ В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЯ

ГОРБУНОВ А.П.,

кандидат исторических наук, профессор,
Пятигорский лингвистический университет, г. Пятигорск,
e-mail: info@pglu.ru

Возникающая в обозримый исторический период «экономика знания» требует научного прогнозирования изменений в функциях университетов, инструментах их воздействия в условиях становления глобальной системы инновационного преобразования сферы общественного производства. В результате станет возможным создание целевых программ на уровне экономической политики государства, обеспечивающих ускоренное развитие национальной экономики знания и реализацию ее реального потенциала.

Ключевые слова: функции современных университетов; экономика знания; реализация университетского потенциала.

UNIVERSITIES IN THE STRUCTURE OF KNOWLEDGE ECONOMY

GORBUNOV A.P.,

PhD, Professor,
Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk,
e-mail: info@pglu.ru

Emerging in the foreseeable period of «knowledge economy» requires scientific forecasting changes in the functions of universities instruments of their impact in the conditions of global innovation system overhaul of social production. The result will be possible to create targeted programs at the level of the economic policy of the state to ensure the accelerated development of the national economy of knowledge and the realization of its true potential.

Keywords: functions of modern universities; knowledge economy; implementation of a university building.

JEL classification: D83, I21.

В будущей экономике знания университеты призваны сыграть роль генераторов новых форм организации производства в соответствии с его системно-инновационным характером функционирования и динамики. Этому способствуют две важнейшие функции современных университетов – практическое воплощение результатов научных исследований в инновационные продукты, обеспечивающее национальной экономике глобальную конкурентоспособность, а также функция роста культурно-образовательного и профессионально-квалификационного уровней населения страны. Как справедливо отмечается в литературе, «мировой опыт свидетельствует о том, что, несмотря на определенные национальные различия, лидерами в построении инновационного общества становятся страны, имеющие лучшие по мировым меркам исследовательские университеты. Такие университеты являются национальными центрами по производству новых научных знаний и подготовке работников, способных эти знания получать, распространять, применять и превращать в товары и услуги» (Грудзинский, Бедный, Плехова, Бедный, 2012).

Отсюда следует, что национальная экономическая политика по стратегическому развитию университетов как базовых элементов системы экономики знания также включает два направления – формирование общероссийского исследовательского и общероссийского образовательного пространства. Такой подход противостоит фрагментарному развитию национальной экономики знания, заведомо обрекающему ее на неэффективную деятельность, – как современные университеты, так и сферу производства. Фактически речь идет о проектировании новой модели функционирования университетов, встроенных в систему экономики знания как ее основного двигателя.

Исходной теоретической посылкой изменения функционального статуса современного университета является признание того обстоятельства, что он не может далее находиться в позиции обособленного учреждения, «приподнятого» над производственной, экономической и социальной практикой. Напротив, именно университеты становятся центрами, вокруг которых организуются новые инновационные компании, административные и финансовые структуры, аналитические и консалтинговые фирмы, бизнес-инкубаторы, инновационное производство стартаповых предприятий, открытые научные парки, научно-исследовательские институты и издательские фирмы, а также компании, предоставляющие «пакетные заказы» университетам и обеспечивающие «маркетинговую» их инновационных продуктов.

Названные перемены вызовут важные изменения в общественной и экономической жизни:

- превращение университетов в экономике знания в основных получателей инвестиций из бюджетных средств;
- экстернализацию научно-учебной деятельности университетов;
- использование возможностей новых цифровых технологий для распространения знаний.

В результате возникает новый тип университета как «ассоциации академических предпринимателей», занимающихся инновационным обеспечением функционирования предприятий социальной и коммерческой направленности. Однако такие перемены будут присущи преимущественно крупным постиндустриально-развитым странам, тогда как для менее развитых стран подобные перемены неподъемны, в силу чего для них переход к экономике знания породит, скорее, новые, дополнительные проблемы. С одной стороны, им необходимо сохранять университеты как интеллектуальные центры национального языка и национальной культуры; с другой стороны, они должны преподавать и публиковать на ограниченном числе языков, так называемых «международных языках», ибо это – единственная возможность приобретения статуса глобальных центров культуры, науки и просвещения. Очевидно, что эти два направления входят в прямое столкновение, как это бывает во многих аналогичных ситуациях. Кроме того, как справедливо пишет О.В. Перфильева, «для российских федеральных университетов работа в направлении содействия социальному и культурному развитию регионов носит повседневный характер. Этот опыт российских университетов вплетен в жизнедеятельность университета, в том числе и в качестве одного из основных результатов, если исходить из отдачи от деятельности института. Это то, что составляет жизнь университета. Университеты пытаются реализовывать свою социальную функцию, работают с учащимися вуза, образовательных школ региона, городским населением. Тем не менее, на сегодняшний день оценить отдачу от реализации социальной функции вузов достаточно сложно за исключением взаимодействия вузов с региональными промышленными предприятиями, в рамках которого вузы ориентированы на удовлетворение потребностей предприятий в соответствующих кадрах. Очевидна отдача, прежде всего ее экономическая составляющая, от такого взаимодействия» (Перфильева, 2011).

Интернационализация стратегического развития большинства университетов в мире способствуют переходу к единой системе научной квалификации, рейтингования, введения совместного преподавания. Однако такое возможно только при условии формирования определенных экономических предпосылок, способствующих возникновению глобально единого исследовательского и образовательного пространства.

В будущей глобальной экономике знания университеты выполняют жесткий набор экономических функций, выступая в качестве поставщика как государственных, так и частных «образовательных» и «исследовательских» благ, доводя их до состояния инженерного решения прикладных проблем. В более широком смысле, в общественном пространстве, университеты выступают в качестве генератора, вызывающего масштабные социальные последствия, связанные с интеграцией с технологической, производственной, управленческой, экономической и социальной системами. Это требует от университетов овладения всем диапазоном форм с точки зрения общественной и частной собственности, получения прибыли и некоммерческой (просветительской) деятельности, а также различной степени зависимости от государственного финансирования. Это открывает возможность проведения финансово-экономических экспериментов в организационных формах и инструментах их адаптации к конкретным национальным, региональным и глобальным условиям. При этом следует учитывать, что неравномерность национального и регионального развития, а также происходящая в условиях глобализации универсализация исследовательских компетенций, означают, что университеты часто стремятся сбалансировать местные региональные интересы с мировыми стандартами производительности интеллектуального труда. Поэтому, как это ни выглядит парадоксально, именно в условиях мирового финансового кризиса ведущие промышленные страны приступили к существенному увеличению поддержки для университетов и для научных исследований, в частности видя в этом главное условие выхода из кризиса. Послевоенный опыт свидетельствует о том, что увеличение объема средств, выделяемых на высшее образование во всем мире и более поздняя их концентрация на инновационной динамике реализуют концепцию, согласно которой восстановление равновесия макроэкономики находится в прямой зависимости от успеха в коммерциализации результатов научно-исследовательской базы.

Особенно изменяется характер отношений между университетами и частным бизнесом, поскольку в границах экономики знания они выступают уже как взаимоотношения равноправных крупных корпораций, в одинаковой мере стремящихся расширить используемую базу знаний в целях активного экспортирования научно-исследовательских работ посредством осуществления совместных инновационных процессов.

Сегодня университеты динамично меняют свои стратегии, организационные структуры и компетенции с тем, чтобы адекватно реагировать на новые, экстернализные для них, внешние требования социального и экономического характера для расширения профессиональной практики внутриуниверситетского управления. В литературе аргументируется, что «в современных рыночных условиях, организационная структура университета должна быть жизнеспособной и динамичной. В этой связи становится актуальной разработка научно обоснованной структуры управления образовательными, научными, научно-практическими и инновационными процессами, такой структуры,

которая эффективно функционирует в условиях открытого информационно-образовательного пространства, обеспечивает генерацию новых знаний и технологий» (Миклушевский, Прокошкин, Красильников, Туманов, 2006).

В подобной ситуации стратегические императивы адаптируются не только к реалиям национальной политики, но и к социальным вызовам глобального характера. В свою очередь, новые конкурентоспособные режимы функционирования национальных университетов отражают растущую степень глобализации междууниверситетских, межрегиональных и международных потоков студенческих, финансовых и инновационных потоков. Только в этих условиях предоставление образовательных услуг превращается в особую сферу глобальной индустрии знаний, которые должны регулироваться в рамках Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС). Поэтому, по справедливому мнению Г.А. Ключарева, «выживут» и твердо встанут на ноги «инновационные возмутители» – те учебные заведения, которые сумеют освоить новые, во многом нетрадиционные для классических университетов области образовательных услуг» (Ключарев, 2011).

Переход к глобальной стратегической позиции для вузов в рамках экономики знания можно представить как главное направление конкуренции за финансовые и людские ресурсы. Критерием эффективности университетской активности становится эффективное использование общественных и частных ресурсов в виде текущих и капитальных бюджетов для преподавания и исследований. Как подчеркивается в публикации Д.А. Казьменкова, В.М. Московкина, «инновационный сектор российской экономики как совокупность образовательных, научных, инфраструктурных и производственных организаций, взаимодействующих с целью выпуска наукоемкой высокотехнологичной продукции, характеризуется отсталостью на фоне роста инновационной составляющей экономик развитых стран» (Казьменков, Московкин, 2012). Этот тезис подтверждается данными официальной статистики: планируемый уровень расходов на НИОКР к ВВП в Российской Федерации, соответствующий значению 1,1%, уступает не только показателям стран Европы (в среднем по странам ЕС – 27 1,91%), но и Австралии (2,24%), Новой Зеландии (1,30%) и других стран. Он в абсолютном и в относительном выражении значительно ниже уровня расходов стран-лидеров: США – 2,9% ВВП, Китая – 1,8% ВВП, Республики Корея – 3,74% ВВП, Японии – 3,4% ВВП (Прогноз долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, 2013).

И хотя объемы финансирования науки из средств федерального бюджета с каждым годом увеличиваются, они составляют лишь 0,6% к ВВП и 1,6% к расходам федерального бюджета (табл. 1.).

Таблица 1

Финансирование науки из средств федерального бюджета

Показатель	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Расходы федерального бюджета на финансирование науки						
млн руб.	17396,4	76909,3	162115,9	219057,6	237656,6	319275,4
в том числе:						
на фундаментальные исследования	8219,3	32025,1	69735,8	83198,1	82173,8	92305,3
на прикладные научные исследования	9177,1	44884,2	92380,1	135859,5	155482,8	226970,2
в процентах:						
к расходам федерального бюджета	1,69	2,19	2,14	2,27	2,35	1,60
к валовому внутреннему продукту	0,24	0,36	0,39	0,56	0,51	0,57

* Россия в цифрах. (2013). Стат. сб. / Росстат. Раздел: Научные исследования и инновации. М. С. 382.

В странах, осваивающих экономику знаний, для реализации государственных целей при осуществлении взаимодействия государства, науки и промышленности применяются три основных инструмента:

- государственный контракт по итогам конкурса и при непосредственной пользе для государства;
- грант на поддержку или стимулирование государством научных исследований и разработок;
- кооперативное соглашение, которое вводится как инструмент сотрудничества и поддержки, не требующий, как и грант, заранее жестко заданного полезного результата, но с более высокими контролирующими правами государства (Сидорова, 2012).

В российской научной сфере применяются два основных инструмента для финансирования научных исследований и разработок: гранты в форме безвозмездных субсидий и конкурсное финансирование, составившие в 2011 г. 13,8% к внутренним затратам на исследования и разработки (табл. 2).

Таблица 2

Гранты и конкурсное финансирование на научные исследования и разработки

Вид финансирования	2010		2011	
	Млн руб.	В процентах к внутренним затратам на исследования и разработки	Млн руб.	В процентах к внутренним затратам на исследования и разработки
Гранты (безвозмездные субсидии)	7229,2	1,4	14240,1	2,3
Конкурсное финансирование	49583,9	9,5	70441,8	11,5

* Россия в цифрах. (2013). Стат. сб. / Росстат. Раздел: Научные исследования и инновации. М. С. 384.

Можно утверждать, что экономика знаний и университеты развиваются во взаимной зависимости, представляя сложную адаптивную систему, которая постоянно раздвигает собственные новые границы, порождая новые отношения и закономерности их движения. Так, университет может потенциально расширить степень автономности своих структурообразующих подразделений, если он имеет несколько источников финансирования, и меньше полагаться на бюджетные источники. Проблема в том, что университет как организация инновационная способен адаптироваться в условиях меняющейся системы. Основным вопросом роста роли университета в экономике знаний становится вопрос, как стимулировать новые фундаментальные направления исследований и преподавания, ведущие к крупным инвестициям. В настоящее время, по мнению Н.В. Титовой, «реформа российского образования подразумевает:

- разработку единых стандартов, уравнивающих российскую и европейскую системы образования. Прежде всего, это выражается в переходе высшего образования на программу «бакалавриат–магистратура»;
- возможность мобильности обучающихся, обеспечение равного доступа к образованию;
- увеличение доли внебюджетного финансирования и развитие платных образовательных услуг;
- возможности трудоустройства выпускников, в том числе за рубежом (Титова, 2011).

Практика показала, что для крупного традиционного университета особенно важны структурные изменения, которые бы позволили сосредоточить междисциплинарные исследования на разработке фундаментальных вопросов. Этому же должны способствовать институциональные структуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Грудзинский А.О., Бедный Б.И., Плехова Ю.О., Бедный А.Б. (2012). Роль и структура инновационного предпринимательского образования в исследовательском университете // *Университетское управление*. № 3. С. 56.
- Казьменков Д.А., Московкин В.М. (2012). Проблемы малых инновационных предприятий при вузах России // *Университетское управление*. № 2. С. 61–66.
- Ключарев Г.А. (2011). Частное высшее образование: инновационный потенциал и инвестиционная привлекательность // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 9. № 1. С. 72.
- Миклушевский В.В., Прокошкин А.С., Красильников И.О., Туманов В.Е. (2006). Инновации в управлении вузом: новые решения для корпоративной информационной системы // *Университетское управление*. № 6(46). С. 16–24.
- Перфильева О.В. (2011). Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // *Вестник международных организаций*. № 1. С. 133.
- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (2013). М.: Министерство экономического развития.
- Россия в цифрах (2013). Стат. сб. / Росстат. Раздел: Научные исследования и инновации. М. С. 382–384.
- Сидорова Н.А. (2012). Инновационный механизм современного вуза // *Экономические науки*. № 3(88). С. 215–218.
- Титова Н.В. (2011). Отношение участников образовательного процесса к модернизации высшего образования в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 113.

REFERENCES

- Grudzinski A.O., Bednii B.I., Plekhova J.O., Bednii A.B. (2012). Role and structure of innovative entrepreneurial education in a research university. *University Management*, no. 3, p. 56. (In Russian.)
- Kazmenko D.A., Moscovkin V.M. (2012). Problems of small innovative enterprises at universities in Russia. *University Management*, no. 2, pp. 61–66. (In Russian.)
- Klyucharyov G.A. (2011). Private higher education: innovative potential and investment attractiveness. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no. 1, p. 72. (In Russian.)
- Miklushevsky V.V., Prokoshkin A.S., Krasil'nikov I.O., Tumanov V.E. (2006). Innovations in university management: new solutions for corporate information system. *University Management*, no. 6(46), pp. 16–24. (In Russian.)
- Perfilieva O.V. (2011). University and region: towards the realization of the third function. *Bulletin of international organizations*, no. 1, p. 133. (In Russian.)
- Forecast long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2030. (2013). Moscow: Ministry of Economic Development. (In Russian.)
- Russia by the Numbers. (2013). Stat. sb. Rosstat. Section: Research and Innovation. Moscow, p. 382–384. (In Russian.)
- Sidorov N.A. (2012). Innovative mechanism modern university. *Economic Sciences*, no. 3(88), pp. 215–218. (In Russian.)
- Titov N.V. (2011). The ratio of participants in the educational process for the modernization of higher education in Russia. *Monitoring of public opinion: the economic and social changes*, no. 3, p. 113. (In Russian.)

МОДЕЛИ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ЖИГАЛО Е.А.,

аспирант экономического факультета,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: sunbeam2205@mail.ru

Обеспечение экономически эффективного удовлетворения потребностей граждан в общественных благах – одна из основных функций государства. Оптимизация структуры общественных благ, ресурсное обеспечение их производства и распределение бремени финансирования является сложной задачей. Однако она объективна и поддается исчерпывающему определению в экономической науке.

В то же время требования граждан к государству обычно направлены на использование его полномочий не только для организации коллективных действий по созданию общественных благ. На государство возлагают также справедливое распределение и перераспределение доходов.

Категория справедливости носит в большей степени психологический характер, а не экономический. Однако достаточно большое количество ученых-экономистов посвятили свои труды исследованию данной категории и рассматривали ее в разрезе повышения благосостояния общества (так называемая «экономика благосостояния»).

Ключевые слова: справедливость; распределение; перераспределение; государственная социальная политика.

MODELS OF INCOME REDISTRIBUTION IN THE CONTEXT OF SOCIAL JUSTICE

ZHIGALO E.A.,

Graduate student of the Faculty of Economics,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: sunbeam2205@mail.ru

Providing cost-effectively meet the needs of citizens for public goods is one of the main functions of the state. Optimization of the structure of public goods, resource support their production and distribution of the burden of funding is a difficult task. However, it lends itself to objective and exhaustive definition in economics.

At the same time the demands of citizens to the state generally directed to the use of his powers, not only to organize collective action to create public goods. The State has also equitable distribution and redistribution of income.

Category justice is more psychological in nature, not economic. However, quite a number of economists have devoted their research works in this category and considered it in the context of improving the welfare of society (so-called «welfare economics»).

Keywords: justice; distribution; redistribution; state social policy.

JEL classification: A14, H5, H6.

Перед экономикой общественного сектора стоит задача внимательно анализировать характер, предпосылки и следствия перераспределительных процессов. Это связано с необходимостью понимания действительной логики экономических действий государства и обоснования практических рекомендаций. В частности, важно определить пределы, в которых могут согласовываться (в некоторой степени) конфликтующие интересы. Кроме того, необхо-

димо проследить влияние, оказываемое политикой распределения, соответствующей конкретной трактовке справедливости, на экономическую эффективность производства общественных и частных благ.

Согласно Дж. Миллю, экономические законы производства должны отличаться от законов распределения, так как они объективны и на длительном временном отрезке не допускают произвола и случайности. Законы производства детерминированы техническими условиями и имеют характер, «свойственный естественным наукам». Они не зависят от воли. Тогда как законами распределения управляет «человеческая интуиция». Их формируют индивиды в результате общественной практики, что может привести к большим деформациям в общественном развитии, особенно в короткие периоды времени. Так, Милль отмечал, что законы распределения определяются мнениями и желаниями правящей элиты общества, сильно различающимися в разные века и в разных странах (Милль, 1980. Т. 1. С. 337–338).

Государство реализовывает свои социальные функции через институты на разных организационных уровнях. При этом в качестве последних могут выступать не только государственные структуры. Субъектами государственной социальной политики являются компетентные государственные органы и учреждения, которые образуют социальное информационное и правовое поле, осуществляют материальное обеспечение или натуральные виды помощи (например, социальные услуги) нуждающимся в них индивидам в границах федеральных или территориальных гарантий.

Структура государственной социальной политики состоит из основных направлений, совпадающих с системой социальных функций и механизмов реализации этих функций, к которым можно отнести различные структуры, нормы и принципы (не только государственные). Например, институты и принципы трипартизма и социального партнерства не являются структурными элементами государства, но при этом представляют собой важные механизмы, посредством которых выполняется ряд социальных функций социальной защиты, осуществляется сглаживание социального неравенства, обеспечивается занятость, предоставляются социальные услуги и повышается благосостояния. Как механизмы социальной политики они служат для решения поставленных государством задач.

При этом различные аспекты социальной политики государства, прежде всего, в разрезе увеличения благосостояния населения через перераспределение доходов, невозможно анализировать вне категории справедливости. Исторически взгляды и подходы к исследованию социальной политики в данном аспекте менялись. Можно условно выделить ряд этапов развития теории справедливого распределения и перераспределения.

1. В конце XVIII в. в России и Европе сформировывалась государственно-административная система общественного призрения. Она характеризуется становлением институциональной системы помощи, образованием правовой базы, административной формой управления, включающей территориальные структуры, частичное государственное финансирование социальной помощи. Особенность данного этапа состоит в содействии государства другим институтам – индивидуальной и общественной благотворительности, благотворительным обществам, местной власти, церкви – в исполнении социальных функций, при этом ответственность за социальную политику несло государство.

В этот же период происходит развитие идей справедливости и солидарности, которые в ходе Великой французской революции преобразовались в принципы. Идея справедливости как соответствие природе вещей или экономической/политической норме дополнилась идеей справедливости в рамках общественного договора и естественных прав человека.

2. Во второй половине XIX в. начался переход социальных функций от общества к государству. Это было обусловлено развитием производительных сил, требовавших более мощной социальной интеграции общества, достигнуть которой можно было только через деятельность государства по консолидации всех граждан на основе принципа солидарности. При этом отношения «государство–личность» и «государство–общество» подверглись ряду изменений, связанных с совпадением целей государства и морально-этических принципов общества. Социалистами-утопистами подчеркивалась преобладающая ценность всеобщего блага и подчинения личных интересов общественным, а государство рассматривалось исполнителем общественных целей. Л. фон Штайн в 1850 г. выдвинул идею социального государства, снимавшую довлевшее со времен Аристотеля противоречие, которое возникло вследствие деления государств на правильные (в них достигается общее благо) и неправильные (в них достигаются частные цели). В социальном государстве впервые реализуется совпадение личностных и общественных целей, а также принятие государством целей индивида как своих собственных (Кочеткова, 2008. С. 76).

В основе идеи социального государства лежат представления социалистов-утопистов, преобразовавшиеся И. Бентамом и Э. Чэдвиком в тезис о необходимости оценки законодательства и институтов в разрезе «наибольшего счастья для наибольшего числа людей». Э. Чэдвик был первым, кто выдвинул положение о необходимости изменения социальной среды с помощью деятельности государства, не только выполняющей функцию помощи слабым, но и создающей условия для развития своих граждан (Охонин, 2009. С. 20).

3. В дальнейшем развитие представлений о социальных правах, лежащее в основе идеи социального государства, происходило преимущественно в рамках социал-демократических теорий. Начиная с «Утопии» Т. Мора, категории «равенство» и «справедливость» жестко связываются с государственным устройством и переходят из умозрительной плоскости в практическую, преобразовываясь в цели реального переустройства мира. Переломная точка перехода социальных прав из метафизики в реальность это их связь с функцией перераспределения общественных благ, реализуемой государством.

Справедливость, равенство, солидарность и свобода как базовые потребности индивида и общества имеют различные формы проявления, обычно маскирующие их суть. Наиболее распространено отнесение данных категорий к идеалам, т. е. они воспринимаются преимущественно как морально-правовые и общественно-политические категории.

С течением времени существенно изменились и представления о самой категории справедливости. Как фундаментальное понятие политической философии и этики, справедливость выявляет исторически меняющиеся взгляды на отношения между правами и обязанностями, деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п.

Для понимания справедливости необходимо выделить два ее типа – коммутативная и распределительная.

Суть коммутативной справедливости состоит в формальном равенстве прав. Ее основная идея выражается древним принципом *loх talionis* (лат. «закон равного возмездия») – «воздать каждому по заслугам», ветхозаветное «око за око» или современное «каждому по труду» (Ахинов, Калашников, 2008. С. 81). Коммутативная справедливость как элемент социальной политики реализуется в механизмах индивидуального страхования, в которых выплата пособий представляется в качестве возмещения взносов, в предоставлении дополнительных социальных благ за услуги (например, социальная поддержка участников военных действий, ветеранов и т. п., оплата труда исходя из его сложности и тяжести).

Распределительная справедливость противопоставляется коммутативной справедливости. Она является философской категорией и непосредственно связана с идеей равенства. Дж. Ролз при определении распределительной справедливости отмечал, что все социальные ценности, такие как свобода, возможности, доход, состояние, чувство собственного достоинства, должны распределяться поровну. Исключением могут стать только случаи, при которых неравное распределение какой-либо или всех ценностей осуществляется в целях всеобщей выгоды.

Суть распределительной справедливости состоит в обеспечении реального равенства, в первую очередь экономического, и предполагает перераспределение благ между богатыми и бедными. Сегодня под распределительной (дистрибутивной) справедливостью часто понимают социальную справедливость. Дистрибутивная справедливость касается вопроса коллективных механизмов распределения благ при функционировании общественных институтов.

Распределительная справедливость, в отличие от коммутативной, не может быть реализована без внешнего вмешательства. Государство осуществляет функцию реализации распределительной справедливости посредством насильственного перераспределения, обеспечивая справедливость как естественное право человека на удовлетворение своих потребностей в приемлемом уровне жизни, социальной защите и в минимуме социальных благ.

Дж. Ролз в «Теории справедливости» (1971 г.) обосновывает идею государства всеобщего благоденствия, исходя из представления о социальной (распределительной) справедливости как о социальном праве, а об общественном перераспределении благ как о механизме реализации данных прав. Справедливость, по мнению ученого, является главной добродетелью социальных институтов. Ролз определил справедливость как честность. Две эти категории представляются родственными вследствие их связи с понятием должного. Справедливость, так же как и честность, предполагает наличие взаимных моральных обязательств участников социального действия. Стороны будут считать практику справедливой тогда, когда распределение материальных и нематериальных благ, получаемых во взаимодействии, соответствует представлениям о должном, т. е. принятые правила игры соблюдены. Представления о должном в свою очередь определяются сложившейся картиной мира, принятыми ценностями и социальными нормами. Справедливыми социальными институтами будут те, которые могут обеспечить равенство членов общества в распределении материальных и нематериальных благ, производимых при социальном взаимодействии.

Ролз сформулировал два принципа:

1. Каждому индивиду должно предоставляться равное право в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с такими системами свобод для всех остальных индивидов.
2. Социальные и экономические неравенства должны быть организованы так, чтобы они одновременно вели к наибольшей выгоде наименее преуспевших на основе принципа справедливых сбережений и делали открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей.

Свобода и равенство возможностей, согласно Ролзу, стоят перед задачами обеспечения благосостояния, основываясь на лексическом порядке, в соответствии с которым каждый последующий принцип обеспечивается только после выполнения требований предыдущего (Ролз, 2006. С. 44–46).

А. Макинтай, основываясь на принятии общественного блага в качестве главной ценности, сформулировал другую концепцию справедливости, в соответствии с которой распределение благ в обществе должно осуществляться по заслугам людей и поэтому не может быть равным (Карнаш, 2011. С. 95).

Однако, несмотря на различие двух перечисленных концепций, категория справедливости формулируется схожим образом. Справедливые социальные институты – это институты, направляющие взаимодействия между членами общества в соответствии с принятыми ценностными ориентирами. Поэтому справедливость (соответствие представлениям о должном распределении благ в обществе) может быть названа главной добродетелью социальных институтов, так как она обеспечивает их легитимность и устойчивость. При этом она не является единственной добродетелью социальных институтов. Существует и ряд других, например, эффективность.

Абсолютно противоположным роулсианской концепции является взгляд Ф. Ницше на общественное благополучие. Он считал, что справедливым является только распределение доходов, максимизирующее благосостояние наиболее обеспеченных членов общества (ценных с точки зрения возрастания самого человеческого типа, говоря словами Ницше). С экономической точки зрения, обоснованием такого распределения может выступать неэффективная работа механизма передачи ресурсов от богатых к бедным, влекущая за собой высокие издержки перераспределения (потеря полезности при передаче дохода превышает дополнительную полезность для бедных). В таком случае обществу необходимо принимать решения, отталкиваясь от интересов наиболее обеспеченных слоев населения, в

расчете на то, что в дальнейшем увеличение общественного благосостояния за счет богатых скажется на благополучии бедных (Ясперс, 2008. С. 382).

В теории принятия решения подобное поведение общества соответствует принципу максимакса, когда в условиях неопределенности индивид, принимающий решение, в любом случае выберет вариант, который принесет ему максимальный результат. Увеличение общественного благосостояния возможно только при одновременном увеличении индивидуального благосостояния всех индивидов.

А. Бергсон первоначально рассматривал функцию общественного благосостояния с позиции индивидуализма, основываясь на функциях полезности для каждого индивида или домохозяйства в обществе. Функция, отражающая зависимость благосостояния общества в целом от кардиналистской полезности составляющих его индивидов, позволила включить в нее различные ценностные суждения о справедливом распределении в обществе: от роулсианских принципов роста благосостояния для бедных до ницшеанских взглядов на общество как на инструмент увеличения благосостояния могущественных и ценных личностей. В дальнейшем представление Бергсона о функции общественного благосостояния расширилось. Она стала рассматриваться с точки зрения различных аспектов социального состояния общества, не всегда выраженных через полезность (Москальонов, 2007. С. 57).

Заметный вклад в создание основ теории благосостояния в условиях конкурентного рыночного равновесия внес В. Парето. Траектория движения к Парето-эффективному распределению ресурсов (доходов) может быть оценена в разрезе оценочных суждений, т. е. с позиции критерия роста благосостояния индивидов, предложенного В. Парето. Этот подход определяется как Парето-улучшение. Он сформулирован как любое изменение, не приносящее убытков ни одному индивиду и приносящее хотя бы одному индивиду пользу.

Принцип эффективности по Парето сам по себе не несет информации о распределении благосостояния между индивидами. По Парето ситуация, при которой весь доход может распределяться в пользу одного индивида, является эффективной. Поэтому дальнейшее развитие теории В. Парето получила в работах Н. Калдора и Д. Хикса («правило Калдора-Хикса»). В соответствии с данным правилом ситуацию отклонения от оптимума Парето можно преодолеть с помощью компромисса, т. е. на основе определения такого объема компенсационных выплат, который может и готова предоставить сторона, получившая выгоду вследствие отклонения от оптимума по Парето, стороне, положение которой, по ее собственной оценке, ухудшилось (Москальонов, 2007. С. 57–58).

В настоящее время оптимальные решения социальной направленности определяются не на основе функции общественного благосостояния, так как это технически невозможно, а на основе простой функции государственного предпочтения, соответствующей только предпочтениям лиц, принимающих государственные решения, или групп специальных интересов.

Поэтому можно сказать, что современные тенденции в социальной политике многих стран, отказ от идеи государства всеобщего благоденствия отражают доминирование коммутативной справедливости. В свою очередь идеи коммутативной справедливости противоречат принципу равенства. Равенство возможностей не может в полной мере компенсировать природные различия людей, порождающие исходное неравенство. Основываясь на принципе «воздать каждому по заслугам его», коммутативная справедливость усиливает природное неравенство индивидов, которое невозможно полностью сгладить ни равенством возможностей, ни равенством условий.

Конфликт между двумя видами справедливости невозможно разрешить в этической плоскости. В реальной жизни необходимо гибкое сосуществование коммутативной и распределительной справедливости в рамках государственной социальной политики.

На неразрешимость проблемы справедливости в теоретическом плане (нельзя определить априори, что справедливо, а что нет) указывал еще Аристотель. Он первый выдвинул положение, что решение данной проблемы всегда связано с конкретным опытом и лежит в практической плоскости. Государство выполняет функцию реализации различных видов справедливости. С помощью социального государства распределительная справедливость реализуется как естественное социальное право, происходит разрешение конфликтов в обществе, вызванных противоречиями между рассматриваемыми видами справедливостью.

В качестве естественного социального права распределительная справедливость тесно связана с принципом солидарности. Данный принцип, основанный на взаимозависимости всех членов общества и органической связи индивидов в процессе взаимодействия, является механизмом социальной интеракции, проявляющимся во взаимопомощи. Так, в основу системы социального страхования был заложен принцип обязательного взаимного вспомоществования как инструмент справедливости.

На практике принцип солидарности сталкивается с его антиподом – принципом личной ответственности. Их дальнейшее развитие привело к противостоянию либеральной и социальной идей, порождая их взаимоограничение. Индустриализация и развитие рыночных отношений детерминировали преобладание либеральных принципов (доминирование идей личной ответственности).

Государство выполняет функцию перераспределения для реализации принципа всеобщей доступности социальной защиты. В таком случае в социальном государстве принцип солидарности граждан подменяется принципом солидарности государства и индивида. Последний реализует естественное право человека на социальную помощь. То есть государство выступает опосредующим звеном солидарности, механизмом компенсации объективного неравенства.

Кроме того, категорию «справедливость» можно рассматривать с точки зрения «общественного богатства», его источников, а также принципов распределения и потребления. Два подхода в исследовании общественного богат-

ства, сформировавшиеся еще в классической политической экономии, предопределили два основных принципа его распределения и потребления:

- динамичный подход – через распределение в процессе экономического роста;
- статичный подход – через распределение результатов экономического роста.

Например, если рассматривать распределение только с позиции рынка и экономической эффективности, основываясь на динамичных моделях распределения доходов, то такой подход является либеральной (рыночной) моделью справедливости. Политика распределения доходов, основанная на критерии социального равенства, находящегося в непропорциональной зависимости от критерия экономической эффективности и использующая модели статичного распределения доходов, представляет собой эгалитарную (уравнительную) модель справедливости.

Либеральная модель распределения рассматривает рыночную справедливость, под которой понимается равенство всех субъектов экономической деятельности перед законом. Общество в лице государства создает и поддерживает условия для рыночной конкуренции через предоставление равных стартовых возможностей и равного доступа к рынку ресурсов, а также обеспечение условий для суверенности производителя и потребителя. Главное условие для соблюдения справедливости в рамках данной модели – свободная конкуренция, так как только она дает возможность реализовать преимущества участников рынка. Либеральная концепция основана на принципе «справедливо все, что эффективно, несправедливо все, что неэффективно». Либеральная трактовка категории справедливости не предполагает возможности вторичного перераспределения дохода посредством прогрессивного налогообложения и трансфертных платежей и введение элементов равенства результатов труда, а основана на «естественном» распределении/перераспределении доходов и ресурсов через взаимодействие между различными субъектами экономики.

Вследствие объективных причин неравенства доходов либеральная модель распределения определяет неравенство как объективно сложившуюся реальность. В долгосрочном плане данная модель распределения доходов закрепляет и воспроизводит объективно обусловленное неравенство людей. В свою очередь это разрушает конкурентную среду, и для ее поддержания требуется общественное вмешательство, что противоречит самой либеральной концепции распределения доходов. Поэтому в практическом плане данную концепцию можно использовать только в сочетании с политикой распределения/перераспределения ресурсов (Ахинов, Жильцов, 2010. С. 120–121).

Различные формы государственного вмешательства, характерные для социально-экономического развития в XX в., и широкое использование нерыночных механизмов перераспределения богатства сформировали эгалитарную (уравнительную) модель распределения доходов, предполагающую отсутствие в обществе неравенства в распределении доходов. Законы о минимальной заработной плате, о социальном страховании рабочих от безработицы, о социальном обеспечении нетрудоспособных и наиболее бедных слоев общества стали причиной отхода от рыночной модели распределения доходов и рыночной справедливости к эгалитарной модели их распределения.

Крайняя форма уравнительной справедливости, определяемой как установление полного равенства, вызывает снижение трудовой и предпринимательской активности и как следствие социальное иждивенчество. Это связано с тем, что основное место в реализации уравнительной модели распределения доходов занимает система прогрессивного налогообложения, являющаяся в сочетании с организацией программы трансфертных платежей инструментом по выравниванию уровня доходов населения (Ахинов, Жильцов, 2010. С. 119).

Поэтому государство можно представить как возникающее или для удовлетворения коллективных потребностей всех членов сообщества, или для удовлетворения потребностей только его части. Первая трактовка соответствует достижению аллокативной эффективности, вторая – перераспределению.

Традиционный спор между сторонниками и противниками государственного вмешательства в процесс распределения сводится к проблеме соотношения эффективности и равенства. Нормативная экономическая теория нацелена на описание идеальных (с позиции различных мировоззренческих систем) моделей устройства общества. Позитивная экономическая теория изучает уже существующие системы отношений. Единство и различие позитивной и нормативной экономических теорий наиболее ярко выражено в дебатах о соотношении равенства и эффективности.

Считается, что при осуществлении эффективного распределения ограниченных ресурсов, рынок может допускать «ошибки» в распределении доходов. Это объясняется искусственным отрывом экономической эффективности от ее социального содержания. При этом цель государственного регулирования экономики состоит в повышении эффективности общественного производства, обеспечении социальной справедливости и стабильности. В материалистическом подходе подчеркивается слабость институциональной теории, проявляющаяся в том, что она включает в свой анализ процессы и факторы социальной жизни, которые не подчиняются жестко экономическим законам (Мамедов, 2013. С. 7). Однако исследование процессов перераспределения доходов невозможно осуществлять в строго экономических рамках. Это связано с тем, что распределение/перераспределение направлены в конечном счете на удовлетворение потребностей конкретного индивида, имеющего собственные представления о справедливости, сложившиеся в результате приобретенного опыта, ценностных установок, традиций и других особенностей общества. Поэтому представляется целесообразным осуществлять выбор моделей, подходов и принципов справедливого распределения доходов для каждого общества, основываясь на экономическом и политическом устройстве, а также с учетом исторических и национальных особенностей развития конкретного общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахинов Г.А., Жильцов Е.Н. (2010). Экономика общественного сектора. М.: Инфра-М.
- Ахинов Г.А., Калашников С.В. (2008). Социальная политика. Теория и практика. М.: Изд-во «Экономика».
- Карнаш Г.Ю. (2011). Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Кочеткова Л.Н. (2008). Теория социального государства Лоренца фон Штейна // *Философия и общество*. Выпуск № 3(51). С. 69–79.
- Мамедов О.Ю. (2013). Утомленные экономикой... (две стороны институционализма) // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 11. № 2. С. 5–10.
- Милль Дж.С. (1980–1981). Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии: в 3-х тт. М.: Прогресс.
- Москальонов С.А. (2007). Маршаллианский излишек потребителя и современная неоклассическая теория благосостояния // *Известия высших учебных заведений. Приволжский регион. Общественные науки*. № 1. С. 53–62.
- Охонин Е.М. (2009). Эволюция социальной функции государства // *Вестник южно-уральского государственного университета*. № 28. С. 18–21.
- Ролз Дж. (2006). Справедливость как честность // *Логос*. № 1(52). С. 36–60.
- Ясперс К. (2004). Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Изд-во «Владимир Даль».

REFERENCES

- Achinov G.A., Zhiltsov E.N. (2010). Public Economics. Moscow: Infra-M. (In Russian.)
- Achinov G.A., Kalashnikov S.V. (2008). Social policy. Theory and practice. Moscow: Publishing House of the «Economy». (In Russian.)
- Jaspers K. (2004). Nietzsche. Introduction to the understanding of his philosophizing. St. Petersburg. Univ. «Vladimir Dahl». (In Russian.)
- Karnash G.Yu. (2011). Social justice: philosophical concepts and the Russian situation. Moscow: Publishing House of Moscow University for the Humanities. (In Russian.)
- Kochetkova L.N. (2008). The theory of the welfare state Lorenz von Stein. *Philosophy and Society*. Issue no. 3(51). pp. 69–79. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. (2013). Bored by the economy... (two sides of institutionalism). *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 2, pp. 5–10. (In Russian.)
- Mill J. (1980–1981). Principles of Political Economy and some aspects of their applications to social philosophy: in 3 vol. Moscow: Progress Publishers. (In Russian.)
- Moskalyonov S.A. (2007). Marshallian consumer surplus and modern neoclassical welfare theory. Proceedings of the higher education institutions. *Volga region. Social Sciences*, no. 1, pp. 53–62. (In Russian.)
- Okhonin E.M. (2009). Evolution of the social functions of the state. *Herald of the South Ural State University*, no. 28, pp. 18–21. (In Russian.)
- Rawls J. (2006). Justice as fairness. *Logos*, no. 1(52). pp. 36–60. (In Russian.)

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ РЕЖИМА ТАРГЕТИРОВАНИЯ ИНФЛЯЦИИ В СТРАНАХ С ФОРМИРУЮЩИМИСЯ РЫНКАМИ

КРИВОРОТОВА Н.Ф.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории мировой экономики,
Северо-Кавказский Федеральный Университет, г. Ставрополь,
e-mail: nataliyj@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные положения и выводы исследований по актуальным проблемам использования инструментов денежно-кредитной политики в странах с формирующимся рынком. Сопоставление различных точек зрения позволяет выделить сильные и слабые стороны инфляционного таргетирования и альтернативных методов макроэкономического регулирования в целом, а также охарактеризовать современные условия и основные принципы проведения денежно-кредитной политики в странах с формирующимся рынком.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика; регулирование валютного курса; таргетирование денежного предложения; инфляционное таргетирование.

PREREQUISITES AND CONSEQUENCES OF THE INTRODUCTION INFLATION TARGETING IN COUNTRIES WITH DEVELOPING MARKETS

KRIVOROTOVA N.F.,

PhD, Associate Professor, Department of Economics World Economy,
The North Caucasus Federal University, Stavropol,
e-mail: nataliyj@yandex.ru

The paper reviews the studies on monetary policy carried out in emerging market countries. The author compares different point of views on main principles of monetary policy and stresses the advantages and obstacles of inflation targeting policy as well as alternative methods of monetary control in emerging market countries.

Keywords: monetary policy; exchange rate management; money supply target-ing; inflation targeting.

JEL classification: E30, E31.

В современных условиях внимание ведущих экономистов к проблемам эффективного использования инструментов денежно-кредитной политики заметно усилилось в связи с активизацией процессов интеграции мировой экономики и расширением ЕС.

Существующие варианты осуществления денежно-кредитной политики в различных странах можно разделить на четыре основные группы в соответствии с выбором того или иного режима денежно-кредитной политики:

- 1) политика фиксированного или плавающего обменного курса;
- 2) политика таргетирования денежного предложения;
- 3) политика таргетирования инфляции;
- 4) неклассифицируемые режимы денежно-кредитной политики.

Каждый из перечисленных режимов денежно-кредитной политики имеет свои преимущества и недостатки.

Режим таргетирования инфляции приобретает все большую популярность среди Центральных банков и, следуя примеру большинства развитых стран, денежные власти многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой приходят к выводу о необходимости смены модели своей денежно-кредитной политики.

Традиционно считается, что таргетирование инфляции как метод регулирования инфляции впервые в явном виде был представлен в Новой Зеландии, когда в 1989 г. вышел Акт Резервного банка Новой Зеландии, в котором содержалось требование к Центральному банку о «...формулировании и проведении денежно-кредитной политики, направленной на достижение экономической цели по поддержанию стабильности общего уровня цен...» (Головнин, 2010).

Несмотря на то, что исторический опыт таргетирования инфляции невелик, его широкое применение обуславливает интерес к изучению возможностей универсализации таргетирования инфляции в различных экономических условиях.

Однако следует отметить наличие ряда жестких технических условий при переходе к таргетированию инфляции:

1. Институциональная независимость: центральный банк должен обладать легальной автономией и не испытывать давления со стороны властей, которые могут привести к возникновению конфликтов с объявленной целью по инфляции.

2. Высокая квалификация аналитиков и надежная статистика: для эффективного применения режима таргетирования инфляции ЦБ должен быть способен достоверно ее прогнозировать.

3. Требования к структуре экономики: успешная реализация режима таргетирования инфляции требует, чтобы цены в стране были свободными, экономика не испытывала сильной зависимости от цен на экспортируемое сырье и колебаний обменного курса, а долларизация экономики была минимальной.

4. Развитая финансовая система – для обеспечения стабильности финансовой системы при осуществлении таргетирования инфляции и эффективной работы трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики необходимы устойчивая банковская система и развитые финансовые рынки.

Все приведенные условия важны для любого режима денежно-кредитной политики, а некоторые из них являются более значимыми для режимов, альтернативных таргетированию инфляции.

В отличие от развитых стран, в которых основные характеристики таргетирования инфляции схожи, страны с формирующимися рынками имеют значительные внутригрупповые отличия, которые проявляются как в макроэкономических, так и социально-политических аспектах. Только три страны (Перу, Бразилия, Таиланд) за год до официального закрепления целевого уровня инфляции, добились понижения инфляции до уровня ниже 5% без искусственного давления на внутренние цены. Пять стран (Чехия, Венгрия, Мексика, Филиппины, Южная Африка) формируют группу, которая таким же образом добилась понижения инфляции до уровня ниже 10%. И, наконец, группу из шести стран (Чили, Колумбия, Польша, Турция, Гватемала, Гана) составляют страны, которые боролись с 20-ти процентной инфляцией посредством смешанных форм денежно-кредитной политики, в том числе оказывали административное давление на ценообразование, для того чтобы снизить инфляцию как минимум до уровня в 10%.

Примечательно, что в дальнейшем некоторые страны переходили из одной группы в другую и что важно, не всегда движение было в сторону группы с уровнем инфляции ниже 5%. К примеру, в 2002 г. в Бразилии уровень инфляции достигал 12,55%, в то время как Чехия, Филиппины, Чили и Польша к 2002 г. перешли в группу стран с инфляцией ниже 5%. Интересным может быть тот факт, что ни одна страна не обратилась к таргетированию инфляции в целях борьбы с дефляцией, в то время как Китай, Гонг Конг и Сингапур, столкнувшись, с сильной дефляцией, предпочли использовать таргетирование валютного курса.

Причины, по которым страны с формирующимися рынками перешли к таргетированию инфляции также различаются. Во-первых, это те страны (Бразилия, Таиланд), которые перешли к таргетированию инфляции по причине серьезных валютных кризисов, заставивших изменить существующую денежно-кредитную политику. Во-вторых, это страны (Чили, Чехия, Польша, Венгрия, Гватемала, Турция), которые были вынуждены отказаться от фиксированного валютного курса после развала Бреттон-вудской валютной системы и находились в поиске нового «якоря». В-третьих, к таргетированию инфляции перешли страны (ЮАР, Колумбия, Индонезия, Мексика, Перу, Филиппины), которые были не довольны методом таргетирования денежного предложения, в силу того, что связь между инфляцией и таргетируемым денежным агрегатом была нестабильна. Наконец, в последнюю группу входит только одна страна (Гана), перешедшая к таргетированию инфляции после таргетирования ВВП, придерживаясь которого центральный банк не был способен выработать адекватные действия в условиях шока предложения.

На основании обобщенных данных можно предположить, что в странах с формирующимися рынками внедрение таргетирования инфляции является в большей степени начальным шагом регулирования инфляции, а не завершающим этапом предварительно проведенной дефляционной политики. В таких экономиках понижение инфляции может сопровождаться большими потерями с точки зрения темпа роста ВВП, в связи с чем, наиболее верное решение для стран с формирующимися рынками – это последовательное движение в сторону низкой инфляции уже в процессе таргетирования инфляции, с постепенным понижением целевого ориентира до уровня, характеризующего состояние ценовой стабильности в стране (Криворотова, 2012).

На основании информации, представленной на сайтах центральных банков стран с формирующимися рынками, можно сформулировать и вывести следующие характерные особенности таргетирования инфляции в этих странах.

Во-первых, в одиннадцати странах цели центральных банков определены на законодательном уровне, однако в таких странах, как Чили, Мексика и Гватемала иерархия целей денежно-кредитной политики законодательно

не определена. Помимо этого, большая неопределенность в действиях центрального банка может привести как к возникновению инфляционной спирали, так и, наоборот, к чрезмерной жесткости цен.

Во-вторых, в большинстве стран с формирующимися рынками независимость центрального банка, прописанная в законодательных актах, позволяет ему самостоятельно разрабатывать и применять денежно-кредитную политику. Исключение составляют такие страны, как Колумбия, Мексика, Гватемала, Польша и ЮАР. В Польше, в отличие от других стран, вопрос операционной независимости просто не прописан в законодательном акте, что может быть косвенным доказательством существования фискального доминирования в стране.

В-третьих, большинство из рассмотренной группы стран перенимает опыт развитых стран в обеспечении подотчетности центрального банка, однако не во всех странах с формирующимися рынками подотчетность поддерживается на всех четырех уровнях, таких как Правительство, выборный орган, Финансовое сообщество и население. Первый уровень «информирования» власти встречается только в двух странах: в Перу центральные банки обязаны подготавливать дополнительные отчеты правительству, в то время как в Филиппинах в случае неудовлетворительных результатов денежно-кредитной политики центральный банк публикует «открытые письма» президенту страны.

Второй уровень информирования также встречается не во всех странах с формирующимися рынками, а именно ежегодные выступления перед Парламентом (или другим выборным органом) происходят в 6-ми из 14-ти странах, таких как Венгрия, Гватемала, Колумбия, Чехия, Чили, ЮАР и одной стране с переходной экономикой – Польше.

Таким образом, как минимум, в четырех странах (Бразилии, Мексике, Турции, Таиланде) подотчетность первых двух уровней просто отсутствует.

Однако стоит отметить, что из пяти перечисленных стран в четырех странах центральные банки не обладают независимостью в выборе цели, в то время как в Мексике центральный банк абсолютно независим. В таких условиях центральный банк Мексики полностью свободен от политического давления со стороны правительства, что является явным преимуществом демократического государства, однако, с другой стороны, отсутствие первых двух уровней подотчетности должно быть компенсировано развитой системой информирования населения и финансового сообщества, как это успешно практикуется в Центральном банке Швеции (Риксбанк). (Fischer, 2011).

Напротив, центральный банк Гватемалы, также обладая абсолютной независимостью, подотчетен только конгрессу, и не публикует никаких отчетов по инфляции и денежно-кредитной политике. Таким образом, в первом случае речь идет о центральном банке, частично подотчетном обществу, а во втором – центральный банк, подотчетный выборному органу. Стоит отметить, что большинство центральных банков стараются вовремя публиковать отчеты по инфляции, денежно-кредитной политике в дополнение к общим годовым отчетам, однако, в целом, вопросы подотчетности, слабо прописаны в законодательстве о центральных банках, что значительно отличает опыт стран с формирующимися рынками от опыта развитых, таргетирующих инфляцию.

Помимо этого, подотчетность центральных банков стран с формирующимися рынками имеет меньший эффект для таргетирования инфляции, чем в развитых странах. В первую очередь это связано с тем, что все отчеты публикуются на Интернет-страницах центральных банков. По данным Мирового экономического форума доступ к Интернету в большинстве стран с формирующимися рынками имеет меньше 50% населения, а в таких странах как Перу, Мексика, Гватемала, ЮАР, Филиппины – менее 30%. Для сравнения в развитых странах, применяющих таргетирование инфляции, Интернетом пользуются более 70% населения. Наконец, качество образования в 10 из 14 стран с формирующимися рынками оценивается как «ниже среднего», что также влияет на восприимчивость населения к действиям центрального банка.

Принципиальным отличием стран с формирующимися рынками является выбор инструмента оценки инфляции, который в большинстве случаев представлен общим индексом потребительских цен (ИПЦ), при этом в некоторых странах (Колумбия, Мексика, Перу, Польша) Центральный банк дополнительно может ориентироваться на уровень базовой инфляции.

Из всей группы анализируемых стран только Таиланд таргетирует базовую инфляцию, при этом по заявлению Центрального банка, базовая инфляция составляет 3/4 общего уровня инфляции и поэтому в долгосрочном периоде максимально достоверно описывает динамику цен. В краткосрочном периоде денежно-кредитная политика не учитывает первичные эффекты движения цен на энергию и продукты питания, что позволяет центральному банку не допускать чрезмерных колебаний процентных ставок и концентрироваться только на вторичных эффектах внешнего роста цен, связанных с изменениями в совокупном спросе.

В целом необходимо отметить, что выбор общего ИПЦ странами с формирующимися рынками объясняется композицией потребительской корзины, в которой основной вес приходится на волатильные компоненты ИПЦ. По данным отчета об инфляции за 2013 г. Центрального банка Перу, на ноябрь 2013 г. доля годового роста цен на продукты питания от общего роста цен составила почти 33%, т. е. из всей инфляции в 4,64%, инфляция продуктов питания составила 1,54%, при этом на базовую инфляцию пришлось чуть больше половины всей инфляции. Таким образом, можно предположить, что удаление наиболее волатильных компонентов может привести к неточным расчетам инфляции, ввиду того, что в отличие от развитых стран, такие компоненты могут составлять значительную часть ИПЦ. В развитых странах таргетирование базовой инфляции более доступно, ввиду того, что волатильные компоненты имеют меньший вес в потребительской корзине, а значит, могут не приниматься во внимание при расчете индекса цен. (Svensson, 2010).

Действительной особенностью целевых ориентиров инфляции является их временной статус, который меняется в процессе таргетирования инфляции. Как правило, страны начинают таргетирование с ежегодного объявления

новых ориентиров и по мере установления контроля переходят к объявлению ориентиров на среднесрочную, а впоследствии и долгосрочную перспективу.

На сегодняшний момент долгосрочный уровень инфляции закреплён в 6 странах (Бразилия, Колумбия Перу, Польша, Тайланд, Чехия, ЮАР), 5 стран (Венгрия, Гватемала, Мексика, Турция, Филиппины) перешли к среднесрочным ориентирам и в одной стране характер целевого значения не определен (Чили).

В такой стране, как Польша, переход к полноценному таргетированию инфляции включал промежуточный этап, заключающийся в одновременном таргетировании валютного курса и инфляции. Этот период, по словам члена Совета по денежно-кредитной политике Национального Банка Польши Д. Прусски, характеризовался большим количеством инструментов денежно-кредитной политики и конфликтом целей центрального банка, а также сложной экономической обстановкой. В частности, в конце 1997 г. инфляция составила 13%, дефицит счета текущих операций ухудшился на 8%, и страна все еще сильно зависела от динамики нефтяных цен и финансового состояния торгового партнера – России. Переходный тип экономики Польши не позволяет полностью отказаться от валютных интервенций, однако перспектива вступления в Европейский союз способствует ускоренному совершенствованию экономической политики государства.

Таким образом, на основе опыта стран с формирующимися рынками были выявлены следующие слабые стороны таргетирования инфляции.

Во-первых, несмотря на некоторые общие требования, критерии и элементы таргетирования инфляции, индивидуальность воплощения данного метода регулирования инфляции в каждой конкретной стране дает право говорить о некоторой «размытости» границ метода, что усложняет процесс идентификации стран, таргетирующих инфляцию.

Во-вторых, особенность таргетирования инфляции заключается в том, что центральный банк способен пересматривать как показатели целевого уровня инфляции, так и целевой период таргетирования. Этот недостаток метода формирует фактор недоверия к самой идее таргетирования инфляции, смысл которой теряется, так как каждый раз, когда центральный банк не справляется с возложенными на него обязанностями, он теоретически может пересмотреть показатели. В странах с формирующимися рынками, в отличие от развитых стран, ежегодный пересмотр целевых значений возведен в ранг обязательной процедуры, необходимой для постепенного понижения таргетируемых значений, в целях достижения в будущем уровня, соответствующего долгосрочной или среднесрочной ценовой стабильности.

В-третьих, успех центрального банка во многом зависит как от последовательности его действий, так и от доверия населения к ним, и для того, чтобы получить кредит доверия, центральный банк может в течение длительного периода придерживаться ограничительной денежно-кредитной политики, устанавливая высокие процентные ставки, и тем самым затормаживая экономический рост страны.

В-четвертых, еще одним недостатком является повышение волатильности валютного курса национальной валюты страны. Это, в первую очередь, связано с тем, что страны, таргетирующие инфляцию, предварительно переходят к режиму плавающего валютного курса, величина которого стихийно определяется спросом и предложением на валютных рынках.

В-пятых, мировой финансово-экономический кризис продемонстрировал, что таргетирование инфляции не гарантирует финансовую стабильность государства, более того, при финансовой нестабильности воздействие процентной ставки на инфляцию значительно снижается, так как финансовые дисбалансы искажают традиционные каналы трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики.

В-шестых, на теоретическом уровне таргетирование инфляции не имеет возможности поддержания ценовой стабильности в условиях большого роста эндогенной денежной массы и финансовой глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

Головнин М.Ю. (2010). Модели проведения денежно-кредитной политики в условиях финансовой глобализации: опыт России и стран Центральной и Восточной Европы. М.: Институт экономики РАН.

Криворотова Н.Ф., Урядова Т.Н. (2012). Актуальные проблемы денежно-кредитной политики России // *TERRA ECONOMICUS*, № 3, ч. 3. Ростов н/Д: «Наука-Спектр», 165 с.

Fischer S. (2011). Central bank lessons from the global crisis. Bank of Israel conference on Lessons of the Global Crisis. Jerusalem.

Svensson L.E.O. (2010). Inflation targeting after the financial crisis. International Research Conference. Challenges to Central Banking in the Context of Financial Crisis. Mumbai.

REFERENCES

Fischer S. (2011). Central bank lessons from the global crisis. Bank of Israel conference on Lessons of the Global Crisis. Jerusalem.

Golovnin M. (2010). Model of monetary policy in the context of financial globalization: experience of Russia and the countries of Central and Eastern Europe. Moscow Institute of Economics. (In Russian.)

Krivorotova N.F., Uryadova T.N. (2012). Actual problems of monetary policy in Russia. *TERRA ECONOMICUS*, no. 3, part 3. Rostov-on-Don. "Science-Spectrum", 165 p. (In Russian.)

Svensson L.E.O. (2010). Inflation targeting after the financial crisis. International Research Conference. Challenges to Central Banking in the Context of Financial Crisis. Mumbai.

СИСТЕМА МАРКЕТИНГОВОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «НОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

ЗАХАРЧЕНКО Д.В.,

кандидат экономических наук, докторант,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону,
e-mail: Riga73@gmail.com

В статье рассматриваются факторы формирования «новой экономики», изменяющей модель конкурентоспособности современных промышленных предприятий на основе маркетингового управления, а также выявляются инструменты, связанные с системой обеспечения поддержки промышленности в условиях замедления экономического роста. Система маркетингового управления связана с инновационной моделью развития бизнеса, которая опирается на инвестиционно-финансовую составляющую роста, рассматриваемую как фактор обеспечения конкурентоспособности российской промышленности.

Ключевые слова: инструменты; технологии импортозамещения; конкурентоспособность; кредитование; крупные корпорации; маркетинговое управление; реиндустриализация; «новая экономика»; налоговое стимулирование; система поддержки экспорта; экономический рост.

THE SYSTEM OF MARKETING MANAGEMENT OF COMPETITIVENESS OF INDUSTRIAL COMPANIES IN THE CONTEXT OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE «NEW ECONOMY»

ZAKHARCHENKO D.V.,

PhD, Postdoctoral student,
Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don,
e-mail: Riga73@gmail.com

The article considers factors of formation of the “new economy” which changes a model of competitiveness of modern companies of secondary industry on a basis of marketing management. The article also reveals some instruments connected with ensuring support of the industry in the conditions of slow-down of the economic growth. The system of marketing management is connected with innovative model of business development in the tideway of investment and financial component of growth considered as a factor of ensuring competitiveness of the Russian industry.

Keywords: instruments; import-substituting technologies; competitiveness; lending; large-scale companies; marketing management; reindustrialization; the “new economy”; tax incentives; the system of measures for export support; economic growth.

JEL classification: M11, O32.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу, который совершается в условиях усиления глобализационных процессов и рисков, связан с развитием «новой экономики», важнейшими составляющими ко-

торой выступают новые знания и компетенции, информационные технологии и инновационное производство. Если обычная экономика представляет собой обменно-оценочный, стоимостный способ реализации хозяйства, то «новая экономика» – это особая по качеству экономика, новый по качеству обменно-оценочный, товарно-денежный, стоимостный способ хозяйства.

По мнению Ю.М. Осипова, тотальная информатизация финансовых потоков, инноватизация промышленности, т. е. «проникновение во все и вся; отсюда и преклонение перед новым знанием, без которого никакого управления хозяйством не получится, даже пузыря финансового не получится – новое, новое, новое! Отсюда и инновации, без которых новая экономика – финансовая и виртуальная – просто бессмысленна, ибо не удержится; отсюда и всяческая фиктивность продукта (товара), предложения и спроса, фиктивность цен, инвестиций, доходов, а потом и самой жизни!» (Осипов, 2009).

Профессор Ю.М. Осипов называет «новую экономику» «свободной, раздутой и наглой, а хозяйство, которое она ведет становится гиперхозяйством; оторвавшись от реальности, но ею все-таки придиричиво и упорно ведая, новая экономика, или гиперэкономика, имеет дело помимо реальности все более с ирреальностью, создаваемой новозакономическим человеком, среди которой и разного рода интеллектуальные продукты, а главное – с пустотой внутри себя, тоже, кстати, интеллектуальной. Отсюда и любые гиперпараметры: массы денег, ценность денег, цены, расходы, доходы, кредиты, невозвраты кредитов и т. д.» (Осипов, 2009).

Тем не менее, современный этап развития мировой экономики связан именно с «новой экономикой», которая придает развитию инновационно-инвестиционный импульс. Такая модель развития является важным условием обеспечения высокого, устойчивого и качественного экономического роста, который происходит главным образом не за счет увеличения традиционных факторов производства (сырьевых ресурсов, численности занятых и объема основного капитала), а, с одной стороны, на основе роста числа инновационных разработок и изобретений, с другой стороны, посредством применения новых информационно-сетевых и маркетинговых технологий, обеспечивающих частоту связей экономических агентов.

Новые информационные технологии и инновации становятся основным фактором экономического роста, динамика и качество которого все в большей степени зависят от технологических сдвигов, формирующихся в недрах традиционной экономики. «Новая экономика» наряду с инновационным ростом выдвигает задачи поиска ресурсов для диверсификации и повышения конкурентоспособности экономики на современной технологической базе.

Посткризисный период развития показал, что снижение рисков для обеспечения выхода из нынешнего глобального кризиса потребует дополнительных финансовых и организационных усилий государства по обеспечению структурной перестройки экономики на основе нового технологического уклада. При этом, по мнению С.Ю. Глазьева, расходы на науку должны в целом вырасти втрое, а национальная норма накопления – не менее чем в полтора раза, до 35–40% ВВП (Глазьев, 2012).

Под «новой экономикой» обычно понимается экономика знаний, которая развивается по отличной от традиционной экономики модели. Если традиционная экономика, связанная с производством материальных благ, в процессе потребления эти блага расходует, то знания, которые производятся «новой экономикой», в процессе потребления, наоборот, прибавляются. При трансфере знаний в «новой экономике» количество их обладателей увеличивается. Отметим также, что в процессе передачи продукты «новой экономики» (знания) не только увеличиваются в стоимости, но и становятся более качественными, значимыми и необходимыми для дальнейшего развития.

Российская наука отличается слабой инновационной ориентацией. Результаты научных исследований не востребованы в полной мере как со стороны бизнеса, так и государства. В настоящее время в развитых странах отмечен переход к «новой экономике», который связан с приоритетным технологическим этапом развития промышленного производства. Согласно концептуальным подходам известных ученых, «новая экономика» связана с развитием нанотехнологий, информационно-коммуникационных технологий, развитием технологии управления энергопотоками и переноса энергии. Формат «новой экономики» определяет необходимость перехода на новый индустриальный тип развития экономики, предполагающий возникновение «закрывающих» технологий, способных привести к ликвидации тех или иных рынков, а также создание технологий, способствующих созданию качественно новых продуктов, вытесняющих традиционные виды продуктов.

Важнейшей формой «новой экономики» и ее основной сущностью является международное производство, которое связано с развитием международного разделения труда и его новых форм. Субъектами международного производства выступают, прежде всего, транснациональные корпорации, являющиеся носителями новых технологий. Новые явления в экономическом развитии определяют необходимость выделения особенностей новой экономики или экономики, основанной на знаниях и новых технологиях. Исследователи отмечают важность разработки адекватных современному этапу развития принципов функционирования экономической системы общества (Арыстанбекова, 2008).

Концептуальные подходы к изучению «новой экономики» нацелены на выявление особых тенденций и факторов развития нового посткризисного этапа развития национальных хозяйств. Особенности развития «новой экономики» как экономики знаний изменяют систему взаимодействия экономических агентов, формируют необычный результат, выступая стратегическим фактором и условием конкурентоспособного развития.

Оценивая перспективы экономического развития различных отраслей национальной системы хозяйства, отметим, что «новая экономика» имеет базовое значение для обеспечения конкурентного развития национальных стран, современных производств и промышленных предприятий, которые используют полученные знания и технологии для устойчивого роста.

Присоединении России к Всемирной торговой организации (ВТО) привело к необходимости реструктуризации всей нормативно-правовой базы регулирования отечественной промышленности. Работа в новом для России институте наднационального регулирования потребовала дополнительных знаний и инструментов. Российские промышленные компании стали осваивать новые технологии работы на международном рынке.

Необходимость преодоления дисбалансов сложившейся модели экономического развития поставила задачу формирования новых задач, связанных с переходом к модели новой индустриальной экономики. Кризис обнажил все ограничения виртуальных финансов и спекулятивного капитала и высветил необходимость развития реального сектора экономики. Кризис показал, что для обеспечения конкурентоспособной модели развития наряду с созданием «новой экономики», экономики знаний, необходимо развивать реальный сектор, от которого зависит будущее страны.

В настоящее время «доля промышленности в ВВП, как и в занятости, продолжает сокращаться и в США, и во Франции, и во многих других странах, российская промышленность создает примерно от 25 до 28% ВВП, в занятости это 20–21%, но эти доли снижаются каждый год. И в среднесрочной, и в долгосрочной перспективе это снижение будет происходить», – отмечает в своем исследовании А. Клепач, заместитель министра экономического развития Российской Федерации (Клепач, 2013).

А. Клепач обращает внимание, что для обеспечения конкурентоспособной модели развития российские корпорации ставят задачу уменьшения трудоемкости в 3–4 раза и в автомобилестроении, и в авиации, и во многих машиностроительных отраслях к 2020 г. По мнению автора, это минимальный уровень для обеспечения того, чтобы российские компании могли остаться конкурентоспособными (Клепач, 2013).

Промышленная политика, связанная с переходом на новую индустриализацию, означает необходимость реализации концепции маркетингового управления, нацеленной на создание высокопроизводительных рабочих мест, а также предприятий, которые предъявляют спрос на инновации, способны не только их производить, но и коммерциализировать.

Маркетинговое управление коммерциализацией инноваций определяет необходимость развития института государственно-частного партнерства, способного осуществлять систему поддержки экспорта, так как возможности выплаты субсидий утрачены вследствие присоединения России к ВТО. Отметим также, что несмотря на то, что создан страховой институт поддержки экспорта, ЭКСАР (Экспортное страховое агентство России), подготовлены необходимые инструменты продвижения продукции российских промышленных корпораций за рубеж, отечественные кредитные организации не отвечают потребностям динамичного развития экспорта ориентированных компаний промышленного сектора.

Маркетинговое управление предполагает разработку и реализацию эффективных мер государственной поддержки. Российское правительство впервые разработало инструменты, направленные на обеспечение поддержки отечественных промышленных компаний. Правительство Российской Федерации впервые приняло масштабную государственную программу поддержки развития промышленности и повышения ее конкурентоспособности.

Вместе с тем, кроме разработки такой программы необходимы инструменты и технологии финансирования, которые обеспечивали бы согласование этой программы с возможностями российского бюджета, в задачи которого будет входить ежегодное выделение около 500 млрд руб. на реализацию разработанной и утвержденной программы поддержки промышленности с учетом и базовых, и высокотехнологичных отраслей. Важным фактором маркетингового управления развитием конкурентоспособных промышленных компаний на основе разработки и реализации эффективных мер государственной поддержки является создание долгосрочных механизмов развития отечественных промышленных предприятий, прежде всего, связанных с финансовой поддержкой.

Вместе с тем, отметим, что только за счет государственных средств провести переход к новой модели индустриализации российской экономики не получится. Необходимы также инструменты денежно-кредитной и налоговой политики, прежде всего, доступные компаниям промышленного сектора кредиты. Вопрос о низкой кредитоспособности российских промышленных предприятий постоянно звучит в экономической литературе. Много новых предложений по снижению этого риска появляется в современных статьях и монографиях российских исследователей и ученых¹.

Исследователи отмечают, что проблема низкой доступности кредита для российских промышленных предприятий сегодня связана с оттоком капитала и ограничением инструментов долгосрочного финансирования проектов новой промышленной политики. Из средств, которые выделяются на программу по развитию промышленности, около 30% составляют ресурсы, направляемые на снижение стоимости кредита для предприятий производственного сектора российской экономики.

Регулярное субсидирование процентных ставок для активизации кредитной активности компаний промышленного сектора означает, что в большей степени поддержку получают коммерческие банки, а не предприятия российской экономики. Для решения этой проблемы необходимо активизировать другие механизмы маркетингового управления конкурентоспособностью, например, механизм государственных гарантий.

Конкурентные условия на мировом рынке высокотехнологичной продукции изменяются, прежде всего, под давлением промышленных предприятий Китая, который целеустремленно занимается освоением технически сложных видов продукции, включая продукцию собственной разработки. Низкие темпы роста отечественной промышленности, по мнению экспертов, значительно отличаются от других развивающихся стран. Например, с 2002 по

¹ Когнитивные и маркетинговые стратегии взаимодействия финансовых институтов и их контрагентов (Шелепов, Андреева, Грищенко, 2012), (Шелепов, 2014).

2012 гг. промышленное производство в России увеличилось на 47,7%, а в ряде стран СНГ этот показатель рос значительно более существенно, например, если сравнить российские показатели с рядом других стран, то промышленность Азербайджана показала увеличение на 179,8%, промышленность Белоруссии – на 129,8%, промышленность Узбекистана – на 125,9%. Более высокие показатели промышленного производства имеют такие страны, как Польша (84,7%), Республика Корея (83,6%), Турция (64,3%) (Николаев, Точилкина, Марченко, 2014а).

Текущий экономический кризис способствовал снижению темпов роста отечественной экономики и замедлил ход реализации важнейших проектов реального сектора экономики. Российская промышленность оказалась в сложном положении, вызванном стагнацией роста, что актуализировало проблему поиска инструментов управления, направленных на перспективное развитие отечественной промышленности, что, прежде всего, связано с привлечением инвестиций в основной капитал.

Аудиторско-консалтинговая компания ФБК совместно с газетой «Ведомости» представили проект «Сколько стоит Россия». Инновационной задачей проекта являлось проведение стоимостной оценки экономического потенциала России, прежде всего, будущих доходов российской экономики на основании метода дисконтированных доходов. Этот метод ранее не применялся для стоимостной оценки экономического потенциала страны, в качестве показателя дохода использовалась валовая добавленная стоимость (ВДС).

Для формирования этого методологического подхода для каждой отрасли строился прогноз динамики ВДС на прогнозный период (2003–2013 гг.). Итоговая стоимость российской экономики, оцененная как совокупная стоимость всех отраслей, приведенная к началу 2003 г., составила 974,7 трлн руб., или 33,6 трлн долл. (Николаев, Точилкина, Марченко, 2014б).

Результаты проекта показали, что вклад научно-технологического потенциала в стоимостную оценку оказался незначительным, поэтому, необходимы новые инструменты управления конкурентоспособностью на основе роста стоимости отечественного бизнеса. Новая концепция управления стоимостью страны должна стать стратегическим подходом к реализации долгосрочной социально-экономической политики.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо рассмотреть возможность создания и удержания привлекательных условий для развития российских промышленных компаний на основе концепции маркетингового управления, направленной на формирование новой модели развития компаний и улучшение российского инвестиционного климата, позитивная динамика которого отражается в рейтинге Всемирного банка «Doing Business». Вместе с тем, для развития благоприятного инвестиционного климата необходимо не только модернизировать механизм регулирования, но и улучшить качество институционального механизма регулирования развития промышленности.

Очевидно, что ожидаемый эффект от улучшения российского инвестиционного климата не может быть достигнут без перехода на модель комплексного маркетингового управления, нацеленного на решение структурных проблем, прежде всего, – перехода к «новой экономике», развитию индустриальных технологий, роста производительности труда.

По оценкам экспертов, в 2002 г. российская промышленность давала вклад в производство валовой добавленной стоимости (ВДС) в экономике в 27,5%, или 2,6 трлн руб., в 2012 г. этот показатель составил 29,6%, или 15,6 трлн руб. в номинальном выражении, что является максимальной долей. За последние 10 лет этот показатель достиг максимального значения в 2005 г., 32,7%, и с тех пор снижается. Минимальный уровень, 27,4%, отмечался в 2009 г. Число действующих организаций в промышленности сократилось с конца 2003 г. (458 800) к началу 2013 г. (454 200). Что касается динамики развития промышленности, то она в 2013 г. была почти нулевой: прирост объема производства составил символические 0,3% (Николаев, Точилкина, Марченко, 2014а).

Современные проблемы недостаточной конкурентоспособности российской промышленности вызвали необходимость формирования новой стратегии развития, которая была отражена в утвержденной государственной программе в 2012 г. под названием: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Вместе с тем, краткосрочный период реализации этой государственной программы выявил достаточно большие расхождения ее целевых натуральных показателей с фактическими показателями, что свидетельствует об ограниченной роли промышленной политики в институциональном механизме роста российской экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Арыстанбекова А. (2008). Экономика, основанная на знаниях // *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 30–33.
- Глазьев С. (2012). Как построить новую экономику // *Эксперт*, № 7(790).
- Клепач А. (2013). Мы не используем даже существующие механизмы // *Ведомости – Приложение «Форум»*, 2013, от 18 декабря. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/594651/my-ne-ispolzuem-dazhe-suschestvuyuschie-mehanizmu#ixzz2xM2LnBCg>.
- Николаев И., Точилкина О., Марченко Т. (2014а). Обесценение промышленности // *Ведомости*, № 27(3531), от 18 февраля. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/22911391/obesceneniye-promyshlennosti#ixzz2wZ6ScNcN>.
- Николаев И., Точилкина О., Марченко Т. (2014б). Национальное богатство: новая оценка // *Ведомости*, № 17(3521), от 4 февраля. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/22252841/nacionalnoe-bogatstvo-povaaya-ocenka#ixzz2wZ6rvl5S>.
- Осипов Ю.М. (2009). Предисловие Новая экономика / под ред. проф. Е. Ф. Авдокушина, проф. В. С. Сизова / ВСЭИ. М.: Магистр. С. 6.

Шелепов В.Г. (2014). Финансово-кредитная и налоговая политика в системе обеспечения роста экономики: Монография // В.Г. Шелепов. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие–XXI век», 368 с.

Шелепов В.Г., Андреева Л.Ю., Грищенко О.В. (2012). М.: Вузовская книга, 560 с.

REFERENCES

Arystanbekova A. (2008). Economy based on knowledge. *Economic and Intern. Relationship*, no. 6, pp. 30–33. (In Russian.)

Glazyev S. (2012). How to build a new economy. *Expert*, no. 7(790), 20 February. (In Russian.)

Klepac A. (2013). We did not even use the existing mechanisms. *Sheets - In - position "Forum"*, dated December 18, 2013. Available at: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/594651/my-ne-ispolzuem-dazhe-suschestvuyuschie-mehanizmy#ixzz2xM2LnBCg>. (In Russian.)

Nikolaev I., Tochilkina O., Marchenko T. (2014a). Impairment of industry. *Vedomosti*, no. 27(3531), 18 February. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/22911391/obescenenie-promyshlennosti#ixzz2wZ6ScNcN>. (In Russian.)

Nikolaev I., Tochilkina O., Marchenko T. (2014b). National wealth: a new evaluation. *Vedomosti*, no. 17(3521), 4 February. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/22252841/nacionalnoe-bogatstvo-novaya-ocenka#ixzz2wZ6rvl5S>. (In Russian.)

Osipov Y.M. (2009). Preface New Economy. Ed. prof. Avdokushin E.F., prof. Sizov V.S. M. Masters. 543 p. P. 6. (In Russian.)

Shelepov V.G. (2014). Financial-credit and tax policy in the system of economic growth: the monograph. Shelepov V.G. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Shelepov V.G., Andreeva L.Y., Grishchenko O.V. (2012). М.: The University Book. (In Russian.)

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ

САХАРОВА Л.А.,

профессор кафедры «Современные торговые операции Север-Юг»,
Московский государственный университет пищевых производств, г. Москва,
e-mail: sakharova@mgupp.ru

Статья посвящена анализу производства валового регионального продукта в промышленных отраслях и объема промежуточного спроса в экономике. Рассмотрена динамика индексов промышленного производства, показателей рентабельности проданных товаров и активов организаций промышленности. Отмечается возможность цепного замедления производства в других секторах экономики, в том числе в сфере нематериального производства.

Ключевые слова: промышленность; постиндустриальная экономика; валовая добавленная стоимость; промежуточный спрос; рентабельность.

RUSSIAN ECONOMY: CONTRADICTION DYNAMICS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT

SAKHAROVA L.A.,

Professor of the Department of Modern Trade Operations North-South,
State University of Food Productions, Moscow,
e-mail: sakharova@mgupp.ru

Article is devoted to the analysis of production of a gross regional product in industrial branches and the volume of intermediate demand in economy. Dynamics of indexes of industrial production, indicators of profitability of the sold goods and assets of the organizations of the industry is considered. Possibility of chain delay of production in other sectors of economy, including in the sphere of non-material production is noted.

Keywords: industry; post-industrial economy; gross value added; intermediate demand; profitability.

JEL classification: L16.

Несмотря на существенное снижение доли промышленного производства как в мировой, так и в национальной экономике, ее функциональная роль остается по-прежнему определяющей в воспроизводственных процессах. При этом этапы постиндустриального развития, будь то связанные с формированием сервисной экономики, или с определением стратегической цели перехода к экономике знаний, оказываются в непосредственной зависимости от эффективности функционирования индустриального сектора.

Поэтому вопросам противоречивой динамики промышленного развития на современном этапе следует уделять принципиальное внимание исходя из стратегических интересов развития российской экономики.

В последнее время в научной и политической среде все больше внимания уделяется проблематике, посвященной обсуждению роли индустриального сектора в постиндустриальной экономике. С практической точки зрения данный интерес во многом объясняется высоким уровнем развития отраслей промышленности в передовых странах мира. Например, информация, представленная с помощью диаграммы на рис. 1, позволяет сопоставить развитые и развивающиеся страны по уровню развития промышленных отраслей в национальных экономиках. Так, из диаграммы видно, что на долю наиболее развитых на сегодняшний день стран, в структуре экономики которых главенствующую роль занимает сектор услуг, приходится и основной объем добавленной стоимости, созданной в промышленности. К числу таких стран относятся: США, Япония, Германия, Южная Корея, Великобритания, Франция, Италия, Тайвань. Причем высокие показатели абсолютного объема валовой добавленной стоимости, произведенной в промышленности, в этих странах сопровождаются и одними из самых высоких удельных показателей – валовой добавленной

стоимости в расчете на душу населения. Из чего в целом становится видно, что в действительности роль промышленного сектора в условиях постиндустриальной экономики не была нивелирована, а претерпела существенные трансформации. О чем также свидетельствует ряд исследований, в том числе и российских ученых (Гурова, Ивантер, 2012).

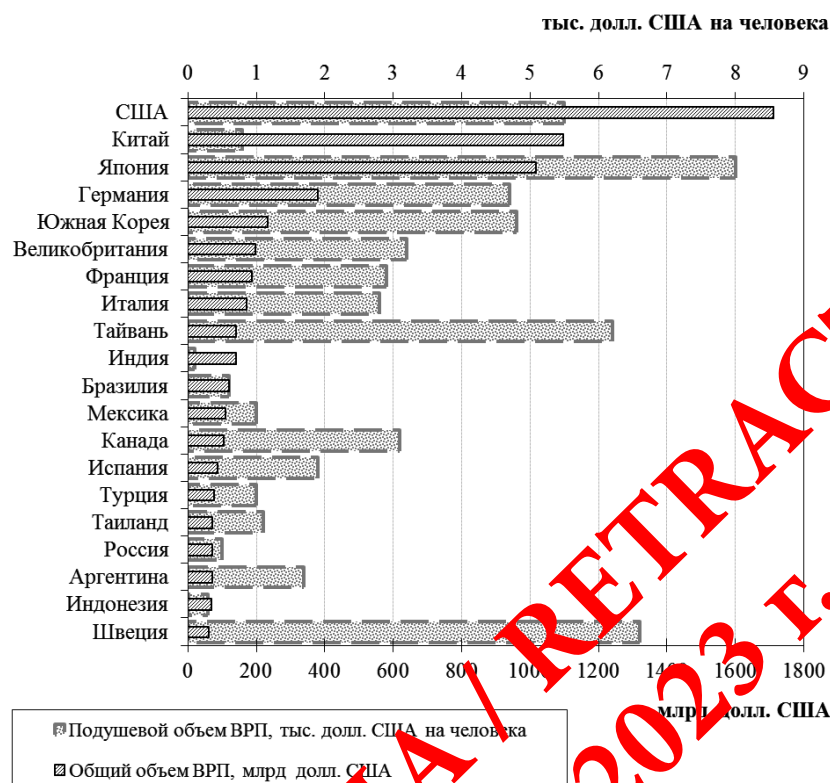

Рис. 1. Показатели совокупного и подушевого объема ВВП, произведенного отраслями промышленности по странам мира в 2010 г.¹

Между тем, Россия занимает лишь 7-е место по абсолютному объему валовой добавленной стоимости, созданной в отраслях промышленности, а также 55-е место по относительному показателю – валовой добавленной стоимости в расчете на душу населения. При этом, отечественную экономику по структуре производства ВВП, как и хозяйственные комплексы большинства из числа рассмотренных выше стран, можно отнести к постиндустриальному типу, где преобладает сфера нематериального производства. В связи с этим интересным представляется исследовать современную роль промышленных отраслей в отечественной экономике.

На рис. 2 представлена диаграмма, отражающая различия секторов экономики по значениям показателя удельного объема промежуточного спроса секторами на продукцию, созданную в экономике в расчете на объем выпуска товаров и услуг данными секторами. Промежуточный спрос характеризует совокупный объем спроса производителей конкретной отрасли на продукцию, предназначенную для промежуточного потребления и произведенную в целом по совокупности отраслей экономики. Соотношение показателей промежуточного спроса и объема выпуска товаров и услуг по конкретной отрасли экономики позволяет судить о процессе использования продукции, созданной в различных отраслях экономики, для производственной деятельности в конкретной отрасли. Чем больше значение данного соотношения, тем в большей степени производства данной отрасли интегрированы в экономику (высокий уровень развития внутриотраслевых и межотраслевых связей).

Учитывая указанные положения и анализируя диаграмму (рис. 2), можно отметить, что именно отрасли промышленного сектора экономики обладают одним из самых высоких уровней промежуточного спроса на продукцию, созданную в совокупности всеми отраслями экономики, относительно объема собственного выпуска товаров и услуг. Уровень данного соотношения в 2006 г. находился в диапазоне от 76,5 до 80,1%. А это значит, что в единице объема выпущенных на производствах отраслей промышленности товаров и услуг присутствовало от 0,765 до 0,801 единиц продукции, созданной на других производствах, из чего становится видна тесная взаимосвязь промышленных производств с экономикой в целом. Следовательно, как сокращение, так и увеличение промышленного производства в экономике будет прямым образом отражаться не только на данном секторе экономики, но и на всех смежных секторах. Причем коэффициент данной взаимосвязи очень высок.

¹ Диаграмма составлена автором на основе данных: *International Yearbook Of Industrial Statistics*, 2011.

Рис. 2. Показатель удельного объема промежуточного спроса секторами на продукцию, созданную в экономике в 2006 г., в расчете на объем выпуска товаров и услуг данными секторами²

Данный аспект (влияние промышленности на другие сектора экономики) опосредует теоретический интерес к проблематике, связанной с изучением роли индустриального сектора в постиндустриальной экономике.

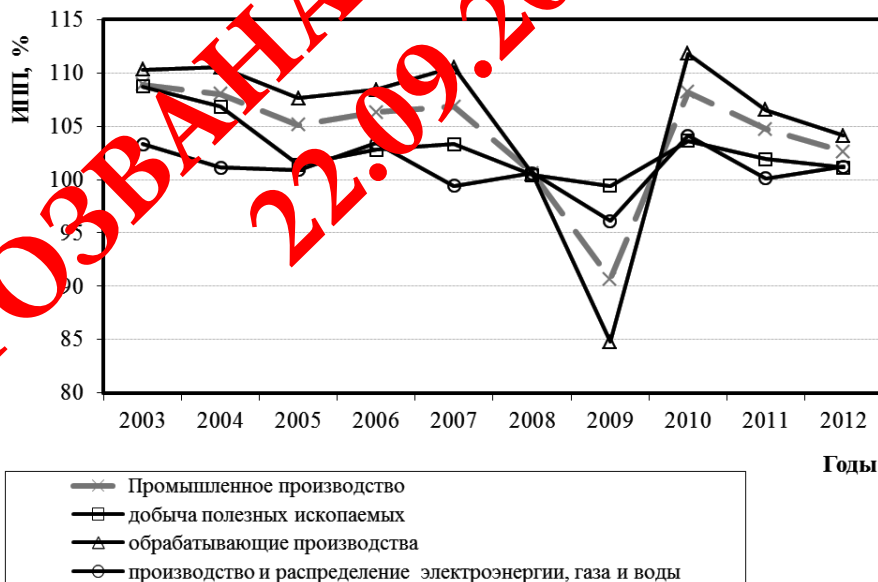

Рис. 3. Динамика индексов промышленного производства в период с 2003 по 2012 гг., в % к предыдущему году³

В то же время, если учесть, что устойчивость промышленного производства находит прямое отражение в целом на производстве по всем секторам экономики, то замедление темпов роста промышленного производства крайне негативно может отразиться на всей экономике в целом. И актуальность данной угрозы в настоящее время крайне высока. Так, на рис. 3 представлены графики, иллюстрирующие цепную динамику индексов промышленного производства в период с 2003 по 2012 гг. Из графиков видно, что практически на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается замедление ежегодных темпов роста промышленного производства. Так, если в 2003 г. темп роста ИПП составил 108,9%, то к 2007 г. он сократился до 106,8%. В 2008–2009 гг., на фоне мирового финансового

² Диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Национальные счета России в 2001–2008 гг., 2009.

³ График построен автором на основе данных: Официальная статистика: промышленное производство.

кризиса, темп роста ИПП сократился в еще более существенной степени. И после небольшого технического восстановления на фоне низкой базы в 2010 г. замедление темпов роста ИПП продолжилось в 2011–2012 гг.

При этом наибольшим негативным изменениям подверглась динамика промышленного производства в обрабатывающих отраслях. Так, если в первой половине рассматриваемого периода здесь наблюдались достаточно стабильные и самые высокие ежегодные темпы роста ИПП, то в 2008 г. именно в данной сфере промышленности произошло максимальное сокращение объема производства. Кроме того, именно здесь в 2011–2012 гг. наблюдалось наиболее динамичное замедление темпов роста ИПП.

В то же время наибольшую стабильность проявило производство в добывающих отраслях промышленности. Даже в кризис 2008 г. не было зафиксировано значительного замедления темпов роста ИПП. Но в целом и здесь наблюдалась отрицательная динамика, в том числе в последние 2 года из рассматриваемого периода. Так, за 2003–2012 гг. ежегодные темпы роста ИПП в добывающей сфере сократились со 110,3 до 104,1%.

Существует множество факторов, оказывающих негативное влияние на динамику темпов промышленного производства. Среди основных из них – снижение показателей рентабельности. На рис. 4 представлены графики, иллюстрирующие динамику показателей рентабельности проданных товаров, продукции (работ и услуг), а также активов организаций промышленности в период с 2003 по 2012 гг. Из графиков видно, что практически по всем отраслям и промышленного сектора отечественной экономики происходит снижение рентабельности проданных товаров, а следом и рентабельности активов. Так, рентабельность проданных товаров в сфере добывающей промышленности, достигнув пика в 35,6% в 2005 г., в последние годы сократилась до 28,0%. Рентабельность активов здесь сократилась с 15,3% (2006 г.) до 11,9%.

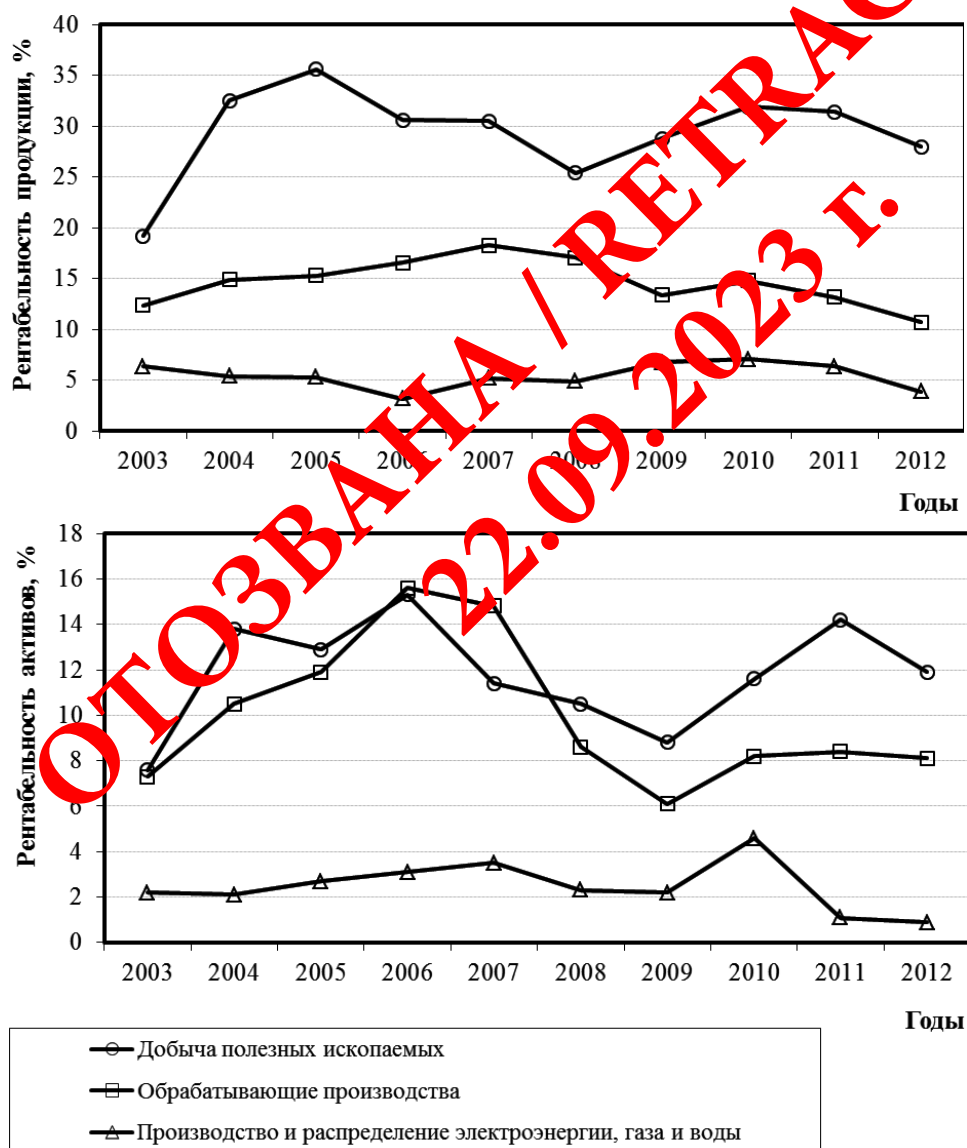

Рис. 4. Динамика показателей рентабельности проданных товаров, продукции (работ и услуг), а также активов организаций промышленности в период с 2003 по 2012 гг.⁴

⁴ Графики построены автором на основе данных: *Промышленность России, 2008*; *Промышленность России, 2010*; *Промышленность России, 2012*.

Рентабельность проданных товаров в сфере обрабатывающей промышленности, достигнув пика в 18,3% в 2007 г., впоследствии сократилась до 10,7%. Рентабельность активов при этом сократилась с 15,6% (2006 г.) до 8,1%. Рентабельность проданных товаров в сфере генерирующей промышленности, достигнув пика в 7,1% в 2010 г., впоследствии сократилась до 3,9%. Рентабельность активов здесь сократилась с 4,6% (2010 г.) до 0,9%.

Таким образом, становится видно, что одним из числа наиболее существенных факторов, оказывающих давление на рост промышленного сектора экономики, является снижение рентабельности производства. Причем, если в первых двух третях рассматриваемого периода (2003–2012 гг.) наблюдалась смешанная динамика показателей рентабельности по отраслям промышленности, то в 2011–2012 гг. отчетливо проявилось возобновление тенденции к дальнейшему снижению показателей рентабельности.

Наиболее вероятно, что следствием дальнейшего снижения рентабельности промышленных производств станет снижение объемов производства в данной сфере экономической деятельности. В свою очередь, учитывая глубину взаимосвязи индустриального сектора экономики со всем хозяйственным комплексом, можно прогнозировать, что подобные тенденции приведут и к цепному замедлению производства в других секторах экономики, в том числе в сфере нематериального производства.

ЛИТЕРАТУРА

- Гурова Т., Ивантер А. (2012). Мы ничего не производим // *Эксперт*. № 47. С. 19–26.
- Национальные счета России в 2001–2008 гг. (2009). Статистический сборник. М.: Росстат. С. 52.
- Официальная статистика: промышленное производство. Федеральная служба государственной статистики. Доступно на: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_prom_okred.xls.
- Промышленность России. (2008). Стат. сб. М.: Росстат. С. 290–291.
- Промышленность России. (2010). Стат. сб. М.: Росстат. С. 294–295.
- Промышленность России. (2012). Стат. сб. М.: Росстат. С. 307–308.
- International Yearbook Of Industrial Statistics (2011). Vienna, Austria: UNIDO. 768 p.
- Industry of Russia (2008). Statistical collection. M.: Rosstat, pp. 290–291. (In Russian.)
- Industry of Russia (2010). Statistical collection. M.: Rosstat, pp. 294–295. (In Russian.)
- Industry of Russia (2012). Statistical collection. M.: Rosstat, pp. 307–308. (In Russian.)
- Gurova T., Ivanter A. (2012). We make nothing. *Expert*, no. 47, pp. 19–26. (In Russian.)
- International Yearbook Of Industrial Statistics (2011). Vienna, Austria: UNIDO. 768 p.
- National accounts of Russia in 2001–2008 (2009). Statistical collection. M.: Rosstat, pp. 52. (In Russian.)
- Official statistics: industrial production. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_prom_okred.xls. (In Russian.)

ЭВОЛЮЦИЯ СФЕРЫ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ УСЛУГ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

КОЗЕЛЬСКИЙ А.В.,

декан факультета бизнеса, кандидат экономических наук,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва,
e-mail: kozelskiy@rambler.ru

В статье обосновывается, что развитие сферы инфраструктурных услуг является ведущим фактором обеспечения экономического роста в современных условиях интернационализации и глобализации экономических отношений. На основе оценки уровня развития инфраструктуры современной российской экономики автором доказывается, что недостаточный уровень ее развития является существенным сдерживающим фактором в достижении экономического роста, а это требует усиления государственной политики по отношению к сфере инфраструктурных услуг.

Ключевые слова: инфраструктура национальной экономики; инфраструктурные услуги; экономический рост.

EVOLUTION OF INFRASTRUCTURE SERVICES AS A FACTOR OF ECONOMIC GROWTH

KOZELSKIY A.V.,

PhD, Dean of Graduate School of Business,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
e-mail: kozelskiy@rambler.ru

The article proves that in modern conditions of internationalization and globalization of economic relations the development of infrastructure services is a main factor of economic growth. On the basis of assessment of the level of infrastructure development of the Russian economy the author proved that a lack of infrastructure development is a significant constraint in achieving economic growth, which requires strengthening of the state policy in relation to infrastructure services.

Keywords: the infrastructure of the national economy; infrastructure service; economic growth.

JEL classification: L80, H54.

В середине XX в. в западных экономико-теоретических исследованиях сформировалось новое направление, посвященное проблемам инфраструктуры: в работах П. Розенштейн-Родана, Р. Нурксе, А. Хиршмана, У. Ростоу, А. Янгсона, Р. Йохимсена и др. Так, П. Розенштейн-Родан раскрывал инфраструктуру как комплекс общих условий, обеспечивающих благоприятное развитие частного предпринимательства в основных отраслях экономики, как совокупность тех отраслей экономики (энергетика, транспорт, связь), развитие которых предшествует более быстроокупаемым и прямопроизводительным инвестициям (Rosenstein-Rodan, 1961. P. 60). Создание и развитие инфраструктуры, следовательно, он рассматривал как важное условие достижения экономического роста, формирование которой должно предшествовать вложениям инвестиций в основное производство.

Развитие отраслей, оказывающих инфраструктурные услуги, повышение качественного и количественного их соответствия потребностям национальной экономики представляется ведущим фактором ускорения экономического роста. Так, Р. Нурксе считал, что создание и развитие социальных мероприятий и таких вспомогательных отраслей, которые способствуют получению ожидаемой прибыли в частном секторе, является необходимым условием экономического роста. Он обосновывал, что общественные накладные расходы создают благоприятные возможности

для развития непосредственно производительной сферы, что возникающий при этом мультипликационный эффект способствует расширению рынка для товаров новых предприятий в других отраслях (*Nurkse, 1953. P. 75*).

А. Хиршман также доказывал, что для обеспечения рывка в процессе достижения экономического роста следует выбирать инфраструктурные отрасли, чтобы импульс от этих отраслей передался на остальные. При этом он отмечал, что при инвестировании в системы по осушению и ирригации экономический рост быстро скажется на увеличении выпуска сельскохозяйственной продукции, но при инвестировании в школы, больницы и т. д. экономический рост проявится лишь через несколько лет (*Hirshman, 1958. P. 187*).

Следовательно, вложения государства и частного бизнеса в развитие инфраструктуры создают благоприятные внешние условия для расширения основного производства, что позволяет ему получить дополнительную экономию в процессе потребления инфраструктурных услуг. Формирование инфраструктуры национальной экономики должно предполагать некоторое опережение по сравнению с расширением основного производства, создавая необходимые условия для его функционирования. Доступность и бесперебойность в предоставлении инфраструктурных услуг, уровень их качества в значительной мере определяют возможности расширения основного производства. Несмотря на то, что инвестиции в отдельные инфраструктурные отрасли не приводят к быстрой отдаче, они жизненно необходимы для обеспечения экономического роста за счет формирования пролонгированного эффекта.

Выделяя 5 этапов экономического роста, предопределяемых развитием техники, преобразованием отраслевой структуры хозяйства и структуры потребления, У. Ростоу раскрывал, что на пятом этапе, в «эру высокого массового потребления» именно сервисная сфера становится главным фактором экономического роста, и что необходимым условием его достижения является накопление капитала в обслуживающих отраслях. Этим ученым доказывалось, что большая доля капиталовложений должна направляться в транспорт и другие инфраструктурные отрасли с целью обеспечения экономического роста (*Rostow, 1960. P. 138*). Обосновывая влияние на экономику железнодорожного транспорта, У. Ростоу подчеркивал, что, вызывая снижение транспортных расходов и вовлекая новые районы и продукты в сферу обмена, этот вид транспорта способствует значительному расширению рынка товаров, приводит к быстрому возникновению новых и бурному развитию экспортных отраслей, что создает капиталы для внутреннего развития, содействует развитию производства современной угольной, металлургической и машиностроительной продукции. Он считал, что такое же влияние на экономический рост оказывают и другие виды «социальных накладных расходов».

Ведущий американский исследователь, основатель концепции постиндустриального общества, Д. Белл, выделяя 3 типа общества (доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное), обосновывал, что переход от индустриального общества к постиндустриальному осуществляется в несколько стадий (*Белл, 2004. С. 171*). Сначала дальнейшее развитие промышленности провоцирует расширение транспорта и общественных служб как услуг, связанных с движением товаров, затем осуществляется расширение сфер распределения (оптовой и розничной торговли), финансовой деятельности, операций с недвижимостью и страхования, и впоследствии – рост сферы торговли товарами длительного пользования, предметами роскоши, сферы услуг по организации отдыха. При этом Д. Белл подчеркивал, что постиндустриальное общество основано на услугах, и что услуги здравоохранения становятся чрезвычайно значимыми, а образования – условием вхождения в постиндустриальное общество.

Говоря о стратегическом развитии современной российской экономики, можно выделить две основные модели экономического роста, которые подвергаются активному критическому осмыслению в процессе научных дискуссий (*Логачев, Кочергин, 2013. С. 11*). Первая модель, «постиндустриальная», разработанная под руководством В. Мау и Я. Кузьминова и отраженная в «Стратегии-2020», предполагает форсированный переход к «постиндустриальному обществу» при ориентации на экономику, в основе которой лежат сервисные отрасли (образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн, «экономика впечатлений» и т. д.) и доминирует сфера услуг (*Стратегия 2020, 2012*). Вторая, «неоиндустриальная» модель, обоснованная в работах С. Губанова, предполагает первоочередное преодоление деградации промышленности с помощью активной государственной политики и плановых методов регулирования важнейших экономических пропорций (*Губанов, 2012*).

Действительно, построение сервисной экономики возможно лишь на базе мощной индустрии с преобладанием производства наукоемкой промышленной продукции. А реальность российской экономики с ее деградирующей промышленностью такова, что обеспечить неоиндустриализацию на основе преимущественно механизмов рыночной конкуренции практически невозможно. Вследствие этого требуется применение не только косвенных, но и прямых методов государственного регулирования в процессе активной структурной и промышленной политики.

Однако переход к доминированию сервисной экономики, являясь закономерным процессом, неизбежен и для российской экономики. Рост производительности труда в промышленном производстве, достигнутый в процессе неоиндустриализации, создаст условия для расширения сферы инфраструктурных услуг. Это расширение должно проявляться не столько в формальном количественном преобладании в структуре стоимости созданного общественного продукта услуг над промышленной продукцией (исходя из статистических показателей отраслевой структуры национальной экономики), а в том, чтобы обеспечить рост производства услуг не на базе спекулятивной составляющей при перераспределении доходов от экспорта сырья, а на основе повышения соответствия сферы услуг потребностям основного производства.

При этом сама неоиндустриализация возможна только при обеспечении основного производства, в том числе и промышленности, необходимыми инфраструктурными условиями, а сочетание рыночных и государственных регуляторов должно непрерывно корректироваться в зависимости от реалий конкретного периода экономического развития и по мере усиления действенности рыночного механизма саморегулирования.

Общественное разделение труда, сформированное в рамках развитой рыночной экономики, характеризуется усилением взаимозависимости и взаимосвязей между субъектами экономической деятельности, усложнением структуры этих взаимосвязей. Наличие развитой инфраструктуры, предоставляющей соответствующие по количеству и качеству услуги, становится обязательным условием успешного функционирования национальной экономики, требованием ее расширенного воспроизводства.

Создание эффективно функционирующей инфраструктуры необходимо для решения проблемы сбалансированного развития экономики, чтобы рост основного производства обеспечивался соответствующим развитием вспомогательно-обслуживающих производств. Недостаточно развитая инфраструктура может стать существенным ограничивающим фактором для расширения основного производства: чем более развито общественное разделение труда, тем больше зависимость экономического роста от уровня инфраструктурного обеспечения национальной экономики. Современная рыночная экономика для своего функционирования требует наличия мощных энергетических сооружений, развитых транспортных систем, прогрессивных средств информационного и кредитно-финансового обслуживания.

Уровень инфраструктурного обслуживания должен соответствовать потребностям национальной экономики. Если формирование и развитие тех или иных элементов запаздывает по сравнению с темпами основного производства и наблюдается дефицит мощностей инфраструктурных объектов, то это может привести к серьезным потерям в рамках всей национальной экономики.

Ведущий российский экономист В.Б. Кондратьев, исследуя влияние инфраструктуры на экономический рост, выделяет 5 направлений: в качестве прямого фактора производства, в качестве взаимозаменяемого элемента других факторов производства, в качестве стимула аккумуляции факторов производства, в качестве стимула совокупного спроса и, наконец, в качестве инструмента промышленной политики (Кондратьев, 2010. С. 30). Действительно, воздействие сферы инфраструктурных услуг на темпы экономического роста многогранно, но несомненно, увеличение инвестиционных вложений в инфраструктурные отрасли является одним из важнейших направлений обеспечения долгосрочного устойчивого экономического роста.

Накопление инфраструктурного капитала способствует росту ВВП как за счет повышения производительности труда в основном производстве, так и за счет роста созданного общественного продукта в сфере инфраструктурных услуг. Инвестиции в развитие инфраструктуры национальной экономики обеспечивают создание новых высокопроизводительных рабочих мест, тем самым улучшая качество предоставляемых инфраструктурных услуг и повышая их соответствие потребностям основного производства. Улучшение инвестиционного обеспечения инфраструктурных отраслей позволяет усилить инновационную направленность их развития и за счет этого снизить издержки производства, повысить доступность высококачественных инфраструктурных услуг для предприятий основного производства.

Напротив, ненадлежащее развитие инфраструктуры становится серьезным сдерживающим фактором для экономического роста. Предприятия основного производства вынуждены отвлекать ресурсы от основного вида деятельности, чтобы компенсировать недостаток инфраструктурных услуг, что повышает их издержки производства.

Крупные инвестиционные проекты, как правило, обеспечивают рост совокупного спроса, в том числе на строительные работы, на продукцию металлургической промышленности, на строительные материалы и другие необходимые виды продукции, работ и услуг, способствуя экономическому росту за счет проявления мультипликационного эффекта.

Инфраструктура оказывает как непосредственное, так и опосредованное влияние на развитие основного производства. Надежное снабжение энергией, обеспечение транспортом для перевозки созданной продукции или необходимого сырья делает непосредственный вклад в создание потребительной стоимости продукта основного производства. Услуги здравоохранения, образования, пассажирского транспорта оказывают опосредованное влияние: сначала обеспечивается формирование квалифицированной и здоровой рабочей силы, которая затем уже как фактор основного производства участвует в создании его продукции. Наличие эффективной инфраструктуры обеспечивает успешное сочетание всех факторов производства.

Разные инфраструктурные институты оказывают разное воздействие на темпы экономического роста. Некоторые экономисты считают, что в наибольшей мере влияет обеспеченность экономики дорожной сетью, другие отстаивают точку зрения, что образовательные услуги оказывают на темпы роста более сильное воздействие. Однако не следует отдавать явный приоритет каким-то отдельным элементам, важно чтобы все необходимые инфраструктурные институты в их оптимальном сочетании отвечали потребностям основного производства. В разные периоды времени разные инфраструктурные элементы могут оказаться значительным ограничителем для развития основного производства, и именно им необходимо будет повышенное внимание и инвестиционное обеспечение.

В условиях перехода от индустриальной экономики к сервисной, производство инфраструктурных услуг превращается в ведущий фактор обеспечения поступательного развития мировой экономики. Появление и расширение на рынке целого спектра новых услуг на базе компьютеризации, информационных технологий, новых способов коммуникаций, рост спроса на деловые услуги в процессе развертывания научно-технического прогресса и структурно-технологической перестройки, как отмечают российские экономисты, предопределяет превращение сервисной сферы в ключевой фактор экономического роста (Демидова, 1999. С. 24). Усиление интернационализации и глобализации в мировых экономических отношениях, выход инфраструктурных предприятий на новые мировые рынки, рост активности транснациональных инфраструктурных компаний повышает значимость эффективной инфраструктуры в составе современной системы развитого общественного разделения труда в рамках всей мировой экономики.

Современная российская экономика, формирующая цивилизованные рыночные отношения и активно вовлекаемая в процессы глобализации, должны создавать и развивать соответствующие инфраструктурные институты. Однако многие элементы инфраструктуры в российской экономике не отвечают задаче достижения ускорения экономического роста в процессе углубления общественного разделения труда.

Одним из факторов, сдерживающих экономический рост в России, следует признать недостаточную эффективность функционирования инфраструктуры национальной экономики, не позволяющую создавать необходимые условия для повышения производительности труда в основном производстве. Снижение инвестиционной активности хозяйствующих субъектов в процессе и после проведения рыночных реформ привело к значительному ухудшению материально-технической базы производственной и социальной инфраструктуры. Коммуникации водо-, тепло- и газоснабжения характеризуются сильной изношенностью, состояние дорог не отвечает современным требованиям к развитию транспортной системы, предприятия здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства вынуждены функционировать зачастую в старых зданиях, с использованием устаревшего оборудования. Это создает угрозу аварийных ситуаций и техногенных катастроф, увеличивает потери созданной продукции и ограниченных ресурсов на всех этапах процесса воспроизводства.

Высокая изношенность основных фондов предприятий производственной и социальной инфраструктуры препятствует успешному их функционированию. Если в целом по экономике износ основных фондов составлял 47,9% в 2011 г., то по отдельным видам инфраструктурной деятельности этот показатель существенно выше. Степень износа достигла: в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 50,5%, на транспорте и в связи – 57,2%, в образовании – 54,3%, здравоохранении и предоставлении социальных услуг – 53,9% (*Российский статистический ежегодник, 2012. С. 345*).

Сумма прибыли, получаемой предприятиями производственной и социальной инфраструктуры, слишком мала для обеспечения воспроизводства основного капитала на инновационной основе. Рентабельность активов в этих отраслях существенно ниже, чем в среднем по экономике: если в целом по экономике она составляла в 2011 г. 6,5%, то в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – только 1,1 %, на транспорте и связи – 4,9%, в образовании – 3,2%, здравоохранении и предоставлении социальных услуг – 1,7% (*Российский статистический ежегодник, 2012. С. 620*).

Возможности успешного функционирования национальной экономики в значительной мере ограничиваются слабым развитием транспортного комплекса. Состояние российского транспортного комплекса не соответствует современным требованиям по технико-технологическим, экологическим и социально-экономическим параметрам. Уровень развития дорожной инфраструктуры не отвечает растущим потребностям экономики и темпам роста автомобилизации и интенсивности движения. Качество дорог общего пользования все еще низко: на долю грунтовых дорог приходится 7,9% автодорог, почти треть – имеют гравийное, щебеночное и мостовое покрытие, 28,6% сельских населенных пунктов РФ не имеют дорог с твердым покрытием для связи с сетью путей сообщения общего пользования (*Российский статистический ежегодник, 2012. С. 490*).

Сформированная в российской экономике социальная инфраструктура также не отвечает задаче ускорения экономического роста в условиях развитого общественного разделения труда. Общественный строй советского периода не смог обеспечить достойный уровень жизни населения, однако и современный олигархический капитализм отличается низким социальным качеством, когда созданный ВВП перераспределяется в основном в интересах олигархических групп. В последние годы после проведения рыночных реформ существенно уменьшилась численность населения, ухудшилось его здоровье и качество жизни.

В постиндустриальной, сервисной экономике главным фактором экономического роста становится человеческий, социальный капитал: наращивание человеческого капитала позволяет повысить отдачу и от капитала в физической, материально-вещественной форме, во многом усилить позиции государства в международной конкуренции. Наращивание инвестиций в человеческий капитал, в повышение уровня образования и здравоохранения как основных факторов воспроизводства трудовых ресурсов имеет высокую отдачу в целом для экономики: уменьшает риск безработицы, повышает адаптацию к технико-технологическим нововведениям и структурным сдвигам. Однако темпы экономического роста в России сдерживаются во многом нерешенностью социальных проблем.

Российская система здравоохранения пока еще не может обеспечить достаточную доступность для населения медицинских услуг высокого качества, не сформированы необходимые государственные гарантии высококвалифицированной медицинской помощи. По уровню развития здравоохранения Россия значительно отстает от развитых государств. За годы проведения рыночных реформ сеть медицинских и образовательных учреждений существенно сократилась: в 2011 г. больничных учреждений стало почти в 2 раза меньше, чем в 1995 г., амбулаторно-поликлинических – в 1,3 раза, дошкольных – в 1,5 раза, общеобразовательных – в 1,5 раза, образовательных учреждений начального профессионального образования – в 2 раза (*Российский статистический ежегодник, 2012. С. 216, 267*).

Темпы экономического роста сдерживаются и недостаточной развитостью инфраструктуры рынка. Российские экономисты отмечают, что по-прежнему вклад российских кредитно-финансовых учреждений в достижение экономического роста, в усиление его инновационной направленности является незначительным, так как большинство кредитов реальному сектору отличается краткосрочностью, а кредиты банков вследствие их высоких ставок остаются малодоступными для предприятий (*Козельская, 2012. С. 361*). Вследствие этого среди источников финансирования инвестиций в основной капитал основная доля приходится на собственные средства (42,1%), а на кредиты банков – только 8,5% (*Российский статистический ежегодник, 2012. С. 641*).

Таким образом, одним из существенных факторов, сдерживающих экономический рост в России, является недостаточный уровень развития инфраструктуры национальной экономики, поэтому в процессе государственного регулирования следует усилить стимулирование ее эффективного функционирования и инвестиционное обеспечение ее развития, учитывая тенденцию возрастания роли сферы инфраструктурных услуг в мировой экономике и международной конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

- Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia.
- Губанов С. (2012). Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир.
- Демидова Л. (1999). Сфера услуг в постиндустриальной экономике // *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 24–32.
- Козельская И.Н. (2012) Развитие механизма государственного регулирования национальной экономики // *Развитие системы государственного и муниципального управления: сб. тезисов докл. и статей видеоконф.* 12 декабря 2012 г. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ имени Г.В. Плеханова».
- Кондратьев В.Б. (2010) Инфраструктура как фактор экономического роста // *Российское предпринимательство*. № 11. Вып. 2. С. 29–36.
- Логачев В., Кочергин Д. (2013) Целевое содержание предстоящей индустриализации: «пост» или «нео»? // *Экономист*. № 11. С. 11–19.
- Российский статистический ежегодник: Стат. сб. (2012). М.: Росстат.
- «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика»: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года (2012). Доступно на: <http://www.2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog>. Дата доступа: 6.02.2014.
- Hirshman A. (1958). *The Strategy of Economic Development*. New Haven.
- Nurkse R. (1953). *Problems of Capital Formation in Undeveloped Countries*. Oxford.
- Rosenstein-Rodan P. (1961). *The Notes of the Theory of the «Big Push» in Economic Development for Latin America*. London-New York.
- Rostow W. (1960). *The Stages of Economic Growth*. London-New York.

REFERENCES

- Bell D. (2004). Future post-industrial society. Experience in social forecasting. Moscow: Academia. (In Russian.)
- Demidova L. (1999). Services sector in postindustrial economy. *World Economy and International Relations*, no. 2, pp. 24–32. (In Russian.)
- Gubanov S. (2012). Sovereign breakthrough. Neoindustrialization of Russia and vertical integration. Moscow: Kniznij Mir. (In Russian.)
- Hirshman A. (1958). *The Strategy of Economic Development*. New Haven.
- Kozelskaya I.N. (2012) Development of the mechanism of state regulation of the national economy. *Development of state and municipal government: book of abstracts and articles video conference*, December 12, 2012, Moscow: Plekhanov Russian University of Economics. (In Russian.)
- Kondratiev V.B. (2010) Infrastructure as a factor of economic growth. *Russian Entrepreneurship*, no. 11, vol. 2, pp. 29–36. (In Russian.)
- Logatchev V. Kochergin D. (2013) The goals and content of the forthcoming industrialization: “post” or “neo”? *The Economist*, no. 11, pp. 11–19. (In Russian.)
- Nurkse R. (1953). *Problems of Capital Formation in Undeveloped Countries*. Oxford.
- Rosenstein-Rodan P. (1961). *The Notes of the Theory of the “Big Push” in Economic Development for Latin America*. London-New York.
- Rostow W. (1960). *The Stages of Economic Growth*. London-New York.
- Russian Statistical Yearbook: statistical compilation (2012). Moscow: Rosstat. (In Russian)
- “Strategy 2020: New Growth Model – a new social policy”: The final report on the results of the expert work on topical issues of socio-economic strategy of Russia until 2020 (2012). Available at: <http://www.2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog>. Accessed on: 6.02.2014. (In Russian.)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

НАХМЕДОВА Д.Т.,

аспирант кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: dn@so61.ru

В статье рассматривается проблема бедности и социальной дифференциации населения в России. Анализируются основные факторы, детерминирующие возникновение бедности в российских регионах. Выделены основные направления сокращения бедности и снижения социальной дифференциации на примере Ростовской области.

Ключевые слова: бедность; механизмы борьбы с социальной дифференциацией населения; региональная политика.

REGIONAL LOCALIZATION MECHANISMS OF SOCIAL DIFFERENTIATION AND POVERTY

NAKHMEDOVA D.T.,

Postgraduate student of the chair «Economic theory»,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: dn@so61.ru

The article considers problem of poverty and social differentiation of the Russian population. Analyzing main factors that determine the origin of poverty in Russian regions. Defined main directions of reducing poverty and decreasing in social differentiation by way of example of Rostov region.

Keywords: poverty; mechanisms of coping with social differentiation; regional policy.

JEL classification: E24, I32, I38.

Изучение бедности как социально-экономического явления на современном этапе развития России продолжает оставаться весьма актуальной проблемой. Постиндустриальные трансформационные процессы привели к глубоким изменениям в социальной структуре современного российского общества, послужив формированию социально-экономической поляризации и обострению проблем бедности.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2012 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в России составила 15,6 млн чел., или 11% населения. Несмотря на то, что доля населения с доходами ниже прожиточного минимума продолжает снижаться, проблема бедности и неравенства населения не утрачивает своей остроты. Так, в России формируется межпоколенное воспроизводство бедности, в структуре бедных наблюдается рост семей с детьми. Концентрация детей в бедных семьях влечет за собой падение качества человеческого потенциала, а также формирование особой субкультуры бедности (*Стратегия-2020, 2011*).

Особенностью российского профиля бедности является бедность среди работающего населения («работающие бедные»), которая сложилась в результате низкого уровня доходов от занятости населения, что свидетельствует о недостаточной эффективности программ по содействию занятости и изъянах в политике оплаты труда (*Разумов, 2002*). Кроме того, по-прежнему актуальной остается проблема преодоления экстремальной бедности населения, в частности, в области ликвидации голода и недоедания самых уязвимых групп населения.

Таким образом, в настоящее время главными причинами бедности и дефицита доходов в России является низкий уровень заработных плат на рынке труда, отсутствие работы у населения трудоспособного возраста, а также отсутствие адекватной социальной поддержки семей с детьми. Так, анализ декомпозиции дефицита доходов на основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, 2010» подтверждает,

что катализатором бедности является положение на рынке труда и слабая социальная поддержка бедных: 35% дефицита доходов обусловлены низкой заработной платой; 6% – слабой поддержкой зарегистрированных безработных; 22% – отсутствием работы у трудоспособных; 25% – слабой социальной поддержкой семей с детьми; 12% – остальными факторами (*Стратегия-2020, 2011*).

Распространение бедности и социальной дифференциации населения в России приводят к неблагоприятным условиям воспроизводства рабочей силы, затрагивая такие составляющие, как здоровье, производительность труда, уровень образования и профессиональной подготовки. Кроме того, снижение качества рабочей силы ведет к ухудшению экономического потенциала общества, сокращению общественного труда, эффективности производства и, как следствие, приводит к замедлению темпов экономического роста.

Уровень и масштабы бедности влияют также на платежеспособность спроса населения, тем самым снижая емкость внутреннего рынка, так как бедное население будет предъявлять все меньший спрос на товары и услуги. В свою очередь, сужение внутреннего рынка под воздействием роста бедности населения приводит к сокращению общественного богатства, что вызывает цепную реакцию и усиливает дальнейший процесс обеднения населения.

Одним из последствий бедности является также социальная дезинтеграция населения и рост маргинализации. Значительный контингент бедных, оказавшихся лишенными или ограниченными в доступе к социально-экономическим ресурсам общества, впоследствии остаются в стороне от социально-экономической жизни общества. Это может привести к распаду общества, разъединению его элементов и разрушению социально-экономического единства страны.

Таким образом, бедность является не только экономической, но и общественно значимой проблемой, которая требует практических действий со стороны правительства в области ее сокращения.

Стратегия преодоления бедности в России должна быть направлена на формирование эффективной и проработанной социальной политики, а также осуществляться с учетом региональной специфики. Проведем анализ региональных механизмов локализации социальной дифференциации и бедности населения на примере одного из регионов РФ, а именно Ростовской области.

По уровню бедности Ростовская область незначительно отстает от среднероссийских показателей и выделяется позитивными тенденциями по сравнению с другими регионами Юга России. Так, по оценке Федеральной службы государственной статистики по итогам 2012 г. Ростовская область по величине среднедушевых денежных доходов заняла 45 место среди 83 регионов России, а среди субъектов, входящих в Южный федеральный округ – второе (на первом месте Краснодарский край – 21 077,2 руб.). В 2012 г. величина среднедушевых денежных доходов составила 17 987,3 руб. увеличившись по сравнению с 2011 г. на 12,3%. В 2012 г. величина прожиточного минимума в Ростовской области была равна 6 107 руб. (в среднем по России – 6 510), в том числе для трудоспособного населения – 6 434 руб., пенсионеров – 4 915 руб., детей – 5 967 руб. Несмотря на то, что численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума продолжает снижаться в Ростовской области, составив 13,2% (557 тыс. чел.) в 2012 г., ее уровень превышает среднероссийский показатель – 11,0% (*Уровень жизни населения России..., 2014*). Кроме того, продолжает увеличиваться неравенство между самыми богатыми и самыми бедными группами населения, растет острота его восприятия, которая приводит к социальным противоречиям и конфликтам.

Значимой проблемой устойчивого развития Ростовской области является неравномерность социально-экономического развития городских округов и других муниципальных образований. Для большей части региона среднеобластные значения показателей социальной сферы являются труднодостижимыми, в результате наблюдается значительное неравенство по доходам среди населения области, а также различия в уровне и качестве обеспечения населения социальными услугами, возможностях реализации человеческого потенциала (см. табл. 1).

Таблица 1

Среднемесячная заработная плата в расчете на 1 работника в 2012 году (*Уровень жизни населения, 2012*)

№ п/п	Наименование городских округов и муниципальных районов	Среднемесячная заработная плата (расчетные данные по полному кругу предприятий и организаций)	
		2012	
		руб.	ранговое место
Всего по области:		19 189,4	х
1	Ростов-на-Дону	23 527,8	1
2	Азов	16 217,1	7
3	Батайск	19 804,4	3
4	Волгодонск	20 853,7	2
5	Гуково	14 881,0	10
6	Донецк	13 246,2	12
7	Зверево	14 964,5	9
8	Каменск-Шахтинский	17 728,1	6
9	Новочеркасск	19 659,2	4
10	Новошахтинск	14 396,7	11
11	Таганрог	18 245,7	5
12	Шахты	15 804,4	8

Данные, представленные в табл. 1, отражают дифференциацию зарплат в зависимости от населенного пункта в сравнении со средней заработной платой в Ростовской области. Так, г. Ростов-на-Дону находится на первом месте по уровню доходов, подавляя окружающие города и стягивая, как Москва в Центральной части России, все доходные функции на себя. Аутсайдерами являются депрессивные угледобывающие города и прилегающие к ним районы, которые расположены на севере области, а именно Новошахтинск, Донецк, Гуково, Миллеровский и Тарасовский районы). На среднем уровне по заработной плате находятся города с машиностроительной специализацией – Таганрог, Новочеркасск.

Внутрирегиональные контрасты уровня жизни, для снижения которых необходимы меры социальной поддержки и защиты населения, являются типичными для современных условий развития России. Недостаточно использование только общегосударственной стратегии сокращения бедности из-за большой разницы условий и факторов социально-экономического развития. Меры, которые применяются для одних регионов, могут быть недостаточными и даже неэффективными для других. В программах борьбы с бедностью должны выделяться приоритетные направления для регионов и поселений разных типов.

Разработка стратегии преодоления бедности и социальной дифференциации населения на региональном уровне требует, прежде всего, решения ряда методологических вопросов, а именно, проблемы совершенствования мониторинга бедности населения и получения достоверной информации о данном процессе. Решение данной теоретико-методологической проблемы является важной задачей не только на региональном уровне, но и на федеральном.

Для улучшения достоверности и качества статистической информации требуется решение следующих задач:

1. Разработка альтернативных подходов к определению целевого назначения и порядка расчета прожиточного минимума. Принятая в нашей стране и действующая в Ростовской области оценка бедности по прожиточному минимуму не соответствует современным реалиям и ведет к искажению действительности. Выбор значения прожиточного минимума достаточно субъективен, его рост почти в 2 раза отстает от роста средних доходов населения. Кроме того, прожиточный минимум не соответствует современным реалиям. Так, например, в нем не предусмотрено никаких затрат на аренду и тем более покупку жилья, а нормы по хлебу и мясу в 1,5–3 раза меньше пайка немецкого военнопленного в Ленинграде (*Шевяков, 2014*).

2. Необходимо формировать репрезентативную региональную выборку для бюджетных обследований и увеличение численности респондентов в регионе, если объем выборки недостаточен для анализа уровня жизни населения. Возможным источником дополнительного финансирования могут быть региональный бюджет, так как региональные власти нуждаются в адекватном определении границы бедности и реальной численности населения с низкими доходами, что позволит оптимизировать расходование бюджетных средств на адресную социальную защиту.

3. Следует уточнить границы бедности для крупных городов и менее урбанизированных территорий (сельской местности и малых городов). Для этого необходимо отдельно рассчитывать прожиточный минимум для сельской местности и крупных городов внутри региона, так как многие расходы (на питание, оплату жилищно-коммунальных услуг и транспорта) в них различаются.

4. Важным является проведение дополнительной оценки теневых доходов на региональном уровне, так как некоторые группы населения могут получить дополнительную ренту от географического и экономического положения.

5. Для сельского населения следует разработать более точные методики оценки доходов от личного подсобного хозяйства.

Важной проблемой российской методики измерения бедности является фиксация социально-экономических показателей на индивидуальном, а не на семейном уровне дохода. В свою очередь, это приводит к искажениям при оценке бедности, так как не учитывается экономия в размере семьи. Чтобы избежать подобных искажений, во многих странах важным элементом методологии измерения бедности, а также инструментом проведения социальной политики являются шкалы эквивалентности, которые позволяют более достоверно оценить благосостояние семей, а также учитывают эффект экономии на масштабах потребления. В России не используются подобные методики.

Помимо совершенствования теоретико-методологической базы измерения бедности и социальной дифференциации населения, следует также проводить комплекс социально-экономических мер, направленных на решение данных проблем. В настоящее время в Ростовской области разрабатываются и проводятся региональные целевые программы локализации низкого уровня жизни, которые учитывают региональные особенности воспроизводства бедности и проявления ее устойчивой тенденции, не предусмотренные в общероссийской программе. Так, основная целевая программа Ростовской области – это областная долгосрочная целевая программа «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Ростовской области», целью которой является повышение качества жизни отдельных категорий населения области (*Областная программа..., 2010*). Программа состоит из трех подпрограмм: «Социальная поддержка населения», «Организация и обеспечение отдыха и оздоровления детей» и «Социальное обслуживание населения», мероприятия которых направлены на предоставление мер социальной поддержки, оздоровление детей и социальное обслуживание населения области.

Разграничение полномочий между федеральным центром и субъектами РФ позволило создать в области современную модель социальной поддержки населения. Так, в Ростовской области реализуется механизм адресной помощи с фиксированными выплатами на основе областного закона «Об адресной социальной помощи». Пособия из областного бюджета считаются адресными, хотя выделяются по категориальному принципу трем группам населения с доходами ниже прожиточного минимума: одиноким неработающим пенсионерам старше 65 лет; неработающим

трудоспособным гражданам, осуществляющим уход за инвалидами и престарелыми; гражданам, попавшим в экстремальную ситуацию. Региональные власти сами определяют, кого считать наиболее уязвимыми группами. Адресная помощь является примером локализованной в узком сегменте, но четко проводимой региональной социальной политики.

Социальная защита в Ростовской области не должна ограничиваться только финансовой помощью, важным моментом является содействие незащищенным слоям населения в создании условий для самообеспечения. Так, этому может способствовать изменение шкалы налогообложения. В большинстве развитых стран от налогов освобождены доходы, не обеспечивающие минимальные жизненные потребности, а высокие ставки применяются к сверхдоходам. Проведенные исследования показывают, что достаточно увеличить налог на 2,9% для представителей третьей, четвертой и пятой квинтильных доходных групп, чтобы решить проблему бедности. Если решать ее только за счет четвертой и пятой групп, то налог нужно увеличить на 3,4%, если же в этих целях задействовать только пятую группу, налог должен быть увеличен на 4,9% (Решетникова, 2012).

Кроме того, одной из мер содействия незащищенным слоям населения может стать формирование механизма индексации доходов при росте стоимости жизни. Во многих странах законы об индексации заработной платы и других форм доходов предусматривают очень низкие индексационные пороги – при росте цен, начиная с 0,2%. Российское законодательство в области индексации доходов предусматривает различный порядок реализации этой меры поддержки для разных видов пенсий. Что касается индексации заработной платы, то трудовой кодекс оставляет возможность работодателю самостоятельно определять ее порядок в локальных нормативных актах.

На сегодняшний день основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения. Без увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы и увеличения доходов малоимущих, проблему нарастающей относительной бедности и увеличивающегося разрыва «бедные–богатые» не решить. Прогрессивное налогообложение доходов населения естественный атрибут цивилизованных распределительных отношений. Без него во многих странах Европы масштабы неравенства и бедности были бы равны или превосходили российский уровень (Актуальные проблемы России..., 2013).

Региональным властям важно также выявить все резервы региона, использование которых повысит его социально-экономический уровень, необходимо создавать предложения, позволяющие инвесторам увидеть потенциальные возможности развития бизнеса, что в свою очередь сможет обеспечить и повысить уровень жизни населения.

К социально-экономическим мерам региональной политики, направленной на борьбу с бедностью и сокращением социальной дифференциации населения можно отнести также:

- создание благоприятного климата для развития малого бизнеса в регионе; для предприятий инновационного комплекса, которые создают новые рабочие места, – предоставление налоговых льгот;
- проведение политики, направленной не на поддержание низкого уровня безработицы (поддержание формально высокого уровня занятости), а на эффективную занятость, ориентируемую на создание рабочих мест с достойной заработной платой и высокой квалификацией труда;
- принятие мер для развития агропромышленного сектора через создание условий, направленных на повышение его продуктивности;
- обеспечение эффективного механизма функционирования кредитно-денежной системы, который позволит увеличить доступ к кредитным ресурсам, т. е. ипотечное кредитование, получение образования, медицинских услуг, приобретение товаров длительного пользования;
- развитие социальных программ, ориентированных, прежде всего, на поддержку бедных домохозяйств на различных этапах жизненного цикла. Если система социальной поддержки не связана с жизненным циклом семьи, то она не выполняет функции гармонизации распределения полномочий по обеспечению уровня и качества жизни между семьями, государством и рынками;
- развитие социальной инфраструктуры, способствующей расширению возможностей для бедного населения без увеличения их доходов. Так, для пенсионеров с определенного возраста возрастает спрос на социальные услуги, в частности медицинские, а также услуги по уходу;
- поиск дополнительных источников финансирования адресной социальной помощи (развитие благотворительности, расширение социальной сферы непосредственно в организациях).

Таким образом, проблема бедности и социальной дифференциации населения носит комплексный характер и должна быть тщательно проработана на региональном уровне, основываясь на политике эффективной занятости на рынке труда, адекватной политике в области социальной защиты наиболее уязвимых групп населения, на недопущении чрезмерной внутрирегиональной дифференциации населения, на разработке методологической базы измерения регионального уровня бедности.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы России. Избыточное социальное неравенство населения России – не только тормоз ее экономического развития, но и бомба, которая обязательно взорвется (2013). Доступно на: www.modern-rf.ru.

Областная долгосрочная целевая программа «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Ростовской области на 2010–2014 годы». (2010). Утверждена Постановлением Администрации Ростовской области от 16 октября 2009 г. № 529. Ростов н/Д. С. 2.

Разумов А.А. (2002). Работающие бедные в России. М.: ВЦУЖ. С. 2–3.

Решетникова Е.Г. (2012). Назревшие социальные институциональные проблемы и пути их решения. Доступно на: www.sarrsute.ru.

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. (2011). Доступно на: www.http://2020strategy.ru/documents/32710234.html.

Уровень жизни населения. Среднемесячная заработная плата в расчете на 1 работника. (2012). Доступно на: www.rostov.gks.ru.

Уровень жизни населения России. Величина прожиточного минимума в России. (2014). Доступно на: www.gks.ru.

Шевяков А.Ю. (2014). Модернизация подоходного налога и снижение социального неравенства. Доступно на: www.modern-rf.ru.

REFERENCES

Actual problems of Russia. Excessive social inequality of the Russian population – not only brake its economic development, but also a bomb that will explode necessarily. (2013). Available at: www.modern-rf.ru. (In Russian.)

Regional long-term target program “Social support and social services for the population of Rostov Region for 2010–2014 years”. (2010). Approved by Decree of the Administration of Rostov region from October 16, 2009, no. 529. Rostov-on-Don, p. 2. (In Russian.)

Razumov A.A. (2002). Working poor in Russia. M. VTSUZH, pp. 2–3. (In Russian.)

Reshetnicova E.G. (2012). Urgent social problems and institutional solutions. Available at: www.sarrsute.ru. (In Russian.)

Sheviakov A.Y. (2014). Modernization of the income tax and the reduction of social inequalities. Available at: www.modern-rf.ru. (In Russian.)

Standard of living. Average monthly wage per employee 1. (2012). Available at: www.rostov.gks.ru. (In Russian.)

Strategy-2020: A New Growth Model – a new social policy. (2011). Available at: www.http://2020strategy.ru/documents/32710234.html. (In Russian.)

Standard of living of the Russian population. The subsistence minimum in Russia. (2014). Available at: www.gks.ru. (In Russian.)

ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В МЕТОДОЛОГИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА

КОРОЛЕВ В.К.,

доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: vkorolev@sfedu.ru;

ПАЙДА Г.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Российская таможенная академия, Ростовский филиал, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: paida_gv@list.ru

Авторы высказывают сомнения в необходимости каких-то новых парадигм политической экономики для понимания проблем современного экономического кризиса, полагают, что доминирующая либерально-монетаристская парадигма своей абсолютизацией в мире современного капитализма вполне объясняет философскую природу его системного кризиса: дисбаланс реальной и виртуальной экономик вплоть до их разрыва.

Авторы также считают, что чисто экономический дискурс мирового экономического кризиса недостаточен для проработки стратегии развития «посткапиталистического» капитализма эпохи постмодерна и глобализации, предлагают в качестве теоретической основы такой стратегии, наряду с «нормальной» либерально-монетаристской парадигмой, плюрализм парадигм «спекулятивных», но «фундируемых» не только рыночным фундаментализмом, но и социокультурной «метопарадигмой», обосновывающей в духе постмодерна современные взаимоотношения между парадигмами экономической теории и их применение в политической экономике.

Ключевые слова: политическая экономия; экономика; кризис; капитализм; постмодернизм; парадигма.

POLITICAL ECONOMY'S PARADIGMS IN METHODOLOGY OF POSTMODERN DISCOURSE

KOROLEV V.K.,

Doctor of Science, Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: vkorolev@sfedu.ru;

PAIDA G.V.,

PhD, Associate Professor,
Russian Customs Academy, Rostov Branch, Rostov-on-Don,
e-mail: paida_gv@list.ru

Authors state doubts in need of any new paradigms of political economy for understanding of problems of a modern economic crisis, believe that the dominating liberal and monetaristic paradigm in the world of modern capitalism quite explains with the absolutization the philosophical nature of its system crisis: imbalance of real and virtual economy, up to their gap.

Authors also consider that purely economic discourse of a world economic crisis is insufficient for study of strategy of development of «post-capitalist» capitalism of an era of a postmodern and globalization, offer as a theoretical basis of such strategy, along with a «normal» liberal and monetaristic paradigm, pluralism of

«speculative» paradigms, but «funded» not only by market fundamentalism, but also by the social-cultured «metaparadigm» proving in the spirit of a postmodern the modern relationship between paradigms of the economic theory and their application in political economy.

Keywords: political economy; economic; crisis; capitalism; postmodernism; paradigm.

JEL classification: A20, B52.

«...экономический разлад есть только одно из проявлений гораздо более обширного культурного процесса» (Й. Хейзинга, «В тени завтрашнего дня»)

Переживаемый миром и страной финансово-экономический кризис ставит перед специалистами вопросы объяснения его природы и путей преодоления. Понятно, что теоретические поиски выхода из такой ситуации не должны ущемлять экономические интересы правящих элит «золотого миллиарда». Хотя можно напомнить, что напуганные подъемом первой кризисной волны лидеры западных стран в 2008 г. заявляли, пусть весьма туманно и осторожно, о поистине фундаментальном вопросе – о необходимости качественного обновления капитализма, о его новых моделях (капитализм «сотрудничества», «моральный», «регулируемый» и др.); на Давосском форуме 2012 г. говорили о кризисе капитализма как системы: директор-распорядитель МВФ К. Логард договорилась до проблемы спасения (западного) мира, основатель этого форума К. Шваб – до объявления смерти капитализма, ибо его наличной западной модели осталось 3–4 года (Д. Рубинштейн). Но в связи с относительной стабилизацией экономики вторую волну кризиса мировая экономическая элита встретила уже спокойно, не требуя от экономистов «коперниканских» открытий. Но длительность и неопределенность перспектив выхода из качественно нового, системного и глобального кризиса побуждает вести речь не о частностях, а о вещах фундаментальных, касающихся самых общих оснований политической экономики. Очевидно, сейчас она озабочена своей способностью на основе имеющегося массива знаний и теорий *объяснять* новые (кризисные) экономические явления, разгадывать кризисные «головоломки» экономики, ее «аномальности», *прогнозировать* экономическое развитие, иначе говоря, необходимостью вернуть свое «нормальное» состояние. Так, понимаемая экономическая теория имеет свое обоснование в концепте научного познания, знания, жизни научного сообщества, предложенном Т. Куном – понятии «парадигма». Оно характеризует признанные всеми (учеными) научные достижения, убеждения, ценности, которые в течение длительного времени дают модель рассмотрения обычных и постановки новых проблем и гарантируют их решение научному сообществу (Кун, 1975. С. 11, 48, 48, 220). Основанная на этом – парадигмальная – теория и рассматривается как «нормальная». Но следует помнить, что американский мыслитель полагал, что не все теории являются парадигмальными, и в период кризисов ученые разрабатывают «спекулятивные и туманные» теории (Кун, 1975. С. 88).

Соотнесение этих положений с наличным состоянием экономической науки и практики свидетельствуют об актуальности рассмотрения проблематики экономических парадигм. (В этом плане примечательно проведение еще в сентябре 2011 г. на базе экономического факультета ЮФУ международного форума «Современные экономические парадигмы и развитие экономической теории», где отмечались кризис неоклассического мейнстрима и важность поисков новых, альтернативных парадигм (Г. Клейнер, К. Хубиев и др.).

В этой связи возникают вопросы: может ли доминирующая либерально-монетаристская парадигма «переварить» новые экономические реалии? Если нет, то какие парадигмы могут рассматриваться в качестве альтернативных? Нужно ли искать среди них новый «mainstream»? Или следует вообще отказаться от парадигмальной экономической теории и ограничиться набором «спекулятивных», основанных на «неклассических» парадигмах? Если так, то что может (должно) их соотносить, связывать, быть «общим знаменателем»?

В методологии рассмотрения этой проблематики, во-первых, с позиции «нормальности» теории необходимо прояснить статус доминирующей парадигмы (Мизес, 2007). Не входя, естественно, в ее рассмотрение, нужно отметить, что она является эффективным способом объяснения рыночной экономики (наряду с такими, как «классическая», «неоклассическая», марксистская, историческая, институционалистская, маргиналистская, и др.). При всех расхождениях и даже противоречиях между этими парадигмами, их объединяет то, что они, рефлексировав капиталистический способ хозяйствования, исходят из понимания экономического развития как естественно-исторического процесса; именно в этом смысле можно позитивно говорить о «рыночном фундаментализме». Полагаем, что вопреки мнению его критиков, не он «виновен» в нынешнем кризисе: дело в иерархии его парадигм, характеризующих различные трактовки рыночной экономики, в *догматизации* либерально-монетаристской парадигмы «свободного» рынка свободных (от опеки государства) экономических субъектов, придании ей «конструктивистского» характера.

В основе «философии» этой парадигмы лежит *экономический либерализм* – свобода экономической деятельности в трех своих ипостасях – свободы покупателя (потребителя), свободы продавца (производителя) и свободы их взаимоотношений как наиболее эффективной формы организации экономики. С этим нельзя не согласиться, как и с тем, что рынок *в общем и целом* – эффективнее «нерынка», что эффективность – главный показатель экономики (Мамедов, 2013. С. 8). Но жизнь показывает – рынки бывают разные, либеральный «фундамент» допускает различную эффективность построенных на нем экономик.

Говоря о судьбе либерально-монетаристской парадигмы, целесообразно опираться на так называемый эволюционный подход: если (нео)классическая теория рассматривает экономические процессы и явления с точки зрения устойчивости, порядка, однородности, равновесия, то теория эволюционной экономики акцентирует внимание на ситуациях неустойчивости, разнообразия, неравновесия. (Ананьев, 2000). Важно отметить, что «парадигмальная» эволюция всегда предполагает не только становление нового, но и определенные процессы наследования и преемственности. Поэтому целесообразно не «отменять» либерально-монетаристскую парадигму, а «раздогматизировать» ее, поставить на место, адекватное своей функции и изменившимся экономическим реалиям.

Во-вторых, с позиции возможности «непарадигмальной» экономической теории необходимо методологическое осмысление поисков новых, ситуативных парадигм «спекулятивных», «ненормальных» теорий для объяснения природы текущего кризиса. Здесь интересны два сюжета. Первый – «феноменологический». В XX в. развитие экономической мысли при всех своих изменениях не принесло качественно новых трактовок («парадигм») экономической реальности. Наибольший след в истории экономической мысли прошлого века оставили научные школы, возникшие на стыке классической и «субъективистской» традиций. Это имеет свое философское обоснование в трактовке дихотомии «объективное–субъективное». Дело в том, что к началу XX в. в научном сообществе европейской цивилизации доминировал менталитет сциентистского толка, в котором критерием знания выступала парадигма *объективной* научности, во главу угла ставилась идея априорной объективации, рациональной упорядоченности (природы) и ее преобразования. Эта идеология в начале XX в. вошла в кризис, реакцией на который стала феноменология Э. Гуссерля (Гуссерль, 1992). По ней наука являлась не просто способом поиска и «присвоения» объективных знаний; ее творческое начало оказывалось представленным либо в обнаружении субъектом еще не зафиксированных «объективностей», либо в реализации личностных «интенций» ученых.

Сюжет второй – «постмодернистский» (Джеймисон, 2007). Традиционно искомая «нормальность» экономической теории фундирована отмеченной объективистской ментальностью модерна с его сциентизмом «законодательного разума». Во второй половине XX в. ситуация начинает кардинально меняться – наступает эпоха постмодерна, в которой место законодательного разума занимает разум *интерпретивный*, что меняет роль парадигмы в экономической теории, да и сам ее характер. (Именно это, полагаем, имели в виду критики Т. Куна, упрекая его в отходе от классического, сциентистского объективизма.) В контексте постмодерна экономическая теория может успешно рассматриваться как разновидность «риторики», рассчитанной не столько на поиск истины, сколько на убеждение просвещенной публики (что, собственно, сейчас и происходит). Нужно подчеркнуть, – парадигма, по Т. Куну, – концепт научного познания (экономических) процессов, но не идеология их реализации, проектирования. Мы исходим из того, что развитие экономики имеет объективный характер, является процессом естественно-историческим (Мамедов, 2013. С. 7).

Очевидно, в понимании экономики постмодерна можно говорить о некоей иной трактовке понятия «парадигма», выходящей за рамки куновских рассуждений (это – тема отдельного серьезного исследования в области методологии научного познания). Примечательно, попытки просто приложить к развитию экономики идеи Т. Куна сразу же натолкнулись на серьезные трудности: история экономической мысли никак не желала укладываться в схему последовательности сменяющихся парадигм. В обстоятельствах постмодерна экономисты методологически отдали предпочтение концепции И. Лакатоса, которая допускала длительное параллельное сосуществование нескольких «исследовательских программ» (понятие, заменившее в этой концепции «парадигму») и делала упор на соотносительную оценку этих программ по критерию их научной продуктивности. (Лакатос, 1978). Тем самым в экономической теории усиливается субъективистский аспект концепта парадигмы, вольно или невольно заложенный в это понятие Т. Куном: она приобретает интенции модели, на которую надо ориентироваться в условиях неопределенности экономического развития, невозможности понять его актуальные закономерности (даже если есть сомнения в их наличии). Экономика постмодерна не имеет законов в их классической, «модерновой» трактовке, поэтому для ее понимания подходят любые умозрительные схемы, позволяющие хоть как-то оперировать экономическим материалом, интерпретировать его в практических целях. А это девальвирует само классическое понятие «парадигма». В условиях постмодерна целесообразны ситуативные, функциональные частные экономические теории, строящиеся не на парадигмальном принципе – «новое основывается на старом», а на постмодернистском «равноправии» всего со всем, существующие как бы параллельно.

Не меняет ситуацию и глобализация, ибо экономика постмодерна все более наполняет именно глобализационные процессы (Клейн, 1998). Теоретически идеология унификации экономических процессов и их продуктов сочетается с духом принципиальной децентрализации по причине нигилистического содержания постмодерна: декларируемое равноправие идей (экономических теорий, парадигм) приводит к релятивизму – признанию их относительности: если ничто не является истиной, то любые различия между ее вариантами равноценны. Поэтому в принципе нет необходимости поиска и, тем более, догматизации какой-либо парадигмы в качестве доминирующей для желанной «нормальной» экономической теории, адекватной экономике (постмодерна).

В этой ситуации политическая экономия может и должна давать (дает?) частные парадигмы-модели для разных ситуаций (например, антикризисная, модернизационная, посткризисная и т. п.); ибо «строить», генерализировать экономику в условиях постмодерна уже вряд ли получится. Такие парадигмы могут рассматриваться как альтернативные, но это не влияет на возможности (не)возврата к «нормально-парадигмальной» теории. Выбор между конкурирующими парадигмами нельзя разрешить с помощью «нормальной» науки, и постмодернистская «ненормальность» делает методологию плюрализма наиболее (если не сказать единственно) приемлемой. Соответствующие

интерпретации экономической реальности в этом смысле вполне могут стать своего рода «парадигмами», вокруг которых формируется круг научного понимания экономических проблем, утверждаются язык профессионального общения и стандарты научности политической экономики. Однако это неизбежно принижает ее теоретический уровень, ибо без смыслового единства таких парадигм невозможно продуктивно осмысливать возникающие экономические проблемы, тем более – в условиях генерализующей глобализации.

Приведенные соображения имеют непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике: можно ли совместить «модернизационно-нормальный» и «инновационно-спекулятивный» подходы в отношении ситуации с парадигмами современной политической экономики? Можно, но только если имеется некая общая парадигмальная основа их плюрализма. В ее поиске представляется перспективным ход мысли, подсказанный... математической логикой. Если рассматривать парадигмы политической экономики как элементы формализованной аксиоматической системы (что, на мой взгляд, вполне состоятельно, тем более что Т. Кун широко использовал математический материал в своем обосновании концепта «парадигма»), то представляют интерес теоремы К. Геделя «О неполноте». Первая гласит, что если система непротиворечива, то она является неполной. Полагаем, что наличную противоречивость политэкономических парадигм можно трактовать как естественное стремление к более полному освоению нового экономического материала, в том числе, и даваемого кризисом (а не как кризис доминирующей парадигмы). Согласно второй теореме, непротиворечивость системы не может быть доказана средствами этой же системы. (Другой видный «матлогик», А. Тарский, говорил о необходимости *метаязыка* для описания аналогичных ситуаций). Отсюда следует важнейший методологический вывод: *необходим выход на более глубокий уровень в рассмотрении взаимоотношений между экономическими парадигмами*. Поэтому целесообразно подумать о необходимости *метопарадигмы*, дающей возможность (интегральной) картины экономической реальности как единой общей базы для диалога между представителями частных парадигм, допускающей различия в оценке ситуации на их основе. Такой подход позволяет «совместить» поиски парадигмы для «нормальной» экономической теории (хоть новой, хоть модернизированной либеральной) с отказом от теорий «нормальной» парадигмальности в пользу парадигм для «туманно-спекулятивных» (но ситуативно работающих) теорий, ибо метапарадигма призвана фундировать эти парадигмы, «связывать», объяснять многомерный мир экономики.

Здесь могут быть плодотворны идеи Д. Лукача. Базовым положением у него выступает разграничение предметных условий деятельности и самой деятельности. Фиксация этого позволяет понять (и преодолеть) ограниченность некоторых стереотипов, в частности, утверждения, что в центре внимания политической экономики находится не деятельность, а производственные отношения. (Лукач, 1991). На наш взгляд, нужно рассматривать именно метапарадигмальный характер деятельности, ибо субъектом производственных отношений является человек, реализующийся во всем богатстве своих проявлений (Гелбрейт, 1976).

Говоря о его роли в экономике, нужно не только выявлять альтернативы возможных действий человека, но и понять, как им осуществляется выбор в «поле» парадигмальных альтернатив. А это – уже мир должного, мир ценностей, мир смыслов, т. е. – мир Культуры. Именно в ее контексте можно попробовать создать категориальную основу для формирования интегрально-плюралистической (а не доминантно-иерархической) картины экономической реальности, обосновать связь объясняющих ее парадигм. Иначе говоря, основой многообразия экономических «парадигм» может быть *социокультурная метапарадигма*, «фундирующая» экономическую теорию в ее понимании как мира экономики в целом, так и мира национальных экономик.

При этом возникает еще один важный сюжет конкретизации данного тезиса. У современной экономической теории, по сути, уже есть своя, выполняющая эту функцию «метапарадигма» – это упомянутый ранее «рыночный фундаментализм». Но она является чисто экономической, а вот органически присущая ей Свобода – феномен не экономической, а социогуманитарный, философско-культурологический. Поэтому в анализе перспектив выхода из текущего кризиса важно не замыкаться в чисто экономических рамках, а искать более глубокую, мировоззренческую основу осмысления ситуации, учитывающую и «свое-иное» Свободы – *Ответственность*. (Примечательно, что директор Института экономики РАН Р. Гринберг на московском экономическом форуме 2013 года будировал мысли о недостаточности философии чисто рыночного либерализма с его идеологией «свободного рынка», вторичности интересов общества, о важности возрождении либерализма *социально-экономического*.)

Да, нет альтернативы либеральной рыночной экономике, но необходима альтернатива догматизации ее монетаристской парадигмы. Современная посткризисная экономика должна быть не просто прибыльной; ее эффективность все более определяется гуманистическим вектором, когда человек является не средством получения прибыли, не потребителем, а целью экономической деятельности: экономика – для Человека, а не человек для Экономики. Искомая метапарадигма призвана трансформировать рыночный фундаментализм ориентацией экономики не только на Эффективность, а и на Служение (что частично реализуется в идеологии социальной ответственности бизнеса); эта метапарадигма может быть социокультурной по природе и гуманитарной по ориентации. Иными словами, можно полагать, что искомая метапарадигма призвана выражать идею экономики, субъектом которой является духовно ориентированное Человечество, целью – материальное обеспечение его личностного развития, а средством – адекватная либерализму экономическая эффективность. В принципе это может совместить такую эффективность с единственно конкурирующей с ней по значимости и неустраимости в жизни общества идеей социальной справедливости, обеспечение которой имеет экономическую основу.

Итак, в условиях глобализации постмодернистский плюрализм экономики требует некой более широкой и глубокой основы соотнесения ее парадигм (что и выражает приставка «мета»). Метапарадигма может обеспечивать

единство в плюрализме «парадигм» для ситуативных экономических теорий, соотнесения любых экономических теорий с особенностями той или иной экономики, т. е. играть роль социокультурного контекста, в свете которого могут восприниматься те или иные экономические идеи. Тогда методологией преодоления кризиса становится не отказ от либерально-монетаристской парадигмы (она, повторяем, вполне «излечима» антидогматизмом), а развитие «непарадигмальной» политической экономики на основе совокупности различных ситуативных, интерпретивных «парадигм», адекватных осмыслению состояния и перспектив экономики страны, и имеющих адекватную ей социокультурную «метапарадигмальную» основу.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев О.И. (2000). Институциональные структуры и институциональная динамика в экономической теории. М.: Академлит.
- Гэлбрейт Д.К. Экономические теории и цели общества. Доступно на: http://magistr-yuga.narod.ru/index_lit_archiv_econom_ek_3.htm.
- Гуссерль Э. (1992). Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // *Вопросы философии*. № 7. С. 136–176.
- Джеймисон Ф. (2007). Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма // *Философия эпохи постмодерна. Сб. переводов и рефератов*. Мн: Красико-принт. С. 117–137.
- Клейн Л.Р. (1998). Глобализация: вызов национальным экономикам // *Проблемы теории и практики управления*. № 6. С. 44–49. Доступно на: http://www.ptpu.ru/issues/6_98/7_6_98.htm.
- Кун Т. (1975). Структура научных революций. М.: Прогресс.
- Лакатос И. (1978). История науки и ее рациональная реконструкция. М.: Прогресс.
- Лукач Д. (1991). К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс.
- Мамедов О.Ю. (2013). Европейский либерализм и российская экономика: драма неразделенной любви? // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 11. № 4. С. 6–11.
- Мизес Л. (2007). Либерализм. Челябинск: Социум.
- Хайек Ф. (1992). Дорога к рабству. М.: Экономика.
- What is Liberalism.com. Economic Liberalism. *What is Liberalism.com*. Available at: <http://whatisliberalism.com/?pageId=79119>.

REFERENCES

- Ananyev O.I. (2000). Institutional structures and institutional dynamic of economical theory. M.: Academlit. (In Russian.)
- Galbraith J.K. (1976). Economics and the Public Purpose. M.: Progress. (In Russian.)
- Hayek F. (1992). The Road to serfdom. M.: Economy. (In Russian.)
- Husserl E. (1992). The Crisis of European sciences and transzedentale Phanomenologie. *Voprosy filosofii*, vol. 7, pp. 136–176. (In Russian.)
- Jameson F. (1992). Postmodernism or Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC: Duke University Press. (In Russian.)
- Klein L.R. Globalization: challenge to national economics. Available at: http://www.ptpu.ru/issues/6_98/7_6_98.htm. (In Russian.)
- Kuhn T.S. (1975). The structure of scientific revolutions. M.: Progress. (In Russian.)
- Lakatos I. (1978). The history of science and it rational reconstruction. M.: Progress. (In Russian.)
- Lukacs D. (1991). To the ontology of social existence. Prolegomens. M.: Progress. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. (2013). European liberalism and Russian Economy-drama of unrequited love? *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 4, pp. 6–11. (In Russian.)
- Mises L. von (2007). Liberalism. Chelyabinsk. Sotsium. (In Russia.)
- What is Liberalism.com. Economic Liberalism. *What is Liberalism.com*. Available at: <http://whatisliberalism.com/?pageId=79119>.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КРЕДИТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ МАЛЫХ АГРАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ

СТУПАК В.А.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит»,
Волжский гуманитарный институт, филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский,
e-mail: stupak.va@yandex.ru

В развитии сельскохозяйственной отрасли России одно из ключевых мест занимает развитие системы ее кредитного обслуживания. Существуют особенности в развитии кредитных отношений с малыми аграрными предприятиями. В статье анализируются совокупность факторов, влияющих на развитие отношений по поводу кредитного обслуживания в сельском хозяйстве и, в частности, кредитного обслуживания малых предприятий.

Ключевые слова: малые аграрные предприятия; кредитование сельскохозяйственных предприятий; кредитоспособность предприятий АПК; кредитоспособная среда.

SOME QUESTIONS OF FORMATION SMALL AGRICULTURAL ENTERPRISES CREDIT SERVICE IN RUSSIA

STUPAK V.A.,

PhD, associate professor at Department of «Finance and Credit»,
Volzhskiy Institute of Humanities, the branch of Volgograd State University, Volzhskiy,
e-mail: stupak.va@yandex.ru

In the development of the agricultural sector in Russia one of the key role takes its system of credit service. There are features in the development of credit relations with small agricultural enterprises. The article examines the totality of the factors influencing the development of relations on the credit services in agriculture and, in particular, credit service of small businesses.

Keywords: small agricultural enterprises; lending to agricultural enterprises; creditworthiness of agricultural enterprises; creditworthy surroundings.

JEL classification: Q14, Q10, Q18, Q19, G18.

Кредит служит важнейшим источником формирования основных и оборотных средств хозяйствующих субъектов. Благодаря кредиту отпадает необходимость накопления собственных средств и происходит более быстрое вовлечение ресурсов в хозяйственный оборот за счет экономии времени при закупке сырья, материалов и т. п. Кроме того, в качестве фактора ускорения воспроизводственного процесса кредит выступает и в силу своих стимулирующих свойств: необходимость возврата взятых в ссуду средств вынуждает заемщика принимать меры к повышению эффективности производства и, следовательно, ускорению воспроизводственного процесса.

В последние годы положение с кредитным обслуживанием сельского хозяйства несколько улучшилось. Кредит стал относительно доступным. В эти же годы повысилась кредитоспособность сельскохозяйственных предприятий за счет проводимой финансово-денежной политики государства и развития рыночных механизмов саморегулирования их финансовой экономической деятельности.

Тенденции последних лет еще раз доказывают то, что проблему вывода аграрного сектора из кризиса нельзя решить без активного участия государства, используя при этом самые широкие формы регулирования аграрного производства, и имея в виду, что кредитная система обслуживания аграрного производства должна находиться в центре практической деятельности государства в лице его финансовых учреждений. Государство обязано обеспечи-

вать стартовые условия сельскохозяйственным предприятиям, вовлечение в рыночные отношения для доступности всех видов кредита, организационно и экономически содействовать созданию и развитию широкого спектра институтов кредитных учреждений, в том числе кооперативного и мелкого кредита.

В преобразованном сельском хозяйстве товаропроизводители представлены множеством форм хозяйствования, которые различаются по правовому статусу, составу учредителей и размерам предприятия, а также спецификой формирования собственных источников, формами размещения оборотных средств и структурой денежных средств. Несмотря на все имеющиеся различия в условиях функционирования аграрных предприятий, их кредитование осуществляется в соответствии с общими внутрибанковскими правилами, но при обязательном учете присущих им особенностей.

Для малых сельскохозяйственных структур эти особенности организации кредитования заключаются в том, что:

- современный российский коммерческий банк имеет дело со значительным количеством вновь созданных малых сельскохозяйственных предприятий. Это не дает возможности оценить им их уровень кредитоспособности крестьянских, фермерских и других предприятий традиционным способом – на основе фактических данных о финансово-хозяйственной деятельности кооператива в истекшем году;
- отсутствие прочной материальной базы функционирования малых сельскохозяйственных структур (оптовой торговли средствами производства и других элементов рынка) обуславливает особый подход к оценке обеспеченности планируемого объема производства заключенными договорами на поставку сырья и сбыт готовой продукции;
- относительная неустойчивость производственных связей малого сельскохозяйственного предприятия вызывает значительные колебания в поступлении выручки от реализации производимой ими продукции. Это определяет повышенный риск коммерческого банка при предоставлении ссуд, так как в условиях балансирования кредитных ресурсов и кредитных вложений требуется гарантия высвобождения кредитных ресурсов в любой период года;
- малые сельскохозяйственные предприятия пользуются в основном долгосрочными ссудами. В связи с неустойчивостью их юридического и экономического положения банк может потребовать возврата кредита и до истечения договорного периода, как по краткосрочным, так и по долгосрочным ссудам в полном объеме.

Наряду со специфическими условиями, связанными с размером или возрастом малых организаций, накладывают ограничения в кредитовании и проблемы отраслевой принадлежности этих организаций, в том числе:

- проблемы, свойственные сельскохозяйственному кредиту вообще, в России усугубляются особенностями затянувшегося переходного периода. Непрекращающийся отраслевой диспаритет цен вызывает потребность в сезонном кредите для сельскохозяйственного производства. В то же время, существующий ценовой диспаритет крайне ухудшает кредитоспособность аграрных предприятий;
- специфика кредитования сельскохозяйственных предприятий, с одной стороны, проявляется в специфике формирования финансовых институтов, кредитующих сельскохозяйственное производство, с другой – она обуславливает необходимость создания широкого сектора кредитных институтов. Так, например, источники кредитования фермеров в западных странах с рыночной экономикой включают банковскую систему, кооперативные организации, оптовых торговцев сельскохозяйственной продукцией и частных лиц. Эти субъекты кредитных отношений пока все еще не включены в процесс кредитования аграрных предприятий в России в должной мере, в том числе «благодаря» монопольному положению госбанков в вопросе предоставления кредитных ресурсов на льготных условиях, причем, как правило, крупным агрохолдингам, и отсутствию государственной поддержки в вопросах развития иных источников кредитования;
- в целом принятая в современных условиях практика кредитования ориентируется на доходность отраслей с относительно высоким коэффициентом оборачиваемости капитала, что практически лишает аграрный сектор возможности привлечения кредитных средств на воспроизводственные нужды вне государственных целевых программ поддержки из-за низкой доходности его предприятий.

Несмотря на неустойчивость процесса формирования рыночной системы кредитного обслуживания сельского хозяйства, новый порядок кредитования сельского хозяйства в 2008–2013 гг. значительно улучшил ситуацию в области обеспечения оборотными средствами аграрных предприятий за счет краткосрочных кредитных источников и долгосрочных целевых, в том числе лизинговых, программ финансирования.

Новая система кредитования позволила направить в сельское хозяйство собственные кредитные ресурсы коммерческих банков и усилила конкуренцию на рынке кредитных денег. К тому же, она облегчила доступ сельхозтоваропроизводителям к льготным кредитам. Кроме сельхозпроизводителей право на льготное кредитование получили перерабатывающие предприятия и фермеры.

Разработана система среднесрочного (трехлетнего) льготного кредитования АПК. Этот вид кредита в первую очередь направляется на реализацию инвестиционных проектов по модернизации сельхозпроизводства и развитие вертикальной интеграции в аграрном комплексе страны. В федеральном бюджете на субсидирование ставки по годовым льготным кредитам регулярно предусматривается финансирование.

Однако совершенствование кредитных отношений в аграрном секторе должно вестись в тесной увязке с обновлением экономического механизма в целом, который должен содействовать формированию «кредитоспособной

среды» для хозяйствующих субъектов аграрного сектора. Процесс можно поставить на рыночную основу только при наличии обоснованного финансово-кредитного механизма в сочетании с эффективной государственной поддержкой. Рассчитывать на односторонний подход, формируя лишь требуемые объемы финансирования без проведения структурных изменений в отрасли, как показал опыт специализированного Россельхозбанка, нельзя.

Речь идет о формировании такого экономического механизма регулирования воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве, который обеспечит каждому нормальному работнику-товаропроизводителю продовольственной продукции состояние кредитоспособности. Требуется государственное содействие в развитии и пополнении участников аграрного рынка кредитных денег в сельском хозяйстве за счет организации небанковских структур, многие из которых наряду с коммерческими банками нашли свою нишу на рынке аграрного кредита. Отечественная и мировая практика доказала, что сельское хозяйство и его предприятия располагают существенными возможностями привлечения кредитных средств за счет привлечения организаций, с которыми они контактируют, или образуют различные организационные формы хозяйствования и имеют финансовые отношения. Кроме того, велика роль коммерческих банков, финансово-кредитных и других учреждений, которые оказывают услуги, это: государственные небанковские кредитные организации, поставщики, дилеры, заготовительные и перерабатывающие организации, финансовые фонды, страховые компании, частные кредиторы и инвесторы, бюджетные средства государственных кредиторов, направленные на реализацию целевых программ развития аграрной отрасли.

Однако, как показывает анализ состава и структуры формируемой системы кредитного обслуживания сельского хозяйства, многие формы привлечения кредитных средств в сельское хозяйство используются слабо или вовсе отсутствуют. И, в первую очередь, это негативно сказывается на развитии малых сельскохозяйственных структур.

История развития кредитных отношений в нашей стране и за рубежом доказывает, что попытка формирования эффективной системы кредитного обслуживания сельского хозяйства обречена на неудачу, если этот процесс осуществляется изолированно, в отрыве от совершенствования других элементов экономического механизма регулирования производства: финансов, цен, системы налогообложения, страхования. Все перечисленные элементы, включая кредит, образуют систему стоимостных механизмов, которые находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности. В процессе взаимовлияния через изменение, один элемент влияет на другой и, в свою очередь, испытывает обратное влияние, и тем самым система изменяет свое состояние.

Кредит может заработать и занять свое место в системе экономического механизма АПК, если имеются обоснованная система цен на продукцию сельского хозяйства и нормальные ценовые соотношения (паритет цен), эффективная налоговая система и надежная страховая защита товаропроизводителей аграрного сектора. Из этого следует вывод о том, что совершенствование кредитных отношений в аграрном секторе необходимо вести в тесной увязке с мерами обоснования всей системы экономического механизма. Только в таких условиях можно формировать кредитоспособную среду для хозяйственных, и особенно малых, единиц аграрного сектора. В противном случае не избежать пассивной роли кредита в формировании источников финансирования аграрного производства.

ЛИТЕРАТУРА

Воронова Т., Плотонова О. (2013). Россельхозбанк перешагнул 100 млрд. рублей просрочки. Vedomosti.ru. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/15108531/u-rosselhozbanka-urodil-as-prosrochka> (дата доступа: 29 августа 2013).

Литвинова А.В. (2012). Развитие методических подходов к количественной оценке влияния розничного кредитования на производство и реализацию общественного продукта в России / А.В. Литвинова, Е.Г. Черная // *ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия*. 2012. № 2(51). С. 13–17.

Литвинова А.В. (2011). Рынок розничного кредитования на выходе из кризиса: тенденции и перспективы развития / А.В. Литвинова, Е.Г. Черная // *Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия «Экономика»*. 2011. № 1/5. С. 32–36.

Скрынник И. (2011). Минсельхоз хочет увеличить поддержку АПК в несколько раз. Vedomosti.ru. Доступно на: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1357826/dengi_krestyanam (дата доступа: 21 июня 2012).

REFERENCES

Litvinova A.V. (2012). Development of methodical approaches to a quantitative impact assessment of retail crediting for production and implementation of a public product in Russia. A.V. Litvinova, E.G. Chernaya. *FES: Finance. Economy. Strategy*, no. 2(51), pp. 13–17. (In Russian.)

Litvinova A.V. (2011). Market of retail crediting on recovery from the crisis: tendencies and prospects of development. A.V. Litvinova, E.G. Chernaya. *Scientific messenger of the Volgograd academy of public service. Economy series*, no. 1/5, pp. 32–36. (In Russian.)

Skrynnik I. (2011). The Ministry of Agriculture wants to increase agricultural sector support several times. Available at: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1357826/dengi_krestyanam. (Access date: August 29, 2013) (In Russian.)

Voronova T., Plotonova O. (2013). Russian Agricultural Bank stepped over 100 billion rubles delay. Available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/15108531/u-rosselhozbanka-urodil-as-prosrochka>. (Access date: August 29, 2013) (In Russian.)

МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ АКЦИОНЕРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЕЕ РАЗВИТИЯ

ГЕРМАНОВА О.Е.,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: germanovaoe@mail.ru;

ШТАНЬКО М.С.,

соискатель,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: shtankoms@gmail.com

В статье на основе расширенного критерия – соотношения концентрации капитала и общих прав голоса разграничены четыре модели реализации экономического содержания акционерной собственности. В ходе исследования определены базовые количественные и качественные характеристики моделей; установлена степень их распространения в экономиках развитых стран. Авторы акцентируют внимание на том, что каждому типу модели соответствуют особенности системы выплат вознаграждения менеджерам, на влиянии акционеров на изменение структурных характеристик советов директоров, на активности участия акционеров в собраниях и на распространении практики раскрытия информации о результатах голосования, определяющих современные тенденции развития отношений акционерной собственности.

Ключевые слова: модели корпораций; соотношение концентрации капитала и голосующих прав; избыточные права на контроль; классы акций; отклонение от правила «одна акция – один голос»; дивиденды; вознаграждение менеджеров; явка акционеров; раскрытие информации о голосовании.

THE MODELS OF REALIZATION OF THE ECONOMIC CONTENT OF SHAREHOLDERS' PROPERTY AS A REFLECTION OF MODERN TRENDS OF ITS DEVELOPMENT

GERMANOVA O.E.,

Doctor of Economics, Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: germanovaoe@mail.ru;

SHTANKO M.S.,

Graduate student,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: shtankoms@gmail.com

The article presents four models of the shareholders' property economic content realization distinguished by such extended criteria as ratio of ownership and voting power concentration. In the course of research the main quantitative and qualitative characteristics of models have been identified. It was also ascertained the extent of their distribution across the developed economies. The authors pay attention that each types of model correspond to the features of the remuneration policy reform, the shareholders' impact on the change of the board structure as well as the level of turnout at meetings and progress in increasing vote results disclosure that characterize modern trends of shareholders' property development.

Keywords: *models of corporations; ratio between ownership and voting power concentration; excess control rights; dual-class shares; violation of one-share-one-vote; dividends; executive compensation; voter turnout; disclosure of voting results.*

JEL classification: G32, G34, M12.

Используемые инструменты, условия участия менеджеров и акционеров в управлении корпорациями и присвоении доходов, порождаемые разнонаправленностью целей участия последних в капитале компаний, формируют предпосылки для возникновения альтернативных моделей реализации экономического содержания акционерной собственности и преодоления внутренних конфликтов во взаимодействии ее субъектов в современных корпорациях.

В ходе ретроспективного исследования сложившихся в экономической теории типологий корпораций (Berle, Means, 1933; Franks, Mayer, 1994; Иванова, 2011; Капелюшников, 2005; Кочетков, Супян, 2005; Ла Порта, Лонес-де-Силанес, Шлейфер, 2005; Львов, Гребенников, Ерзнкян, 2000) выявлено, что типичными критериями их разграничения являются: география размещения корпораций; тип внешнего источника финансирования инвестиций компании, локализация центра контроля и тип субъекта, на интересы которого ориентирована деятельность корпорации; концентрация акционерного капитала. Однако выделяемые на основе перечисленных критериев страновые модели корпоративных систем, модели корпоративного управления (англосаксонская и континентальная), модели корпораций (блокхолдерская (В) и с распыленным капиталом (W), в том числе квазипубличная), свидетельствующие о развитии научного аппарата исследования отношений акционерной собственности на разных этапах ее эволюции, либо отражают институциональные особенности развития акционерной собственности, либо учитывают только концентрацию капитала как условие участия акционеров в управлении компанией и присвоении доходов.

Вместе с тем, в структуре акционерного капитала современных корпораций широко распространены различные категории и классы акций, обеспечивающие концентрацию общих прав голоса у узкого круга акционеров без пропорционального увеличения их доли в акционерном капитале за счет отклонений от принципа «одна акция – один голос». Поэтому ключевым условием реализации владения как структурного элемента системы отношений акционерной собственности через включенность акционеров в управление и присвоение доходов, предопределяющей особенности реализации распоряжения, является не столько концентрация капитала, сколько концентрация общих прав голоса, а также соотношение этих параметров.

Применение расширенного критерия разграничения корпораций – соотношения концентрации акционерного капитала и голосующих прав у акционера, предложенного группой европейских ученых во главе с Дж. МакКахери (McCahery, Renneboog, Ritter, Haller, 2003) для оценки степени уязвимости компаний в условиях недружественного поглощения, позволяет разграничить 4 типа корпораций: с распыленным распределением капитала и голосующих прав; с распыленным капиталом и концентрированными правами голоса; с концентрированным капиталом и распыленными голосующими правами; с концентрированным капиталом и правами голоса, – и выделить соответствующие модели реализации экономического содержания акционерной собственности.

Содержательные характеристики и тенденции развития каждой из четырех моделей состоят в следующем.

Исходным пунктом анализа является идентификация стран, для которых в наибольшей степени характерно распространение корпораций с одной из четырех моделей, по параметрам:

- средняя степень концентрации контроля, оцениваемая по доле публичных корпораций в стране, в которых доля крупнейшего акционера в общих правах голоса превышает 20%, что позволяет определить соотношение между фирмами с распыленным и концентрированным контролем;
- средняя доля крупнейшего акционера в капитале компании и общих прав голоса, а также величина его избыточных прав на контроль;
- институционально-правовые основы выпуска различных типов акций и степень их распространенности в публичных компаниях.

Проведенное авторами исследование на основе данных о концентрации общих прав голоса и капитала в 13 951 фирме 17 развитых экономик мира, представленных в ряде эмпирических работ (Faccio, Lang, 2002; Paligorova, Xu, 2008), позволило установить, что модель реализации экономического содержания акционерной собственности, характерная для компаний с распыленным владением капиталом и правами голоса (WW), свойственна преимущественно Великобритании, Ирландии, США, в которых действует система общего права, и Японии, для которой характерна система гражданского права. В 65,8% публичных фирм названных стран нет ни одного акционера, контролирующего 20% и более голосов, что свидетельствует о преобладании фирм с распыленным типом контроля, основанном на сохранении принципа «одна акция – один голос». Однако во всех этих странах допускается прямая дифференциация акционеров на основе выпуска и присвоения ими многоголосых, неголосующих, приоритетных, привилегированных акций (табл. 1).

Таблица 1

**Степень распространенности инструментов усиления контроля
крупнейших акционеров в зарубежных корпорациях**

Страна	Типы акций и ограничений (через «/» указана, где возможно, доля публичных компаний, в которых присутствует соответствующий тип акций или ограничений, в %)						
	Многоголосые акции	Неголосующие акции	Привилегированные акции	Приоритетные акции	Золотые акции	Ограничение голосующих прав	Ограничение владения акциями
Великобритания	+ / 5	+	+ / 50	+	-	+ / 10	+ / 10
Ирландия	+	+	+ / 30	+	-	+	+
США	+ / 6	+	+	+	-	-	+
Япония	+	+	+	+	+	н/д	-
Франция	+ / 55	+	+	+	+ / 5	+ / 20	-
Бельгия	-	-	+	+	+	+	+
Испания	-	-	+	-	-	+ / 35	-
Португалия	-	+	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Италия	-	+	+ / 30	+	+ / 20	-	+ / 30
Германия	-	-	+ / 20	+	-	-	-
Австрия	+	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Швейцария	+ / 26	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Нидерланды	+ / 42	-	-	+	+	+	+
Дания	+ / 25	-	-	+	+	+ / 10	+ / 5
Швеция	+ / 80	-	-	+	+	+ / 5	+
Финляндия	+ / 40	+	+	-	-	+ / 10	-
Норвегия	+	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

Источник: сост. по: *Proportionality Between Ownership and Control in EU Listed Companies: Comparative Legal Study, 2007; Gompers, Ishii, Metrick, 2008.*

Хотя контроль в странах с моделью сочетания концентрации капитала и общих прав голоса *WW* остается в целом разпыленным, в ряде компаний существует потенциальная возможность формирования избыточных прав контроля, измеряемых разницей между долей акционера в общих голосах и в капитале. Однако их величина в среднем остается незначительной, поскольку нивелируется тем, что в 10% компаний Великобритании устанавливается предельный уровень голосующих прав, присваиваемых одним акционером, и существуют ограничения на владение акциями, что характерно также и для Ирландии. В США и Японии данные инструменты используются в меньшей степени. Однако здесь сглаживание дифференциации голосующих прав акционеров достигается за счет того, что в США, в отличие от прочих стран, владельцы привилегированных акций получают возможность выбирать по крайней мере двух директоров, в Японии же доля неголосующих или привилегированных акций не должна превышать 50% акционерного капитала. В результате крупнейшие акционеры компаний, в которых преобладает модель *W*, в среднем присваивают 16,5% капитала и 19,5% голосующих прав, что обеспечивает формирование среднего уровня избыточных прав контроля в размере 3%.

Модель реализации экономического содержания акционерной собственности с концентрированным владением капиталом и голосами (*BB*) полностью противоположная по своим характеристикам модели *WW*, характерна для широкого круга компаний Франции, Бельгии, Испании, Португалии, Италии, Германии, Австрии, Швейцарии, Дании. Проведенные расчеты показывают, что в 82% публичных фирм этих стран есть как минимум один акционер, контролирующий 20% и больше прав голоса, что свидетельствует о преобладании фирм с концентрированным типом контроля. В отличие от экономик с моделью реализации акционерной собственности *W* для названных стран не характерно наличие общих закономерностей в степени распространенности альтернативных механизмов дифференциации акционеров по голосующей силе акций.

Модель реализации акционерной собственности *BB* характерна для двух групп экономик. К первой относятся Бельгия, Португалия, Испания, Германия и Италия, где запрещен выпуск многоголосых обыкновенных акций, а концентрация контроля достигается преимущественно за счет концентрации акционерного капитала. Выпуск других типов и классов акций хотя и разрешен, но фактически не используется в корпоративной практике этих стран. Исключение составляют публичные корпорации Германии и Италии, значительная часть которых имеет в структуре своего акционерного капитала привилегированные акции (табл. 1). И хотя доля данной категории акций не может превышать 50% капитала фирмы, их наличие в структуре капитала создает условия для отклонения от правила «одна акция – один голос» и формирования избыточных прав на контроль.

Во второй подгруппе стран – Франции, Австрии, Швейцарии и Дании дифференциация обыкновенных акций по голосующей силе не только разрешена по закону, но и активно используется. При этом голосующая сила акций ограничивается рядом условий. Во Франции соотношение голосов обыкновенных акций старшего и младшего классов с одинаковой номинальной стоимостью ограничивается пропорцией 2:1, в Дании – 10:1. Во Франции удвоенные права голоса могут получать акционеры, владеющие акциями в течение определенного периода времени, а в Дании применяются дополнительные требования к кворуму на собрании акционеров, не ограничивающиеся принципом простого большинства. В результате действия такого рода институциональных ограничений дифференциация голосующей силы акций, направленная на сохранение контроля при уменьшении доли участия в капитале, не приводит к существенному уменьшению концентрации акционерного капитала в руках крупнейших акционеров в этих странах. В целом в публичных компаниях стран, в которых преобладает модель реализации акционерной собственности *BB*, в среднем доля крупнейшего акционера в капитале составляет 39%, в голосующих правах – 44%, что позволяет присваивать избыточные права на контроль в объеме не более 5%.

Необходимо отметить, что для ряда компаний Франции и Испании характерна высокая степень регулирования голосующих прав акционеров, основанная не на выпуске различных классов акций, а на введении прямых ограничений на максимальное количество голосов, которыми они могут располагать независимо от размера принадлежащих им пакетов акций при участии в собрании акционеров. Несмотря на то, что в этих странах преобладают фирмы с концентрированным типом контроля (в 80% корпораций присутствует как минимум один акционер, присваивающий более 20% голосов), сочетание высокого уровня концентрации акционерного капитала у крупнейших акционеров с ограничением предельного уровня их голосующих прав ведет к распространению модели реализации акционерной собственности с концентрированным владением капиталом и относительно распыленным распределением голосующих прав (*BW*). Данные табл. 1 свидетельствуют, что последнее наблюдается почти в 20% публичных компаний Франции и 35% корпораций Испании. В результате действия ограничений на предельный уровень концентрации голосующей силы акций доля крупнейшего акционера в капитале таких корпораций составляет в среднем 45%, в голосующих правах – 46%, что формирует минимальный уровень избыточных прав на контроль в объеме 1%.

Модель реализации содержания акционерной собственности с относительно распыленным владением капиталом и концентрированным распределением голосующих прав (*BW*) наиболее свойственна корпорациям скандинавских стран – Швеции, Финляндии и Норвегии. Для 65% их корпораций характерно наличие как минимум одного крупнейшего акционера, контролирующего не менее 20% голосов, что свидетельствует о широком распространении фирм с концентрированным типом контроля. Вместе с тем, по уровню концентрации контроля данная группа стран занимает промежуточное положение между экономиками, в которых преобладают модели *WW* и *BB*. В отличие от модели *BB*, здесь концентрация контроля достигается исключительно за счет отклонения от принципа «одна акция – один голос» (табл. 1). Для уменьшения степени дискриминации акционеров в их голосующих правах в компаниях этих стран применяются отклоняющиеся от принципа простого большинства требования к кворуму на собраниях акционеров. Кроме того, в норвежских корпорациях для эмиссии многоголосых акций необходимо специальное разрешение правительства, в компаниях Швеции установлено ограничение на соотношение голосов по обыкновенным акциям с одинаковой номинальной стоимостью в 10:1. Прочие классы и типы акций хотя и разрешены в названных странах, однако практически не используются в корпоративной практике публичных компаний. В среднем у крупнейшего акционера сосредотачивается 24% акционерного капитала и 33% голосующих прав, что обеспечивает формирование максимальной величины избыточных прав контроля на уровне 9%.

Экономики стран, различающиеся между собой преобладанием корпораций с одной из четырех моделей реализации экономического содержания акционерной собственности, различаются также распределением капитала между основными типами акционеров – домохозяйствами, финансовыми и нефинансовыми корпорациями, государством и иностранными инвесторами. В каждой модели можно выделить два типа акционеров-резидентов, которые присваивают в совокупности 50% и более акционерного капитала компании и в соответствии с этой долей участвуют в распределении доходов. В компаниях с распыленным владением капиталом и контролем (США, Великобритания, Япония) 63% капитала публичных компаний (по состоянию на 2012 г.) приходится на финансовые компании, присваивающие 38% акций, и домохозяйства, владеющие 25% акций. В европейских корпорациях с концентрированным владением капитала (модели *BB* и *BW*) 51% акционерного капитала распределен практически в равной мере между финансовыми (26–29%) и нефинансовыми компаниями (22–25%). В скандинавских корпорациях с концентрированным контролем и относительно распыленным владением акциями 47% капитала публичных компаний присваивается двумя ключевыми акционерами – государством (23%) и финансовыми институтами (24%).

Сходство альтернативных моделей акционерной собственности состоит в том, что помимо финансовых компаний значимыми, по доле присваиваемого капитала, акционерами в них являются иностранные инвесторы, на которых приходится от 25 до 35% акционерного капитала, что отражает интернациональный характер рынка акционерного капитала и акционерной собственности.

Состав ключевых акционеров в моделях акционерной собственности отражает отличительные особенности развития экономик стран. Преобладание домохозяйств и институтов коллективных инвестиций в США, Великобритании и Японии демонстрирует относительно высокий уровень развития фондового рынка. Несмотря на снижающуюся дивидендную доходность (с 5 до 3% за последние 100 лет) и расширяющиеся масштабы дифференциации голосующей силы акций вследствие усложняющейся структуры ценных бумаг, домохозяйства остаются в числе основных получателей дивидендов, расширяя свое прямое и опосредованное участие в акционерном капитале через институты

коллективных инвестиций (с 36 до 40% в 2007–2011 гг.), трансформирующих сбережения населения в инвестиции. Лидером в данном процессе являются США, где среди домохозяйств, владеющих в целом 83% акционерного капитала, в качестве дивидендов распределяется до 32% чистой прибыли, что свидетельствует о приобретении акционерной собственностью признаков коллективной собственности. Значительная доля капитала в странах континентальной Европы, принадлежащая нефинансовым компаниям, свидетельствует о распространенности в них пирамидальных и перекрестных схем владения, замещения фондов, что способствует трансформации экономического содержания акционерной собственности – усиление ее деперсонификации. Участие правительств скандинавских стран в акционерном капитале компаний свидетельствует о высоком уровне государственного вмешательства в экономику этих стран, об относительном огосударствлении отношений акционерной собственности в них, использовании ее преимуществ в привлечении капитала и распределении доходов в целях общественного развития.

Несмотря на выделенные различия и развитую систему ограничений на участие акционеров в управлении компаниями как ключевой формы реализации экономического содержания акционерной собственности, сходство представленных моделей состоит в том, что участие акционеров в присвоении дивидендов в полной мере реализуется практически во всех западных корпорациях. Выполненные расчеты (по *FT Global 500, 2012*) свидетельствуют, что в компаниях с моделью *WW* доля прибыли, присваиваемая акционерами, составляет около 39,6%, с моделью *BB* – 48,8%, моделью *WB* – 50,7%, моделью *BW* – 52%. При этом доля компаний, ежегодно выплачивающих дивиденды акционерам, во всех моделях высока, и достигает в среднем около 86%.

Несмотря на преобладание в отдельных странах конкретных моделей реализации содержания акционерной собственности, они не являются единственными, поскольку внутри национальных экономик сосуществуют корпорации с различными вариантами сочетания концентрации капитала и голосующих прав. Учет данного факта позволяет объяснить неоднозначность и противоречивость результатов масштабных преобразований, осуществляемых в корпоративном секторе большинства европейских стран, а также США и Японии в посткризисный период, которые направлены на решение ключевых проблем реализации экономического содержания акционерной собственности и отражают современные тенденции ее развития, связанные с трансформацией границ между владением и распоряжением.

Одной из главных тенденций в эволюции акционерной собственности является реформирование системы вознаграждения менеджеров. В США и ряде стран Европы оно связано с введением с 2006 г. системы обязательного голосования акционеров по поводу выплат высшим управляющим (правило «*say on pay*»). Такие изменения, инициируемые самими акционерами, обусловлены усилением в предкризисный период дифференциации соотношения доходов высших управляющих и прочих наемных работников: в США 531:1, Великобритании – 25:1, Франции – 16:1, Германии – 11:1, Японии – 10:1 (*Coffee, 2005*). Внимание акционеров к вопросу прозрачности, адекватности и экономической обоснованности вознаграждения менеджеров направлено на сдерживание внезапных скачков его роста и сокращение стимулов оппортунистического поведения со стороны директоров, входящих в составы комитетов по вознаграждениям и участвующих в определении выплат самим себе.

Парадоксальность результатов проводимых реформ состоит в том, что акционеры активно поддерживают предложения, касающиеся вознаграждения менеджеров, выдвинутые самими менеджерами. В странах, где преобладает модель реализации акционерной собственности *WW*, доля голосов, поданных акционерами за принятие таких предложений, составляет 92%, *BB* – 93%, *BW* – 95%, *WB* – 98% (рассчитано по: *ISS, 2011b; ISS, 2011c*).

Вместе с тем, в моделях основной результат реформирования системы вознаграждения менеджеров различается. В компаниях с концентрированным присвоением голосов (модели *BB* и *WB*) он состоит в инициируемом ключевыми акционерами и государственными регуляторами ужесточении требований к транспарентности компенсационной политики, структуры, величины, факторов и принципов расчета персональных выплат, не денежных привилегий и бонусов, присваиваемых членами правления и совета директоров. В целом это согласуется с общей тенденцией расширения с 2009 г. требований к практике раскрытия информации обо всех аспектах деятельности акционерных обществ в странах ЕС и приведения национального законодательства и уставов корпораций в соответствие с требованиями Директивы ЕС по правам акционеров. В корпорациях с распыленным присвоением капитала и прав голоса (модель *WW*) основной эффект состоит в инициируемом как менеджерами, так и акционерами изменении самой практики и принципов выплат (расширение системы целевых показателей эффективности деятельности менеджеров; отказ от компенсации менеджерам их расходов по налогам с доходов, полученных в натуральной форме; отказ от практики участия CEO в отборе новых членов советов директоров; отказ от выплаты золотых парашютов в 1,7% публичных компаний США из списка Russell 3000), а также их внутренней структуры (рост доли переменной части вознаграждения до 60% и отказ от пенсионных бонусов в 45% корпораций из числа 3000 крупнейших японских компаний).

Не менее важная тенденция развития акционерной собственности связана с преодолением отстраненности акционеров от участия в реализации их управленческих функций, по-разному проявляющаяся в рассматриваемых моделях. Среди важнейших процессов, происходящих в данной области, следует выделить следующие. Во-первых, рост активности миноритарных акционеров при выдвижении на общих собраниях предложений, касающихся таких аспектов реализации акционерной собственности, как увеличение дивидендов, обратный выкуп акций, изменение системы голосования, величина и состав второстепенных компенсационных выплат, преемственность менеджеров, структура совета директоров, игнорируемые менеджерами и контролирующими акционерами. Во-вторых, стимулирование явки акционеров, измеряемой долей акционерного капитала фирмы, представленного на собрании, и раскрытие информации о результатах голосования.

Предложения миноритарных акционеров находят наибольшую поддержку со стороны акционеров в моделях компаний с концентрированным распределением прав голоса. В модели *BB* уровень поддержки такого рода предложений в 2011 г. составил 46,8%, в *WB* – 76,1%, тогда как в *BW* – 42,8%, *WW* – 34,6% (рассчитано по: *ISS, 2011b; ISS, 2011c*). Это объясняется стремлением мажоритариев сглаживать конфликтность отношений внутри различных групп владельцев акций для сохранения баланса интересов, поддержания стабильной структуры владения капиталом и исключения возможностей корпоративного шантажа. В корпорациях с распыленным распределением голосующих прав, несмотря на развитость института акционерных соглашений, позволяющих миноритариям формировать консолидированные пакеты акций с голосующей силой, достаточной для выдвижения и поддержки предложений, наблюдается большая разобщенность акционеров. Последнее объясняется консервативностью акционеров, большинство из которых предоставляет доверенности на голосование советам директоров компаний, рекомендующих не поддерживать альтернативные предложения.

Вместе с тем, наибольший уровень поддержки со стороны владельцев акций в модели с распыленным распределением голосующих прав получают предложения акционеров, касающиеся изменения структуры совета директоров, его деклассификации и развития института независимых директоров. В результате активности миноритарных акционеров в США доля компаний, имеющих классифицированную структуру совета директоров в группе крупнейших по капитализации (*S&P500*), сократилась в течение 2005–2011 гг. с 53 до 30,8%, а в группе малых по капитализации (*S&P1500*) уменьшилась с 59 до 43,4% (*ISS, 2011b*). В Японии внедрение института независимых директоров является наиболее острой проблемой реализации экономического содержания акционерной собственности. Почти половина японских публичных корпораций не имеют внешних директоров, около 70% – независимых директоров. Благодаря активности отдельных акционеров доля фирм, в которых присутствует хотя бы один внешний директор, выросла за 2008–2012 гг. с 46,4 до 54%, а доля фирм, в которых присутствует хотя бы один независимый директор – с 23,9 до 31% (*ISS, 2011a; ISS, 2012*).

Уровень концентрации акционерного капитала и прав голоса предопределяет явку акционеров на собрания, отражает реализацию отношений владения. Вопреки ожиданиям, относительно высокий общий уровень явки (модель *WW* – 59,7%, *BB* – 57,1%, *WB* – 51,1%, *BW* – 68,2%), а также участие миноритариев на собраниях, измеряемое долей их акционерного капитала в общей доле совокупного акционерного капитала, которым они владеют (модель *WW* – 57,5%, *BB* – 46,5%, *WB* – 44,4%, *BW* – 77,5%, рассчитано по: *ISS, 2010*), характерны для компаний с распыленным присвоением голосующих прав. Здесь владельцы акций либо централизованно передают доверенности на участие в собрании менеджерам, что способствует росту явки, фактически свидетельствует о формальной реализации акционерами своего участия в управлении компанией, либо на основе коалиционных соглашений миноритарии стремятся противостоять менеджерам (модель *WW*) или крупнейшим акционерам, ограниченным в своих правах голоса (модель *BW*). В результате прямое или опосредованное участие миноритариев в собраниях размывает влияние на принятие решений, оказываемое со стороны контролирующих акционеров. В модели *WW* средний уровень явки миноритариев на собрания составляет 38,6%, мажоритариев – 21,1%, в модели *BB* – 27,9 и 29,1%, *WB* – 32,2 и 18,8%, *BW* – 43,8 и 24,2% соответственно (рассчитано по: *ISS, 2010*). Очевидно, что моделям с концентрированными правами голоса (*BB* и *WB*) соответствует более низкая общая явка. Здесь мелкие акционеры хотя и не отстранены от участия в управлении, но в целом демонстрируют меньший уровень общей активности в силу глубокой дифференциации голосующих прав. В результате развитие и реализация акционерной собственности, в том числе поведение менеджеров, подчиняется интересам контролирующих акционеров.

На стимулирование более активного участия акционеров (в том числе миноритарных) в собраниях направлено исходящее в последние годы от национальных регуляторов фондовых рынков развитых стран требование о полном систематическом раскрытии информации о результатах голосования по всем пунктам повестки собраний акционеров. Данные табл. 2 свидетельствуют, что расширение практики полного раскрытия информации о результатах голосования сопровождается ростом явки.

Таблица 2

**Динамика явки акционеров и раскрытия информации о результатах голосования
в компаниях с различными моделями акционерной собственности**

Модели реализации акционерной собственности	Доля фирм, полностью раскрывающих информацию о результатах голосования, %			Явка акционеров, участвующих в ежегодных собраниях, %			
	2009	2010	2011	2008	2009	2010	2011
Модель <i>WW</i>	86	96	100	60,3	62,7	59,7	64,1
Модель <i>BB</i>	78	86,5	87	55,7	56,3	57,1	57,5
Модель <i>WB</i>	58	65	58,7	43,4	49,4	51,1	52,3
Модель <i>BW</i>	85	95	87,5	67,3	67,2	68,2	69,5
Средняя	75	83	83	53,8	55,7	56,2	57,3

Источник: рассчитано по: *ISS, 2010; ISS, 2011c*.

Чувствительность явки акционеров (на собрания в текущем периоде) к полноте раскрытия результатов голосования (по итогам предыдущего периода) и наличие реальной положительной статистически значимой зависимости

между этими двумя показателями подтверждается коэффициентом корреляции, который, по расчетам авторов, составил по 770 публичным компаниям 15 стран Европы за 2009–2011 гг. 0,524 (значимость на уровне 0,10).

Таким образом, выделенные 4 модели реализации экономического содержания акционерной собственности на основе расширенного критерия типологии современных корпораций и полученные в ходе исследования их количественные характеристики позволяют выявить предпосылки и объяснить противоречивые последствия современных тенденций в развитии отношений акционерной собственности, обусловленные усилением влияния не только крупных, но и миноритарных акционеров на структуру вознаграждения менеджеров, структуру совета директоров, явку акционеров на собрания, систему голосования.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова Е.А. (2011). Страновые модели корпоративного управления: характеристика, особенности // *Вестник СОГУ им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки*. № 1. С. 222–227.

Капелюшников Р.И. (2005). Концентрация собственности и корпоративное управление. *Препринт WP1/2005/03*. М.: ГУ ВШЭ.

Кочетков Г.Б., Супян В.Б. (2005). Корпорация: американская модель. СПб.: Питер.

Ла Порта Р., Лопес-де-Силанес Ф., Шлейфер А. (2005). Корпоративная собственность в различных странах мира // *Российский журнал менеджмента*. Т. 3. № 3. С. 97–148.

Львов Д.С., Гребенников В.Г., Ерзнкян Б.А. (2000). Институциональный анализ корпоративной формы предприятия // *Экономическая наука современной России*. № 3–4. С. 5–21.

Berle A.A., Means G.C. (1933). *The Modern Corporation and Private Property*, New York: The MacMillan Company.

Coffee J.C. (2005). A Theory of Corporate Scandals: Why the U.S. and Europe Differ. *Columbia Law and Economics Working Paper № 274*. Available at: <http://ssrn.com/abstract=694581>.

Gompers P.A., Ishii J., Metrick A. (2008). Extreme Governance: An Analysis of Dual-Class Firms in the United States // Available at: <http://ssrn.com/abstract=562511>.

Faccio M., Lang L.H.P. (2002). The Ultimate Ownership of Western European Corporations // *Journal of Financial Economics*. vol. 65. no. 3. pp. 365–395.

Franks J., Mayer C. (1994). *Corporate Control: A Comparison of Insider and Outsider Systems*. London: London Business School, Institute of Finance and Accounting, Working Paper.

FT Global 500 (2012) // Available at: <http://www.ft.com/intl/indepth/ft500>.

ISS (2010). Voting Results Report: Europe // Available at: <http://www.issgovernance.com/files/private/ISS2010EuropeVotingResults.pdf>.

ISS (2011a). Proxy Season Review: Japan // Available at: http://www.issgovernance.com/files/private/Japan_Postseason_2011.pdf.

ISS (2011b). U.S. Postseason Report // Available at: http://www.issgovernance.com/files/private/2011_US_PostSeason_Report_0929.pdf.

ISS (2011c). Voting Results Report: Europe // Available at: <http://www.issgovernance.com/files/private/VotingResultsReportEurope2011.pdf>.

ISS (2012). Proxy Season Review: World Markets // Available at: http://www.issgovernance.com/files/private/2012_CombinedPostseasonReport.pdf.

McCahery J., Renneboog L., Ritter P., Haller S. (2003). The Economics of the Proposed European Takeover Directive // Available at: <http://www.ceps.eu/book/economics-proposed-european-takeover-directive>.

Paligorova T., Xu Z. (2008). Complex Ownership and Capital Structure // Available at: <http://www.efmaefm.org/OEFMSYMPOSIUM/CGC%202009/papers/Xu.pdf>.

Proportionality Between Ownership and Control in EU Listed Companies: Comparative Legal Study (2007) // Available at: http://ec.europa.eu/internal_market/company/docs/shareholders/study/study_report_en.pdf.

REFERENCES

Ivanova E.A. (2011). The Country-specific Models of Corporate Management: Characteristics and Peculiarities. *Vestnik of North Ossetian State University. Social Sciences*, no. 1, pp. 222–227. (In Russian.)

Kapeliushnikov R.I. (2005). Ownership Concentration and Corporate Governance. *Preprint WP1/2005/03*, Moscow: NRU HSE. (In Russian.)

Kochetkov G.B. and Supian V.B. (2005). *Corporation: American Model*. Saint-Petersburg: Piter Publ. (In Russian.)

La Porta R., Lopez-de-Silanes F. and Shleifer A. (2005). Corporate Ownership Around the World. *Russian Management Journal*, vol. 3, no. 3, pp. 97–148. (In Russian.)

Lvov D.S., Grebennikov V.G. and Yeznkyan B.H. (2000). Institutional Analysis of Corporate Form of Enterprise. *The Economic Science of Modern Russia*, no. 3–4, pp. 5–21. (In Russian.)

Berle A.A. and Means G.C. (1933). *The Modern Corporation and Private Property*, New York: The MacMillan Company.

Coffee J.C. (2005). A Theory of Corporate Scandals: Why the U.S. and Europe Differ. *Columbia Law and Economics Working Paper № 274*. Available at: <http://ssrn.com/abstract=694581>.

Gompers P.A., Ishii J. and Metrick A. (2008). Extreme Governance: An Analysis of Dual-Class Firms in the United States. Available at: <http://ssrn.com/abstract=562511>.

Faccio M. and Lang L.H.P. (2002). The Ultimate Ownership of Western European Corporations. *Journal of Financial Economics*, vol. 65, no. 3, pp. 365–395.

Franks J. and Mayer C. (1994). Corporate Control: A Comparison of Insider and Outsider Systems. London: London Business School, Institute of Finance and Accounting, Working Paper.

FT Global 500 (2012). Available at: <http://www.ft.com/intl/indepth/ft500>.

ISS (2010). Voting Results Report: Europe. Available at: <http://www.issgovernance.com/files/private/ISS2010EuropeVotingResults.pdf>.

ISS (2011a). Proxy Season Review: Japan. Available at: http://www.issgovernance.com/files/private/Japan_Postseason_2011.pdf.

ISS (2011b). U.S. Postseason Report. Available at: http://www.issgovernance.com/files/private/2011_US_PostSeason_Report_0929.pdf.

ISS (2011c). Voting Results Report: Europe. Available at: <http://www.issgovernance.com/files/private/VotingResultsReportEurope2011.pdf>.

ISS (2012). Proxy Season Review: World Markets. Available at: <http://www.issgovernance.com/files/private/2012CombinedPostseasonReport.pdf>.

McCahery J., Renneboog L., Ritter P., Haller S. (2003). The Economics of the Proposed European Takeover Directive. Available at: <http://www.ceps.eu/book/economics-proposed-european-takeover-directive>.

Paligorova T., Xu Z. (2008). Complex Ownership and Capital Structure. Available at: <http://www.efmaefm.org/OEFMSYMPOSIUM/CGC%202009/papers/Xu.pdf>.

Proportionality Between Ownership and Control in EU Listed Companies: Comparative Legal Study (2007). Available at: http://ec.europa.eu/internal_market/company/docs/shareholders/study/study_report_en.pdf.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МАЛОЭТАЖНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

ЗАЙНУЛЛИНА Т.Г.,

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика и управление в сфере сервиса»,
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: tat-zajnullina@yandex.ru

Малозэтажное жилищное строительство в последние годы получило широкое распространение. Многие строительные и девелоперские компании начинают освоение городских и загородных территорий путем комплексной малозэтажной застройки. В статье проводится анализ проблем и перспектив данного сегмента жилищного рынка. Возможность применения инновационных технологий и материалов в малозэтажном строительстве значительно шире, чем в многоквартирных жилых домах и эти технологии позволяют значительно расширить технические и конструктивные решения в строительном объекте, при этом снизить стоимость строительства и сократить его сроки.

Ключевые слова: жилищное строительство; рынок жилья.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LOW-RISE HOUSING

ZAYNULLINA T.G.,

Phd, associate Professor, Head of Department "Economics and Management in service",
Don State Technical University, Rostov-on-Don,
e-mail: tat-zajnullina@yandex.ru

Low-rise housing construction in recent years has become widespread. Many construction and development companies begin development of urban and suburban areas through integrated low-rise buildings. The article analyzes the problems and prospects of this segment of the housing market. Ability to apply innovative technologies and materials in low-rise construction is much broader than in apartment buildings, and these technologies can significantly expand the technical and constructive solutions to the construction site and thus reduce cost and shorten its duration.

Keywords: housing; housing market.

JEL classification: R 21, R 31, R 58.

В последние годы малозэтажное жилищное строительства становится очень популярным и развивается быстрыми темпами, причин этому достаточно много. Попробуем остановиться на них, а также рассмотреть проблемы и дальнейшие перспективы такого строительства на примере г. Ростова-на-Дону.

Изменения спроса и предложения на жилищном рынке России привели к тому, что относительная доля ввода малозэтажного жилья за последние 20 лет увеличилась более чем в 7 раз. Сегодня эта цифра в среднем по стране приближается к 50%, а в 1990 г. она составляла чуть больше 6%. По прогнозам Правительства РФ, этот показатель должен в 2015 г. быть не менее 60%, а в 2020 г. – около 70% (РБК. Исследования рынков..., 2012).

Малозэтажное жилье – это многоквартирные дома, таунхаусы, дуплексы и коттеджи, высота которых не превышает в большинстве случаев 2–3 этажа. Отличительной чертой таких зданий является отсутствие лифтов и центрального мусоропровода. Это дома с облегченной инженерной инфраструктурой.

Есть 3 формата малозэтажного жилищного строительства:

- отдельно стоящие жилые дома с количеством этажей не более чем 3, предназначенные для проживания одной семьи (объекты индивидуального жилищного строительства);
- жилые дома с количеством этажей не более чем 3, состоящие из частей – нескольких блоков, количество которых не превышает 10 и каждый из которых предназначен для проживания одной семьи, имеет общую стену (общие стены) без проемов с соседним блоком или соседними блоками, расположен на отдельном

земельном участке и имеет выход на территорию общего пользования либо на территорию малоэтажной жилищной застройки (жилые дома блокированной застройки);

- многоквартирные дома с количеством этажей не более чем 3, состоящие из одной или нескольких блок-секций, количество которых не превышает 4, в каждой из которых находятся несколько квартир и помещения общего пользования и каждая из которых имеет отдельный подъезд с выходом на территорию общего пользования либо на территорию малоэтажной жилищной застройки (*Приказ Министерства регионального развития РФ от 27.02.2010...*).

Для начала рассмотрим причины бурного роста этого сегмента рынка жилья.

Долгое время малоэтажное жилищное строительство не играло существенной роли в обеспечении жильем граждан России, причин тому множество, это и менталитет городского населения (привычка жить в многоквартирных домах), и отсутствие свободных земель в городах, отсутствие инженерной инфраструктуры и т. д.

Цены на жилье в многоквартирных домах (особенно в крупных городах) за последние годы значительно возросли, например, купить хорошую однокомнатную квартиру в спальном районе г. Ростова-на-Дону можно не менее чем за 2 200 000 руб., естественно квартиры большей площади стоят значительно дороже. При этом стоимость строительства небольшого малоэтажного дома (без учета стоимости земельного участка) обойдется примерно в ту же сумму, хотя общая и жилая площадь будут значительно больше.

Малоэтажное жилищное строительство требует значительно меньше административных затрат, в частности разрешительные процедуры на этот вид строительства значительно упрощены, по сравнению с количеством документов на строительство многоквартирных домов. Этим, в частности пользовались недобросовестные застройщики, получая документы на строительство малоэтажных домов в Ростове-на-Дону, а затем начиная возводить высотные здания.

Возможность применения инновационных технологий и материалов в малоэтажном строительстве значительно шире, чем в многоквартирных жилых домах и эти технологии позволяют значительно расширить технические и конструктивные решения в строительном объекте, при этом снизить стоимость строительства и сократить его сроки. Малоэтажные жилые дома значительно дешевле в эксплуатации, так как не требуют установки лифтов, подкачки воды на верхние этажи и применения другого дорогостоящего оборудования. Особенно экономичным является строительство так называемых «таунхаусов»¹, так как стоимость многих строительных конструкций ложится не на одного, а на несколько собственников, так же распределяются расходы по содержанию и эксплуатации дома.

С какими же проблемами сталкивается этот быстро растущий сегмент жилищного рынка и как они могут сказаться на дальнейших перспективах его развития?

В первую очередь это проблема отсутствия и выделения земельных участков, особенно когда речь идет о массовой (комплексной) застройке. В Ростове-на-Дону наиболее быстро развивается строительство малоэтажных домов на землях садоводческих товариществ. Эти земли имеют один существенный недостаток – неразвитость коммунальной и социальной инфраструктуры. Это касается, прежде всего, отсутствия подъездных путей надлежащего качества (асфальтовое покрытие, ширина проезда и т. д.). Поэтому по уровню комфортности проживания эти дома далеки от идеала. Еще одной проблемой застройки на таких землях является перекалывание развития коммунальной инфраструктуры на плечи новых собственников, так как застройка происходит в стихийном порядке.

Решением данной проблемы является комплексная застройка пригородов Ростова-на-Дону, развитие которой мы наблюдаем сегодня. Это коттеджные поселки в радиусе 10 км. от Ростова-на-Дону: «Солнечный», «Ясная поляна», «Приозерье», «Березовая роща», «Поселок Донской», «Щепкин» и др., которые развиваются разными темпами в зависимости от степени удаленности от основных транспортных путей, используемых технологий строительства и его стоимости.

Еще одной проблемой является отсутствие финансирования со стороны банков и помощи от государства. Индивидуальному застройщику получить ипотеку под строительство дома без залога очень сложно, банки не хотят идти на такой риск, ипотеку можно получить если есть квартира в городе или стоимость земельного участка достаточно высока. Решение есть пока только для комплексной застройки в коттеджных поселках, когда компания застройщик в партнерстве с банками разрабатывает схему финансирования строительства или реализации уже построенного жилья. Это является взаимовыгодным сотрудничеством, так как застройщик уверен в реализации строящихся объектов, а банк получает нового заемщика на длительный период времени. Помимо этого, Агентство по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК) разработало новый кредитный ипотечный продукт «Малоэтажное жилье», обеспечивающее максимально благоприятные условия кредитования при покупке или строительстве жилья на территориях организованной комплексной малоэтажной застройки: квартиры, жилого дома с земельным участком, земельного участка под строительство на нем жилого дома (*Агентство по ипотечному жилищному кредитованию... 2013*). В перечень территорий организованной массовой малоэтажной застройки в соответствии с этой программой входят 2-я очередь строительства микрорайона «Солнечный» г. Батайск, жилой поселок «Приазовье» Азовский район Ростовской области и проект жилого квартала в переулке Теплый, Часовой г. Шахты (*Агентство по ипотечному жилищному кредитованию... 2013*).

Положительные примеры частно-государственного партнерства на рынке малоэтажного жилищного строительства есть во многих регионах России, это, в частности, г. Санкт-Петербург, республики Татарстан и Башкортостан. Новый Генеральный план развития г. Ростова-на-Дону также предполагает освоение новых территорий. Админи-

¹ Таунхаус – комплекс из двух и более индивидуальных малоэтажных домовладений с общими боковыми стенами, имеющими собственные входы и огороженные приусадебные участки.

страция Ростова-на-Дону периодически выставляет на торги новые земельные участки, что также способствует развитию малоэтажного жилищного строительства и комплексному развитию территорий.

Малоэтажное жилищное строительство – это не новинка России, по такому пути развития жилищного сектора шли многие страны, в частности в США доля малоэтажного жилищного строительства около 90%, поэтому, рассмотрев проблемы и перспективы его развития, можно сделать вывод о том, что за ним будущее, при условии первоначального строительства транспортных и инженерных коммуникаций, а не наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

Агентство по ипотечному жилищному кредитованию. Ипотечные продукты. Малоэтажное жилье (2013). Доступно на: <http://www.ahml.ru/ru/participants/products/low-rise/>.

Приказ Министерства регионального развития РФ от 27.02.2010 № 79 «Об утверждении методических рекомендаций по установлению характеристик жилья экономического класса в отношении жилых домов, строительство которых осуществляется с использованием средств Федерального бюджета» (2010). Доступно на: <http://www.zakonprost.ru/content/base/151738>.

РБК. Исследования рынков. Доля малоэтажного жилья к 2015 г. составит не менее 60% (2012). Доступно на: <http://marketing.rbc.ru/articles/14/12/2012/562949985333612.shtml>.

REFERENCES

Agency for Housing Mortgage Lending. Mortgage products. Low-rise housing. (2013). Available at: <http://www.ahml.ru/ru/participants/products/low-rise/>. (In Russian.)

Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation of 27.02.2010. no. 79 "On approval of guidelines to establish the characteristics of low-income housing in respect of residential units on which construction is carried out with the use of the Federal Budget" (2010). Available at: <http://www.zakonprost.ru/content/base/151738>. (In Russian.)

RBC. Market research. The share of low-rise housing in 2015 will be at least 60% (2012). Available at: <http://marketing.rbc.ru/articles/14/12/2012/562949985333612.shtml>. (In Russian.)

МОДЕЛИРОВАНИЕ СНИЖЕНИЯ НАКОПЛЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ ЗА СЧЕТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ШАХТНЫХ ОТВАЛОВ

ЖУКОВА И.А.,

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Экономика и менеджмент»,
Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса,
e-mail: izhukova@bk.ru

В статье рассмотрена проблема снижения накопленного экологического ущерба угледобывающих территорий и предложен подход к моделированию данного процесса, опирающийся на необходимость формирования на региональном уровне системы обращения материалов шахтных отвалов с целью их вовлечение в многократную вторичную переработку.

Ключевые слова: накопленный экологический ущерб; реабилитация экосистемы; угледобывающие территории; обращение материалов шахтных отвалов; моделирование.

MODELING REDUCTION OF ACCUMULATED ENVIRONMENTAL DAMAGE OF COAL MINING AREAS BY FORMING MATERIALS HANDLING SYSTEM OF MINE DUMPS

ZHUKOVA I.A.,

PhD, Associate Professor, Head of Department «Economics and Management»,
South-Russian State University of Economics and Service,
e-mail: izhukova@bk.ru

In the article the problem of reduction of environmental damage in coal mining area and the approach to modeling of the process, based on the need to build on a regional level, the system of the mine dumps of material with a view to their involvement in repeated recycling.

Keywords: accumulated environmental damage; rehabilitation of ecosystems; coal mining territory; handling materials; mine dumps; simulation.

JEL classification: Q52, Q56.

Для экономико-математического моделирования процесса управления снижением накопленного экологического ущерба (НЭУ) от угледобывающей промышленности необходимо сформировать логическую модель поведения субъектов этого процесса, а именно: муниципальных и региональных органов власти, субъектов-собственников объектов накопленного экологического ущерба (территорий с терриконами) (такими собственниками могут быть как честные предприятия, так и органы муниципальной власти как правопреемники бывших государственных доприватизационных предприятий), хозяйствующих субъектов – производителей услуг по непосредственной ликвидации накопленного ущерба. Такая модель предполагает организацию на уровне муниципалитетов региона общей системы озеленения или разборки (утилизации) терриконов, или их промышленной переработки (исходя из существующих технологических возможностей).

Субъектами природохозяйственных отношений на территории муниципалитетов являются организации, осуществляющие свою деятельность (на коммерческих началах) в сфере ликвидации НЭУ, а именно: промышленной переработки техногенных отвалов, их озеленения, утилизации накопленных техногенных отходов (например, по-

средством заполнения ими шахтных пустот). Такими организациями могут быть как непосредственные предприятия-собственники объектов НЭУ, так и сторонние организации, специализирующиеся на новом виде деятельности. Реализация соответствующих проектов по ликвидации НЭУ осуществляется в рамках различных форм государственно-частного партнерства.

Модель, представленная на рис. 1, показывает систему взаимодействия между субъектами природохозяйственных отношений, складывающихся по поводу ликвидации накопленного экологического ущерба.

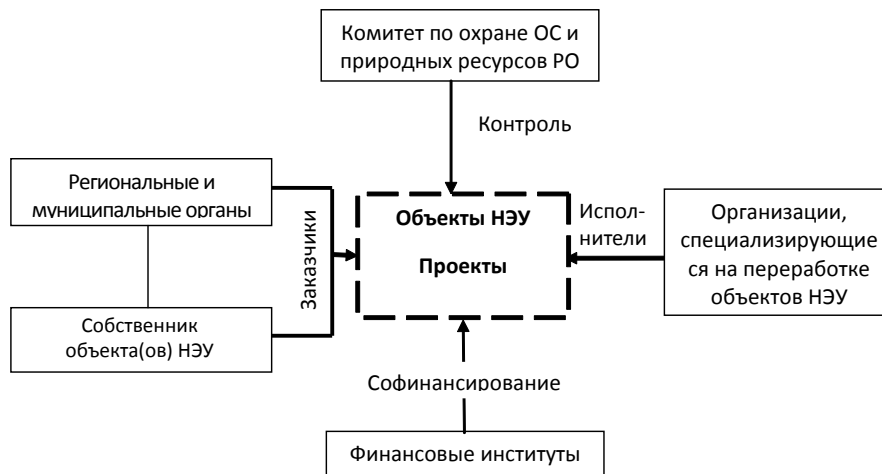

Рис. 1. Модель взаимодействия субъектов системы управления снижением накопленного экологического ущерба (НЭУ) от угледобывающей промышленности¹

Переработка и ликвидация объектов НЭУ представляет комплекс отношений природоохранного характера, не смотря на конкуренцию и характер ценообразования, что подразумевает активное участие в качестве субъектов рынка услуг по их ликвидации такие организационные структуры, как: финансовые институты (инвестиции, гранты, фонды), локальная администрация (управление, формирование законодательной базы и требований, создание программ на поддержание устойчивости рынка), экологические комитеты (контроль, поддержка и построение программ по предотвращению недопустимых мероприятий при ликвидации НЭУ). Отдельно по значению и функциям в данной модели располагаются организации, занимающиеся непосредственно переработкой и утилизацией терриконов. По классической экономической модели рыночных отношений этот блок составляет рыночную инфраструктуру, обслуживающую рыночные процессы (обращение техногенных отходов). В современной экономической ситуации это звено является одним из важных субъектов рынка, поскольку выступает основным гарантом всех отношений по ликвидации и переработке объектов НЭУ.

Системные связи, показанные на рис. 1 стрелками, являются основными каналами взаимодействия между субъектами природохозяйственных рыночных отношений, с другой стороны отсутствие каналов связи между блоками схемы говорит о комплексе отношений, а системный подход в выделении приоритетных связей – о тесных контактах между всеми субъектами для обеспечения устойчивого развития данной подсистемы муниципального и регионального хозяйства.

Механизм обращения и переработки объектов НЭУ, обеспечиваемый субъектами рынка, состоит в формировании необходимого предложения совместных государственно-частных проектов по их ликвидации (собственниками соответствующих объектов НЭУ и муниципальными и региональными органами власти) для удовлетворения спроса со стороны исполнителей данных проектов посредством переработки, утилизации или озеленения терриконов или их отдельных компонент.

Необходимо отметить, что, по всей видимости, невозможно будет применить к каждому отдельному объекту НЭУ (террикону) только один способ ликвидации связанного с ним ущерба (переработку отвальных пород, или их полную утилизацию, или озеленение террикона), так как состав складировавшихся десятилетиями пород неоднороден. В связи с этим к одному и тому же объекту НЭУ необходимо будет применить комплексный подход, т. е. нужна его частичная переработка с последующей утилизацией вторично образовавшихся отходов или вовлечением их в следующий цикл переработки. При невозможности полной утилизации или дальнейшей переработки накопленных отвалов возможно их последующее озеленение. Таким образом, процесс переработки терриконов требует постоянного вторичного вовлечения образующихся техногенных масс во вторичную переработку.

Переработка техногенных отходов по каждому из компонентов в модели – преобразование получаемых техногенных отходов в переработанные компоненты – обеспечивается перерабатывающими предприятиями, специализирующимися на ликвидации накопленного ущерба за счет переработки угледобывающих отвалов. Выделим, что основная часть непосредственно обращения техногенных отходов происходит по описанной ветке «собственник объекта НЭУ – проект по переработке объекта НЭУ – исполнитель проекта».

¹ Разработано автором. Представленная в данной статье модель построена на основе подхода к экономико-математическому моделированию обращения твердых бытовых отходов, предложенного Ф.В. Микушиным (Микушин, 1999).

Остальные субъекты рыночных отношений обеспечивают заинтересованность всех участников ликвидации НЭУ за счет переработки, утилизации или озеленения объекта НЭК (террикона). Управление данным процессом в контексте стратегических для городского хозяйства вопросов происходит преимущественно за счет другого направления воздействий: администрация муниципалитета (возможно, совместно с региональными органами власти) с экологическими органами, привлекая разного рода финансовые источники, готовят платформу для реализации государственно-частных проектов в области ликвидации накопленного экологического ущерба. Государство, как основной носитель ответственности за его возмещение, должно в лице муниципальных и региональных органов власти сформировать систему стимулов, обеспечивающих заинтересованность частного сектора в реализации таких проектов. В модели на рис. 1 это выражено воздействием названных структур на ветвь «собственник объекта НЭУ – проект по переработке объекта НЭУ – исполнитель проекта». В частности, сами проекты должны реализовываться в формах государственно-частного партнерства, что предполагает как совместное финансирование, так и совместную ответственность и использование других ресурсов для достижения целей проекта. Программы, разработанные с участием администраций муниципалитетов под контрольным и координирующим воздействием Комитета по охране окружающей среды и природных ресурсов региона, не допускают нарушение экологических нормативов и стандартов, а также должны учитывать стратегические приоритеты развития региона и территорий, подверженных воздействию НЭУ.

Одна из основных проблем роста накопленного экологического ущерба заключается в отсутствии контроля над переработкой и дальнейшим рециклингом накопленных производственных шахтных отвалов. Задачей моделирования ставится формирование такой технологии управления вектором накопленных шахтных отвалов, т. е. выделение и описание свойств структурных связей на каждом этапе рециклинга материалов, их составляющих, позволяющих за счет использования различных технологий их переработки, утилизации и озеленения обеспечить снижения экстерналий издержек общества. Фактически это означает поэтапную глубинную переработку и окончательную утилизацию «чистых отходов», т. е. таких, которые не представляют никакой экономической ценности и соответствуют нормам экологической безопасности. После того, как материалы объектов НЭУ (в нашем случае, терриконов) будут переработаны (многократно) и из них будут извлечены все имеющие экономическую ценность материалы с учетом норм экологической безопасности, они могут быть использованы для озеленения или полной утилизации посредством экологически чистых технологий (например, использоваться для заполнения шахтных отходов).

В связи с этим можно предложить следующую эколого-экономическую модель данного процесса на угледобывающих территориях, учитывающую социальный фактор и построенную на следующей логической последовательности процедур: «накопление отходов угледобычи (формирование терриконов) – вторичная переработка (включая рециклинг) – утилизация «чистых отходов», озеленение» объектов НЭУ (терриконов).

При использовании анализа формирования отходов угледобычи с точки зрения системного подхода предполагается следующая модель их производственного обращения (рис. 2); а именно, составляющих их материалов, поскольку они качественно характеризуются сложным химическим составом, токсичностью, многокомпонентностью, сочетанным воздействием на ОС и пр.

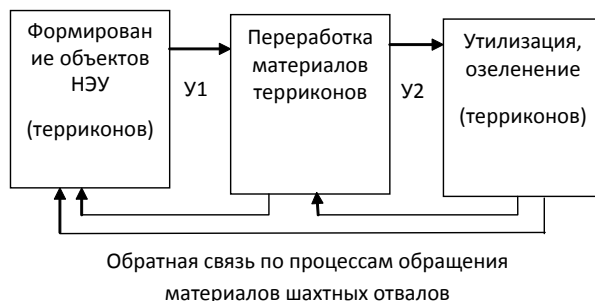

Рис. 2. Моделирование обратной связи в процессе обращения материалов шахтных отвалов (терриконов)²

Анализируя представленную на рис. 2 модель обращения материалов шахтных отвалов (терриконов), выделим, что прямая связь между процессами формирования терриконов, их переработки и утилизации состоит в жизненном цикле технологии, включающем по современным стандартам экологического менеджмента не только непосредственную ее эксплуатацию, но и учет всех экологических последствий в процессе и после вывода из эксплуатации (U1, U2). Обратная связь, обеспечивающая замыкание в цикл цепочки природоохранных отношений, связана с тем, что, основываясь на современных технологических достижениях, после первичной переработки сформировавшихся терриконов, возможно использование полученных после этого производственных отходов с целью дальнейшего извлечения из них оставшихся ценных ресурсов и их вовлечение в повторный процесс переработки. И так до тех пор, пока все ценные ресурсы не будут извлечены, а оставшийся материал станет экологически безопасным.

Оставшийся «чистый отход» может быть использован различными способами. Наиболее вероятные из них – это окончательная утилизация (без возможности последующего хозяйственного использования), например, для заполнения шахтных пустот; озеленение теперь уже экологически чистых отвалов (следует заметить, что в зарубежной

² Разработано автором.

практике озеленение является весьма распространенным способом экологизации даже непереработанных отходов, однако мы считаем, что наиболее целесообразно озеленять те из них, которые уже не могут быть использованы как источник ценных природных ресурсов); использование в других отраслях и в бытовом секторе (например, при строительстве дорог, или в качестве строительного материала для домашних хозяйств).

Если в процессе переработки материалов терриконов происходит извлечение из них не всех ценных веществ (т. е. остаются еще экономически ценные ресурсы), то для утилизации такие материалы не пригодны, и они возвращаются в повторно формируемые (вторичные) объекты НЭУ. Если же на организации, занимающиеся переработкой и утилизацией, влияют определенные мотивационные факторы, обеспечивающие альтернативные более выгодные технологии переработки, то непригодные для утилизации отходы будут вовлечены в повторный перерабатывающий процесс для извлечения других ценных ресурсов, что приведет к сокращению их доли во вторичных объектах НЭУ (терриконах). Сформулированное правило поведения предприятий, занимающихся переработкой и утилизацией определяет обратную связь блоков «переработка» и «утилизация».

Учитывая возможности и требования к утилизации производственных отходов в современных экономических и нормативно-правовых условиях, современные угледобывающие предприятия и переработчики шахтных отходов как производители потенциальных объектов НЭУ (терриконов) должны быть заинтересованы в минимизации претензий местного сообщества и органов власти как выразителей его интересов, а следовательно, – в максимально глубокой переработке материалов шахтных отходов и минимизации объемов остаточных отходов. Данная предпосылка является важным мотивационным рычагом, обеспечивающим необходимый минимум экологичности процесса переработки и производства вторичных объектов НЭУ. Хотя в большинстве своем в настоящее время связь «утилизация–переработка» не имеет развития в российской практике.

Модель (рис. 2) показывает основные моменты обращения шахтных отходов и взаимосвязь внутри системы (рис. 1), которые регламентируются законодательной нормативной базой и экономическими инструментами природопользования. Но проблема утилизации шахтных отходов открыта для решения на сегодняшний день. Поэтому необходимо показать, используя эколого-экономические разработки последнего десятилетия, дополнительные аспекты обращения шахтных отходов в связи «утилизация–переработка».

Моделирование поведения систем в неустойчивой экономической среде изменяет эту связь на «утилизация–формирование» и, если ранее экономической определяющей для модели обращения шахтных отходов были отношения «производство–потребление», то экономический потенциал общества при устойчивом развитии городского хозяйства, приоритетной и изменяемой определяет связь «утилизация–формирование». При усиливающейся мотивации производителей в проведении конкретных мероприятий (внедрении экологических технологий более глубокой переработки угольной руды, дополнительных технологий извлечения из отработанной руды остатков других ценных природных ресурсов, утилизации остатков отработанных руд с учетом экологических последствий и т. п.), существует вторая ветвь отношений «утилизация–формирование».

Таким образом, первоначальная система обращения материалов шахтных отходов видоизменяется следующим образом (см. рис. 3).

Как показано на схеме (рис. 3), местом пересечения экономических требований к переработке и утилизации материалов шахтных отходов становится проблема трансформации загрязнения, в отличие от стандартных процедур избавления от отходов – складирования в виде терриконов. Экономический механизм природопользования определяет стратегию перерабатывающих организаций, заинтересованных в минимизации загрязнения окружающей среды от накопленного экологического ущерба через уменьшение внешних затрат местного сообщества, а также его следующих поколений.

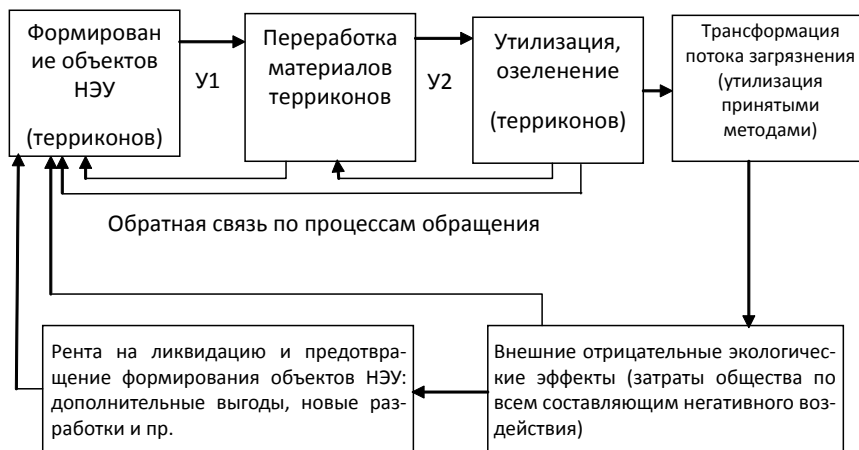

Рис. 3. Дополнительные факторы взаимодействия «утилизация – формирование»³

Внешние эффекты являются базой для использования в эколого-экономических отношениях рентного механизма, который определяет решения об использовании экономически редких ресурсов, являющихся для общества резервами устойчивого развития. При использовании механизма дифференциальной ренты второго порядка происходит управление стоимостью и, соответственно, изменение условий переработки и утилизации материалов шахтных отходов. В данном случае

³ Разработано автором.

рентный механизм обеспечивает дополнительную мотивацию производителя для создания экологически чистых технологий снижения негативных последствий от объектов НЭУ на основе вторичных циклов переработки шахтных отходов.

При использовании векторный математический аппарат для формализации и анализа обращения материалов шахтных отвалов, исследуемая модель принимает вид экономико-математической модели обеспечения экологически чистых способов добычи угля за счет формирования системы обращения материалов шахтных отвалов (рис. 4).

Формализация модели, приведенной на рис. 4, опирается на векторную концепцию представления шахтного отвала (террикона). Пусть $x = (x_1, x_2, \dots, x_n)$ – вектор терриконов городского хозяйства, x_i – количество i -го типа компонента; T_i – технология переработки шахтных отвалов ($i = \text{var}$), каждой из которых соответствует величина издержек U_i (внутренних и внешних); ΔT_i – изменение условий формирования терриконов x , которое изменяет величину издержек на ΔU .

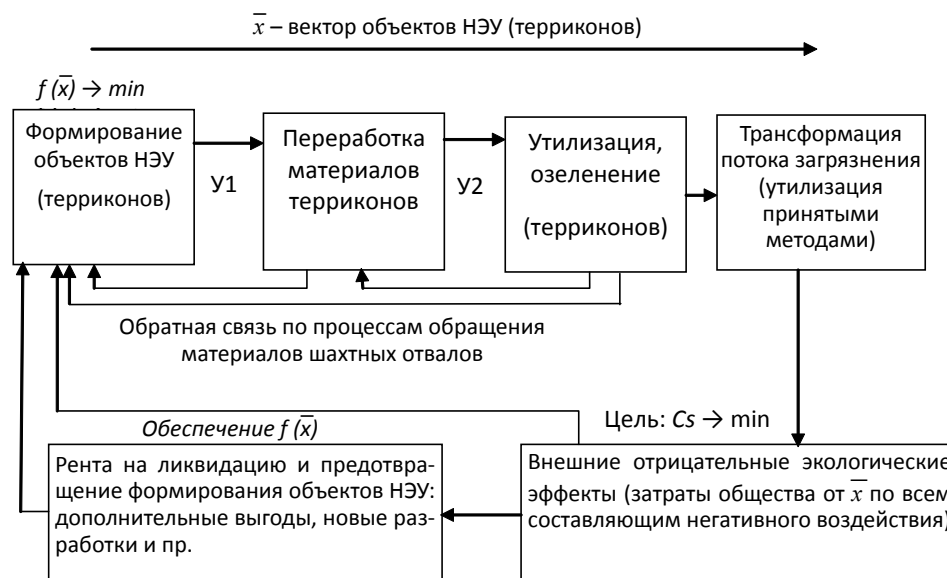

Рис. 4. Структурная схема экономико-математической модели обеспечения экологически чистых способов добычи угля за счет формирования системы обращения материалов шахтных отвалов⁴

Условие преобразования компонент шахтных отвалов: $\bar{x} \rightarrow \bar{x}'$. Такое изменение состояния вектора терриконов возможно при $T_i \rightarrow T'_i$, при этом $U'_i = U_i + \Delta U_i$. Сравнивая величины $U_1(\bar{x})$ и $U_2(\bar{x}')$, находим что разница $\bar{U}(\bar{x}) : \bar{U}(\bar{x}') = U_1(\bar{x}) - U_2(\bar{x}')$ – это экономия на ущербе. Распределяя издержки по долям на внутренние и внешние, видно, что величина $\bar{U}(\bar{x})$ представляет собой стоимость предотвращенного ущерба. Сравним две величины ΔU_i и $\bar{U}(\bar{x})$. Целевая функция от вектора терриконов в обоих случаях выражена соответственно $f(\bar{x})$ и $f(\bar{x}')$, поскольку издержки U_i прямо связаны с вектором терриконов, то выражение $|f(\bar{x}) - f(\bar{x}')|$ равносильно сравнению значений $|f(\bar{T}) - f(\bar{T}')|$. Из модели видно, что при достижении $\min Cs$ при значении вектора $\bar{x} = (x_1, x_2, \dots, x_n)$ достигается $f(\bar{x}) \rightarrow \min$ через дополнительную, не связанную с производственными затратами ренту на ликвидацию и предотвращение формирования объектов НЭУ ΔC .

Таким образом, мы видим, что основная проблема формирования объектов НЭУ (терриконов) и ликвидации неблагоприятных экологических последствий, обусловленных их существованием, связана с формированием такой системы обращения материалов шахтных отвалов, которая бы, в идеале, позволяла обеспечивать их цикличную вторичную переработку с выходом в конечном итоге экологически безопасных отходов, которые могут быть использованы в других отраслях и секторах региональной экономики (дорожном строительстве, бытовом секторе, при заполнении шахтных пустот и провалов, ландшафтном дизайне, строительстве объектов спортивно-развлекательной инфраструктуры и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

Микушин Ф.В. (1999). Экономический механизм управления обращением твердых бытовых отходов городского хозяйства. Дисс. канд. экон. наук. Ростов н/Д.

REFERENCES

Mikushin F.V. (1999). Economic mechanism of treatment of solid municipal waste uuytovykh. Diss. applicant competition degree Ph.D. Rostov-on-Don. (In Russian.)

⁴ Разработано автором.

ЭЛЕМЕНТЫ МЕТОДОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР В РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОМ АУДИТЕ БУХГАЛТЕРСКОЙ (ФИНАНСОВОЙ) ОТЧЕТНОСТИ

БАХТЕЕВ А.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: a_bakhteev@mail.ru

Автором проанализированы существующие тенденции развития рынка аудиторских услуг и связанные с ними проблемы развития методологии аудита. В связи с этим обосновывается необходимость разработки усовершенствованного методологического подхода к применению аналитических процедур в аудите. В статье описаны элементы методологического подхода к разработке, проведению и оценке результатов аналитических процедур в рамках аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности. Предлагаемая методология предназначена для использования при выполнении задания по аудиту с применением риск-ориентированного подхода. Элементами предложенного методологического подхода являются метод анализа-синтеза, декомпозиция методологии анализа-синтеза применительно к каждому этапу аудита, сочетание приемов количественного и качественного анализа в рамках трехступенчатого алгоритма «анализ-синтез», комбинация позитивного и нормативного анализа, алгоритм оценки риска существенных искажений, целевая функция бизнеса, теория жизненного цикла организации.

Ключевые слова: аудит; методология аналитических процедур в аудите; риск-ориентированный подход в аудите; оценка значимых рисков; метод анализа-синтеза; жизненный цикл организации.

METHODOLOGICAL ELEMENTS OF AUDITOR'S USE OF ANALYTICAL PROCEDURES WITHIN RISK-BASED APPROACH

BAKHTEEV A.V.,

Department of Accounting and Auditing, Associate Professor, PhD,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: a_bakhteev@mail.ru

In the article modern trends in development of the audit market and related problems of audit methodology are analyzed. The necessity of elaboration advanced methodological approach with auditor's use of analytical procedures validated. The elements of the methodological approach to analytical procedures design perform and result assessment during an audit of financial statements are described in the article. The proposed methodology is designed for using in a risk-based approach on auditing. The article contains the structured approach to application of analytical procedures using with consideration of peculiarities related with the necessity of continuous risk assessment in the audit report argumentation. The proposed methodological approach's elements are: method of analysis and synthesis; methodology's analysis-synthesis decomposition for each phase of auditing; the quantitative and qualitative analysis combination techniques within the framework of a three-stage algorithm analysis-synthesis; combination of positive and normative analysis, risk assessment algorithm of material misstatement; the target function of the business; corporate lifecycles theory.

Keywords: audit; methodology with auditor's use of analytical procedures; risk-based approach on auditing; risk assessment algorithm; analysis-synthesis method; corporate lifecycles theory.

JEL classification: M42.

Развитие аудиторской профессии на современном этапе характеризуется ростом конкуренции на рынке профессиональных услуг с одновременным повышением требований к их качеству. Вместе с тем, в сложившейся ситуации выбор официального аудитора пользователями профессиональных услуг, который должен происходить по комбинированному двухвекторному критерию «цена–качество», лежащему в основе действующего отечественного законодательства по аудиторской деятельности, в большинстве случаев осуществляется преимущественно по вектору «цена». Предлагаемая аудитором цена профессиональных услуг является основополагающим фактором, позволяющим достичь конкурентного преимущества на рынке. Конкуренция по вектору «качество» зачастую не может быть оценена пользователями, поскольку сам процесс аудита остается конфиденциальным для большинства из них. Повышение качества оказываемых услуг интересует прежде всего самого аудитора. Мотивирующим фактором в этой ситуации выступает система внешнего контроля качества в лице саморегулируемых организаций и Росфиннадзора. В сложившейся ситуации достижение конкурентоспособности аудиторской компании напрямую связано с совершенствованием методической составляющей ее профессиональной деятельности в направлении снижения трудозатрат в совокупности с повышением эффективности применяемых в процессе аудита процедур. В этом смысле аналитические процедуры в рамках риск-ориентированного подхода являются одним из основных инструментов, используемых для оптимального решения формулируемых рынком и профессиональной средой задач. В свете описанных тенденций целесообразным представляется структуризация методологии проведения аналитических процедур в рамках риск-ориентированного подхода к аудиту в разрезе отдельных ее элементов. В общем виде структура предлагаемой методологии приведена на рис. 1.

На наш взгляд, одним из наиболее важных системообразующих элементов методологии аналитических процедур в аудите является использование при их разработке основополагающего гносеологического метода, общеизвестного как метод анализа-синтеза. В соответствии с методом анализа-синтеза процесс осуществления аналитических процедур может быть представлен в виде трехступенчатого алгоритма, состоящего из стадий общего изучения, анализа и синтеза.

На первой стадии этого алгоритма проводится общее изучение объекта анализа. По нашему мнению, этой стадии метода анализа-синтеза применительно к процессу аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности соответствует этап планирования. В рамках этого этапа основной целью аналитических процедур является идентификация областей потенциальных рисков искажения бухгалтерской отчетности с последующей предварительной оценкой их значимости. Кроме того, аналитические процедуры, проводимые на этом этапе аудита, позволяют идентифицировать признаки, касающиеся соблюдения принципа непрерывно действующего предприятия.

Вторая стадия методологии анализа-синтеза, называемая стадией анализа, предполагает изучение отдельных структурных элементов объекта анализа посредством его расчленения на составные части. В контексте применения стадии анализа в отношении аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности она соответствует этапу проведения аудиторских процедур по существу. На этом этапе целью аналитических процедур является получение аудитором детального представления об отдельных аспектах бизнеса клиента по аудиту, предполагающее идентификацию рисков, присущих этим аспектам. В процессе получения информации о рисках определяется их значимость с точки зрения влияния на достоверность аудируемой бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Рис. 1. Структура методологии применения аналитических процедур в риск-ориентированном аудите

В завершении этого этапа аудита формируется расширенный перечень рисков хозяйственной деятельности с выделением из их множества подмножества значимых рисков, связанных с существенными искажениями аудируемой отчетности. Углубленные аналитические процедуры, проводимые на этом этапе, по нашему мнению, должны быть направлены на корректировку или на подтверждение достаточности, объема, характера и временных рамок проведенных процедур по существу. Кроме того, на этом этапе существует возможность идентификации рисков существенного искажения и самих существенных искажений аудируемой бухгалтерской (финансовой) отчетности исключительно по итогам проведения аналитических процедур. Итогом аналитических процедур на втором этапе аудита, по нашему мнению, должен стать полный перечень значимых рисков существенного искажения бухгалтерской (финансовой) отчетности, в том числе, связанных с ее недобросовестным составлением.

На третьем этапе аналитические процедуры используются в качестве инструмента итоговой оценки рисков, присущих аудируемой бухгалтерской (финансовой) отчетности в целом, проводимой на стадии завершения аудита. На этом этапе анализа-синтеза осуществляется систематизация рисков, идентифицированных на двух предыдущих этапах аудита. Все идентифицированные в ходе выполнения аудиторского задания риски ранжируются по степени их значимости и влияния на достоверность бухгалтерской (финансовой) отчетности клиента. Затем из рассмотрения исключаются риски, влияние которых на процесс формирования аудиторского суждения о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности незначительно, после чего формируется окончательный перечень значимых рисков, влияющих на ее достоверность. Итогом аналитических процедур, проводимых на этом этапе, является окончательное аудиторское суждение о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности клиента.

Следующий элемент предлагаемого методологического подхода к разработке программы аналитических процедур при проведении аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности основан на применении метода анализа-синтеза, сущность которого раскрыта выше. Он также базируется на использовании универсального трехступенчатого алгоритма, однако его специфика заключается в том, что основой его применения является последовательная декомпозиция каждого из трех описанных ранее элементов методологии анализа-синтеза на этапы общего изучения, анализа и синтеза на следующем уровне иерархии. При этом структуризация аналитических процедур на уровне каждого этапа аудиторского задания осуществляется в контексте их целеполагания в рамках соответствующего этапа. По нашему мнению, построение программы аналитических процедур в соответствии с ранее предложенной трехступенчатой методологией на каждом этапе аудита (планирование, процедуры, завершение) в отдельности будет способствовать реализации комплексного подхода к идентификации и оценке рисков существенного искажения аудируемой бухгалтерской (финансовой) отчетности. Более детально механизм и возможности предлагаемой декомпозиции рассмотрены автором в статье (Бахтеев, 2013).

Важным элементом, который, по нашему мнению, должен учитываться при подготовке программы, проведении и оценке результатов аналитических процедур, является понятие целевой функции бизнеса. Указанный элемент имеет право на существование в контексте применения двухуровневой методологии позитивного и нормативного анализа. Сущность целевой функции бизнеса коммерческого предприятия может быть выражена системой целей, основанной на допущении, что соблюдение принципа непрерывно действующего предприятия состоит в оперативном управлении капиталом, направленном на единовременное оптимальное достижение следующих целей:

- максимизация конечного финансового результата;
- поддержание долгосрочной финансовой устойчивости;
- поддержание краткосрочной финансовой устойчивости.

Понимание результатов деятельности клиента по аудиту, в контексте оценки рисков хозяйственной деятельности, идентифицируемых с точки зрения направленности этой деятельности на достижение каждой из сформулированных выше целей в отдельности и всех этих целей в совокупности, по нашему мнению, позволит наиболее эффективно провести структурированную идентификацию рисков хозяйственной деятельности клиента по аудиту.

Следующим элементом предлагаемой в рамках статьи методологии является использование при оценке результатов аналитических процедур на каждой стадии аудита двухуровневой методологии, предполагающей сочетание приемов позитивного и нормативного анализа. Сущность данного методологического приема состоит в поэтапной интерпретации результатов аналитических процедур, предполагающей описание существующих структурных и динамических тенденций интегральных показателей деятельности клиента по аудиту. По своему смыслу выводы, генерируемые на этапе позитивного анализа, представляют собой интерпретацию результатов проведения аналитических процедур, являются однозначными и сводятся к констатации установленных фактов. На стадии нормативного анализа (нормативной оценки результатов позитивного анализа) осуществляется оценка динамики показателей и фактов хозяйственной жизни аудируемого лица в контексте двух взаимосвязанных целей:

- текущего и перспективного благосостояния клиента, позволяющего оценить применимость в отношении него допущения непрерывности деятельности;
- идентификации и оценки значимости рисков, присущих хозяйственной деятельности аудируемого лица.

На этом этапе интерпретации результатов аналитических процедур аудитор, по нашему мнению, должен исходить из требований, которые предъявляются заинтересованными пользователями к качественным характеристикам информационного массива, отражающего результаты деятельности аудируемого лица, включаемого в бухгалтерскую (финансовую) отчетность в целом. Исключение составляют задания, выполнение которых регламентируется федеральными стандартами аудиторской деятельности 8/2011 «Аудит отчетности составленной по специальным правилам» и 9/2011 «Аудит отдельной части отчетности», федеральным правилом (стандартом) аудиторской дея-

тельности № 33 «Обзорная проверка финансовой (бухгалтерской) отчетности». В случае если аудитор принимается за выполнение такого задания, интерпретация результатов аналитических процедур на этапе нормативного анализа осуществляется исходя из целей конкретного задания, определяемых договором на оказание профессиональных услуг.

Еще один из ряда так называемых «аналитических» элементов предлагаемого в статье методологического подхода – это сочетание приемов количественного и качественного анализа. Использование возможностей интерпретации аналитической информации, полученной при помощи количественных методов, посредством общеизвестных качественных аналитических приемов до настоящего времени не получило широкого распространения в современной отечественной аудиторской практике. Вместе с тем, бухгалтерская (финансовая) отчетность, подготовленная в свете требований как отечественных, так и международных учетных стандартов, представляет собой информационный массив, содержащий не только количественную информацию. Весьма значительной составляющей бухгалтерской (финансовой) отчетности на современном этапе является информация внеучетного характера, которую можно разделить на следующие группы:

- информация о намерениях компании;
- информация, содержащая оценки существующего финансового положения компании;
- информация о перспективах развития компании;
- информация о значимых рисках компании, имеющих место на отчетную дату.

При аудите указанных групп информации наилучшего результата можно достичь исключительно посредством применения качественных аналитических методик, наиболее эффективной и разносторонней из которых по нашему мнению является SWOT-анализ. Применение этого метода может осуществляться в двух вариантах:

- в качестве самостоятельного метода при проверке содержащихся в аудируемой бухгалтерской (финансовой) отчетности допущений и оценок;
- в сочетании с количественными аналитическими методиками в качестве инструмента нормативной оценки результатов горизонтального, вертикального и коэффицентного анализа числовых показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Следующим важным элементом, формирующим методологические основы проведения аналитических процедур в ходе аудита, является использование алгоритма оценки риска существенного искажения при разработке программы аналитических процедур и оценке их результатов. Сущность описываемой методологии может быть представлена в виде трехступенчатого алгоритма:

- идентификация и оценка рисков, присущих бухгалтерской (финансовой) отчетности клиента по аудиту;
- оценка значимости выявленных рисков с точки зрения их влияния на достоверность аудируемой бухгалтерской (финансовой) отчетности;
- оценка адекватности применяемых клиентом по аудиту процедур в отношении идентифицированных рисков с последующей оценкой степени риска существенного искажения аудируемой отчетности вследствие недобросовестных действий и ошибок.

Результаты разработки модели оценки интегрального риска в процессе аудита с точки зрения используемого формально-методического аппарата опубликованы в статье (Арженовский, Бахтеев, 2013). Наглядно структура алгоритма оценки риска существенного искажения в общем виде представлена на рис. 2. Использование приведенного выше трехшагового алгоритма оценки рисков при планировании, проведении и оценке результатов аналитических процедур, позволяет, по нашему мнению, наиболее адекватно реализовать намеченную стратегию аудита в рамках ограничений и допущений, характеризующих риск ориентированный подход.

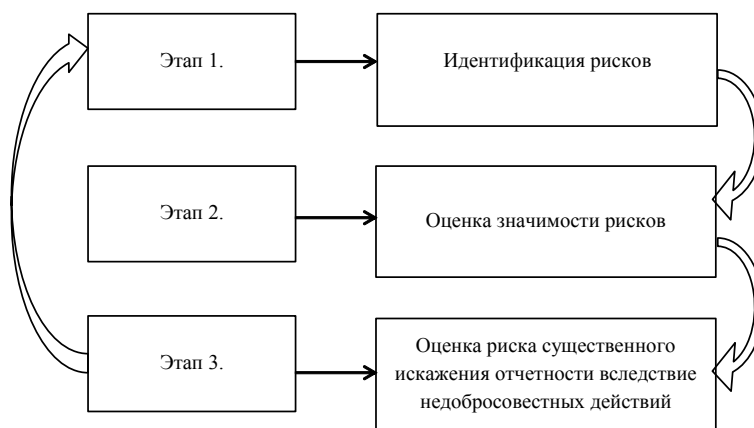

Рис. 2. Алгоритм оценки риска существенного искажения

Последним из предлагаемых в статье основных элементов методологического подхода к организации аналитических процедур является использование при их планировании, проведении и оценке результатов положений теории жизненного цикла организации. Из достаточно большого количества исследователей, внесших вклад в развитие данной теории, исходя из целей, поставленных в статье, наиболее применим ее вариант, предложенный Ицхаком

Адизесом (Адизес, 2008). Основными достоинствами, позволяющими использовать теорию циклов в качестве методологической основы разработки программы аналитических процедур, по нашему мнению, являются:

1. Концепция сочетания гибкости и управляемости, доказывающая, что каждому конкретному соотношению этих параметров соответствует определенная стадия жизненного цикла компании. При этом молодые и быстро развивающиеся компании являются слабо контролируруемыми, а «взрослые», являясь более контролируруемыми, становятся менее гибкими. Использование этого элемента теории, по нашему мнению, позволяет аудитору наиболее эффективно идентифицировать и оценить риски, присущие деятельности и системе внутреннего контроля клиента по аудиту, предварительно определив ее местоположение на кривой жизненного цикла;

2. Концепция трудностей, возникающих в процессе развития компании, которые в соответствии с этой концепцией могут быть разделены на две группы: болезни роста и организационные патологии. Использование данной классификации при планировании, проведении и оценке результатов аналитических процедур, по нашему мнению, позволяет с большой степенью адекватности идентифицировать риски, присущие хозяйственной деятельности и риски существенных искажений, связанных с недостатками системы внутреннего контроля клиента по аудиту соответственно.

Комплексное применение раскрытых выше элементов методологического подхода к планированию, проведению и оценке результатов аналитических процедур, по нашему мнению, будет способствовать максимальной эффективности реализации преимуществ риск-ориентированного подхода, обеспечению достижения целей каждого этапа аудита в отдельности и задания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Арженовский С.В., Бахтеев А.В. (2013). Методологический подход к комбинированной оценке риска искажений вследствие недобросовестных действий при аудите бухгалтерской отчетности // *Terra Economicus*. Ростов н/Д.: ЮФУ. Т. 11. № 2. ч. 3. С. 57–62.

Бахтеев А.В. (2013). Применение метода анализа-синтеза при проведении аналитических процедур в ходе аудита // *Учет и статистика*. Ростов н/Д.: РГЭУ. № 4. С. 65–71.

Управление жизненным циклом корпорации (2008). Ицхак Адизес. СПб.: Питер, 384 с.

Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008. № 307-ФЗ (р. 23.07.2013). Собрание законодательства РФ. 05.01.2009. № 1, ст. 15.

Федеральное правило (стандарт) аудиторской деятельности № 20 «Аналитические процедуры», утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 23.09.2002 № 696 (ред. от 22.12.2011). Собрание законодательства РФ. 30.09.2002. № 39, ст. 3797.

International standard on auditing 520 Analytical Procedures. Доступно на: <http://www.ifac.org/sites/default/files/downloads/a026-2010-iaasb-handbook-isa-520.pdf>.

REFERENCES

Arzhenovskiy S.V., Bahteev A.V. (2013). The methodological approach to the combined estimation of falsification risk due to fraud in an audit of financial statements. *Terra Economicus*. Rostov-on-Don: SFU, vol. 11, no. 2, part 3, pp. 57–62. (In Russian.)

International standard on auditing 520 Analytical Procedures. Available at: <http://www.ifac.org/sites/default/files/downloads/a026-2010-iaasb-handbook-isa-520.pdf>.

Managing corporate lifecycles (2008). Ichak Adizes. SPb.: Piter, 384 p. (In Russian.)

The analysis-synthesis method application when using analytical procedures for auditing. Accounting and statistics. Rostov-on-Don: RSEU. 2013, part 2, pp. 65–71. (In Russian.)

The Federal Law «On Auditing» from 30.12.2008. № 307 (ed. 23.07.2013).

Federal standard on auditing «Analytical procedures» № 20. Approved by the resolution of the government of the Russian Federation from 23.09.2002. № 696 (ed. 22.12.2011). Collection of legislation. 30.09.2002, no. 39, art. 3797. (In Russian.)

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

ТАТУЕВ А.А.,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, анализа и отраслевой экономики,
Московский государственный университет пищевых производств, г. Москва,
e-mail: arsen.tatuev@mail.ru;

МАГОМЕДОВА П.Г.,

аспирант,
Московский государственный университет пищевых производств, г. Москва,
e-mail: mpg05@bk.ru

Статья посвящена особенностям современного организационно-экономического состояния топливно-энергетического комплекса в контексте противоречий развития рыночных отношений. Раскрываются тенденции перманентного огосударствления процессов развития основных отраслей комплекса, которые формируют предпосылки снижения эффективности его функционирования и инерционности инвестиционной активности.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс; основные фонды; инвестиции; уставной капитал; структура собственности.

PROBLEMS OF THE ORGANIZATIONAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE FUEL-ENERGY COMPLEX OF RUSSIA

TATUEV A.A.,

Doctor of Science, Professor,
Moscow State University of Food Productions, Moscow,
e-mail: arsen.tatuev@mail.ru;

MAGOMEDOVA P.G.,

Graduate student,
Moscow State University of Food Productions, Moscow,
e-mail: mpg05@bk.ru

Article is devoted to features of a current organizational and economic state of fuel and energy complex in a context of contradictions of development of the market relations. Tendencies of permanent nationalization of developments of primary branches of a complex which form prerequisites of decrease in efficiency of its functioning and a lag effect of investment activity reveal.

Keywords: fuel and energy complex; fixed assets; investments; authorized capital; property structure.

JEL classification: O13, O18, P28.

Развитие топливно-энергетического комплекса в нашей стране необходимо рассматривать в контексте эффективности всех основных реформ постсоветского времени.

С одной стороны, имело место интересное явление, когда мы перешли к рыночной экономике, но рынок в части топливно-энергетического сектора у нас определяется не взаимодействием собственников, равных в реализации своих экономических прав, а преимущественно государственной политикой. Поэтому, с другой стороны, при мас-

штабности проведенных в данном секторе приватизационных мероприятий, реального разгосударствления пока так и не получилось.

Несмотря на то, что в направлении рыночной либерализации страна добилась определенных результатов, все еще имеют место такие проблемы, как незавершенность процессов разгосударствления, неотработанность механизма реализации прав собственности, монополизм. При этом топливно-энергетический комплекс представляет собой одну из наиболее важных основ современной российской рыночной экономики.

В табл. 1 представлена информация, позволяющая проанализировать изменение доли основных фондов отраслей топливно-энергетического комплекса в структуре основных фондов промышленных видов деятельности и экономики в целом в период с 2005 по 2011 гг. Из таблицы видно, что в общем объеме основных фондов в секторе «Добыча полезных ископаемых» основная доля принадлежит отраслям добычи топливно-энергетических полезных ископаемых – 91,8% в 2011 г. А в целом в совокупном объеме основных фондов всей национальной экономики – 7,3% в 2011 г.

Таблица 1

Доля основных фондов отраслей ТЭК в структуре основных фондов промышленных видов деятельности и экономики в целом, в %*

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых							
доля в секторе «Добыча полезных ископаемых»	89,2	89,8	90,2	90,1	91,5	91,8	91,8
доля в экономике в целом	5,5	6,0	5,8	5,8	7,1	7,3	7,3
Производство кокса и нефтепродуктов							
доля в секторе «Обрабатывающие производства»	8,2	8,3	8,4	7,7	8,4	9,2	9,9
доля в экономике в целом	0,7	0,7	0,6	0,5	0,6	0,7	0,7
Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды							
доля в секторе «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	86,4	85,3	85,5	85,9	86,1	87,1	85,2
доля в экономике в целом	6,1	5,2	4,8	4,4	4,7	5,0	5,5

* таблица рассчитана и составлена автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Федеральная служба государственной статистики, 2005–2013; Промышленность России, 2012).

При этом доля основных фондов отраслей добычи полезных ископаемых за рассматриваемые годы увеличилась – с 89,2 до 91,8% в структуре основных фондов сектора добычи полезных ископаемых, и с 5,5 до 7,3% в структуре основных фондов национальной экономики.

Производство кокса и нефтепродуктов по объему основных фондов составляет порядка 1/10 общего объема основных фондов сектора обрабатывающих производств. Причем данная цифра за рассматриваемый период времени увеличилась с 8,2 до 9,9%. В структуре основных фондов по всей национальной экономике данные отрасли занимают лишь 0,7%, и серьезных изменений здесь за последние годы отмечено не было.

В отличие от представленных выше отраслей ТЭК, доля отраслей по производству, передаче и распределению электроэнергии, газа, пара и горячей воды в структуре основных фондов сектора «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», сократилась с 86,4 до 85,2%. Причем доля представленных отраслей в совокупной структуре основных фондов национальной экономики сократилась с 6,1 до 5,5%. Между тем, следует отметить, что сокращение здесь наблюдалось лишь до 2009–2010 гг., после чего наметилась тенденция к увеличению доли основных фондов как в структуре рассматриваемого сектора промышленности, так и в структуре национальной экономики.

Таким образом, становится видно, что доля отраслей топливно-энергетического комплекса, как в структуре основных фондов промышленных секторов экономики, так и в структуре основных фондов всей национальной экономики, является значительной. Причем, в последние годы, особенно в посткризисные 2009–2011, данная доля лишь увеличивалась.

На рис. 1 представлена диаграмма, позволяющая сравнить степень износа основных фондов организаций топливно-энергетического комплекса с организациями промышленных видов деятельности и по экономике в целом в период с 2005 по 2011 гг. Из диаграммы видно, что уровень износа основных фондов по отраслям ТЭК мало отличается от уровня износа по соответствующим секторам промышленности и экономике в целом. В то же время существует ряд отличий. Так, из диаграммы видно, что за рассматриваемые годы степень износа основных фондов по экономике в целом увеличился с 45,2 до 47,9%.

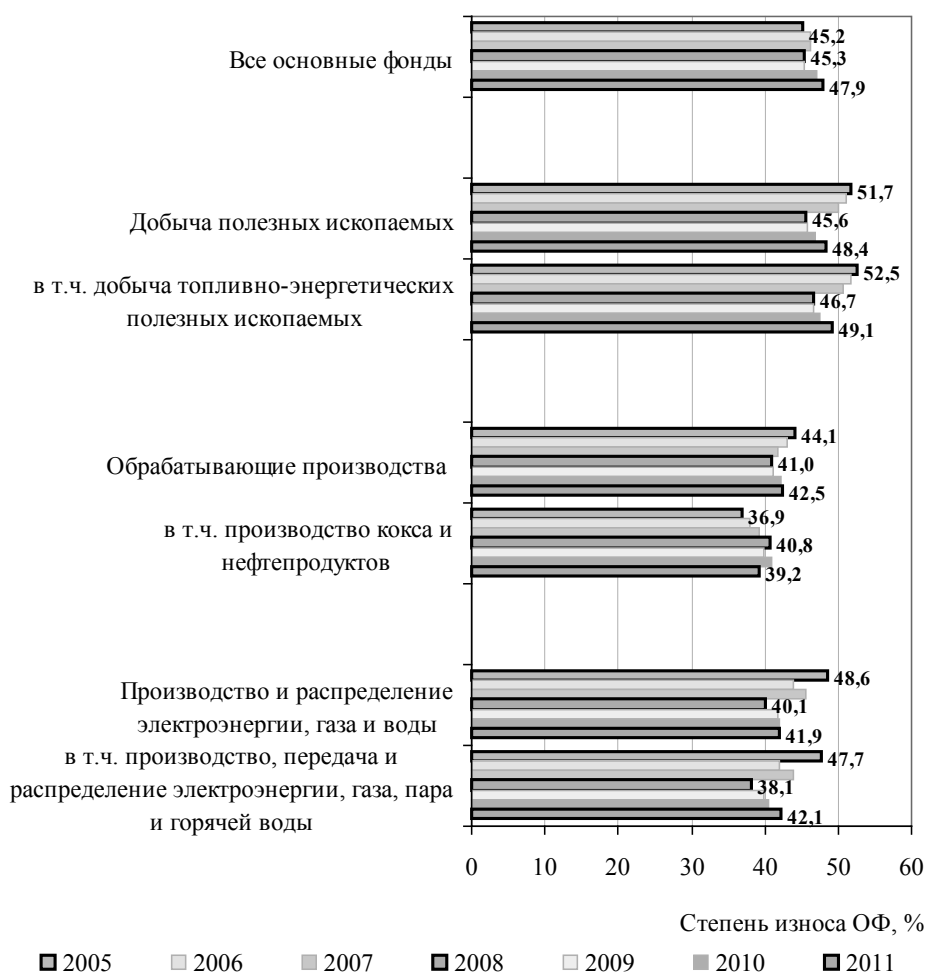

Рис. 1. Степень износа основных фондов организаций ТЭК в сравнении с организациями промышленных видов деятельности и по экономике в целом, в %¹

В то же время по отраслям ТЭК и секторам промышленности наблюдалась обратная динамика – уменьшение степени износа ОФ. По крайней мере, это отчетливо прослеживается в начале рассматриваемого периода.

Так, в период с 2005 по 2008 гг. степень износа ОФ по отраслям добычи топливно-энергетических полезных ископаемых сократилась с 52,5 до 46,7%. А затем, к 2011 г., она увеличилась до 49,1%. В период с 2005 по 2008 гг. степень износа ОФ по отраслям производства, передачи и распределения электроэнергии, газа, пара и горячей воды сократилась с 47,7 до 38,1%. А затем, к 2011 г., она увеличилась до 42,1%. В отличие от этого, в период с 2005 по 2008 гг. степень износа ОФ по отраслям производства кокса и нефтепродуктов увеличилась с 36,9 до 40,8%. А затем, к 2011 г., она сократилась до 39,2%.

На рис. 2 представлены графики, иллюстрирующие изменение цепных и базисных темпов роста индексов физического объема инвестиций в основной капитал по отраслям топливно-энергетического комплекса и в целом по промышленным видам деятельности и по всей экономике в период с 2005 по 2011 гг. Из графиков видно, что характер динамики, как по отраслям ТЭК, так и в целом по секторам промышленности и всей экономики, в некоторой степени является схожим, особенно в докризисный период. Наиболее отчетливо это видно на графике, отражающем базисные темпы роста. Так, динамика физического объема инвестиций в основной капитал по основным отраслям ТЭК практически носила инерционный характер и следовала за общей динамикой инвестиций по экономике в целом.

Но уже в 2009 г. произошли резкие изменения. В частности, видно, что прирост физического объема инвестиций в основной капитал отраслей добычи топливно-энергетических полезных ископаемых, аналогично приросту в секторе добычи полезных ископаемых и экономике в целом, за 2009 г. резко сократился.

¹ Диаграмма составлена автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Федеральная служба государственной статистики, 2005–20013; Промышленность России, 2012).

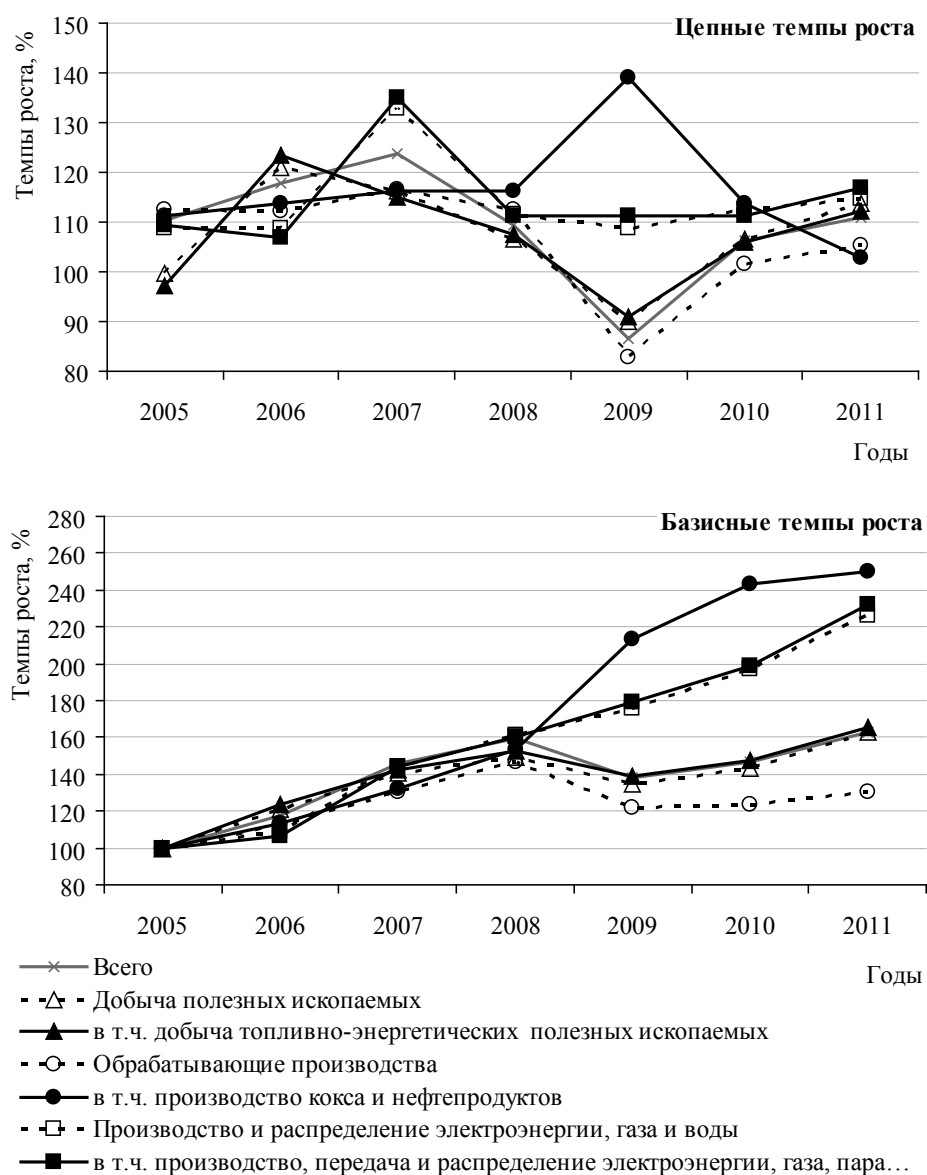

Рис. 2. Цепные и базисные темпы роста индексов физического объема инвестиций в основной капитал по отраслям ТЭК и в целом по промышленным видам деятельности и по всей экономике, в %²

Прирост физического объема инвестиций в основной капитал отраслей производства, передачи и распределения электроэнергии, газа, пара и горячей воды, аналогично приросту в секторе производства и распределения электроэнергии, газа и воды, практически не изменился.

А прирост физического объема инвестиций в основной капитал отраслей в производство кокса и нефтепродуктов резко увеличился – почти на 40% по отношению к уровню 2008 г. И это несмотря на то, что прирост в секторе обрабатывающих производств был отрицательным.

Впоследствии, в 2010–2011 гг., наблюдается новый этап выравнивания динамики. Что в совокупности иллюстрирует инерционность характера инвестиционного процесса в основной капитал отраслей ТЭК? Динамика аналогична средней, по секторам как промышленности, так и экономики в целом.

В табл. 2 представлена структура распределения уставного капитала (фонда) организаций топливно-энергетического комплекса и организаций промышленных видов экономической деятельности по акционерам (учредителям) в период с 2005 по 2011 гг. Из таблицы видно, что за последние годы структура собственности организаций топливно-энергетического комплекса претерпела существенные изменения. Так, практически вдвое сократилась доля федеральной собственности в организациях, занятых добычей топливно-энергетических полезных ископаемых – с 54,2 до 30,0% (19,2% в 2008 г.). Исходно незначительная доля собственности субъектов Федерации в

² Диаграмма составлена автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Федеральная служба государственной статистики, 2005–20013; Промышленность России, 2012).

данных организациях практически стала равна нулю, что в совокупности повлекло за собой двукратное увеличение доли частной собственности – с 33,0 до 62,8% (76,3% в 2008 г.). Доля государственной и муниципальной собственности в организациях, занятых производством кокса и нефтепродуктов, также будучи исходно незначительной, сократилась практически до нуля. Напротив, доля государственной собственности, а именно федеральной, резко возросла в организациях, занятых производством, передачей и распределением электроэнергии, газа, пара и горячей воды – с 1,2 до 43,9% (46,1% в 2008 г.). При этом доля частной собственности сократилась с 87,6 до 38,7%.

Таблица 2

**Структура распределения уставного капитала (фонда) организаций ТЭК и организаций
промышленных видов экономической деятельности по акционерам (учредителям), в %***

	Уставный капитал (фонд) – всего	в том числе по акционерам (учредителям)							
		федеральные органы исполнительной власти	органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации	органы местного самоуправления	коммерческие организации (кроме финансово- кредитных)		финансово-кредитные организации	некоммерческие организации	физические лица
					всего	в том числе субъекты малого и среднего предпринимательства			
Добыча полезных ископаемых									
2005	100,0	51,9	2,1	0,2	34,0	0,0	7,4	2,5	1,8
2008	100,0	18,7	0,6	0,0	76,1	0,1	3,5	0,4	0,7
2011	100,0	28,2	0,7	0,0	65,0	0,1	4,3	0,9	0,8
в т. ч. добыча топливно-энергетических полезных ископаемых									
2005	100,0	54,2	1,6	0,0	33,0	0,0	7,4	2,6	1,1
2008	100,0	19,2	0,2	0,0	76,3	0,1	3,6	0,3	0,4
2011	100,0	30,9	0,1	0,0	62,8	0,0	4,7	0,9	0,5
Обрабатывающие производства									
2005	100,0	11,0	3,2	0,6	69,9	0,7	4,4	0,8	10,0
2008	100,0	20,3	2,2	0,3	69,2	0,6	1,7	1,0	5,4
2011	100,0	13,8	1,3	0,4	78,2	1,0	1,0	1,4	3,8
в т. ч. производство кокса и нефтепродуктов									
2005	100,0	0,5	0,0	0,0	96,1	0,0	1,9	0,0	1,4
2008	100,0	0,1	0,0	0,0	97,4	0,2	1,7	0,0	0,8
2011	100,0	0,0	0,0	-	97,7	0,0	0,6	0,0	1,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды									
2005	100,0	1,2	2,6	2,7	87,6	0,1	1,0	1,0	3,9
2008	100,0	46,1	3,9	1,7	44,6	0,0	1,8	0,6	1,3
2011	100,0	43,9	4,1	2,0	38,7	0,0	2,0	0,7	8,6
в т. ч. производство, передача и распределение электр.энергии, газа, пара и горячей воды									
2005	100,0	1,1	2,1	1,9	88,9	0,1	1,0	1,0	3,9
2008	100,0	46,9	3,1	1,0	45,2	0,0	1,8	0,6	1,4
2011	100,0	44,8	3,2	1,2	39,3	0,0	2,0	0,7	8,8

* таблица составлена автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (*Промышленность России, 2012. С. 88–92*).

Таким образом, становится виден разнонаправленный характер изменения структуры собственности организаций топливно-энергетического комплекса. Так, тенденции в отраслях добычи топливно-энергетических полезных ископаемых отчетливо свидетельствуют об увеличении частной собственности. В противовес этому, в отраслях производства, передачи и распределения электроэнергии, газа, пара и горячей воды происходит увеличение государственной (федеральной) собственности.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что экономические решения, связанные с основными фондами, инвестициями, структурой собственности, практически не увязаны с функционированием рынка. Поэтому, по сути дела, следует говорить о появлении новых тенденций перманентного огосударствления процессов развития основных отраслей топливно-энергетического комплекса.

В таких условиях требуется изменить организационно-экономические инструменты управления рассматриваемым комплексом в пользу расширения рыночных составляющих. Только в таком случае открываются возможности комплексного завершения рыночных реформ.

ЛИТЕРАТУРА

Промышленность России (2012): Статистический сборник. М.: Росстат, 2012. С. 88–92, 114–115, 123, 132.
Федеральная служба государственной статистики (2005–2013). Доступно на: <http://www.gks.ru>.

REFERENCES

Federal State Statistics Service (2005–2013) Available at: <http://www.gks.ru>. (In Russian.)
Industry of Russia (2012). Statistical collection. Moscow. Rosstat, 2012, pp. 88–92, 114–115, 123, 132. (In Russian.)

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЛАПТЕВ С.В.,

доктор экономических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Липецк,
e-mail: laptev5552@mail.ru;

ФИЛИНА Ф.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Липецк,
e-mail: filinafv5552@mail.ru

Для повышения эффективности денежно-кредитной политики необходимы системные преобразования и настройка всех блоков экономического механизма на решение задач модернизации и инновационного развития на основе стратегического управления и планирования. Помимо комплекса мер, обеспечивающих снижение инфляции издержек, минимизацию транзакционных издержек и адекватную защиту прав собственности, следует контролировать предложение денег на отдельных сегментах денежного рынка, развивая специализацию финансово-кредитных институтов на отдельных операциях и услугах, гибко реагируя на изменения спроса на деньги.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, экономический механизм, регулирование предложения денег на отдельных сегментах рынка.

THE PROBLEM OF IMPROVING THE MONETARY POLICY OF MODERN RUSSIA

LAPTEV S.V.,

Doctor of economic sciences, professor, deputy director on scientific work,
Lipetsk branch of RANEPA, Lipetsk,
e-mail: laptev5552@mail.ru;

FILINA F.V.,

Candidate of economics, associate professor,
Lipetsk branch of RANEPA, Lipetsk,
e-mail: filinafv5552@mail.ru

In order to enhance the effectiveness of monetary policy need systemic change and configuration of all blocks of the economic mechanism for modernization and innovation development based on strategic management and planning. In addition to the set of measures for the reduction of inflation costs, minimization of transaction costs and property rights are adequately protected, should control the money supply to some segments of the money market by developing specialized financial and credit institutions to the individual operations and services flexibly in response to changes in the demand for money.

Keywords: monetary policy, economic mechanism, regulation of money supply in individual market segments.

JEL classification codes: E 52, E 60.

Осуществление стратегических задач модернизации экономики и обеспечения ее последующего перехода к инновационной модели требует существенных изменений в организации российской экономики, ее финансово-экономическом механизме, и в частности, – в организации денежно-кредитного рынка, а также в содержании и технологиях денежно-кредитной политики. Очевидно, что в этом случае кредитная система и ее важнейшая часть – банковская система должны выступать важными и необходимыми компонентами в едином механизме хозяйствования, настроенном на решение вышеуказанных стратегических задач развития.

Чтобы понять, как должна быть внутренне организована кредитная система и ее банковский сектор для решения задач модернизации и инновационного развития, следует, в первую очередь, определить, что необходимо изменить в организации действующего хозяйственного механизма, чтобы он стал способен к систематическому решению проблем модернизации и инновационного развития экономики.

На предшествующих этапах развития российской экономики формировались важнейшие институты рынка, закладывались отдельные блоки рыночного механизма, обеспечивалось постоянное воспроизводство созданных институтов и основных элементов рыночного хозяйствования. Однако эти институты и элементы экономического механизма в переходный период формировались под значительным влиянием остаточных элементов прежней административной системы хозяйствования, в силу чего организация рынка первоначально лишь формально соответствовала принципам рыночного хозяйствования. Когда формальные предпосылки рынка построены, главной целью его дальнейшего развития становится неформальная перестройка стереотипов поведения агентов рынка, адекватная реализация рыночных принципов хозяйствования, глубоких внутренних стимулов развития хозяйственной деятельности, приобретение хозяйственным механизмом необходимой гибкости, способности к быстрой настройке на решение актуальных стратегических задач экономического развития.

В настоящее время многие агенты рынка в значительной степени ориентированы на монополизацию обслуживания и приватизацию потоков бюджетных денег, на альянс с коррумпированным чиновничеством, стремящимся к получению административной ренты, на извлечение односторонних монопольных выгод от неразвитости объектов производственной, транспортной, технологической инфраструктуры и ограничения доступа к ним, от применения методов оппортунизма по отношению к партнерам и потребителям. Существующий экономический механизм содержит в себе элементы и блоки, ориентированные на решение частных задач, утративших свою актуальность, а нередко – и на реализацию односторонних экономических интересов тех экономических субъектов, чьи действия противоречат интересам развития общества и принципам функционирования рыночной экономики.

Так, механизмы номенклатурной приватизации, частного присвоения значительной части природной ренты от добычи полезных ископаемых, механизмы освобождения от уголовной ответственности различного рода финансовых мошенников, послужившие несправедному переделу национального достояния в начале рыночных реформ, видоизменились, но в трансформированном и усеченном виде продолжают деформировать рыночное пространство, искажать и ослаблять стимулы эффективных агентов рынка, служить инструментами полуфеодалной эксплуатации всего населения кучкой олигархов и коррупционеров. Действие существующего экономического механизма несистемно, мозаично, противоречиво. Например, длительное использование возникшего еще в период гиперинфляции механизма ограничения внутренней инфляции посредством использования номинального якоря – привязки рубля к доллару и другим мировым валютам – привело к искусственному завышению курса рубля относительно паритета его покупательной способности, увеличению внутренних издержек производства экспортируемой продукции, к ограничению российского экспортного потенциала. И наоборот, завышенный курс рубля очень удобен для вывоза капитала олигархами, представителями теневого бизнеса в офшоры, для получения сверхприбылей российскими импортерами зарубежной продукции.

Приватизация объектов общенациональной инфраструктуры, либерализация ценообразования во всех без исключения сферах действия естественных и организационных монополий создали ситуацию, в которой никакие усилия федеральных и местных властей не в состоянии обуздать инфляцию издержек. Но при высокой инфляции номинальная кредитная процентная ставка оказывается чрезмерно высокой для того, чтобы обеспечить полномасштабное использование кредитных ресурсов для развития экономики. В соответствии с уравнением И. Фишера:

$$r_n = r_r + \pi_d,$$

где: r_n – номинальная процентная кредитная ставка, r_r – реальная процентная кредитная ставка, π_d – ожидаемые темпы инфляции.

Снижению процентной ставки препятствует устаревшая денежно-кредитная политика, сложившаяся также в период гиперинфляции, использующая ограничение денежной массы и высокие процентные ставки для снижения инфляции спроса. В ситуации, когда в стране уже длительное время доминирует инфляция издержек, такие методы борьбы с инфляцией на деле консервируют высокие процентные ставки, но существенно повлиять на темпы роста цен не могут. Ограничение роста денежной массы препятствует насыщению экономики деньгами, увеличению использования денежных ресурсов для краткосрочных и долгосрочных инвестиций. «Низкий уровень предложения денег в России поддерживает высокие процентные ставки за кредит» (Лантев, Филина, 2012. С. 31). Действия антимонопольного и финансовых ведомств в стране не согласованы. «Так, Банк России мотивирован на снижение инфляции, а федеральное правительство опережающим образом повышает регулируемые тарифы» (Глазьев, 2013. С. 5).

Высокие процентные ставки могут также отражать избыточный спрос на деньги: «Точно так же, как существуют функции избыточного спроса на товары, существуют и функции избыточного спроса на деньги, являющиеся посредниками обмена в нашей экономике» (Патинкин, 2004. С. 34). Высокие реальные процентные ставки характеризуют недостаток запаса денег для целей обмена.

Бюджетная политика по своему содержанию, несмотря на попытки осуществить реформу бюджетного процесса, остается затратной и консервативной. «России необходимы структурные реформы, а не наращивание бюджетных расходов и стимулирование за счет этого потребительского спроса» (*Финансы. С. 4*). Механизмы, способные осуществить гибкую переориентацию структуры бюджетных расходов на предпочтения населения, оказались не сформированными. Реформы социального сектора: сферы образования, здравоохранения, культуры оказались крайне непоследовательными и противоречивыми и в итоге – не способными создать предпосылки для воспроизводства конкурентоспособного и качественного человеческого капитала.

Рынок ценных бумаг, возникший первоначально как инструмент приватизации и передела собственности, ныне используется главным образом в стратегических целях: для приобретения контрольных пакетов акций либо для осуществления значительного влияния на деятельность предприятий. Значение же институтов рынка ценных бумаг для формирования ресурсов организаций для целей их развития совершенно не соответствует современным условиям ведения цивилизованного бизнеса. Финансовые и денежные рынки современной России не обладают достаточной гибкостью и мобильностью, чтобы эффективно выполнять свои ключевые функции: обеспечивать достаточно быстрое выравнивание условий приложения капитала (по соотношению доходности и риска) в разных отраслях и сферах экономики и на этой основе – формировать быстрое и гибкое перераспределение экономических ресурсов, изымая финансовые ресурсы из сфер недостаточно эффективного применения (ниже среднего уровня) и направляя их в сферы более эффективного применения (выше среднего уровня).

В настоящее время в России сложилась такая организация отраслевых и территориальных рынков, при которой, с одной стороны, стабильно и длительно существует множество сфер приложения капитала с доходностью существенно выше среднего уровня при относительно невысоком риске: это сферы энерго-сырьевого бизнеса, внешне-торговых операций, банковского бизнеса, торговых цепей, железнодорожных перевозок, электро-, газо- и водоснабжения, тепловых сетей и др. Причем, более высокая доходность в данных сферах связана отнюдь не с предпринимательством и инновациями. С другой стороны, существует множество сфер применения капитала с устойчиво низкой доходностью: сельское хозяйство, многие отрасли машиностроения, многие виды производства отечественной бытовой техники, телевизоров и др. Созданы многочисленные властные и монополистические барьеры для проникновения капитала из сфер менее прибыльного в сферы более прибыльного применения. Это препятствует формированию равновыгодных условий применения капитала в разных сферах экономики и делает относительно свободный капитал малочувствительным к возможностям получения прибыли выше обычного в результате предпринимательства и инноваций. Более того, во многих случаях отсутствует спрос на инновации.

Таким образом, можно констатировать, что сформировавшийся экономический механизм не обеспечивает эффективной реализации внутренних стимулов развития рыночной экономики, не нацелен на реализацию внутреннего потенциала экономического роста, на развитие предпринимательства и инноваций. Такой механизм не может обеспечить результативного и быстрого решения задач модернизации российской экономики, последующего перехода этой экономики в стадию инновационного развития. Нынешний политический строй России можно характеризовать как олигархию, власть богатых, согласно классификации Аристотеля (*Аристотель. С. 8*). Именно с этого строя Аристотель начинает свое повествование о развитии государственного устройства древних Афин. На смену олигархии приходит демократия, которая последовательно обеспечивает преимущественный доступ к власти представителям средних и беднейших имущественных классов. С этого момента начинается период восходящего развития афинской демократии.

Но точно так же реальное развитие дальнейших прогрессивных преобразований в обществе возможно только на основе обеспечения приоритета политического влияния на развитие экономики тех групп бизнеса и слоев общества, которые заинтересованы в адекватном функционировании рынка, частной собственности, конкуренции, в модернизации экономики и развитии инноваций: представителей перерабатывающих отраслей реального сектора экономики, банковских и иных финансовых структур, ориентированных на обслуживание потребностей развития реального сектора экономики. Напротив, представители естественных и энерго-сырьевых монополий, посреднических структур, связанных с импортом, крупных торговых сетей не заинтересованы в создании и развитии эффективного обрабатывающего сектора в России. Условиями развития этого сектора в России являются: внутренние ограничения цен и тарифов на товары и услуги естественных и организационных монополий (на электричество, топливо, бензин, телефон, газ, воду, отопление, железнодорожные и авиаперевозки и др.), замещение импорта собственным, более дешевым производством промежуточной продукции, развитие собственного производства машин и оборудования, высокотехнологичной продукции конечного потребления, значительные инвестиции в добычу и переработку сырья, развитие производственной, технологической, рыночной, финансовой инфраструктуры.

Реализация этих условий приведет к уменьшению прибыльности и доли в совокупной добавленной стоимости отраслей инфраструктуры, энерго-сырьевого и посреднического секторов. В целом при поддержке государства должны произойти такие изменения в структуре организации отраслевых рынков, которые превратят высокоэффективных производителей конечной продукции в интеграторов производства и услуг в рамках продуктовых комплексов производства готовых продуктов, контролирующих качество и издержки на всех стадиях производства, присваивающих основную или значительную долю прибыли на конечных стадиях производства.

Таким образом, для обеспечения успешной, результативной модернизации экономики и ее последующего перехода к инновационной модели развития необходимо произвести системные изменения в организации экономического механизма хозяйствования. Движущей социальной силой этих изменений должны стать при поддержке госу-

дарства предприниматели обрабатывающих секторов, производители конечной продукции, ориентированная на их обслуживание часть финансового сектора, высококвалифицированные наемные работники, занятые в управлении и инновационных процессах этих секторов, культурная интеллигенция и граждане, чье положение и преуспевание связано с прогрессом соответствующих секторов экономики.

Условиями развития модернизационных процессов, а на их основе – и все новых секторов экономики, занятых производством конкурентоспособной конечной продукции, являются:

- уменьшение удельных издержек на использование объектов инфраструктуры, а также на использование отечественного сырья – на основе участия государства в финансировании развития объектов инфраструктуры, стимулирования конкуренции и эффективной антимонопольной политики, что будет способствовать снижению инфляции издержек;
- развитие эффективных финансовых рынков на основе стимулирования массовых инвестиций в перерабатывающие производства, в производство машин и оборудования, а также на основе политики постепенного увеличения предложения денег, что в сочетании с ограничением инфляции издержек обеспечит снижение номинальной процентной ставки и увеличение спроса на инвестиции. При этом правила игры на финансовых рынках должны быть жесткими, но не должны произвольно меняться: «финансовые учреждения часто оказываются наиболее хрупким компонентом любого общества» (Лиетар, 2007. С. 63).
- формирование более четких и постоянных правил ведения бизнеса, оформления контрактов, более надежных способов защиты прав собственности всех участников рынка, что необходимо для уменьшения транзакционных издержек, внешних социальных издержек и повышения эффективности динамично развивающегося бизнеса;
- переход к осуществлению гибкой валютной политики, сочетающей относительно плавное долгосрочное снижение курса рубля до уровня паритета покупательной способности и оперативное сглаживание колебаний курса рубля в целях уменьшения внешнеторговых и предпринимательских рисков. Наряду со снижением текущих валютных рисков такая политика создаст необходимые условия для повышения конкурентоспособности отечественных производителей конечной продукции на внутренних и зарубежных рынках.

Каждое из названных условий внутренне связано с остальными, и ни одно из них не является самодостаточным для решения даже узкой частной задачи, связанной с соответствующими инструментами экономической политики. Для того чтобы формировать необходимые условия модернизации экономики и ее последующего перехода к инновационному развитию, целесообразно создать систему стратегического планирования и стратегического управления развитием экономики, которая позволит совершать изменения отдельных блоков экономического механизма согласованно и в определенной последовательности.

Предположим, что предпосылки для проведения денежно-кредитной политики, поддерживающей модернизацию, созданы: в виде реализации мер по ограничению инфляции издержек, уменьшения транзакционных издержек и внутренних издержек производства, выраженных в мировых валютах (в соответствии с курсом рубля, отражающим реальный паритет покупательной способности). Тогда возникнет проблема: как увеличить предложение денег для удовлетворения возросших потребностей экономики в дополнительных долгосрочных и краткосрочных инвестициях и при этом избежать всплеска инфляции, который повысит процентную ставку и снизит спрос на инвестиции? Если механически увеличить предложение денег, выпустив их дополнительное количество в обращение, это будет сопровождаться инфляцией. Деньги будут более или менее равномерно поступать во все каналы обращения. В тех сегментах обращения, в которых номинальный денежный спрос на товары или услуги будет превышать предложение товаров, произойдет увеличение цен. В тех сегментах, где, наоборот, номинальный спрос на товары (настоящие или будущие) будет меньше их предложения, сработает эффект храповика, цены не упадут. Поэтому при равномерном «впрыскивании» денег в сферу обращения будет развиваться инфляция: за счет тех сегментов обращения, в которых цены будут расти, средний индекс цен будет увеличиваться.

Если бы при увеличении предложения денег относительный избыток денег в некоторых сегментах мог свободно и беспрепятственно перетекать в иные сегменты, в которых ощущается недостаток денег, то инфляции удалось бы избежать в том случае, если бы совокупный номинальный спрос на товары и услуги был равен совокупному предложению товаров и услуг. Такое предположение было бы обоснованным, если бы финансовые и денежные рынки были достаточно гибкими и если бы транзакционные издержки, связанные с аккумуляцией и перераспределением денежных потоков, были близки к нулю. Однако, как мы уже видели ранее, гибкость денежных и финансовых рынков в России (т. е. их способность быстро аккумулировать временно свободные денежные средства и перераспределять финансовые ресурсы в пользу более выгодных вариантов их применения при самых незначительных различиях в степени выгодности этого применения) весьма ограничена. Транзакционные издержки, связанные с перераспределением денежных ресурсов, в силу высоких процентных ставок в России также велики.

Следовательно, поскольку перераспределение финансовых ресурсов в России затруднено, замедлено и связано с высокими издержками, дополнительная эмиссия денег, даже если дополнительный агрегированный спрос на деньги в целом соответствует их дополнительному предложению, будет приводить к инфляции в силу неодинаковой динамики увеличения спроса на деньги и несоответствия предложения товаров и услуг этой динамике в разных сегментах экономики. Уменьшить инфляционные эффекты от увеличения денежной массы (при условии, что дополнительный спрос на деньги соответствует дополнительному увеличению предложения товаров и услуг) можно, во-

первых, посредством уменьшения трансакционных издержек, связанных с перераспределением денег, и повышения гибкости денежных и финансовых рынков.

Во-вторых, уменьшения инфляционного эффекта можно добиться посредством совершенствования управления финансовыми потоками. Увеличение денежной массы может сопровождаться изменением структуры платежеспособного спроса на разные группы товаров, в том числе потребительских и инвестиционных, например, вследствие решения потребителей увеличить или, наоборот, уменьшить долю сбережений в своих доходах. Такое решение вызвало бы изменение соотношения цен на соответствующие группы товаров. «Но цены на разные производственные (инвестиционные – прим. Л.С.) блага не будут увеличиваться в одинаковой мере» (Хайек, 2008. С. 88). Если бы удалось не только таргетировать общий прирост денежной массы, приводя его в соответствие с приростом производимой общей массы товаров и услуг, но и достаточно точно прогнозировать прирост спроса на деньги в разрезе крупных сегментов рынка, балансируя его с приростом предложения товаров и услуг в соответствующих сегментах, это позволило бы существенно снизить инфляционные эффекты и не допустить существенного повышения процентных ставок вследствие увеличения денежного предложения. «Инфляция остановится только тогда, когда количество обращающихся денег будет удерживаться от слишком бурного роста» (Фридмен, 1999. С. 106). Однако это положение следует воспринимать не только как необходимость общего соответствия количества денег спросу на них, обусловленному товарной массой, но и в качестве итогового соответствия множества соотношений количеств денег и спроса на них в отдельных отраслях и сферах экономики.

Увеличение спроса на инвестиционных рынках имеет инерционный характер. Например, увеличение доли заемных источников по отношению к общей сумме оборотных активов сопровождается пропорциональным ростом объемов выпуска производимой продукции. Соответственно, увеличение доли заемных источников в общей сумме источников финансирования оборотных активов, когда оно связано с повышательной динамикой экономического роста, создает устойчивый дополнительный спрос на увеличение краткосрочных кредитных ресурсов. Банковская, а в широком смысле слова – вся кредитная система приобретает способность гибко реагировать на этот дополнительный денежный спрос в случае, когда отдельные институты кредитного рынка достаточно узко специализированы на краткосрочном кредитовании. Тогда Центральный банк может проводить политику планомерного расширения объемов кредитного рынка в разрезе его крупных сегментов, имеющих разную динамику роста.

Углубление специализации институтов кредитного рынка на предоставлении различного рода кредитно-финансовых услуг позволит сделать политику денежного стимулирования экономического роста более успешной. Например, специализация мелких и средних банков в регионах на краткосрочном и среднесрочном кредитовании при нормативном ограничении прочих операций позволит регулировать и направлять приток дополнительной денежной массы в реальный сектор экономики через систему рефинансирования этих банков Центральным Банком, не допуская утечек кредитных ресурсов на спекулятивные рынки валюты или иных финансовых инструментов. «Региональные банки показали себя достаточно эффективными даже в период глобального финансово-экономического кризиса» (Лаптев, 2013. С. 124). Центральному Банку следует обеспечить реальный контроль за целевым использованием кредитных ресурсов, выделенных в порядке рефинансирования реального сектора экономики, отдавая предпочтение банкам, специализирующимся на кредитовании и имеющим, помимо депозитных операций, минимум дополнительных функций. Целесообразно сосредоточить операции с иностранной валютой и ценными бумагами главным образом в специализированных финансовых институтах. Это уменьшит масштабы спекулятивной активности финансового сектора, будет способствовать углублению его ориентации на потребности реального сектора экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян / 3-е изд., испр. М.: Флинта: МПСИ, 2007.
- Глазьев С. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013–2014 гг.) // *Российский экономический журнал*. 2013. № 3.
- Патинкин Д. Деньги, процент и цены. Соединение теории денег и теории стоимости / Пер. с англ. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2004.
- Лаптев С.В. Проблемы структурной организации банковской системы в регионах // *Наука в Центральной России. Спецвыпуск*, апрель 2013.
- Лаптев С.В., Филина Ф.В. Финансово-кредитная политика как условие и фактор модернизации и перехода российской экономики к инновационной модели развития // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 4.
- Лиетар Б.А. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. М.: КРПА Олимп: АСТ: Астрель, 2007.
- Оптимизация бюджетных расходов – источник дополнительных инвестиций // *Финансы*. 2013. № 1.
- Фридмен М. Если бы деньги заговорили... / Пер. с англ. М.: Дело, 1999.
- Хайек Ф. Цены и производство / Пер. с англ. Челябинск: Социум, 2008.

REFERENCES

- Aristotle. Athenian polity. State system of Athenians / 3rd prod. correct, M.: Flint: MPSI, 2007.
- Glazev S. Again to alternative system of measures of the state policy of modernization and development of domestic economy (the offer for 2013–2014) // *the Russian economic magazine*. 2013, no. 3.

Patinkin D. Money, percent and prices. Connection of the theory of money and the cost / Lane theory with English M.: JSC Ekonomika Publishing House, 2004.

Laptev S.V. Problems of the structural organization of a banking system in regions. *Science in the Central Russia*. Special issue, April 2013.

Laptev S.V., Filina F.V. financial and credit policy as a condition and a factor of modernization and transition of the Russian economy to innovative model of development. *Terra Economicus*. 2012, vol. 10, no. 4.

Liyetar B.A. Future of money: new avenue to wealth, to full work and wiser world. M.: Olympe's KRPA: Nuclear heating plant: Astrel, 2007.

Optimization of the budgetary expenses – a source of additional investments. *Finance*, 2013, no. 1.

Fridmen M. If money exorcized ... / the Lane to English M.: Business, 1999.

Hayek F. The prices and the production / Lane about English Chelyabinsk: Society, 2008.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

СТУПАК Д.М.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и управление»,
Волжский Гуманитарный Институт (филиал) Волгоградского Государственного Университета, г. Волжский,
e-mail: dstupak@yandex.ru

Для формирования целостной системы инновационной деятельности в сельскохозяйственном производстве целесообразно иметь в ее структуре обоснованный механизм управления заинтересованностью в освоении инноваций. В условиях нестабильности социально-экономического состояния страны эта проблема пока не находит своего решения. Практический опыт и анализ механизмов стимулирования научной и инновационной деятельности в России и в зарубежных странах позволяют отметить, что экономическое стимулирование разработки новой научной продукции, ее освоения непосредственно в производственных условиях способствует не только сокращению сроков продвижения новых технологий, технических, химических и биологических средств в сельское хозяйство, но и ускорению интеграции науки и производства.

Ключевые слова: инновационная деятельность; рынок интеллектуальной собственности; технопарки; государственная поддержка.

PROMOTING ECONOMIC DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY IN AGRICULTURE

STUPAK D.M.,

PhD, associate professor at Department of «Economics and Management»,
Volzhskiy Institute of Humanities, the branch of Volgograd State University, Volzhskiy,
e-mail: dstupak@yandex.ru

For the formation of a coherent system of innovation in agricultural production is advisable to have in its structure reasonable control mechanism interested in mastering innovation. Given the instability of the socio-economic condition of the country, this problem has not yet found a solution. Practical experience and analysis of mechanisms to encourage research and innovation in Russia and in foreign countries allow to conclude that economic incentives for a new science products, its development directly in a production environment contributes not only shorten the promotion of new technologies, technical, chemical and biological agents in agriculture economy, but also accelerate the integration of science and production.

Keywords: innovative activities; intellectual property market; industrial parks; State support.

JEL classification: O31, O13, Q18.

Для успешного освоения достижений научно-технического прогресса и развития инновационной деятельности непосредственно на предприятии необходимы особые условия стимулирования этой деятельности. Формирование рынка объектов интеллектуальной собственности в сельском хозяйстве приводит к становлению рынка научной продукции, что, несомненно, повышает ответственность разработчиков за качество своего труда и создает заинтересованность в освоении научной продукции, в поиске потребителя.

В то же время сложившееся финансово-экономическое положение в сельскохозяйственных предприятиях, а они в основном убыточны (не преодолен диспаритет цен, качество продукции остается низким, проявляется диктат перерабатывающих предприятий, заготовителей сельскохозяйственной продукции), а также специфика ведения сельско-

го хозяйства, его экологические и природообразующие функции предполагают целевую поддержку инновационной деятельности.

В зарубежных странах научное и производственное обслуживание субсидируется за счет бюджетных средств и не входит в функции фермеров. В крупных сельскохозяйственных объединениях, как правило, вертикально-интегрированных, собственная инновационная деятельность финансируется также за счет бюджетных средств. То есть сельские товаропроизводители несут в основном технологические издержки. В ряде случаев уборочные процессы проводятся силами и средствами перерабатывающих предприятий, заинтересованных в своевременной поставке сырья установленного качества.

В России сложилась система селекционно-семеноводческого комплекса, где создаются, испытываются и размножаются сорта растений. В настоящее время государство вырабатывает налоговые и финансово-кредитные механизмы для стимулирования производителей и потребителей новых сортов. Для этого ведутся работы по информированию, консультированию и подготовке кадров в системе семеноводства. Однако по-прежнему связи производителей семян и сортов и потребителей сельских товаропроизводителей в большей степени ориентируются на рыночные механизмы, отсутствует взаимодействие непосредственно с потребителями. Возможно взаимодействие научных организаций, производящих новые сорта, непосредственно с предприятиями, располагающими в своей системе управления методами управления инновационной деятельностью, что позволит сократить сроки испытания сортов и передачи их потребителям.

Распространено мнение, что работа с селекционным материалом должна вестись в сфере частной собственности. Однако такой подход, особенно в сложившихся условиях переходного периода и нестабильности аграрной экономики, ограничит доступ сельских товаропроизводителей к новым сортам растений и пород животных.

Рынок научной продукции в аграрном секторе вполне правомерен, с его становлением освоение инноваций в сельскохозяйственном предприятии позволит приобретать сорта и породы, технологии, необходимые именно конкретному хозяйству с учетом его природно-климатических факторов и финансово-экономического состояния.

В зарубежных странах постиндустриального развития, особенно в США, активно стимулируется становление особого вида предпринимательства, в основу которого положена научно-инновационная деятельность. Главным носителем инновационного предпринимательства становится мелкий бизнес, в котором участвуют ученые, технологи, изобретатели и специалисты по освоению инноваций. Несмотря на более низкий уровень ресурсного обеспечения, мелкие фирмы по освоению инноваций имеют возможности для стимулирования инициативы, творчества, адаптации конкретных разработок к реальным природным и производственным условиям. В этом немалую роль играют специализированные структуры управления инновационной деятельностью на основе программного обеспечения и участия в реализации научных программ ученых и специалистов.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что в средних и мелких фирмах эффективность инновационной деятельности выше по сравнению с крупными научными учреждениями, где преобладают административные методы и слабая заинтересованность ученого в результатах своего труда.

Как показали исследования и обобщение зарубежного опыта, в мелких фирмах система управления ориентирована на инновационную деятельность, ее координацию и стимулирование. Особую значимость имеют организационно-управленческие преимущества, позволяющие ученым, участвующим в непосредственном производственном процессе, быстро адаптироваться к состоянию и потребностям рынка, природным факторам в сельском хозяйстве, контролировать производство и инновационную деятельность, преодолевать психологические барьеры в освоении инноваций.

В то же время мелкие и средние фирмы инновационной деятельности тесно связаны с крупными корпорациями, иногда могут выполнять их заказы, а также связаны с ведущими научными и образовательными учреждениями, которые поставляют на регулярной основе информацию о нововведениях, проводят переподготовку и подготовку кадров, оказывают различные научно-технические услуги. Такая интеграция научной и инновационной деятельности в отраслевом и межотраслевом масштабе позволяет более эффективно использовать инновации и сокращать время продвижения научной продукции в производство.

Необходимо отметить, что инновационный процесс и его связь с развивающимся научно-техническим прогрессом – неотъемлемые части обеспечения конкурентоспособности товаров и услуг на внутреннем и внешнем рынках.

Поддержка малых форм инновационной деятельности может выражаться в создании региональных технопарков, в которых осуществляется демонстрация нововведений, дается информация об эффективности их освоения, предоставляются различные виды научноконсультативных услуг. Технопарки являются своего рода связующим звеном между мелкими инновационными фирмами и крупными научными коллективами. Спонсорами технопарков становятся коммерческие организации, заинтересованные в использовании нововведений или в создании рынка научных разработок и услуг.

В сельском хозяйстве технопарки наиболее приемлемы при освоении технологий возделывания сельскохозяйственных культур в целях комплексной оценки и адаптации новых технологических процессов к условиям производства и дальнейшего тиражирования технологических проектов в сельскохозяйственные предприятия с однотипными природно-климатическими и производственными условиями, специализацией хозяйства.

При любых формах организации и стимулирования инновационной деятельности непосредственно в производственных условиях возникает необходимость координации и подпитывания научными идеями со

стороны крупных исследовательских организаций. Наиболее оптимальным вариантом является размещение мелких инновационных фирм, сельскохозяйственных предприятий, в системе управления которых сформированы управленческие структуры по освоению инноваций, и крупных научно-исследовательских организаций или лабораторий в однотипных природно-производственных условиях. В этом случае разработка и освоение инноваций получают синхронный характер, формируются в единый технологический процесс и действуют на принципах интеграции.

Мелкое инновационное предпринимательство в странах Западной Европы активно поддерживается государством. Эта поддержка заключается не только в предоставлении финансово-экономических льгот, но и в создании благоприятных экономических, правовых, организационных, психологических и иных условий, т. е. только комплексная поддержка будет способствовать установлению благоприятного эффективного инновационного климата. В этих целях применяются различные формы (программы, гранты), стимулирующие активизацию инновационного предпринимательства, причем на самой низкой его стадии – на стадии непосредственно инновационной деятельности на предприятии или в мелкой инновационной фирме.

Стимулирование может проводиться путем целенаправленного субсидирования за счет бюджетных средств через федеральные агентства и ведомства, а также путем стимулирования привлечения частного капитала к финансированию инновационной деятельности мелких фирм и предприятий через компании венчурного капитала, сформированного за счет средств собственников.

В аграрной сфере финансирование и стимулирование предпринимательской деятельности в научной сфере проводится за счет бюджетных средств через фонды органов государственного управления. В России сложилась порочная практика стимулирования инновационной деятельности. Действуют корпоративные интересы, отсутствует реальная связь с непосредственными потребителями научной продукции.

ЛИТЕРАТУРА

- Балабанов И. Т. (2001). Инновационный менеджмент. СПб: Изд-во «Питер».
- Вчерашний Р., Сухарев О. (2000). Инновации – инструмент экономического развития // *Инвестиции в России*. № 11. С. 22–32.
- Емельянов С.В. (2002). США: государственная политика стабилизации инновационной конкурентоспособности производителей // *Менеджмент в России и за рубежом*. № 3. С. 73–87.
- Кокурин Д.И. (2009). Инновационная деятельность. М.: Экзамен.
- Литвинова А.В. (2013) Роль и проблемы налогового стимулирования в реализации стратегии инновационного развития России / А.В. Литвинова, М.В. Парфенова // *Инновационный Вестник Регион*. № 2(32). С. 56–60.
- Логинова Е.В. (2010). Матричная структура национальной инновационной системы / Е.В. Логинова // *Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки*. № 3. С. 129–134.
- Логинова Е.В. (2011). Сетевая экономика как векторный императив модернизации современного российского общества / Е.В. Логинова. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 366 с.
- Морозов Ю.П. (2000). Технологические инновации и их роль в современных экономических условиях России // *Инновации*. № 1–2. С. 59–62.

REFERENCES

- Balabanov I.T. (2001). Innovation management. Saint-Petersburg: Piter Publishers. (In Russian.)
- Emilianov S.V. (2002). U.S. government policy of stabilizing innovation competitiveness of manufacturers. *Journal "Management in Russia and abroad"*, pp. 73–87. № 3. (In Russian.)
- Kokurin D.I. (2001). Innovative activities. Moscow: Exam Published. (In Russian.)
- Loginova E.V. (2010) Matrix structure of national innovative system. E.V. Loginova. *Messenger the North Ossetian state university of K.L. Khetaurov. Social sciences*, no. 3, pp. 129–134. (In Russian.)
- Loginova E.V. (2011) Network economy as vector imperative of upgrade of modern Russian society. E.V. Loginova. Volgograd: Publishing house VOLGA, 366 p. (In Russian.)
- Morozov Y.P. (2000). Technological innovations and their role in the current economic conditions in Russia. *Journal "Innovation"*, pp. 59–62, no. 1–2. (In Russian.)
- Vcherashiy R., Sukharev O. (2000). Innovation – an economic development tool. *Journal "Investments in Russia"*, pp. 22–32, no. 11. (In Russian.)

РЕЗЕРВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ ДЕПОЗИТОВ

ТАКУШИНОВА М.М.,

аспирант,

Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь,

e-mail: chotki@mail.ru

В настоящей статье проведена систематизация механизмов и источников финансирования систем страхования депозитов, обоснованы преимущества, недостатки каждого из них и перспективы применения в России. Достаточное внимание уделяется модернизации процесса установления ставок взносов на таком уровне, который будет обеспечивать удовлетворение финансовых потребностей системы страхования депозитов и стимулировать надлежащее управление рисками в банках. Аргументирована целесообразность внедрения в России дифференцированной системы осуществления взносов в фонд обязательного страхования вкладов, учитывающей различные виды рисков, и обозначены основные критерии, определяющие порядок разработки, организации и поэтапного совершенствования соответствующего механизма.

Ключевые слова: система страхования вкладов; банковская система; дифференцированная система взносов; единая ставка взносов; финансовая устойчивость кредитной организации.

RESERVES AND PROSPECTS FOR IMPROVING THE DEPOSIT INSURANCE SYSTEM

TAKUSHINOVA M.M.,

Postgraduate,

Stavropol State Agrarian University, Stavropol,

e-mail: chotki@mail.ru

In this paper, the systematization funding mechanisms and sources of deposit insurance systems substantiated advantages, disadvantages of each, and the prospects for their use in Russia. Sufficient attention is paid to the modernization process of setting contribution rates at a level that will provide for the financial needs of the deposit insurance system and encourage proper risk management in banks. We have also argued advisability introduction in Russia of a differentiated system of assessments of the risk to mandatory deposit insurance fund, and the main criteria to facilitate the development, organization and continuous improvement of such a mechanism.

Keywords: deposit insurance system; the banking system; the differentiated system of assessments; a single rate of contributions; the financial stability of the credit institution.

JEL classification: G21, G22.

В процессе создания большинства национальных систем страхования депозитов, как правило, предусматривается применение унифицированной ставки взносов. Это существенно облегчает разработку и внедрение соответствующих механизмов реализации. Однако с течением времени участники системы обеспечения финансовой стабильности нередко ставят перед системой страхования вкладов новую цель – стимулировать банки к тому, чтобы они не принимали на себя избыточных рисков, и сделать процесс взимания взносов более справедливым.

Впервые система дифференцированных страховых взносов была введена в 1993 г. в США Федеральной корпорацией страхования депозитов. С тех пор количество таких структур постоянно росло и в настоящее время их число составляет около 30 (более 30%). Среди стран, в которых действуют указанные системы, – Аргентина, Беларусь, Боливия, Канада, Сальвадор, Финляндия, Венгрия, Италия, Микронезия, Перу, Португалия, Румыния, Швеция, Тайвань, Турция, США и Уругвай.

Международная ассоциация страховщиков депозитов исходит из того, что дифференцированные взносы необязательно являются подходящими для всех систем страхования вкладов. Природа финансового посредничества, осуществляемого банками, делает измерение рисков и установление справедливого размера ставок взносов сложной задачей. Более того, трудно найти приемлемые и эффективные способы дифференцирования рисков, получать достоверную, последовательную и своевременную информацию, а также гарантировать, что критерии ранжирования банков транспарентны (Мельников, 2007).

Наиболее распространенным способом получения доходов страховщиком депозитов является взимание авансовых или фактических платежей с институтов-участников. Механизм их расчета и сбора должен быть строго регламентирован. Размер взноса определяется применением соответствующей ставки к расчетной базе, а ставка взносов – с учетом финансовых потребностей страховщика и способности участников финансировать систему. Разработчики политики должны определить состав расчетной базы и метод установления ставок. Взносы могут взиматься по единой ставке или с корректировкой на уровень риска.

Основой для определения размера взносов, уплачиваемых институтами-участниками в фонд системы страхования депозитов, является база для расчета взносов. Наличие составляющих расчетной базы зависит от уровня экспозиции к рискам системы страхования депозитов. Наиболее распространенной расчетной базой являются застрахованные и совокупные депозиты. Однако некоторые системы могут иметь и более широкую базу и включать все обязательства или принимать в расчет такие показатели, как необслуживаемые кредиты.

Под страхуемыми депозитами понимаются все вклады, относящиеся к категории защищаемых, включая суммы превышения установленного лимита страхового покрытия. Застрахованные депозиты – это сумма депозитов, которые защищены в пределах установленного страхового лимита. Расчет взносов на базе страхуемых депозитов означает, что взносы будут взиматься и с депозитов, которые не застрахованы. Термин «совокупные депозиты» еще более широкий, поскольку он охватывает некоторые категории депозитов, которые вообще не страхуются. Взимание взносов с застрахованных депозитов представляется более справедливым, но такой системой намного труднее управлять (Кузьменко, 2013).

При использовании подхода, предполагающего плоскую шкалу страховых взносов, все институты-участники уплачивают взносы по единой ставке, применяемой к расчетной базе. Такие системы проще для понимания и в управлении, они не принимают во внимание уровень рисков каждого отдельного банка для всей системы страхования депозитов. Однако главным ее недостатком является несправедливый подход к тем институтам, которые ведут консервативную или умеренную финансовую политику и фактически субсидируют более рискованные институты.

Системы с единой ставкой взносов в отсутствие корректирующих действий со стороны надзорных или регулирующих органов не стимулируют застрахованный финансовый институт к тому, чтобы он не занимался неоправданно рискованными видами деятельности, и ограничивают более разумно управляемые. Кроме того, при финансировании постфактум взносы, уплачиваемые по единой ставке, порождают несправедливое распределение страховых убытков между сохранившимися организациями. Если состояние капитала и рискованность поведения застрахованных финансовых институтов не контролируется надзорными органами, то система с единой ставкой может порождать некоторые нежелательные последствия и увеличивать подверженность финансовой системы рискам банкротства банков, снижения их инвестиционного потенциала (Кузьменко, 2007).

Альтернативой является система дифференцированных или корректируемых с учетом риска ставок взносов, при которой риск, которому подвергает страховщика депозитов, тот или иной институт-участник, инкорпорируется в ставку его взноса. Это стимулирует институты-участники к тому, чтобы придерживаться более разумного подхода к управлению рисками. Дифференцированные взносы являются более справедливыми, поскольку кросс-субсидирование одними институтами других снижается. Важным преимуществом систем взносов, корректируемых с учетом риска, является то, что менеджмент компании будет эффективнее заниматься вопросами управления рисками в случае, если ставка взносов увеличивается.

Недостатком дифференцированных систем взносов является то, что они более сложны в разработке и администрировании. Разработка достаточно разумной и приемлемой процедуры измерения профиля рисков может стать трудной задачей, а трансформация показателей рисков в различия в ставках взносов требует специальной квалификации и опыта. Система дифференцированных взносов требует больше ресурсов и является более дорогостоящей в плане администрирования. Разработка системы получения релевантной и достоверной информации требует организации обмена информацией между участниками системы поддержания финансовой стабильности, разработки методологии оценки профиля рисков и обеспечения своевременного раскрытия объективной информации.

Вопрос о введении дифференцированной шкалы подобных ставок поднимался в России руководителями крупнейших банков практически с начала введения системы страхования вкладов (ССВ).

Идею государственных кредитных учреждений о необходимости снижения размеров взносов поддерживают ряд крупных частных и иностранных дочерних банков. Сторонники идеи указывают на то, что фонд обладает достаточным запасом прочности для обслуживания обязательств в условиях возникновения страховых случаев. При этом стоит учитывать, что агентство получает доход от размещения средств фонда.

Ставка отчислений в Агентство страхования вкладов (АСВ) чрезвычайно высока. Однако, учитывая опыт банкротств российских банков, корректнее было бы не снижать размер этой ставки, а дифференцировать ее. Одновременно это устранило бы необходимость со стороны Центрального Банка административно ограничивать максимальную ставку по депозитам.

Настаивая на целесообразности введения дифференцированной шкалы взносов в фонд страхования вкладов, многие банкиры обращаются к зарубежной практике, в частности, к опыту США, где впервые была применена система дифференцированных страховых взносов.

Американская система страхования депозитов в течение последних 10 предкризисных лет минимизировала размер отчислений самых крупных американских банков в фонд страхования вкладов, т. е. учреждения с наивысшим рейтингом вообще не платили взносов. Однако кризис 2007–2008 гг. и череда крупных банкротств привели к тому, что фонд страхования депозитов стал функционировать в области отрицательных величин поступлений. В результате этого в 2010 г. FDIC пересмотрела систему взносов (Сошина, 2012).

Мы полагаем, что американский опыт необходимо учитывать в российской практике при переходе к системе дифференцированных взносов. Поскольку крупные банки несут большие системные риски, вероятность их банкротства может считаться меньшей в силу размера. Вместе с тем, последствия реализации этого риска могут оказаться для системы крайне негативными. В настоящее время в мире наметилась тенденция, которая, на наш взгляд, является обоснованной: повышаются требования к крупнейшим банкам, потому что изменение их устойчивости больше отражается на общей финансовой стабильности.

Крупные банки принимают избыточные риски, рассчитывая на государственные ресурсы в случае снижения их финансовой устойчивости. В случае предоставления им особых льготных условий уплаты взносов в фонд страхования вкладов они получают необоснованные конкурентные преимущества.

Ставка в данном случае отражает степень риска. Риск, в свою очередь, измеряется как объемом вкладов, так и кредитоспособностью финансово-кредитной организации. Совершенно справедливо будет поставить размер отчислений в фонд страхования вкладов в зависимость не только от объема депозитов, как в настоящее время, но и от уровня риска, который банк принимает на себя, т. е. фактически от уровня кредитоспособности.

В обзоре «Дифференцированные взносы в фонд страхования вкладов», который подготовило АСВ, уточняется, что «система дифференцированных взносов может быть введена только при условии, когда все участники системы обеспечения финансовой стабильности придут к мнению о достаточно высоком качестве отчетности банков» (Мельников, 2007).

В настоящее время Центральный банк ввел обязательное требование предоставления банками отчетности по МСФО. Согласно этому условию, необходимо проводить оценку финансовой устойчивости кредитной организации независимо от ее размера и на основании полученных результатов применять дифференцированную шкалу страховых взносов.

С учетом продолжающихся разногласий на финансовом рынке, наличие фонда страхования вкладов является важной составляющей частью финансовой стабильности. АСВ потребовалось пройти через несколько кризисов, прежде чем оно смогло убедить население в надежности российской банковской системы и в устойчивости крупнейших финансово-кредитных организаций. Несмотря на негибкость существующей системы страхования вкладов, она несет социальный эффект, который особенно ярко проявился в период финансового кризиса, когда объем вкладов населения продолжал расти, несмотря на несостоятельность многих кредитных организаций.

К основным критериям, способствующим успешной разработке, внедрению и постоянному совершенствованию систем дифференцированных страховых взносов можно отнести следующие:

1. Определение цели. Главными целями введения систем дифференцированных страховых взносов является стимулирование банков к отказу от принятия избыточного риска и обеспечение большей справедливости процесса взимания взносов, что, в конечном итоге, обеспечит стабильность и надежность банковской системы в целом.

2. Swot-анализ. Прежде чем создать систему дифференцированных страховых взносов важно провести swot-анализ состояния банковской системы, пруденциального надзора и регулирования, а также надежных режимов бухгалтерского учета и отчетности.

3. Подходы, используемые для дифференцирования рисков. При разработке систем дифференцированных страховых взносов главной проблемой является определение подходящего способа разделения банков по степени их рисков. Существует целый ряд концептуальных подходов, которые основываются на анализе как количественных, так и качественных показателей деятельности банка.

4. Для создания систем дифференцированных страховых взносов необходимо предоставить организации, управляющей функционированием системы страхования депозитов, полномочия, ресурсы и информацию, получаемую от банков или надзорного органа.

5. Категории взносов. Различные категории страховых взносов должны предусматривать значительную разницу в их ставках с тем, чтобы они стимулировали банки к уменьшению рисков (Мельников, 2007).

6. Установление ставок взносов. Ставки взносов, предусматриваемые для каждой из категорий риска, должны быть установлены на таком уровне, чтобы обеспечить удовлетворение финансовых потребностей системы страхования депозитов и стимулировать надлежащее управление рисками в банках.

Ставка взносов Банком России может быть изменена, если есть необходимость ограничить или увеличить внутреннюю ликвидность. На денежные средства, перечисленные на счета Центробанка России в счет исполнения нормы обязательного резервирования, проценты не начисляются. Инфляция в 6% ежегодно нивелирует около 0,255% от суммы привлекаемых депозитов. В этой связи мы предлагаем, во-первых, перераспределить не менее половины отчислений в Агентство по страхованию вкладов (АСВ) с депозитов на инвестиционный портфель банков, установив для каждого банковского актива дифференцированную ставку в зависимости от рискованности операций. Напри-

мер, уменьшить ставку с депозитов от 0,1% до 0,05% отчисляемых в АСВ, но ввести увеличенную ставку 0,1–0,15% на вложение в рискованные банковские операции, спекулятивные покупки на валютном рынке Forex, фондового рынка (в долговые государственные облигации и займы – больше, в акции производственного сектора при их первичном размещении – меньше), потребительское кредитование. И наоборот ввести пониженные ставки 0,025% на вложение в жилищное строительство и кредитование производственного сектора.

Во-вторых, ЦБ РФ должен ввести коэффициенты рискованности инвестиционных портфелей банков, которые увеличивают или уменьшают максимальный размер государственной страховки по банковским вкладам. Если в инвестиционном портфеле банка доля рискованных вложений (операций) минимальна, применяется минимальный коэффициент (0,5), увеличивающий в 2 раза размер государственной страховки по банковским вкладам с 700 тыс. руб. до 1,4 млн руб. И наоборот, если в инвестиционном портфеле банка доля рискованных вложений максимальна, применяется максимальный коэффициент (2,0), уменьшающий в 2 раза сумму государственной страховки по банковским вкладам (350 тыс. руб.). Банки должны указывать в описании вкладов для физических (юридических) лиц, какая максимальная страховка установлена ЦБ РФ.

В результате появится возможность повысить размер государственной страховки по банковским вкладам в 2 раза (до 1,5 млн руб.) в наиболее надежных банках. Будет снижена вероятность финансового кризиса за счет уменьшения вложений в рискованные банковские операции, а также увеличится финансирование производственного сектора экономики.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо разрешить коммерческим банкам размещать средства на счетах ЦБ РФ не только в рублях, но и в золоте и других благородных металлах. Это позволит уберечь зарезервированные средства от инфляции, а в случае роста цены на золото и металлы получить прибыль, своевременно изменив размещение на счете ЦБ с золота на рубли. К тому же, в случае возникновения финансового кризиса, валюты, как правило, теряют свою стоимость, а золото и другие металлы – увеличивают.

7. Для эффективного внедрения системы дифференцированных страховых взносов, прежде всего, необходимо предоставление Агентству по страхованию вкладов доступа к отчетности банков, направляемой ими в Банк России, но при условии гарантии соблюдения режима конфиденциальности. Это позволило бы эффективнее управлять ликвидностью фонда страхования вкладов, поскольку дало бы возможность более точно планировать потребность в средствах на выплаты возмещений.

Таким образом, для организации системы дифференцированных страховых взносов необходимо обосновать и учитывать следующий комплекс критериев (рис. 1).

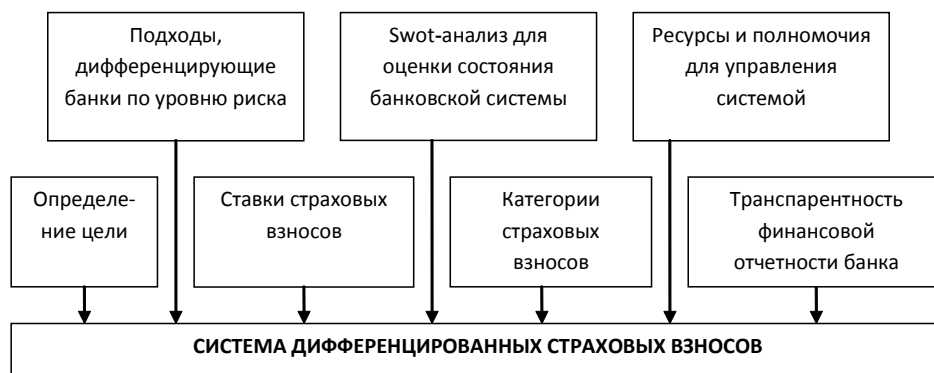

Рис. 1. Критерии реализации системы дифференцированных взносов банков в фонд обязательного страхования вкладов в РФ

Установление единой ставки взносов вне зависимости от рисков, ассоциирующихся с деятельностью каждого конкретного банка, может приводить к тому, что банки будут увеличивать степень риска своих портфелей активов, не неся дополнительных затрат по страхованию привлеченных ими депозитов, т. е. такая система может стимулировать банки к проведению более рискованной политики. Системы, в которых взносы, уплачиваемые банками, дифференцируются по степени риска, напротив, могут стимулировать проведение банками более взвешенной политики и повышение качества управления рисками. Вместе с тем, введение такой системы взносов представляется достаточно дорогостоящим, поскольку требует получения и обработки страховщиком депозитов значительного объема детальной информации о банках, разработки адекватных и приемлемых для всех сторон методик оценки рисков. При введении системы взносов, учитывающей риски, необходимо также оценить насколько может ухудшиться финансовое состояние банков, испытывающих определенные финансовые трудности, взимание повышенных взносов.

При создании системы дифференцированных взносов банков в фонд обязательного страхования вкладов в Российской Федерации необходимо устроить, чтобы такая система стимулировала банки к более консервативному с точки зрения рисков поведению; базировалась на информации о деятельности банков, которая содержится в официальной отчетности или формируется при осуществлении банковского надзора; обеспечивала покрытие потребностей системы страхования вкладов в финансовых ресурсах, необходимых для своевременного осуществления страховых выплат.

Главная цель совершенствования системы страхования вкладов, на наш взгляд, состоит в том, чтобы быть действительно востребованным инструментом внутренней политики государства – социально-экономической и финансовой, полезным и пользующимся доверием общества защитником прав и интересов вкладчиков и кредиторов банков, действенным стабилизирующим элементом российской банковской системы.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьменко В.В., Кайванов А.В. (2013). Критерии реализации в России системы дифференцированных взносов в фонд страхования депозитов // *Вестник Адыгейского государственного университета*. № 1. С. 27–32.

Кузьменко В.В., Милованова Е.А., Кузьменко Т.В. (2007). Инвестиционная привлекательность в системе региональной экономической политики // *Региональная экономика*. № 2. С. 16–18.

Мельников А.Г. (2007). Дифференцированные взносы в фонд страхования вкладов // *Деньги и кредит*. № 12. С. 51–59.

Сошина В.А. (2012). Хрустальная мечта «слонов» и «китов» // *Национальный банковский журнал*. № 2. С. 7–11.

REFERENCES

Kuzmenko V.V., Kayvanov A.V. (2013). Performance criteria in the Russian system of differentiated contributions to the Deposit Insurance Fund. *Herald Adyghe State University*, № 1, pp. 27–32. (In Russian.)

Kuzmenko V.V., Milovanova E.A., Kuzmenko T.V. (2007). Investment attractiveness of the system of regional economic policy. *Regional Economy*, no. 2, pp. 16–18. (In Russian.)

Melnikov A.G. (2007). Differentiated contributions to the Deposit Insurance Fund. *Money and Credit*, no. 12, pp. 51–59. (In Russian.)

Soshina V.A. (2012). Crystal Dream “elephants” and “whales”. *National Banking Journal*, no. 2, pp. 7–11. (In Russian.)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

АРЕТОВА Е.В.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар,
e-mail: aev-econ@list.ru;

ЛИТВИНСКИЙ К.О.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар,
e-mail: litvinsky@econ.kubsu.ru

В данной статье выделяются и описываются характерные особенности формирования государственно-частного партнерства в инновационной сфере в России. Определены основные формы данного партнерства, применение которых возможно в условиях современной отечественной экономики. Обозначен ряд проблем, препятствующих успешной реализации инновационных социально значимых проектов с помощью ГЧП. В заключении статьи представлены рекомендации по повышению эффективности взаимодействия участников ГЧП.

Ключевые слова: инновационная политика; государственно-частное партнерство; формы взаимодействия государства и бизнеса; концессионные модели ГЧП; венчурные фонды.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN RUSSIA: CURRENT PROBLEMS AND PROSPECTS

ARETOVA E.V.,

PhD, associate professor of chair «World Economy and Management»,
Kuban State University, Krasnodar,
e-mail: aev-econ@list.ru;

LITVINSKY K.O.,

PhD, associate professor of chair «World Economy and Management»,
Kuban State University, Krasnodar,
e-mail: litvinsky@econ.kubsu.ru

The article highlights and describes the characteristic features of public-private partnership forming in Russian innovation sphere. The basic partnership forms which are applicable in today's domestic economy are defined. A number of obstacles to the successful implementation of innovative social projects through PPP are identified. In conclusion, the article provides recommendations aimed to improve the efficiency of interaction between participants of PPP.

Keywords: innovation policy; public-private partnership; the forms of interaction between government and business; concession models of PPP; venture funds.

JEL classification: H54; H81; H82; K11; O3; O31; O33; O38.

На сегодняшний день одним из факторов, определяющих уровень развития государства, является степень инновационной активности хозяйствующих субъектов. Формирование государством основных целей, принципов и приоритетов политики – обязательное условие повышения эффективности инновационной деятельности. Конку-

рентоспособное развитие хозяйственной системы предполагает поддержание в динамике эффективного контроля процесса реализации стратегических приоритетов государственной политики.

С помощью проведения инновационной политики государство осуществляет поддержку инновационной деятельности. Инновационная политика, представляющая политико-экономическую направленность инновационной деятельности, призвана создавать необходимые условия для ее успешной реализации.

Инновационные приоритеты, определяемые государством в соответствии с нуждами национального хозяйства, требуют корректировки в условиях современного научно-технического прогресса и динамичных изменений в сфере международной торговли.

Реализация крупномасштабных инновационных проектов в социальной сфере (здравоохранение, образование, ЖКХ, транспорт и т. п.) бывает затруднительна. Это обуславливается тем, что мегапроекты в данной области, как правило, характеризуются очень высокими финансовыми затратами, не менее высокой степенью риска, долгосрочной окупаемостью или вообще отсутствием экономических выгод для участников. В этом случае, очевидно, что для осуществления таких проектов эффективное взаимодействие между государством и бизнесом необходимо.

Одним из известных вариантов такого сотрудничества является государственно-частное партнерство (далее – ГЧП), активно используемое в развитых странах. Формы такого взаимодействия различны. Во-первых, это формы партнерств, представляющих различные варианты контрактной системы (контракты на выполнение работ и оказание общественных услуг, поставка продукции для государственных нужд, контракты технической помощи, контракты на управление, лизинг), во-вторых, – концессии и близкие к ней формы, также совместные предприятия имеют множество типов в зависимости от степени участия государства, организационных форм и т. п. Применение ГЧП позволяет решать ряд задач, связанных с повышением уровня социально-экономического развития отдельных регионов и государства в целом, путем увеличения инвестиций в объекты инфраструктуры из внебюджетных источников, а привлечение частного капитала обеспечивает рост эффективности использования бюджетных средств (Варнавский, 2005).

В России экономические агенты очень часто воспринимают ГЧП как способ получения дополнительных инвестиций, не участвуя при этом в корректировке программ исследований, это объясняется отсутствием мотивации у представителей промышленности и неверной трактовкой сути государственно-частных партнерств. Такая позиция значительно усложняет увеличение распространения и применения ГЧП в сфере инноваций.

Самая развитая и широко используемая форма ГЧП – это концессии. Основными ее преимуществами для государства являются возможность сохранить за собой право распоряжения собственностью и наличие законодательно закрепленных способов воздействия на концессионера в случае необходимости; для бизнеса одним из плюсов служит долгосрочность концессии и высокая степень либерализма в области принятия управленческих решений (Зусман, Аракелян, 2011).

Учитывая особенности становления отечественной экономики, развития института частной собственности, нужно отметить, что для России наиболее характерно использование концессионных моделей, а именно, применение модели BOT (Build Operate Transfer) – Строительство Управление Передача. В рамках данного вида партнерства объект инфраструктуры создается за счет коммерческой структуры, которая по окончании строительства вводит объект в эксплуатацию и от этого получает возможность вернуть вложенные средства. Но после окупаемости затрат объект возвращается в пользование государству (PPP Bulletin International, 2010). Однако сделать полноценные и объективные выводы об эффективности применения данной модели крайне затруднительно, поскольку на сегодняшний день отсутствует информация о полностью завершеном проекте в формате ГЧП.

Наша страна обладает значительным потенциалом ГЧП в различных отраслях экономики и сферах хозяйственной деятельности. Многообразие форм партнерства позволяет решать проблемы в области повышения эффективности социальной и производственной сферы, а также коммунального хозяйства.

Венчурные фонды и технопарки, в которых государство принимает непосредственное участие, также формируются и образуют еще один вид ГЧП. В РФ с целью развития венчурной индустрии был создан ряд государственных проектов. Прежде всего, это образование «фонда фондов» и венчурного фонда в сфере ИКТ, который базируется на тех же принципах деятельности. Для этого было учреждено ОАО «Российская венчурная компания» (РВК), где государство владеет стопроцентным пакетом акций. РВК на конкурсной основе выбирает управляющие компании, а также приобретает паи закрытых паевых инвестиционных фондов (венчурных фондов). Предполагается, что венчурные фонды инвестируют не менее 4/5 своих средств в основном в начальные стадии развития проектов («seed», «start-up»). При этом фонды могут также участвовать в финансировании «зрелых» стадий развития проектов вне зависимости от будущего объема продаж. Сегодня в этой области работает достаточное количество венчурных фондов, таких как Венчурный фонд ABRT, Accel Partners, Access Industries (Блаватник), AddVenture, Almaz Capital, Araxys Ventures, Atom Partners, Dekarta Capital, DFJ VTB Aurora и др., готовых оказать поддержку на разных этапах развития проекта (Центр инновационного развития Москвы).

Следует отметить, что участие государства в сфере венчурной индустрии зиждется на принципе доверия, основываясь на котором частные компании получают право на принятие стратегических решений. Создание таких фондов инициирует образование инновационной инфраструктуры. Также с помощью ГЧП могут быть решены проблемы формирования инфраструктурного комплекса, связанные с нехваткой бюджетных средств, как на федеральном, так и на региональном уровне. В рамках ГЧП возможно увеличение финансовых вливаний в объекты инфраструктуры за счет дохода от их эксплуатации и от высвобождения дополнительных ресурсов при повышении

показателей эффективности использования данных объектов. Структура финансирования проектов по средствам ГЧП позволяет перераспределять выделяемые средства на долгосрочный период, тем самым увеличивая приток инвестиций в инфраструктуру (Власов, 2000).

Зарубежные инвестиции, отечественные фонды и государственные банки, а также совместный бюджет сегодня представляют собой наиболее популярные источники финансирования проектов, осуществляемых в рамках ГЧП. Такой способ аккумуляции капитала как создание совместного капитала основывается на консолидации средств, получаемых от фондов, коммерческого, банковского и личного капитала. В этой связи, поддержка со стороны государства в области мотивации коммерческих финансовых институтов на оказание помощи в кредитовании проектов, выполняемых в форме ГЧП необходима (KPMG, 2010).

Также важным вопросом является контроль и управление рисками, возникающими при осуществлении инвестиционных проектов, отличающихся крупными капитальными вложениями. К их числу относятся риски, связанные с эксплуатацией объектов, с изменениями процентных ставок, инфляцией, условий налогообложения, а также с изменениями в политической, социальной и законодательной сферах, что особенно актуально для нашей страны. Привлечение сторонних консультантов позволит более точно и объективно оценить и предопределить состав рисков для конкретного проекта (Министерство экономического развития РФ, 2013).

Говоря о барьерах, препятствующих развитию ГЧП в России, на первый план выходят проблемы, связанные с законодательной базой. На сегодняшний день отношения хозяйствующих субъектов в этой области регулируются Законом о концессиях, отдельными нормативными актами, постановлениями и указами. Само понятие государственно-частного партнерства в правовых документах не определено. Дефицит правовой базы, обеспечивающей полноценную защиту интересов участников, порождает недоверие между ними, что является серьезным препятствием для эффективного взаимодействия партнеров (НПФ «Экспертный институт», 2010).

Формируя правовую основу в сфере ГЧП, необходимо четкое определение правил участия каждой из сторон в данном альянсе, их обязанностей, возможных вариантов решения разногласий, способов разделения рисков.

Необходимость закона о государственной собственности обусловлена ресурсно-сырьевой направленностью российской экономики и присутствием на рынке естественных монополий. Такая форма ГЧП, как концессии, трудно реализуема в данных условиях. Пробелы в законодательстве в области управления государственной собственностью и определения государственных объектов, не подлежащих приватизации, приводит к повышению уровня коррупции и образованию частных монополий, что отрицательно сказывается на всех хозяйствующих субъектах и обществе (Жилье Ле Шательер, 2011).

Четко регламентированное законом разделение прав владения, пользования и распоряжения между государством и бизнесом позволит увеличить приток отечественных и иностранных инвестиций в объекты государственной собственности, а также будет способствовать минимизации рисков посредством обеспечения возвращения частного инвестированного капитала.

Оптимистичная модель функционирования ГЧП должна располагать к развитию продуктивного диалога между бизнесом и государством, выстраивая взаимовыгодные отношения, позволяющие реализовывать совместные проекты в условиях недостаточности бюджетного финансирования и неустойчивости финансовых рынков в настоящее время. В данной ситуации распространение ГЧП в различных областях повлекло бы за собой положительный экономический эффект. На сегодняшний день привлекательность крупных проектов для представителей бизнеса измеряется, в первую очередь, размером финансовых выгод. Поэтому первоочередной задачей государства должно стать стимулирование мотивации частных компаний на участие в крупно-бюджетных проектах, имеющих социальную и научную значимость, путем обеспечения коммерческой привлекательности вложений для бизнеса (European Investment Bank, 2011).

Однако, в настоящее время, существует ряд труднопреодолимых проблем, которые препятствуют эффективному развитию ГЧП в России. Чаще всего это невозможность запуска проекта из-за жестких требований со стороны власти, не обусловленных достаточным уровнем экономических выгод для потенциальных инвесторов (The World Bank, 2012). Также важной задачей является снижение уровня коррупции в тендерной системе отбора партнеров. Поскольку на сегодняшний день коррумпированность государственных менеджеров и бюрократические барьеры приводят к развитию мошенничества, умышленному завышению затрат, несоблюдению норм проекта, заключению несуществующих сделок, снижению качества выполнения работ. Примером такого ведения дел в формате ГЧП могут служить первоначальные этапы подготовки Олимпиады-2014 в Сочи, которые были обнародованы в СМИ. В сложном положении находятся и представители науки, для которых финансовый аспект и равноправное участие в реализации крупных высокотехнологичных проектов очень весомы. Научная сфера также заинтересована в получении коммерческого бонуса, поскольку проблема нехватки финансирования этой сферы и отсутствие точек пересечения интересов с государством и бизнесом остается актуальной по сей день. А без участия научного мира претворение в жизнь инновационного проекта невозможно.

Недостаточно высокий уровень квалификации, профессионализма и компетентности участников ГЧП представляет еще одну сложность для успешного и продуктивного развития отношений государства и бизнеса в данном формате. Существующая сегодня модель вузовского образования в России не дает тех прикладных навыков, в которых заинтересованы крупные компании, что приводит к необходимости переучивания и/или «доучивания» молодых специалистов. Очень важным является участие специалистов практиков в процессе обучения, так как одной теоретической подготовки для успешной реализации своих знаний и умений недостаточно. Несмотря на

формирование и реализацию различных программ в сфере образования, проводимых локально (совмещение технических и гуманитарных специальностей, программы подготовки инновационных менеджеров, открытие на факультетах таких направлений, как инноватика, инвестиционное управление), достигнуть желаемых результатов в области подготовки кадров, соответствующих всем требованиям бизнеса и государства, сложно без формирования единой системы в этой сфере. Все перечисленное выше опять возвращает нас к проблеме отсутствия конструктивного диалога между государством и бизнесом. Участие в решение этой проблемы принимают различные организации (Институт экономики РАН, такие специализированные консалтинговые компании, как Vegas Lex и Capital Legal Services, и др.) путем формирования учебно-методической базы по вопросам ГЧП. Однако проводимых мер недостаточно для создания эффективной институциональной системы подготовки высококвалифицированных и профессиональных кадров.

Делая выводы, можно отметить, что, учитывая все негативные моменты, препятствующие эффективному развитию ГЧП в России, для поддержания дальнейшего становления механизмов партнерства такого вида, необходимо:

- сформировать нормативную базу, четко определяющую понятие ГЧП, а также обязанности и области ответственности его участников;
- разработать единую программу подготовки квалифицированных специалистов, знания и навыки которых будут отвечать современным требованиям бизнеса;
- обеспечить осуществление качественного контроля за реализацией социально-значимых проектов;
- развивать новые, еще не освоенные формы ГЧП;
- создать условия для эффективного взаимодействия государства, бизнеса, науки и общества.

Выполнение данных рекомендаций является прерогативой государства, поскольку в настоящее время в России во взаимоотношениях государства и бизнеса определяющую роль играет власть, в обязанности которой входит обеспечение устойчивости макроэкономических показателей, соблюдение принципа открытости информации системы поддержки частного сектора.

Чтобы избежать превращения государственно-частного партнерства в один из видов дополнительного налогообложения бизнеса, необходимо предотвратить формирование жестких моделей сотрудничества, поскольку такие варианты партнерств будут создавать серьезные барьеры во взаимоотношениях участвующих сторон и негативно отражаться на росте доверия между ними. А эффективная инновационная деятельность, как известно, невозможна при отсутствии связей между ее субъектами.

ЛИТЕРАТУРА

- Барьеры развития механизма ГЧП в России (2010). М.: НПФ «Экспертный институт».
- Варнацкий В. (2005). Партнерство государства и частного сектора. М.
- Власов А. (2000). Малое предпринимательство и прямые инвестиции в России – Венчурный капитал и прямое инвестирование в России. СПб.
- Жиль Ле Шателье. (2011). Новости государственно-частного партнерства в России // *Право и инвестиции*. № 3–4(48).
- Зусман Е., Аракелян К. (2011). Новые механизмы государственно-частного партнерства в России (контракты жизненного цикла) // *Экономическая теория. Анализ. Практика*. № 4.
- Исследование о юридических и финансовых ограничениях ГЧП в странах партнерах Средиземноморья (2011). Возможности для инвестиций и партнерства Евро-Средиземноморья (FEMIP). Европейский инвестиционный банк. Доступно на: <http://www.eib.org>.
- Обзор препятствий для конкуренции и эффективности в закупках проектов ГЧП (2010). Закупки ГЧП КРМГ Корпоративные финансы (Авст) Pty 000. Доступно на: <http://www.kpmg.com>.
- Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации (2013). М.: Министерство экономического развития РФ.
- Справочное руководство по ГЧП (2012). Международный банк реконструкции и развития Международной ассоциации развития или Всемирный банк. Доступно на: <http://www.ppiaf.org>.
- Центр инновационного развития Москвы: официальный сайт. Доступно на: <http://inno.msk.ru>.
- Что такое государственно-частное партнерство? (2012). Международный вестник ГЧП 2010. Доступно на: <http://www.pppbulletin.com>.

REFERENCES

- Barriers of development of PPP in Russia (2010). M. NPF "The Expert Institute". (In Russian.)
- Gilles Le Chatelier. (2011). News of public-private partnership in Russia. *Law and investment*, no. 3–4(48). (In Russian.)
- Innovation Development Center of Moscow. Available at: <http://inno.msk.ru>. (In Russian.)
- Public-Private Reference Guide (2012). International Bank for Reconstruction and Development International Development Association or The World Bank. Available at: <http://www.ppiaf.org>. (In Russian.)
- Recommendations for the implementation of public-private partnership in the Russian Federation (2013). Moscow: Ministry of Economic Development. (In Russian.)
- Review of Barriers to Competition and Efficiency in the Procurement of PPP Projects (2010). PPP Procurement KPMG Corporate Finance (Aust) Pty Ltd. Available at: <http://www.kpmg.com>. (In Russian.)

Study on PPP Legal & Financial Frameworks in the Mediterranean Partner Countries (2011). Facility for Euro-Mediterranean Investment and Partnership (FEMIP). European Investment Bank. Available at: <http://www.eib.org>. (In Russian.)

Varnavskiy B. (2005). Partnership of State and private sector. Moscow. (In Russian.)

Vlasov A. (2000). Small business and direct investment in Russia – Venture capital and direct investment in Russia. St. Petersburg. (In Russian.)

What is a Public Private Partnership? (2012). PPP Bulletin International 2010. Available at: <http://www.pppbulletin.com>. (In Russian.)

Zussman E., Arakelyan K. (January 2011). New public-private partnership in Russia (contract lifecycle). *Economic Theory. Analysis. Practice*, no. 4. (In Russian.)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОГРАНИЧЕННОСТИ ЗАПАСОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

ШЕВЕЛЕВА А.В.,

доцент кафедры управления внешнеэкономической деятельностью,
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет),
МИД России, г. Москва,
e-mail: a_sheveleva@rambler.ru

В статье обоснована необходимость трансформации эколого-экономической политики предприятий нефтегазового комплекса с учетом возникающей стратегической ограниченности запасов сырьевых ресурсов нефти и газа, предложены основные направления такой трансформации и осуществлен анализ реализуемых основными крупными предприятиями мер в области охраны окружающей среды и их результативности в контексте предложенных направлений трансформации их эколого-экономической политики.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; эколого-экономическая политика; показатели экологически устойчивого развития; предприятия нефтегазового комплекса.

TRANSFORMATION OF ECOLOGICAL-ECONOMIC POLICY OF THE OIL AND GAS SECTOR IN TERMS OF STRATEGIC ENERGY RESOURCES LIMITED

SHEVELEVA A.V.,

Associate professor at the Regulation of foreign economic activity department
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
MID Russia, Moscow,
e-mail: a_sheveleva@rambler.ru

In the article the necessity of transformation of ecological-economic policy of the oil and gas sector, taking into account the emerging strategic commodity reserves limited resources of oil and gas are the main destinations of this transformation are analyzed and implemented major large enterprises of measures for the protection of the environment and their impact in the context of the proposed directions for the transformation of their environmental and economic policies.

Keywords: environmental protection; ecological-economic policy indicators of environmentally sustainable development; oil and gas companies.

JEL classification: O13, Q57.

В последние десятилетия антропогенное воздействие на окружающую среду ощущается особенно остро и носит глобальный характер. Глобальные экологические угрозы способны привести к всеобщему экологическому, а впоследствии и экономическому коллапсу. Предприятия нефтегазового комплекса являются одним из наиболее масштабных носителей современной негативной антропогенной нагрузки на окружающую среду, которая проявляется как в высоком уровне эмиссии загрязняющих веществ, так и в высоких объемах извлечения природных ресурсов из недр.

Сложная заменяемость энергетических сырьевых ресурсов в потребностях экономических производственных систем стран и регионов, при ограниченности их стратегических запасов требует от государства и предприятий

разработки и реализации целостной отраслевой эколого-экономической политики. Еще до недавнего времени в основе такой политики лежали два основных направления – снижение эмиссии (потока) загрязнения в окружающую среду и снижение потерь ресурсов при их добыче и транспортировке. Однако на современном этапе эти два направления преобразовались.

Во-первых, полученный в прошлые десятилетия опыт регулирования и стимулирования снижения загрязнения привел к пониманию того, что самый эффективный способ для достижения этого – инвестиции во внедрение в производственный процесс экологически чистых технологий, обеспечивающих меньший поток загрязнения «на выходе» производственной системы, а также рециклинг ресурсов (например, используемой воды). Такой подход позволяет снизить поток выбрасываемых в окружающую среду загрязняющих веществ за счет более глубокой переработки ресурсов в процессе производства, в отличие от строительства очистных сооружений, которые просто предотвращают их попадание в окружающую среду, но не решают проблему дальнейшей утилизации. В связи с этим первая из перечисленных ранее задач трансформируется в необходимость предотвращения сбросов/выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду на основе наилучших доступных технологий, т. е. с учетом современных технологических достижений.

Во-вторых, снижения потерь ресурсов при их добыче и транспортировке недостаточно для экономии энергетических ресурсов на уровне национальных и региональных производственных систем, так как это обеспечивает экономию только внутри системы связей предприятий нефтегазового комплекса. С точки зрения критериев устойчивого развития территориальных экономических систем, необходима экономия не только в производственно-энергетическом, но и в энергопотребительском секторе. Это требует соответствия технологий, используемых в добывающей и перерабатывающей энергетических секторах, технологиям экономии энергии в потребительском секторе. В связи с этим эколого-экономические стратегии развития предприятий нефтегазового комплекса и самой нефтегазовой отрасли должны быть согласованы с энергетическими стратегиями развития регионов и страны в целом. Таким образом, второе из ранее названных направлений преобразуется в повышение эффективности использования добываемых энергетических ресурсов в процессе их добычи, переработки и потребления в территориальных экономических системах.

Кроме того, сегодня уже можно говорить о том, что предшествующая активная добыча нефти и газа привела к появлению эффекта так называемого «накопленного экологического ущерба», который проявляется в формировании значительных по площадям территорий, испытывающих на себе сегодня негативные последствия от имевшей место добывающей деятельности. Эти последствия не могли быть ликвидированы за счет ассимилятивных способностей экосистем и привели как к деградации ее основных функций и качества других природных ресурсов данных территорий, так и к негативным последствиям для здоровья и уровня жизни проживающего там населения. В связи с этим к вышеуказанным первым двум направлениям, требующим внимания в рамках реализации стратегий эколого-экономического развития предприятий нефтегазового комплекса, добавляется еще одно – ликвидация последствий уже накопленного экологического ущерба.

Помимо уже названных направлений, на наш взгляд, в обозримом будущем необычайно актуальной станет еще одна глобальная проблема – ограниченности запасов основных сырьевых энергетических ресурсов и их удорожания в связи с истощением наиболее экономически выгодных месторождений. Хотя относительно газа и нефти у России в целом достаточно благоприятные прогнозы в этом плане (по разным оценкам, разведанных запасов хватит от 200 лет и более), конъюнктура мирового рынка энергоресурсов показывает их удорожание и сокращение запасов основных мест добычи. Кроме того, ряд стран и российских регионов уже столкнулись с исчерпанием месторождений энергоресурсов (например, Германия, а из российских регионов – Ростовская область (уголь), Краснодарский край (нефть)). Это позволяет прогнозировать аналогичную проблему по нефти и газу в отдаленном будущем, что приведет к обострению проблемы обеспечения энергетической безопасности страны. Многие развитые государства уже сегодня пытаются развивать альтернативные виды энергетики, чтобы снизить зависимость своих экономик от внешних энергетических ресурсов. Это может привести к кризису энергетических рынков страны в глобальном масштабе. В связи с этим требуется еще один приоритет реализуемой уже сегодня эколого-экономической стратегии их развития – исследования в области альтернативной энергетики, имеющие своей целью масштабную переориентацию в будущем в случае нефтяного кризиса на новые альтернативные энергетические рынки.

От решения всех этих задач будет зависеть долгосрочная стратегическая эколого-экономическая устойчивость как самих предприятий нефтегазового комплекса, энергетического сектора, так и страны и регионов в целом. Решение всех этих проблем возможно только путем разработки целостной отраслевой стратегии эколого-экономического устойчивого развития предприятий нефтегазового комплекса, учитывающей все вышеперечисленные приоритеты.

Для проведения эффективной эколого-экономической политики необходим широкий спектр применяемых мер: эффективное государственное природоохранное регулирование (включая директивные инструменты) в совокупности с экономическими инструментами стимулирования экологически чистого производства, а также инструменты экологического регулирования самих компаний как основных потребителей природных ресурсов и «загрязнителей» окружающей среды.

В настоящее время можно говорить о том, что такой целостной стратегии в России и регионах нет. Крупные компании нефтегазового комплекса реализуют собственные экологические программы, однако их нельзя назвать

согласованными друг с другом или с какой бы то ни было отраслевой политикой. В данной статье сделана попытка проанализировать существующие инструменты эколого-экономической политики основных крупных игроков нефтегазовой отрасли (ОАО «Газпром», Лукойл и Роснефть) в контексте вышеназванных приоритетов.

В настоящее время экологическая политика, выражающая позицию компаний по отношению к окружающей природной среде и реализации принципов устойчивого развития в современных условиях, является основой для определения их экологических стратегий, целевого планирования деятельности в сфере экологии на краткосрочный и среднесрочный период (ОАО Газпром. Данные...).

В частности, в целях обеспечения комплексного подхода и координации деятельности структурных подразделений ОАО «Газпром» в области охраны окружающей среды в октябре 2007 г. создан постоянно действующий Координационный комитет ОАО «Газпром» по вопросам охраны окружающей среды. ОАО «Газпром» стало одной из первых в России компаний, принявших в 1995 г. политику в области охраны окружающей среды. Отвечая возросшим требованиям к охране окружающей среды, компания в 2000 г. приняла дополнительные обязательства в этой области, что нашло отражение в новой редакции экологической политики (ОАО Газпром. Данные...).

В соответствие с данной политикой, ОАО «Газпром» выделяет ряд долгосрочных обязательств, целей и средств их реализации (табл. 1).

Таблица 1

Основные направления, цели и средства реализации эколого-экономической политики ОАО «Газпром»¹²

Направления	Долгосрочные стратегические цели	Средства (механизмы) реализации
Соответствие принципам Экологической доктрины РФ ¹	• минимизация удельного (на единицу товарной продукции) негативного техногенного воздействия на природную среду; • повышение эффективности использования невозобновляемых природных ресурсов и источников энергии; • вовлечение персонала в деятельность по уменьшению экологических рисков, улучшению системы экологического менеджмента и производственных показателей в области охраны ОС	Внедрение системы экологического менеджмента на основе стандарта ISO 14001; сотрудничество со всеми организациями, осуществляющими деятельность по добыче и поставке энергоресурсов, с целью минимизации воздействия на окружающую природную среду и рационального использования ресурсов; участие в глобальных, в том числе международных, программах, направленных на достижение устойчивого развития, сохранения климата и биоразнообразия; целевое планирование действий по снижению экологических рисков и мероприятий по реализации экологической политики; учет эколого-экономических и природоохранных аспектов наравне с традиционными финансово-экономическими параметрами при разработке проектов и их реализации; выделение достаточных организационных, материальных, кадровых и финансовых ресурсов для обеспечения выполнения принятых обязательств; проведение рекультивационных и других технических и организационных мероприятий по компенсации ущерба, наносимого природной среде; применение наилучших доступных технологий во всех сферах производства; учет экологических факторов при разработке политики закупок технологий, материалов и оборудования, выполнения работ и услуг подрядчиками; осуществление экологической сертификации продукции; проведение и стимулирование научных исследований, направленных на повышение энергоэффективности, снижение негативного воздействия на окружающую среду и экологических рисков; страхование высоких экологических рисков; совершенствование системы экологического обучения; мотивация персонала для использования творческого потенциала каждого работника в деле ресурсосбережения и снижения экологических рисков; активное взаимодействие со структурами гражданского общества, заинтересованными в экологически безопасной деятельности
Осуществление предупреждения загрязнений, приоритет превентивных действий по недопущению негативных воздействий на ОС		
Обеспечение широкой доступности экологической информации о хозяйственной деятельности, прозрачности природоохранной деятельности и принимаемых в этой области решений		

Настоящая экологическая политика является приоритетной и доводится до сведения каждого работника компании. Примерно те же обязательства взяли на себя ОАО Лукойл и ОАО Роснефть, однако Газпром это сделал раньше. Примечательно, что ежегодные отчеты о деятельности по охране окружающей среды выложены на сайте, начиная с 2001 г.; Лукойл это сделал с 2008 г., Роснефть – с 2006 г. в виде отчетов об устойчивом развитии, т. е. охрана окружающей среды занимает только часть отчета.

Как видно из данных, представленных в табл. 1, в целом в эколого-экономической политике крупных компаний учитываются проблемы, связанные с предотвращением загрязнения, внедрением наилучших доступных технологий в практическую деятельность, повышением эффективности использования невозобновляемых природных ресурсов, к которым относятся, в частности, нефть и газ. Примечательно также, что компании учитывают необходимость взаимодействия с другими предприятиями и организациями в сфере добычи и поставки энергоресурсов, с целью минимизации воздействия на окружающую природную среду и рационального использования ресурсов.

Однако можно говорить о том, что практически не учитывается проблема накопленного экологического ущерба и ликвидация его последствий, а также осуществления собственных научно-исследовательских разработок в области альтернативной энергетики. Первый вопрос объясняется с целом недостаточно развитой в РФ системы регулирования проблемы накопленного экологического ущерба, включая его нормативно-правовое и институциональное

¹ Составлено по данным: ОАО Газпром. Данные...

² Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1225-р от 31 августа 2002 г.

обеспечение и неоднозначность решения вопроса правопреемников ответственности приватизированных объектов собственности, характеризующихся накопленным ущербом.

Второй момент объясняется, по-видимому, недопониманием ограниченности запасов соответствующих энергетических сырьевых ресурсов, а также недооценкой возможностей альтернативной энергетики как рыночно эффективной сферы деятельности. Кроме того, возможно рассмотрение предприятиями нефтегазового комплекса такой альтернативы скорее как конкурирующей, чем обеспечивающей устойчивый рост самих нефтегазовых компаний.

Анализ информации о направлениях и инструментах эколого-экономической политики, представленной на официальных сайтах основных компаний нефтегазового комплекса, показал также ее разрозненность и несопоставимость. Несмотря на то, что компании позиционируют свою экологическую деятельность как прозрачную и открытую, найти полную информацию по компаниям, отражающую все аспекты их эколого-экономической политики, довольно сложно.

Одним из наиболее распространенных показателей, данные о котором можно найти на всех рассмотренных сайтах, является показатель текущих затрат на охрану окружающей среды. В частности, на рис. 1 представлены данные по трем основным компаниям в 2012 г.

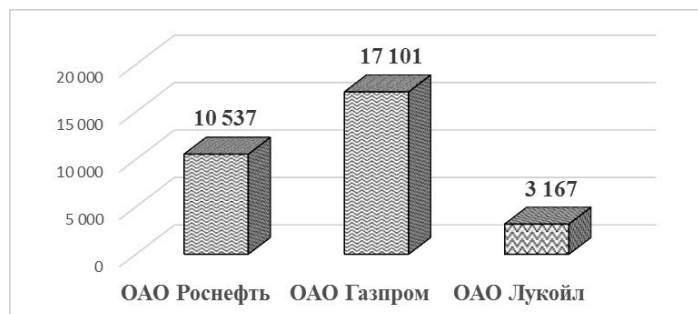

Рис. 1. Текущие затраты на охрану окружающей среды предприятий нефтегазового комплекса РФ, млн руб., 2012 г.³

Однако такая информация не позволяет сравнивать компании друг с другом в части действенности реализуемой ими экологической политики. В целом из информации, представленной на сайтах компаний, становится понятно, что до сих пор не существует единой, официально принятой всеми компаниями отраслевой системы показателей экологического устойчивого развития. В результате каждая компания представляет свою информацию, наиболее, по мнению соответствующих структур, результативно отражающую ситуацию в компании.

В частности, ОАО Роснефть представила в отчете весьма информативную таблицу, где все достижения собраны воедино (табл. 2).

Эта таблица особенно хороша тем, что, наряду с валовыми показателями, в ней приводятся удельные данные о загрязнениях на тонну готовой продукции. Это объективный показатель, не зависящий от размеров компании и конкретных обстоятельств. Удельных показателей нам не удалось найти в отчетах других компаний. В то же время, информация представлена лишь за один текущий год, и отсутствует информация, отражающая динамику эколого-экономических процессов, что ограничивает возможности по формированию убедительных выводов в сторону роста или снижения действенности экологической политики компании. Фактически компании часто ограничиваются лишь демонстрацией конкретных текущих расходов, так или иначе касающихся экологических аспектов своей деятельности, без оценки их действенности и результативности.

Таблица 2

Основные показатели реализации эколого-экономической политики ОАО Роснефть, 2012 г. (ОАО Роснефть. Данные...)

	Показатель	Единица измерения	Значение
1	Валовые выбросы в атмосферу	тыс. т	1 359
2	Удельные выбросы загрязняющих веществ от добычи	кг/т углеводородов	9,16
3	Удельные выбросы загрязняющих веществ от нефтепереработки		1,7
4	Выбросы парниковых газов	млн т CO ₂ -эквивалента	43,1
5	Уровень использования попутного нефтяного газа	%	53,5
6	Валовое водоотведение в поверхностные объекты	млн куб. метров	84,6
7	Удельное водоотведение в поверхностные водные объекты от добычи	куб. метров на т углеводородов	0,005
8	Удельное водоотведение в поверхностные водные объекты от переработки	куб. метров на т нефти	1,33
9	Количество порывов на трубопроводах	шт.	10279
10	Объем разлитой нефти и нефтепродуктов	т	1 152
11	Инвестиции в основной капитал на охрану окружающей среды	млн руб.	11 543
12	Текущие затраты на охрану окружающей среды	млн руб.	10 537
13	Штрафы за загрязнение	млн руб.	65
14	Платежи за загрязнение	млн руб.	3 865

³ Составлено автором по данным: ОАО Газпром; ОАО Лукойл, ОАО Роснефть. Данные...

Менее полная информация представлена ОАО «Газпром» и ОАО «Лукойл» (табл. 3–4).

Таблица 3

Некоторые показатели финансирования охраны окружающей среды ОАО «Газпром», млн руб., 2012 г.
(ОАО Газпром. Данные...)

1	Текущие затраты на охрану ОС	17 101
2	Затраты на капремонт основных производственных фондов по охране ОС	2 168
3	Инвестиции в основной капитал, направленный на охрану ОС и рациональное использование природных ресурсов	12 239
4	Плата за негативное воздействие на ОС	1 270
5	ИТОГО	32 778

Сравнивать между собой величины финансовых вложений было бы неправильным, так как они зависят от величины компании. Также трудно сравнивать валовые показатели загрязнений, что также зависит от общего объема производств.

Таблица 4

Показатели финансирования охраны окружающей среды ОАО Лукойл, млн руб., 2012 г. (ОАО Лукойл. Данные...)

1	Всего выделено на охрану окружающей среды	22 620
2	Затраты на утилизацию ПНГ	9274
3	Ремонт, защита оборудования	7 917
4	Инвестиции	2 262
5	Текущие затраты	3 167

Результаты реализации эколого-экономической политики должны проявляться в снижении конкретных показателей, отражающих «давление» деятельности компании на окружающую среду. Такие показатели, в частности, фиксируются в ОАО «Лукойл». Так, по итогам 2012 г. практически во всех бизнес-секторах компании Лукойл было отмечено сокращение показателей воздействия на окружающую среду: снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на 14%. В основном это обусловлено повышением уровня использования ПНГ; сокращение площади загрязненных земель на 17% за счет работ по рекультивации загрязненных участков; сокращение количества происшествий с экологическим ущербом на 12,5%. Практически все происшествия обусловлены отказами на трубопроводном транспорте. Для их минимизации проводится капитальный ремонт трубопроводов (ОАО Лукойл. Данные...).

ОАО Лукойл приводит также следующие данные о динамике этих показателей за 2010–2012 гг. (рис. 2).

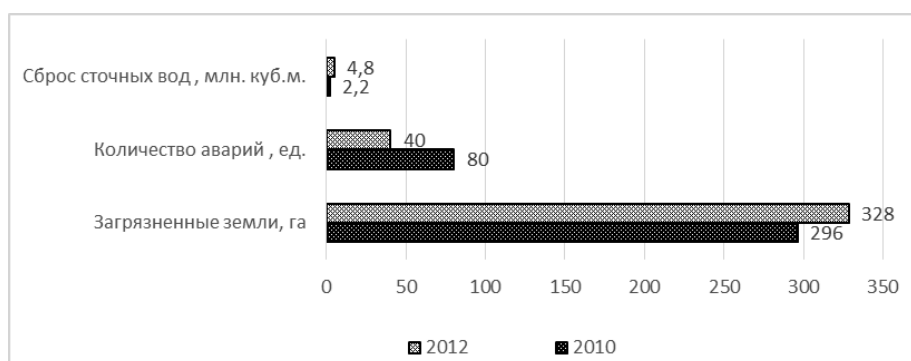

Рис. 2. Динамика показателей результативности эколого-экономической политики ОАО «Лукойл»⁴

Как видно из рис. 2, несмотря на оптимистический отзыв компании о результатах экологически значимых мероприятий и сокращение в 2 раза за рассматриваемый период количества аварий, наблюдается значительное увеличение сброса сточных вод (более, чем в 2 раза за 2010–2012 гг.), а также рост площади загрязненных земель. Таким образом, результативность проводимой политики неоднозначна.

Итак, последние 10–15 лет на примере крупнейших нефтегазовых компаний в России ведется большая работа по сохранению ОС и предотвращении ее загрязнения. Ведущая роль принадлежит правительству РФ, которое приняла Экологическую Доктрину в 2002 г., и принимает другие, уже конкретные постановления, касающиеся охраны окру-

⁴ Составлено по данным: ОАО Лукойл. Данные...

жающей среды, которые побуждают нефтегазовые компании расширять и усиливать работу по охране ОС. Компании вкладывают значительные суммы в охрану и восстановление ОС, тем более что им приходится заниматься ликвидацией загрязнений, сделанных в предыдущие десятилетия. Однако трудно сопоставлять друг с другом конкретные вклады разных компании, так как ежегодные отчеты представлены в разной форме и разном объеме. Судя по отчетности, лучше всего поставлена работа в ОАО Газпром, там выполнен и наибольший объем работы, так как представлено множество конкретных данных даже по отдельным предприятиям. Однако для научного анализа целесообразно стандартизировать отчеты по отрасли, хотя бы в части представления показателей по всей компании в одинаковом качественном виде. В конечном итоге необходим переход к общеотраслевой эколого-экономической политике, результативность которой должна характеризоваться единой для всех компаний системой эколого-экономических показателей.

ЛИТЕРАТУРА

ОАО Газпром. Данные официального сайта. Доступно на: www.gazprom.ru.
ОАО Лукойл. Данные официального сайта. Доступно на: www.lukoil.ru.
ОАО Роснефть. Данные официального сайта. Доступно на: www.rosneft.ru.

REFERENCES

Gazprom. These official website. Available at: www.gazprom.ru. (In Russian.)
Lukoil. These official website. Available at: www.lukoil.ru. (In Russian.)
Rosneft. These official website. Available at: www.rosneft.ru. (In Russian.)

СИСТЕМНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

МАГОМЕДОВА П.Г.,

аспирант,

Московский государственный университет пищевых производств, г. Москва,

e-mail: mpg05@bk.ru

В статье рассматривается основное системное противоречие современного состояния топливно-энергетического комплекса с позиций развития рыночных отношений. Показано, что в современных условиях развитие одного из основных воспроизводственных сегментов национальной экономики, которая функционирует по рыночным приоритетам, оказывается преимущественно вне действия рыночных отношений.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс; промышленное производство; рентабельность продукции; рентабельность активов.

SYSTEM CONTRADICTIONS OF DEVELOPMENT OF FUEL AND ENERGY COMPLEX

MAGOMEDOVA P.G.,

postgraduate student,

Moscow State University of Food Productions, Moscow,

e-mail: mpg05@bk.ru

In article the main system contradiction of a current state of fuel and energy complex from positions of development of the market relations is considered. It is shown that in modern conditions development of one of the main reproduction segments of national economy which functions on market priorities, appears to be out of market relations.

Keywords: fuel and energy complex; industrial production; profitability of production; profitability of assets.

JEL classification: O13, O18, P28.

В последнее время все острее встает вопрос о том, как быть с сырьевой направленностью российской экономики. Традиционно указывается на необходимость развития инновационных производств, диверсификации, обновлении основного капитала и т. п. Все это, безусловно, необходимо.

Однако, на наш взгляд, при этом упускается из виду одна характерная особенность современного развития отраслей, входящих в топливно-энергетический комплекс.

В табл. 1 представлены данные об изменении значений индексов выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности, в том числе в разрезе видов промышленной деятельности топливно-энергетического комплекса, в период с 2004 по 2012 гг. Из таблицы видно, что за рассматриваемый период в целом по экономике физический объем выпуска увеличился на 46,3%. В то же время объем производства по совокупности видов промышленной деятельности за этот же период времени увеличился лишь на 36,7%. Причем по видам экономической деятельности, относительно ТЭК, прирост был еще более скромным. К примеру, физический объем выпуска по виду деятельности «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» увеличился лишь на 23,1% (практически так же, как и в целом по всей сфере «Добыча полезных ископаемых» – 22,5%). Физический объем выпуска по виду деятельности «Производство кокса и нефтепродуктов» увеличился на 32,2% (что существенно ниже, чем в целом по всей сфере «Обрабатывающие производства» – 50,4%). Физический объем выпуска по виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» увеличился всего лишь на 6,9%.

Таблица 1

Ежегодные индексы выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности, в том числе в разрезе видов промышленной деятельности ТЭК, в период с 2004 по 2012 гг., и темп роста индексов за рассматриваемый период, в %*

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Темп роста, 2012 к 2003 г.
В целом по экономике	108,8	105,0	108,6	107,5	104,2	91,4	105,8	105,4	103,3	146,3
Промышленное производство	108,0	105,1	106,3	106,8	100,6	90,7	108,2	104,7	102,6	136,7
из него:										
добыча полезных ископаемых	106,8	101,4	102,8	103,3	100,4	99,4	103,6	101,9	101,1	122,5
в том числе:										
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	107,7	102,0	102,7	102,7	100,1	100,4	103,1	101,3	101,2	123,1
обрабатывающие производства	110,5	107,6	108,4	110,5	100,5	84,8	111,8	106,5	104,1	150,4
в том числе:										
производство кокса и нефтепродуктов	102,4	104,4	106,6	102,8	102,8	99,4	105,0	102,9	102,2	132,2
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,1	100,9	103,4	99,4	100,6	96,1	104,1	100,1	101,2	106,9

* таблица рассчитана и составлена автором на основе данных: (Национальные счета...; Промышленное производство...)

Таким образом, становится видно, что в целом темпы роста физических объемов производства в отраслях отечественного топливно-энергетического комплекса в последние годы в значительной степени отстают от средних темпов роста физических объемов производства в совокупности по всем отраслям национальной экономики. Данная тенденция последовательно приведет к сокращению доли отраслей ТЭК в национальной экономике.

В то же время, нельзя не учитывать то воспроизводственное значение, которое имеет топливно-энергетический комплекс. Как известно, на данный комплекс приходится примерно до трети создаваемого валового внутреннего продукта, более половины бюджетных поступлений, более двух третей экспортной выручки и треть общего объема инвестиций. Соответственно, столь значимая часть национальной экономики должна преимущественно развиваться на основе рыночных отношений. В противном случае будет формироваться острое системное противоречие – ведущий сектор национальной экономики, которая функционирует на рыночных приоритетах, окажется определяемым нерыночными отношениями.

Таблица 2

Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций в целом по экономике и отдельно по видам промышленной деятельности ТЭК, в период с 2003 по 2011 гг., и темп роста показателей за рассматриваемый период, в %*

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	Темп роста, 2011 к 2003 г.
В целом по экономике	10,2	13,2	13,5	13,2	13,1	13,0	10,8	10,0	9,6	94,1
Добыча полезных ископаемых	19,2	32,5	35,6	30,6	30,5	25,4	28,8	31,9	31,4	163,5
в том числе добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	18,4	31,8	34,7	29,2	30,1	22,6	28,2	29,2	27,5	149,5
Обрабатывающие производства	12,4	14,9	15,3	16,6	18,3	17,1	13,4	14,8	13,2	106,5
в том числе производство кокса и нефтепродуктов	15,5	22,3	21,4	21,1	27,5	27,8	26,3	25,5	21,9	141,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,4	5,4	5,3	3,2	5,2	4,9	6,8	7,1	6,4	100,0

* таблица рассчитана и составлена автором на основе данных (Промышленное производство; Финансы: официальная статистика).

В табл. 2–3 представлена информация, позволяющая проанализировать изменение рентабельности организаций, характеризующее эффективность их деятельности. Так, в табл. 2 представлена информация об изменении рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций в целом по экономике и отдельно по видам промышленной деятельности топливно-энергетического комплекса, в период с 2003 по 2011 гг. Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) рассчитывается как соотношение между величиной сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) от продажи продукции (работ, услуг) и себестоимостью проданных товаров продукции (работ, услуг) с учетом коммерческих и управленческих расходов.

Из таблицы видно, что в целом по экономике рентабельность продукции за рассматриваемый период времени несколько сократилась – базисный темп роста составил 94,1%. В то же время отрасли ТЭК продемонстрировали значительное увеличение показателей рентабельности продукции. Например, рентабельность продукции производств, относимых к такому виду экономической деятельности, как «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых», возросла на 49,5% (что несколько ниже, чем увеличение рентабельности по всей сфере «Добыча полезных ископаемых» – 63,5%). Рентабельность продукции производств, относимых к такому виду экономической деятельности, как «Производство кокса и нефтепродуктов», возросла на 41,3% (что существенно выше, чем увеличение рентабельности по всей сфере «Обрабатывающие производства» – 6,5%). Однако рентабельность продукции производств, относимых к такому виду экономической деятельности, как «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», за рассматриваемые годы практически не изменилась, и в 2011 г. составила 6,4% – значение, аналогичное уровню 2003 г.

В табл. 3 представлена информация об изменении рентабельности активов организаций в целом по экономике и отдельно по видам промышленной деятельности топливно-энергетического комплекса в период с 2003 по 2011 гг. Рентабельность активов отражает соотношение сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) и стоимости активов организаций.

Из таблицы видно, что в целом по экономике рентабельность активов за рассматриваемый период времени увеличилась на 10,2%. В то же время отрасли ТЭК продемонстрировали более значительное увеличение показателей рентабельности активов.

Таблица 3

Рентабельность активов организаций в целом по экономике и отдельно по видам промышленной деятельности ТЭК, в период с 2003 по 2011 гг., и темп роста показателей за рассматриваемый период, в %*

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	Темп роста, 2011 к 2003 г.
В целом по экономике	5,9	8,5	8,8	12,2	10,4	5,4	5,5	6,7	6,5	110,2
Добыча полезных ископаемых	7,6	13,8	12,9	15,3	11,4	10,5	8,8	11,6	14,2	186,8
в том числе добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	7,4	13,3	12,3	15,1	11,0	10,3	9,1	10,9	13,2	178,4
Обрабатывающие производства	7,3	10,5	11,9	15,6	14,8	8,6	6,1	8,2	8,4	115,1
в том числе производство кокса и нефтепродуктов	6,5	14,1	18,9	28,6	21,8	17,4	15,7	15,9	16,7	256,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,2	2,1	2,7	3,1	3,5	2,3	2,2	4,6	1,1	50,0

* таблица рассчитана и составлена автором на основе данных: (Промышленность России. 2008; Промышленность России. 2012; Финансы: официальная статистика).

Например, рентабельность активов производств, относимых к такому виду экономической деятельности, как «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых», возросла на 78,4% (что, в то же время, несколько ниже, чем увеличение рентабельности по всей сфере «Добыча полезных ископаемых» – 86,8%). Рентабельность активов производств, относимых к такому виду экономической деятельности, как «Производство кокса и нефтепродуктов», увеличилась более чем в 2,5 раза (что существенно выше, чем увеличение рентабельности по всей сфере «Обрабатывающие производства» – 15,1%). Однако рентабельность активов производств, относимых к такому виду экономической деятельности, как «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», за рассматриваемые годы сократилась в 2 раза – базисный темп роста составил 50% (причем, в 2010 г. уровень рентабельности активов производств данного вида экономической деятельности был выше показателя 2011 г. более чем в 4 раза).

При этом, самая противоречивая ситуация складывается в ценовой сфере. Так, если в структуре цены на бензин представлены 12 параметров, то более половины стоимости составляют налоги (Дорогой бензин...).

Налог на добычу полезных ископаемых составляет более 8% стоимости бензина, налог на прибыль – около 10%, налог на добавленную стоимость – немногим более 15%. Самая объемная налоговая составляющая представлена акцизами – более 17%.

Кроме того, в структуре цены на бензин представлены 30% прибыли производителей. Доля же самой сырой нефти не дотягивает и до 4%.

Таким образом, основная составляющая цены на бензин представляет собой налоги и прибыли компаний. Но именно данные параметры меньше всего связаны с непосредственными рыночными отношениями.

В итоге, в российской экономике сформировалось выраженное системное противоречие – ключевой сектор, представленный отраслями топливно-энергетического комплекса, развивается преимущественно вне рыночных отношений. Именно на это противоречие следует обратить особое внимание в рамках проводимой государственной экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

Дорогой бензин из дешевой нефти. Доступно на: <http://www.expertiza.ru/expertiza.phtml?id=703>.

Национальные счета: официальная статистика. Федеральная служба государственной статистики. Доступно на: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab45.xls.

Промышленное производство: официальная статистика. Федеральная служба государственной статистики. Доступно на: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_prom_okved.xls.

Промышленность России. 2008: Статистический сборник. М.: Росстат, 2008. С. 290–291.

Промышленность России. 2012: Статистический сборник. М.: Росстат, 2012. С. 307–308.

Финансы: официальная статистика. Федеральная служба государственной статистики. Доступно на: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/dinrent.htm.

REFERENCES

Expensive gasoline from cheap oil. Available at: <http://www.expertiza.ru/expertiza.phtml?id=703>. (In Russian.)

National accounts: official statistics. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab45.xls.

Industrial production: official statistics. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_prom_okved.xls.

Industry of Russia. 2008: Statistical collection. M.: Rosstat, 2008.

Industry of Russia. 2012: Statistical collection. M.: Rosstat, 2012.

Finance: official statistics. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/dinrent.htm. Available at: Federal State Statistics Service.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ УСЛУГ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

САВВАТЕЕВ Е.В.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и управление социально-экономическими системами», директор института экономики, менеджмента и права, Московский государственный университет пищевых производств, г. Москва,
e-mail: savvateev@iubip.ru

В статье выделены особенности рынка услуг, а также определены его проблемы. Проанализированы основные законодательные акты, регулирующие деятельность предприятий сферы услуг. Предложены основные направления национального регулирования сферы услуг. Современные перспективы развития институциональных основ регулирования сферы услуг пространственных экономических систем являются логическим продолжением ведущейся работы по формированию единых стандартов функционирования служебных предприятий, внедрению современных технологий в процесс обслуживания потребителей, повышению степени удовлетворенности целевых аудиторий.

Ключевые слова: социально-экономическая система; индустриализация; механизм регулирования.

PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT REGULATION MECHANISM OF THE SERVICE SECTOR SPATIAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

SAVVATEEV E.V.,

Doctor of Science, Professor, Head of the Department of Economics and management of socio-economic systems, Director of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow State University of Food Production, Moscow,
e-mail: savvateev@iubip.ru

The article highlights the features of the market services, as well as identify its problems. Analyzed the main legislative acts regulating the activities of service businesses. The main directions of the national regulatory services. Modern Perspectives of development of institutional regulatory framework services sector spatial economic systems are a logical continuation of the ongoing work on the formation of uniform standards service functioning enterprises, the introduction of modern technologies in the process of customer service, increase satisfaction target audiences.

Keywords: socio-economic system; industrialization; regulatory mechanism.

JEL classification: L80, L88.

В настоящее время развитие пространственных социально-экономических систем затруднено рядом неблагоприятных факторов. Наряду с внешними факторами, негативно на уровень развития региона влияют внутренние факторы, такие как технологическая отсталость, низкая квалификация персонала, неконкурентоспособная продукция. Однако, несмотря на общеэкономические проблемы, российский рынок услуг может считаться одним из самых динамичных рынков экономики. Выделение на аутсорсинг определенных видов работ предприятиями, решение квалифицированными специалистами бытовых проблем для домашних хозяйств формируют основу для динамичного развития. Отрасль формирует до 20% валового регионального продукта, обеспечивает тысячи рабочих мест и является одной из основных бюджетобразующих отраслей.

По мнению экспертов маркетингового агентства Bauman Innovation, спрос на бытовые услуги в последние годы увеличивается на 25–30% ежегодно и обусловлен стремлением состоятельных людей улучшить качество своей жизни и сэкономить время на повседневных делах.

Динамичному развитию предприятий и организаций сферы услуг способствует стабильно растущий спрос на услуги со стороны корпоративных клиентов и со стороны домашних хозяйств.

Однако российский рынок услуг имеет особенную специфику по отношению к европейскому рынку. Специфика касается собственников бизнеса и организационной структуры usługовых предприятий. В России в сфере услуг для населения получили распространение коллективные, кооперативные формы хозяйствования, а не семейный бизнес (как в развитых странах). Собственниками предприятий сферы услуг являются: трудовые коллективы – 63%, юридические лица – 23% и физические лица – 13% (рис. 1).

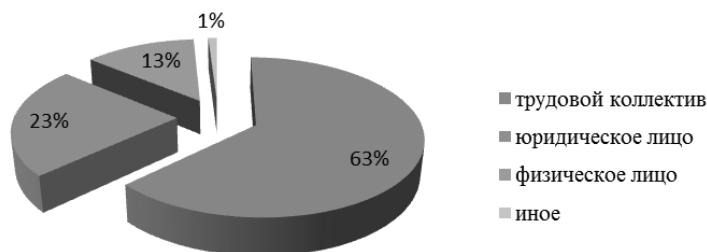

Рис. 1. Структура собственников предприятий сферы услуг

Другой специфической чертой российского рынка бытового обслуживания является диверсификация профильных предприятий, обусловленная необходимостью выживания в современных условиях. Зачастую предприятия бытового обслуживания наряду с основной деятельностью активно развивают и другие, непрофильные виды деятельности, приносящие дополнительный доход и обеспечивающие стабильность бизнеса.

Предприятия малого бизнеса, а предприятия сферы услуг в подавляющем большинстве относятся к малому или среднему бизнесу, имеют проблемы, характерные для большинства предпринимателей: несовершенство правового регулирования отрасли на федеральном и региональном уровнях; трудности в получении кредитных ресурсов и привлечении инвестиций, что обусловлено невысокой рентабельностью бизнеса и длительными сроками окупаемости инвестиционных проектов; нехватка квалифицированных кадров, особенно рабочих профессий (портные, закройщики, сапожники, специалисты по ремонту сложной техники); необходимость повышения уровня обслуживания и качества предоставляемых услуг; ценовые барьеры в получении бытовых и других услуг гражданами со средним и низким достатком.

Пространственная специфика также оказывает значительное влияние на динамику развития сферы услуг, характеристика территории, охваченной конкретным рынком услуг, формирует спрос, условия функционирования и технологические процессы для предприятий услуг. Пространственная специфика регулирует чувствительность к изменению рыночной конъюнктуры способностью быстро реагировать на изменение рынка, которое определяется изменением потребностей населения. Отсюда вытекает дополнительная дифференциация ассортимента оказываемых услуг, которая связана с персонификацией и индивидуализацией спроса на услуги, что рассматривается как стимул к внедрению инноваций в сфере услуг. Усложнение спроса приводит к появлению новых, нестандартных услуг и, как следствие, – к неопределенности результата деятельности по оказанию нестандартных услуг.

Одним из значимых факторов в специфике процесса оказания услуг является личный контакт производителя и потребителя, что, с одной стороны, формирует условия для расширения коммуникаций и проявления обратной связи, а с другой стороны – предъявляет определенные требования к профессиональным качествам, опыту, этике и общей культуре производителя.

Проблемы и особенности сферы услуг определяют шаги, необходимые для решения актуальных проблем:

- совершенствование кредитной системы и разработка специальных программ кредитования предприятий малого и среднего бизнеса в общем и предприятий сферы услуг в частности;
- предоставление предприятиям сферы обслуживания наряду с упрощенной системой налогообложения, налоговых льгот, льгот по арендной плате и тарифам.

Основными законодательными актами, регулирующими деятельность предприятий сферы услуг, являются:

1) Гражданский Кодекс Российской Федерации. Вопросы регулирования сферы услуг рассмотрены в Главе 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг». При этом важно то, что статья 779 ГК, определяя характер договора возмездного оказания услуг, включает в сферу отношений, покрываемых этой статьей, оказание услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристическому обслуживанию, и иных.

2) Закон РФ «О защите прав потребителей» (закон о правах потребителя) от 07.02.1992 № 2300-1. В данном законе определены права и обязанности производителей услуг в отношении качества услуг и другие вопросы.

3) Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

4) Федеральный закон Российской Федерации от 26.12.2008 г. № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Кроме основных федеральных законодательных актов существуют подзаконные акты, регулирующие деятельность предприятий сферы услуг при оказании отдельных видов услуг, а также региональные и местные нормативно-правовые акты.

В целом для поднятия и развития отрасли бытовых услуг в России важна существующая социально-ориентированная государственная политика, в рамках которой, в том числе, предусмотрены значительные расходы на социальную сферу. Экспертами отмечается высокая значимость работ по дальнейшему развитию механизма регулирования сферы услуг, основой для которого, в частности, может выступать германская модель. Несмотря на прагматизм в подходах к регулированию хозяйственной деятельности предприятий, в рамках этой модели предприятия сферы услуг условно подразделяются на две большие группы: предприятия с «особыми» задачами и предприятия, осуществляющие свою деятельность по законам рынка. Деятельность первой группы предприятий направлена на решение государственных задач, а получение прибыли – на втором месте. Финансирование этих предприятий зависит от политики государственных органов, а в качестве инструментария выступает установление верхних границ цен, причем, если предприятие терпит убытки, они покрываются из бюджета. Подобным предприятиям представляются многочисленные льготы: денежные кредиты за счет государственных средств, субсидирование государством процентных выплат и т. д. Предприятия второй группы ориентированы на получение прибыли и являются полноправными экономическими субъектами рынка. Таким образом, социально-ориентированным предприятиям сферы услуг предоставляется возможность динамично развиваться, реализуя государственные задачи.

Подобная практика осуществляется в определенных пространственных социально-экономических системах, например, в столице, в январе 2009 г. Правительство Москвы приняло Постановление № 25-ПП «О совершенствовании комплексного обслуживания населения в сфере потребительского рынка и услуг в городе Москве». В этом документе определены приоритетные задачи развития потребительского рынка и услуг города в режиме шаговой (пешеходной) доступности, среди которых: достижение расчетных показателей обеспеченности сетью предприятий розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания; ускоренное развитие предприятий бытового обслуживания, в том числе комплексных предприятий типа «мультисервис»; создание условий для комплексного приобретения товаров и предоставления услуг населению по месту жительства в каждом микрорайоне города; совершенствование форм и методов обслуживания маломобильных категорий инвалидов, особенно инвалидов-колясочников и лиц с нарушением зрения; комплексное приспособление предприятий потребительского рынка и услуг для нужд инвалидов и других маломобильных групп граждан, в том числе с созданием мест для хранения детских колясок; предоставление городских льгот и гарантий для субъектов малого и среднего предпринимательства на предприятиях шаговой (пешеходной) доступности и т. д. Органам исполнительной власти и префектурам административных округов города даны поручения по организации исполнения указанных задач.

В данном документе определен перечень социально значимых видов услуг для комплексного предоставления населению по месту жительства:

1. Бытовые услуги (услуги парикмахерских, услуги по химической чистке одежды, услуги прачечных, ремонт обуви, ремонт бытовой, радиоэлектронной аппаратуры, бытовых машин и приборов, ремонт и пошив одежды, услуги по профессиональной уборке помещений (клининговые услуги), ремонт металлоизделий, фотоуслуги, услуги проката, ремонт часов).

2. Другие виды услуг (услуги по ламинированию и ксерокопированию, реализации билетов на городской пассажирский, авиа- и железнодорожный транспорт, услуги по реализации театральных билетов, оплата коммунальных услуг, банковских услуг, библиотечно-информационные услуги, услуги физкультурно-оздоровительных залов и комплексов, юридические услуги, услуги туристических и страховых агентств, услуги по подбору нянь, горничных, сиделок; услуги приемных пунктов по ремонту квартир и установке окон.

Действие данного закона привело в действие механизм регулирования количества и качества, оказываемых населению и корпоративным клиентам бытовых услуг. Продолжается работа по открытию предприятий бытового обслуживания в торговых центрах, магазинах и в результате, в настоящее время в Москве в крупных магазинах работают более 300 предприятий бытового обслуживания, в том числе более 40 химчисток-прачечных.

С целью обеспечения доступности бытовых услуг для молодежи в рамках Городской целевой программы развития потребительского рынка и услуг города Москвы на 2011–2013 гг. было открыто более 40 прачечных самообслуживания, которые работают более чем в 35 общежитиях московских вузов, в том числе в МГУ им. М.В. Ломоносова, РХТУ им. Д.И. Менделеева, РГТУ, МГУС, МИФИ, МАТИ и др.). В здании Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова организовано комплексное предприятие бытового обслуживания «Дом быта «Университетский», оказывающее более 20 видов услуг, пользующихся спросом у студентов и преподавательского коллектива. Предприятия бытового обслуживания работают на высоком, европейском уровне по качеству оказываемых услуг. Вместе с тем, опросы населения говорят о том, что для повышения конкурентоспособности необходимо не только повышение качества услуг, но и обеспечение приемлемого сочетания соотношения «цена-качество».

В целях повышения качества обслуживания населения, обеспечения населения актуальной информацией о качестве услуг, в Москве внедрена Региональная система добровольной сертификации бытовых услуг и систем качества в сфере оказания бытовых услуг. Организациям бытового обслуживания, прошедшим процедуру добровольной

сертификации, присваивается знак соответствия, который является визуальным средством информирования потребителей о высоком качестве предоставляемых услуг.

Большой вклад в обеспечение социальной направленности бытовых услуг иницируется самими предприятиями бытового обслуживания. Так, например, пенсионеры по возрасту обслуживаются в банях со скидкой от 30 до 50% по инициативе предпринимателей (в порядке реализации программы повышения социальной ответственности бизнеса) за счет собственной прибыли.

По другим видам социальнозначимых бытовых услуг (также в порядке благотворительности, за счет собственной прибыли) практикуется льготное обслуживание малообеспеченных граждан со скидкой от 5 до 20%. Одной из новых форм социальной поддержки населения в сфере бытовых услуг является предоставление скидок на оказываемые услуги в размере 5–10% держателям социальной карты москвича.

Однако наиболее актуальной для предприятий сферы обслуживания остается проблема подготовки и повышения квалификации кадров. В настоящее время ведется работа по организации обучения рабочих кадров с использованием накопленного опыта ведущих мастеров и предпринимателей сферы бытовых услуг, освоивших передовые технологии и достигших в своей профессии международного признания, а также с привлечением отраслевого научного потенциала. Ежегодно при поддержке Департамента, в целях повышения профессионального уровня работников сферы бытового обслуживания проводятся отраслевые выставки, конкурсы и чемпионаты различных уровней: от городского конкурса «Московские мастера», до международной выставки для профессионалов индустрии красоты «KOSMETIK EXPO», международная выставка для профессионалов ногтевой индустрии «NAILEXPO», а также чемпионат Москвы по парикмахерскому искусству, декоративной косметике и маникюру, международный фестиваль «Мир красоты» по парикмахерскому искусству, декоративной косметике и маникюру. Проведение указанных мероприятий вносит значительный вклад в подготовку кадров для сферы бытовых услуг, обеспечивает высокий уровень качества и безопасности данных услуг.

Совершенствование государственно-правового регулирования сферы сервиса является необходимым условием эффективного ее развития и создания благоприятного предпринимательского климата. Важность нормативно-правового регулирования сферы услуг обусловлена необходимостью установления контроля над инновационными видами услуг в высокотехнологичных отраслях. Наиболее важные национальные меры регулирования направлены на установление и поддержание стандартов обслуживания в национальных сферах, таких как медицина, образование и другие важные отрасли услуг, на защиту внутреннего рынка услуг от иностранных конкурентов и стимулирование экспорта услуг. Как правило, в основе мер регулирования внутреннего рынка услуг лежат политические, экономические и социальные интересы страны: занятость местной рабочей силы, поддержка местных предпринимателей в ключевых сферах услуг, учет интересов национальной обороны, стимулирование роста внутренних капиталовложений, сохранение национальных культурных ценностей и т. д.

Происходящие изменения в отраслях сферы услуг отражаются на других отраслях общественного производства, на экономике страны в целом, а также на условиях жизни населения, различных его социально-экономических группах. Основными направлениями действия в таких условиях могут стать: обеспечение выполнения нормативов стандартов проживания; развитие рынка товаров и услуг; развитие социально-ориентированного обслуживания населения; повышение эффективности защиты прав потребителей; содействие обеспечению кадрами организаций сферы потребительского рынка.

Кроме того, в пространственных социально-экономических системах разрабатываются и реализуются программы поддержки малого предпринимательства, в которых активно участвуют представители сферы услуг. У представителей сферы услуг пользуются популярностью также следующие программы:

- специальные программы, направленные на повышение конкурентоспособности субъектов малого предпринимательства путем расширения доступности приобретения основных средств в лизинг;
- программы кредитования коммерческими банками субъектов малого предпринимательства;
- специальные программы сертификации продукции, работ, услуг направленные на субсидирование затрат субъектов малого предпринимательства, производящих товары (работы, услуги);
- специализированные программы грантов начинающим субъектам малого предпринимательства на создание собственного бизнеса;
- программы «Бизнес-инкубатор».

На основании вышесказанного можно сделать выводы, что проблема развития сферы услуг волнует крупные города, особенно Москву и Санкт-Петербург. Для ее решения используются различные местные программы, направленные на льготное кредитование и создание других благоприятных условий функционирования предприятий сферы услуг. Практику, используемую в данных городах, следует перенимать другим субъектам РФ как передовую, особенно в части социально значимых услуг, оказываемых населению.

Однако и на Дону малый и средний бизнес с каждым годом наращивает обороты и укрепляет свои позиции не только внутри области, но и за ее пределами. Программно-целевой и комплексный подход к решению проблем предпринимательского сообщества, многолетний последовательный курс на динамичное развитие малого и среднего бизнеса призваны решить приоритетные задачи социально-экономического развития Ростовской области – обеспечение экономического роста и занятости населения, повышение инвестиционной и инновационной привлекательности области и благосостояния жителей Донского края.

В Ростовской области принята и реализуется Областная долгосрочная целевая программа развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Ростовской области на 2009–2014 гг., в которой предусмотрено 120 мероприятий, нацеленных на достижение в 2014 г. (по сравнению с 2008 г.) темпов роста числа малых и средних предприятий не менее 113,2%, среднестатистической численности работающих на малых и средних предприятиях – не менее 103,9%, объема инвестиций в основной капитал

малых и средних предприятий – не менее 142,9%, среднемесячной заработной платы на малых и средних предприятиях – не менее чем в 2,1 раза, доли производимых субъектами МСП товаров (работ, услуг) в объеме ВРП в 2014 г. – не менее 17,3%, доли среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий в среднесписочной численности (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций в 2014 г. – не менее 29,4%.

Внимание донских властей направлено на развитие отдельных видов услуг. Так, одно из направлений развития сферы услуг в Ростовской области – развитие туризма. Оно включает мероприятия по созданию туристских объектов, в том числе реконструкцию и строительство новых средств размещения. На территории Ростовской области осуществлялась реализация инвестиционных проектов в рамках мероприятий Областной целевой программы «Развитие туризма в Ростовской области на 2011–2016 годы».

Развитие сферы услуг неразрывно связано с ростом числа малых предприятий, так как в основном в мировой практике предприятия сферы сервиса – это малые и средние предприятия. Развитие субъектов малого предпринимательства в Ростовской области проходит в рамках «Областной целевой программы развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Ростовской области на 2009–2014 годы». Реализация программы проходит в части предоставления субсидий субъектам малого предпринимательства в приоритетных сферах деятельности в целях возмещения части стоимости приобретенных основных средств и(или) программного обеспечения. Общий объем финансирования Программы составляет более 500 млн руб.

Наиболее распространена организация собственного дела в следующих сферах: сельхозпроизводство и сельхозпереработка; бытовые услуги населению и услуги общественного питания; строительство и производство строительных материалов; производство керамической плитки, металлических конструкций, пенобетонных плит; рекламная, издательская, полиграфическая, дизайнерская деятельность; оптово-розничная торговля.

Таким образом, развитие сферы услуг Ростовской области требует большего внимания со стороны региональных властей. Для этого необходима разработка и реализация стратегии развития данной сферы, причем мероприятия должны планироваться и проводиться комплексно и охватывать больше видов услуг. При разработке стратегии развития сферы услуг следует ориентироваться на отечественный и зарубежный передовой опыт.

Современные перспективы развития институциональных основ регулирования сферы услуг пространственных экономических систем являются логическим продолжением ведущейся работы по формированию единых стандартов функционирования служебных предприятий, внедрению современных технологий в процесс обслуживания потребителей, повышению степени удовлетворенности целевых аудиторий. Федеральные и региональные власти выступают в роли локомотива трансформационных процессов, происходящих во всех отраслях народного хозяйства, в частности, в рамках разработки и реализации программ развития определяются целевые приоритеты и ориентиры, пороговые значения и требования к претендентам, исследуются и конкретизируются управленческие и технологические этапы, выделяются основные участники, проводится обучение, выстраиваются связи с соседними регионами и иностранными партнерами. Накопленный на предыдущих этапах опыт позволяет более эффективно распорядиться финансовыми ресурсами, выделенными на реализацию программ развития приоритетных направлений деятельности. Для Ростовской области такими приоритетами остаются поддержка малого и среднего бизнеса, сельского хозяйства, туристической отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

Аналитическая записка о роли малого и среднего предпринимательства в организации муниципальной промышленности и рынка бытовых услуг (2008). БОН-Партнер. № 3. С. 36–42.

Леонтьева Л.С. (2004). Аккумуляция корпоративных стратегий в общую стратегию развития региона // *Социально-гуманитарные знания*. № 6.

Малый бизнес в сфере бытовых услуг (2012). Доступно на: <http://bishelp.ru/ekonomika/spb/bit260413.php>.

Новаторов Э.В. (2000). Аудит внутреннего маркетинга методом анализа «важность – исполнение» // *Маркетинг в России и за рубежом*. № 1.

Областная долгосрочная целевая программа развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Ростовской области на 2009–2014 годы. (2008). Доступно на: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=87183&mid=79251&ItemID=75701>.

Орлов А. (1998). Конкурентоспособность коммерческой фирмы в современных условиях. ЭКО. № 4. С. 225.

REFERENCES

Analytical note on the role of small and medium enterprises in the organization of municipal industry and the market of household services (2008). BON-Partner. 2008, no. 3, pp. 36–42. (In Russian.)

Orlov A. (1998). Competitiveness of the commercial company in modern conditions. *ECO*, no. 4, p. 225. (In Russian.)

Novatorov E.V. (2000). Audit of the internal marketing analysis method «importance – version». *Marketing in Russia and abroad*, no. 1. (In Russian.)

Leontiev P.S. (2004). Accumulation of corporate strategies in the General strategy of development of the region. *Social-humanitarian items knowledge*, no. 6. (In Russian.)

Regional long-term program for the development of small and medium-sized businesses in the Rostov region for 2009–2014 (2008). Available at: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=87183&mid=79251&ItemID=75701>. (In Russian.)

Small business in the personal services sector (2012). Available at: <http://bishelp.ru/ekonomika/spb/bit260413.php>. (In Russian.)

ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

САХАРОВА Л.А.,

профессор кафедры «Современные торговые операции Север-Юг»,
Московский государственный университет пищевых производств, г. Москва,
e-mail: sakharova@mgupp.ru;

ХОКОНОВ М.М.,

ассистент кафедры экономики и управления социально-экономическими системами,
Московский государственный университет пищевых производств, г. Москва,
e-mail: murat-hokonov@mail.ru

Статья посвящена теоретическому анализу особенностей развития промышленности в современных условиях. Отмечаются проблемы инновационного развития и формирования эффективного сектора малого предпринимательства в промышленности с разделением по обрабатывающим и добывающим отраслям.

Ключевые слова: промышленность; инновационное развитие; концентрация промышленности; малые предприятия; добавленная стоимость.

CONTRADICTIONS OF DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN THE MODERN RUSSIAN INDUSTRY

SAKHAROVA L.A.,

Professor of the Department of Modern Trade Operations North-South
Moscow State University of Food Productions, Moscow,
e-mail: sakharova@mgupp.ru;

HOKONOV M.M.,

Assistant of the Department of the Economy and Management of Social and Economic Systems,
Moscow National University of Food Production, Moscow,
e-mail: murat-hokonov@mail.ru

Article is devoted to the theoretical analysis of features of development of the industry in modern conditions. Problems of innovative development and formation of effective sector of small business in the industry with division on processing and extracting branches are noted.

Keywords: industry; innovative development; concentration of the industry; small enterprises; value added.

JEL classification: L16.

Современное состояние российской экономики отличается тем, что общий уровень экономического развития в настоящем году оказался ниже среднемировых показателей. При этом, важной характеристикой промышленного производства является степень его инновационности (Клочков, Критская, Молчанова, 2013). В табл. 1 представлена информация, позволяющая проанализировать динамику показателей, характеризующих инновационную активность организаций промышленного сектора экономики. Инновационная активность любой организации характеризуется степенью ее участия в осуществлении инновационной деятельности в целом или отдельных ее видов в течение определенного периода времени. Уровень инновационной активности организаций определяется как отношение числа организаций, осуществлявших технологические, организационные или маркетинговые инновации, к общему числу обследованных за определенный период времени организаций.

Таблица 1

Динамика показателей инновационной активности организаций промышленности*

	2005	2007	2009	2011	Темп роста, 2011 к 2005
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в % от общего числа обследованных организаций:					
- добыча полезных ископаемых	5,6	5,8	5,8	6,8	121,4
- обрабатывающие производства	10,9	11,5	11,5	11,6	106,4
- производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,2	4,1	4,3	4,7	111,9
Удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ и услуг организаций:					
- добыча полезных ископаемых	2,7	3,0	2,7	6,7	248,1
- обрабатывающие производства	7,0	7,1	6,1	6,8	97,1
- производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,1	0,4	1,5	0,6	600,0

* таблица рассчитана и составлена автором на основе данных: Промышленность России. 2012: Статистический сборник. М.: Росстат, 2012. С. 356–357.

Из табл. 1 видно, что наибольший удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в 2011 г. был зафиксирован в сфере обрабатывающей промышленности – 11,6% от общего числа обследованных организаций. Стоит пояснить, что под технологическими инновациями понимается конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового либо усовершенствованного продукта или услуги, внедренных на рынке, нового либо усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности. В то же время наибольший темп роста удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации, был продемонстрирован в сфере добывающей промышленности – 121,4%. В то время как в сфере обрабатывающей промышленности темп роста был минимальным – 106,4%. А в сфере генерирующей промышленности при сохранении минимального уровня удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации (4,7% в 2011 г.), были продемонстрированы средние темпы роста – 111,9%.

Также из таблицы видно, что в условиях значительного различия показателей удельного веса организаций добывающей и обрабатывающей промышленности, осуществлявших технологические инновации, между данными видами экономической деятельности практически не существует различий в показателях удельного веса инновационных товаров, работ и услуг, которые в 2011 г., соответственно, были равны 6,7% и 6,8%. При этом следует отметить, что удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в период с 2005 по 2011 гг. в сфере добывающей промышленности увеличился почти в 2,5 раза. А в сфере обрабатывающей промышленности, напротив, незначительно сократился – на 2,9%.

При этом из табл. 1 видно, что минимальный уровень инновационных товаров, работ и услуг за весь рассматриваемый период времени производился в сфере генерирующей промышленности – 0,6% от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ и услуг организаций данного вида деятельности. Причем, именно здесь наблюдался самый значительный темп роста – порядка 600%.

Таблица 2

Показатели концентрации производства по отраслям отечественной промышленности, в % от общего объема производства по видам экономической деятельности*

	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
3 организациями:			
2008	21,5	12,4	10,7
2009	21,9	15,2	17,4
2010	23,4	15,1	16,8
2011	34,3	16,3	16,0
4 организациями:			
2008	24,5	14,1	13,6
2009	25,1	17,4	20,1
2010	28,1	17,5	20,0
2011	40,9	18,1	18,7
6 организациями:			
2008	30,1	17,4	17,9
2009	31,2	20,4	24,8
2010	35,7	20,6	24,6
2011	51,3	21,4	23,8
8 организациями:			
2008	34,6	19,9	21,6
2009	36,3	23,0	28,4
2010	41,4	23,1	28,2
2011	59,6	23,7	28,2

* таблица составлена автором на основе данных: Промышленность России. 2012: Статистический сборник. М.: Росстат, 2012. С. 48.

Представляется, что одной из причин подобного состояния дел в сфере промышленности является усиливающая концентрация производства (Садиг, Зейналов, 2012). В табл. 2 представлены показатели концентрации производства по отраслям отечественной промышленности в период с 2008 по 2011 гг. Показатели концентрации производства отражают степень преобладания нескольких независимых хозяйствующих субъектов (товаропроизводителей) в системе производства взаимозаменяемых товаров, поставляемых на один географический товарный рынок. Коэффициент концентрации представляет собой удельный вес (долю) крупнейших предприятий-производителей, ранжированных в порядке убывания, в общем объеме производства по видам экономической деятельности.

Из табл. 2 видно, что наибольший уровень концентрации наблюдается в сфере добывающей промышленности. Так, в 2011 г. на долю 3 крупнейших организаций приходилось 34,3% общего объема производства по данному виду экономической деятельности. А на долю 6 крупнейших организаций – больше половины всего рынка – 51,3%. На втором месте по величине показателя концентрации стоит сфера генерирующих производств. Так, на долю 8 крупнейших организаций здесь приходится чуть больше четверти всего рынка – 28,2%. В сфере обрабатывающих производств на долю 8 крупнейших организаций приходится 23,7% рынка. При этом следует отметить усиливающийся уровень концентрации производств по промышленным видам деятельности, особенно по сфере добывающих и генерирующих производств.

Основным направлением решения проблем, порождаемых высоким уровнем концентрации производства (слабая конкуренция и инновационность, низкая чувствительность к изменяющейся конъюнктуре и пр.), является развитие малых форм хозяйствования (малого бизнеса) (Хисматуллина, 2013). На рис. 1 представлена диаграмма, иллюстрирующая структуру распределения общей численности малых предприятий по видам экономической деятельности в 2011 г.

Рис. 1. Структура распределения общей численности малых предприятий по видам экономической деятельности в 2011 г.¹

Из диаграммы видно, что на долю промышленных производств приходится лишь незначительная часть (особенно в сравнении с объемом генерируемой добавленной стоимости или наличия основных фондов) – всего лишь 10,2% (188,9 тыс.) общей численности малых предприятий. При этом основная их масса сосредоточена в сфере обрабатывающих производств – 9,3% (171,3 тыс.) общей численности малых предприятий. В сфере генерирующих производств занято лишь 0,6% (11,4 тыс.) общей численности малых предприятий. А в сфере

¹ Диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Российский статистический ежегодник. 2012: Статистический сборник. М.: Росстат, 2012. С. 365.

добывающих производств – 0,3% (6,2 тыс.) общей численности малых предприятий. В то же время, к примеру, в сфере оптовой и розничной торговли и ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования занято порядка 39,6% (727,3 тыс.) общей численности малых предприятий. В сфере операций с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг – 20,8% (381,4 тыс.) общей численности малых предприятий. А в сфере строительства – 11,0% (202,6 тыс.) общей численности малых предприятий.

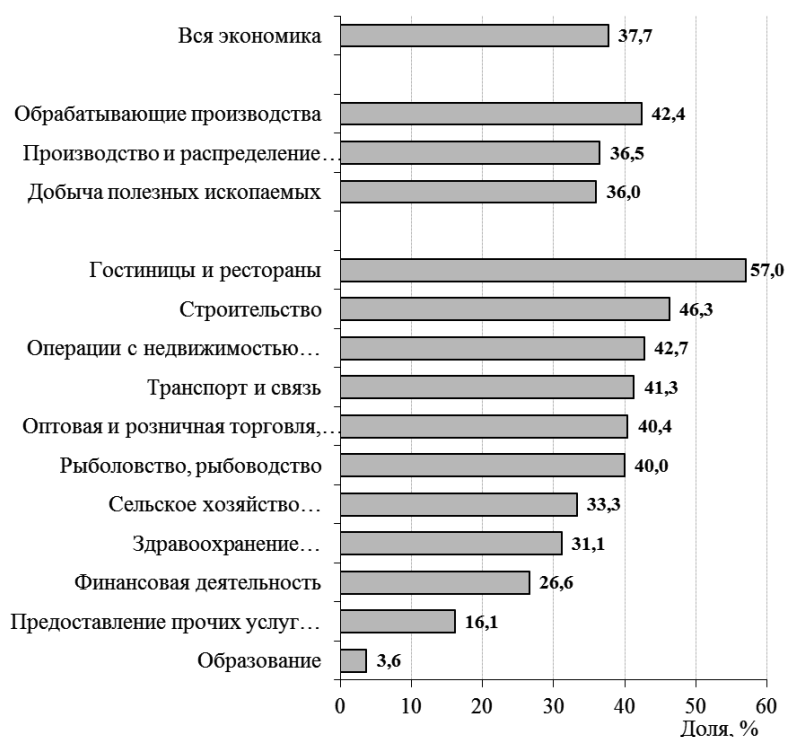

Рис. 2. Доля малых предприятий в общей численности организаций по видам экономической деятельности в 2011 г.²

В то же время, если рассмотреть информацию, представленную на диаграмме на рис. 2, то станет понятно, что степень распространения малых предприятий в промышленности находится не на столь низком уровне, как могло бы показаться при анализе диаграммы на рис. 1. Так, из диаграммы на рис. 2 видно, что в среднем по всей экономике порядка 37,7% общей численности организаций являются малыми предприятиями.

При этом в сфере обрабатывающих производств этот показатель выше – 42,4%. А в сфере генерирующих и добывающих производств находится на среднем по экономике уровне – 36,5% и 36,0%, соответственно. В то же время, в большинстве из секторов национальной экономики, не относящихся к сфере промышленного производства, доля малых предприятий в общей численности организаций находится на уровне в 40,0–57,9%.

На рис. 3 представлена диаграмма, иллюстрирующая базисные темпы роста численности малых предприятий по видам экономической деятельности в период с 2005 по 2011 гг. Из диаграммы видно, что в среднем по экономике за рассматриваемый период времени численность малых предприятий увеличилась на 87,5% (темп роста составил 187,5%), достигнув значения в 1 836,4 тыс. предприятий. В то же время в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды темп роста численности малых предприятий составил 393,1%, что является абсолютным рекордом. А вот в сфере обрабатывающих производств темп роста численности малых предприятий составил лишь 142,8%, что, напротив, является абсолютным антирекордом – это самый низкий темп роста по всем видам экономической деятельности. Численность малых предприятий в сфере добычи полезных ископаемых увеличивалась темпами, схожими с общеэкономическими, – темп роста составил 172,2%.

Таким образом, становится видно, что уровень развития малых форм предпринимательства в сфере промышленного производства приближен к средним по экономике показателям. В то же время здесь наблюдается и определенная специфика. Так, в абсолютном выражении, основная численность малых предприятий данной сферы сосредоточена в секторе обрабатывающих производств. В то время как в относительном выражении практически во всех секторах промышленности доля малых организаций находится на уровне чуть больше трети общей численности организаций. При этом, если темпы увеличения численности малых предприятий в добывающем и обрабатывающем

² Диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Российский статистический ежегодник. 2012: Статистический сборник. М.: Росстат, 2012. С. 355, 365.

секторах находятся на минимальных по экономике уровнях, то в генерирующем секторе, напротив, на максимальном уровне.

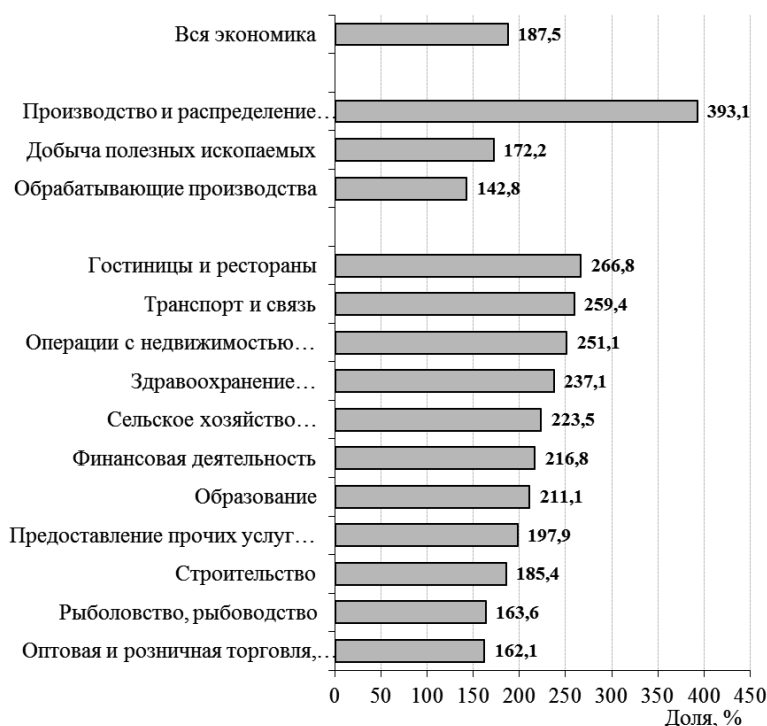

Рис. 3. Базисные темпы роста численности малых предприятий по видам экономической деятельности в период с 2005 по 2011 гг.³

ЛИТЕРАТУРА

- Клочков В.В., Критская С.С., Молчанова Е.В. (2013). Локализация высокотехнологичных производств и национальные интересы России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. № 35. С. 21–29.
- Садиг Р.И., Зейналов В.Р. (2012). Анализ взаимосвязи уровня концентрации и инновационной активности в промышленности // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. № 3. С. 21–26.
- Хисматуллина А.М. (2013). Социально-экономические аспекты развития малого бизнеса нефтехимической и нефтедобывающей отрасли Республики Татарстан // *Вестник Казанского технологического университета*. Т. 16. № 12. С. 309–312.

REFERENCES

- Hismatullina A.M. (2013). Social and economic aspects of development of small business of petrochemical and oil-extracting branch of the Republic of Tatarstan. *Messenger of the Kazan Technological University*, vol. 16, no. 12, pp. 309–312. (In Russian.)
- Klochkov V.V., Kritskaya S.S., Molchanova E.V. (2013). Localization of hi-tech productions and national interests of Russia. *National interests: Priorities and Safety*, no. 35, pp. 21–29. (In Russian.)
- Sadig R.I., Zeynalov V.R. (2012). The analysis of interrelation of level of concentration and innovative activity in the industry. *Problems of economy and management of an oil and gas complex*, no. 3, pp. 21–26. (In Russian.)

³ Диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Российский статистический ежегодник. 2006: Статистический сборник. М.: Росстат, 2006. С. 346; Российский статистический ежегодник. 2012: Статистический сборник. М.: Росстат, 2012. С. 365.

ИСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА РЫНКЕ ЗЕМЛИ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ¹

БЕЛОКРЫЛОВА О.С.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической теории,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru;

КИСЕЛЕВА Н.Н.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой государственного и муниципального управления,
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Пятигорск,
e-mail: kisnatasha@yandex.ru

На основе мониторинга рынка земли южных регионов России выявлены особенности его субъектной структуры, идентифицированы направления изменения соотношения различных категорий сельскохозяйственных земель. Это позволило включить в число причин возникновения земельных конфликтов в Северо-Кавказском федеральном округе специальные режимы предоставления земель и охарактеризовать сложившуюся институциональную ловушку в отношении выморочных земель, детерминируемую несоответствием различных формальных институтов, регулирующих земельный оборот.

Ключевые слова: рынок земли; субъекты; объект; сделки с землей; залог земель; особенности; специальные режимы; земельные этноконфликты.

INSTITUTIONAL CHANGES IN THE EARTH MARKET OF SOUTHERN REGIONS

BELOKRYLOVA O.S.,

Doctor of Science, Professor, Head of the Department "Economic theory",
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru

KISELEVA N.N.,

Doctor of Science, Professor,
Head of the chair «State and Municipal Management»,
North Caucasian Federal University, Pyatigorsk,
e-mail: kisnatasha@yandex.ru

Based on the monitoring of the land market in southern Russia there was revealed peculiarities of its subject structure, identified the direction of change in the ratio of various categories of agricultural land. It allowed to include in number of the reasons of the land conflicts emergence in North Caucasus federal district special modes of granting lands and to characterize the developed institutional trap concerning the unclaimed lands, determined by discrepancy of the various formal institutes regulating a land turn.

Keywords: land market; subjects; object; land bargains; security of lands; peculiarities; regimes; land conflicts.

JEL classification: B25, Q15.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета № 213.01-24\ 2013–173.

1. Затянутость формирования институционально-правовых основ рынка земли в России

Формирование рыночной экономической системы в России объективно обусловило необходимость включения земли (безусловно, как специфического товара) в рыночный оборот. Принятый в 2001 г. Земельный кодекс девять лет обсуждался в Думе, а традиционно высокая в России политизированность вопроса о земле обусловила его рамочный характер – он определяет правила и нормы рыночного оборота лишь городских и поселковых земель. Институционально-правовая основа рынка земель сельскохозяйственного назначения была сформирована Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002 г.), с принятием которого фактически было завершено в основном создание институциональных основ функционирования рыночной экономики в России. Отсутствие формальной институциональной базы обусловило стремительное расширение теневого оборота земель сельхозназначения, годовой объем которого составлял до 10 млрд долл. в 2010 г. в России (Ельский, 2002), в Украине – до 50–60 млн долл. Тем самым новый Закон лишь закрепил «де-юре» то, что давно уже существует «де-факто», т. е. осуществил формальную институционализацию неформальных правил оборота сельхозземель. Длительность процесса институционализации рынка земли в России характеризует его как институционально-хозяйственную систему с пролонгированной трансформацией отношений собственности на землю (Королюк, 2011).

Эффективный рынок земли с соответствующими ему экономическими и правовыми институтами является необходимым условием нормального функционирования всей агропромышленной сферы в рыночной экономике, поскольку земля выступает не только основным средством производства в сельскохозяйственном производстве, но и средой обитания более 26% населения России, проживающего в сельской местности, 37,5% населения ЮФО и 50,8% населения СКФО (Регионы России, 2012. С. 60). Рынок земли является эффективным механизмом реаллокации земель между ее собственниками на основе конкурентного спроса и предложения (Амосов, 2008. С. 49).

В целом, в структуре общего спроса на землю стремительно расширяется несельскохозяйственная составляющая вследствие высоких темпов жилищного и промышленного строительства. За последние полтора десятилетия в России из сельскохозяйственного оборота по разным причинам выбыло более 15 млн га сельскохозяйственных угодий (Доклад, 2012. С. 49).

2. Субъектная структура российского рынка земель сельхозназначения

В качестве традиционно выделяемых агрегированных субъектов рынка земли выступают: продавцы, покупатели, профессиональные участники и различные государственные органы. Важнейшим направлением институциональных изменений российского рынка сельскохозяйственных земель выступает проникновение банковских и промышленных корпораций в аграрный бизнес, особенно после кризиса 1998 г., что обусловило расширение субъектной структуры участников рынка земли за счет следующих их новых типов (Белокрылова, 2012):

- банки, осуществляющие кредитование агропредприятий и фермеров, в том числе под залог земель сельхозназначения;
- промышленные корпорации 1-й сферы АПК, обеспечивающие поставку средств производства субъектам аграрной сферы;
- перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию предприятия, а также субъекты транзакционного сектора АПК (например, зерновые компании Юг Руси, Астон Ростовской области);
- обслуживающие фирмы, предоставляющие производственные услуги сельхозтоваропроизводителям;
- смешанные фирмы (с долями государственного, муниципального и частного капитала) – машинно-технологические станции;
- предприятия, сочетающие черты нескольких перечисленных выше типов;
- бизнес-структуры, обслуживающие земельные транзакции;
- собственники земельных долей, выделившиеся из коллективных хозяйств с земельным наделом, но не создавшие крестьянских (фермерских) хозяйств или ликвидировавшие;
- частные инвесторы со спекулятивным спросом на землю;
- мелкие арендаторы (например, производители овощей).

Отношения собственности и соответствующие им права субъектов земельного рынка реализуются через различные формы рыночных сделок, специфика которых обусловлена соответствующим пучком прав собственности на землю, которым обладают продавцы земли. Полный пучок прав собственности по А. Оноре включает следующие права собственника: владения (физического контроля); пользования; управления; право на доход; право «суверена» – на отчуждение, потребление, изменение, уничтожение вещи; на передачу вещи по наследству; бесспорность; обязанность неиспользования вещи вредным для других способом; ответственность в виде взыскания; остаточный характер (Honore, 1961. Р. 112–128).

Основными видами сделок на рынке земли являются: купля-продажа, хозяйственное ведение и оперативное управление, дарение, наследование, мена, страхование, траст, аренда, залог (ипотека), пожизненное наследуемое владение, постоянное пользование, рента, концессия, приватизация государственных и муниципальных земель и т. д.

3. Мониторинг объектов земельного рынка Юга России

Анализ рынка земли Юга России предполагает, прежде всего, изучение состояния и динамики его объекта – земель сельскохозяйственного назначения, которыми располагают Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (табл. 1).

Таблица 1

**Сельскохозяйственные угодья субъектов Федерации Юга России
(2012г., тыс. га) (Доклад, 2012. С. 164)**

Субъекты РФ	Общая площадь в составе категорий всех земель	В составе земель сельскохозяйственного назначения					
		Всего	в том числе:				
			пашня	залежь	многолет. насажд.	сенокосы	пастбища
ЮФО	31 806	29 748	16 606	24,1	170,6	747,9	12 199
Адыгея	361	309,0	241,3	0,2	4,5	4,2	58,8
Калмыкия	6 296	5 968,6	850,1	11,9	2,0	92,2	5 012,4
Краснодарский край	4 711	4 245	3 754		97,8	51,5	342,3
Астраханская область	3 164	2 484	248	7,5	5,1	334,5	1 889,6
Волгоградская область	8 761	8 578	5 794	4,5	26,3	187,8	2 565,8
Ростовская область	8 512	8 162	5 720		34,9	77,7	2 329,9
СКФО	12 099	11 364	5 388	23	98,0	519,9	5 334,8
Дагестан	3 349	3 221	468	4,8	48,9	156,0	2 543,5
Ингушетия	222	140	82		3,4	5,5	49,7
Кабардино-Балкария	697	628	287		8,5	58,7	274,3
Карачаево-Черкессия	664	603	146	3,8	2,5	136,8	314,4
Сев. Осетия	401	315	184	0,4	4,0	20,0	106,5
Чечня	979	799	292		4,0	40,6	461,9
Ставропольский край	5 787	5 658	3 930	14,0	26,7	102,3	1 584,5

Например, в Карачаево-Черкесской республике на 1 января 2013 г. площадь земель сельскохозяйственного назначения составила 817,1 тыс. га, она увеличилась на 0,053 тыс. га за счет земель запаса (0,094 тыс. га) и уменьшилась за счет перевода в земли промышленности и земли особо охраняемых территорий (0,041 тыс. га) (Региональный доклад, 2012. С. 190). Аналогичная тенденция характерна и для других южных регионов, что свидетельствует о включении в хозяйственный оборот выведенных из него земель. Так, в Ростовской области прогнозируется увеличение посевных площадей с 4619,0 тыс. га в 2012 г. до 4719,4 тыс. к 2020 г. (Концепция, 2012. С. 44).

Основными формами сделок с землей, вовлеченной в рыночный оборот, в Кабардино-Балкарской республике выступают: сделки по продаже государственных и муниципальных земель – 837 на площади 133,65 га, 5,2% от общего количества сделок; сделки по продаже земельных участков крестьянским (фермерским) хозяйствам – 2 сделки (2011 г. – 5) на площади 27 (2011 г. – 7,1) га.

Таблица 2

**Сделки по продаже государственных и муниципальных земель в Карачаево-Черкесской республике (2012 г.)
(Региональный доклад, 2012. С. 191–192)**

	В населенных пунктах		В ненаселенных пунктах	
	кол-во сделок, ед.	Площадь, га	кол-во сделок, ед.	Площадь, га
Гражданам для:				
– индивидуального жилищного и дачного строительства	369	36		
– ЛПХ, садоводства, огородничества, животноводства	60	6,02		
– других целей	360	21,71		
Юридическим лицам для использования в целях промышленности и др.			1	4
– других целей	43	35,42	2	3,5
КФХ, сельхозпредприятиям, др. организациям для сельхозпроизводства			2	27

На сделки с землями сельскохозяйственного назначения (продажа земельных долей) приходится 207 (2011г. – 167) сделок на площади 1 668,98 (2011 г. – 1 486,14) га. Цены на земельные участки варьируют в зависимости от спроса, местоположения и целевого использования, хотя как правило они в договорах занижены. Тем не менее анализ динамики цен на республиканском рынке сельскохозяйственных земель показывает, что растут цены для всех категорий земель. Например, в Ростовской области особенно повысились цены земельных участков, приобретаемых фермерами как в черте населенных пунктов (на 12,7 руб. за 1 кв. м), так и полевых наделов (на 5,8 руб.). Это свидетельствует о росте спроса на земли для ведения сельскохозяйственного производства и отражает тенденцию позитивных сдвигов в его развитии. Однако в связи с повышением тарифов страховых платежей для индивидуальных предпринимателей с 1 января 2013 г. самоликвидировалось 18 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств по РФ, что позволяет прогнозировать снижение спроса на землю и ее концентрацию в более эффективных хозяйствах.

Для арендной платы за используемые государственные (муниципальные) земли складывается аналогичная тенденция – за полевые участки в Ростовской области она установилась в 2012 г. в 72,8 раза выше (3,64 руб. кв. м, чем в черте населенного пункта (0,05 руб. кв. м), что обусловлено, видимо, более льготными ставками арендной платы за земли, добавляемые к землепользованию личных подсобных хозяйств фермеров.

Важнейшей формой рыночных сделок с землей является также ипотечное кредитование – в 2012 г. сельхозтоваропроизводителям Ростовской области выдано 94 кредита на сумму 880,9 млн руб. под залог 63,2 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения.

4. Земельные конфликты и меры их предотвращения

Существенной особенностью современного состояния рынка земли на Юге России является существование специальных режимов предоставления земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, например, крестьянским (фермерским) хозяйствам, казачьим обществам – без проведения торгов. Эти специальные режимы предоставления земель сельскохозяйственного назначения определенным категориям субъектов земельных отношений порождают острые противоречия и земельные конфликты, особенно при совпадении интересов представителей различных льготных категорий в отношении соответствующего земельного участка.

Существенным лимитирующим фактором расширения объектов рыночного оборота земель сельхозназначения выступает отсутствие ряда составляющих институционального механизма использования невостребованных земельных долей. Фактически перераспределение прав собственности на значительную часть земель такого типа попало в институциональную ловушку: с одной стороны, согласно пункту 5 статьи 13 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» невостребованные земельные доли подлежат выделению в земельный участок, и в дальнейшем признается право собственности муниципального образования на него. Но, с другой стороны, значительную часть невостребованных земельных долей составляют выморочные земельные доли, единственным наследником которых является Российская Федерация (*Гражданский кодекс, 2013. Ст. 1151*). В результате эти земли выпадают из описанного механизма использования невостребованных долей, а закон о порядке наследования и учета выморочного имущества, переходящего в собственность РФ, и порядок передачи его в собственность субъектов Федерации или в собственность муниципальных образований до настоящего времени не принят. Сложившаяся институциональная ловушка препятствует институционализации права собственности муниципальных образований на выморочные невостребованные земельные доли и не позволяет вовлечь их в рыночный оборот. Только в Ростовской области имеется 37 тыс. га таких земель (*Концепция, 2012. С. 68*).

Вместе с тем расширению объектов рынка труда способствует ряд новых формальных правил. В частности, теперь осуществляется возмещение части затрат крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей при оформлении в собственность используемых ими земельных участков из сельхозземель (*Распоряжение, 2013*).

Следует особо отметить острую напряженность земельного вопроса в республиках и регионах СКФО, где компактно, даже, скорее, скученно, проживает 17% населения России с самым высоким ежегодным приростом численности. Нередко в таких условиях, осложненных предшествующей траекторией (Path dependence) (*Вольчик, 2004. С. 125–127; Arthur, 1989*) политического решения этноэкономических проблем, как показывают социологические исследования (*Григорьева, 2005*), возникают сложные коллизии в сфере земельных отношений (*Алисултанов, 2011*).

Обобщение результатов проведенного дискурсивного анализа ситуации вокруг земельных конфликтов на Северном Кавказе позволяет выделить два их типа:

- конфликт интересов, возникающий в поле взаимодействия автохтонного этноса (преимущественно относящегося к кавказскому) и местного населения преимущественно русского региона и идентифицируемый как этническая экспансия, примером которого является земельный конфликт в муниципальных районах Ставропольского края, наблюдавшийся на фоне экспансии и захвата земель этносами Северного Кавказа в районе Ставрополя в 1990-е гг.;
- конфликт интересов, идентифицируемый нами как конфликт ценностей, примером которого выступают наблюдающийся затяжной конфликт вокруг земель отгонного животноводства и курортных зон в Кабардино-Балкарии, земельные споры в ареале исторического расположения некоторых народов Дагестана, а также этнополитический конфликт с выраженным экономическим содержанием по поводу районирования и административного деления на муниципальные образования в Карачаево-Черкесской республике.

Изучение проблемных ситуаций и обобщение причин земельных конфликтов, наблюдаемых на Юге России, позволяет предложить следующие меры по предотвращению этнической напряженности вокруг земельного вопроса:

- учет региональной дифференциации и исторической составляющей в территориальном и административном делении на Юге России;
- выявление нелегального формата приватизации земель и их реституция;
- создание земельного фонда и внедрение механизмов информационной доступности населения в отношении различных видов сделок с землей, в том числе арендных;
- устранение административных и этносоциальных барьеров;
- обеспечение транспарентности сделок с землей;
- устранение эффекта наложения различных правовых систем и автономности юридического поля;
- обеспечение инфорсmenta и защиты частной собственности на землю.

Таким образом, рынок земли как сложноструктурированная система обеспечивает рациональное перераспределение земель между собственниками и эффективное их использование. Цивилизованное функционирование земельного рынка зависит от степени развития его институциональной среды, которую формируют правовые институты, этнические традиции отношений купли-продажи, аренды и других сделок с землей, сложившиеся в обществе, разнообразные организационные и процессуальные институты, составляющие инфраструктуру земельного рынка и обеспечивающие его эффективное функционирование.

ЛИТЕРАТУРА

Алисултанов А. (2011). Земельные конфликты перерастают в политические и усугубляются бездействием чиновников. Доступно на: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/197969/>.

Амосов А.А. (2008). О стратегии развития аграрной сферы // *Экономист*. № 9.

Белокрылова О.С. (2012). Особенности экономического развития аграрной сферы России в условиях членства в ВТО // *Экономика России и Европы в эпоху глобализации. Экономическое развитие, механизмы управления и информатизации стран ЕС*. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ.

Вольчик В.В. (2004). Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та.

Гражданский кодекс Российской Федерации. 2013. Ч. 3. Ст. 1151 // *Гарант*. Доступно на: <http://base.garant.ru/10164072>.

Григорьева Ю.Г. (2005). Балкано-кавказская конфликтная дуга: «пересечение параллелей» (социолого-исторический подход к анализу межнационального конфликта). Программа II Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» – «Будущее России: стратегии развития». Доступно на: http://www.socio.msu.ru/?s=science&p=sorokin_2005_6.

Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения (2012). М. Доступно на: <http://www.agroxxi.ru/zakonodatelstvo/doklad-o-sostojanii-i-ispolzovanii-zemel-selskohozjaistvennogo-naznachenija.html>.

Ельский Ю. (2002). Оборот сельхозземель – кто против? // *Крестьянские ведомости*. 10 июня. Доступно на: <http://www.agronews.ru/articles/detail/7827/>.

Концепция развития АПК Ростовской области на период до 2020 г. (2012). Доступно на: www.don-agro.ru/.

Королюк Е. А. (2011). Экономические противоречия формирования рынка земли современной Рост как институционально-хозяйственной системы. Краснодар: Изд-во Краснодарского кооперативного института.

Распоряжение Правительства РФ от 23 апреля 2013 г. № 656-р «Об утверждении распределения в 2013 г. субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на возмещение части затрат КФХ, включая ИП при оформлении в собственность используемых ими земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения» // *Гарант*. Доступно на: <http://base.garant.ru/10164072/64>.

Региональный доклад о состоянии и использовании земель в КЧР за 2012 г. Черкесск.

Регионы России. Социально-экономические показатели (2012): Стат. сб. М.: Росстат, 2012. Доступно на: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Arthur W.B. (1989) Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // *The Economic Journal*, vol. 99, no. 394.

Honore A.M. (1961). Ownership. In Oxford essays in jurisprudence. Ed. by Guest A.W. Oxford.

REFERENCES

Alisultanov A. (2011). Land conflicts escalate into political inaction and aggravated officials. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/197969/> (In Russian.)

Amosov A.A. (2008). Development Strategy of the agrarian sector. *Economists*, no. 9. (In Russian.)

Arthur W.B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events. *The Economic Journal*, vol. 99, no. 394.

Belokrylova O.S. (2012). Features of economic development the agrarian sphere in Russia in terms of membership in the WTO. Economy of Russia and Europe in the era of globalization. Economic development, governance mechanisms and information in the EU. Rostov-on-Don: SFU. (In Russian.)

Grigoriev Yu.G. (2005). Balkan and Caucasus conflict arc: "intersection of parallels" (sociological and historical approach to the analysis of ethnic conflict). Program II All-Russian Conference "Sorokin reading" – "The Future of Russia: Development Strategies." Available at: http://www.socio.msu.ru/?s=science&p=sorokin_2005_6. (In Russian.)

Honore A.M. (1961). Ownership. In Oxford essays in jurisprudence. Ed. by Guest A.W. Oxford.

Koroljuk E.A. (2011). Formation of economic contradictions of modern land market growth as institutional and economic system. Krasnodar: Univ. Krasnodar Cooperative Institute. (In Russian.)

Regional report on the status and use of land for KCR 2012. Vladikavkaz, 2012. (In Russian.)

Regions of Russia. Socio-economic indicators (2012). Rosstat. Moscow. 2012. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156. (In Russian.)

Report on the status and use of agricultural lands (2012). Moscow. Available at: <http://www.agroxxi.ru/zakonodatelstvo/doklad-o-sostojanii-i-ispolzovanii-zemel-selskhozjaistvennogo-naznachenija.html> The Civil Code of the Russian Federation. 2013, ch. 3, st. 1151. Garant. Available at: <http://base.garant.ru/10164072>. (In Russian.)

RF Government Decree of April 23, 2013 no. 656-r "On approval of the distribution in 2013 of subsidies from the federal budget to the budgets of the Russian Federation for reimbursement of expenses KFH, including SP when placing the ownership of land use from agricultural lands. Garant. Available at: <http://base.garant.ru/10164072/64>. (In Russian.)

The concept of agribusiness development Rostov region until 2020 (2012). Available at: www.don-agro.ru/. (In Russian.)

Volchik V.V. (2004). Evolutionary Paradigm and institutional transformation of the economy. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Yale J. (2002). Turnover of farmland – who opposed? Peasant – cal statements. June 10. Available at: <http://www.agronews.ru/articles/detail/7827/>. (In Russian.)

АНАЛИЗ ВЕЛИЧИНЫ НАНЕСЕННОГО И ПРЕДОТВРАЩЕННОГО УЩЕРБА ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИМИ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ

АНОПЧЕНКО Т.Ю.,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Теории и технологий
в менеджменте» экономического факультета,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: tyanopchenco@sfedu.ru;

АЙДАРКИНА Е.Е.,

ассистент кафедры «Теории и технологий в менеджменте» экономического факультета,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: katusha_ai@mail.ru

В статье рассмотрены основные причины загрязнения водных объектов Ростовской области, рассчитана величина экологического ущерба, нанесенного предприятиями-водопользователями, проведен анализ водоохраных и водовосстановительных мероприятий, реализуемых предприятиями области, и рассчитана величина предотвращенного ущерба от их реализации.

Ключевые слова: водные ресурсы; загрязнение; нанесенный ущерб; предотвращенный ущерб.

ANALYSIS OF THE MAGNITUDE OF THE DAMAGE AND OF PREVENTED DAMAGE TO WATER OBJECTS OF ROSTOV REGION ENTERPRISES FUNCTIONING ON ITS TERRITORY

ANOPCHENKO T.U.,

Doctor of Sciences, Professor of the Department «Theory and technology
in management», faculty of Economics,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: tyanopchenco@sfedu.ru;

AYDARKINA E.E.,

Assistant lecturer of the Theory and technologies in management», faculty of Economics,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: katusha_ai@mail.ru

The article considers the main causes of pollution of water objects of the Rostov region, calculated the value of the environmental damage caused to enterprises-water users, the analysis of water protection and the water recovery activities implemented by the enterprises of the region and calculated the value of avoided damage, from their implementation.

Keywords: water resources; pollution; damage; prevented damage.

JEL classification: Q51, Q53.

Ростовская область является крупным территориальным образованием Российской Федерации и отличается крупным ресурсным потенциалом. Запасы водных ресурсов области составляют 27,7 куб. км годового стока, из которых только 10% формируются в пределах области, а остальные поступают извне.

Основные источники водных ресурсов Ростовской области это реки, которых на территории области насчитывается около 4 500. Самые значительные из них: река Дон (одна из крупнейших в Европе), Северский Донец, Большая Каменка, Глубокая, Калитва, Быстрая, Кундрючья, Сал, Тузов, Большой Несветай, Грушевка, Маныч, Егорлык, Темерник, Лихая, Быстрая, протоки Аксай.

Практически все водоисточники Ростовской области, как поверхностные, так и подземные, подвергаются антропогенному воздействию с различной степенью интенсивности.

К основным загрязняющим веществам водных ресурсов Ростовской области относятся:

- нефтепродукты;
- органические вещества;
- азот;
- соединения меди;
- фенолы;
- нитраты;
- нитриты;
- железо;
- магний;
- сульфаты;
- ядохимикаты;
- цинк;
- пестициды (*Экологический вестник Дона*, 2013. С. 87).

Основные причины загрязнения водных объектов Ростовской области представлены на рис. 1.

Рис. 1. Основные причины загрязнения водных объектов Ростовской области

В связи с тем, что основными загрязнителями водных ресурсов области и нарушителями водного законодательства являются предприятия, представляется актуальным рассчитать величину нанесенного и предотвращенного ущерба предприятиями Ростовской области.

Величина экономического ущерба, нанесенного водной средой, определяется по формуле (Гирусова, 2007. С. 217):

$$Y_{\text{в}} = K_{\text{бг}} * K_{\text{в}} * K_{\text{ин}} * \sum_{i=1}^n H_i * M_i * K_{\text{из}}, \quad (1)$$

где:

$K_{\text{вг}}$ – коэффициент, учитывающий природно-климатические условия:

зима – 1,15

весна – 1,25

лето – 1,10

осень – 1,15;

K_v – коэффициент, учитывающий экологическое состояние водных объектов. Для реки Дон данный коэффициент равен 1,29, для Азовского моря 1,1–1,25;

$K_{ин}$ – коэффициент индексации, учитывает инфляционную составляющую экономического развития. В соответствии с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» № 371-ФЗ от 30 ноября 2011 г. коэффициенты индексации платы за НВОС в 2012 г. составляют: за нормативы платы за негативное воздействие на окружающую среду, установленные в 2003 г. Постановлением Правительства РФ № 344–2,05 (Федеральный закон РФ № 344, 2011);

H_i – уровень платы за выброс i -го загрязняющего вещества;

M_i – масса сброшенного i -го загрязняющего вещества.

$K_{из}$ – коэффициент, учитывающий интенсивность негативного воздействия на водные ресурсы, принимается в размере:

1, если ПДК веществ превышена в 10 раз

2, если ПДК веществ превышена в размере до 50 раз

5, более чем в 50 раз.

Коэффициент, учитывающий климатические условия, примем для расчета на уровне летнего периода для всех предприятий, т. е. равным 1,10.

Коэффициент интенсивности негативного воздействия примем средним для всех предприятий, равным 2,0.

Расчет ущерба, нанесенного предприятиями Ростовской области ее водным ресурсам, представлен в табл. 1.

(Норматив платы за 1 т загрязняющего вещества взят из Постановлением Правительства РФ № 344, 2003 г.)

Таблица 1

Расчет ущерба, нанесенного предприятиями Ростовской области ее водным ресурсам за 2012 г.

№ п/п	Предприятие	Загрязняющие вещества, сброшенные предприятием в водные объекты	Масса веществ (т)	Норматив платы за 1 т (руб.)	Величина ущерба (руб.)
1	ОАО «ПО Водоканал»	Алюминий Железо Медь Нитраты Нитриты Нефтепродукты Цинк	3,299 3,503 0,305 2946,933 80,367 11,272 2781,474	6 887 2 755 275 481 6,9 34 444 5 510 27 548	463 052 723,2
2	ОАО «Тагмет»	Алюминий Железо Цинк	2,754 4,308 1212,5	6 887 2 755 27 548	194 508 600,1
3	ОАО ТКЗ «Красный Котельщик»	Алюминий Железо Цинк	3,713 5,222 52,937	6 887 2 755 27 548	8 716 764,76
4	ОАО Концерн Росэнергоатом «Ростовская атомная станция»	Сульфаты Железо Азот аммонийный Нитриты Нитраты Медь Цинк	111,66 0,641 0,91 0,0495 11,603 0,17 0,61	2,8 2 755 551 34 444 6,9 275 481 27 548	411 914,1
5	ООО «ПК» «НЭВЗ»	Железо Цинк	0,911 0,053	2 755 27 458	23 096,2
6	Веселовский ф-л ФГБУ «Управление «Ростовмелиоводхоз»	Железо Магний	0,321 261,474	2 755 6,9	15 641,6
7	Волгодонский ф-л ФГБУ	Железо Магний	0,512 156,637	2 755 6,9	14 494,46
8	Аксайский ф-л ФГБУ	Кальций Магний Сульфаты	1,737 157,365 201,3	1,2 6,9 2,8	9 692,2
9	Шахта «Алмазная» ОАО «УК Алмазная»	Магний Сульфаты	521,337 197,45	6,9 2,8	21 530,1

Окончание табл. 1

№ п/п	Предприятие	Загрязняющие вещества, сброшенные предприятием в водные объекты	Масса веществ (т)	Норматив платы за 1 т (руб.)	Величина ущерба (руб.)
10	Семикаракорский ф-л ФГБУ	Железо Магний Медь Нитриты Кальций Натрий	0,959 500,79 0,027 0,522 1340,95 2414,86	2 755 6,9 275 481 34 444 1,2 2,5	209 773,29
11	ООО «Родник»	Железо Магний Сульфаты	0,736 148,992 216,32	2 755 6,9 2,8	21 301,8
12	МУП «Водоканал» г. Миллерово	Алюминий Железо Нитраты Нитриты Цинк	1,6223 2,0001 765,4 27,98 889,2	6 887 2 755 6,9 34 444 27 548	148 248 173,3
13	ОАО «Исток»	Железо Нитраты Нитриты	0,232 161,755 1,620	2 755 6,9 34 444	334 846,62
14	ОАО «Акса́йская ПМК Ростовсельхозводстрой»	Азот аммо́йный Фосфаты	0,8913 13,54	551 1 378	111 408,4
15	ООО «Водоотведение» г. Цимлянск	Азот аммо́йный Фосфаты Сульфиды	0,789 123,72 167,128	551 1 378 55 096	54 566 114,3
16	ООО «Газсервис» ШУ «Шолоховское»	Железо Кальций Сульфаты Магний	2,350 0,821 152,9 172,12	2 755 1,2 2,8 6,9	47 072,5
17	ОАО «Донская водная компания» Новошахтинский ф-л	Нитраты Фосфаты	10,327 13,59	6,9 1 378	109 366,75
18	ООО «Водоканал» г. Красный Сулин	Фосфаты	15,938	1 378	127 776,001

Из табл. 1 видно, что наибольший ущерб водным объектам был нанесен ОАО «ПО Водоканал» г. Ростов-на-Дону, ОАО «Тагмет» и МУП «Водоканал» г. Миллерово. Следует отметить, что приведенные суммы не сопоставимы с уровнями штрафов, установленными за загрязнение водных объектов. Кодексом об административных правонарушениях максимальная сумма штрафа для юридических лиц определяется в 40 000 руб. При такой системе штрафных санкций предприятиям экономически выгоднее нарушать водное законодательство и оплачивать штрафы, чем проводить водоохраные мероприятия и экологизировать свою деятельность.

Однако отдельные предприятия успешно реализуют природоохранные мероприятия, с целью снижения негативного воздействия на водные ресурсы.

Эффективность данных мероприятий оценивается с помощью показателя предотвращенного ущерба, который определяется по следующей формуле (Хаустов А.П., 2006. С. 75):

$$Y_{\text{пр}}^{\text{в}} = \sum_{j=1}^n (Y_{\text{уд}}^{\text{в}} * \sum_{i=1}^k M_{\text{нк}}^{\text{в}}) * K_{\text{з}}^{\text{в}}, \quad (2)$$

где:

$Y_{\text{пр}}^{\text{в}}$ – предотвращенный экологический ущерб в анализируемом регионе, в результате реализации n-го направления водоохранной деятельности, тыс. руб.;

$Y_{\text{уд}}^{\text{в}}$ – показатель удельного ущерба, наносимого водным ресурсам приведенной массой загрязняющих веществ для j-го водного объекта, руб./усл. т;

$M_{\text{нк}}^{\text{в}}$ – масса вредных веществ, не поступившая в j-й водный объект, из-за проведения n-го направления водоохранной деятельности, тыс. усл. т;

$K_{\text{з}}^{\text{в}}$ – коэффициент экологической ситуации, для Ростовской области составляет 1,56 (Постановление Правительства № 34, 2003);

Показатель удельного ущерба в ценах 2012 г. находим путем умножения величины данного показателя в ценах 2009 г. (Прохорова Н.Б., Косолапов А.Е., 2011) на индексы-дефляторы 2010 (Приказ Минэкономразвития № 465, 2009), 2011 (Приказ Минэкономразвития № 519, 2010) и 2012 гг. (Приказ Минэкономразвития № 612, 2011).

Таким образом:

$$Y_{\text{уд}}^{\text{в}} = 32867,6 * 1,295 * 1,372 * 1,4942 = 87257,07 \text{ руб./усл. т}$$

Расчет величины предотвращенного ущерба предприятий Ростовской области в результате проведения природоохранных мероприятий представлен в табл. 2.

Таблица 2

**Величина предотвращенного ущерба предприятий Ростовской области
в результате проведения природоохранных мероприятий в 2012 г.**

№ п/п	Предприятие	Перечень проведенных водоохранных мероприятий	Масса вредных веществ, не поступивших в водные объекты из-за проведенных мероприятий (усл. т)	Величина предотвращенного ущерба (руб.)
1	ОАО «ПО Водоканал»	1. Создана служба, позволяющая сократить время ликвидации аварийных ситуаций в сетях 2. Кап. ремонт и реконструкция объектов водоснабжения и водоотведения	16,327 2 678,211	366 783 285,777
2	ОАО «Тагмет»	1. Разработан «План организационно-технических мероприятий по охране окружающей среды» 2. Строительство водооборотных систем 3. Исключен сброс шламовых вод с насосных станций «Северная», «Южная», «Береговая»	- 128,13 1 138,19	172 372 781,7
3	ОАО ТКЗ «Красный Котельщик»	1. Ремонт «Миусского» водопровода 2. Утвержден график и проведены работы по очистке ливневой канализации	8,15 16,231	3 318 766,8
4	ОАО Концерн Росэнергоатом «Ростовская атомная станция»	1. Проведение анализа состояния водоема-охладителя, с выдачей рекомендаций и их исполнением 2. Модернизация установки сточных вод «Кристалл» 3. Проведение дноуглубительных и очистных работ канала насосной станции 4. Поддержание проектных параметров банкета водоема-охладителя 5. Реконструкция скважин на плотине водоема-охладителя 6. Кап. ремонт поля фильтрации № 23 очистных сооружений «свободного» режима	0,123 0,453 0,317 0,34 0,225 1,15	355 003,64
5	ООО «ПК» НЭВЗ	—	—	—
6	Веселовский ф-л ФГБУ Управление «Ростовмелиоводхоз»	1. Реконструкция объектов водоотведения	0,05	6 806,05
7	Волгодонский ф-л ФГБУ	1. Ремонт сетей 2. Реконструкция установки по очистке сточных вод	0,034 0,046	6 980,57
8	Аксайский ф-л ФГБУ	1. Ремонт сетей	0,027	3 675,27
9	Шахта «Алмазная» ОАО «УК Алмазная»	—	—	—
10	Семикаракорский ф-л ФГБУ	1. Модернизация установки по очистке сточных вод 2. Строительство водооборотных систем	0,8 0,18	133 398,61
11	ООО «Родник»	—	—	—
12	МУП «Водоканал» г. Миллерово	1. Кап. ремонт и реконструкция объектов водоснабжения и водоотведения	938,5	127 749 585,9
13	ОАО «Исток»	—	—	—
14	ОАО «Аксайская ПМК Ростовсельхозводстрой»	1. Строительство водооборотной системы 2. Реконструкция объекта водоотведения	0,29 0,215	68 741,12
15	ООО «Водоотведение» г. Цимлянск	1. Капитальный ремонт объектов водоотведения 2. Замена трубопровода канализации	72,72 85,12	21 485 343,25
16	ООО «Газсервис» ШУ «Шолоховское»	—	—	—
17	ОАО «Донская водная компания» Новошахтинский ф-л	—	—	—
18	ООО «Водоканал» г. Красный Сулин	1. Реконструкция объектов водоснабжения и водоотведения	0,39	53 087,2

Из табл. 2 видно, что ряд предприятий не проводил водоохранные мероприятия в исследуемом периоде. При этом ОАО Концерн Росэнергоатом «Ростовская атомная станция» было проведено 6 мероприятий. Максимальная величина предотвращенного ущерба принадлежит основным загрязнителям: ОАО «ПО Водоканал» г. Ростов-на-Дону, ОАО «Тагмет» и МУП «Водоканал» г. Миллерово.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о необходимости стимулирования субъектов водопользования к проведению водоохранных мероприятий, внедрению инновационных технологий и проведению работ с целью снижения негативного воздействия на водные объекты Ростовской области и повышения рациональности использования водных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

Гирусова Э.В. (2007). Экология и экономика природопользования. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С. 217.

О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2012 году // *Экологический вестник Дона*, Ростов н/Д, 2013. С. 87.

Постановление Правительства РФ от 12 июня 2003 г. № 344 «О нормативах платы за выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ стационарными и передвижными источниками, сбросы загрязняющих веществ в поверхностные и подземные водные объекты, размещение отходов производства и потребления». Доступно на: <http://base.garant.ru/12131296/>.

Приказ Минэкономразвития РФ от 01.11.2011 N 612 «Об установлении коэффициента-дефлятора на 2012 год». Доступно на: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=59471>.

Приказ Минэкономразвития РФ от 13.11.2009 no. 465 «Об установлении коэффициента-дефлятора на 2010 год». Доступен на: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=41662>.

Приказ Минэкономразвития РФ от 27.10.2010 no. 519 «Об установлении коэффициента-дефлятора на 2011 год». Доступен на: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=52195>.

Прохорова Н.Б., Косолапов А.Е. (2011). Схема комплексного использования и охраны водных объектов бассейна реки Дон. Доступно на: http://www.donbvu.ru/pictures/ne_4847728/ovos_skiovo.pdf.

Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» no. 371-ФЗ от 30 ноября 2011 г. Доступно на: <http://www.rg.ru/2011/12/02/budjet12-14-site-dok.html>.

Хаустова А.П. (2006). Природопользование, охрана окружающей среды и экономика. М.: изд-во РУДН. С. 75.

REFERENCES

Federal law «on the Federal budget for the year 2012 and the planned period of 2013 and 2014 no. 371-FZ of November 30, 2011, Available at: <http://www.rg.ru/2011/12/02/budjet12-14-site-dok.html>. (In Russian.)

Girossova E.V. (2007) Ecology and Economics of nature. M.: UNITY-DANA, pp. 217. (In Russian.)

Haustova A.P. (2006). Nature management, environmental protection and economy. M.: Izd-vo RUDN, pp. 75. (In Russian.)

On environment state and natural resources of the Rostov region in the year 2012. The Ecological Bulletin of the Don, Rostov-on-Don, 2013, pp. 87. (In Russian.)

Order of the RF Ministry of economic development of 01.11.2011 no. 612 "On establishing coefficient-deflator in the year 2012". Available at: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=59471>. (In Russian.)

Order of the RF Ministry of economic development of 13.11.2009 no. 465 "On establishing coefficient-deflator for 2010". Available on: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=41662>. (In Russian.)

Order of the RF Ministry of economic development of 27.10.2010 no. 519 "On establishing coefficient-deflator for 2011". Available on: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=52195>. (In Russian.)

Prokhorov N.B., Kosolapov A.U. (2011). Scheme of complex use and protection of water bodies of the basin of the Don river. Available at: http://www.donbvu.ru/pictures/ne_4847728/ovos_skiovo.pdf. (In Russian.)

Resolution of the RF Government of June 12, 2003 no. 344 "On rates of payments for emissions of air pollutants from stationary and mobile sources, discharges of pollutants into surface and underground water bodies, disposal of wastes of production and consumption". Available at: <http://base.garant.ru/12131296/>. (In Russian.)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТИТУТ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ЮГЕ РОССИИ¹

МОВЧАН И.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: movchani@mail.ru;

ИЩЕНКО-ПАДУКОВА О.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ishchenko-oa@mail.ru

В статье раскрываются особенности формирования и реализации инвестиционной политики регионов Юга России как института модернизации регионального предпринимательства.

Ключевые слова: региональная инвестиционная политика; южнороссийские регионы; региональное партнерство; инвестиционные приоритеты; инвестиционные альтернативы.

REGIONAL INVESTMENT POLICY AS AN INSTITUTION MODERNIZATION OF BUSINESS IN SOUTHERN RUSSIA

MOVCHAN I.V.,

PhD, Associate Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: movchani@mail.ru;

ISHCHENKO-PADUKOVA O.A.,

PhD, Associate Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: ishchenko-oa@mail.ru

The article describes the features of the formation and implementation of the investment policy of the South Russian regions as an institution modernization of regional business.

Keywords: regional investment policy; Southern Russian regions; regional partnership; investment priorities; investment alternatives.

JEL classification: O14, O16, O18.

Современные тенденции развития территорий Юга России требуют формирования и ускоренной реализации региональных стратегий экономического роста, где ключевым императивом выступает привлечение инвестиций и направление инвестиционных потоков в наиболее приоритетные, с точки зрения региональной конкурентоспособности, проекты. Повышение роли инвестиционной политики на уровне региона обусловлено необходимостью модернизации институтов предпринимательства как экономической основы регионального роста, поскольку «недостаточная функциональность базовых институтов предпринимательства в многоукладной региональной экономике Юга России оказывает определяющее воздействие практически на все сферы пространственного производства, что актуализирует необходимость их программной системной и ускоренной модернизации» (Мамедов О.Ю., Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В., 2013).

Системной задачей региональной политики привлечения инвестиций является идентификация конкурентных преимуществ территории и определение приоритетности направлений инвестиционных ресурсов государственных и частных инвесторов.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета № 213-01-24/2013-173.

В литературе справедливо отмечается, что «региональная инвестиционная политика заключается в выборе источников инвестиций, создании необходимой нормативно-правовой базы, определении государственных органов, ответственных за реализацию инвестиционной политики и привлечение инвестиций, в организации работы с инвесторами» (Угурчиев О.Б., Угурчиев Д.О., 2011).

Функционирование региональной экономики в модернизационных координатах основано на постоянном воспроизводстве инвестиционных ресурсов для инновационного роста, а инвестиционная политика во многом определяется экономическим состоянием территориального образования, в том числе величиной инвестиционных ресурсов, т. е. инвестиционным потенциалом региона, являющимся неотъемлемой частью экономического потенциала территории.

В условиях глобального перехода к инновационной экономике происходит трансформация базовых институтов регионального предпринимательства, предполагающая повышение доли наукоемких и высокотехнологичных производств, что влечет за собой соответствующие изменения в механизме и приоритетах регионального инвестирования. Поэтому конкурентоспособная стратегия регионального роста должна быть основана на привлечении инвестиций в сферу инновационного развития. При этом эффективность региональной экономической политики предопределяется трансформацией инвестиционных решений – переходом от преимущественно промышленных инвестиций к преимущественно инновационным инвестициям.

Конкурентоспособность региона на национальном и мировом рынках обеспечивается эффективностью использования уникальных конкурентных преимуществ, поэтому программы инвестиционного развития регионов, направленные на их максимизацию, будут способствовать повышению экономического роста в макроэкономическом аспекте и усилению роли регионов на глобальных рынках.

В последние годы региональное развитие Российской Федерации характеризуется положительной динамикой инвестиций в основной капитал: в период 2007–2011 гг. их объем увеличился почти вдвое практически во всех федеральных округах Российской Федерации (рис. 1).

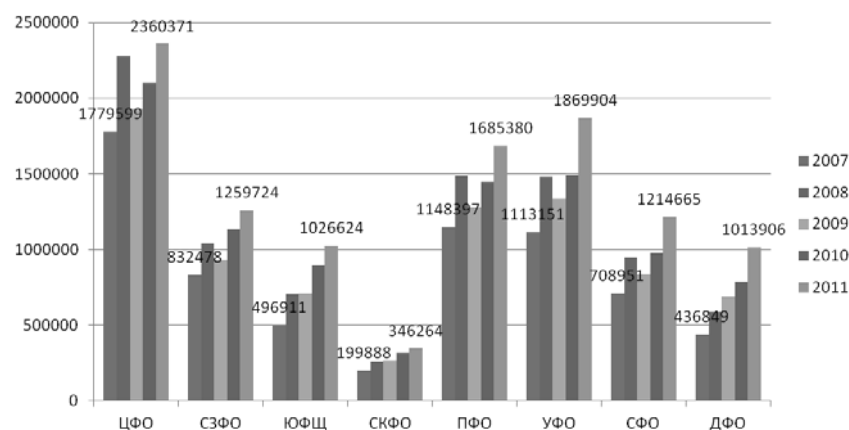

Рис. 1. Инвестиции в основной капитал по федеральным округам Российской Федерации (млн руб.)

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат.сб. / Росстат. М., 2012. С. 928.

Однако регионы Юга России (Южного и Северо-Кавказского федеральных округов) находятся на периферийных позициях среди других федеральных округов по объему привлекаемых инвестиций. Среди субъектов Федерации Юга России наиболее слабой динамикой характеризуются Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика (табл. 1).

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (млн руб.)

	2007	2008	2009	2010	2011
Южный федеральный округ	496 911	704 183	709 382	895 572	1 026 624
Республика Адыгея	10 973	13 275	15 874	14 036	16 708
Республика Калмыкия	6 151	7 950	8 106	6 970	9 269
Краснодарский край	229 714	332 532	377 013	577 781	676 201
Астраханская область	49 970	68 273	61 953	59 863	68 744
Волгоградская область	64 954	88 440	75 591	78 431	100 789
Ростовская область	135 150	193 713	170 845	158 490	154 914
Северо-Кавказский федеральный округ	199 888	260 241	267 085	313 412	346 264
Республика Дагестан	60 713	86 938	102 189	120 653	134 927
Республика Ингушетия	7 678	3 951	6 523	7 452	4 466
Кабардино-Балкарская Республика	12 788	15 889	17 514	20 958	17 654
Карачаево-Черкесская Республика	9 082	11 001	10 145	9 140	14 001
Республика Северная Осетия - Алания	14 644	17 032	13 927	16 204	21 104
Чеченская Республика	41 318	50 380	41 508	50 369	47 448
Ставропольский край	53 665	75 051	75 279	88 635	106 664

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат.сб. / Росстат. М., 2012. С. 928.

Кроме того, объемы поступлений иностранных инвестиций в экономику Южного и Северо-Кавказского федеральных округов являются самыми низкими среди федеральных округов Российской Федерации (рис. 2). Поэтому региональным органам власти для привлечения инвестиций необходимо сформировать оптимальную институциональную среду взаимодействия с иностранными инвесторами. А.Л. Рвачев подчеркивает, что «регионам следует выработать прозрачную и эффективную схему сотрудничества с инвесторами, которая позволит сократить количество административных барьеров, являющихся основным препятствием для иностранных инвестиций в российские регионы» (Рвачев А.Л., 2011).

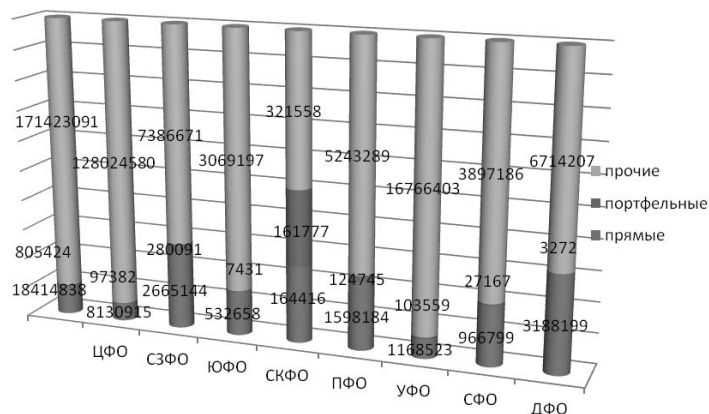

Рис. 2. Иностранные инвестиции в экономику Российской Федерации по федеральным округам (тыс. долл. США)
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат.сб. / Росстат. М., 2012. С. 948.

Проблемой региональной экономической политики выступает преодоление фрагментарности и замкнутости инвестиционных решений, т. е. инвестиционные проекты должны формироваться в соответствии с общей стратегией регионального развития и выхода региона на глобальный рынок. Практика такова, что на Юге России инвестиционные стратегии носят именно фрагментарный характер, о чем свидетельствует тот факт, что среди южнороссийских регионов половина субъектов Федерации вообще не привлекает иностранных инвестиций, это особенно характерно для Северо-Кавказского федерального округа, где лишь республика Дагестан и Ставропольский край являются их получателями (табл. 2).

Таблица 2

Иностранные инвестиции в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (тыс. долл. США)

Юг России	Инвестиции, всего	в том числе		
		прямые	портфельные	прочие
Южный федеральный округ	3 609 286	532 658	7 431	3 069 197
Республика Адыгея	110 783	50 674	-	60 109
Республика Калмыкия	-	-	-	-
Краснодарский край	767 508	254 553	6 350	506 605
Астраханская область	11 567	3 386	1	8 180
Волгоградская область	423 698	54 910	0,0	368 788
Ростовская область	2 295 730	169 135	1 080	2 125 515
Северо-Кавказский федеральный округ	647 751	164 416	161 777	321 558
Республика Дагестан	93 919	93 919	-	-
Республика Ингушетия	-	-	-	-
Кабардино-Балкарская Республика	-	-	-	-
Карачаево-Черкесская Республика	-	-	-	-
Республика Северная Осетия-Алания	-	-	-	-
Чеченская Республика	-	-	-	-
Ставропольский край	553 832	70 497	161 777	321 558

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат.сб. / Росстат. М., 2012. С. 948.

Такое положение дел обусловлено не только рядом объективных причин (геополитическое положение регионов, монопрофильная специфика отраслевой структуры производства большинства регионов Юга России и др.), но и слабой развитостью институтов регионального регулирования инвестиционного климата. В этих условиях создание эффективного механизма привлечения инвестиций в регионы Юга России выступает одним из направлений институциональной модернизации предпринимательства.

Региональная инвестиционная политика как институт модернизации предпринимательской сферы должна формироваться с учетом трех основных условий.

1. Наличие транспарентной системы регионального партнерства, в которой субъекты регионального предпринимательства и регионального управления взаимодействуют в процессе формирования и реализации инвестиционных стратегий. Экономически эффективное инвестиционное развитие предполагает государственно-частное партнерство в реализации определенных проектов. При этом масштабные государственные инвестиции должны создавать предпосылки для привлечения частных инвестиций в долгосрочной перспективе. Институциональные границы регионального партнерства призваны обеспечить достижение критической массы конкурентных преимуществ региона и направлений инвестирования в наиболее перспективные проекты. При этом в рамках региональной экономической политики должна обеспечиваться эффективность решений в отношении выбора инвестиционных альтернатив.

2. Наличие стратегической программы регионального роста, которая представляет собой «дорожную карту» территориального развития в долгосрочной перспективе. Усиление значимости инновационной составляющей регионального предпринимательства объективно предполагает включение в «дорожную карту» инвестиционного развития проектов, направленных на повышение инновационной емкости региона, создание условий для формирования наукоемких кластеров и высокотехнологичных производств. В стратегической программе регионального роста должны найти отражение как государственные инвестиции (предназначенные для реализации крупномасштабных инфраструктурных и общественных проектов), так и частные инвестиции региональных предпринимателей, в долгосрочном периоде превышающие краткосрочные предпринимательские и инвестиционные риски.

3. Обоснованность программы инвестиционных приоритетов с учетом конкурентных преимуществ региона. Можно выделить 5 основных инвестиционных приоритетов для осуществления институциональной модернизации предпринимательства регионов Юга России:

- инвестиции в предпринимательские и инновационно-технологические сети (кластеры);
- инвестиции в инфраструктуру;
- инвестиции в гражданское сотрудничество;
- инвестиции в человеческий капитал (в регионах, обладающих высоким научно-образовательным потенциалом);
- инвестиции в брендинг территорий (особенно в регионах, обладающих высокими конкурентными преимуществами в туристско-рекреационной сфере).

Для обеспечения хозяйственного роста в условиях модернизационного развития использование конкурентных преимуществ региона для определения инвестиционных приоритетов может, наряду с насыщением потребительского рынка и обеспечением притока денежных средств в регион, выступать в роли катализатора развития экономики региона в целом и, в конечном счете, способствовать улучшению жизни населения. При этом наличие ресурсного потенциала является базовым элементом для развития инвестиционного комплекса, который окажет положительное воздействие на развитие экономики региона.

Основная проблема, с которой сталкиваются регионы Юга России, это определение приоритетов инвестирования по указанным выше пяти приоритетным направлениям стратегического развития наиболее оптимальным образом. При этом оптимальность региональной инвестиционной стратегии предполагает поиск наилучшего способа использования конкурентных преимуществ территории с наименьшим инвестиционным риском. Достижение эффективности инвестиционных альтернатив представляет собой процесс принятия обоснованных инвестиционных решений, имеющих большую потенциальную экономическую отдачу против возможных предпринимательских, инвестиционных или инфраструктурных рисков.

Кроме того, выбор инвестиционного решения в стратегическом аспекте должен обеспечивать наибольшую степень доходности от вложений, вызывая дополнительные институциональные стимулы для инвестиций из других источников, включая иностранные.

В аспекте цикличности регионального экономического роста необходимо также учитывать три критические фазы инвестиционного процесса (фаза повышенного риска инвестиций, фаза стабилизации инвестиционных вложений, фаза инвестиционной отдачи).

На фазе первоначального финансирования обнаруживается высокая степень инвестиционных рисков, поскольку факторы неопределенности снижают дисконтированный эффект долгосрочной экономической отдачи от инвестиций. Кроме того на первой фазе инвестиционной стратегии при принятии инвестиционного решения значимым фактором выступают текущие возможности и позиции конкурентоспособности региона, которые впоследствии могут расшириться за счет первоначальных финансово-инвестиционных потоков или, напротив, снизиться по причине неэкономических или инфраструктурных рисков.

На второй фазе риски инвестиционных вложений снижаются за счет формирования регионального инвестиционного портфеля, основанного на сочетании высокорисковых инвестиций фазы первоначального финансирования с инвестиционными проектами с более высокими потенциальными доходами. Эта фаза является наиболее оптимальной для формирования региональных кластеров и развития инноваций, поскольку, с одной стороны, адаптирована общая региональная стратегия инвестиционного развития, а, с другой, созданы предпосылки для дальнейшего финансирования приоритетных направлений инвестиций.

Переход к третьей фазе инвестиционного процесса обусловлен мониторингом и оценкой текущего инвестиционного потенциала и диверсификацией инвестиционного портфеля в соответствии с целями и перспективами территориального развития. В результате учета специфики «критических фаз» инвестиционного процесса и обеспечивается позитивное изменение инвестиционного ландшафта региона.

Реализация такого подхода образует фундаментальную предпосылку регионального роста южнороссийских субъектов РФ, ввиду того, что системное решение усиливает экономический эффект в формировании необходимых условий инвестиционного развития территорий. В прикладном аспекте эффективности модернизации институтов предпринимательства будут способствовать те меры и направления региональной инвестиционной политики, которые позволят усилить конкурентоспособные позиции экономического роста южнороссийских регионов в процессах глобальной интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

Мамедов О.Ю., Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В. (2013). Институты предпринимательства: специфика и инструменты модернизации в регионах Юга России // *Вопросы регулирования экономики*. № 4.

Рвачев А.Л. (2011). Государственное регулирование привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику российских регионов // *Вопросы экономики и права*. № 5. С. 104–107.

Регионы России. (2012). Социально-экономические показатели: Стат.сб. / Росстат. М. С. 928, 948.

Угурчиев О.Б., Угурчиев Д.О. (2011). Методические аспекты региональной инвестиционной политики // *Экономические науки*. № 12(85). С. 241–246.

REFERENCES

Mamedov O.J., Ishchenko-Padukova O.A., Movchan I.V. (2013). Enterprise Institute: specificity and tools modernization in South Russia. *Journal of economic regulation*. № 4. (In Russian.)

Rvachev A.L. (2011). State regulation of foreign direct investment in the economy of the Russian regions. *Problems of Economics and Law*, no. 5, pp. 104–107. (In Russian.)

Regions of Russia. (2012). Socio-economic indicators: Stat.sb. Rosstat. M., pp. 928, 948. (In Russian.)

Ugurchiev O.B., Ugurchiev D.A. (2011). Methodological aspects of regional investment policy. *Economic Sciences*, no. 12(85), pp. 241–246. (In Russian.)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ И ТУРИСТСКИХ УСЛУГ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

ИЗМАЙЛОВА Т.В.,

старший преподаватель кафедры экономики, аспирант,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Ставропольский институт кооперации (филиал), г. Ставрополь,
e-mail: tatyana-izmailova@mail.ru;

МЕЩЕРЯКОВА Л.А.,

заместитель директора по научной работе, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Ставропольский институт кооперации (филиал) г. Ставрополь,
e-mail: L-dolik@rambler.ru

Развитию новых видов услуг, оказываемых в сфере туризма, лечения и отдыха, в последнее время уделяется самое пристальное внимание на территории Ставропольского края, обладающего по совокупности факторов огромным рекреационным потенциалом, который формирует конкурентные преимущества на рынке санаторно-курортных и туристских услуг. Необходимость осуществления качественных изменений в рекреационной составляющей Ставропольского края предопределила основные цели и задачи развития санаторно-курортного и туристского комплексов региона, направленные на повышение благосостояния населения за счет создания условий для удовлетворения потребностей российских и иностранных граждан в туристских услугах; увеличения поступлений в краевой бюджет; сохранения и роста числа рабочих мест в данной сфере экономики.

Ключевые слова: курортный комплекс; санаторно-курортные и туристские услуги; рекреационные ресурсы; конкурентное преимущество; виды туризма; туристская индустрия; финансирование; программы развития.

MAJOR ISSUES AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT RESORTS AND TOURIST SERVICES IN STAVROPOL TERRITORY

IZMAILOVA T.V.,

Senior Lecturer, Department of Economics, Postgraduate,
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
Stavropol Institute of Cooperatives (branch) of Stavropol, Stavropol,
e-mail: tatyana-izmailova@mail.ru;

MESHCHERIAKOVA L.A.,

Vice director for scientific work, Doctor of Science, Professor,
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
Stavropol Institute of Cooperatives (branch) of Stavropol, Stavropol,
e-mail: L-dolik@rambler.ru

The closest attention to territories of Stavropol region possessing on sets of factors huge tourist potential, which forms competitive advantages in the market of sanatorium and tourist services, is paid recently to development of the new types of service rendered in the sphere of tourism, treatment and rest. Need of implementation of high-quality changes for a recreational component of Stavropol region predetermined main objectives and problems of development of sanatorium and tourist complexes of the region directed on increase of welfare of the population for the account

creation of conditions for satisfaction of needs of the Russian and foreign citizens in tourist services; increases in receipts in the regional budget; preservation and growth of number of workplaces in this sphere of economy.

Keywords: resort complex; sanatorium and tourist services; recreational resources; competitive advantage; types of tourism; tourist industry; financing; development programs.

JEL classification: L83.

Одним из направлений инновационного, социально-ориентированного экономического развития Ставропольского края является развитие инфраструктуры отдыха и туризма, доступности и конкурентоспособности санаторно-курортных и туристских услуг с целью удовлетворения потребности российских и иностранных граждан в полноценном лечении и отдыхе, увеличение и сохранение рабочих мест, рост налоговых поступлений в краевой бюджет. Обладая уникальными природными, рекреационными ресурсами и более чем 200-летним опытом оказания санаторно-курортных услуг, сегодня Ставропольский край может принимать свыше 2-х млн туристов и отдыхающих в год, при этом доля оказываемых услуг санаторно-курортным комплексом Кавказских Минеральных Вод (далее – КМВ) составляет около 17% в общем объеме данного вида услуг, оказываемых на территории России (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю).

Существующая высокая конкуренция на мировом рынке туристских услуг диктует необходимость постоянного совершенствования системы управления учреждениями санаторно-курортного комплекса, модернизации материально-технической базы туристско-экскурсионных объектов.

Общеизвестно негативное влияние последствий системного кризиса 90-х гг. XX в., подорвавшего сложившуюся систему функционирования санаторно-курортного комплекса КМВ. Реформы, активно проводившиеся в этот период в России, разрушили основы прежнего функционирования курортного комплекса страны, не создав новых и не обозначив четких целей функционирования и развития отрасли. Средства социального страхования были выведены из-под управления профсоюзов, которые в связи с этим утратили функции распределения санаторных и оздоровительных путевок и компенсации отдыхающим части их стоимости. Созданные государственные фонды социального страхования перестали выделять какие-либо средства рекреационным предприятиям, кроме оплаты стоимости путевок, что лишило здравницы средств на расширенное воспроизводство. Тяжелое экономическое положение большинства отраслей народного хозяйства резко уменьшило еще один источник финансирования курортного комплекса – средства фондов потребления промышленных предприятий, главной задачей которых стала борьба за выживание. Это не могло не сказаться на состоянии курортных учреждений, статистические показатели санаторно-курортного обслуживания резко ухудшились. За период с 1990 по 1995 гг. численность отдыхающих, предпочитающих регион КМВ, уменьшилась более чем в 3,6 раза, количество мест в здравницах – на 34%. Особенно сильно экономические реформы сказались на функционировании туристских баз, имевших наименее комфортные условия размещения и наиболее слабую материальную базу. Количество мест в них снизилось за 5 лет в 2,7 раза, а ежегодное количество туристов – в 7,6 раза. Только по курортным учреждениям Федерации независимых профсоюзов годовой объем капитальных вложений составил 41,7 млн руб. против 185,8 млн в 1990 г. В 1995 г. истекли нормативные сроки эксплуатации более 1,5 тыс. деревянных корпусов на 49 тыс. мест, а 107 здравниц на 33,6 тыс. мест нуждались в полной реконструкции. Убытки санаторно-курортного комплекса профсоюзов в этот период возросли на 1 365 млн руб., а численность работающих в отрасли сократилась на 23% (Ветитнев, 2006).

Наиболее значительные изменения произошли на курортах всероссийского значения с выраженной сезонностью потребления курортных услуг. Среднегодовая заполняемость здравниц Пятигорска, Кисловодска, других городов КМВ в последние годы не превышала 60%. Прежде всего это было связано с возросшей стоимостью авиационных и железнодорожных билетов, нестабильной политической ситуацией, близостью этих курортов к зонам вооруженных конфликтов, традиционно более высоким уровнем цен в курортных местностях на основные группы потребительских и продовольственных товаров в сравнении с другими регионами страны. С каждым годом уменьшается и среднее количество дней пребывания отдыхающих на курорте. Происходит переориентация основных целей поездок на всероссийские курорты, от лечения к отдыху.

Наряду с количественными изменениями курортный комплекс страны реформировался качественно. В соответствии с российским законодательством многие здравницы обрели новые организационно-правовые формы. Из 2 416 стационарных рекреационных предприятий (учреждений) страны в государственном секторе осталось чуть больше трети (35,5%), остальные здравницы приобрели статус акционерных обществ (товариществ) или являются курортными филиалами крупных предприятий. Приобретение хозяйственной самостоятельности рекреационных предприятий, отсутствие централизованного распределения путевок и дотаций на них привели к созданию рынка путевок, отражающего предложение средств размещения данного сектора экономики.

Резко возросло количество отдыхающих, приобретающих путевки (туры) за полную стоимость и предъявляющих совершенно иные требования к уровню сервиса и разнообразию курортных услуг, т. е. изменился спрос на курортные услуги. Удовлетворение индивидуального спроса, в свою очередь, сформировало институт посредников между потребителями санаторно-курортных услуг и предприятиями размещения в лице турагентов и туроператоров, а также различных курортных и оздоровительных объединений.

Таким образом, в новых экономических условиях наблюдается формирование современного рынка санаторно-курортных услуг, отражающего определенную адаптацию курортов к рыночным условиям. Показатели рекреационно-

го обслуживания ощутимо увеличились, что подтверждает объем оказанных санаторно-курортных услуг, а также увеличение их доли в общей структуре платных услуг населению страны. Однако после резкого сокращения финансирования государством санаторного лечения по линии социального страхования, ситуация в этой сфере вновь ухудшилась, показатели заполняемости всероссийских курортов снизились на 7–10%. Небюджетные здравницы окончательно утратили поддержку государства и приняли активное участие в формировании рынка рекреационных услуг (Ветитнев, 2006). До 1990-х гг. санаторно-курортный и туристский комплекс Ставрополье ежегодно принимал более 1 млн российских и иностранных граждан, это на 12% превышало уровень 2010 г., в котором Ставропольский край посетили 880 тыс. туристов, что объясняется в первую очередь качеством оказываемых услуг и отсутствием необходимой инфраструктуры. В период с 2005 по 2008 гг. на развитие туристской отрасли краевым бюджетом ежегодно выделялось всего около 4,5 млн руб., а в 2009–2011 гг. средства точно выделялись только на реализацию отдельных мероприятий в рамках краевой целевой программы «Поддержка выставочно-ярмарочной и презентационной деятельности в Ставропольском крае на 2010–2012 годы». Сложившаяся ситуация в туристской отрасли к концу 2011 г. была объективно обусловлена рядом внешних и внутренних факторов, сдерживающих развитие рекреационного комплекса региона. Основными среди них, на наш взгляд, являются следующие: неразвитость инфраструктуры региона, особенно туристской; слабая организация работы по развитию всего рекреационного комплекса края со стороны органов местного самоуправления муниципальных образований; диспропорции в развитии санаторно-курортного и туристского комплексов края в сторону лечебно-оздоровительного направления; неэффективное использование имеющегося рекреационного потенциала; слабая маркетинговая политика в отношении туристского продукта; ориентированность туристских компаний, осуществляющих свою деятельность на территории Ставропольского края, на выездной туризм за пределы России.

В общем объеме услуг, оказанных санаторно-курортным и туристским комплексами края, санаторно-курортные услуги занимают 87,1%, услуги гостиниц и прочих мест проживания – 7,2%, услуги по экскурсионному обслуживанию – 5,7% (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю). Все эти и иные факторы обусловили необходимость осуществления качественных изменений в рекреационной составляющей Ставропольского края в целом, включая развитие кадрового потенциала в сфере санаторно-курортных и туристских услуг, методического обеспечения всей туристской индустрии, формирование соответствующей маркетинговой политики, развитие приоритетных для Ставропольского края видов туризма и туристических кластеров. Развитие новых видов услуг, оказываемых в сфере туризма, лечения и отдыха, в последнее время уделяется самое пристальное внимание и за рубежом, и в России, в том числе на территории Ставропольского края, обладающего по совокупности факторов (климатические ресурсы, земельные ресурсы, рельеф, флора, фауна, бальнеологические ресурсы) огромным туристским потенциалом, который формирует конкурентные преимущества региона на рынке туристских услуг. В последнее время кроме традиционного для края лечебно-оздоровительного направления оказания туристских услуг, в рамках которого туристам предлагается отдых и лечение более чем в 132 здравницах и 70 отелях, расположенных в особо охраняемом эколого-курортном регионе КМВ, в регионе к услугам отдыхающих добавить и другие новые, развивающиеся виды туризма.

Это деловой туризм, объединяющий корпоративную трэвел-индустрию (corporate travel industry) и деловых встреч (МСЕ), конгрессно-выставочный и интенсив-туризм, центрами развития которых на территории края являются города Ставрополь, Невинномысск, Пятигорск.

Паломнический туризм, представляющий собой совокупность поездок представителей различных конфессий с паломническими целями по святым местам, их ожидают более 20 соборов и храмов Благочиния Ставропольской епархии, включая «Храмовое Ожерелье» Ставрополья, Второ-Афонский Свято-Успенский мужской монастырь на горе Бештау, Свято-Георгиевский женский монастырь в г. Минеральные Воды, Спасский кафедральный собор, храмы и соборы в Буденновском, Труновском, Георгиевском, Красногвардейском муниципальных районах, городах Пятигорске, Железноводске, Ставрополе, множество святых мест, связанных с жизнью и деятельностью известного старца и чудотворца Феодосия Кавказского.

Рыболовно-охотничий туризм, предполагающий и просто прогулки по заповедным местам, фото-, кино-, видеоохоту, рыболовный туризм, охоту как развлечение и вид спорта, регулируемый законодательством Российской Федерации в 16 государственных заказниках, трех егерских кордонах в Красногвардейском, Ипатовском, Петровском, Шпаковском муниципальных районах. Отдыхающие могут посетить озеро Маныч-Гудило, реки Кубань, Куму, Подкумок, Терек, Егорлык, Калаус, ждут их малые реки – Кугульта, Томузловка, Айгурка, Грачевка, водохранилища – Егорлыкское, Новотроицкое, Отказненское, Пролетарское, Чограйское, расположенные в живописных, первозданных степных просторах края.

Событийный туризм предполагает путешествия и поездки, приуроченные к определенным, значимым событиям, классифицируемым по масштабам событий и их тематике. Традиционные для проведения на Ставрополье, уже много лет действуют и положительно себя зарекомендовали такие ежегодные мероприятия, как музыкальный фестиваль «Осень Ставрополья», кинофестиваль «Золотой витязь», международный фестиваль воздушных шаров «КМВ – Жемчужина России», чемпионаты и первенства России по экстремальным видам горного велосипеда, Южно-Российский курортный форум «Кавказская здравница», международный фестиваль туризма «Туристское Ставрополье» и др. мероприятия.

Сельский (агро-) туризм, особенно актуальный для Ставропольского края, исконно ориентированного на сельскохозяйственную отрасль экономики государства, предлагает временное проживание отдыхающим и туристам в сельской местности на территории края, с целью отдыха, а также познавательной

Экстремально-спортивный туризм активно развивается преимущественно на территории Ставропольского края, сохранившей уникальный ландшафт (г. Юца Предгорного района, КМВ, Кочубеевский, Апанасенковский муниципальные районы, с использованием активных видов путешествия: пешком, на лыжах, велосипеде).

Этнографический туризм также приемлем для Ставропольского края, поскольку ориентирован на посещение объектов для исследования архитектуры, изучения культурных традиций и быта народов, этноса, когда-либо проживавшего на данной территории. Наибольший интерес представляет туристский кластер «Левокумье», Казачье подворье Предгорного муниципального района.

С целью создания условий для устойчивого развития туристской индустрии, способной обеспечить широкие возможности для удовлетворения существующей потребности в туристских услугах, Правительством Ставропольского края приняты целевые программы (*Постановление Правительства...*, 2011). Основными задачами развития санаторно-курортного и туристского комплексов Ставропольского края, в соответствии с принятыми Программами, являются повышение благосостояния населения Ставропольского края, для чего планируется создание условий для удовлетворения потребностей российских и иностранных граждан в туристских услугах, увеличение поступлений в краевую бюджет, рост количества рабочих мест. Учитывая актуальность и комплексный характер намеченных планов, необходимость согласованных действий органов исполнительной власти Ставропольского края, органов местного самоуправления муниципальных образований и туристских компаний, решение задач планируется осуществлять программно-целевым методом, направленным на создание условий эффективного управления финансовыми ресурсами, обеспечивающими функционирование туристской индустрии. Государственная политика в сфере развития курортов и туризма определяет конкретные действия: развитие санаторно-курортного и туристского комплексов Ставропольского края и особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации – Кавказских Минеральных Вод; формирование положительного имиджа Ставропольского края как туристского региона на внутреннем и международном туристских рынках; рекламно-информационное обеспечение продвижения туристского продукта региона на внутреннем и международном туристских рынках; привлечение инвестиций для развития курортов и туризма на территории Ставропольского края.

Как результат реализации основных мероприятий, предусмотренных целевыми Программами развития курортов и туризма, в регионе ожидается увеличение доли сферы туризма в валовом региональном продукте на 10%, создание и сохранение более 5 000 рабочих мест в индустрии туризма. Начиная с 2017 г. величина дополнительных налоговых поступлений в консолидированный бюджет края от организаций санаторно-курортного и туристского комплексов должна составить порядка 71,4 млн руб. ежегодно, что поможет обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие всего Ставропольского края.

ЛИТЕРАТУРА

История развития курортного дела (2006). Курортное дело: учеб. пособие для вузов / Под ред. А.М. Ветитнева, Л.Б. Журавлева. М. Гл. 5. С. 145.

Постановление Правительства Ставропольского края от 20.07.2011 г. № 287-п «О краевой целевой программе «Развитие курортов и туризма в Ставропольском крае на 2012–2016 годы».

Постановление Правительства Ставропольского края от 29.12.2012 г. № 569-п «Об утверждении государственной программы Ставропольского края «Туристско-рекреационный комплекс».

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. Доступно на: www.stavstatgks.ru.

REFERENCES

History of development of resort business (2006). Resort business: studies. grant for higher education institutions. Under the editorship of A.M. Vetitnev, L.B. Zhuravlev. M., vol. 5, pp. 145. (In Russian.)

Territorial department of the Federal State Statistics Service of the Stavropol Territory. Available at: www.stavstatgks.ru. (In Russian.)

The resolution of the government of Stavropol Territory from 20.07.2011r. No. 287-p "About the regional target program "Development of Resorts and Tourism in Stavropol Territory for 2012-2016"". (In Russian.)

The resolution of the government of Stavropol Territory from 29.12.2012. no. 569-p "About the statement of a state program of Stavropol Territory "Tourist and recreational complex"". (In Russian.)

КЛАСТЕРНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ПРОКОПЕНКО З.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии и
экономической политики экономического факультета,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
email: prokopenkozolina@list.ru

В статье раскрывается сущность кластерной организации региональной подсистемы общественного производства. Автором представлен системный анализ кластеризации и ее влияния на экономическую эффективность регионального рынка.

Ключевые слова: кластер; конкурентоспособность; интеграция; кооперация; интенсификация; предпринимательские сети; производительность; инновация.

CLUSTER DETERMINANT OF REGIONAL DEVELOPMENT

PROKOPENKO Z.V.,

Ph.D., Assistant Professor of Political Economy and Economic
Policy Economic faculty,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
email: prokopenkozolina@list.ru

In article the essence of cluster organization regional subsystem of social production. The author presents systematic analysis of clustering and its impact on the economic efficiency of the regional market.

Keywords: cluster; competitiveness; integration; cooperation; intensification; business network; performance; innovation.

JEL classification: O10, O18.

В современной системе инновационно-ориентированной хозяйственной активности ключевых компонентов национальной экономики к наиболее актуальным вопросам ее развития относят вопросы кластеризации региональной подсистемы. Ультрапопулярность кластерного подхода-свидетельство регионализации экономической политики как идеологического контекста решения проблем инновационного развития базового промышленного комплекса. Кластеризация выступает необходимой рыночно-производственной надстройкой, обеспечивающей консолидацию разнородных элементов общественной системы на локальном уровне, раскрывающей внутренний региональный потенциал вертикальной и горизонтальной интеграции. В связи с этим необходим комплексный подход к анализу кластерной составляющей рыночной экономики, позволяющий раскрыть сущность и специфику эмпирически обусловленных процессов кластеризации.

Этимологический конструкт дефиниции «кластер» отнюдь не является неологизмом, несущим новую смысловую нагрузку и открывающим новую методологическую основу для переосмысления существующей экономической реальности. Новая дефиниция скрывает давно известное явление в системе корпоративных отношений, такое как «промышленный комплекс», «производственные сети» – устойчивое объединение производственных компаний в рамках данного отраслевого сегмента, обоснованное территориальной общностью и кооперационными связями. Новое в использовании этого понятия определяется не содержательной инновацией в лексическом значении слова, а в превращении его в экономический фактор инновационного развития региона. Кластеризация стала объективным условием повышения конкурентоспособности региона, благодаря инновационному включению точек роста внутри-регионального рынка. Именно такая идеологическая платформа кластерной модели экономики предложена М. Портером, определяющим кластер как инструмент конкурентной стратегии для экономики региона или страны в целом, основанной на стимулировании инноваций и экономического развития. Согласно этой модели производственная

структура конкретного региона должна развиваться по направлению, позволяющему использовать продукт одной отрасли для нужд нескольких других. Соответственно, формируются устойчивые экономические связи, позволяющие поддерживать производственно-организационную и институциональную целостность экономики региона. Кластер выступает специфическим субъектом конкуренции по М. Портеру и определен им как «группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и поддерживающих организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» (Портер, 2005. С. 256).

Таким образом, кластер представляет собой комплексное экономическое явление, существенно влияющее на стратегически важный показатель активности региональной экономики – конкурентоспособность. При этом можно выделить 3 ключевые составляющие конкурентоспособности: производительность, инфраструктурная диверсификация (создаются условия для появления новых и преобразования старых форм и видов бизнес-активности) и инновационность (ориентация на принципиально новые знания, позволяющие использовать качественно новые формы взаимодействия факторов производства). Все они тесно взаимообусловлены и указывают на базовый экономический конструкт – «ресурсы–предприятие–продукт», служащий хозяйственной платформой национальной экономики (отдельного региона), на базе которой и возводится ее предпринимательская надстройка.

Ресурсы и их спецификация определяют сравнительные преимущества региона и субъектное разнообразие хозяйствующих институтов, представленных множеством институционально закрепленных организационно-правовых форм. В этом случае конкурентоспособность определяется как возможность субъекта хозяйственной деятельности занять свою нишу на рынке товаров (услуг) посредством опережающего снижения общественно-необходимых затрат. А значит, речь идет о самой возможности производить рыночно адаптивную продукцию, отвечающую всем требованиям конкурентоспособного рынка, и, как следствие, получать значительную экономическую выгоду, повышающую экономический потенциал региона. При этом создавать рыночно адаптивную продукцию – значит, наделять ее такими потребительскими свойствами, которые принципиально отличны от существующих на рынке аналогов по ряду критериальных признаков (уровень средних затрат, цена, качество). Важнейшее место в этой логической взаимосвязи занимает «домохозяйство», которое должно приобрести статус «платежеспособное домохозяйство». Платежеспособное в том смысле, что приобретает все необходимые условия для эффективного использования своего трудового потенциала, т. е. способность занять эффективные по уровню оплаты и условиям труда рабочие места. Речь идет о конкурентоспособности домохозяйства в сфере формирования личных доходов, объективно показывающей рыночный потенциал всех инвестиционных планов достижения чистой экономической выгоды.

Все эти аспекты конкурентоспособности имеют экономические пределы, обусловленные территориально замкнутым пространством региона. Иными словами, важнейшим аспектом в повышении эффективности национальной экономики становится вопрос региональной состоятельности хозяйственного конгломерата. Отсюда обусловлена необходимость запуска внутрирегиональных механизмов повышения конкурентоспособности регионального хозяйствующего субъекта и регионального домохозяйства, взаимодействие которых определяет масштабы воспроизводства регионального продукта.

Отсюда можно определить ту систему координат, в которой будет рассматриваться кластеризация как системное явление, входящее в парадигму конкурентоспособности. Локализация экономического пространства, участники которого находятся в четко прослеживаемой интеграционной зависимости, позволяет создать устойчивый не прерывающийся характер взаимодействий, направленных на усиление конкурентных позиций каждого участника и региона в целом. Субъекты такого взаимодействия поставлены в жесткие рамки технологической, социальной и экономической ответственности перед другими участниками объединения. Это создает эффект корпоративного единства в отношении продуктивного использования ресурсов, определения инвестиционно перспективного технологического множества и разработки маркетинговой стратегии реализации кластерного внутреннего продукта как результата производственной кооперации.

Интеграционные директивы давно определили характер экономических отношений в современной экономике. Речь идет о формировании и развитии предпринимательских сетей, задача которых интегрировать представителей сегмента малого и среднего бизнеса с представителями крупного бизнеса с целью диверсификации предпринимательской деятельности и расширения рынков влияния. Такие сети имеют неустойчивый характер, так как институциональной основой их выступают компоненты рынка, диктующие автоматическую координацию действий. Такого рода объединения существуют в большей степени посредством кооперационных и информационных связей, нежели имущественных, которые ограничиваются долевым участием в доходоприносящих активах.

Кластерные объединения в этом смысле не просто предпринимательские сети, локализованные в четко определяемых территориальных границах. По своей сути – это более сложные социально-экономические образования, включающие помимо совокупности субъектов предпринимательской деятельности еще и разветвленную сеть институтов поддержки (государственные управленческие институты, социальные институты, финансовые институты, информационные институты). В основе кластеризации лежит принцип межотраслевого объединения участников, основанного на вертикальных взаимосвязях между разнопрофильными организациями, самостоятельно иницилирующими или поддерживающими на том или ином этапе инновационные процессы.

В основе кластеризации лежит необходимость технологической модернизации хозяйственного комплекса в рамках территориально ограниченного социально-экономического пространства. В этом смысле кластерная организация системы социально-производственных отношений подчиняется принципу территориальной локализации всех форм интеграционно-кооперационных взаимодействий. Субъектный анализ этих взаимодействий определяет каче-

ственное многообразие межсубъектных связей, участниками которых становятся не только и не столько субъекты предпринимательской деятельности, движимые частнособственническими интересами, но и субъекты социальной деятельности, субъекты регулирующей и координационной деятельности.

Кластерная форма активации хозяйственных связей предполагает более широкий функциональный спектр, что позволяет относить ее к полифункциональным структурам (Терешин, 2011. С. 143). В частности, выполняет пространственно-распределительную функцию – функцию распределения ресурсов, информации, технологий, в целом знания. Объединение разнородного состава экономических субъектов упрощает процесс передачи бизнес-опыта в данном сегменте хозяйственных проблем, что ведет к качественно новому пониманию функционирования регионального промышленного комплекса. Кластер создает емкую информативную среду, где наряду с формальными (явными) работают более эффективные – неявные формы передачи знания, что позволяет компенсировать дефицит технической, экономической, юридической информации его участникам.

Другая системно важная функция, выполняемая кластером – автономизация составляющих его элементов (организаций и учреждений). Это обеспечивает самоорганизованность в системе внутрикластерных взаимодействий фирм, государственных учреждений и других организаций, работающих в региональной производственной системе данной ресурсной однородности. Благодаря этому активизируется появление новых организационных и управленческих решений в области совершенствования производственных отношений, нейтрализуется негативное влияние межорганизационной субординации и внутрифирменной иерархии.

И, наконец, важнейшей функцией, реализуемой кластерными объединениями, становится адаптивность. Кластеры обладают высокой гибкостью и устойчивостью к изменениям во внешней среде, имеют огромный потенциал с точки зрения непрерывного прогрессивного развития. Элементная однородность кластеров обеспечивает технологически замкнутую сетевую структуру, с встроенными внутренними стабилизаторами, связывающими в единый экономический организм его элементы и удерживающими их в территориально обозначенной кластерной среде. Эти же стабилизаторы обеспечивают подвижность как внутриорганизационной структуры кластера (реакция на изменения во внешней среде), так и его границ (свободный вход и выход из кластера). Такими стабилизаторами выступают специализация и кооперация. Еще А. Маршаллом источниками промышленной специализации были названы базовые ресурсы, близость рынков сбыта и географическое местоположение (транспортная, коммуникационная инфраструктура). Кластер повышает конкурентные позиции его участников и многократно увеличивает выигрыш за счет ориентации на близко расположенных поставщиков ресурсов, рынков сбыта продукции, рынков услуг, обеспечивающих доступ к местной бизнес-информации и местным управленческим связям. Так, мировой опыт функционирования региональных кластерных систем показывает, что субъектами кластеров сначала знания и предшествующий опыт концентрируются в определенной специализированной сфере, а затем капитализируются при создании новых форм предпринимательской активности, образуя целый блок фирм, работающих в смежной области (Enright, 1992. P. 24–25).

Кластеризация выступает формой обобществления ресурсов в том смысле, что кластерным субъектам открывается доступ к ресурсам друг друга – как к общим, так и к специфическим. В этом аспекте, безусловный признак кооперации – это образование интраспециализированных рынков факторов производства. Главным преимуществом концентрации однородных бизнес-процессов в определенной местности является создание собственного рынка труда для специалистов, обладающих специфическими знаниями и выступающими интерспецифическими ресурсами для данного регионального среза экономики. Это создает дополнительные возможности для повышения конкурентоспособности домохозяйства, что повышает уровень самодостаточности региональных субъектов и снижает риск эмиграции квалифицированной рабочей силы. Более того, расширяет производственные возможности самих региональных хозяйствующих субъектов, повышая конкуренцию на рынке труда и делая более доступным высококвалифицированный труд. Тем самым кластерные системы дают доступ к факторам производства, которые были бы слишком дорогими для отдельного хозяйствующего субъекта (Enright, 1992. P. 107).

Региональные кластеры – системное явление, обусловленное синтезом отрасли фундаментальных научных исследований, инженерной отрасли проектно-конструкторских разработок, промышленной и управленческой отрасли, что позволяет вывести хозяйственный комплекс региональной локализации на более высокий уровень высокотехнологического производства. Идеальным контекстом кластеризации выступает интенсификация внутрирегионального производственного комплекса, в основе которой всегда лежит техническое перевооружение. Отсюда кластеризация активизирует инвестиционные потоки, расширяющие возможности производственно-технологической надстройки экономики региона, превращая его рынок в динамичную среду с высокими показателями конкурентного роста. Инвестиции имеют, как известно, мультипликативный эффект: стимулируемый ими рост занятости вызывает прирост доходов, адекватный инвестиционным устремлениям регионального предпринимательского сектора, что служит базовым фактором для принятия оптимистических инвестиционных решений.

Кластерные объединения выступают инструментом повышения экономической эффективности, проводниками которой служат высокая производительность, полная занятость и экономизация хозяйственных процессов. Благодаря эффективному доступу к специфическим производственным ресурсам, услугам, информации, институтам и общественным благам, которое обеспечивает кластерная организация экономики, удается воздействовать на все указанные параметры экономической эффективности.

Кластеры – эффективная площадка для запуска инновационных процессов посредством образования информационного пула, участники которого обладают уникальной возможностью аккумуляции информации и беспре-

пятственной ее трансляции внутри регионального объединения, что обеспечивает более или менее равные условия в получении информационных ресурсов, а значит, предоставляет эффективные рычаги усовершенствования механизма принятия хозяйственных решений (Бареев, 2012. С. 99). Таким образом, кластеры превращаются в детерминанту развития внутрирегионального рынка, определяющего динамику национального рынка, а значит, кластеризация выступает источником для повышения мировой конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

- Бареев Т. (2012). Понятие и основные черты кластера // *Экономические науки*. № 8.
 Летягина Е.Н. (2011). Методология кластерного подхода в экономике // *Экономические науки*. № 6.
 Портер М. (2005). Конкуренция / Пер. с англ. О.Л. Пелявского [и др.]. М. С. 258.
 Терешин Е.М. (2011). Кластеры – феномен нелинейных процессов и сетевых структур // *Вопросы экономики и права*. № 1.
 Enright M.J. (1992). Why Clusters are the Way to Win the Game? // *Word Link*. July/August. no. 5. pp. 24–25.

REFERENCES

- Bareev T. (2012). Concept and basic features of the cluster. *Economic Sciences*. № 8. (In Russian.)
 Enright M.J. (1992). Why Clusters are the Way to Win the Game? *Word Link*. July/August, no. 5.
 Letyagina E.N. (2011). Methodology of cluster approach in economics. *Economic Sciences*, no. 6. (In Russian.)
 Porter M. (2005). Competition. From English. O.L. Pelyavskij. M. (In Russian.)
 Tereshin E.M. (2011). Clusters – the phenomenon of non-linear processes and networks. *Questions of economy and law*, no. 1. (In Russian.)

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВЫЕ МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНА

КАШНИКОВА Т.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: kashnikova@live.ru

В статье рассматриваются программно-целевые методы повышения конкурентоспособности малого предпринимательства региона, возможности осуществления государственной поддержки малых предприятий на мезоуровне. Особое внимание уделяется выявлению инновационных инструментов при формировании политики развития малого бизнеса в Ростовской области. Определяется комплекс мер, необходимых для стабилизации конкурентоспособности малого предпринимательства региона.

Ключевые слова: малое предпринимательство; инвестиционная активность; административные барьеры; финансовая поддержка малого предпринимательства; консалтинговая поддержка; бизнес-инкубаторы; инновационная деятельность.

PROGRAM-TARGET METHOD INCREASE COMPETITIVENESS OF SMALL BUSINESS REGION

KASHNIKOVA T.V.,

PhD, Associate Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: kashnikova@live.ru

This article deals with software-specific methods to improve the competitiveness of small businesses in the region, the possibility of State support for small businesses at the meso level. Special attention is given to identifying innovative instruments in shaping policy for the development of small business in the Rostov region. Defines the set of measures needed to stabilize the competitiveness of small businesses in the region.

Keywords: small business; investment activity; administrative barriers; financial support for small businesses; consulting support; business incubators; innovative activities.

JEL classification: L26, O18.

Малое и среднее предпринимательство на Дону с каждым годом наращивает обороты и укрепляет свои позиции не только внутри области, но и за ее пределами. Программно-целевой и комплексный подход к решению проблем предпринимательского сообщества, многолетний последовательный курс на динамичное развитие малого и среднего бизнеса призваны решить приоритетные задачи социально-экономического развития Ростовской области – обеспечение экономического роста и занятости населения, повышение инвестиционной и инновационной привлекательности области и благосостояния жителей донского края. Характеризуя вклад малых предприятий в формирование макроэкономических показателей в целом по Ростовской области, следует отметить, что, по оценке за 9 месяцев 2012 г., доля малых предприятий в общем объеме инвестиций, использованных на развитие экономики региона, возросла с 6,5% в январе-сентябре 2011 г. до 8% в январе-сентябре 2012 г., в обороте оптовой и розничной торговли соответственно, с 20,8 % в январе-сентябре 2011 г. до 22,1% в январе-сентябре 2012 г. и с 15,6% до 15,7%. Доля среднесписочной численности работающих на малых предприятиях несколько снизилась и составила 14,6% от среднесписочной численности (в январе-сентябре 2011 г. – 14,9%).

Анализ оборота организаций, отражающий коммерческую деятельность малых предприятий, свидетельствует о продолжении позитивных тенденций в их деятельности, отмечаемых как в течение 2012 г., так и в 2013 г. За январь-сентябрь 2012 г. оборот малых предприятий области (без микропредприятий) составил 260 204,6 млн руб., превысив в фактических ценах показатели соответствующего периода 2011 г. на 11,1%. В 2012 г. параметры хозяйственной деятельности малых предприятий, занимающихся производством и распределением электроэнергии, газа и воды и предоставлением прочих коммунальных, социальных и персональных услуг, ниже, чем в соответствующем периоде 2011 г. (темпы роста оборота организаций составили, соответственно, 95,9 и 91,6%). Однако в силу того, что их доля в общем объеме оборота малых предприятий незначительна, снижение показателей практически не отразилось на темпах роста в целом по малым предприятиям.

Необходимым условием стабильного экономического развития каждого региона является высокий уровень инвестиционной активности. Начиная со второй половины 2012 г. малым предприятиям области удалось преодолеть спад инвестиционной деятельности, темпы освоения инвестиций имели устойчивую положительную динамику роста. Эти тенденции получили дальнейшее развитие и в течение 2013 г. Малыми предприятиями (без микропредприятий) за январь-сентябрь 2012 г. освоено 9 307,4 млн руб. инвестиций, что более чем в 1,5 раза превышает уровень соответствующего периода 2011 г. Следует отметить, что впервые за последние 2 года у малых предприятий практически всех видов деятельности отмечается положительная динамика освоения инвестиций (за исключением организаций, предоставляющих транспортные услуги и малых промышленных предприятий, занятых производством, передачей и распределением электроэнергии, газа, пара и воды).

В целом анализ результатов основных показателей деятельности малых предприятий (без микропредприятий) по итогам 9 месяцев 2012 г. свидетельствует о более сдержанной динамике развития предприятий малого бизнеса по сравнению с крупными и средними предприятиями. На малых предприятиях области продолжает отмечаться сокращение среднесписочной численности работников, в сравнении с аналогичным периодом 2011 г. (на 3,8 %). При этом необходимо отметить, что у малых предприятий этот процесс идет несколько интенсивнее, чем у крупных и средних предприятий (снижение на 1,4%). Разрыв в уровне оплаты труда работников малых предприятий и крупных организаций увеличился по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 2,2 процентного пункта и составил в текущем периоде 29%. В то же время малым предприятиям области удалось преодолеть спад инвестиционной деятельности, и темпы освоения инвестиций имеют устойчивую положительную динамику роста, превышая соответствующий показатель по крупным и средним предприятиям. Малый бизнес остается одним из основных регуляторов на рынке труда, создавая рабочие места и способствуя трудоустройству жителей региона. Достаточно весом вклад малых предприятий в экономику области, а активизация инвестиционной составляющей у малых предприятий в перспективе повлияет на укрепление их положения в донской экономике.

В Ростовской области принята и реализуется долгосрочная целевая программа развития субъектов малого и среднего предпринимательства на 2009–2014 гг., которой предусмотрено 120 мероприятий, нацеленных на достижение в 2014 г. (по сравнению с 2008 г.) темпов роста числа малых и средних предприятий не менее 113,2%, среднесписочной численности работающих на малых и средних предприятиях – не менее 103,9%, объема инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий – не менее 142,9%, среднемесячной заработной платы на малых и средних предприятиях – не менее чем в 2,1 раза, доли производимых субъектами МСП товаров (работ, услуг) в объеме ВРП в 2014 г. не менее 17,3%, доли среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий в среднесписочной численности (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций в 2014 г. – не менее 29,4%. Прогнозировать такие результаты позволяют следующие факторы: сложившееся деловое партнерство с банками и микрофинансовыми организациями; работа Совета по предпринимательству при Правительстве Ростовской области и аналогичных Советов при администрациях муниципальных образований; деятельность областной межведомственной комиссии по снижению административных барьеров и соответствующих комиссий на местах; расширяющийся доступ к информации, консультационным услугам и повышению образовательного уровня.

В регионе действует Областная межведомственная комиссия по снижению административных барьеров, которая создана в целях обеспечения взаимодействия территориальных органов, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти Ростовской области по вопросам устранения административных барьеров, препятствующих эффективному развитию предпринимательской деятельности на территории региона. К основным задачам комиссии относятся: реализация общесистемных мер снижения административных барьеров и повышение доступности государственных и муниципальных услуг; оптимизация механизмов осуществления функций органов исполнительной власти и органов местного самоуправления; обеспечение открытости и доступности информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления; анализ проблем взаимоотношений хозяйствующих субъектов с органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля на региональном уровне; анализ деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления в муниципальных образованиях Ростовской области по вопросам снижения административных и организационных барьеров на пути развития предпринимательства.

Основными направлениями государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего бизнеса Ростовской области являются: субсидии в целях возмещения части расходов по уплате процентов по кредитам (займам); субсидии в целях возмещения части затрат, связанных с оплатой услуг по выполнению обязательных требований законодательства РФ и (или) законодательства страны-импортера; субсидии в целях возмещения части затрат,

связанных с участием в зарубежных и российских выставочно-ярмарочных мероприятиях; субсидии начинающим предпринимателям в целях возмещения части затрат на организацию собственного дела; субсидии в целях возмещения части стоимости подготовки, переподготовки, повышения квалификации работников, включая дистанционный формат; субсидии в целях возмещения части затрат на приобретение банковской гарантии или поручительства третьих лиц, страховых взносов; субсидии субъектам малого и среднего предпринимательства в целях возмещения части стоимости присоединения и/или подключения к сетям; субсидии субъектам малого и среднего предпринимательства в целях возмещения части затрат на реализацию программ энергосбережения.

Основными источниками инвестирования малых и средних предприятий в Ростовской области по-прежнему выступают кредиты банков и заемные средства других организаций. В 2012 г. 31 банком-участником Областной долгосрочной целевой программы развития субъектов малого и среднего предпринимательства на 2009–2014 гг. предоставлено 22 660 кредитов субъектам МСП на общую сумму 113 759 897,7 тыс. руб., что на 19% больше аналогичного показателя 2011 г. В 2012 г. пятью банками-участниками Программы были разработаны и внедрены новые кредитные продукты для малого и среднего бизнеса. В течение года совершенствовались действующие кредитные продукты банков для предпринимателей. Лизинговыми компаниями и банками, предоставляющими услуги лизинга, за 2012 г. предоставлено свыше 800 единиц основных средств в лизинг субъектам МСП на общую сумму 1 566,7 млн руб.

Финансовую поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства на территории Ростовской области оказывают 5 фондов местного развития в городах Гуково и Зверево, Тагинском, Красносулинском и Белокалитвинском районах, а также 8 муниципальных фондов поддержки малого предпринимательства в городах Азов, Донецк, Таганрог, Новошахтинск, Ростов-на-Дону, Шахты, в Октябрьском и Боковском районах, которые являются соисполнителями Областной долгосрочной целевой программы развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Ростовской области на 2009–2014 гг. Указанные организации осуществляют микрофинансовую деятельность в форме предоставления займов субъектам малого и среднего предпринимательства, имеющим ограниченный доступ к традиционным банковским услугам, в размере 1 млн руб. сроком на 12 месяцев по процентной ставке в среднем 10% годовых. По состоянию на 1 января 2013 г. общий портфель займов в фондах составил 368 571,3 тыс. руб., зарегистрировано 496 действующих договоров займа на общую сумму 356 984,5 тыс. руб., из них 387 договоров заключено в 2012 г. на общую сумму 238 962,4 тыс. рублей.

С целью оказания консультационной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, а также гражданам, желающим организовать собственное дело, в 2012 г. продолжена практика реализации пилотного проекта. С 7 марта по 7 июня 2012 г. осуществлялся 1-й этап реализации проекта по оказанию консультирования. Предоставление консультационных услуг заявителям осуществлялось во всех 55 муниципальных образованиях Ростовской области на базе действующих информационно-консультационных пунктов территорий. Проведение консультационной и разъяснительной работы осуществлялось посредством очного консультирования, в том числе в порядке приема заявителей, работы телефона «горячей линии» и посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. По итогам реализации первого этапа проекта было оказано 14 850 консультационных услуг 7 036 субъектам малого и среднего предпринимательства, в том числе 3 820 индивидуальным предпринимателям.

Бизнес-инкубаторы в Ростовской области обеспечивают оказание следующих основных услуг: предоставление в аренду (субаренду) субъектам малого предпринимательства нежилых помещений бизнес-инкубатора, осуществление технической эксплуатации здания (части здания) бизнес-инкубатора; почтово-секретарские услуги; консультационные услуги по вопросам налогообложения, бухгалтерского учета, кредитования, правовой защиты и развития предприятия, бизнес-планирования, повышения квалификации и обучения; доступ к информационным базам данных.

На территории области функционируют 7 бизнес-инкубаторов: Ростовский бизнес-инкубатор, муниципальные бизнес-инкубаторы в Ростове-на-Дону, Новошахтинске, Сальске, Таганроге, Гуково и в Октябрьском (сельском) районе. Общая площадь помещений составляет 6 397,85 кв.м. По итогам 2012 г. в бизнес-инкубаторах на площади 3 905,4 кв.м размещены на условиях аренды и субаренды и осуществляют свою деятельность 92 субъекта малого предпринимательства, что на 15% больше показателя 2011 г. Увеличение их числа произошло за счет субъектов предпринимательства, размещенных в помещениях бизнес-инкубатора г. Гуково АНО СМП «Деловой Двор». Основным видом деятельности по-прежнему остается сфера услуг. На ее долю в общем объеме приходится 78 %, сфера производства – 15%, на другие виды деятельности (торговля, образование, подрядные работы, инновации) – 7%. Численность работающих у данных субъектов предпринимательства на 01.01.2013 составила 527 чел., что на 11,4 % больше численности работающих по состоянию на 01.01.2012. Бизнес-инкубаторами оказано 12 588 консультаций субъектам малого предпринимательства по вопросам налогообложения, бухгалтерского учета, кредитования, правовой защиты и развития предприятия, бизнес-планирования, повышения квалификации и обучения. Показатели 2012 г. говорят об эффективности государственной поддержки в форме бизнес-инкубаторов для субъектов предпринимательства на ранней стадии их развития.

Приоритетным направлением в Ростовской области является инновационная деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства. Активизация инновационной деятельности и ускорение внедрения результатов научно-технических разработок в массовое производство не представляется возможным без формирования и развития региональной инновационной инфраструктуры. С целью поддержки развития инновационного бизнеса в области создана инфраструктура из технопарков, инновационно-технологических центров и ГУП «Ростовский ре-

гиональный центр инновационного развития». Поддержку инновационной деятельности на территории Ростовской области осуществляет Департамент инвестиций и предпринимательства РО. Инфраструктура по поддержке инноваций включает в себя: некоммерческое партнерство «Ростовский центр трансфера технологий»; государственное унитарное предприятие Ростовской области «Ростовский региональный центр инновационного развития»; научно-образовательный центр «Нанотехнологии»; 3 технопарка; 9 бизнес-инкубаторов.

Согласно долгосрочной целевой программе инновационного развития Ростовской области на 2012–2015 гг. ключевыми элементами инновационной инфраструктуры должны стать региональные технологические парки, нанотехнологический центр и региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере. Немаловажную роль играет софинансирование со стороны федерального бюджета, направленное на создание и развитие инновационных бизнес-инкубаторов, центров коммерциализации технологий, инжиниринговых центров, центров прототипирования и промышленного дизайна, регионального центра кооперации, центров кластерного развития.

Для привлечения молодежи в предпринимательскую деятельность администрацией Ростовской области была разработана программа «Молодежь Дона 2011–2013 гг.», в которой предусмотрен специальный раздел «Молодежное предпринимательство». Мероприятия данной программы направлены на решение проблем вовлечения молодежи в предпринимательскую среду. В связи с тем, что в среде представителей молодого поколения нет четкого представления о перспективности предпринимательской деятельностью, необходимо обеспечить синхронизацию реализации программы «Молодежь Дона» и Областной целевой программы «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Ростовской области на 2009–2014 гг.».

Таким образом, Ростовская область входит в число тех субъектов РФ, на территории которых создана многосторонняя поддержка субъектов малого предпринимательства с применением разнообразных инструментов. Основным результатом взаимодействия науки, бизнеса и органов власти должно стать достижение намеченных показателей инновационного развития области. Динамика статистических данных дает основания рассчитывать, что эти планы будут выполнены.

ЛИТЕРАТУРА

Деятельность банков и лизинговых компаний – соисполнителей Областной долгосрочной целевой программы развития малого и среднего предпринимательства за 2012 год. Доступно на: <http://www.donland.ru>.

Областная долгосрочная целевая программа «Молодежь Дона 2011–2013 гг.». Доступно на: <http://donland.ru>.

Областная долгосрочная целевая программа развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Ростовской области на 2009–2014 годы. Доступно на: <http://www.intehdon.ru>.

Официальный портал Правительства Ростовской области. Доступно на: <http://www.donland.ru>.

Программа социально-экономического развития Ростовской области на 2013–2016 годы. Доступно на: <http://www.donland.ru>.

Фонды поддержки малого предпринимательства и местного развития. 02.04.2013. Доступно на: <http://www.donland.ru>.

REFERENCES

Activities of banks and leasing companies – subcontractors Regional long-term program of development of small and medium-sized businesses in 2012. Available at: <http://www.donland.ru>. (In Russian.)

Regional long-term target program "Youth of Don 2011–2013". Available at: <http://www.donland.ru>. (In Russian.)

Regional long-term program for the development of small and medium-sized businesses in the Rostov region for 2009–2014. Available at: <http://www.donland.ru>. (In Russian.)

Official portal of the Government of the Rostov region. Available at: <http://www.donland.ru>. (In Russian.)

Program of socio-economic development of the Rostov region in 2013–2016 years. Available at: <http://www.donland.ru>. (In Russian.)

Funds to support small businesses and local development. 02.04.2013. Available at: <http://www.donland.ru>. (In Russian.)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНОВ

ЮШКОВА Н.Г.,

кандидат архитектурных наук, доцент, соискатель,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
e-mail: ymanul@gmail.com

TERRA ECONOMICUS ✧ 2013 ✧ Том 11 № 4 Часть 3

Актуальность исследования определяется формирующимися современными императивами государственного управления, требующими от региональных социально-экономических систем адаптивных реакций. Они отчетливо прочитываются в системе регионального управления в целом и регионального планирования в частности. Одновременно выявляется проблема взаимодействия стратегических и территориальных планов развития регионов как форм, закрепляющих это влияние. Разрешение данного противоречия вызывает необходимость совершенствования методологии разработки планов, суть которой сводится к координации и увязке в единое целое социально-экономических и территориально-пространственных аспектов планирования развития регионов. Эволюционирующая отечественная законодательная система, документы, разрабатываемые и утверждаемые на уровне Президента и Правительства Российской Федерации в последние 20 лет, обуславливают потенциальную возможность подобных перспектив. Одновременно с этим, в положениях документов проявляются признаки пространственного подхода, обязывающего субъекты РФ при разработке долгосрочных планов их развития осуществлять территориальную привязку экономических процессов и объектов, при этом комплексно оценивая и максимально учитывая потенциал развития регионов. Для реализации этих задач государственной значимости необходимо внедрение новых методик долгосрочного планирования, использующего преимущества как социально-экономического, так и территориального планирования, доказавших свою состоятельность в действующей практике регионального управления. Имеющийся опыт апробации новых подходов к решению данной проблемы в отдельных субъектах РФ дает основание судить о его эффективности и прогнозировать распространение этой практики повсеместно и дифференцированно, с учетом особенностей регионов.

Ключевые слова: пространственный подход; социально-экономическая система; императив государственного управления; региональное развитие; региональная экономическая политика; региональное управление; долгосрочное региональное планирование; инновационная инфраструктура региона; методология; планы развития региона.

SPATIAL APPROACH IN THE STUDY PROCESS DEVELOPMENT AND FUNCTIONING SOCIO-ECONOMIC SYSTEM OF REGIONS

YUSHKOVA N.G.,

PHD, Associate Professor,
Volgograd State University, Volgograd,
e-mail: ymanul@gmail.com

Relevance of research defined emerging modern imperatives of government, requiring from the regional socio-economic systems of adaptive responses. They clearly read in the system of regional governance in general, and regional planning in particular. At the same time revealed the problem of interaction of strategic and spatial plans for regional development. Resolution of this contradiction is the need to improve methodology development plans, coordinating and linking to the whole socio-economic and spatial aspects of regional development. Evolving domestic legal system,

the documents developed and approved at the level of the President and the Government of the Russian Federation in the past twenty years, the potential causes for such prospects. At the same time, the provisions of these documents appears spatial approach requiring subjects of the Russian Federation in the development of long-term plans for their development to implement territorial binding of economic processes and objects, while appreciating the complex and given the maximum potential development areas. To achieve these objectives it is necessary to state the importance of the introduction of new methods of long-term planning that takes advantage of both socio-economic and spatial planning have proved their worth in the current practice of regional management. Past experience testing new approaches to solving this problem in some regions of Russia to judge its effectiveness and predict the spread of this practice everywhere, from a regional perspective.

Keywords: *spatial approach; social and economic system; governance imperative; regional development; regional economic policy; regional management; long-term regional planning; innovation infrastructure of the region; methodology; development plans in the region.*

JEL classification: *R11, O21, P 25, P 41.*

Общая направленность государственной политики в нашей стране, современная практика работы органов государственной власти и управления, программные положения и документы Президента и Правительства Российской Федерации свидетельствуют о формировании инновационных начал российской экономики, регионов и территорий. Инновационные векторы развития социально-экономической системы – не только очевидность, но и императив (Татаркин, 2012; Сухарев, 2012). Необходимость его принятия и восприятия всеми участниками социально-экономических отношений и всеми сферами профессиональной деятельности приводит к различным формам его воспроизведения в процессах регионального развития. При всей зависимости от законодательных инициатив государственной власти, при всей общности форматов в понимании и артикуляции экономическими сферами деятельности императивов, существуют очевидные особенности и противоречия их восприятия разными сферами экономической активности ее субъектов. В региональной экономике наиболее ярко проявляются индивидуальные, специфические черты, объясняемые ее синтетической природой. Именно поэтому формирующий императив (система, элементы, способы построения и модификации) был изучен специально в приложении к региональной социально-экономической системе.

В рамках поставленных задач был сформирован банк данных документов, раскрывающих инновационные положения государственной политики. Были использованы документы различного статуса (законодательные, нормативно-правовые, концептуальные) и находящиеся на разных стадиях прохождения установленных процедур разработки, согласования, утверждения, посредством обращения к официальным источникам информации, начиная с 1990-х гг. и по настоящее время (Юшкова, 2013). Из сформированной базы изученных документов были отобраны, в первую очередь, позволяющие решить эти задачи, они были классифицированы в хронологической последовательности их разработки, согласования и утверждения, а затем, в соответствии с содержанием, обобщены в соответствующие группы. Как результат проведения аналитических процедур обобщения, систематизации и классификации были выявлены закономерности структурирования принципов развития социально-экономических систем регионов (далее СЭСР).

Исследование показало, что в современном императиве государственного управления одновременно сосуществуют 3 функциональных блока: «государственное управление», «региональное развитие», «наука и образование». Они объединяют в себе систематизированные методологические положения развития СЭСР, зависящие от выявленных стадий императивного развития СЭСР, различающиеся степенью инновационной зрелости его компонентов, а также видами интегративных взаимодействий.

В процессе исследования отобранных и детально изученных 62 документов, определяющих направленность и структурирование современного регионального управления, был выделен ряд документов, имеющих приоритетное значение для регионального развития, и требующих акцентированного и детализированного рассмотрения. В частности, Концепция стратегии социально экономического развития регионов Российской Федерации (Концепция, 2005, далее КССЭРРРФ), основанная на разработанных и утвержденных ранее документах, рассматривавших аналогичные вопросы, предложила новые, отличные от них и в дополнение к ним, трактовки базовых понятий региональной экономики. В КССЭРРРФ государственная региональная политика представлена не только как самостоятельное направление государственной политики, увязывающее региональные и федеральные приоритеты, но и объединяющее цели и задачи органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны.

Принципиальное значение имеет указанное в Концепции впервые влияние *пространственных компонентов* на содержание региональной политики и необходимость, уже с этих позиций, формирования расширенного комплекса средств ее реализации как условия регионального развития. Если в документах, предшествовавших КССЭРРРФ, таких как Указ Президента РФ «Об основных положениях региональной политики...» (Об основных положениях..., 1996) понятия «регион», «региональная политика», «программы регионального развития», «территориальное развитие» и были обозначены, то они раскрывались, в основном, в социально-экономических аспектах. Начиная с Концепции

2005 г. региональное развитие рассматривается как процесс, протекающий под воздействием комплекса социально-экономических и пространственных факторов, что определяет необходимость обоснования его проблем и перспектив в новых научных трактовках.

Подчеркивание роли пространственных аспектов в императивах государственного управления обусловлено достижением политикой «выравнивания» предела эффективности и потерей ею жизнеспособности (Лексин, Швецов, 2003). Именно на этом основана необходимость пересмотра действующих принципов регионального управления и закрепления за поляризованным развитием регионов значения ведущего приоритета региональной политики. Он, в свою очередь, требует выявления новых территориально-пространственных ресурсов для интенсификации функционирования социально-экономических систем регионов, способной привести не только к выходу имеющихся производств на качественно новый уровень организации, но и к появлению уникальных товаров и услуг, обеспечивающих регионам конкурентные преимущества. Как следствие интенсивного развития инновационных, прежде всего, наукоемких секторов экономики, концентрирующих ресурсный потенциал регионов, формируются *новые территориальные центры роста*, вызывающие развитие территорий, находящихся в зонах их влияния.

Все это, в совокупности, закладывает основу новой теоретической модели структурно-пространственной организации региона. Она базируется на приоритете инфраструктуры (в первую очередь, инновационной инфраструктуры) развития региона (Васин, Миндели, 2011), ведущие принципы конструирования и функционирования которой напрямую зависят от *территориально-пространственных факторов*, не только уравниваемых в возможностях с экономическими, геоэкономическими факторами и факторами национальной безопасности, но и имеющих преимущества, за счет территориальной неоднородности и специализации регионов. Новая, инфраструктурная, организация обуславливает подчиненность ей вновь возникающих или модернизируемых пространственных образований регионов, различающихся структурой и интенсивностью инновационных процессов, благодаря чему пространственная конфигурация СЭСР становится динамичнее и подвижнее, а концентрация ресурсного потенциала предопределяет перспективное образование ее новых элементов.

Прямым подтверждением этих новелл Концепции 2005 г. явились положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (Концепция...2008). В ней, при определении долгосрочных целевых параметров развития социально-экономических систем регионов, не просто обозначается наличие пространственных аспектов их описания, а подчеркивается значение. Кроме того, обоснованы возможности перспективного формирования *территориальной структуры инновационной системы*, основу которой образуют не только регионы с официальным статусом субъектов Федерации, но и региональные структуры всех иерархических уровней, вовлеченные в систему активных социально-экономических связей страны. Таким образом, особая роль Концепции 2008 г. заключается в расширении представления о значимости и перспективах учета пространственных факторов в процессах регионального развития, становящихся с этого времени одним из приоритетных предметов научных исследований (Ильин, 2008).

Еще большие акцентируются на возможности пространственных факторов в Концепции совершенствования региональной политики (Концепция...2010), которая обосновывает формирование и развитие инновационной инфраструктуры интенсивностью процесса образования ее *региональных модулей*, предназначенных для максимального аккумулирования ресурсов в них. Это позволяет интегрировать ведущие экономические функции в отдельные территориально закрепленные «точки роста», сосредотачивающие центры разработки и обращения инноваций, центры управления потоками товаров, финансов, информации, центры коммуникаций, становящихся источником нововведений для других регионов. Важно, что заявленные интеграционные многофункциональные инновационные социально-экономические процессы в регионах предполагается осуществлять в новых пространственных формах, адекватных изменяющейся сущности их функционирования и развития. Одним из наиболее наглядных примеров и перспективных направлений подобного рода, получивших распространение в нашей стране, считается, по аналогии с мировой практикой, появление инновационных университетов как опорных элементов региона.

Практически во всех правительственных документах осуществимость данных начинаний связывается исключительно с использованием системного подхода, в смысле объединения преимуществ принципов социально-экономического и пространственного планирования. Как следствие такого концептуального решения к конструированию инновационных систем через создание региональных модулей, определяются их конкретные параметры, диктующие, в свою очередь, формы федеральной поддержки региональной политики, с одной стороны, и варианты изменения пространственной конфигурации региональной системы – с другой.

Пространственный подход, в контексте данной работы, понимается как обусловленность трансформации задач (и, соответственно, форм) пространственного развития СЭСР изменением принципов социально-экономического развития. Дальнейшее раскрытие сущности пространственного подхода вызывает наделение регионального планирования новыми характеристиками, адекватными императивам государственного управления и отражающими требования синтеза в долгосрочных планах развития региона.

В контексте рассматриваемых вопросов и с точки зрения соблюдения приоритетов современной государственной политики, региональное планирование, являясь основным элементом системы государственного управления (Кузык, Кушлин, Яковец, 2008; Чистобаев, 2013), не может допустить его «изоляции» от компонентов единой, целостной системы правового обеспечения процессов регионального развития (императива). А это означает необходимость экстренного разрешения противоречий между действующими принципами разработки планов социально-экономического развития региона и территориальных планов (Лексин, Швецов, 2006).

Поиск способов разрешения данных противоречий основан на том, что сформированные в России за последнее десятилетие теоретические основы долгосрочного регионального планирования социально-экономического и территориального развития транслированы в кодифицированные законодательные документы. Гипотетически законодательные предпосылки являются первостепенным и неотъемлемым условием функционирования системы долгосрочного планирования: это подтверждается и содержанием действующих (разрабатываемых) документов, и процессами реализации решений федеральной и региональной государственной власти и местного самоуправления (Курджиев, 2010).

Расширение, реорганизация и модернизация взглядов и подходов к долгосрочному региональному планированию, при условии, что оно адекватно отражает требования федеральной законодательной базы государственного и муниципального управления к субъектам Федерации, связаны с настройкой деятельности и управления процессами разработки планов социально-экономического и территориального развития в регионах. Как показывает практика, даже наличие правовых и организационных оснований не делает систему регионального планирования в большинстве своем более продуктивной и не гарантирует ее мероприятиям плановости и результативности (Рисин, 2012). Для деятельности уполномоченных органов государственного управления, отвечающих за координацию социально-экономических и территориально-пространственных показателей СЭСР, это означает не просто формальные разночтения, но и реальные дисбалансы развития. Кроме того, процедуры разработки территориальных планов (схем территориального планирования) законодательно закреплены за градостроительной деятельностью. А это означает, что при отсутствии их структурной и логической связи с планами социально-экономического развития они не обеспечивают, а, напротив, становятся препятствием в фактической реализации плановых положений: любые инвестиционные мероприятия на территории неосуществимы, если они не обоснованы и не закреплены в территориальных планах.

С точки зрения потенциальных возможностей влияния средствами территориального планирования на систему регионального планирования, и как определенное управленческое достижение, рассматривается принятие федерального закона – Градостроительного кодекса 2004 г. (*Градостроительный кодекс, 2004*). В нем были сформулированы, обновлены и уточнены, по сравнению с его предыдущей редакцией 1998 г., требования к содержанию планов территориального развития регионов, порядку их разработки и утверждения. Прогрессивность этого законодательного акта виделась в гарантировании им осуществления запланированных стратегических решений по развитию регионов. Вместе с тем полное понимание того, каким образом возможно сосуществование положений по планированию, вырабатываемых и контролируемых принципиально разными институтами государственного управления (социально-экономического и территориального планирования), участники этого процесса не сформировали.

Несмотря на всю очевидность рассматриваемой проблемы и ее народнохозяйственную значимость, со времени, предшествующему экономическим реформам в нашей стране и до сегодняшнего дня (Алаев, 1984) все еще не определены методологические решения, позволяющие комплексно разрешать проблемы долгосрочного социально-экономического и территориального (пространственного) планирования и синхронизировать эти процессы (Краснопольский, 2010; Рисин, 2012). Опыт стран с развитой экономикой показывает, что возможности преодоления этого разрыва существуют, а непротиворечивое и поступательное их сосуществование может быть обеспечено срочной научной систематизацией, обобщением и критической оценкой.

Проведенный анализ современных территориальных планов развития субъектов Российской Федерации показал, что только в ограниченном их количестве можно выявить пространственные проекции долгосрочных планов социально-экономического развития регионов. Особенно наглядно этот тезис прочитывается в контексте обоснования и определения конкретных форм территориального отражения сценариев и векторов долгосрочного развития, закрепления точек экономического роста. В этом обнаруживается еще один срез исследования поставленной проблемы, связанный с адаптацией территориальных планов к основным положениям стратегических планов развития регионов.

Несмотря на кажущуюся очевидность и необходимость отношения к разрабатываемым положениям планов как к адаптивным решениям, а также на частую повторяемость в отечественной экономической литературе термина «адаптация», системные и развернутые его описания, применительно к региональным системам, оставались крайне ограниченными вплоть до начала 2000-х гг. Сложившаяся ситуация вызвала появление научных работ, раскрывающих особенности протекания адаптационного процесса в социально-экономических системах, в различных его аспектах (Беляев, 2003; Митрофанова, Плотников, 2010; Дорошенко, 2009; 2010; Яблицкая, 2011, и др.).

Требования государственной политики к региональным системам, поставленные в зависимость от новых условий их перспективного социально-экономического развития, объединены в положения императива, повышают актуальность вопросов формирования механизмов управления. Именно они в рамках пространственного подхода способны обеспечить адаптивность процесса планирования СЭСР, следствием которого становится возможность прогнозировать повышение эффективности регионального развития.

Как показывает практика регионального управления, в понимании этих новых посылов органы управления в субъектах РФ существенно дифференцировались. Отдельные регионы восприняли требования соответствовать императивам как должные, фиксируя их соответствующим образом в планах развития. В этой транскрипции положений государственной политики они значительно опередили другие регионы, деятельность по региональному планированию в которых продолжилась на инерционных принципах, а в технологиях разработки планов доминировали традиционные подходы. Таким образом, процесс адаптации этих групп региональных систем происходит по-разному. Если для регионов первой группы принципиально было определить наиболее рациональную модель реагирования на новые условия на основе их изучения и оценки, то и в разрабатываемых планах главным являлось

обеспечение самостоятельного, целенаправленного, поступательного развития, обоснование конкретных пространственных адаптационных проявлений. В отличие от первой, регионы второй группы ограничивались постановкой задач минимизации усилий, направленных на выживание в новых условиях. Соответственно, при формировании положений регионального развития, закрепляемых в планах, действующие императивы не отрицаются, но при этом не являются определяющими.

На основании этого обосновывается ведущая роль адаптации положений императива к предмету региональной экономики, что означает неизбежность реструктуризации задач развития РСЭС. Отдельным вопросом является их сопоставимость и преемственность по отношению к Концепции устойчивого развития как основополагающей парадигме XXI в. (Концепция, 1996; Основные положения..., 2002) и как структурной основе для совершенствования методологии регионального планирования (Донцов, Юшкова, 2007). С учетом имеющихся тенденций, будут формироваться новые императивные установки. Они, в свою очередь, потребуют законодательных нововведений, появления подзаконных актов, способных не столько отражать новые тенденции развития, сколько прогнозировать и предотвращать проблемы, обосновывать эффективные способы их решения, и, по большому счету, предопределять принципы функционирования СЭСР. Как следствие этого, кардинально изменится содержание процесса разработки и реализации положений регионального планирования и их выводных положений.

Динамичное развитие отечественной законодательной системы дает основание прогнозировать с большой степенью вероятности эволюционирование императивных положений развития СЭСР и зависимость от их содержания процессов регионального развития и планирования. Являются наиболее близкими по времени и, соответственно, представляются наиболее актуальными с этих позиций задачи регионального управления, создания механизмов согласования планов социально-экономического развития и территориального развития на всех иерархических уровнях СЭСР на основе внедряемых единых стандартов разработки их содержания и реализации. Уже в рамках этих преобразований и в соответствии с ними обосновываются мероприятия, находящиеся в плоскости реализации положений по планированию СЭСР, что обуславливает выработку конкретных действий соответствующих органов власти в этой сфере.

В региональной экономике прослеживаются признаки формирования *новой принципиальной схемы принятия управленческих решений по региональному планированию*. Она отвечает кардинальным изменениям задач развития СЭСР, вызванных государственными инфраструктурными приоритетами региональной политики. Предлагаемая автором схема регионального планирования построена с использованием метода синтеза и задействует преимущества и особенности как социально-экономического, так и территориального планирования, оперативно реагируя на складывающиеся закономерности в процессах регионального развития.

В развитие положений об обязательности единой логики построения системы разработки планов социально-экономического и территориального развития, предлагается осуществление описываемых ими социально-экономических мероприятий адекватно потребностям региональных экономик в территориально-пространственном аспекте. Следование этим задачам побуждает определять в документах планирования зоны и точки экономического опережающего развития, с одной стороны, в качестве элементов инновационной инфраструктуры региона, а с другой, в качестве средства фиксации процессов развития региона в конкретных территориальных объектах. Последние напрямую связаны с приоритетными, экономически значимыми функциями регионов, приводящими к перераспределению социально-экономических связей, реструктуризации или модернизации инфраструктуры региона. Такие точки роста, аккумулирующие ресурсные возможности региона, рассматриваются и формируются не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом, становясь, таким образом, не только экономической, но и пространственной категорией.

В свою очередь, происходит переориентация управленческих функций государственных и муниципальных органов, уполномоченных в вопросах реализации региональной политики, посредством объединения социально-экономических и территориально-пространственных аспектов и факторов развития СЭСР (с их конкретизацией на разработку инструментов регионального управления). В учете и вариативности этих адаптированных к изменяющимся задачам развития социально-экономических систем регионов инструментов, фиксируемых в планах развития как условие их последующей реализации, состоит один из ключевых вопросов региональной экономики на современном этапе. Только при наличии такой системы регионального планирования, интегрирующего и селектирующего возможности и преимущества социально-экономического и территориального планирования регионов, возможно формирование, функционирование и последующее эффективное развитие СЭСР.

ЛИТЕРАТУРА

- Алаев Э.Б. (1984). Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.
- Беляев М.К. (2003). Инвестиционная адаптивность социально-экономических систем. М.
- Васин В.А. (2011). Пространственные аспекты формирования и развития национальной инновационной системы // *Инвестиции в России*. № 11(157). С. 24–34.
- Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ (1998) // *Российская газета*. № 94.
- Донцов Д.Г., Юшкова Н.Г. (2007). Градостроительное регулирование рационального использования территории. Волгоград. С. 184.
- Дорошенко С.В. (2009). Механизмы адаптации региональной социально-экономической системы в условиях кризиса // *Экономика региона*. ИЭ УрО РАН. Екатеринбург. № 3(19). С. 159–166.

- Дорошенко С.В. (2010). Стратегическая адаптация как императив инновационного развития региональной социально-экономической системы // *Экономика региона*. ИЗ УрО РАН. Екатеринбург. № 3(23). С. 59.
- Зяблицкая Н.В. (2011). Современные положения теории адаптации управления экономическими системами // *Теория управления*. УЭК, 12/2011.
- Ильин В.А. (2008). Пространственные аспекты развития региона. Вологда. С. 298.
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (2008).
- Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации (2010).
- Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации (2005).
- Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (1996).
- Краснопольский Б.Х. (2010). Пространственные науки и их роль в изучении экономики пространственных образований // *Пространственная экономика*. № 1. С. 147–156.
- Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. (2008). Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М. С. 575.
- Курджиев С.П. (2010). Социально-экономическая политика региона, направленная на переход к устойчивому развитию в условиях модернизации межбюджетных отношений // *Terra Economicus*. Т. 8. № 3. Ч. 3. ЮФУ. Ростов-на-Дону. С. 174–181.
- Лексин В.Н., Швецов А.Н. (2003). Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. С. 368.
- Лексин В.Н., Швецов А.Н. (2006). Общегосударственная система стратегического планирования территориального развития // *Труды ИСА РАН*. Т. 22. С. 192–212.
- Митрофанова И.В., Плотников А.С. (2003). Динамика и императивы процессов регионализации социально-экономического развития // *Экономический журнал*. № 6. С. 52–73.
- Указ Президента РФ об основных положениях региональной политики (1996).
- Рисин И.Е. (2013). Оценка современной российской практики стратегического планирования // *Вестник ВГУ. Серия «Экономика и управление»*. № 2. С. 18–122.
- Татаркин А.И. (2012). Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 6(24). ЮФУ. Екатеринбург. С. 42–59.
- Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента. Доклад комитета руководителей Европейской Конференции министров регионального планирования (CEMAT). 7–8 сентября 2000 г. Москва, 26 с. (2002).
- Сухарев О. (2012). Методология стратегического планирования // *Инвестиции в России*. № 3. С. 17–25.
- Чистобаев А.И. (2013). Пространственное планирование в России: состояние, проблемы, задачи географов // *Вестник АРГО*. 2013(2). С. 15–24.
- Юшкова Н.Г. (2013). Территориальное планирование и государственная политика развития региона // *Вестник ВолгГАСУ. Серия «Строительство и архитектура»*. Вып. 30(49). С. 196–202.

REFERENCES

- Alayev E.B. (1984). Social and economic geography: conceptual and terminological dictionary. Moscow. (In Russian.)
- Belyaev M. K. (2003). Investment adaptability of social and economic systems. Moscow. (In Russian.)
- Vasin V.A. (2011). Spatial aspects of formation and development of national innovative system. *Investments in Russia*, no. 11(157). pp. 24–34. (In Russian.)
- Town-planning code of the Russian Federation: the federal law of May 7, 1998 no. 73-FZ (1998). *the Russian newspaper*, no. 94. (In Russian.)
- Dontsov D.G., Yushkova N.G. (2007). Town-planning regulation of rational use of the territory. Volgograd, p. 184. (In Russian.)
- Doroshenko S.V. (2010). Strategic adaptation as imperative of innovative development of regional social and economic system. *Economy of the region, IE OURO RAHN*. Yekaterinburg, no. 3(23). p. 59. (In Russian.)
- Doroshenko S.V. (2009). Mechanisms of adaptation of regional social and economic system in the conditions of crisis. *Economy of the region, IE OURO RAHN*. Yekaterinburg, no. 3(19). pp. 159–166. (In Russian.)
- Zyablitskaya N.V. (2011). Modern provisions of the theory of adaptation Management of economic systems. Theory of management, UEKS, 12/2011. (In Russian.)
- The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020. (2008). (In Russian.)
- The concept of improvement of regional policy in the Russian Federation. (2010). (In Russian.)
- Concept of strategy of social and economic development of regions of the Russian Federation. (2005). (In Russian.)
- The concept of transition of the Russian Federation to a sustainable development. (1996). (In Russian.)
- Krasnopolsky B. H. (2010). Spatial sciences and their role in studying of economy of spatial educations. *Spatial economy*, no. 1. pp. 147–156. (In Russian.)
- Kuzyk B.N., Kushlin V.I., Yakovets Yu.V. (2008). Forecasting, strategic planning and national programming. Moscow, pp. 575. (In Russian.)

Kyurdzhiyev S.P. (2010). The social and economic policy of the region directed on transition to a sustainable development in the conditions of modernization of the interbudgetary relations. *Terra Economicus*, vol. 8, no. 3, h. 3. YuFU. Rostov-on-Don, pp. 174–181. (In Russian.)

Leksin V.N., Shvetsov A.N. (2003). State and regions. Theory and practice of state regulation of territorial development, pp. 368. (In Russian.)

Leksin V.N., Shvetsov A.N. (2006). Nation-wide system of strategic planning of territorial development. *Works IZA of the Russian Academy of Sciences*, vol. 22, pp. 192–212. (In Russian.)

Mitrofanova I.V., Plotnikov A.S. (2003). Dynamics and imperatives of processes of regionalization of social and economic development. *Economic magazine*, no. 6, pp. 52–73. (In Russian.)

The decree of the Russian President about basic provisions of regional policy. (1996). (In Russian.)

Ilyin V.A. (2008). Spatial aspects of development of the region. Vologda, p. 298. (In Russian.)

Risin I.E. (2013). Assessment of modern Russian practice of strategic planning. VGU Bulletin. *Economy and Management series*, no. 2, pp. 18–122. (In Russian.)

Tatarkin A.I. (2012). Formation of regional institutes of spatial development of the Russian Federation. *Economic and social changes: facts, tendencies, forecast*, no. 6(24). UFU. Ekaterinburg, pp. 42–59. (In Russian.)

Fundamental principles of sustainable spatial development of the European continent. Report of committee of heads of the European Conference of Ministers of regional planning (CEMAT). On September 7–8, 2000, Moscow, 26 p. (2002). (In Russian.)

Sukharev O. (2012). Methodology of strategic planning. Investments in Russia, no. 3, pp. 17–25. (In Russian.)

Chistobayev A.I. (2013). Spatial planning in Russia: state, problems, tasks of geographers. *SLANG Bulletin*. 2013(2), pp. 15–24. (In Russian.)

Yushkova N.G. (2013). Territorial planning and state policy of development of the region. *Herold VolgASU*. It is gray "Construction and architecture", vol. 30(49), pp. 196–202. (In Russian.)

КОМПЛЕКСНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

ШЕВЕЛЕВА А.В.,

доцент кафедры «Управления внешнеэкономической деятельностью»,
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет),
МИД России, г. Москва,
e-mail: a_sheveleva@rambler.ru

В статье осуществлен анализ основных видов негативного воздействия предприятий нефтегазового комплекса на окружающую среду в условиях стратегически ограниченного запаса сырьевых энергетических ресурсов, выявлены неучитываемые в современной практике экологические последствия деятельности предприятий нефтегазового комплекса и предложены основные направления их долгосрочной эколого-экономической политики.

Ключевые слова: негативное воздействие; предприятия нефтегазового комплекса; эколого-экономическая политика; стратегически ограниченные запасы; сырьевые энергетические ресурсы.

AN INTEGRATED STRATEGIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF THE ENVIRONMENTAL IMPACT OF ENTERPRISES OF OIL AND GAS COMPLEX

SHEVELEVA A.V.,

Associate professor at the Regulation of foreign economic activity department,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
MID Russia, Moscow,
e-mail: a_sheveleva@rambler.ru

The article presents an analysis of the negative impact of the oil and gas sector on the environment in terms of strategically limited stock of raw energy resources, identified noise in modern practice, the environmental impact of the oil and gas sector and main directions of their long-term ecological and economic policy.

Keywords: negative impact; Enterprise oil and gas complex; ecological-economic policy; strategically limited stock; raw energy resources.

JEL classification: Q55, Q56.

Нефтегазовый комплекс играет важнейшую роль в функционировании современных социально-экономических систем, обеспечивая их сырьевыми энергетическими ресурсами и продуктами газо- и нефтепереработки. Современные экономики не могут функционировать и развиваться без энергетических ресурсов, без них невозможно ни одно современное производство. Также и хозяйственно-бытовой сектор нуждается в тепловой и электрической энергии, выработка которой построена в преобладающей части на ресурсах, поставляемых нефтегазовым комплексом. До сих пор человеческое сообщество не сумело выработать эффективную замену нефти и газу, позволяющую либо существенно сократить их добычу и потребление, либо вообще отказаться от их использования. Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний момент нефть и газ являются жизнеобеспечивающими ресурсами, без которых ни одно государство не сможет обеспечивать свое развитие.

В то же время сами предприятия нефтегазового комплекса оказывают значительное негативное воздействие на окружающую среду, а использование нефти и газа и продуктов их переработки при потреблении также сопровождается высокими показателями эмиссии загрязняющих веществ. Кроме того, запасы нефти и газа в мире ограничены, и по многим расчетам, в ближайшие десятилетия могут существенно сократиться, что часто недооценивается современными управленцами при формировании стратегий развития нефтегазовых компаний и отрасли в целом. При оценке негативного воздействия на окружающую среду нефтегазовых компаний фактор глобальной истощаемости сырьевых ресурсов практически не рассматривается как достойный внимания. Максимум, о чем может идти речь в таком случае – это недостаточный уровень разведанности запасов месторождений, что и воспринимается как ограничение. Ситуация же, когда запасы нефти и газа настолько истощаются, что их добыча станет экономически нерентабельной в целом по стране и в мире, воспринимается компаниями, как чрезвычайно далекая и нереальная перспектива. Проблема же состоит в том, что в качестве основного проявления негативного воздействия на окружающую среду предприятий нефтегазового комплекса видится высокий уровень эмиссии загрязняющих веществ в экосистему.

По нашему мнению, вышеназванный подход в последнее время становится все менее актуальным, так как в контексте современного понимания взаимодействия социально-экономического развития и естественной среды устойчивое развитие предприятий нефтегазового комплекса предполагает не только охват современной ситуации, но и воздействие на будущие поколения и наличие у них необходимых ресурсов. Отсутствие должного внимания к вопросам запасов энергетических сырьевых ресурсов может привести к тому, что когда они все же закончатся, их будет нечем заменить, и это может спровоцировать деградацию человеческой цивилизации. Для самих предприятий нефтегазового комплекса приближение такой ситуации может обернуться резким сокращением или полным исчезновением сырьевых рынков нефти и газа, и как следствие, их масштабным банкротством. Стратегический подход должен учитывать такие отдаленные изменения, и необходимо более комплексное представление о всех негативных последствиях чрезмерной эксплуатации сырых нефти и газа и связанном с этим воздействии на окружающую среду и будущие поколения. Это особенно актуально для Российской Федерации, которая является одним из основных поставщиков на мировых рынках нефти и газа и продуктов их переработки.

Для выявления основных составляющих такого воздействия необходимо рассмотреть каждый из этапов производственного процесса, обеспечивающих переход сырья от его добычи до конечного потребления, и для каждого этапа выделить сопутствующие ему негативные последствия для окружающей среды как в настоящем, так и в будущем.

Определение основных параметров негативного воздействия на окружающую среду предприятий нефтегазового комплекса требует определения его структуры с точки зрения основных этапов цикла производства газо- и нефтепродуктов. В общем виде данная структура представлена на рис. 1.

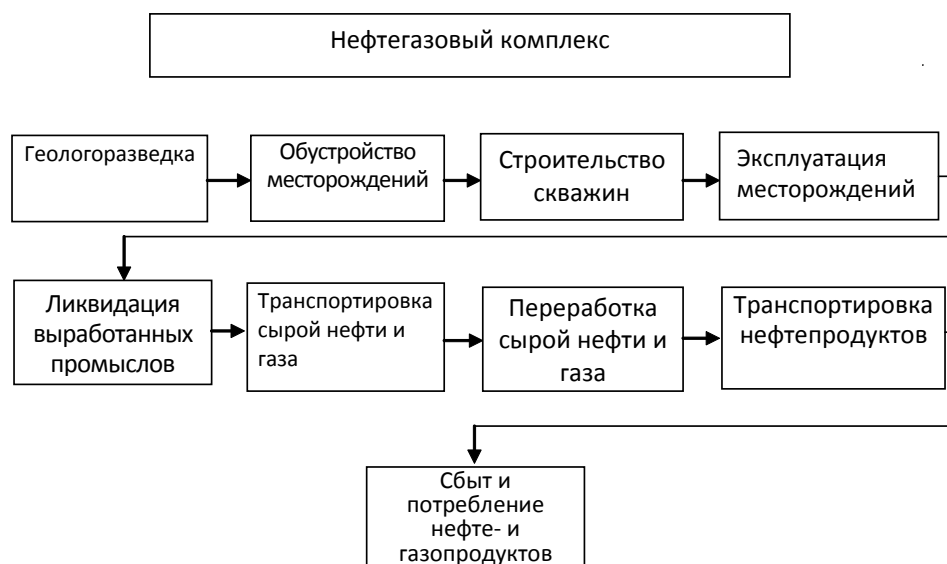

Рис. 1. Основные этапы производственного цикла предприятий нефтегазового комплекса¹

Для выявления узких мест в системе учета видов негативного воздействия на окружающую среду предприятий нефтегазового комплекса нами осуществлена их систематизация (табл. 1).

Каждый из представленных в таблице 1 этапов характеризуется различными видами негативного воздействия на окружающую среду.

¹ Составлено автором.

Таблица 1

Основные виды негативного воздействия на окружающую среду предприятий нефтегазового комплекса²

Этап производственного цикла	Негативные эколого-экономические последствия
1. Геологоразведка	захламление площадки разведочного бурения загрязнение почвы и воды буровыми растворами загрязнение почвы и воды при авариях с разливами нефти
2. Обустройство месторождения	уничтожение растительности на больших территориях, изменение ландшафта, загрязнение почв и воды
3. Строительство скважин	загрязнение окружающей среды в процессе бурения и проведения испытательных работ эксплуатационных скважин эмиссия загрязняющих веществ из шламовых амбаров
4. Эксплуатация скважин	загрязнение водных объектов и почв в связи с аварийными разливами нефти и пластовых вод, обусловленными недостаточной надежностью трубопроводов загрязнение водных объектов и почв, обусловленное несовершенством технологии увеличения нефтеотдачи при достижении плановых показателей добычи углеводородов, а также в связи с накоплением отходов в шламовых амбарах потери тепла и тепловое загрязнение окружающей среды в связи со сжиганием попутного газа в факелах формирование объектов накопленного (прошлого) экологического ущерба исчерпание сырьевых ресурсов недр ограничения в альтернативных способах хозяйственного использования территории деградация местной естественной экосистемы изменение структуры недр и ландшафта, образование провалоопасных и газоопасных зон
5. Ликвидация выработанных нефтепромыслов	ограничения в альтернативном использовании ресурсов для дальнейшей хозяйственной деятельности (сельскохозяйственных, рекреационных и др.) формирование объектов накопленного экологического ущерба
6. Транспортировка сырой нефти и нефтепродуктов	деградация и уничтожение других ресурсов экосистемы при строительстве трубопроводов загрязнение почв и водных объектов при разливах нефти, связанных с авариями и высоким физическим износом инфраструктуры трубопроводов загрязнение почв и воды нефтью при погрузочно-разгрузочных работах и непосредственно при транспортировке по железным дорогам и водным путем
7. Переработка сырой нефти	загрязнение почв, водных объектов и атмосферы при заводских выбросах, авариях, хранении отходов в прудах-накопителях
8. Сбыт и потребление нефтепродуктов	загрязнение почв и водных объектов из-за утечки нефтепродуктов в грунт вокруг хранилищ, а также утечки бензина и масел на дороги в процессе эксплуатации машин и механизмов сбросы/выбросы загрязняющих веществ в процессе потребления газо- и нефтепродуктов (выхлопы автомобильного транспорта, сбросы/выбросы энергетических предприятий при сжигании топлива и т. п.)

При геологоразведке в современных российских условиях выполнение разведочного бурения, как правило, практически неизбежно ведет к захламлению площадки, на которой оно проводится, и ее окрестностей. Стандартной проблемой является утилизация буровых растворов. Особо острой она становится при работе на морском шельфе, когда наиболее простым и дешевым вариантом является их сброс прямо в воду. Однако наиболее серьезные проблемы возникают в случае аварий, риск которых особенно высок при отсутствии информации о параметрах обнаруженных залежей. Другой опасной особенностью современных российских условий является стремление мелких геологоразведочных компаний в случае обнаружения нефти при ее разведке, немедленно начать ее добычу.

При обустройстве месторождения, когда оно уже открыто, основную опасность для окружающей среды несет коренное изменение локальной экосистемы территории, попавшей в зону реализации проекта. Развертывается строительство дорог, площадок для нефтедобывающих скважин, трубопроводов для перекачки нефти. Все указанные в предыдущих разделах варианты антропогенного воздействия усиливаются многократно. Из-за очень большой стоимости работ, компании при выборе схем размещения создаваемых объектов стремятся максимально снизить затраты. Это регулярно входит в противоречие с ограничениями, вызванными необходимостью охраны природы либо сохранения социальных и культурных ценностей. Острые дебаты возникают по поводу экологической безопасности выбираемых решений. При отсутствии действенной системы ответственности за экологические нарушения и катастрофы (например, разливы, при которых огромное количество нефти может попасть в воду), компании стремятся снизить расходы и предпочитают наиболее дешевые, хотя и экологически более опасные варианты.

При строительстве скважин происходит целый ряд нарушений. Источником геомеханических нарушений являются следующие технологические процессы: снятие и складирование плодородного слоя земли при подготовке территории буровой; устройство насыпной площадки под буровую (при кустовом строительстве скважин); устройство шламовых амбаров (земляных котлованов) – для сбора и хранения отходов бурения; сооружение технологических

² Составлено автором.

площадок под оборудование буровой; засыпка шламовых амбаров при их ликвидации; рекультивация территории буровой; строительство дорог; вырубка, корчевание леса. Помимо геомеханических нарушений, проявляются и гидрогеологические нарушения, связанные с процессом бурения и выражающиеся в поступлении в водоносные горизонты загрязнителей (поглощение буровых растворов) или в водопроявлениях, что приводит к изменению гидрогеологического режима естественного функционирования водоносного комплекса (*Источники загрязнения, 2010*).

Бурение скважин на нефть и газ является экологически опасным видом работ и сопровождается химическим загрязнением почв, грунтов, горизонтов подземных вод, поверхностных водоемов и водотоков, атмосферного воздуха веществами и химреагентами, используемыми при проходке скважин, буровыми и технологическими отходами, а также природными веществами, получаемыми в процессе испытания скважин. Процесс бурения также приводит к физическим нарушениям почвенно-растительного покрова, грунтов зоны аэрации, природных ландшафтов на буровых площадках и по трассам линейных сооружений (дорог, трубопроводов), прокладываемых при строительстве скважин; изменениям естественного режима многолетнемерзлых грунтов в криолитозоне с возможной деградацией верхних горизонтов многолетнемерзлых грунтов; нарушениям температурного режима экзогенных геологических процессов (термокарст, термоэрозия, пучение, наледеобразование, заболачивание, просадки и др.) с их возможными негативными проявлениями в техногенных условиях на буровых площадках, по трассам дорог и трубопроводов; образованиям производственно-технических отходов, содержащих химические реагенты органического и минерального происхождения, синтетической и минеральной природы, нефть, конденсат, растворимые и нерастворимые соли; нарушениям целостности мест обитания растений и животных (*Источники загрязнения, 2010*).

На фазе эксплуатации месторождений нефти и газа все проблемы негативного воздействия на окружающую среду, сопутствующие предыдущим стадиям, сохраняются. В дополнение необходимо акцентировать внимание на такую характерную особенность российской нефтедобычи, как сжигание в факелах попутных газов. Это ценное сырье для химической переработки, топливо, агент для повышения нефтеотдачи (при закачке его под высоким давлением в пласты) сгорает в огромных количествах, загрязняя атмосферу. Причина заключается в отсутствии стимулов, прежде всего экономических, для освоения современных технологий и более эффективного использования добываемого сырья. Однако, несмотря на ее «зрелищность», в целом эта проблема носит достаточно локальный характер (*Нефтяное загрязнение и окружающая среда, 2008*).

Кроме того, по мере старения оборудования повышается вероятность аварий и утечек нефти, особенно на внутри- и межпромысловых трубопроводах. В настоящее время долгие процессы добычи и эксплуатации месторождений нефти и газа привели к формированию эффекта так называемого накопленного (прошлого) экологического ущерба. Используемые на предыдущих этапах развития технологии добычи нефти и газа привели к чрезвычайно стойким негативным экологическим эффектам на территориях, где они осуществлялись. Теперь даже на тех территориях, где добыча уже не ведется, использование природных ресурсов их экосистем ограничено либо практически невозможно. Таким последствиям подвержены территории, где скопилось большое количество отходов добычи, которое не может быть ассимилировано местной экосистемой и приводит к изменению и загрязнению почв и подземных вод, снижению биоразнообразия, нарушениям ландшафта и структуры недр, появлению провалоопасных зон, газопроявлениям и другим негативным эффектам. Эксплуатация таких территорий в хозяйственном плане чрезвычайно затруднена, а в случае проживания на них населения требует постоянного мониторинга и затрат на ликвидацию экологических последствий.

Такая ситуация сложилась в связи с тем, что процесс ликвидации выработанных нефтепромыслов не предусматривал полное восстановление используемой территории, а процесс добычи не учитывал необходимость такого восстановления после истощения запасов ресурсов.

Среди проблем, которые характерны для этого этапа, ликвидация выработанных скважин (если их просто бросить, то остаточное выделение нефти может вести к загрязнению как земной поверхности, так и грунтов и грунтовых вод), также рассматриваются: уборка помоек и брошенного оборудования, ликвидация разливов нефти, рекультивация земель, приведение экосистем в сколь-нибудь приближенное к исходному состоянию. В настоящее время на территории России нет информации об успешных широкомасштабных программах по ликвидации выработанных нефтепромыслов. Однако за рубежом существует практика накопления средств, необходимых для максимального воссоздания естественно-природной обстановки после окончания нефтедобычи. Необходимость таких отчислений предусматривается на этапе анализа экономической эффективности проектов.

Этап транспортировки сырой нефти и газа и нефтепродуктов также реализуется с целым рядом экологических неблагоприятных последствий. В первую очередь, при строительстве новых магистральных трубопроводов могут возникать проблемы, связанные с выбором трассы. Экономические интересы сделать ее максимально удобной и короткой входят в противоречие с недопустимостью прокладки трубы по особо ценным в природном, историческом или культурном плане территориям. Экологической проблемой, связанной с работой трубопроводов, являются утечки нефти, размер которых по официальным данным могут достигать нескольких сотен тонн в год. Определенное количество сырой нефти перевозится также железнодорожным транспортом. Разовые разливы нефти при этом, как правило, невелики, не более 100 т. Серьезной представляется проблема утилизации растворов после промывки цистерн, а также дождевых стоков с их загрязненных поверхностей. Значительным компонентом системы транспортировки российской нефти является перевозка ее танкерами по воде. Стандартными проблемами танкерного флота является очистка балластных вод и последствия аварий танкеров с крупномасштабными разливами прямо в воду.

Аварии могут происходить и на самих нефтяных терминалах (*Нефтяное загрязнение и окружающая среда, 2008*). В случае крупной аварии загрязнение может затронуть значительную часть граничащих с местом аварии

территорий, что часто приводит к проблеме трансграничных загрязнений. Основной вопрос при таких авариях – это сложности борьбы с их последствиями и непоправимый ущерб естественным экосистемам (в основном, водным и прибрежным), который невозможно ничем компенсировать.

На этапе переработки сырой нефти и газа наиболее очевидными экологическими последствиями являются плановые загрязнения (выбросы в атмосферу и воду). Еще одной тяжелой, хотя и менее известной, проблемой являются отходы, хранящиеся в прудах-накопителях и загрязнения грунтов в результате утечек. В грунтах вокруг многих нефтеперерабатывающих заводов за многие десятилетия их работы накопились огромные количества нефти и нефтепродуктов. Их количества могут измеряться сотнями тысяч и миллионами тонн (*Нефтяное загрязнение и окружающая среда, 2008*). Такие места накопления также привели к формированию объектов накопленного экологического ущерба, о котором говорилось выше. И если вопрос регулирования текущих сбросов/выбросов загрязняющих веществ хоть как-то решается, то проблема накопленного экологического ущерба в настоящее время практически не регулируется.

Этап сбыта и потребления газо- и нефтепродуктов обычно связывают с утечками в грунт, что может происходить не только вокруг перерабатывающих заводов, но и любых хранилищ нефти и нефтепродуктов. В России наиболее известны случаи образования крупных (до нескольких тыс. т) линз топлива вокруг топливозапасов воинских частей. Значительное количество бензина и, особенно, смазочных масел, протекающих в процессе эксплуатации автотранспорта, попадает на поверхность машин и дорог, а затем с дождевой водой – в канализацию и в реки. Отсутствие хорошо организованной системы сбора отработанного моторного масла создает условия для его попадания в окружающую среду самым непредсказуемым образом. Как правило, оно просто сливается в грунт либо попадает на свалки бытовых отходов. Значительной дополнительной проблемой являются высокотоксичные добавки (например, тетраэтилсвинец), являющиеся очень выгодным способом повышения октанового числа бензина. Их широкое использование, в том числе нелегальное, создает серьезные дополнительные озабоченности (*Нефтяное загрязнение и окружающая среда, 2008*).

Таким образом, все этапы производственного цикла предприятий нефтегазового комплекса характеризуются различными видами негативного воздействия на окружающую среду и эколого-экономических последствий. Какие-то виды воздействия характерны для нескольких этапов, а какие-то только для одного или имеют существенную специфику проявления. Однако все эти виды негативного воздействия, на наш взгляд, можно обобщить и сгруппировать в четыре основных блока:

- эмиссия загрязняющих веществ в окружающую среду и ее компоненты;
- трансформация структуры недр и изменение ландшафта;
- сокращение стратегических запасов сырьевых энергетических ресурсов из недр;
- формирование объектов накопленного экологического ущерба.

Вышеназванные направления должны стать приоритетными с точки зрения стратегических ориентиров устойчивого развития предприятий нефтегазового комплекса, они могут быть положены в основу разработки их эколого-экономической политики на долгосрочную перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

Источники загрязнения (2010). Добываем нефть и газ. Доступно на: <http://oilneft.ru/?p=34>.
 Нефтяное загрязнение и окружающая среда (2008). Все о российских лесах. Доступно на: <http://www.forest.ru/rus/problems/oil/oil4.html>.

REFERENCES

Sources of pollution (2010). Produce oil and gas. Available at: <http://oilneft.ru/?p=34>. (In Russian.)
 Oil pollution and the environment (2008). All about Russian forests. Available at: <http://www.forest.ru/rus/problems/oil/oil4.html>. (In Russian.)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БАЗИС ПЕРЕХОДА НА НЕСЫРЬЕВУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЮГА РОССИИ

КУШНАРЕНКО Т.В.,

кандидат сельскохозяйственных наук,
заведующая кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита,
Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: tvkushnarenko@mail.ru

В статье на основе анализа возможных форм и технологий перехода экономики макрорегиона на модель несырьевого развития разрабатывается концепция создания инновационных межрегиональных структур, в состав которых интегрируется ресурсный потенциал центральных и периферийных территорий Юга России. Предлагаемые в настоящее время механизмы регулирования ресурсных потоков в регионах пока призваны лишь обеспечивать мобилизацию, распределение и целевое использование ресурсов региона (узко), но в них не идет речь об институциональных условиях для их эффективного использования. Представляется, что существенное повышение результативности данных действий может быть достигнуто путем максимально полной увязки методов, механизмов и инструментов регулирования ресурсных потоков с целями инновационной политики.

Ключевые слова: несырьевое развитие экономики региона; межрегиональные объединения; ресурсные потоки; периферийные территории.

CONCEPTUAL BASIS OF TRANSITION TO NON-OIL MODEL OF DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF THE SOUTH OF RUSSIA

KUSHNARENKO T.V.,

PhD, department chair of accounting, analysis and audit,
Don state technical university, Rostov-on-Don,
e-mail: tvkushnarenko@mail.ru

In article on the basis of the analysis of possible forms and technologies of transition of economy of the macroregion on model of non-oil development the concept of creation of innovative interregional structures into which structure the resource capacity of the central and peripheral territories of the South of Russia is integrated is developed. Currently proposed regulatory mechanisms of resource flows in the regions while only intended to facilitate the mobilization, allocation and use of resources in the region title (narrowly), but they are not talking about the institutional conditions for their effective use. It seems that a significant increase in the effectiveness of these actions can be achieved by linking the fullest methods, mechanisms and tools of resource flows with the objectives of innovation policy.

Keywords: non-oil development of economy of the region; interregional associations; resource streams; peripheral territories.

JEL classification: O13, O16, O18.

Курс высшего руководства страны на последовательный переход национальной экономики на несырьевую модель развития и уход от ресурсной зависимости, проецируясь на уровень отдельных регионов, приобретает специфические особенности, обусловленные целым спектром факторов и условий конкретно регионального характера. Исторически сложившаяся неравномерность регионального воспроизводства и размещения производительных сил, неоднородность территориального пространства России, а также углубляющаяся в периоды кризисных явлений

асимметрия социально-экономического развития регионов формируют на каждой отдельной территории свой «профиль» ресурсов и возможностей наращивания несырьевого потенциала роста.

Особое положение в этом списке занимают депрессивные территории, в частности, регионы Юга России, для которых решение данной проблемы представляется значительно выходящим за пределы эндогенных источников развития отраслей и сфер реального сектора экономики. В последние годы южнороссийские регионы проявляют ярко выраженные центробежные тенденции на основе сочетания повышенной самостоятельности в принятии решений с усилением дотационности, что во многом является причиной их относительно слабой подготовленности к восприятию инновационных изменений в сфере производства, в том числе промышленного. Кроме того, возможности модернизации промышленного сектора сдерживаются «наложением» новаций на полуразрушенную социокультурную и социально-экономическую сферу отношений. Тем не менее целеориентированное аккумулирование имеющегося потенциала этих регионов на приоритетных для них направлениях, традиционно являющихся точками и ареалами роста, может способствовать превращению их в территории опережающего развития. Важно при этом не только выявить реальные ресурсные возможности для такого развития, но и определить наиболее адекватные и эффективные формы их целеориентированной интеграции в рамках проектов несырьевого развития на основе внедрения инноваций.

Однако объясняемое региональной асимметрией отсутствие рациональной пространственной организации ресурсных потоков приводит к экономической замкнутости обширных южных территорий на фоне масштабных институциональных и инфраструктурных дефицитов. Практикой убедительно подтверждается, что значительные ресурсы концентрируются и циркулируют внутри мегаполисов, что является объективным фактором наличия дефицита ресурсов инновационного развития для периферии. Отсутствие согласованности целевых установок стратегического развития отдельных территорий в границах макрорегионов приводит к масштабному оттоку ресурсов модернизации в «полюса роста» (Матвеева, Чернова, 2013). В то же время необходимость и важность сбалансированного несырьевого развития макрорегионов как сложноорганизованных экономических систем предполагает научное обоснование нового концептуального базиса успешного вывода этих территорий на траекторию устойчивого развития, как в сфере промышленной, так и других отраслей материального производства.

Очевидно, что в этих объективно существующих условиях вовлечение периферийных территорий в процессы несырьевого развития представляет собой еще более сложную задачу по сравнению с центральными регионами, где преимущественно расположены инновационно активные промышленные предприятия реального сектора. Причем речь должна идти о приоритетном решении проблемы, связанной с пространственным регулированием со стороны центра ресурсных потоков производственной сферы макрорегиона в разрезе его территорий, поскольку такое регулирование будет направлено на обеспечение целевого связывания ресурсов на определенной территории; в требуемых объемах; в соответствии с масштабами и целями реализуемых проектов модернизационного характера; в установленные сроки; необходимых видов и качества. Это в полной мере согласуется с тем, что «соблюдение социальных установок и экологических императивов при реализации перспективной модели территориально-зональной специализации и отраслевого размещения производства является функцией государственного регулирования» (Колесников, Овчинников, 2008).

Таким образом, в контексте рассматриваемой проблемы целесообразно выделять две самостоятельные ветви государственного регулирования ресурсных потоков в несырьевом секторе макрорегиона, отличающихся собственными задачами, формами, методами и инструментами реализации:

- во-первых, государственная региональная политика, реализуемая на макроэкономическом уровне и проявляющаяся в воздействии государства на развитие и поддержку ресурсных потоков для осуществления воспроизводственных процессов в регионах, осуществляемая посредством нормативно-правового регулирования межрегиональных отношений;
- во-вторых, государственная региональная политика, реализуемая на мезоуровне и заключающаяся в активном воздействии органов региональных властей на формирование, развитие и использование ресурсного потенциала территорий в составе макрорегиона в стратегических направлениях его инновационного развития.

Такое инновационно-ориентированное управление ресурсными потоками регионального несырьевого развития согласуется с концепцией стратегического целеполагания сбалансированного территориального роста, в соответствии с которой мезоэкономические цели макрорегиона являются, с одной стороны, проекцией макроэкономических целевых установок, с другой – интегрируют микроэкономические цели отдельных составляющих его подсистем – регионов. В данном контексте макрорегион предстает в виде наиболее мобильной экономической системы национальной экономики с точки зрения процессов принятия управленческих решений, в том числе связанных с переходом на активизацию инновационного развития производственных отраслей. Поэтому одной из важных задач сбалансированного социально-экономического развития региональной среды является создание инновационно активных субъектов производственной сферы макрорегиона, выполняющих функции мезозвена, генерирующего ресурсный потенциал отдельных его территорий для осуществления инновационных проектов. То есть осуществляющего капитализацию ресурсов в рамках такого рода проектов.

В последние годы в большом числе научных публикаций в качестве такого рода интегративных объединений называются региональные и межрегиональные кластеры. Не останавливаясь на подробно освещенных в экономической литературе достоинствах и преимуществах таких форм ассоциированной деятельности участников инновационных

проектов, отметим только такое важное качество межрегионального кластера в контексте несырьевого развития, как возможность объединения в его составе на временной основе (создание кластера по типу консорциума, возможно, даже виртуального) представителей центра и периферии.

К числу основных аргументов в пользу капитализации ресурсов центральных и периферийных регионов в рамках реализации кластерных проектов макрорегионального значения можно отнести следующие:

- обеспечивается возможность взаимодополнения различными участниками ресурсного потенциала (как по одному, так и по разным видам ресурсов), что позволяет реализовать проект, ранее не доступный в силу ограниченности инновационных ресурсов;
- возрастает доступность использования специализированных и производительных человеческих ресурсов (в частности, как известно, периферийные территории характеризуются зачастую избыточным кадровым потенциалом, в том числе высокого качества, возможного к задействованию в рамках инновационных проектов кластера, что наглядно демонстрирует табл. 1);
- облегчается движение потоков информации за счет формирования сети как формальных, так и неформальных отношений, в том числе в сфере передачи рыночной и технологической информации, знаний и опыта;
- повышается возможность накопления специализированной информации (знаний), причем доступ к ней становится более организованным и требует меньших издержек;
- повышается эффективность использования ресурсов центральных и периферийных территорий в результате увеличения эффективности функционирования системы поставок сырья, компонентов и комплектующих, доступности и качества специализированного сервиса;
- возрастает возможность пользования ранее не доступным финансовыми ресурсами (например, источники рискованного финансирования для новых технологических компаний в кластере информационных технологий);
- усиливаются возможности использования ресурсов территорий для проведения научных исследований и реализации опытно-конструкторских разработок.

Таблица 1

Соотношение показателей численности безработных и потребности в работниках, заявленной работодателями¹

Регион СКФО	Численность безработных, тыс. чел.	Потребность в работниках, заявленная организациями в государственные учреждения службы занятости населения, тыс. чел.
Республика Дагестан	168	0,417
Республика Ингушетия	121	1,575
Кабардино-Балкарская Республика	59	1,395
Карачаево-Черкесская Республика	26	0,529
Республика Северная Осетия - Алания	39	0,759
Чеченская Республика	192	0,247
Ставропольский край	117	7,019
Итого	722	11,941

Следует также отметить, что достаточно сложно провести границу между ресурсной и другими составляющими экономической политики, поскольку ресурсные потоки и обусловленные ими отношения между субъектами, участвующими в деятельности межрегионального кластера производственного сектора макрорегиона, так или иначе пронизывают все сферы регионального хозяйства. Поэтому правильнее рассматривать региональную ресурсную политику как неразрывную систему, ориентированную на развитие и модернизацию воспроизводственных процессов в макрорегионе на основе совершенствования взаимодействий его субъектов. Задачи региональных органов власти значительно шире, чем мобилизация, распределение и использование ресурсов входящих в его состав регионов. Иными словами, региональная ресурсная политика, направленная на переход экономики макрорегиона в несырьевую плоскость, не может ограничиваться проблемами формирования ресурсного потенциала отдельных кластеров, а призвана стать средством обеспечения процессов модернизации всей его социально-экономической сферы.

Совершенно очевидна при этом особая роль институциональной составляющей региональной экономической политики в целом и институтов развития в частности, поскольку реализация отдельных механизмов государственного регулирования ресурсных потоков в рамках несырьевого регионального развития, направленных на улучшение процесса привлечения необходимых ресурсов из периферии (или обратно), не дает должных результатов. Необходим системный управленческий подход к решению задачи модернизации реального сектора экономики на базе выработки и реализации такой региональной политики, которая направлена на формирование и развитие механизмов в целом инновационно-инвестиционной деятельности, адекватных конкретно региональным детерминантам и вписывающихся в формирующиеся рыночные институты.

Предлагаемые в настоящее время механизмы регулирования ресурсных потоков в регионах пока призваны лишь обеспечивать мобилизацию, распределение и целевое использование ресурсов региона (узко), но в них не

¹ Составлено на основании данных Федеральной службы государственной статистики РФ. www.gks.ru.

идет речь об институциональных условиях для их эффективного использования. Представляется, что существенное повышение результативности данных действий может быть достигнуто путем максимально полной увязки методов, механизмов и инструментов регулирования ресурсных потоков с целями инновационной политики.

ЛИТЕРАТУРА

Матвеева Л.Г., Чернова О.А. (2013). Моделирование процессов управления ресурсными потоками в целях развития периферийных территорий // *Terra Ecomomicus*. № 4.

Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. (2008). Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. С. 33–34.

REFERENCES

Matveeva L.G. Chernova O.A. (2013). Modeling of management processes by resource streams for development of peripheral territories. *Terra Ecomomicus*, no. 4.

Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. (2008). Silhouettes of regional economic policy in the South of Russia. Rostov-on-Don: YuFU publishing house, pp. 33–34.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ МАЛЫХ МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДОВ РФ КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА РАЦИОНАЛЬНОГО КРЕДИТОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ

ШАФИРОВ Л.А.,

кандидат социологических наук,
магистр делового администрирования (MBA),
докторант SKEMA Business School (Lille, France) и программы DBA
Финансового Университета при Правительстве РФ,
e-mail: shafirov@mail.ru

Актуальная сегодня проблема чрезмерной закредитованности российских граждан проявляется не только в росте соответствующих количественных показателей долговой нагрузки на домохозяйства, но и, что очень важно, – в преобладании в структуре потребительских кредитов высокорисковых беззалоговых нецелевых краткосрочных кредитов. В качестве более рациональной альтернативы, создание и продвижение, при участии органов региональной власти и местного самоуправления, новых продуктов целевого долгосрочного потребительского кредитования – в особенности в регионах РФ, в состав которых входят моногорода, – могло бы выступить в качестве фактора обеспечения дополнительного внебюджетного источника финансирования программ комплексного развития моногородов и местного экономического развития. Анализ основных социально-экономических характеристик домохозяйств, проживающих в малых монопрофильных городах, на основании данных Комплексного наблюдения условий жизни населения Федеральной службой государственной статистики, продемонстрировал, что значительная доля этих домохозяйств в той или иной мере нуждается в улучшении жилищных условий. В свою очередь, потенциал населения малых монопрофильных городов, с точки зрения потребностей в кредитных ресурсах для улучшения жилищных условий, в будущем мог бы послужить основой для формирования запросов этих домохозяйств на соответствующие кредитные продукты.

Ключевые слова: потребительское кредитование; кредитный потенциал домохозяйства; рационализация кредитования граждан; рациональное кредитование населения; местное экономическое развитие; моногород; жилищные условия.

RUSSIAN MONOTOWNS RESIDENTS' LIVING CONDITIONS AS THE BASIS FOR ESTIMATION OF HOUSEHOLDS' SUSTAINABLE LENDING POTENTIAL

SHAFIROV L.A.,

Candidate of Sociology (PhD), MBA (St. Gallen University),
Executive DBA Student at the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Executive PhD Student at
SKEMA Business School (Lille, France),
e-mail: shafirov@mail.ru

Over-indebtedness of Russian households reveals itself not merely in high indicators of debt burden, but, which is more important, – in prevalence of high risk, unsecured, non-purpose, short term loans in Russia's consumer lending sector. Alternative credit products – purpose long-term consumer loans – which are to be created and implemented with the assistance of regional and local authorities (namely, in depressive territories of the Russian Federation which are, mainly, mono-industrial towns), are considered to be the rational choice for the monotowns residents. The factor of local

economic development, households' credit potential could provide an extra budgetary source for special development programs for mono-industrial towns. The study of socio-economic performance indicators which characterize living conditions of monotowns residents based on the Integrated Surveillance of living conditions provided by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, has shown that the majority of the surveyed households needs somehow or other to improve their living conditions. Thus, the survey findings revealed the credit potential of the residents of mono-industrial towns, – caused by the need for credit resources to improve living conditions, – which can be transformed in the future into consumer demand for the appropriate credit products.

Keywords: consumer lending; household credit potential; credit rationalization; sustainable lending to individuals; local economic development; monotown; living conditions.

JEL classification: G28, O18, C13.

1. Улучшение жилищных условий населения моногородов посредством целевого кредитования: постановка задачи

Острота проблемы высокой закредитованности российских домохозяйств варьируется в зависимости от территории их проживания: по данным НИУ ВШЭ, в 2012 г. наиболее высокую нагрузку по обслуживанию и погашению банковских кредитов демонстрировали жители малых и средних населенных пунктов. Так, 50 и более процентов доходов использовали на погашение и обслуживание долгов треть домохозяйств жителей малых населенных пунктов с численностью населения менее 10 тыс. чел. и около 20% процентов жителей населенных пунктов с численностью от 10 до 100 тыс. чел. (Кузина, 2013. С. 5).

К сожалению, в РФ отсутствует статистика об уровне закредитованности населения в разрезе населенных пунктов, однако вышеприведенные данные дают возможность предполагать высокий уровень закредитованности домохозяйств жителей моногородов. Вместе с тем данный показатель мог бы стать достоверным индикатором экономического благосостояния домохозяйств, необходимым элементом системы комплексного мониторинга социально-экономического положения в моногородах, который должен проводиться Правительством РФ во исполнение поручения Президента РФ от 15 октября 2013 г. (Президент России, 2013а; Правительство России, 2013).

Закредитованность домохозяйств жителей моногородов является дополнительным источником рисков для инвесторов проектов, которые реализуются или могут быть реализованы в моногородах: финансовые проблемы негативно сказываются на мотивации сотрудников предприятий к труду, на лояльности жителей моногородов к власти и работодателям; перекредитованность населения, с одной стороны, и резкое сокращение объемов заимствований домохозяйств, вызванное в том числе политикой, проводимой финансовыми властями РФ по ограничению объемов беззалогового кредитования населения, с другой стороны, могут негативно влиять на размер потребительского спроса жителей моногородов (возможность такого негативного эффекта на примере ряда европейских стран доказана (см. Chmelar, 2012)).

Автор не подвергает сомнению необходимость реализации государственной политики по сокращению рисков, связанных с увеличением закредитованности домохозяйств. Вместе с тем представляется, что сокращение объемов нецелевого беззалогового кредитования только посредством введения новых требований к кредиторам, предоставляющим такие кредиты, является борьбой если не со следствиями, то, как минимум, с частью причин увеличения рисков, связанных с закредитованностью населения. Изучение причин роста закредитованности населения является многосложной задачей, над решением которой работают зарубежные и отечественные исследователи (Lusardi, Tufano, 2009; Braucher, 2006; D'Alessio, Iezzi, 2013; Betti, Dourmashkin, Rossi, Yin, 2007; Кузина, 2013а).

В качестве причин закредитованности исследователи выявляют низкий уровень финансовой грамотности, недостаточность правового регулирования деятельности по кредитованию населения, грабительские процентные ставки по кредитам, краткосрочность получаемых заемщиками кредитов. Вместе с тем, учитывая, что потребительский кредит является средством удовлетворения потребностей заемщиков в приобретении товаров, работ и услуг, автор предполагает, что одной из основных причин закредитованности является то, на какие цели использует заемщик заемные средства. Сроки предоставления кредита и плата за пользование кредитом, которые, безусловно, влияют на рост долговой нагрузки заемщиков, также зачастую связаны с целевым использованием заемных средств. По мнению автора, к причинам высокой долговой нагрузки на жителей малых населенных пунктов РФ можно отнести отсутствие в подавляющем большинстве регионов и населенных пунктах страны адекватной экономической политики, направленной на снижение рисков кредиторов и физических лиц – заемщиков, на снижение их расходов при получении, обслуживании и возврате заемных средств, на формирование за счет средств потребительского кредитования населения источника местного экономического развития.

В частности, в соответствии с авторским предположением, органы местного самоуправления моногородов, а также органы региональной власти, – в тех регионах, в состав которых входят моногорода, – должны объединить усилия, чтобы, совместно с кредиторами и поставщиками товаров (работ, услуг), обеспечить создание и продвижение новых продуктов целевого долгосрочного потребительского кредитования жителей моногородов. Такое целевое потребительское кредитование, направленное на увеличение потребительского спроса жителей моногородов на товары (работы, услуги), производимые организациями и предпринимателями, осуществляющими деятельность

в моногородах, могло бы стать альтернативой высокорисковому беззалоговому нецелевому краткосрочному кредитованию, а также дополнительным внебюджетным источником финансирования программ комплексного развития моногородов, которые должны быть разработаны в соответствии с Посланием Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2013 г. (*Президент России, 2013b*).

В качестве подтверждения данного предположения могут быть рассмотрены оценки объемов промышленного производства за три квартала 2013 г.¹ Академик О. Богомолов уже более 15 лет назад отмечал, что «на очереди дня перенесение акцента с политики жесткого ограничения денежной массы, государственных расходов и доходов населения на активное стимулирование производства и расширение платежеспособного спроса» (*Богомолов, 1998*).

Низкая платежеспособность жителей малых моногородов и потребительские предпочтения, связанные с приобретением импортных товаров, тормозят местное экономическое развитие, лишая местных производителей внутреннего рынка. Зависимость моногородов от деятельности предприятий, относящихся к одной отрасли, предполагает дефицит ассортимента товаров и услуг местного производства, которые могут быть произведены в моногородах и приобретены самими жителями моногородов: в результате, в долгосрочной перспективе монопрофильность экономики территории может детерминировать рост рисков финансовой устойчивости бюджета муниципального образования (*Официальный портал..., 2013*). Вместе с тем предприятия строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства представлены в каждом моногороде, что делает целесообразным активизацию спроса на товары и услуги, производимые именно этими предприятиями.

Таким образом, предполагается, что катализатором местного экономического развития моногородов может стать потребительский спрос домохозяйств этих городов, который может быть профинансирован за счет целевого кредитования населения на улучшение жилищных условий.

Учитывая ограниченную возможность бюджетного финансирования развития целевого потребительского кредитования на улучшение жилищных условий, представляется, что в качестве приоритетных мер по развитию такого кредитования должны быть задействованы инструменты региональной и муниципальной политики, в первую очередь – координационного и информационного характера, направленные на оптимизацию взаимодействия между акторами системы целевого кредитования населения моногорода для улучшения жилищных условий. Схема системы целевого кредитования населения моногорода для улучшения жилищных условий, в рамках которой предлагается вовлечение в состав объектов инфраструктуры рационализации кредитования населения органов региональной власти, органов местного самоуправления и прочих структур, представлена на рис. 1.

Рис. 1. Целевое кредитование населения моногорода для улучшения жилищных условий домохозяйств как источник местного экономического развития

Безусловно, увеличение объемов кредитования жителей малых моногородов невозможно без реализации комплексных программ, в рамках которых, при содействии органов региональной власти и местного самоуправления,

¹ «...Промышленность большинства регионов, где выпуск пока растет, ориентирована на внутренний потребительский спрос» (*Кувшинова, Лютова, Титов, 2013*).

должны быть приняты меры по сокращению текущей платежной нагрузки на бюджеты домохозяйств, связанной с обслуживанием заемных средств. В данном случае орган местного самоуправления, заинтересованный в формировании нового источника финансов развития за счет ресурсов потребительского кредитования граждан, должен обеспечить предоставление членам уже закредитованных домохозяйств финансовых и правовых консультаций для сокращения необоснованных требований кредиторов к физическим лицам-заемщикам, а при необходимости – поручительств (гарантий) по ранее полученным этими домохозяйствами заемным средствам в целях их реструктуризации либо для рефинансирования (перекредитования). Значительные объемы кредитов на улучшение жилищных условий не могут быть предоставлены жителям моногородов, уже относящимся к категории закредитованных, однако есть основания считать, что, несмотря на предполагаемую значительную долю этой категории домохозяйств среди жителей моногородов, по причине незначительного охвата банковскими кредитами домохозяйств РФ (26% на ноябрь 2012 г.) (Кузина, 2013а), большое количество домохозяйств моногородов все еще может рассматриваться в качестве потенциальных получателей целевых потребительских кредитов.

В статье (Шафиров, 2013) даны авторские определения рационального кредитования населения и потенциала рационального кредитования, а также предпринята попытка доказать, что кредитование на улучшение жилищных условий является одним из основных направлений рационального кредитования населения. В рамках данной статьи предполагается провести исследование жилищных условий домохозяйств малых монопромышленных населенных пунктов РФ в целях оценки перспектив разработки, внедрения и распространения продуктов целевого кредитования жителей этих населенных пунктов для улучшения их жилищных условий.

Опираясь на определения, данные Ф. Котлером категориям «нужда» и «потребность», «запрос» (Котлер, 2012), можно утверждать, что поставщики жилищно-коммунальных товаров (услуг), застройщики объектов жилой недвижимости, подрядчики, осуществляющие ремонт жилых помещений и общего имущества многоквартирных домов, поставщики строительных материалов, предпринимая целенаправленные действия для стимулирования желания потребителей обладать производимыми ими товарами и услугами, фактически конкурируют за трансформацию нужд потребителей в такие потребности и запросы, которые могли бы быть удовлетворены посредством приобретения товаров (услуг), произведенных именно этими производителями. Безусловно, часть нужд, связанных с жилищными условиями жителей моногородов, может быть отнесена к физиологическим нуждам, однако и эти нужды «конкурируют» за право стать потребностями и запросами.

Учитывая, что потребность определяется как «нужда, принявшая специфическую форму в соответствии с культурным уровнем и личностью индивида» (Котлер, 2012), производители товаров (услуг) должны влиять на культурный уровень и личность потребителя посредством популяризации, продвижения выгодных им нормативных примеров (кейсов), моделей потребительского поведения, тем самым обеспечивая стремление потребителей к приоритетному удовлетворению потребностей, связанных с жилищными условиями. Кроме того, для трансформации потребностей в улучшение жилищных условий в запросы, необходимо, чтобы такие потребности стали приоритетными и чтобы для их удовлетворения домохозяйства обладали необходимыми финансовыми возможностями.

В состоянии ли поставщики и подрядчики товаров, работ и услуг, необходимых для улучшения жилищных условий, выигрывать в конкурентной борьбе за потребности домохозяйств малых моногородов с товарами, приобретаемыми для «демонстративного потребления»? В состоянии ли домохозяйства малых моногородов, со своей стороны, сформировать запросы поставщикам и подрядчикам, изыскав финансовые возможности для удовлетворения потребностей в улучшении жилищных условий? Какие меры экономической политики государства, региональной и местных властей в сотрудничестве с производителями товаров, лидерами местных сообществ, банковским сектором экономики регионов, в которых расположены малые моногорода, могут способствовать формированию запросов домохозяйств этих моногородов на товары (работы, услуги), необходимые для улучшения жилищных условий? На данные вопросы автор планирует ответить в рамках будущих исследований, доказав приоритетность развития целевого кредитования жителей моногородов для приобретения товаров, необходимых для улучшения жилищных условий заемщиков и их домохозяйств. В рамках данной статьи исследуются нужды, т. е. ощущаемые респондентами – жителями малых моногородов – недостатки в их жилищных условиях, так как на основе нужд формируются потребности, которые, в том числе при использовании целевого рационального кредитования как источника финансирования, могут трансформироваться в запросы потребителей.

2. Объект, цель и эмпирическая база исследования

Объектом настоящего исследования являются домохозяйства как потребители кредитных ресурсов и носители кредитного потенциала. Исследование проводится на уровне местного сообщества – малого монопрофильного города.

Цель исследования состоит в выявлении элементов экономического «портрета» домохозяйства малого монопрофильного города, характеристике условий проживания для определения кредитного потенциала с точки зрения прогнозируемых потребностей домохозяйств в улучшении их жилищных условий. Под кредитным потенциалом понимается предполагаемая потребность домохозяйства в кредитных ресурсах на решение каких-либо проблем, несопоставимая с возможностью обслуживания и возврата кредита.

На основании данных Комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Росстатом (Федеральная служба..., 2012), был сделан анализ основных социально-экономических характеристик домохозяйств, проживающих в малых монопрофильных городах. Данное обследование представляет собой выборочное наблюдение, охватывающее всю территорию Российской Федерации и имеющее единицей анализа домохозяйство и проживающих в нем членов домохозяйства. Для проведения исследования условий жизни населения малых монопрофильных

городов была сформирована выборка, включающая 2 052 наблюдения. Сначала из всей совокупности данных обследования были исключены типы населенного пункта, характеризующиеся как многопрофильные – с точки зрения вида преобладающей экономической деятельности. Далее, были отобраны типы населенных пунктов с населением менее 50 тыс. чел. Статус населенного пункта: районный центр (1 026 наблюдений), центр муниципального образования (сельского поселения) (702 наблюдения) и прочий населенный пункт (540 наблюдений).

Для выявления кредитного потенциала, с точки зрения потребностей домохозяйств, были исследованы условия проживания и располагаемое имущество, а для оценки способности погашения кредита исследовались источники и размер доходов домохозяйства. Необходимо отметить, что более корректной была бы оценка с учетом обязательств и расходов домохозяйства, однако в рамках данного исследования учесть их не представлялось возможным из-за ограничений информационной базы.

3. Характеристика условий проживания домохозяйств²

В табл. 1 представлено распределение домохозяйств по условиям проживания. Как видно, большинство проживают в отдельных квартирах. Однако доля тех, кто занимает индивидуальный дом или его часть, также достаточно велика. Число тех, кто явно нуждается в улучшении жилищных условий, по причине проживания в общежитии или коммунальной квартире, незначительно. У 11,5% респондентов основное жилье не находится в собственности кого-либо из членов домохозяйства, и всего 3% ответили, что оплачивают арендную плату собственнику жилья. Все это не дает возможности сделать вывод о том, что подавляющее большинство домохозяйств малых городов не нуждаются так или иначе в получении кредитов для приобретения или строительства жилья.

Таблица 1

Распределение домохозяйств по условиям проживания³

Условия проживания	Частота	Процент
Отдельная квартира	1176	57,3
Индивидуальный (одноквартирный) дом	733	35,7
Часть индивидуального (одноквартирного) дома	121	5,9
Общежитие	15	0,7
Коммунальная квартира	6	0,3
Другое	1	0
Итого	2052	100,0

Необходимость в улучшении жилищных условий, а значит, и в получении кредитов для приобретения или строительства жилья, может быть связана, в первую очередь, со стесненными условиями проживания. Согласно данным опроса, 23,9% домохозяйств так или иначе стеснены в условиях проживания, т. е. нуждаются в расширении занимаемой жилплощади. Таким образом, их можно рассматривать как потенциально нуждающихся в ипотечных и жилищных кредитах.

Потребность в жилищном и ипотечном кредитовании может детерминироваться также и качеством занимаемого жилого помещения. С качеством жилого помещения связано наличие различного рода проблем, таких как недостаток тепла, солнечного света, избыток сырости, плохая шумоизоляция (табл. 2).

Как видно, значительная доля домохозяйств так или иначе страдают от одной или нескольких проблем в жилом помещении. Поэтому можно предположить, что, при наличии возможности, они захотят улучшить свои жилищные условия посредством приобретения нового жилья или ремонта имеющегося.

Таблица 2

Наличие проблем в занимаемом домохозяйством жилом помещении⁴

№ п/п	Проблема	Частота	Процент
1	Недостаток тепла в занимаемом жилом помещении	632	30,8
2	Избыток влажности (сырости) в занимаемом жилом помещении	511	24,9
3	Недостаток солнечного света в занимаемом жилом помещении	316	15,4
4	Проблемы из-за плохой шумоизоляции в занимаемом жилом помещении	535	26,1

² Для целей исследования ипотечные кредиты и кредиты на приобретение жилья также отнесены к потребительским, вопреки сложившейся банковской практике. Это связано с тем, что приобретение жилья и улучшение жилищных условий – наиболее рациональная цель получения кредита. Так, для оценки потенциала рационального кредитования необходимо исследовать все основные потребности домохозяйств, удовлетворение которых возможно с использованием заемных средств.

³ Рассчитано автором по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (Федеральная служба..., 2012).

⁴ Рассчитано автором по тем же данным.

В связи с тем, что более 30% респондентов⁵ отметили, что занимаемое ими жилое помещение страдает недостатком тепла, и почти 25% заявили о наличии избытка влажности, что создает существенный дискомфорт и заметно ухудшает условия проживания домохозяйства, их можно отнести к группе потенциальных заемщиков целевых кредитов на повышение энергоэффективности жилищ. Решению проблемы столь значительной доли домохозяйств малых моногородов может способствовать срочная разработка и внедрение программ содействия кредитованию домохозяйств на цели повышения энергоэффективности жилья. Ориентиром для разработки таких программ может служить программа содействия немецкого банка «KfW Bankengruppe» (*KfW Bankengruppe, 2012*), адаптированная соответствующим образом для отечественных условий. Внедрение такого кредитования будет способствовать не только повышению качества жизни населения за счет улучшения жилищных условий и снижения в дальнейшем затрат на энергоносители, но и сокращению расходов домохозяйств на оплату коммунальных услуг, созданию дополнительного платежеспособного спроса на товары, работы и услуги организаций и предпринимателей строительного комплекса.

Характеристика жилья в населенном пункте определяется также наличием, доступностью и качеством инфраструктуры, электро-, водо- и газоснабжения. У 32,3% респондентов имеются проблемы с подачей и использованием электроэнергии. При этом у 12,9% домохозяйств они возникают по несколько раз в месяц и чаще. Это позволяет сделать вывод о недостатках в работе электроснабжения в малых монопрофильных городах, что делает актуальным дальнейшее исследование проблемы развития в них предприятий электроэнергетической отрасли и (или) кредитования домохозяйств на цели финансирования ремонта (замены) электропроводки. Плохое электроснабжение, регулярные перебои с электроэнергией могут, в условиях современной жизни, служить мощным выталкивающим фактором, побуждающим население переезжать в другие населенные пункты, а молодежь – не возвращаться после получения образования в малые монопрофильные населенные пункты. Проблемы с электроснабжением сужают потенциал самозанятости, создавая барьеры для развития надомного труда, поэтому являются важной характеристикой как качества жизни населения моногородов, так и уровня местного экономического развития.

Одной из наиболее значимых является проблема водоснабжения, а также качества питьевой воды. Почти 10% опрошенных не имеют доступа к водопроводу. Доступ к централизованному водоснабжению есть только у 83% домохозяйств. При этом более 40% домохозяйств отмечают наличие перебоев в холодном и более 20% – в горячем водоснабжении. Таким образом, можно заключить, что улучшение системы централизованного водоснабжения также относится к приоритетным направлениям развития инфраструктуры малых монопрофильных городов. Тем более, всего лишь 30,5% домохозяйств полагают, что качество питьевой воды из наиболее доступного для них источника водоснабжения можно охарактеризовать как хорошее. Этим объясняется, что 31,6% домохозяйств используют устройства для очистки питьевой воды.

Наибольшие проблемы существуют в сфере горячего водоснабжения – оно отсутствует почти у 32% домохозяйств, попавших в выборку. При этом 27% пользуются индивидуальными водонагревателями, т. е. почти 60% домохозяйств не снабжаются централизованно горячей водой.

Проблемы с водоснабжением, помимо ухудшения качества жизни населения моногородов, создают инфраструктурные ограничения для развития там жилищного строительства, включая индивидуальное. Недостаточное обеспечение водой, плохое ее качество не делают территории привлекательными для строительства, создавая значительные барьеры, в том числе для кредитования на цели строительства жилья.

Вышеизложенное подтверждает целесообразность сотрудничества органов местного самоуправления малых монопрофильных населенных пунктов, товариществ собственников жилья, советов многоквартирных домов, управляющих компаний, а также кредитных организаций и местных поставщиков (подрядчиков) в целях разработки и внедрения целевых потребительских кредитов для решения проблем водоснабжения, в том числе – на цели финансирования ремонта (замены) внутридомовых водопроводных сетей, на приобретение внутридомовых очистителей и нагревателей воды общего пользования владельцев помещений в многоквартирных домах.

Значительные территории России, большие расстояния между населенными пунктами, а также достаточно высокая для многих домохозяйств стоимость подключения к сетям низкого давления газа создают заметную проблему с газификацией. Чуть менее 54% респондентов пользуются сетевым газом и 11% не имеют возможности пользоваться газом вообще; 21,3% респондентов не могут подключиться к газораспределительной сети, даже при ее наличии, по тем или иным причинам, в частности, из-за отсутствия средств.

Таким образом, в ряде случаев решению проблем газификации может послужить целевое кредитование в рамках целевых программ содействия газификации депрессивных территорий. Кредитование домохозяйств, при условии их объединения для финансирования строительства газовых сетей либо подключения к ним, позволит повысить доступность бытового сетевого газа даже для той части респондентов, которые считают, что не имеют возможности подключить свои дома к газовым сетям. Кредитные программы такого рода должны быть синхронизированы с государственными, региональными и (или) муниципальными программами содействия гражданам в газификации жилья, такими, например, как предлагаемая автором инициатива с пилотной реализацией в шахтерских моногородах Ростовской области (*Инициатива о разработке..., 2012*).

Следующей проблемой, связанной с качеством жилья и смежной с газо- и водоснабжением, является отопление жилого помещения, где проживает домохозяйство. Почти у 27% из числа опрошенных отопление производится от индивидуальных установок, а почти у 17% имеется печное отопление. Эти домохозяйства, предположительно, обла-

⁵ Эта и нижеследующие цифры приводятся по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (*Федеральная служба..., 2012*).

дают кредитным потенциалом как на улучшение жилищных условий (изменение типа отопления, где это возможно), так и на сезонные (в том числе коллективные) закупки топлива.

Кроме того, 23,2% домохозяйств используют различные дополнительные источники тепла. Поскольку проблемы с недостатком тепла в жилище испытывают, как отмечалось, 30,8% домохозяйств из числа попавших в выборку, то можно сделать вывод, что значительная их доля пытаются справиться с проблемой самостоятельно. Это приводит к отвлечению финансовых ресурсов, следовательно, данные домохозяйства можно отнести к обладающим кредитным потенциалом на нужды повышения качества отопления жилища, на утепление жилья.

Таким образом следует, что значительная доля домохозяйств малых монофункциональных городов нуждаются в том или ином улучшении жилищных условий. Следовательно, их кредитный потенциал на данные нужды, оцененный со стороны потребностей, достаточно велик.

Как отмечалось, кредитный потенциал домохозяйства рассматривается одновременно с двух позиций: со стороны потребностей в товарах и услугах, приобретаемых за счет кредитных средств, и со стороны возможностей по погашению кредита. Возможности по погашению кредита зависят от ряда факторов: в первую очередь, от размеров регулярных доходов домохозяйства, а также от величины расходов домохозяйств, в том числе на обслуживание ранее привлеченных заемных средств, т. е. – от закредитованности домохозяйств. Однако первым и основным определяющим фактором является доход домохозяйства и его источники, что влияет на формирование самооценки финансового положения населения.

4. Доходы домохозяйств

Малые монопрофильные города России, как правило, относятся к территориям депрессивным, для которых характерен достаточно низкий уровень жизни населения и высокий уровень безработицы. В табл. 3 представлены источники средств к существованию домохозяйств, попавших в выборку. Наибольшее число домохозяйств в качестве источника средств к существованию назвали оплату труда. Однако их долю нельзя назвать подавляющей (66%). 58,3% населения получают пенсию. Хотя пенсия может быть назначена не только по старости, но и по потере кормильца, по инвалидности, тем не менее такое значение данного показателя может свидетельствовать о том, что население малых монофункциональных городов является в настоящее время весьма возрастным, что не создает предпосылок к заметному экономическому росту. Для депрессивных территорий старение населения представляет существенную проблему, решить которую возможно, в том числе, посредством целевого кредитования (в частности, на оплату образовательных услуг местных образовательных учреждений, ипотечное и жилищное кредитование для строительства и приобретения жилья). Такое кредитование, реализованное при непосредственном участии работодателей молодых специалистов, будет стимулировать молодежь не уезжать из города либо возвращаться после получения образования.

Следует отметить также достаточно высокий процент домохозяйств (10,6%), существующих за счет помощи родственников и знакомых, а также получающих различные пособия (10%). Это также можно считать индикатором не высокого уровня жизни и, следовательно, низкой кредитоспособности. С другой стороны, домохозяйства, выживающие за счет помощи родственников и знакомых, скорее всего, тоже будут склонны, при повышении уровня контроля и адаптации (*Центр макроэкономических исследований..., 2013*), и к получению кредитов.

Таблица 3

Источники средств к существованию домохозяйства⁶

№ п/п	Источник средств к существованию домохозяйства в настоящее время	Частота	Процент
1	Оплата труда	1354	66
2	Пенсия	1197	58,3
3	Помощь родственников и знакомых	218	10,6
4	Пособия	206	10
5	Доход от самозанятости	82	4
6	Сбережения	81	3,9
7	Алименты	72	3,5
8	Стипендии	51	2,5
9	Пособия по безработице	39	1,9
10	Доход от продажи продукции личного подсобного хозяйства	31	1,5
11	Доход от сдачи внаем или в аренду имущества	16	0,8

На рис. 2 представлено распределение домохозяйств по величине приблизительного дохода в месяц. Как видно, наибольшее число домохозяйств (37,9%) имеют месячный доход в пределах от 10,1 до 20 тыс. руб. Этот же интервал значений является и медианным. То есть подтверждается предположение о низком уровне доходов домохозяйств,

⁶ Рассчитано автором по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (*Федеральная служба..., 2012*).

следовательно, в основном их можно рассматривать как потенциальных потребителей кредитов. Часто домохозяйства именно этой доходной группы являются потребителями наиболее дорогих краткосрочных кредитов, что приводит к усугублению проблемы закредитованности, – поэтому для них внедрение практики рационального кредитования представляется наиболее актуальным.

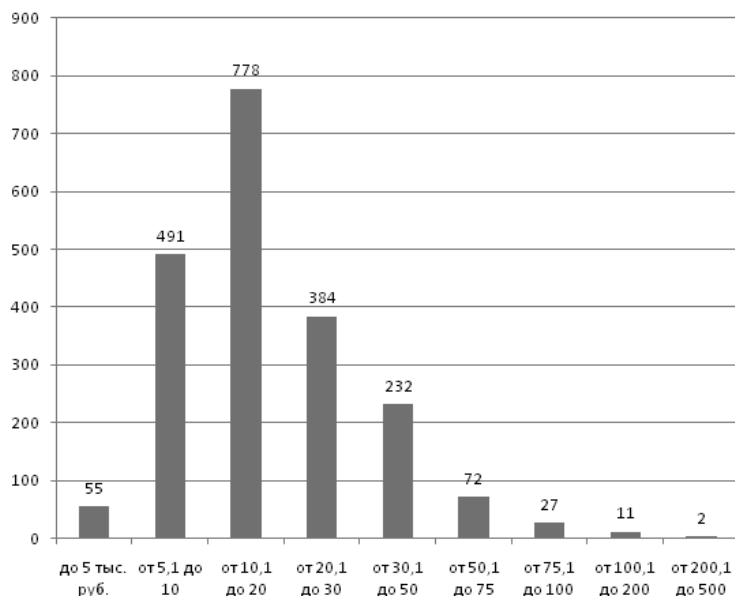

Рис. 2. Распределение приблизительного денежного дохода домохозяйства, тыс. руб. в месяц⁷

5. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о наличии у населения малых монопрофильных городов значительного потенциала, с точки зрения потребностей в кредитных ресурсах, для улучшения жилищных условий.

Однако низкий уровень доходов домохозяйств делает подавляющее большинство их наиболее подверженным рискам, связанным с высоким уровнем закредитованности.

По этой причине, а также в целях активизации внутреннего потребительского спроса жителей малых моногородов РФ на товары и услуги, производимые на территории этих малых моногородов, актуализируется необходимость разработки, внедрения и продвижения кредитных продуктов, которые, способствуя удовлетворению текущих базовых потребностей домохозяйств малых монофункциональных городов в улучшении жилищных условий, в то же время стимулировали бы местное экономическое развитие в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Богомолов О. (1998). Каким курсом пойдет Россия в новый век? // *Проблемы теории и практики управления*. № 5.
- Инициатива по разработке и принятию областной программы содействия гражданам в газификации жилья (2012). Доступно на: <http://www.shafirov.ru/zakonodatelnie-initsiativi/-initsiativa-o-razrabotke-i-prinyatiyu-oblastnoy-programmi-sodeystviya-gragdanam-v-gazifikatsii-gilya>.
- Котлер Ф. (2012). Основы маркетинга. Глава 1. Социальные основы маркетинга: удовлетворение человеческих потребностей // *ИИА Центр гуманитарных технологий*. Доступно на: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5091/5092>.
- Кувишинова О., Лютова М., Тумов С. (2013). «Эксперт РА»: Регионам минимум два года придется жить в условиях дефицита ресурсов // *Vedomosti.ru*, 13 декабря. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/20132291/zhizn-v-deficite#ixzz2nLUh1BqN>.
- Кузина О.Е. (2013а). Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // *Деньги и кредит*. № 11. С. 30–36. Доступно на: http://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuzina_11_13.pdf.
- Кузина О.Е. (2013б). Потребитель и кредит: портрет в статистическом интерьере // *ПРОДОЛГИ*. № 6(10). Доступно на: <http://publications.hse.ru/articles/85719868>.
- Официальный портал Правительства Ростовской области (2013). Стратегия социально-экономического развития Ростовской области до 2020 года // Доступно на: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416>. Дата доступа: 01.11.2013.
- Правительство России (2013). Об обеспечении выполнения поручений Президента России по вопросам государственной поддержки монопрофильных населённых пунктов. 13 ноября // Доступно на: <http://m.government.ru/orders/8107>.

⁷ Составлен автором по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (Федеральная служба..., 2012).

Президент России (2013а). Перечень поручений по вопросам государственной поддержки монопрофильных населённых пунктов Российской Федерации. 15 октября // Доступно на: <http://www.kremlin.ru/assignments/19436>.

Президент России (2013б). Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря // Доступно на: <http://президент.рф/выступления/19825>.

Федеральная служба государственной статистики РФ (2012). Комплексное наблюдение условий жизни населения // Доступно на: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html.

Центр макроэкономических исследований Сбербанка России (2013). Потребительское поведение через призму доверия и ответственности. Исследование Левада-Центра по заказу ЦМИ Сбербанка, февраль // Доступно на: http://www.sbrf.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/2013/Levada_potreblenie_doverie_i_otvetstvennost_.pdf.

Шафиров Л.А. (2013). Концепция оценки наличия потенциала рационального кредитования населения малых монопрофильных городов РФ (на примере кредитования домохозяйств для улучшения их жилищных условий) // *TERRA ECONOMICUS*, т. 11, № 3, ч. 3, с. 20–30. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.3.3.pdf>.

Betti G., Dourmashkin N., Rossi M., Yin Y.P. (2007). Consumer over-indebtedness in the EU: measurement and characteristics // *Journal of Economic Studies*, vol. 34, issue 2, pp. 136–156. Available at: http://econpapers.repec.org/article/emejespps/v_3a34_3ay_3a2007_3ai_3a2_3ap_3a136-156.htm.

Braucher J. (2006). Theories of Overindebtedness: Interaction of Structure and Culture // *Arizona Legal Studies*, Discussion Paper no. 06-04. Available at: <http://www.law.arizona.edu/faculty/facultypubs/documents/braucher/als0604.pdf>.

Chmelar A. (2012). Household Debt in Europe's Periphery: The dangers of a prolonged recession // *ECRI Commentary*, no. 12, 22 November. Available at: http://aei.pitt.edu/37846/1/ECRI_commentary_No_12_Chmelar_Household_deleveraging.pdf.

D'Alessio G., Iezzi S. (2013). Household Over-Indebtedness Definition and Measurement with Italian Data. Available at: <https://www.bis.org/ifc/events/6ifcconf/dalessioiezzi.pdf>.

KfW Bankengruppe (2012). Доступно на: https://www.kfw.de/Mehrsprachigkeit/Summary_Russisch_2012_10.pdf.

Lusardi A., Tufano P. (2009). Debt Literacy, Financial Experiences, and Overindebtedness // *NBER Working Paper Series*, Working Paper 14808. Available at: http://www.nber.org/papers/w14808.pdf?new_window=1.

REFERENCES

Betti G., Dourmashkin N., Rossi M. and Yin Y.P. (2007). Consumer over-indebtedness in the EU: measurement and characteristics. *Journal of Economic Studies*, vol. 34, issue 2, pp. 136–156. Available at: http://econpapers.repec.org/article/emejespps/v_3a34_3ay_3a2007_3ai_3a2_3ap_3a136-156.htm.

Bogomolov O. (1998). What is the course Russia to follow in the new century? *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no. 5. (In Russian.)

Braucher J. (2006). Theories of Overindebtedness: Interaction of Structure and Culture. *Arizona Legal Studies*, Discussion Paper No. 06-04. Available at: <http://www.law.arizona.edu/faculty/facultypubs/documents/braucher/als0604.pdf>.

Center for Macroeconomic Research of Sberbank of Russia (2013). Consumer behavior through the prism of trust and responsibility. Levada-Center research ordered by the Center for Macroeconomic Research of Sberbank of Russia, February. Available at: http://www.sbrf.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/2013/Levada_potreblenie_doverie_i_otvetstvennost_.pdf. (In Russian.)

Chmelar A. (2012). Household Debt in Europe's Periphery: The dangers of a prolonged recession. *ECRI Commentary*, no. 12, 22 November. Available at: http://aei.pitt.edu/37846/1/ECRI_commentary_No_12_Chmelar_Household_deleveraging.pdf.

D'Alessio G. and Iezzi S. (2013). Household Over-Indebtedness Definition and Measurement with Italian Data. Available at: <https://www.bis.org/ifc/events/6ifcconf/dalessioiezzi.pdf>.

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat) (2012). Integrated monitoring of living conditions of population. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html. (In Russian.)

KfW Bankengruppe (2012). Available at: https://www.kfw.de/Mehrsprachigkeit/Summary_Russisch_2012_10.pdf. (In Russian.)

Kotler Ph. (2012). Principles of Marketing. Ch. 1. Social underpinnings of marketing: the satisfaction of human needs. *Centre for Human Technologies*. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5091/5092>. (In Russian.)

Kuvshinova O., Lyutova M. and Titov S. (2013). «Expert RA»: For at least two years Russian regions will lack for resources. *Vedomosti.ru*, December 13. Available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/20132291/zhizn-v-deficite#ixzz2nLUh1BqN>. (In Russian.)

Kuzina O.E. (2013a). Analysis of the Dynamics of Russians' Bank Loans and Debt Burden. *Money and Credit*, no. 11, pp. 30–36. Available at: www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuzina_11_13.pdf. (In Russian.)

Kuzina O.E. (2013b). Consumer and credit: Portrait in the statistical interior. *PRODOLGI*, no. 6(10). Available at: <http://publications.hse.ru/articles/85719868>. (In Russian.)

Lusardi A. and Tufano P. (2009). Debt Literacy, Financial Experiences, and Overindebtedness. *NBER Working Paper Series*, Working Paper 14808. Available at: http://www.nber.org/papers/w14808.pdf?new_window=1.

Official website of the government of the Rostov region (2013). Strategy for socio-economic development of the Rostov region by 2020. Available at: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416>. Accessed on: 01.11.2013. (In Russian.)

President of Russia (2013a). The list of instructions on the state support of the mono-industrial towns of the Russian Federation, October 15. Available at: <http://www.kremlin.ru/assignments/19436>. (In Russian.)

President of Russia (2013b). Presidential Address to the Federal Assembly, December 12. Available at: <http://президент.рф/выступления/19825>. (In Russian.)

Shafirov L.A. (2013). The concept of assessing the availability of capacity for sustainable lending to households living in Russian monotowns (purpose-loans to households to improve their housing conditions case). *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 3, part 3, pp. 20–30. Available at: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.3.3.pdf>. (In Russian.)

The initiative for the development and adoption of a regional program to assist the citizens in supplying houses with gas. (2012). Available at: <http://www.shafirov.ru/zakonodatelnie-initsiativi/-initsiativa-o-razrabotke-i-prinyatiyu-oblastnoy-programmi-sodeystviya-gragdanam-v-gazifikatsii-gilya>. (In Russian.)

The Russian Government (2013). On fulfilling the orders of the President of Russia on the state support of the mono-industrial towns, November 13. Available at: <http://m.government.ru/orders/8107>. (In Russian.)

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕПРЕССИВНОГО МАКРОРЕГИОНА

ШАТАЛОВ С.Н.,

аспирант кафедры финансово-экономического и правового обеспечения управленческой деятельности,
Пятигорский государственный лингвистический университет, г. Пятигорск,
e-mail: sergeshatalov@rambler.ru

Данная статья посвящена актуальным вопросам реформирования системы пенсионного обеспечения, включающей в себя интеграцию институтов базовых, накопительных и страховых пенсий.

В статье рассмотрены основные принципы реформирования пенсионной системы в депрессивных макрорегионах Российской Федерации, проанализированы структура пенсионной системы, а также возможные проблемы и рискованные ситуации, возникающие в процессе реформирования института пенсионных накоплений.

Ключевые слова: пенсионная реформа; пенсионное обеспечение; базовая пенсия; институт пенсионного обеспечения; накопительная пенсия; трансформация системы пенсионного обеспечения; коэффициент замещения.

PECULIARITIES OF REFORMING THE SYSTEM OF PROVISION OF PENSIONS WITHIN A DEPRESSED MACROREGION

SHATALOV S.N.,

Graduate Student, Department of Financial, Economic and Legal Support of Administrative Activities,
Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk,
e-mail: sergeshatalov@rambler.ru

The article covers urgent questions of reforming the system of the provision of pensions including integration of institutions of basic, funded and insurance pensions.

The article views the essential principles of reforming the pension system in the depressive macroregions of the Russian Federation, analyses the structure of pension system and also possible problems and risk situations arising in the course of reforming the institution of pension accruals.

Keywords: pension system reform; provision of pensions; transformation of system of provision of pensions; basic pension; institution of provision of pensions; accumulation pension; replacement rate.

JEL classification: G23, J32.

Реформирование пенсионной системы РФ, принципы которого отображены на рис. 1, ориентировано на построение нового институционально-правового каркаса российской пенсионной системы, на структурные изменения в организации пенсионного обеспечения и страхования, на повышение уровня и качества жизни населения социально-пенсионного статуса. Ключевая задача модернизации пенсионной системы заключается в обеспечении высокого стандарта текущего потребления людей, имеющих социально-пенсионный статус. В условиях депрессивности макрорегионов реформирование пенсионной системы должно происходить посредством создания новых пенсионных институтов, которые включают базовые, страховые и накопительные пенсии. Пенсионную модель целесообразно представить в качестве интеграции данных институтов, а ее основой должны стать принципы и механизмы, сочетающие борьбу с бедностью на основе института базовых пенсий и объединяющие коллективные и личные усилия по формированию пенсионных прав посредством частичного замещения заработков на основе институтов страховой и накопительной пенсии.

Результаты сравнительного анализа систем пенсионного обеспечения в развитых и депрессивных регионах свидетельствуют о том, что на формирование региональных пенсионных систем оказывают существенное влияние конкретно региональные особенности, включая не только социально-экономические (динамика ВРП, уровень доходов, экономическая активность, развитие предпринимательства, социальная ответственность бизнеса, развитие инновационных процессов, информатизация региональной системы и др.), но и специфические с точки зрения пенсионной системы. В числе последних, прежде всего, демографические (старение населения, повышение медианного возраста, гендерная деструктуризация населения трудоспособного возраста, рост демографической нагрузки на трудоспособное население, увеличение продолжительности жизни) и политико-правовые (пенсионное законодательство, стабильность, доверие к власти и др.) факторы, определяющие принципы устройства и организации пенсионной системы.

Рис. 1. Принципы реформирования системы пенсионного обеспечения в депрессивных макрорегионах России

С точки зрения методологии построения и практики применения в мировом экономическом сообществе, современные институты системы пенсионного обеспечения находятся на достаточно высоком уровне развития, что говорит о целесообразности использования в современной российской практике положительного опыта других стран, естественно, с учетом нашей специфики. При этом следует также учитывать, что экономический и правовой характер формирующихся пенсионных институтов в России значительно отличается от аналогичных институтов развитых стран. Помимо этого, институциональная структура пенсионной системы РФ (рис. 2) и ее конфигурация характеризуются недостаточными высокими показателями эффективности деятельности и жизнеспособности (Глотов, 2009).

Данное утверждение обосновывается рядом факторов (Ерофеева, 2010):

1. Наличие соответствия между институтами пенсионной системы и сложившимся общественным укладом, социально-экономическими институтами, демографическим состоянием и политикой занятости.
2. Отражение в пенсионных институтах основных направлений социально-экономической политики государства и соответствие сложившимся в нем культурным и историческим традициям.
3. Устойчивый долгосрочный характер функционирования институтов пенсионной системы, который объясняется длительными временными рамками пенсионных отношений (60–80 лет), связанными с периодом формирования и реализации пенсионных прав.
4. Функционирование пенсионных институтов в качестве инструментов преодоления депрессивности территорий.

Таким образом, в процессе реформирования институтов пенсионного обеспечения в депрессивных регионах проявляется ряд проблем. Анализ ключевых направлений развития системы пенсионного обеспечения РФ в целом и ее макрорегионов в частности показал, что доминирующее положение в системе занимает институт базовых пенсий, доля которого составляет около 50% финансовых ресурсов, направляемых в систему пенсионного обеспечения. Базовая пенсия по содержанию является социальной помощью, а ее формирование происходит за счет перераспределения финансовых ресурсов, которые принадлежат населению.

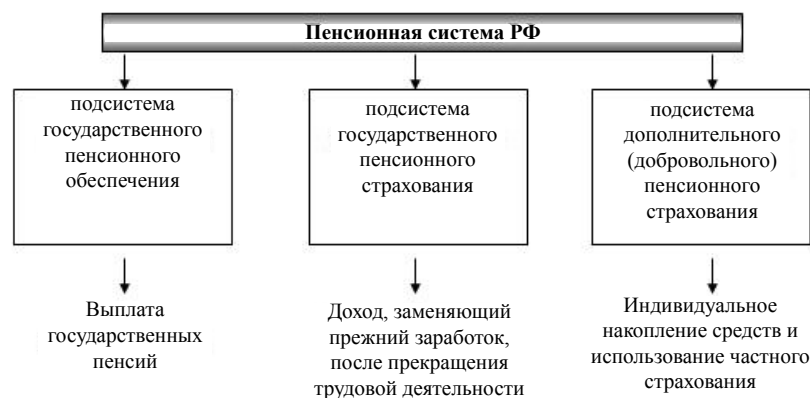

Рис. 2. Структура системы пенсионного обеспечения РФ

Представляется, что определяющую роль в процессе формирования новой пенсионной системы депрессивных макрорегионов призван исполнять институт пенсионных накоплений, основу которого составляют долгосрочные инвестиции. На сегодняшний день его доля составляет 10% финансовых ресурсов, а в течение ближайших 5 лет данный показатель может вырасти до уровня 30–35%. В то же время при разработке региональных проектов модернизации институтов пенсионных накоплений следует учитывать, что пенсионные программы, ориентированные на долгосрочное инвестирование активов, сильно подвержены негативному влиянию следующих рисков

1. Риск изменения условий функционирования инвестиционного рынка: при неблагоприятных условиях стоимость инвестиционных ресурсов на индивидуальных счетах подвержена значительным колебаниям.

2. Экономический риск: при сложных экономических условиях, которые могут проявляться в повышении уровня инфляции или падении показателей экономического роста, реальная доходность инвестированного капитала может быть значительно ниже ожидаемой.

3. Риск невыплат по инвестициям: наличие финансовых проблем или неплатежеспособность компании, в которую были вложены пенсионные средства, могут привести к частичному или полному обесцениванию инвестиций.

В процессе реформирования института пенсионных накоплений в границах депрессивного макрорегиона могут появиться и дополнительные проблемы, суть которых представляется возможным свести к следующему:

1. При небольшой разнице между темпами роста заработной платы и темпами роста инфляции на протяжении периода в 30–45 лет, который считается необходимым для формирования фонда пенсионных накоплений, будущие пенсии и накопления несоразмерно уменьшаться по сравнению с возросшим уровнем заработной платы. При этом размер пенсий в лучшем случае будет составлять 5–10% коэффициента замещения, что на практике означает достижение критического показателя покупательной способности пенсий.

2. Повышение рисков ненакопления необходимого объема финансовых средств в случае наступления инвалидности, наличия длительных периодов обучения, болезни или безработицы вследствие индивидуализации характера накопления пенсионных средств и отказа от солидарного перераспределения средств между работниками.

3. Низкий уровень развития финансовых механизмов и институтов депрессивного макрорегиона, характерный и для России в целом, а также инфраструктуры фондовых и финансовых рынков, являющийся препятствием обеспечения необходимого уровня сохранности и доходности долгосрочных пенсионных вложений.

Социальный потенциал современного пенсионного обеспечения представляется как многокомпонентная система элементов и отношений, перед которой стоит задача обеспечения реализации социальных гарантий и снижения социального риска потери необходимых доходов населения пенсионного статуса. Иными словами, реализации гарантий социальных и пенсионных выплат, участия в социальных и пенсионных программах, гарантий предоставления социально-пенсионных пакетов в условиях легализации трудовых доходов работников, а также в форме социальной защиты пенсионеров, нетрудоспособных иждивенцев, инвалидов, семей с двумя и более детьми.

Таким образом, подтверждаемая реальной практикой необходимость реформирования институциональной инфраструктуры пенсионной системы депрессивного макрорегиона в сочетании с отсутствием действенных, хорошо проработанных экономических и мотивационных механизмов взаимодействия ее элементов является дополнительным индикатором недостаточного потенциала системы пенсионного обеспечения.

Кроме перечисленных, существует ряд других проблем, возникающих в процессе реализации реформ в пенсионной системе депрессивного макрорегиона:

1. Создание института пенсионного страхования, не зависящего от функционирующей в макрорегионе системы социального обеспечения. На сегодняшний день система пенсионного обеспечения депрессивных макрорегионов характеризуется запутанной схемой финансирования, для которой не характерны страховые принципы. В целях обеспечения устойчивости в долгосрочной перспективе существует необходимость повторного определения источников финансирования пенсионных накоплений и его пределов за счет средств доходной части бюджета региона.

2. Формирование института негосударственных пенсионных фондов. Существующая в депрессивных макрорегионах система налогообложения, применяемая для негосударственных пенсионных фондов, не стимулирует формирование добровольных накоплений работодателей.

3. Формирование института профессиональных пенсионных систем, что в значительной степени осложняет финансовое состояние Пенсионного фонда депрессивного макрорегиона вследствие установления дополнительных выплат для досрочных пенсионеров.

4. Компенсация потерь, которые были понесены старшими поколениями по результатам проведения пенсионной реформы.

5. Незначительный размер пенсионных выплат по причине введения обязательного накопительного элемента для работников, выходящих на пенсию начиная с 2022 г., что станет основанием значительного роста недоверия населения к государственным и негосударственным структурам сферы пенсионного страхования.

6. Переход пенсионных средств в собственность застрахованных, что может стать причиной незаинтересованности молодых работников в управлении средствами своих накопительных счетов и их непополнения за счет легализации заработных плат.

7. Бедность среди пенсионеров депрессивного макрорегиона, которая заключается в недостаточности их доходов для оплаты медицинских услуг или услуг по уходу, приобретения новых предметов длительного пользования или улучшения жилищных условий.

8. Снижение коэффициента замещения (ниже 20%), которое фактически означает состояние глубокого кризиса системы пенсионного обеспечения.

Таким образом, институциональные проблемы, возникающие в процессе реформирования системы пенсионного обеспечения депрессивных макрорегионов, группируются по следующим направлениям:

- небольшой размер пенсионных выплат;
- возможность широкого распространения бедности среди будущих пенсионеров, которые выйдут на пенсию через 10–15 лет;
- низкая эффективность обязательной накопительной составляющей, что обуславливает небольшой размер пенсионных выплат для работников моложе 1966 года рождения (Ерофеева, 2010);
- отсутствие дифференцированного подхода к созданию и управлению системой пенсионного обеспечения на уровне макрорегионов.

ЛИТЕРАТУРА

Глотов М.Б. (2009). Социальный институт: определение, структура, классификация // *Социологические исследования*. С. 16.

Ерофеева С.С. (2010). Институциональные проблемы реформирования системы пенсионного обеспечения в России // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. № 120.

Роик В. (2011). Пенсионная система: институциональный подход // *Человек и труд*. № 1. С. 56.

REFERENCES

Erofeyeva S.S. (2010). Institutional Problems of Reforming the System of Provision of Pensions in Russia. *News of the Russian State A.I. Herzen Pedagogical University*, no. 120. (In Russian.)

Glotov M.B. (2009). A Social Institution: Definition, Structure, Classification. *Sociological Researches*, p. 16. (In Russian.)

Roik V. (2011). The Pension System: The Institutional Approach. *Person And Labour*, no. 1, p. 56. (In Russian.)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТРУДОЗАНЯТОСТЬ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ

ТОКАЕВА Т.И.,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ,
e-mail: tokaevatatjana@yandex.ru

В статье анализируется состояние региональной трудозанятости, раскрывается характер взаимодействия рынка труда и занятости, уточнены наиболее важные направления и возможности решения проблем в республиках СКФО. В региональном аспекте особо следует выделить факторы социального воздействия на трудозанятость: достигнутый уровень и качество жизни; социальные, жизненные, трудовые ориентиров; степень развития уровня образованности, профессиональной грамотности трудоспособного населения, степень достижений региональных властей в решении вопросов социальной обеспеченности и защиты населения, в том числе и через бюджеты регионов и местных территорий.

Ключевые слова: регион; труд; рынок труда; трудозанятость; занятость; экономическое развитие; социальные интересы; безработица.

REGIONAL EMPLOYMENT: FUNCTIONAL CHANGES AND ORIENTATION FEATURES

ТОКАЕВА Т.И.,

Doctor of Economics, Professor of economic theory,
North Ossetian State University. K.L. Khetagurova, Vladikavkaz,
e-mail: tokaevatatjana@yandex.ru

The articles analyses the conditions of regional employment, discovers the character of the interaction of the labor market and employment, clarifies the most important directions and possibilities of the problem solutions in the NCFD republics. In a regional context, notably the social factors impact on the employment of: progress and quality of life; social, life, employment guidelines; degree of development of the level of education, professional skills of the working population, the degree of achievement of the regional authorities in addressing the issues of social security and protection of the population, including through the budgets of the regions and local areas.

Keywords: region; labor; labor market; full employment; employment; economic development; social interests; unemployment.

JEL classification: J21, R23.

Вопросы состояния трудовых ресурсов регионов, их использования и обновления являются чрезвычайно сложными и недостаточно осмысленными по ряду причин. Во-первых, нет четких представлений о реальном состоянии ресурсной базы и самих наличествующих трудовых ресурсов в регионах. Количественные характеристики ресурсов при внимательном рассмотрении оказываются неточными, приближенными условно-ориентировочно оцениваемыми официальной статистикой. Например, весьма приблизительно приводятся количественные показатели трудоспособного населения, без серьезных уточнений экономической составляющей трудоспособности (экономически активное население, экономически самостоятельное население и т. д.). Во-вторых, степень участия трудоспособного населения в экономической деятельности, прежде всего, рассматривается с позиции занятости (сколько занято в отраслях производственной сферы, в сфере услуг и т. д.), но не результативной отдачи. Тем самым, как нам представляется, за основу берется лишь сторона взаимозависимости между имеющимся в регионе трудоспособным населением и степенью его занятости. На наш взгляд, этого недостаточно для точного знания степени экономического участия или неучастия трудовых ресурсов в экономическом развитии региона.

В-третьих, трудозанятость в регионе и ее проблематика стали оцениваться не в качестве индикатора эффективного экономического развития, а как лишь следствие структурных изменений в самой занятости. Наблюдается неучет реальной значимости занятости, ее производительной силы (производительности труда), потенциала воздействия на производимые объемы и структуру товаров, услуг, с одной стороны, и реализуемых доходов – с другой.

Безусловно, высокопроизводительную и структурно эффективную занятость в регионе необходимо и вполне возможно обеспечивать в соответствии с тем спросом, который формируется на рынке труда. В этой связи весьма важно учитывать, что современное истолкование рынка труда не должно сводиться только к проблематике занятости, но оно не может и не соотноситься с ней. Разница же между ними в том, что рынок труда характеризуется предложением трудовых услуг и спросом на них, опосредованным интересами и действиями продавцов и покупателей указанных услуг. Вместе с тем, существенно учитывать теоретическое пояснение той реальности, что человек, обладающий способностями к труду и необходимостью продать свою рабочую силу, присутствует на рынке труда потенциально, кстати, так же, как и покупатель. Только сфера занятости и состоявшаяся занятость конкретизируют указанную разницу. Занятость экономически проявляется и обособляется в рамках тех факторов и условий, которые формируются и распределяются не только по сферам деятельности, но и по профессиям, предприятиям, регионам и т. д. Обеспечение реальной занятости связано с наличием рабочих мест в сфере производства товаров и услуг. Этим самым занятость и создает возможности для реализации экономических интересов как работающего человека, так и работодателя.

Почему необходимо рассматривать занятость в качестве индикатора эффективного экономического развития в регионе? Здесь надо пояснить, что значение трудовой занятости – в его воздействующей основе на все показатели жизнедеятельности людей. Модели рынка труда и занятости всегда имеют воспроизводственное целеполагание, хотя их реализация и сопровождается различными противоречиями, недоработками и кривыми подъемов и спадов. Современная региональная практика рынка труда и занятости все сказанное подтверждает и тем самым дает возможности поиска новых решений трудозанятости, в том числе и с учетом изменений и особенностей социально-экономического развития каждого региона.

Процессы, которые происходят на рынке труда и занятости свидетельствуют о том, что наблюдается низкий уровень их динамики, нестабильность, неустойчивость, неравномерность и немобильность получаемых результатов. Например, в регионах СКФО наблюдаются резкие колебания влияния демографического фактора на состояние трудовой занятости.

Особо следует выделить факторы социального воздействия на трудозанятость: достигнутый уровень и качество жизни; социальные и трудовые ориентиры; степень развития уровня образованности и профессиональной занятости трудоспособного населения; степень достижений региональных властей в решении вопросов социальной обеспеченности и защиты населения, в том числе и через бюджеты регионов и местных территорий и т. д.

Чрезвычайно высокое значение для региона имеют вопросы организации занятости населения с позиций ее структурированности и сбалансированности. Взаимодействие региональных органов власти, предприятий, организаций и учреждений различного порядка и статуса, а также региональных служб занятости, заслуживает самого пристального внимания, исходя из необходимости поиска новых методов и способов решений возникающих проблем.

Приоритетными являются и правовые вопросы регулирования рынка труда и занятости: региональные законы; регулирование предпринимательской деятельности; проблемы обеспечения прав трудоустройства и увольнений (сокращений); соблюдение условий найма, режима труда и отдыха, а также безопасности труда и т. д.

Свидетельством всему отмеченному выступает сложная и неоднозначная ситуация не только с количественными показателями занятых людей, но и безработицей, например, в СКФО (*уровень-безработицы.рф*). Несмотря на некоторые колебания в показателях безработицы, она по-прежнему остается высокой по всем субъектам СКФО. Если в целом по России в 2012 г. уровень безработицы составлял 5,46%, то по Северо-Кавказскому Федеральному округу – 13,08%. Особо неблагоприятная ситуация имеет место в Северо-Кавказских республиках: например, в республике Северная Осетия-Алания в 2012 г. уровень безработицы составил 7,90%, что дает ей возможность занимать лишь 64 место по России; в Карачаево-Черкесии уровень безработицы составлял в 2012 г. 8,90%, что определяет ей 73 место из 83 регионов; в Кабардино-Балкарской республике в 2012 г. уровень безработицы был зафиксирован на отметке 8,86% – 72 место; Республика Дагестан находится по уровню безработицы, который составил 11,68%, на 76 месте; в Чеченской республике уровень безработицы составил 29,81% и она оказалась на 79-м месте. Замыкает неблагоприятное по проблеме безработицы республика Ингушетия, где уровень безработицы равен 47,68%, что составляет практически половину всего экономического активного населения.

Разумеется, при анализе сложившейся ситуации в СКФО возникает особый круг экономических проблем, в том числе под влиянием таких факторов, как императивы рынка и как на них реагировать. Несмотря на множественность точек зрения, вплоть до небезызвестной «хватит кормить Кавказ», приближенность к истине гласит, что факторами, непосредственно определяющими уровни производства и занятости в республиках Северного Кавказа, являются: состояние производства, их материально-технической базы; объемы и структура производимой продукции; уровень инвестиционной активности; степень развитости конкурентной среды; состояние доходности экономической деятельности; формирование денежных доходов населения, заработной платы, динамика инфляции и т. д. По характеру, особенностям и динамике инфляционных процессов наша позиция изложена ранее (*Токаева, 2008*).

Все перечисленное для республик Северного Кавказа представляет большие проблемы. Не являясь еще с советских времен традиционными носителями производства военной, авиационной, космической, сталелитейной, алюми-

ниевой, отраслей конечного машиностроения и т. д., а всего лишь их промежуточных аспектов, республики СКФО, под напором и влиянием тенденций формирующего на постсоветском пространстве рынке, встали перед сакральными вопросами «Что производить?» «Как производить?» «Для кого производить?» «Как и каким образом выживать?»

Приоритетным началом в ответе на поставленные вопросы, стало бы, по логике вещей, прежде всего, проведение государством полной инвентаризации оставшихся производств на местах, их основных фондов, состояний технологий, чтобы определиться с тем, какие экономические мощности пригодны для дальнейшего развития и совершенствования товарного производства, а что должно уйти с производительного рынка. Но процесс разгосударствления в форме приватизации взял верх над экономическим разумом и в основе своей то, что могло способствовать ориентациям на производство «что производить» «для кого и как?» заменилось растаскиванием бывших производственных площадей под интенсивно возникающие коммерческие структуры, магазины, арендные площади, что и завершилось массовой безработицей. Не осуществив структуризацию экономики, государство в регионах практически полностью отдало ситуацию в руки властепредержащих и рыночной стихии.

Заданная парадигма начала 1990-х гг. не способствовала и формированию высоких темпов нового мелкотоварного производства в силу инерционности финансовой и банковско-кредитной составляющей, творческого, профессионального разочарования носителей рабочей силы. Свидетельством указанного экономического положения современной занятости населения является тот факт, что прошло 20 лет стихии рынка, а в Северной Осетии, например, и на сегодняшний день только 10 тыс. индивидуальных предпринимателей. Это примерно 3% самодельного и экономически активного населения, что также характерно для других республик СКФО. Причем еще 3–5 лет тому назад в качестве индивидуальных предпринимателей, как нам представляется, для количества и налоговых сборов заставляли регистрироваться женщин, работающих продавцами в палатках, ларьках и т. д.

Ориентация в регионах на расширение производственного и торгового оборота, формирование фиктивно-спекулятивных денег, неминуемо ведет к усугублению отрицательной дифференциации занятости, с ликвидацией мотивации к производительному труду, необходимости «тяжело» и квалифицированно работать, устойчиво вживаться в новые производственные условия. Так, например, в декабре 2012 г. в Северной Осетии в организации было принято на работу 446 чел., а выбыло по различным причинам 667 чел. Из них только 49 человек (7,3%) выбыли в связи с сокращением численности работников, а 556 чел. (84,9%) уволились по собственному желанию (<http://www.trud15.ru/>). Проводимые социологические исследования в РСО-Алания и других регионах СКФО показывают, что первопричинами высокой текучести кадров стали «неудовлетворенность заработной платой», «неудовлетворенность самой работой». Разрастающееся торгово-спекулятивное направление формирует у основной массы людей настроение лихорадочности: «где бы успеть «схватить» больше денег», а у думающей категории населения – унылость, обрывистость поведения, разочарование.

Отсутствие сбалансированности рынка труда и занятости в регионах, вариативности замещения рабочих мест в соответствии с профессиональной квалификацией, образованием, ненадлежащим присутствием государства в этом и во многих других вопросах, подчас «подсобного» использования общественного труда, способствует уходу определенной части экономически трудоспособного, но незанятого населения, в сферу потребительского кредитования.

С одной стороны, наметившаяся тенденция положительна и, прежде всего, в той части, где через потребительское кредитование можно указанной категории людей поддерживать, хотя бы на уровне прожиточного минимума, свой уровень и качество жизни. С другой стороны, длительное втягивание и увлечение присутствием занятого населения на поле потребительских кредитов имеет выраженные отрицательные последствия формированием философии – «жить можно и не работая», ожидая банкротства очередного банка или другой финансовой структуры. Вообще временами, а особенно в последнее время, складывается впечатление, что интересы взаимной выгоды определенной части населения (в том числе незанятого) и банков – сомкнулись. Банки одной из ведущих причин банкротства называют невозвратность кредитов, а заемщики – потерю работы, невозможность трудоустроиться и прочее. Во всем этом процессе в качестве последствия просматривается более существенная доминанта: банкротство банков дестабилизирует особенно рыночно сформировавшиеся, но неустоявшиеся и неустойчивые еще к финансовым потрясениям предприятия, фирмы, что приводит к массовому высвобождению рабочей силы из производств и пополнению рядов безработных, а следом роста бедности и нищеты.

Еще одна проблема, указывающая на дестабилизацию регионального рынка труда и занятости в Северо-Кавказских республиках – это соотношение легальной и нелегальной занятости в регионах. Например, согласно материалам официальной статистики в РСО-Алания из 352 тыс. (в 2012 г.) экономически активного населения, 28 тыс. безработных. В то же время к концу 2012 г. в комитете по занятости населения РСО-Алания состояло на учете только 9,4 тыс. не занятых трудовой деятельностью граждан, из них 9,3 тыс. имели статус безработных, в том числе 7,5 тыс. чел. получали пособие по безработице (*уровень-безработицы.рф*). Итак: безработных 28 тыс., имеют статус легальных безработных – 9,3 тыс. чел., но возникает вопрос: а где остальные 18,7 тыс. чел.? Если из 28 тыс. безработных только 7,5 тыс. чел. получают пособие по безработице, то на что и как живут 20,5 тыс., т. е. остальные безработные? И это только по одной республике Северного Кавказа, а есть и другие с этой же тревожной ситуацией. По нашим уточненным расчетам, в республиках СКФО скрытая безработица составляет не менее 450 тыс. чел. Чем занимается эта огромная армия людей? Наркоманит, пьянствует, мошенничает, отрабатывает криминальные методики, «упражняется» в терроризме, занимается «саморасширением занятости» в бесконтрольных сферах трудовой деятельности, без лицензий, патентов и т. д.? Все это, безусловно, надо знать и учитывать в качестве проблематики трудовой деятельности.

Укажем также, что судя по официальной статистике, в РСО-Алания только за 2012 г. было зарегистрировано 6 271 единиц преступления. Из них 1 215 краж, 648 мошенничество, 117 грабежи, «умышленное убийство» и «покушение на убийство»

произошли в 46 случаях, 26 фактов поджога, 5 случаев бандитизма и т. д. (<http://15.mvd.ru/>). Значительная доля (более 60%), совершивших разного рода преступления – это неработающие граждане, что является характерным для всех республик СКФО. Нам представляется, что государство в лице соответствующих институтов, в том числе и комитетов по труду и занятости и т. д., должно предметно обратиться к проблеме нелегальной безработицы: ее причинам, состоянию, структуре, динамике, идеологии жизни, правовым инструментам и методам контроля.

В региональном аспекте особо следует выделить факторы социального воздействия на трудоустройство: достигнутый уровень и качество жизни; социальные, жизненные, трудовые ориентиры; степень развития уровня образованности, профессиональной грамотности трудоспособного населения, степень достижений региональных властей в решении вопросов социальной обеспеченности и защиты населения, в том числе и через бюджеты регионов и местных территорий. Касательно бюджетной основы решаемых задач трудоустройства надо также уточнить следующие важные стороны и процессы.

Во-первых, если бюджеты всех уровней единой бюджетной системы страны стали бюджетами социальной направленности, то в этом качестве какие факторы трудоустройства являются приоритетными для регионов? От ответа на этот вопрос зависят не только характер решаемых задач, но и масштабность реализуемых показателей трудовой занятости. Социально-защитные функции бюджетов необходимо понимать не только и не столько с позиций решаемых задач по различным пособиям для незанятых людей, но и с позиций высокой значимости поддержки этой же категории в трудоустройстве и полноценной трудовой деятельности.

Во-вторых, надо учитывать, что имеющееся снижение уровня жизни тысяч и миллионов неработающих людей, сопровождаемое ростом бедности, приводит к необходимости исполнения государством усложненных защитных функций. Устойчивая и масштабная бедность, а тем более постоянно растущая, увеличивает спрос на государственную социальную защиту в таких же слагаемых. Соответственно, бедность как следствие нетрудоустройства, начинает жестко диктовать необходимость создания управленческих органов государства, которые должны заниматься регулированием и исполнением указанных функций. Это, разумеется, влечет за собой рост затрат на содержание создаваемых органов государственной власти, которые все труднее становится содержать за счет бюджетных средств.

В-третьих, не следует забывать и тот факт, что социально-защитные функции государство выполняет и в связи с ростом богатых слоев населения. Этот процесс тоже надо регулировать с позиции как проблем трудоустройства, так и фиксируемых негативных явлений бедности и нищеты. Неконтролируемый процесс нетрудового обогащения одних и бедности других, как правило, создает отрицательное поле положительных решений проблем трудоустройства. Негатив, исходящий в этом качестве от богатых слоев общества, может себя проявлять в следующих формах: монополизации ресурсов и благ, сфер трудовой деятельности; деформации форм и мотивации жизненных ориентиров в отрыве от реальностей и требований общественной и экономической практики и т. д. В этом контексте нами имеется в виду игнорирование реальных проблем жизнеобеспечения бедных слоев населения, необходимость программно-целевых решений вопросов трудовой занятости, особенно – молодежи, рациональное и эффективное использование имеющихся природных ресурсов и т. д.

В-четвертых, не следует только осуждать богатых и отрицательно относиться к богатству и за счет такой позиции делать попытки решать проблемы трудоустройства, в частности, безработицы во всех формах ее проявления. Вопрос совершенно в другом. Нынешняя практика превратилась в систему, когда безработица позволяет снижать заработную плату. Развивается процесс, когда индивидуальные капиталы богатых в разной степени позволяют получать неконтролируемую государством прибыль, и это часто получается за счет увольнений работников, сокращения занятости и снижения заработной платы, в том числе и путем занижения ее суммарной величины. Систематически развиваются процессы, способствующие образованию массовой безработицы, переходящей на «иждивение» государства. В такой практике трудно оценивать разницу между общественной основой формирующихся проблем и индивидуальной, имея в виду уровень отношений между работодателями и работниками. Сплошь и рядом происходит, к примеру, смешивание общественной основы формирования заработной платы и определения ее на конкретном уровне занятости. Не спасает ситуацию и апелляция к регулирующей значимости так называемой «средней зарплаты по региону».

Безусловно, особым предметом подчеркнутой актуальности в исследовании вопросов трудоустройства является проблематика молодежи. Степень ее образованности, ориентированность в экономической жизни и векторы профессиональной направленности в выборе сферы занятости должны быть учитываемы в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

- Данные сайта. Доступно на: уровень-безработицы.рф.
 Комитет Республики Северная Осетия – Алания по занятости населения. Доступно на: <http://www.trud15.ru/>.
 Министерство внутренних дел по Республике Северная Осетия-Алания. Доступно на: <http://15.mvd.ru/>.
 Токаева Т.И. (2008). Экономические основы и императивы социальной защиты населения // *Владикавказ. Изд-во СОГУ*. С. 173–186.

REFERENCES

- Committee of the Republic of North Ossetia–Alania employment. Available at: <http://www.trud15.ru/>. (In Russian.)
 Ministry of Interior of the Republic of North Ossetia–Alania. Available at: <http://15.mvd.ru/>. (In Russian.)
 The data. Available at: уровень-безработицы.рф. (In Russian.)
 Tokaeva T.I. (2008). Economic bases and the imperatives of social protection. *Vladikavkaz. Univ SOGU*, 22 pp. (see pp. 173–186). (In Russian.)

МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

ГЛАДКАЯ С.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления,
Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: s-hutorner@yandex.ru

TERRA ECONOMICUS ✧ 2013 ✧ Том 11 № 4 Часть 3

В настоящее время процесс привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в российскую экономику характеризуется высокими темпами динамики, увеличением их объемов и позитивными изменениями их видовой структуры. Одновременно с этим происходит возрастание роли в финансировании экономики России стран, которые не являются традиционными экспортерами капитала, к тому же происхождение значительной части прямых иностранных инвестиций связано с вывезенными ранее из нашей страны капиталами. Также реализуется ряд структурных реформ и преобразований, направленных на улучшение инвестиционного климата государства. Вместе с тем сохраняются и традиционные для российской экономики препятствия для привлечения ПИИ, к которым можно отнести коррупцию, отсутствие четко установленных требований и ограничений, необходимость вступления в неформальные отношения с региональными и местными властями. Решение этих проблем требует осуществления ряда стратегических задач государственного регулирования инвестиционного развития России по формированию инструментального обеспечения действенных механизмов привлечения ПИИ на федеральном и региональном уровне. Традиционный подход к анализу и оценке инвестиционной привлекательности регионов основывается либо на построении рейтинга (балльных оценок), либо на анализе динамики абсолютных показателей. По нашему мнению, такой подход необходимо дополнять статистическим анализом структуры инвестиционной привлекательности и составляющих ее элементов (обобщающие показатели структуры, структурно-динамический анализ, анализ структурных различий и др.). При этом в рамках изучения территориальных различий важно выделять основные центры поляризации в исследовании каждого элемента инвестиционной привлекательности региона (инвестиционный потенциал и риск).

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; инвестиционный климат; инвестиционная привлекательность региона.

MECHANISMS TO INCREASE THE REGION'S INVESTMENT ATTRACTIVENESS

GLADKAYA S.V.,

Candidate of Economics (PhD), Associate Professor, Department of Management,
Higher School of Business of the Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: s-hutorner@yandex.ru

Attraction of direct foreign investments (DFI) in the Russian economy is characterized by high rates of dynamics, increase in their volumes and positive changes of their specific structure. At the same, the role of the countries which aren't traditional exporters of the capital for Russia increases. Besides, considerable share of direct foreign investments is connected with the capitals earlier taken out from our country. A number of structural reforms and the transformations to improve the investment climate of the state are realized. But at the same time, there are obstacles traditional for the Russian economy for attraction of PPI: corruption, absence of accurately established requirements and restrictions, need of the introduction in the informal relations with regional and local authorities. Existing techniques of the analysis and assessment of investment attractiveness of regions are based on creation of a rating (mark estimates), or on the analysis of dynamics of absolute measures. In our opinion, such approach needs to be supplemented with the statistical analysis of structure of investment appeal and elements making it (generalizing indicators of structure, the structural and dynamic analysis, the analysis of structural distinctions, etc.). Thus within studying of territorial distinctions

it is important to allocate the main centers of polarization in research of each element of investment appeal of the region (investment potential and risk).

Keywords: direct foreign investments; investment climate; investment attractiveness of the region.

JEL classification: F23, F21, F36, R1.

В 2011 г. в российскую экономику поступило более 190,6 млрд долл. иностранных инвестиций, что в 3,4 раза превысило их объемы в 2009 г. В 2012 г. наблюдалось снижение уровня накопленных иностранных инвестиций в экономике России до 154,6 млрд долл. (рис. 1). Наибольший удельный вес в поступивших в российскую экономику иностранных инвестициях в 2012 г. занимали прочие, осуществляемые на возвратной основе инвестиции – 86,7%.

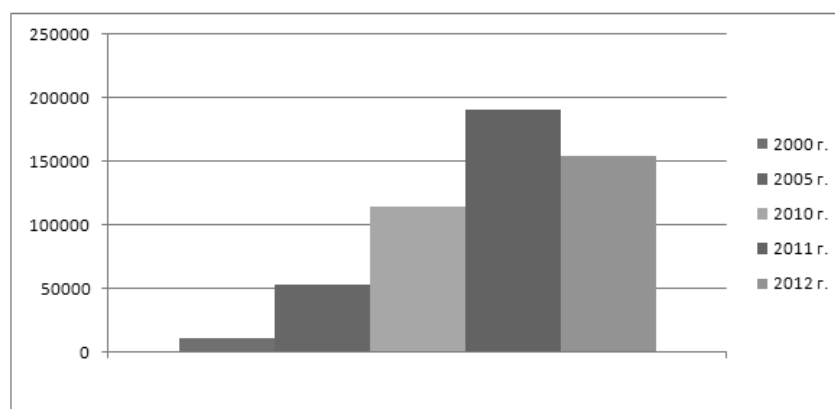

Рис. 1. Поступление иностранных инвестиций в российскую экономику, млн долл.

В структуре иностранных инвестиций по видам экономической деятельности в 2012 г. преобладали инвестиции в обрабатывающие производства – 31,9%, финансовую деятельность – 28,1% и в оптовую и розничную торговлю – 16,4% (табл. 1).

Таблица 1

Иностранные инвестиции по видам экономической деятельности

Иностранные инвестиции	2005 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	Млн долл. США	В процентах к итогу	Млн долл. США	В процентах к итогу	Млн долл. США	В процентах к итогу	Млн долл. США	В процентах к итогу
Всего	53 651	100	114 746	100	190 643	100	154 570	100
в том числе по видам экономической деятельности:								
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	156	0,2	466	0,4	638	0,3	624	0,4
рыболовство, рыбоводство	22	0,0	16	0,0	25	0,0	65	0,0
добыча полезных ископаемых	6 003	11,2	13 858	12,1	18 634	9,8	18 150	11,7
обрабатывающие производства	17 987	33,5	33 157	28,9	41 086	21,6	49 230	31,9
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	328	0,6	543	0,5	1 425	0,7	1 821	1,2
строительство	228	0,4	1 136	1,0	1 958	1,0	850	0,6
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	20 461	38,2	13 334	11,6	24 456	12,8	25 379	16,4
гостиницы и рестораны	52	0,1	229	0,2	99	0,1	76	0,0
транспорт и связь	3 840	7,2	6 576	5,7	5 943	3,1	4 622	3,0
финансовая деятельность	1 813	3,4	37 913	33,1	86 885	45,6	43 395	28,1
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2 602	4,9	7 341	6,4	9 237	4,9	10 035	6,5
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,0	0,0	25	0,0	25	0,0	-	-
образование	0,1	0,0	1	0,0	2	0,0	2	0,0
здравоохранение и предоставление социальных услуг	15	0,0	13	0,0	42	0,0	177	0,1
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	144	0,3	138	0,1	188	0,1	144	0,1

По странам-инвесторам лидирующую позицию в поступлении иностранных инвестиций в экономику России в 2012 г. занимали Нидерланды – 13,7%, Кипр – 10,6% и Великобритания – 8,7% (рис. 2). Из стран СНГ в российскую экономику поступило 2,7 млрд долл., их них из Белоруссии – 34,9%, Казахстана – 41,1%, Украины – 10,1%.

Региональная структура иностранных инвестиций, поступивших в экономику России, свидетельствует о значительных различиях инвестиционного климата в стране. Так, с точки зрения инвестиционной привлекательности, все российские регионы можно подразделить на 3 группы.

К первой группе относятся регионы, которые составляют инвестиционное ядро России, сырьевые регионы и индустриальные центры: г. Москва (52,8%), г. Санкт-Петербург (7,0%), Сахалинская область (6,9%), Тюменская область (5,1%).

Во вторую группу входят субъекты РФ, которые характеризуются средним уровнем инвестиционной привлекательности: Свердловская область (3,4%), Московская область (3%), Вологодская область (2,3%), Ямало-Ненецкий автономный округ (2,3%), Челябинская область (1,8%), Самарская область (1,5%), Ростовская область (1,4%), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (1,1%), Республика Саха (1,0%).

К третьей группе относятся все остальные регионы, которые практически не привлекают иностранных инвестиций.

Распределение по федеральным округам свидетельствует о том, что в 2012 г. большая часть иностранных инвестиций поступила в Центральный федеральный округ (59,4%) (рис. 2).

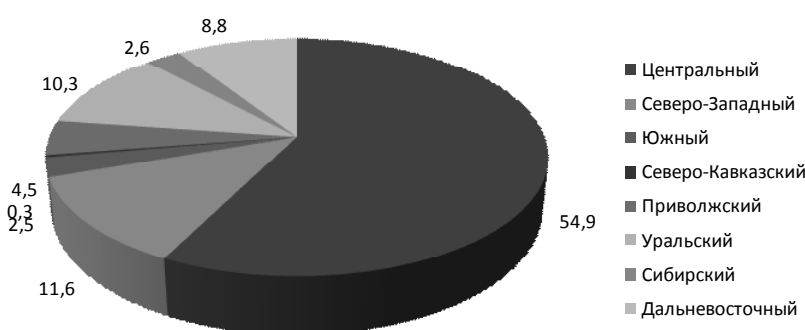

Рис. 2. Распределение иностранных инвестиций, поступивших в российскую экономику, по федеральным округам 2012 г., млрд долл. (Российский статистический ежегодник, 2013)

Приведенные выше данные показывают, что большая часть иностранных инвестиций сконцентрирована в регионах, отличающихся развитой торговлей, транспортной и информационной инфраструктурой, высоким уровнем потребительского спроса, а также характеризующихся повышенной плотностью экспортно-ориентированных компаний топливно-энергетического комплекса.

Можно выделить следующие причины проблем с привлечением и эффективным использованием иностранных инвестиций в российскую экономику: отсутствие стабильной законодательной базы, что затрудняет регулирование деятельности иностранных инвесторов; нестабильное материальное положение большей части населения, вызывающее увеличение социальной напряженности; высокий уровень коррупции и криминализации отдельных сфер предпринимательской деятельности; неразвитость инфраструктуры, в том числе транспорта, связи, системы телекоммуникаций, гостиничного сервиса; высокий уровень внешнеторговых пошлин и налогообложения.

Однако, несмотря на перечисленные трудности, у российской экономики есть определенный потенциал, способный заинтересовать иностранных инвесторов (Архипов, 2010. С. 26). К нему можно отнести: наличие богатых и сравнительно недорогих природных ресурсов, огромного внутреннего рынка, кадров с достаточно высоким уровнем базового образования, способных к восприятию новых технологий в производстве и управлении; относительно дешевую квалифицированную рабочую силу; низкий уровень конкуренции со стороны отечественных производителей; возможности получения быстрой сверхприбыли.

С учетом мирового опыта и специфики экономики России, можно выделить ключевые задачи, связанные с увеличением объемов привлечения иностранного капитала: стабилизация финансового положения; развитие высокотехнологичных производств; повышение эффективности функционирования хозяйствующих субъектов экономики; борьба с монополизмом и формирование конкурентной рыночной среды.

Одной из важнейших предпосылок к вложению средств иностранными инвесторами в акции российских предприятий является возможность покупки потенциально прибыльных предприятий по низкой цене. Необходимо заметить, что даже те российские предприятия, которые могли бы производить конкурентоспособную продукцию, сталкиваются с отсутствием эффективной системы сбыта, низким уровнем корпоративного управления и неумением находить иностранных партнеров и работать с ними, что не может не сказаться на финансовом положении данных предприятий и приводит к низкой стоимости их акций.

Иностранные инвесторы после покупки контрольного пакета акций могут добиться улучшения финансового положения компании, используя ограниченный объем инвестиций, нацеленных на создание системы сбыта и формирование финансового обеспечения ее деятельности. Причем иностранные компании могут использовать собственный накопленный опыт работы на зарубежных рынках, уже существующие каналы сбыта и финансовую систему обеспечения, основанную, например, на предоставлении гарантий и векселей при осуществлении расчетов.

Если обобщить методы, применяемые иностранными инвесторами при размещении средств, то можно выделить основные цели иностранного капитала: контроль за использованием вложенных средств с возможностью застраховать их от недружественных действий российских партнеров; обеспечение независимости инвестиционного проекта от экономического состояния российской компании-партнера; перевод отношений со структурой, которая управляет вложенным капиталом, на международные стандарты; сведение к минимуму неудобств российской налоговой и финансовой систем.

Готовность инвесторов к вложению капитала в экономику того или иного региона зависит от существующего в ней инвестиционного климата. В условиях рыночной экономики под инвестиционным климатом подразумевают совокупность присущих той или иной стране или региону политических, экономических, социальных, финансовых, организационно-правовых, социокультурных и географических факторов, побуждающих или отталкивающих потенциальных инвесторов. Вследствие этого инвестиционная политика и разрабатываемые как на федеральном, так и на региональном уровне инвестиционные программы должны учитывать реальные возможности привлечения иностранного капитала в различные сектора экономики (Хорошилова, 2007. С. 55).

При разработке инвестиционной политики регионов необходимо также очень серьезно просчитывать условия и последствия привлечения крупных инвесторов. При остром дефиците инвестиций неселективные меры по их привлечению могут привести к серьезным негативным последствиям экономического и политического характера. Международная инвестиционная практика показывает, что процесс глобализации экономики ведет к существенному снижению входных барьеров и рисков именно для крупных инвесторов, которые имеют возможности полномасштабного лоббирования своих интересов, как на экономическом, так и на политическом уровне. Крупные инвесторы при вхождении на тот или иной рынок преследуют долговременные интересы, которые слабо коррелируются с краткосрочными инвестиционными льготами.

В связи с вышеназванными основными принципами и задачами политики государства в инвестиционной сфере, в области создания благоприятного инвестиционного климата должны стать ведущими следующие мероприятия (рис. 3).

Рис. 3. Механизмы повышения инвестиционной привлекательности региона

Важно отметить и положение в Ростовской области. Так, согласно областной долгосрочной целевой программе «Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в Ростовскую область на 2012–2015 гг.» (*Областная программа...*), к основным целям региональной инвестиционной политики области относится привлечение инвестиций в наиболее конкурентоспособные и эффективные производства и виды деятельности, которые могут обеспечить формирование стабильного инвестиционного потенциала и содействовать ускоренной адаптации других производств и отраслей к меняющимся рыночным условиям.

В настоящее время система управления притоком ПИИ в Ростовской области направлена на решение следующих сложившихся проблем: существующий налоговый режим, низкий уровень административной поддержки инвестора, качество коммунального хозяйства. Также хочется отметить, что, в соответствии со стратегией развития ЮФО, выделены следующие отраслевые приоритеты: туризм, строительство, сельское хозяйство, пищевая промышленность и инфраструктура. Однако, и это необходимо отметить, в долгосрочной перспективе данные сектора не могут обеспечить высокой добавленной стоимости и потенциал их роста ограничен. Вследствие этого, после развития базовых отраслей следует сконцентрировать внимание на тех отраслях промышленности, где можно создавать конечный продукт с высокой добавленной стоимостью, к ним относятся: глубокая переработка сырья, химическая промышленность, металлургия, лесной комплекс, машиностроение, легкая промышленность.

Таким образом, для преодоления экономического отставания региона необходим повышенный приток инвестиций и ускоренное промышленное развитие. Можно отметить, что в общем объеме привлекаемых ПИИ в России доля Южного федерального округа, и Ростовской области в частности, невелика. Это объясняется тем, что в экономике округа практически не представлены экспортно-ориентированные отрасли, привлекательные для инвесторов, а также наблюдается недостаточное качество инвестиционных проектов и отсутствие у потенциальных зарубежных инвесторов доступной информации об инвестиционных возможностях области и о преимуществах и выгодах, которые можно извлечь при вложениях в предприятия области.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов А.Ю. (2010). Модернизация российской экономики после кризиса: императивы, институты, инновации // *Terra Economicus*. № 4. С. 32–40.

Областная долгосрочная целевая программа «Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в Ростовскую область на 2012–2015 годы» // Доступно на: http://www.ipa-don.ru/idata/docs/19/file_oblprogr.pdf.

Российский статистический ежегодник 2013 // Доступно на: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.

Хорошилова О.Е. (2007). Прямые иностранные инвестиции в России: ограничения и возможности // *Инвестиции в России*. № 11. С. 54–61.

REFERENCES

Arhipov A.Yu. (2010). Modernization of the Russian economy after crisis: imperatives, institutes, innovations. *Terra Economicus*, no. 4, pp. 32–40. (In Russian.)

Regional long-term target program «Creating Favorable Conditions for Attraction of Investments into the Rostov Region for 2012–2015». Available at: http://www.ipa-don.ru/idata/docs/19/file_oblprogr.pdf. (In Russian.)

Russian statistical yearbook. 2013. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078. (In Russian.)

Horoshilova O.E. (2007). Direct foreign investments in Russia: restrictions and opportunities. *Investments in Russia*, no. 11, pp. 54–61. (In Russian.)

СУБЪЕКТЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И ОТРАСЛИ ЭКОНОМИКИ ЮГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЧЛЕНСТВА РОССИИ В ВТО¹

АРХИПОВ А.Ю.,

доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы бизнеса,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: arkipov@sfedu.ru;

ВОРОНИНА Т.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: t.v.voronina@mail.ru;

ФОМИЧЕВА Е.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: elena-fomicheva@mail.ru;

КОЛОМИЕЦ А.Д.,

аспирант,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: kolomeic@sfedu.ru

В статье рассматриваются основные риски и возможности для экономики Юга России в условиях членства России в ВТО. Авторы выделяют субъекты хозяйствования и отрасли экономики Юга России, оказавшиеся в зоне риска в связи с членством России в ВТО, анализируют возникающие угрозы и меры по их преодолению. Предлагаются основные направления по формированию условий эффективного членства в ВТО на Юге России.

Ключевые слова: ВТО; членство России в ВТО; экономика Юга России; последствия вступления в ВТО в отраслях; поддержка экспорта; создание конкурентных преимуществ.

BUSINESS ENTITIES AND INDUSTRIES OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S MEMBERSHIP IN THE WTO

ARKHIPOV A.YU.,

Doctor of economic sciences (DSc), professor, director of Higher School of Business,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: arkipov@sfedu.ru;

VORONINA T.V.,

PhD (Economy), associate professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: t.v.voronina@mail.ru;

FOMICHEVA E.V.,

PhD (Economy), associate professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: elena-fomicheva@mail.ru;

¹ Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213-01-24/2013-173 от 30.04.2013, тема «Периферийные регионы с многоукладной экономикой в сетях глобализации и в условиях асимметричных практик рыночного регулирования: стратегии и риски модернизации».

KOLOMIETS A.D.,

postgraduate student,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: kolomeic@sfedu.ru

The article considers the main risks and opportunities for the economy of the South of Russia in the context of Russia's membership in the WTO. The authors point out business entities and industries of South of Russia, which proved to be at risk due to Russia's membership in the WTO, and justify emerging threats and measures to overcome them. In the article the basic lines are offered to create conditions of effective membership in the WTO in the South of Russia.

Keywords: WTO; Russia's membership in the WTO; economy of the South of Russia; consequences of the Russia's accession to the WTO for industries; support for exports; creation of the competitive advantages.

JEL classification: R11, F53.

В ходе переговорного процесса о вступлении России во Всемирную торговую организацию (ВТО), длившегося 18 лет, удалось достичь относительно благоприятных условий присоединения к этой международной экономической организации: были зафиксированы договоренности об исключении из либерализации ее торговли значительной части товаров, о длительном переходном периоде для снижения импортных пошлин, о нелинейной процедуре ослабления ограничений импорта.

После официального вступления России в ВТО в августе 2012 г., первоочередной задачей становится формирование таких условий функционирования в рамках ВТО, при которых негативные последствия для экономики можно будет свести к минимуму, а выгоды от вступления реализовать в полной мере, в том числе для экономик макрорегионов, одним из которых является Юг России.

Юг России исполняет роль южного и юго-западного внешнеэкономического форпоста государства, играет важную роль в перемещении внешнеторговых грузов. Подводя первые итоги членства в ВТО для Юга России, можно отметить следующее: по результатам 2012 г. и первого квартала 2013 г., вступление России в ВТО не обусловило кардинальных изменений в направленности и содержании внешнеторговых операций. На долю товаров, в отношении которых изменился уровень тарифной защиты в связи со вступлением России в ВТО, приходится не более 3% стоимости импорта (*Статистика внешней торговли, 2013*). Существенных колебаний в объемах экспорта Юга России также не наблюдается. Рост или снижение объемов экспорта чаще всего связаны с сезонностью одной из профилирующих групп экспортных товаров Юга России – продукцией сельского хозяйства. По прогнозам, наибольшее увеличение экспорта произойдет на Северо-Западе (на 4,30%), в Центральных областях (на 4,14%), на Урале (на 3,36%). На Юге России увеличение экспорта прогнозируется всего на 1,18% (*Эрнст энд Янг, Российская экономическая школа, 2012*).

Несмотря на то, что экономика Юга России достаточно диверсифицирована, во многих отраслях макрорегиона возникают существенные риски, особенно для сельского хозяйства, машиностроения, легкой промышленности, производства изделий из металлов.

Риски для сельского хозяйства Юга России обусловлены тем, что по условиям присоединения к ВТО средневзвешенный уровень импортных пошлин на сельскохозяйственные товары в России снизится с 15,634 до 11,275 % к концу переходного периода (т. е. почти на 28%). В частности, в течение 8 лет снизятся импортные пошлины: на зерновые продукты с 15,1 до 10%, на масличные культуры и растительные масла с 9,0 до 7,1%, на крупы с 15,1 до 10%. Так как эти группы сельхозпродукции определяют специализацию сельского хозяйства Юга России, они наиболее уязвимы и требуют государственной поддержки в переходный период в рамках мер, допустимых ВТО.

Россия обладает одним из крупнейших в мире экономических потенциалов по производству сельхозпродукции: 8,9% мировой пашни, 2,6% пастбищ, 20% мировых запасов пресной воды (*Arkhipov, Kuznetsov, Soldatova, 2013*). Однако вследствие вступления страны в ВТО будет происходить выравнивание внутренних и мировых цен на ресурсы для сельскохозяйственного производства. Это приведет к росту издержек отечественного производства, что в условиях серьезной поддержки сельского хозяйства в основных странах-конкурентах Юга России на зарубежных рынках и снижения таможенных пошлин на ввозимую продукцию на Юг России приведет к снижению конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства (производство растительных масел, животных жиров, зерна, свинины) и может отразиться на объемах экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья Юга России. Сдерживающим фактором, препятствующим расширению экспорта основного продукта специализации сельского хозяйства Юга России – зерна, будут существующие на рынках ЕС тарифные квоты по ячменю и пшенице мягких сортов со средним и низким содержанием протеина.

Наиболее острые дискуссии в условиях членства России в ВТО вызывают вопросы поддержки сельского хозяйства в связи с различными ограничениями по правилам ВТО. В этой связи важной представляется классификация мер государственной поддержки сельского хозяйства в соответствии с Соглашением по сельскому хозяйству: внутренние меры подразделяются на категории – «корзины». Наибольший интерес представляют меры «зеленой корзины»,

в которую включены мероприятия, не оказывающие прямого воздействия на увеличение производства или условия торговли: страхование урожаев, развитие консалтинга и информационное обеспечение сельских товаропроизводителей, модернизация сельской инфраструктуры, проведение научно-исследовательских работ и др. Согласно правилам ВТО, такие меры могут применяться без ограничений.

С одной стороны, возникают сомнения, что такие нейтральные меры смогут оказать значительное благотворное воздействие на сельское хозяйство, однако в сельском хозяйстве регионов России уже давно существуют проблемы, которые в условиях ВТО могут только обостриться, и решить которые возможно в рамках разрешенных мер. Так, 12 лет назад на Юге России для выращивания подсолнечника использовали около 85% семян российской селекции и 15% – импортной, однако сегодня продукция российских семеноводческих предприятий составляет всего порядка 10% (Козлов, Ханова, 2013). Данные цифры свидетельствуют, что на Юге России такая культура сельского хозяйства, идущая на экспорт, как подсолнечник, зависит от импорта семян, а российские семеноводческие предприятия не выдерживают конкуренции со стороны иностранных селекционеров.

Риски для машиностроения, в частности для сельхозмашиностроения и автомобилестроения, связаны с возникающей угрозой сокращения производства ряда предприятий машиностроительного комплекса Юга России, не способных конкурировать с более качественной и дешевой импортной продукцией, в первую очередь, сельскохозяйственной техникой. Условиями вступления в ВТО предусмотрено снижение пошлин на импорт сельхозтехники с 15% до 5%. Так как основными импортерами указанной продукции выступают Ростовская область (51,6%), Краснодарский край (34,5%) и Волгоградская область (8,8%), именно производители этих субъектов Юга России столкнутся с обострением конкурентной борьбы на рынках округа. Отрицательные последствия будут также иметь сокращение государственной поддержки отечественных производителей сельхозтехники. После присоединения к ВТО, государственные субсидии сельхозпроизводители в России могут получать на покупку любой техники, не только отечественной, но и импортной, что при более низкой цене импортной техники, определит выбор потребителя не в пользу крупнейшего в РФ и на Юге России завода «Ростсельмаш», который имеет проблемы со сбытом комбайнов, других отечественных производителей сельхозтехники.

Вместе с тем, уже приняты меры поддержки сельхозмашиностроения в рамках процедур ВТО, используя ее возможности. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) установила предварительную специальную защитную пошлину на импорт зерноуборочных комбайнов в Таможенный союз на уровне 27,5% до тех пор, пока не завершится текущее специальное защитное расследование, которое было инициировано заводом «Ростсельмаш» и Красноярским заводом комбайнов (Коммерсант, 2012). В уведомлении ЕЭК о начале расследования говорилось, что в 2009–2011 гг. импорт комбайнов в Таможенный союз вырос на 20,5%, при этом выпуск этой техники на заводах, подавших заявления в комиссию, за 3 года упал на 14,4%, а продажи – почти на 43%.

Снижение импортных пошлин на ввоз новых импортных автомобилей осложнит функционирование производственного объединения «ТазАЗ» в г. Таганроге, на котором также предполагались массовые сокращения работников. Одной из первых защитных мер для автомобильной промышленности стало введение осенью 2012 г. утилизационного сбора на автомобили, который распространяется на все ввозимые иномарки, включая новые и поддержанные. Однако летом 2013 г. Европейский союз (а также присоединившиеся к нему США, Китай, Япония и Украина) опротестовал в ВТО правомерность такого сбора. Основная претензия состоит в том, что импортеры платят сбор, а местные производители лишь дают гарантии по утилизации, т. е. фактически экономят средства. По оценкам европейских экспертов, в итоге российская автомобильная промышленность получает преференции более чем на 3 млрд евро в год (Кукол, 2013).

Риски для производителей изделий из металлов обусловлены тем, что в течение 3–5 лет импортные пошлины на металлоизделия снизятся с 10–15 до 5%, что также приведет к обострению конкуренции на рынке РФ, Юга России и его субъектов. Угроза возникает для производителей труб и металлоконструкций. Ввоз металлов и изделий из них на Юг России из Украины, а также из Китая регулировали специальные соглашения, но по данным Фонда развития трубной промышленности, их отмена может привести к росту импорта труб в РФ на 40%, а ущерб для российских металлургов за 5 лет может составить до 5 млрд долл.

В то же время, с даты присоединения РФ к ВТО Европейский союз отменил квоты на российские поставки металлов и изделий из них. Для Юга России указанная товарная группа является одной из ведущих, а часть поставок ориентирована на рынки Евросоюза, что можно рассматривать как положительный фактор для металлургических предприятий Юга России.

Что касается легкой промышленности, в 1990 г. ее доля в общем объеме промышленного производства составляла 8,4% (Российский статистический ежегодник, 1994) и соответствовала уровню развитых стран, таких как США, Германия и Италия, которые на протяжении многих лет сохраняют этот показатель на уровне 8–12% (Прохоров, 2009). В настоящее время доля легкой, в том числе обувной, промышленности в общем объеме производства равна около 1%. В 2012 г. доля производства кожи, изделий из кожи и обуви в ВВП РФ составила 0,04% (Федеральная служба государственной статистики, 2013а). Вступление в ВТО будет способствовать дальнейшему вытеснению российских производителей с отечественного рынка обуви, в том числе на Юге России, где обувная промышленность традиционно развита. При отмене всех субсидий и снижении импортных пошлин произойдет выравнивание цен на китайскую обувь и обувь производителей Юга России, что приведет к значительному усилению конкуренции для отечественных обувщиков. РФ не сможет инициировать антидемпинговые претензии к КНР, так как издержки на пошив обуви в Китае ниже.

Кроме последствий вступления России в ВТО для отдельных отраслей хозяйства необходимо также проанализировать возможное влияние вступления на такие субъекты хозяйствования, как малый и средний бизнес. В связи с тем, что в среднем 20–30% малых и средних предприятий (МСП) Юга России ведут внешнеэкономическую деятельность (ВЭД), приоритетное значение для большинства МСП будут иметь последствия вступления России в ВТО, связанные с изменениями на отечественном рынке, а не на внешних рынках. Доля малых предприятий России, функционирующих в отраслях, больше всего затронутых изменениями в связи с вступлением в ВТО (сельское хозяйство, машиностроение, легкая промышленность) относительно мала – около 12% (*Федеральная служба государственной статистики, 2013b*). Однако в обороте средних предприятий России такая доля намного выше – около 30% (*Федеральная служба государственной статистики, 2013c*). Малые и средние предприятия широко представлены в группе отраслей, на которых вступление в ВТО может оказать скорее нейтральное влияние (услуги, строительство, транспорт, розничная торговля). В отраслях, наиболее выигрывающих в результате членства России в ВТО (такие капиталоемкие стратегические отрасли, как нефтегазовая отрасль, металлургия) (*Волгарев, 2012*), малые и средние предприятия представлены незначительно. Так, с точки зрения своей отраслевой специфики подавляющая часть малых и средних предприятий никак не выигрывает от вступления в ВТО, вместе с тем, в краткосрочной перспективе защищена от немедленных негативных последствий вступления в ВТО. При этом средние предприятия оказываются в более невыгодном положении, так как почти треть средних предприятий функционирует в наиболее «пострадавших» отраслях.

Таким образом, как основные можно предложить следующие меры, необходимые для формирования условий эффективного функционирования предприятий и отраслей Юга России в условиях ВТО.

Во-первых, необходима поддержка экспортного производства на Юге России, направленная не только на улучшение доступа производителей на зарубежные рынки, но и, в первую очередь, на создание новых рабочих мест в экспортоориентированных производствах, включающая принятие и реализацию целевых программ поддержки экспорта на федеральном уровне и уровне субъектов Юга России, диверсификацию экспорта, прежде всего, через стимулы к экспорту готовой продукции, или с более высокой степенью переработки сырья, обеспечение реального механизма возврата НДС экспортерам. Для активизации экспорта зерна целесообразно рассмотреть вопрос об учреждении биржевой торговли зерном.

Важным направлением поддержки экспортного производства призвано стать улучшение инфраструктуры ВЭД Юга России, предполагающее:

- организацию информационно-консультационного обеспечения действующих и потенциальных организаций – экспортеров на Юге России, что будет повышать шансы новых экспортеров найти свою специализацию и экспортную нишу;
- развитие транспортной системы, портов, грузовых терминалов, применение льготного тарифа на железнодорожные перевозки зерна, что позволит устранить асимметрию между локализацией экспортеров и равномерным их распределением по территории Юга России: их большая часть находится в крупных городах макрорегиона, они же являются сегодня основными получателями субсидий;
- формирование положительного инвестиционного имиджа Юга России и его субъектов для зарубежных инвесторов;
- развитие индустрии гостеприимства Юга России, обеспечивающей визиты бизнес-миссий, деловой туризм, конгрессно-выставочную деятельность, что способствует повышению информированности о субъектах Юга России и их бизнес-возможностях.
- создание сети торговых домов за рубежом, выполняющих функции по защите интересов российских бизнесменов, по созданию привлекательного образа российских товаров и их продвижению в зарубежные торговые сети. В структуру торгового дома должны включаться не только офисные помещения, но и торгово-логистические мощности (*Проценко, 2013*).

Во-вторых, необходима поддержка уязвимых отраслей Юга России, конкурирующих с импортом. На Юге России, опираясь на мировой опыт, необходимо использовать разрешенные варианты поддержки российских экспортеров. Важно не упустить шанс и увеличить субсидии сельскохозяйственным производителям на начальном этапе присоединения к ВТО из бюджетов всех уровней (с существующего до разрешенного уровня). За эти годы сельхозпроизводители смогут обновить производственные фонды, купить технику. Отмеченный пятилетний период для наращивания конкурентоспособности производителей Юга России чрезвычайно важен, так как основные конкуренты США и ЕС субсидируют свое сельское хозяйство на уровне 20 и 40 млрд долл. соответственно. Для сельского хозяйства важно максимально полно использовать меры «зеленой корзины»: предусмотреть средства для увеличения финансирования из федерального и бюджетов субъектов Юга России на транспортную систему, мелиорацию, вакцины, селекционную работу, подготовку специалистов, страхование и т. п. В сфере информационного обеспечения, НИР, необходим больший контакт с бизнес-сообществом, для того, чтобы разработки и исследования проводились по актуальным проблемам, стоящим перед аграрными предприятиями.

В-третьих, важно создание новых конкурентных преимуществ Юга России за счет активного развития сотрудничества в приграничных регионах, где в условиях членства в ВТО должен увеличиться объем международной торговли и зарубежных инвестиций. В этих условиях на ситуации на Юге России, как приграничного макрорегиона, должно положительно отразиться развитие обрабатывающих производств и создание промышленного кластера в рамках еврорегиона «Донбасс». Реализация этого проекта может обеспечить: восстановление существовавших технологических кооперационных цепочек между предприятиями Ростовской области и Луганской, Донецкой

областей Украины в машиностроении, а также рост производства и экспорта несырьевой продукции Юга России. Необходимо также наращивать потенциал ВЭД Юга России со странами-партнерами по Таможенному союзу, которые пока не являются членами ВТО.

В-четвертых, необходима концентрация усилий на достижении отмены или пересмотра ограничений по доступу российских товаров на зарубежные рынки в рамках полноправного участия в ВТО.

В-пятых, представляется актуальным развитие программ поддержки малых и средних предприятий Юга России с помощью совершенствования инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса и развития программ неспецифических субсидий для МСП, так как такие меры способствуют развитию малого и среднего бизнеса в условиях конкуренции; расширения работы центров поддержки экспорта для МСП; стимулирования работы МСП на рынках стран Таможенного союза, так как рынки этих стран являются более понятными и доступными для МСП по сравнению с рынками стран дальнего зарубежья; включения МСП в работу отраслевых союзов для защиты и продвижения своих интересов в рамках членства России в ВТО.

В целом, все рассмотренные меры должны способствовать эффективной работе субъектов хозяйствования и отраслей экономики Юга России в условиях членства нашей страны в ВТО, созданию новых возможностей для выхода на международные рынки, повышению их конкурентоспособности и устойчивости в современной турбулентной экономике.

ЛИТЕРАТУРА

- Волгарев М. (2012). Россия на пороге ВТО: как Вам подготовиться // *Генеральный директор*. № 6(78). С. 68–74.
- Российский статистический ежегодник. (1994). М.: Госкомстат России.
- Козлов В., Ханова В. (2013). Вот вам ВТО – прямо у нас во дворе // *Эксперт Юг*. № 28–29. С. 30–36.
- Коммерсант. (2012). № 245(5030). Доступно на: <http://www.kommersant.ru/doc/2098561>.
- Кукол Е. (2013). Утиль не доехал до суда // *Российская газета*. № 6143(167). Доступно на: <http://www.rg.ru/2013/08/01/sbor.html>.
- Прохоров В.Т. (ред.) (2009). Современные подходы по обеспечению спроса на продукцию обувных предприятий Южного федерального округа. Шахты: ГОУ ВПО «ЮРГУЭС».
- Проценко Н. (2013). Окна в мир российских товаров // *Эксперт Юг*. № 28–29. С. 18–21.
- Статистика внешней торговли (2013). Доступно на: http://yutu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=62&Itemid=64.
- Федеральная служба государственной статистики. (2013а). Валовая добавленная стоимость по видам экономической деятельности. Доступно на: <http://www.gks.ru/>.
- Федеральная служба государственной статистики. (2013б). Основные показатели деятельности малых предприятий (без микропредприятий) по отдельным видам экономической деятельности за 2012 год. Доступно на: <http://www.gks.ru>.
- Федеральная служба государственной статистики. (2013с). Оборот средних организаций по видам экономической деятельности за 2012 г. Доступно на: <http://www.gks.ru>.
- Эрнст энд Янг, российская экономическая школа. (2012). ВТО рична для России? Вступление России в ВТО: аналитический обзор. 93 с.
- Arkhipov A., Kuznetsov V., Soldatova I. (2013). Investment and Innovation State Support of Agriculture in Russia as a Condition of WTO // *China-USA Business Review*, vol. 12, no. 7, pp. 637–645.

REFERENCES

- Ernst & Young, The New Economic School. (2012). Secondary for Russia? Russia's accession to the WTO: analytical review. 93 p.
- Federal State Statistics Service. (2013a). Gross value added by economic activity. Available at: <http://www.gks.ru/>.
- Federal State Statistics Service. (2013b). Main indicators of small enterprises (excluding micro) by economic activity in 2012. Available at: <http://www.gks.ru>.
- Federal State Statistics Service. (2013c). Turnover of medium-sized enterprises by economic activity in 2012. Available at: <http://www.gks.ru>.
- Foreign Trade Statistics. (2013). Available at: http://yutu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=62&Itemid=64.
- Goskomstat Rossii. (1994). Russian Statistical Yearbook. M.
- Kommersant. (2012). Combines are protected from imports. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2098561>.
- Kozlov V., Hanova V. (2013). Here is WTO – right in our backyard. *Expert Ug*, no. 28–29, pp. 30–36.
- Kukol E. (2013). Scrap did not get to court. *Rossiyskaya Gazeta*, no. 6143(167). Available at: <http://www.rg.ru/2013/08/01/sbor.html>.
- Prohorov V.T. (ed.). (2009). Modern approaches to ensure the demand for production of footwear enterprises in the Southern Federal District. Shahty: URGUES.
- Protsenko N. (2013). Window into the world of Russian goods. *Expert Ug*, no. 28–29, pp. 18–21.
- Volgarev M. (2012). Russia at the doorstep of WTO: how to prepare. *Generalny director*, no. 6(78), pp. 68–74.
- Arkhipov A., Kuznetsov V., Soldatova I. (2013). Investment and Innovation State Support of Agriculture in Russia as a Condition of WTO. *China-USA Business Review*, vol. 12, no. 7, pp. 637–645.

ОГРАНИЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ОФШОРНЫХ ФИНАНСОВЫХ СЕТЕЙ И РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ СПРАВЕДЛИВОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

АНДРЕЕВА А.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы»,
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: alya_andreeva@mail.ru;

РАГОВИК Л.В.,

аспирант кафедры «Экономика и финансы»,
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ragoviklv@mail.ru;

ШЕЛЕПОВ В.Г.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы»
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: Vlad2217218@gmail.com

В статье рассмотрен ряд проблем, связанных решением задач по деофшоризации экономики, обуславливающих необходимость разработки системы мероприятий, направленных на активизацию антиофшорной политики международного сообщества и сокращение оттока капитала в налоговые оазисы. Причины расширения экономической политики деофшоризации связаны с преодолением последствий глобального экономического кризиса, обострением долговых и бюджетных проблем в развитых и развивающихся странах. Также в статье актуализируются задачи разработки устойчивого институционального механизма, направленного на ограничение развития офшорных финансовых сетей и реализацию модели справедливого налогообложения.

Ключевые слова: налоги; налогообложение; справедливое налогообложение; финансовые сети; офшоры, деофшоризация экономики; налоговый оазис.

RESTRICTION OF DEVELOPMENT OF OFFSHORE FINANCIAL NETWORKS AND REALIZATION OF EQUITABLE TAXATION MODEL

ANDREEVA A.V.,

PhD, associate professor of the Department of "Economics and Finance",
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don,
e-mail: alya_andreeva@mail.ru;

RAGOVIK L.V.,

Graduate student of the Department of "Economics and Finance",
Rostov State of Railway Transport University, Rostov-on-Don,
e-mail: ragoviklv@mail.ru;

SHELEPOV V.G.,

PhD, Associate Professor of the Department of "Economics and Finance"
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don,
e-mail: Vlad2217218@gmail.com

Abstract. The article covers some problems regarding deoffshorization of economy, which causes the necessity of intensive anti-offshore policy development of international community and reduction of the capital outflow in tax oasis. The reasons of deoffshorization of economic policy are connected with overcoming of consequences of the world

economic crisis, an aggravation of debt and budget affairs in the developed and developing countries. Also the article makes actual some problems of sustainable institutional mechanism development aimed at restriction of offshore financial networks and realization of model of the equitable taxation.

Keywords: tax; taxation; equitable taxation; financial network; offshore; deoffshorization of economy; tax oasis.

JEL classification: H21, H25, H27.

Стремление снизить налоговую нагрузку, работать в комфортной деловой среде и применять для развития бизнеса гибкие финансовые инструменты, которые работают на развитых рынках, способствует оттоку отечественного капитала в офшорные юрисдикции. Из офшорных зон управляются, прежде всего, крупнейшие отечественные финансовые холдинги, а также нефтяные и газовые компании. За период развития рыночной экономики из Российской Федерации в офшорные зоны было выведено 800 млрд долл.

В связи с этим, необходимость возвращения российских компаний из офшоров является важнейшим стратегическим направлением, обеспечивающим рост экономики. Для реализации этой комплексной стратегии по возврату отечественного капитала необходимо применять налоговые инструменты, связанные с налогообложением на российской территории доходов иностранных компаний, имеющих отечественных акторов, и регулирующие меры, связанные с запретом предоставления государственной поддержки и заключения государственных контрактов с такими компаниями.

В конце 2013 г. В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию объявил о новых инструментах, разрабатываемых в направлении деофшоризации экономики. В настоящее время для реализации мер по деофшоризации экономики разрабатывается ряд законопроектов, предполагающих внесение поправок в Налоговый кодекс, целью которых является, во-первых, введение новых правил для организации бизнеса за рубежом, связанных с жесткими обязательствами платить налоги с дивидендов по российским ставкам, а, во-вторых, институционализация к налоговой и правоприменительной практике следующих экономических понятий:

- дефиниции «налоговое резидентство организаций», позволяющей выявить компании, не имеющие постоянного представительства в России;
- дефиниции «фактический получатель дохода», позволяющей выявить компании, к которым не будут применяться пониженные ставки по процентам, дивидендам и роялти в соглашении о двойном налогообложении, однако, лишь в том случае, когда указанные фирмы являются агентами, а не фактическим получателем дохода;
- определения «контролируемые иностранные компании», позволяющего получать с отечественных компаний налог на прибыль, который ранее перечислялся дочерним фирмам в офшорных юрисдикциях.

В связи с тем, что в Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации предложил лишить государственной поддержки российские компании, сотрудничающие с офшорными экономиками, ограничить для этих фирм возможность работать по государственным контрактам и обложить их доходы дополнительным налогом, 5 крупных российских компаний вышли из офшорных юрисдикций.

По мнению специалистов, объявившие о выходе из офшоров металлургические компании нуждаются в значительной государственной поддержке, поэтому не могут отказаться от государственной помощи (Миронов, 2013).

В настоящее время в России отмечается один из самых высоких уровней офшоризации экономики. Это связано с рядом обстоятельств, определяющих условия ведения бизнеса, которые в офшорных юрисдикциях на сегодняшний день более благоприятные, чем на отечественном рынке.

Для решения проблемы деофшоризации экономики необходим комплекс стимулирующих мер, а не только инструментов административного воздействия на бизнес, а также ограничений в получении определенных государственных преференций. Профессор Я. Миркин отмечает особую уникальность технологий офшоризации российского бизнеса, состоящую в том, что основные иностранные инвестиции в российскую экономику осуществляют офшорные компании. Предложения Я. Миркина, направленные на деофшоризацию отечественной экономики, связаны с необходимостью в новых условиях посткризисного развития «перестраивать модель экономики, радикально улучшать инвестиционный климат, условия ведения бизнеса в России» (Миркин, 2013).

Мероприятия по созданию благоприятной деловой среды и улучшению инвестиционного климата, на наш взгляд, относятся к системным инструментам формирования модели справедливого налогообложения, определяющим магистральный путь развития российской экономики, включающим также меры по ее деофшоризации, агрессивное использование которых отнюдь не будет способствовать притоку капитала. Модель справедливого налогообложения может быть создана при условиях, когда формируется предсказуемая и взвешенная налоговая политика, соответствующая возможностям устойчивого роста отечественного бизнеса, реальной налоговой нагрузки и маржинальным возможностям получения прибыли.

В условиях финансовой глобализации борьба с офшорами только методами налогового регулирования, безусловно, успеха принести не может. Таким образом, актуализировалась задача формирования системного подхода к реализации программы деофшоризации экономики, включающей не только контроль над финансовыми потоками операций с интегрированным в российские сделки иностранными элементами, применяемые для вывода прибыли из-под российского налогообложения, но и борьбу с легализацией доходов, полученных преступным путем, а также обеспечение защиты государственной собственности и имущества государственных компаний.

Замедление экономического роста и высокая динамика оттока капитала в офшорные юрисдикции вследствие ограниченной возможности канализировать инвестиционные сбережения экономических агентов актуализируют поиск мер по деофшоризации российской экономики, а также инструментов налогового регулирования для тех экономических агентов, которые намерены вернуться в российскую юрисдикцию. В настоящее время вопросы обмена налоговой информацией между Россией и другими государствами проводятся на уровне двусторонних договоренностей.

В качестве ограничивающих мер по оттоку капитала в новых направлениях налогового регулирования и реализации налоговой политики Российской Федерации можно выделить подготовку межправительственных соглашений с офшорами и низконалоговыми юрисдикциями об обмене информацией для противодействия схемам минимизации налогов. В качестве стратегических мер, вносящих необходимые коррективы с учетом меняющейся экономической ситуации, можно отметить разработку типового межправительственного соглашения и внесения поправок в Налоговый кодекс о возможности участия представителей иностранных налоговых органов в проводимых налоговых проверках в Российской Федерации, если это предусмотрено соответствующим международным соглашением.

Сегодня меняется и внутренний механизм контроля налоговых платежей посредством внедрения режима добровольного расширенного взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов в целях обеспечения конкурентоспособной налоговой системы, направленной на создания комфортной деловой среды, институционализации дополнительных платежей в системе финансовых потоков. Кроме 13 видов налогов, которые отражены в Налоговом кодексе, российским бизнесом фактически осуществляется большое количество дополнительных платежей, не включенных в кодекс, например, страховые платежи, утилизационные выплаты, портовые сборы, плата за негативное воздействие на окружающую среду. К неудовольствию бизнес-структур постепенно формируется параллельная система фискальных сборов, которая дестабилизирует действующий механизм национальной налоговой политики. В качестве дестабилизирующих факторов, влияющих на развитие экономики, можно выделить частые изменения «правил игры».

Для снятия этих ограничений необходимо в качестве модернизационных мер законодательно закрепить стабильность и предсказуемость налоговой нагрузки и отразить эти меры в основных направлениях налоговой политики, так как частое изменение правил работы предприятий и фирм на российском рынке негативным образом влияет на динамику оттока капитала в офшорные зоны. Задачи успешной реализации политики деофшоризации экономики и создания благоприятной деловой среды тесным образом переплетены между собой, так как представляют единый институциональный механизм, направленный на развитие экономики посредством стимулирующей налоговой политики и эффективного делового климата.

Механизмы налоговой экономии, поиск которых в большинстве развитых странах, прежде всего, в США, Германии, Франции и других странах, относящихся к странам глобального финансового центра, проводят экономические агенты, стимулируют переход фирм и предприятий этих стран, в так называемые «налоговые оазисы», с системой финансовых сетей, сверхмягкого режима налогообложения и предоставлением значимых налоговых льгот.

В систему «налоговых оазисов» обычно включены крупные порты, особые экономические зоны, зоны свободного предпринимательства, в которых установлен специальный режим налогообложения, способствующий привлечению финансового капитала на основе привлекательных финансовых инструментов и условий соблюдения банковской и коммерческой тайны.

Важным позитивным фактором для привлечения иностранных компаний для работы в офшорной зоне является упрощенная система регистрации компании, а также отсутствие всяких ограничений и налогов на перемещение активов, вывоз капитала и валюты. Офшорные юрисдикции привлекательны также тем фактом, что не имеют институциональных соглашений с другими странами о предоставлении полной информации о своих резидентах, а также отличаются благоприятной деловой средой для привлечения инвестиций, инновационных компаний и финансового капитала.

С юрисдикциями, которые относятся к «налоговым оазисам» сотрудничает более 20 тыс. российских экономических агентов, часть которых являются налоговыми уклонистами, что и определяет необходимость разработки и внедрения системы автоматизированного обмена налоговой информацией между различными странами, обеспечивающей прозрачность финансовых потоков и контроль над движениями активов компаний за рубежом.

Вследствие динамичного развития офшорных территорий, постоянного роста их экономической привлекательности для зарубежных компаний, отсутствия ограничений для перемещения финансового капитала происходит отток валютных ресурсов и инвестиционного капитала из стран базирования этих компаний, а также снижается уровень налоговых поступлений и сборов.

Офшорные финансовые сети создаются с целью снижения налогов, комфортных удобных условий ведения бизнеса и анонимности конечных бенефициаров финансовых операций. Дефиниция «офшорные финансовые сети» была предложена Б.А. Хейфицем для обозначения взаимосвязанной деятельности акторов офшорных юрисдикций, направленной на снижение налогов посредством использования финансовых схем (Хейфец, 2008).

Офшорные зоны в глобальной экономике благодаря этим схемам динамично развиваются. По мнению ученого, в глобальной экономике зарождаются различные формы офшорных финансовых сетей, которые отличаются не только составом участников, но и значительным разнообразием схем.

«Большая двадцатка», или «Группа двадцати» (G20), возникшая как актор мировой экономики на основе проведения неформального экономического форума крупнейших стран мира в период развития глобального кризи-

са. В эту группу включены следующие страны: США, Великобритания, ЮАР, Италия, Германия, Франция, Канада, Австралия, Аргентина, Бразилия, Индия, Индонезия, КНР, Мексика, Саудовская Аравия, Турция, Республика Корея, Япония, Россия, а также руководство Евросоюза.

В начале апреля 2013 г. Международный консорциум журналистов опубликовал в ведущих мировых СМИ данные о глобальной офшорной сети на Британских Виргинских островах, островах Кука, Кипре и в Швейцарии.

Актуальные вопросы, которые сегодня стоят на повестке дня у развитых стран, входящих в группу G20, безусловно, связаны с поиском инструментов и технологий снижения рисков реализации глобального финансово-экономического кризиса, борьбой с оттоком капитала, выявлением компаний, уклоняющихся от уплаты налогов, и поиском технологий обеспечения экономического роста. В совокупности страны «Большой двадцатки» являются основными глобальными игроками, доминирующими операторами мирового рынка и представляют 90% мирового ВВП и 80% мировой торговли.

Страны G20 разработали стратегию деофшоризации и рекомендуют присоединиться к ней, используя международные стандарты обмена информацией по борьбе с уклонением от налогов, позволив банкам раскрывать необходимые данные о счетах клиентов. В связи с тем, что в условиях глобального кризиса и снижения доходов бюджета актуализировалась задача контроля над действиями налоговых уклонистов, Еврокомиссия потребовала, чтобы данные о получаемых дивидендах, доходах от прироста капитала и других видах финансовых доходов стали предметом автоматического обмена информацией между налоговыми органами в странах Евросоюза с 2015 г.

Похожие проблемы, связанные с необходимостью снижения налогового бремени, испытывает бизнес и в других странах. По мнению Я. Миркина, отечественный бизнес, «существующий в условиях развивающейся экономики, сталкивается с очень тяжелой налоговой нагрузкой, сопоставимой с той, которая есть в развитых странах» (Миркин, 2013).

В страны, в которых созданы системы с льготным порядком налогообложения, стремится финансовый капитал из других юрисдикций. Офшорные юрисдикции именно предоставлением налоговых преференций привлекают на свою территорию финансовые активы с глобального финансового рынка, предоставляя иностранным компаниям льготные налоговые режимы, поэтому они называются «налоговыми оазисами», или «налоговым раем».

Иностранные инвестиции и финансовый капитал вследствие существования привлекательных налоговых условий могут способствовать развитию принимающей страны и росту экономики. Привлекательность налоговых условий в «налоговых оазисах» связана с действием особых налоговых режимов, направленных на частичное или полное освобождение фирм от налогообложения, а также ограничение мероприятий, направленных на обеспечение жесткого контроля над перемещением финансового капитала.

В момент регистрации любой иностранной компании по законодательству офшорных юрисдикций, которые относятся к так называемым «налоговым оазисам», образуется новый экономический агент, который выступает резидентом этой страны и становится особым субъектом налогообложения.

Статус субъекта налогообложения определяется установленным законодательством и может быть реализован в различных формах, например, он может означать установление фиксированных налоговых платежей определенной платы за регистрацию фирмы при отсутствии налогов или существование других платежей или условий при отсутствии необходимости уплаты налогов.

Уход российских компаний в офшорные зоны объясняется целым рядом регулирующих факторов, определяющих более благоприятными институциональными условиями ведения бизнеса с точки зрения финансовых и налоговых условий, связанных с отчислением налоговых платежей от полученных доходов компаний, уплатой социальных взносов и других мер.

Перечень таких условий был представлен в типовых договорах об избежании двойного налогообложения в период раннего формирования финансовой глобализации (конец XX в.) с целью активного привлечения прямых инвестиций и финансово-инвестиционного капитала с мирового рынка¹. В настоящее время драйверы роста экономики и стимулы привлечения капитала изменились, поэтому следует пересматривать институциональный механизм привлечения инвестиций, а также менять регулирующие факторы и условия работы российского бизнеса.

В современных условиях следует, наоборот, удерживать российский капитал на своей территории, создавать благоприятные условия для регистрации и ведения крупного бизнеса, привлекательного для финансового капитала именно в России. Вместе с тем, вследствие развития открытой экономики, либерализации экономических, усиления роли глобализирующейся экономики в движении финансовых потоков офшорные юрисдикции стали проводить агрессивную маркетинговую политику, привлекая наиболее успешные компании и банки в качестве новых участников в свои финансовые схемы.

Институциональной основой развития такого взаимодействия послужило возникновение и развитие многосторонних «Соглашений об избежании двойного налогообложения». Различают следующие системы соглашений об избежании двойного налогообложения: модель ОЭСР, построенная на принципе резидентности при налогообложении и противоположная ей модель ООН, основанная на принципе территориальности, когда доходы облагаются налогами от деятельности в той стране, в которой она осуществляется.

Политика деофшоризации, реализуемая в целях обеспечения роста экономики, проводимая развитыми странами, опирается на изменения в законодательстве, проводимые офшорными юрисдикциями для повышения прозрач-

¹ Типовое соглашение между Российской Федерацией и иностранными государствами об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество. Постановление Правительства РФ от 24.02.2010 г. № 84. Доступно на: <http://base.consultant.ru>.

ности своей деятельности и обмена информацией с налоговыми органами заинтересованных стран. Например, в 2013 г. были подписаны соглашения странами группы G5 (Великобританией, Германией, Францией, Италией и Испанией) со следующими офшорными юрисдикциями: Каймановыми, Бермудскими, Британскими Виргинскими островами, Гибралтаром, островами Гернси, Джерси и Мэн о взаимном обмене налоговой информацией.

С 1 февраля 2013 г. в Швейцарии вступил в силу закон «О международной административной помощи по налоговым делам», который разрешает иностранным налоговым службам запрашивать информацию о банковских счетах иностранных граждан, считающихся налоговыми уклонистами. Весной 2013 г. антиофшорное расследование Международного консорциума журналистики (ICIJ) стало доступной информацией, раскрывающей сведения о налоговых уклонистах (130 тыс. офшорных компаний и трастов из 170 юрисдикции).

Для эффективности политики деофшоризации необходимо разработать общий план мероприятий для всех стран, поэтому Россия должна согласовывать свои действия в реализации антиофшорных мер с другими странами.

Значительный ущерб приносят российской экономике сомнительные финансовые операции, связанные с обналичиванием средств, проведением схем «серого импорта» через страны Таможенного союза и выводом финансовых средств в офшоры через фирмы-однодневки. По мнению экспертов, в ФНС России всего зарегистрировано 3,9 млн коммерческих организаций, из них реально действующих организаций, проводящих платежи через банковскую систему, насчитывается примерно 2 млн, при этом 11% этих субъектов не платят никаких налогов, а 4–6% субъектов платят лишь символические суммы (Игнатъев, 2013).

В Налоговый кодекс Российской Федерации с 1 января 2012 г. были внесены изменения, касающиеся трансфертного ценообразования и контроля всех внешнеторговых сделок с офшорными компаниями на сумму более 60 млн руб. в год. Этим документом обоснован круг взаимозависимых лиц, порядок и методы определения рыночной цены для целей налогообложения.

Действующая налоговая система в России отличается устойчивостью, однако, в связи с тем, что отток капитала из страны не уменьшается, необходимо формировать более конкурентоспособную налоговую политику, способную привлечь для работы инвестиционно активные компании эффективной налоговой нагрузкой.

ЛИТЕРАТУРА

- Игнатъев С. (2013). Интервью / *Ведомости*. 20 февраля.
- Миркин Я. (2013). Капитал припишут к Родине / «*Российская газета*». Федеральный выпуск № 6258(282). Доступно на: <http://www.rg.ru/2013/12/13/mirkin.html>.
- Миронов В. (2013). Изгнание из рая. Крупные компании покидают офшоры / «*Российская газета*». Федеральный выпуск, 2013 от 20 декабря, № 6264(288). Доступно на: <http://www.rg.ru/2013/12/19/Krupnyekompaniipokidautofshory.html>.
- Хейфец Б.А. (2008). Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. М.: Экономика.

REFERENCES

- Heifetz B.A. (2008). Offshore jurisdictions in the global and national economy. M.: The Economy. (In Russian.)
- Ignatiev S. (2013). Interviews. *Vedomosti*. Feb 20. (In Russian.)
- Mirkin J. (2013). Capital will be credited to the Motherland. “*Rossiyskaya Gazeta*” – Federal Issue, no. 6258(282). Available at: <http://www.rg.ru/2013/12/13/mirkin.html>. (In Russian.)
- Mironov V. (2013). Expulsion from Paradise. Large companies are leaving offshore. “*Rossiyskaya Gazeta*” – Federal issue, dated 20 December, 2013, no. 6264 (288) Available at: <http://www.rg.ru/2013/12/19/Krupnyekompaniipokidautofshory.html>. (In Russian.)

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА РФ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ АДАПТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В ВТО

ПАЛАГИНА А.Н.,

кандидат философских наук, профессор,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону,
e-mail: anp@tpprf.ru

В условиях вступления России во ВТО значительно усилилась роль Торгово-промышленной палаты России как ключевого элемента инфраструктуры малого и среднего предпринимательства, адаптирующего его к сложным современным экономическим процессам. Принята новая стратегия развития Палаты. На ТПП РФ возложены функции по обеспечению деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в части малого и среднего бизнеса. Интеграция этих элементов инфраструктуры определила новые возможности реализации поддержки предпринимательства в стране.

Ключевые слова: торгово-промышленная палата; объекты инфраструктуры; консалтинг; Всемирная торговая организация.

CHAMBER OF COMMERCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A KEY ELEMENT OF BUSINESS SUPPORT INFRASTRUCTURE IN TERMS OF RUSSIA'S ACCESSION TO THE WTO

PALAGINA A.N.,

PhD, Professor,
Rostov State University of Economy, Rostov-on-Don,
e-mail: anp@tpprf.ru

In the context of Russia's accession to the WTO has significantly increased the role of the Chamber of Commerce of Russia as a key element of infrastructure for small and medium businesses, adapting it to the modern complex economic processes. Adopted a new strategy for the development of the Chamber. On RF CCI entrusted with the work of the Commissioner to ensure that the Presidential Council on the protection of the rights of entrepreneurs in small and medium-sized businesses. The integration of these infrastructure elements identified new opportunities to support the implementation of entrepreneurship in the country.

Keywords: Chamber of Commerce; objects of infrastructure; consulting; World Trade Organization.

JEL classification: E61, E63, E66.

Президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. подчеркнул, что «мировое развитие становится все более противоречивым и более динамичным. В этих условиях возрастает историческая ответственность России. И не только как одного из ключевых гарантов глобальной и региональной стабильности, а как государства, которое последовательно отстаивает свои ценностные подходы. В том числе, в международных отношениях» (Послание Президента Федеральному Собранию..., 2013), важной частью которых является экономическая политика.

Кризисные тенденции в мировой экономике привели на определенном этапе к снижению большинства производственных показателей во всем хозяйственном пространстве. В условиях глобализации наша страна не может

избежать кризиса. Но «чрезвычайно важен, – по мнению академика Е.М. Примакова, – при этом вывод, что экономический спад в России в 2013 году обусловлен внутренними, а не внешними причинами» (Примаков, 2014).

Один из уроков кризиса 2008–2009 гг., по мнению Е.М. Примакова, – усиление в США и в странах Евросоюза влияния государства на экономику. Такой тренд сохраняется (Примаков, 2014). Таким образом, в период экономического спада государство стремится смягчить последствия происходящего путем поддержки предпринимательства. Возобновление устойчивого экономического роста, в свою очередь, решает задачи социального развития – приводит к увеличению рабочих мест и росту доходов региональных и местных бюджетов, которые во многом определяются поступлениями от сектора малого и среднего предпринимательства (далее – МСП).

В последние годы была проделана большая работа по созданию эффективных механизмов поддержки МСП, построена многоуровневая система мероприятий и соответствующих инструментов, обеспечивающих функционирование различных форм предпринимательства. Однако нельзя не отметить, что большинство мер долгое время носило материальный характер и зачастую сводилось к имущественной и финансовой помощи бизнесу. Иными словами, и при формировании государственной идеологии поддержки предпринимательства идет дискуссия о приоритетах экономической политики. И, по мнению академика Е.М. Примакова, «стержень, вокруг которого раскручивались противоречия в экономической политике, это – выбор: на чем сделать акцент, на стимулировании экономического роста, либо на финансовой консолидации» (Примаков, 2014).

Именно МСП, в силу своей специфики, чаще субъектов, функционирующих в более крупных масштабах, нуждаются в мерах системного характера, способных оказать влияние на ситуацию в целом. И, в первую очередь, – в комплексной многоуровневой, стабильно и профессионально функционирующей системе адаптации хозяйствующих субъектов сектора МСП разной степени «продвинутой» в бизнесе – от стартапов, самозанятых, нуждающихся в «тотальном» консультировании и постоянном сопровождении, до высокотехнологичных инновационных компаний, обращающихся за консультациями по отдельным вопросам организации своей хозяйственной «жизни». Для первой группы обозначенных нами пользователей проблема усугубляется затруднением доступа к консалтингу, обусловленным относительно высокой его стоимостью в ракурсе небольшого, часто семейного бизнеса.

По мнению Президента страны, ресурсы и государства, и частного бизнеса должны идти на развитие, на достижение стратегических целей (*Послание Президента Федеральному Собранию...*, 2013). Это обуславливает необходимость постановки новых актуальных задач в современных реалиях, а также гораздо более эффективного использования потенциала общественных объединений предпринимателей.

Как следствие, актуальной представляется отработка наиболее эффективной модели адаптивной инфраструктуры поддержки предпринимательства с участием бизнес-объединений, напрямую взаимодействующих с предприятиями и оказывающих востребованные бизнесом всех уровней услуги.

Особенную актуальность вопросы предоставления консультационной поддержки приобретают в связи с тем, что в 2012 г. наша страна стала полноправным членом ВТО. Присоединение к этой авторитетной мировой системе имеет как преимущества, так и определенные риски. Среди выгодных последствий для отечественного предпринимательства – интеграция в мировую экономику, устранение барьеров для экспорта, ослабление дискриминации российского бизнеса на международных рынках, стимулирование экономики, рост производства.

Членство России в ВТО и соответствие всем требованиям и правилам, установленным данной организацией, существенно меняет условия, прежде всего, для предприятий МСП. Вхождение в торговое пространство, объединяющее 150 стран мира, открывает огромные возможности для выхода на внешние рынки. Тем не менее, существуют и определенные риски. Очевидно неизбежное и значительное усиление конкуренции – не с абстрактными среднестатистическими зарубежными компаниями, а с серьезными международными структурами.

По объемам ВВП Россия вошла в пятерку крупнейших экономик мира. Однако по такому ключевому показателю, как производительность труда, мы отстаем от ведущих стран в 2–3 раза (*Послание Президента Федеральному Собранию...*, 2013).

Результаты различных исследований показывают, что МСП пока не осознал всех возможностей и последствий, которые принесет для данного сектора российской экономики в целом присоединение России к ВТО и последующее открытие внутренних рынков для более конкурентоспособных международных предприятий.

В частности, такие выводы можно сделать, анализируя итоги мониторинга состояния МСП, проведенного ТПП РФ совместно с Минэкономразвития в 2012 г. с целью выявления проблем и ключевых потребностей МСП в условиях присоединения России к ВТО (*Обобщенные результаты анкетирования...*, 2012). (В 2013 г. такой мониторинг проводился в несколько модернизированной форме – путем анализа блогосферы).

Анализ полученных ответов демонстрирует неоднозначность отношения предпринимателей к факту вступления России в ВТО. Большинство принимавших участие в опросе (60 и 56,3% соответственно) предположили, что это приведет в целом к отрицательным последствиям.

Таким образом, по мнению респондентов, именно анализируемый нами сектор является наиболее уязвимым в рамках ВТО. Только пятая часть всех опрошенных рассчитывает на положительные тенденции, что в большей степени обусловлено отрывающими будущими, предположительными возможностями выхода на новые внешние рынки.

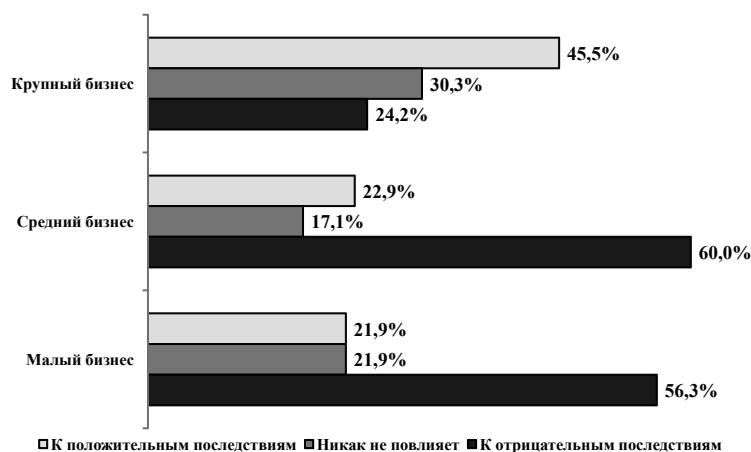

Рис. 1. Как Вы считаете, вступление в ВТО приведет для бизнеса, в зависимости от размера компании, к..., %

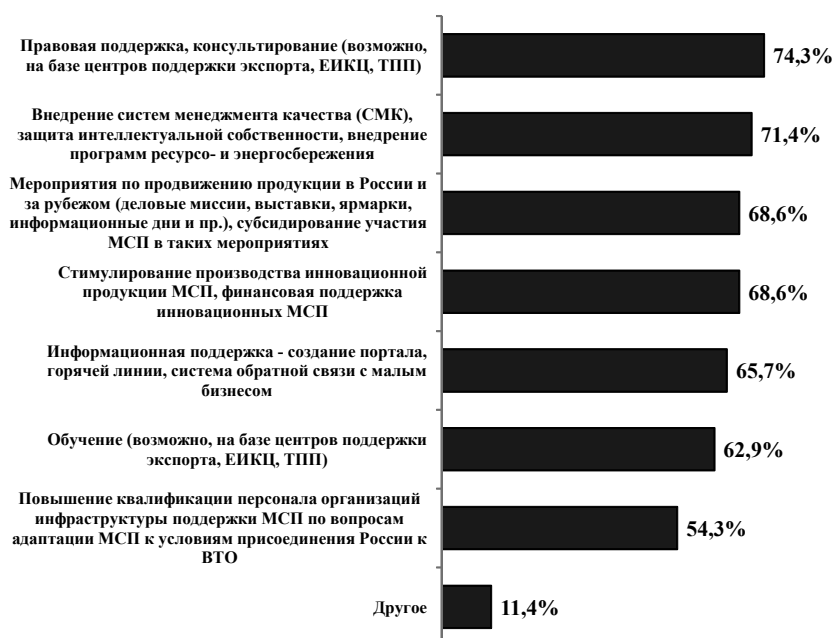

Рис. 2. Какие первоочередные меры поддержки по вопросам адаптации к вступлению в ВТО будут наиболее востребованы среди МСП?

Более 74% респондентов отметили необходимость правовой и консультационной поддержки в рамках вступления в ВТО (рис. 2). Этот факт показывает, во-первых, готовность бизнеса учиться и совершенствоваться, а, во-вторых, иллюстрирует острую востребованность специализированных программ по данному виду поддержки. Крайне важно предложить и реализовать комплекс мер системного характера, направленный то, чтобы выгоды и преимущества для МСП стали реальными, а риски – минимальными.

С учетом имеющегося опыта участия в этих процессах в рамках государства объединений предпринимателей представляется целесообразным реализовывать данную стратегию через дальнейшее развитие организаций адаптивной инфраструктуры поддержки МСП.

Инфраструктура поддержки МСП является ключевым элементом масштабного механизма государственного регулирования экономических процессов. При этом предприятия, входящие в эту систему, имеют широкий спектр направлений деятельности. Специфичность целей на каждом конкретном этапе диктует и приоритеты в востребованности конкретных форм инфраструктуры.

Опыт и развитых стран, и современной России показывает, что серьезных результатов в области развития МСП можно достичь, используя механизмы скоординированной работы органов власти совместно с общественными организациями, выполняющими функции адаптивной инфраструктуры поддержки бизнеса.

Согласно исследованию, проведенному по инициативе Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) (*Partnerships for Small Enterprise Development, 2013*), наиболее активно защищают интересы

МСП торгово-промышленные и ремесленнические палаты, объединения и ассоциации предпринимателей, которые оказывают существенное влияние на законотворческие, правоприменительные и экономические процессы в своих странах. Они не только пропагандируют предпринимательские идеи и лоббируют интересы бизнеса на различных уровнях власти, но и уделяют особое внимание решению многих проблем развития предпринимательства, оказывают предприятиям информационную и консультационную поддержку (Кунин, Александрова, 2011).

На современном этапе именно Торгово-промышленная палата РФ является ключевым игроком в области поддержки малого бизнеса среди других общественных организаций российского бизнеса. И это не случайно.

В мировой практике одной из наиболее часто используемых форм объединения предпринимателей с целью лоббирования и защиты интересов выступает создание палат торговцев и промышленников. Подобные организации уже зарекомендовали себя в большинстве развитых стран.

В современной отечественной истории взаимоотношений бизнеса и власти первые примеры внедрения практики представительства интересов бизнеса показали свою эффективность в деятельности именно системы торгово-промышленных палат. ТПП РФ с 1993 г. ведет работу на основании специального закона – Закона Российской Федерации от 07.07.1993 г. № 5340-1 (в настоящее время – в редакции от 23.07.2008 г.) и является наиболее эффективным участником реализации государственных и муниципальных программ МСП и, соответственно, системным элементом инфраструктуры поддержки.

Торгово-промышленные палаты оказывают достаточно широкий спектр услуг для бизнеса. Это юридические услуги, разработка бизнес-планов и сопровождение инвестиционных проектов, информационное обслуживание и консультирование, маркетинг, содействие организации электронных торгов, выставочно-ярмарочная деятельность, деловое образование, подготовка кадров и другие. Вместе с тем, палаты прямо не указаны в перечне объектов инфраструктуры поддержки субъектов МСП, предусмотренном ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Это обстоятельство дает формальный повод некоторым органам власти субъектов РФ, не заинтересованным в максимальной прозрачности при организации конкурсов и торгов, а также не стремящимся к активному участию ведущих бизнес-объединений страны в контроле за своей работой, не включать палаты в число исполнителей программ.

ТПП РФ – это негосударственная некоммерческая организация, созданная по инициативе российских коммерческих и некоммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, объединяющая своих членов для реализации целей и задач развития предпринимательских структур всех уровней. Организована в целях содействия промышленной, финансовой, торговой, научной и информационной политике, урегулирования отношений предпринимателей с их социальными партнерами, создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности и организации взаимодействия между бизнесом и государством в лице его органов, развитию сотрудничества с предпринимателями зарубежных стран, а также согласования и представительства интересов членов ТПП России, предпринимателей и их объединений независимо (Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации), что полностью соответствует целям и задачам государственной политики в области развития и поддержки МСП, реализуемой через соответствующие программы.

28 июня 2012 г. Правлением была утверждена Стратегия развития системы ТПП РФ до 2020 г., в которой четко, современным языком обозначена профессиональная роль Палаты в улучшении делового и инвестиционного климата, повышении конкурентоспособности России и вовлечении в экономическую деятельность страны активных участников. Реализация намеченного требует достижения целей по 3-м направлениям: создание конкурентоспособных условий для бизнеса, содействие развитию бизнеса и человеческого потенциала.

В качестве ключевого направления в рамках достижения поставленных задач в стратегии обозначен рост эффективности регулирующего воздействия государства.

На первом этапе – этапе активации (2013–2014) особое внимание отводится вопросам участия в государственных программах. Взаимодействие с органами власти и иными организациями является первостепенной задачей, в связи с поставленной целью развития и внедрения новых видов услуг для сферы МСП. В целях комплексной поддержки предпринимательства на разных его этапах системе ТПП требуется расширение портфеля сервисов. Наиболее приоритетные сервисы определяются путем оценки их востребованности бизнесом, финансовой привлекательности и реализуемости в системе ТПП.

Определение такого рода услуг в современных условиях возможно путем реализации исследовательских проектов, касающихся отдельных вопросов функционирования бизнеса и предпринимательской среды в целом, а также путем налаживания обратных связей с группами – держателями интересов в заданных сферах.

Вполне очевидно, что реализация новой стратегии развития ТПП – через формирование портфеля эффективных сервисных услуг, более активного включения Палаты в процессы создания комфортной предпринимательской среды – позволит сформировать новый облик системы ТПП как ведущего объекта инфраструктуры поддержки предпринимательства в стране, ориентированного, в первую очередь, на МСП.

Реализация этого функционального содержания представлена в двухуровневой системе приоритетов оказания услуг для бизнеса, зафиксированной в стратегии ТПП РФ. Определены услуги первого и второго уровня приоритетов. К услугам первого периода мы относим профессиональное обучение, юридические услуги, таможенный консалтинг, содействие привлечению инвестиций, выставочно-ярмарочную и конгрессную деятельность, подбор и сертификацию кадров, организацию деловых миссий. К услугам второго порядка, к примеру, относятся оценочная деятельность, коммерческая экспертиза и сертификация, третейские суды и медиация, обеспечение безопасности бизнеса, электронные закупки и другие.

Следующий этап – активного роста (2015–2017 гг.) – предполагает рост эффективности деятельности ТПП в области оказания сервисных услуг за счет совершенствования механизма тиражирования лучшего опыта и знаний палат на различных уровнях управления. Особое внимание уделено формированию устойчивой трехуровневой системы взаимодействия и координации деятельности в формате: ТПП РФ – ТПП субъекта РФ – муниципальные ТПП. На этом этапе предусмотрена возможность создания дочерних организаций, ориентированных на решение конкретных проблем МСП. В результате реализации завершающего этапа планируется достижение состояния системы ТПП РФ, предполагающее:

- создание представительств, филиалов палат субъектов РФ и муниципальных ТПП во всех крупных и средних российских городах и муниципальных районах;
- сетевое развитие дочерних организаций в наиболее активных российских регионах;
- формирование портфеля новых сервисов для удовлетворения актуальных потребностей бизнеса.

При этом используемый механизм непрерывного совершенствования позволит в момент необходимости адаптировать стратегию к новым экономическим условиям внешней среды.

Приведем примеры значимых проектов в рамках Стратегии.

Создание Электронной ТПП, целью которого является улучшение качества и доступности услуг, упрощение процедур, сокращение сроков и издержек предпринимателей при их получении, внедрение единых стандартов обслуживания, осуществление мониторинга бизнес-климата в стране.

В рамках этой же логики строится работа по созданию нового информационного ресурса «Путеводитель для бизнеса». Цель его создания – формирование единого информационного ресурса для системы палат и российского предпринимательского сообщества, включающего нормативно-правовую базу для ведения бизнеса и информацию о программах государственной поддержки МСП, другую актуальную информацию. Создание ресурса предполагает организацию последующего мониторинга силами экспертов палаты качества и доступности государственных услуг, предоставляемых бизнесу.

Принципиальным моментом в представленной модели оказания услуг бизнесу выступает система сбора обратной связи от групп держателей интересов, которая предполагает создание автоматизированной системы мониторинга поставщиков и потребителей коммерческих услуг. В последующем – формирование эффективного виртуального механизма, обеспечивающего обратную связь в режиме реального времени между «сторонами» и мониторинг наиболее востребованных видов, для дальнейшего выявления потребностей в новых видах услуг, а также определения лидеров в развитии конкретных услуг, аккумулирования их опыта и обеспечения его эффективного тиражирования.

Система обратной связи предполагает регулярное проведение мониторинга представленных выше вопросов с целью своевременного проведения корректирующих и предупреждающих мероприятий, которые позволят повысить эффективность ее работы.

Ключевая роль в современной системе взаимоотношений хозяйствующих субъектов отводится досудебному урегулированию споров, основой которой, традиционно – по квалификации и уровню компетенций, а также встроенности в сложившиеся международные традиции решения проблем такого уровня – выступала система третейских судов ТПП.

Следует отметить, что в настоящий момент она эффективно дополняется складывающимся институтом медиации (посредничества) в разрешении конфликтных вопросов при ведении бизнеса. Крайне востребованными эти механизмы оказываются и в нарождающейся практике нового государственного инструмента улучшения предпринимательского климата в стране – уполномоченных по защите прав предпринимателей.

При этом, как было отмечено Президентом страны, «...механизмы разрешения хозяйственных споров по-прежнему далеки от лучших мировых практик, в том числе нам нужно серьезно повысить авторитет третейских судов» (*Послание Президента Федеральному Собранию...*, 2013). Поэтому Торгово-промышленной палате совместно с Правительством и РСПП предстоит оперативно разработать и внести в Госдуму законопроект о кардинальном совершенствовании третейского судопроизводства.

В 2012 г. значительно усилена функция палаты по защите малого и среднего бизнеса, как одна из наиболее актуальных на современном этапе. В Палате был создан Департамент по защите малого и среднего бизнеса, являющийся рабочим аппаратом общественного представителя Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей.

Передача части функций в структуру, с момента начала своей деятельности ориентированную на проблемы предпринимательства в стране, позволит снять часть нагрузки с федерального Уполномоченного. Особую актуальность этому решению придает тот факт, что в настоящее время далеко не все регионы ввели должности уполномоченных по защите прав предпринимателей. Одновременно обеспечивается возможность решения текущих проблем бизнеса и подготовки заключений для принятия в последующем органами власти и должностными лицами, наделенными отдельными публичными полномочиями, необходимых мер. Эта работа проводится экспертами организации, которая уже более 20 лет новейшей экономической истории России профессионально и на основании специального законодательства занимается поддержкой предпринимательства.

После введения должности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в России ТПП РФ взяла на себя функции, которые связаны с нарушением прав и законных интересов именно субъектов МСП.

Обращения предпринимателей, поступаая Уполномоченному при Президенте РФ, направляются им для рассмотрения его общественному представителю по защите прав малого и среднего бизнеса. Непосредственно в рамках

самого Департамента жалобы распределяются между экспертами в основном по территориальному признаку, в соответствии с закреплением по федеральным округам. Работа построена таким образом, что в 30-дневный срок готовятся экспертные заключения, а также обращения в органы власти о принятии необходимых мер в соответствии с требованиями законодательства.

Основными направлениями работы Департамента выступают:

- содействие в осуществлении контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов МСП органами государственной власти и местного самоуправления;
- оказание содействия в защите прав и законных интересов субъектов МСП, в том числе с привлечением арбитражных институтов (третейских судов) и органов по регулированию споров с участием посредника (процедуры медиации) при ТПП РФ;
- взаимодействие с предпринимательским сообществом по вопросам защиты прав и законных интересов МСП;
- оказание помощи территориальным палатам и привлечение их к совместному решению вопросов по защите прав и законных интересов МСП.

На современном этапе решение проблем, имеющих системный характер и напрямую затрагивающих интересы МСП, требует интеграции усилий всех организаций инфраструктуры поддержки бизнеса, как государственных, так и общественных. Крайне актуальной также представляется эффективная координация и взаимное согласование всех аспектов деятельности различных объединений предпринимателей и структур, выражающих интересы как самих предпринимателей, так и других членов общества, вовлеченных в совместную хозяйственную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

Кунин В.А., Александрова Е.А. (2011). Анализ зарубежного опыта поддержки малого предпринимательства // *Российское предпринимательство*. № 1. Вып. 2(176). С. 36–43;

Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2013 г. Доступно на: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 15.01.2014).

Примаков Е.М. (2014). *Российская Газета* от 14.01. Доступно на: <http://www.rg.ru/2014/01/13/primakov.html>.

Обобщенные результаты анкетирования территориальных торгово-промышленных палат, проведенного в рамках мониторинга, организованного ТПП России совместно с Минэкономразвития России «Мониторинг состояния малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации» // *ТПП РФ*. Москва, июнь 2012 г.

Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Доступно на: <http://www.tpprf.ru/> (дата обращения 21.10.2013).

Ханферян В. (2012). Снова в строю // *Эксперт*. № 15(798), 16 апреля.

Partnerships for Small Enterprise Development. (2013). Доступно на: http://www.unido.org/fileadmin/user_media/Publications/Pub_free/Partnerships_for_small_enterprise_development.pdf (дата обращения 23.10.2013).

REFERENCES

Address to the Federal Assembly of 12.12.2013. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (date accessed 15.01.2014). (In Russian.)

Hanferyan V. (2012). Back in the ranks. *Expert*, no. 15(798), April 16. (In Russian.)

Kunin V.A., Alexandrova E.A. (2011). Analysis of international experience to support small business. *Russian Entrepreneurship*, no. 1., Issue. 2(176), pp. 36–43. (In Russian.)

Official site of the Chamber of Commerce of the Russian Federation. Available at: <http://www.tpprf.ru/> (date accessed 21.10.2013). (In Russian.)

Partnerships for Small Enterprise Development. (2013). Available at: http://www.unido.org/fileadmin/user_media/Publications/Pub_free/Partnerships_for_small_enterprise_development.pdf (date accessed 23.10.2013).

Primakov E.M. (2014). *Rossiyskaya Gazeta*. 14.01. Available at: <http://www.rg.ru/2014/01/13/primakov.html>. (In Russian.)

Summarized results of the survey territorial chambers of commerce conducted in the framework of monitoring, organized jointly with the Russian Chamber of Commerce Economic Development of Russia "Monitoring of small and medium enterprises in the Russian Federation". Moscow, June 2012. (In Russian.)

ДЕОФШОРИЗАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ: НАЛОГОВЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ШЕЛЕПОВ В.Г.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы»,
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: Vlad2217218@gmail.com

В статье приводится перечень мер, направленных на деофшоризацию экономики, включающих раскрытие компаниями своих владельцев, комплексный контроль над деятельностью иностранных компаний, информационную открытость компаний, претендующих на получение государственных гарантий и на участие в государственных закупках, и налоговые инструменты, обеспечивающие политику деофшоризации экономики.

В работе также выявлены причины низкой кредитной активности российских предприятий реального сектора экономики, связанные с достаточно высокой стоимостью привлекаемых ресурсов, что снижает эффективность использования заемных средств для целей расширения и модернизации производства.

Условия по привлечению кредитов для корпоративных заемщиков не являются в настоящее время привлекательными по стоимости ресурсов и по срокам, на которые российские коммерческие банки могут предоставить деньги. Качественные заемщики из корпоративного сектора выходят на международный рынок публичного долга, который в настоящее время составляет серьезную конкуренцию банковскому рынку. Многие крупные российские компании за счет привлечения на долговом рынке стремятся погасить ранее привлеченные кредиты, отличающиеся сложными условиями обслуживания.

Ключевые слова: бизнес-климат; государственная поддержка; деофшоризация экономики; долговой рынок; инфраструктурные проекты; инфраструктурные облигации; кредитная активность; снижение капитальных затрат; целевые показатели.

DEOFFSHORIZATION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ECONOMY: TAXATION AND FINANCIAL INSTRUMENTS

SHELEPOV V.G.,

PhD, Associate Professor of the Department of "Economics and Finance",
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don,
e-mail: Vlad2217218@gmail.com

The article describes the number of actions aimed at deoffshorization of economy which include owners' information disclosure, integrated control on foreign companies' activity, transparency of companies with a claim of government guarantees and participation in state procurements and fiscal stimulus which provide the policy of deoffshorization of economy.

The article also reveals some causes of low credit activity of Russian enterprises of real sector of economy which are connected with considerably high cost of resources. It blunts the effectiveness of application of borrowed resources in terms of expansion and modernization of production.

At the present moment the terms of raising loans for corporate borrowers can hardly be attractive by means of costs of borrowed funds and duration which are being offered by Russian commercial banks while lending money. High-quality corporate borrowers enter the international public debt market which makes now the serious competition to the banking one. Many large-scale Russian companies by means of attraction of

financial resources in the debt market seek to extinguish earlier attracted loans which possess the complex loan servicing.

Keywords: *business climate; government support; deoffshorization of economy; debt market; infrastructure projects; infrastructure bonds; credit activity; reduction of capitalized expenses; target performance.*

JEL classification: H21, H25, H27.

Фактором, замедляющим рост российской экономики, выступает ограниченная возможность отечественного финансового рынка интегрировать и канализировать сбережения экономических агентов, которые имеют устойчивую тенденцию оттока капитала в развитые страны глобализирующейся экономики и офшорные юрисдикции. Отметим, что офшорные компании оставляют прибыль за рубежом, тем самым снижают инвестиционную активность своих «материнских» компаний.

Значительные отток капитала из России определяет высокую актуальность разработки инструментов, направленных на снижение оттока капитала и деофшоризацию российской экономики на основе разработки законодательных инициатив, а также определенных мер и инструментов налогового регулирования для тех экономических агентов, которые намерены вернуться в российскую юрисдикцию. С офшорными юрисдикциями по различным схемам работает в настоящее время более 20 тыс. российских компаний. Наибольшим спросом у российского бизнеса пользуются Нидерланды, Кипр, Швейцария, Люксембург и Британские Виргинские острова.

Налоговые службы развитых стран, например, США, Германии, Австралия и Великобритания обмениваются в настоящее время информацией по экономическим агентам, которые выступают налоговыми уклонистами, в целях взимания с них причитающихся налогов. Программу по обмену налоговой информацией о состоянии банковских счетов таких агентов совместно разработали регуляторы из Великобритании, Германии, Италии, Испании и Франции, а затем к этому соглашению присоединились специалисты из Австрии.

Формирование такой системы – это дорогостоящая программа для любой страны, но наиболее сложно формировать международные мониторинговые программы такого уровня, направленные на получение информации у банков об их клиентах. Известно, что именно крупные ведущие банки, выступая финансовыми посредниками, позволяя своим клиентам проводить операции по налоговой оптимизации.

Когда в США вступил в силу закон FATCA «Закон о налогообложении иностранных счетов», предполагающий, что иностранные финансовые компании должны на основе автоматического обмена выявлять и предоставлять налоговым органам данные об экономических агентах США, активы которых за рубежом превышают 50 тыс. долл., то европейская система отслеживания налоговых уклонистов только начала формироваться. Вопрос о необходимости организации аналогичного FATCA автоматического обмена информацией о счетах и активах граждан Европы, которые они держат в банках других стран, особенно остро встал после глобального финансового кризиса.

Для того, чтоб российский бизнес имел мощную мотивацию инвестирования в отечественную экономику, а работающие за рубежом компании возвращались в российскую юрисдикцию важно создать благоприятный инвестиционный климат и обеспечить формирование благоприятной деловой среды на основе финансовых, инвестиционных и налоговых инструментов, а также мер государственного регулирования.

Министерство финансов Российской Федерации вводит следующие законодательные инициативы, направленные на борьбу с офшорами:

- раскрытие компаниями своих владельцев;
- комплексный контроль над деятельностью иностранных компаний, которые взаимодействуют с российскими фирмами;
- раскрытие компаниями, претендующими на получение государственных гарантий и субсидий, а также намеренных участвовать в государственных закупках, своих бенефициаров, зарегистрированных в офшорах.

Значительный эффект, связанный с решением проблемы деофшоризации отечественной экономики, могут принести ограничения участия компаний в государственном и муниципальном государственном заказе.

В качестве возможных налоговых инструментов, обеспечивающих политику деофшоризации экономики, могут быть использованы следующие: налоговый маневр, освобождение от налогообложения доходов, полученных от продажи акций «дочек», находящихся во владении акционера в течение двух и более лет, освобождение от налогов дивидендов, полученных от дочерних компаний, доля в которых составляет не менее 20%, установление льгот при налогообложении доходов, полученных от реализации акций зарубежных «дочек» при доле владения ими не менее 20%.

Несмотря на то, что в развитых странах уровень безработицы остается достаточно высоким, в глобальной экономике растет уровень доверия потребителей, а на локальных рынках труда отмечаются видимые улучшения. Вместе с тем, «рост производительности в США, характерный для кризисного периода развития экономики, снизился в 2013 г. и «остался на уровне 0,9%, несмотря на то, что показатели производительности труда в США, например, лучше показателей европейских стран, где производительность труда выросла на 0,4% в 2013 г. после падения на 0,1% в 2012 г.» (Джайлз, 2014).

Главной задачей посткризисной регулятивной политики, направленной на обеспечение роста экономики, является привлечение капитала, иностранных инвестиций и обеспечение финансовой стабильности, контроля над ин-

фляционной динамикой и сбалансированностью рынка труда, прежде всего, обеспечение максимальной занятости населения.

С уровнем развития деловой среды и созданием комфортного бизнес-климата тесным образом связано и повышение места страны в глобальном рейтинге по условиям ведения бизнеса, составляемом Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией. В настоящее время ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры привело к падению прибыли многих российских фирм и предприятий. По экспертным оценкам, в случае достижения Россией 20-го места в мировом рейтинге, отечественная экономика могла бы ежегодно получать 2,5% дополнительного роста ВВП.

Вместе с тем, по данным Минэкономразвития, в первом полугодии 2013 г. в металлургии прибыль упала на 44,1%, в химическом производстве – на 23,6%, в машиностроении – на 31,5%, в производстве неметаллических минеральных продуктов – на 33,2%, в строительстве – на 50,9% (Кувшинова, 2013).

Ограниченность ресурсов резко снижает возможности финансирования инвестиционных программ даже крупных российских предприятий, доля собственных средств которых в финансировании капитальных вложений составляет практически 45%. Например, корпорации ОАО «Российские железные дороги» и ОАО «Газпром» значительно снизили вложения в инвестиционные программы. Замедление потребительского спроса снизило потребности крупных компаний корпоративного сектора в привлечении кредитов.

Для обеспечения финансовой устойчивости крупные компании, а также компании малого и среднего бизнеса должны сократить издержки. Снижение затрат на производство продукции выступает в настоящее время приоритетной регулирующей мерой, входящей в пакет антикризисных мероприятий.

Это связано с тем, что выявленные темпы роста тарифов естественных монополий превышают темпы роста потребительских цен и индекса производителей, поэтому для обеспечения устойчивости национальных компаний важным вопросом является внедрение новых стандартов корпоративного управления, обеспечивающих сокращение затрат, а также формирование гибких рыночных цен на производимую продукцию, товары и услуги.

Например, для поддержания инвестиционной активности ОАО «Российские железные дороги», по мнению Минэкономразвития, следует заключить «сетевой контракт», на основе которого корпорация на полученные от государства субсидии будет развивать инфраструктуру, выполняя условия контракта по перевозке определенного объема грузов.

Предполагается, что при фиксированном размере суммы субсидий, которые планируется выделять ежегодно, общий размер государственной поддержки будет зависеть от эффективности снижения капитальных затрат и трансакционных издержек, а также выполнения корпорацией ОАО «Российские железные дороги» целевых показателей (например, скорость доставки грузов, их сохранность, используемое количество вагонов и др.), установленных в программе Минэкономразвития.

Все эти факторы могут иметь положительный результат лишь при наличии у предприятия дополнительных средств, источником которых являются либо инвесторы, либо коммерческие банки. Однако в настоящее время объемы банковского кредитования недостаточны для развития предприятий реального сектора экономики. Финансово-кредитный сектор страны является динамическим фактором отечественной экономики, обеспечивающим развитие национальной хозяйственной системы и экономических агентов на основе продуцирования денежного оборота.

Одними из наиболее востребованных в настоящее время финансовых инструментов в России являются банковские кредиты, что объясняется особенностями развития российской финансовой системы. Глубина финансового рынка и уровень развития банковской системы непосредственным образом влияет на развитие промышленных компаний и других предприятий, обеспечивающих расширение потребительского спроса и рост отечественной экономики в целом. Для оживления роста реального сектора экономики необходима системная оценка вектора посткризисного развития финансово-кредитного сектора, стимулирующей роли системы налогового регулирования, обеспечивающей привлекательность деловой среды и объективных процессов экономической динамики, происходящих на рынке труда.

Для устойчивого развития национальной экономики российские банки должны кредитовать не потребительский спрос населения, а стимулировать кредитование корпоративного сектора, развитие которого значительно замедлилось в 2013 г., несмотря на рост потребности со стороны заемщиков в кредитных ресурсах. Условия по привлечению кредитов для корпоративных заемщиков не являются в настоящее время привлекательными по стоимости ресурсов и по срокам, на которые российские коммерческие банки могут предоставить деньги. В связи с этим, по нашему мнению, качественные отечественные заемщики из корпоративного сектора выходят на международный рынок публичного долга, который в настоящее время составляет серьезную конкуренцию банковскому рынку. Многие крупные российские компании за счет привлечения на долговом рынке стремятся погасить ранее привлеченные кредиты, отличающиеся сложными условиями обслуживания.

Если сопоставить сложившийся тренд на российском рынке банковских услуг с тенденциями глобального рынка в 2013 г., то можно выявить, что рост мирового рынка корпоративного кредитования увеличился, несмотря на то, что более 30% всех заимствований крупных компаний приходилась на ресурсы, привлеченные с долгового рынка.

Следует также обозначить новую тенденцию, которая проявляется на глобальном финансовом рынке в последнее время. Изменение модели привлечения ресурсов корпоративными заемщиками связано с тем, что увеличивают свою кредитную активность небанковские институты и организации (управляющие активами, страховые компании, фонды прямых инвестиций, хедж-фонды, профессиональные ассоциации организаций), которые воспользовались изменением конкурентной ситуации на рынке, связанной с ужесточением требований регуляторов к коммерческим банкам и увеличением кредитных рисков по корпоративным заемщикам.

Динамическое взаимодействие компаний реального сектора и коммерческих банков состоит в том, что именно банковский сектор является основным источником финансирования деятельности российских фирм и предприятий, следовательно, можно констатировать то факт, что от уровня доступности банковских услуг зависит формирование положительного тренда развития экономики. Вместе с тем, особенность посткризисного развития российской экономики состоит в том, что, несмотря на сложившуюся в экономике значительную потребность фирм и предприятий реального сектора в заемных ресурсах, доля привлекаемых кредитных ресурсов, направляемых на развитие бизнеса, остается низкой, несмотря на отсутствие достаточных собственных средств на осуществления инвестиций в расширение производства.

Можно отметить, что низкая кредитная активность предприятий реального сектора экономики связана с достаточно высокой стоимостью привлекаемых кредитных ресурсов, которая значительно снижает эффективность применения банковских кредитов для целей расширения производства, модернизации оборудования и освоения новых рыночных ниш.

Для обеспечения роста экономики часть средств из резервного фонда можно направлять на финансирование значимых инфраструктурных проектов, определив в качестве модератора этого процесса непосредственно новый институт, например, бюджетный фонд финансирования инфраструктурных объектов, контролируемый Минтрансом и Минэнерго. Безусловно, на создание нового института потребуются временные и организационные ресурсы, а также выверенный перечень приоритетных проектов, в числе которых, по нашему мнению, можно выделить следующие: строительство морского порта по перевалке сжиженного газа на Ямале, Центральной кольцевой дороги и возобновление проекта «Урал промышленный – Урал полярный», скоростные магистрали и т. д.

В конце 2012 г. была утверждена государственная программы «Развитие транспортной системы» до 2020 г., которая будет поддержана средствами из федерального бюджета. Таким образом, несмотря на политику снижения расходов, финансирование транспортных инфраструктурных проектов правительством Российской Федерации будет продолжено, при этом, основной объем финансирования будет выделен на развитие железнодорожного транспорта, который получит значительную часть ресурсов на развитие инфраструктурных проектов. Финансирование государственной программы превысит консервативный сценарий реализации транспортной стратегии.

Согласно этому сценарию, к 2020 г. протяженность российских дорог общего пользования по сравнению с 2011 г. вырастет лишь на 1%, качество региональных дорог практически не улучшится, а доля перегруженных дорог в крупных городах будет расти. По мнению экспертов, перегружены основные магистрали российских дорог, поэтому важно улучшать их безопасность и повышать комфорт, так как ограниченность ресурсов в регионах выступает риском деградации дорожной инфраструктуры (Лютова, 2014).

Правительство России планирует оказать финансовую поддержку и обеспечить доступное кредитование транспортных, энергетических и коммунальных проектов. Для этого наблюдательному совету Внешэкономбанка (ВЭБа) необходимо определять основные параметры сделок по инвестированию накоплений в инфраструктурные облигации. В настоящее время Внешэкономбанк участвует в финансировании 289 проектов стоимостью 3,9 трлн руб., большая часть из финансируемых Внешэкономбанком проектов – это инфраструктурные проекты и проекты, которые имеют стратегическое значение для инновационного развития российской экономики России.

Среди приоритетных проектов можно выделить развитие инфраструктуры Дальнего Востока и Восточной Сибири, Московский транспортный узел, сообщение в городах, где будет проведен чемпионат мира по футболу в 2018 г. и другие. Несмотря на то, что в российском законодательстве понятия «инфраструктурные облигации» пока не существует, ВЭБ инвестирует пенсионные накопления в облигации инфраструктурных компаний, имеющих госгарантии или кредитный рейтинг не ниже суверенного.

Таковыми инструментами выступают гарантированные государством облигации компаний, созданных для обеспечения финансирования следующих проектов: «Западный скоростной диаметр» и «Северо-Западная концессионная компания», облигации РЖД, «Автодора», «Водоканала».

Для усиления контроля за расходованием средств на инфраструктурные проекты Президент Российской Федерации, В.В. Путин, поручил сформировать специальную группу для осуществления контроля за ходом реализации инфраструктурных проектов. Первым проектом, финансируемым по данной схеме, является проект Московского транспортного узла (ЦКАД). Этот проект реализуется с учетом средств из фонда национального благосостояния (ФНБ).

По мнению специалистов, если проекты по развитию инфраструктуры Дальнего Востока и Восточной Сибири, реконструкции Московского транспортного узла, формированию опорной инфраструктуры для проведения чемпионат мира по футболу в 2018 г. окажутся окупаемыми, а также, если привлечь финансирование под них будут надежные эмитенты, то ВЭБ будет инвестировать в бумаги этих агентов накопления (Письменная, Биянова, 2012).

Перспектива строительства наиболее масштабного инфраструктурного проекта, железнодорожной высокоскоростной магистрали (ВСМ) «Москва – Казань» зависит от возможности возобновления устойчивого роста российской экономики. Планируется, что скоростная магистраль «Москва – Казань» пройдет по территории 7 российских регионов, при этом, время в пути должно составить около 3,5 часов при максимальной скорости движения до 400 км/час. Корпорация планируется ввести проект в эксплуатацию в 2018 г.

Выделения из фонда национального благосостояния финансирования корпорации ОАО «Российские железные дороги» на реализацию этого инфраструктурного проекта требует уточнения финансово-экономического обоснования. Пока модель финансирования еще не утверждена окончательно, так как проект является довольно масштабным.

На реализацию этого транспортного проекта в виде возвратных средств необходимо привлечь 150 млрд руб. инвестиционных ресурсов из российского фонда национального благосостояния (ФНБ) и 239 млрд руб. из Пенсионного фонда на основе использования новых инструментов – инфраструктурных облигаций. Достаточно солидную сумму (около 220 млрд руб.) должны составить кредитные ресурсы банков.

Для привлечения инвестиционных ресурсов частных инвесторов инфраструктурные проекты высокоскоростных магистралей планируется реализовать механизм финансирования на основе государственно-частного партнерства, строительство скоростных железных дорог будет финансировано за счет бюджета.

По оценкам специалистов, за счет реализации инвестиционных проектов к 2016 г. объем задолженности компании ОАО «Российские железные дороги» вырастет до 750 млрд руб. Долг/EBITDA компании останется на уровне 2,6. По сравнению с рассмотренным предыдущим вариантом инвестиционной программы корпорации, которая была разработана в 2012 г., долговая нагрузка корпорации могла составить 645 млрд руб. (долг/EBITDA – 2,2), новая программы имеет планируемую долговую нагрузку 705 млрд руб. (долг/EBITDA – 2,6), а к 2016 г. долг ОАО «Российские железные дороги» может увеличиться на 46,4 млрд руб. Для развития инвестиционных проектов ОАО «Российские железные дороги» собирается в 2014 г. привлечь на рынке 58,5 млрд руб., в 2015 г. – 15,8 млрд руб., в 2016 г. – 41,1 млрд руб.; 50 млрд руб. в 2014 г. корпорация ОАО «РЖД» планирует привлечь в качестве кредитных ресурсов у ВЭБа, разместив инфраструктурные облигации (Челпанова, 2013).

Инфраструктурные облигации могут выступить в качестве инструментов финансирования инфраструктурного проекта «Восточная Сибирь – Тихий океан» корпорации «Транснефть». Инвестиционная программа компании на 2014–2018 гг. может составить более 500 млрд руб. Необходимость привлечения средств для инвестиционных проектов из фонда национального благосостояния обосновывается тем, что привлекать новые кредиты корпорация не имеет возможности в связи со сложившейся в настоящее время высокой долговой нагрузкой. Соответственно, к размещению инфраструктурных облигаций корпорация имеет большой интерес.

Менеджмент компании объясняет сложившуюся ситуацию тем обстоятельством, что корпорации при замораживании тарифов необходимо провести расширение проекта по прокладке трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), не сокращая объемы реализации других проектов.

Другим источником финансирования инвестиционных проектов корпорации «Транснефть», по мнению специалистов, может стать тариф на прокачку нефти по ВСТО. Это направление является сверхприбыльным для предприятий данной отрасли, в связи с чем корпорация «Транснефть» считает возможным увеличить ставку тарифа на 450 руб. до 2 531 руб. за 1 т (Старинская, 2013).

Для поддержания развития модели инвестиционной экономики, необходимо обеспечить доступность кредитов для компаний разных форматов бизнеса, но, прежде всего, для развития инновационных компаний. В настоящее время, ставки по кредитам сложно сопоставить с возможной доходностью по инвестиционным проектам, поэтому крупные компании вынуждены прибегать для развития долгосрочных проектов к помощи государства.

При реализации инвестиционных программ для расширения бизнеса корпорация «Транснефть», как правило, использовала собственные средства из прибыли или привлеченные в качестве банковских кредитов ресурсы, однако, воспользоваться механизмом привлечения заемных средств в настоящее время компания не имеет финансовой возможности.

Соотношение чистого долга корпорации «Транснефть» к EBITDA составляет около 1, что позволяет, по мнению специалистов, при реализации инвестиционного проекта часть вырученных денежных средств возвращать в бюджет, а оставшиеся ресурсы инвестировать в развитие проекта (Старинская, 2013).

Проектное финансирование – это сложный процесс, который включает в себя мониторинг множества рисков, которые на стадии строительства и эксплуатации делятся между государством и бизнесом, представленным разными компаниями и организациями. Следует также отметить, что доходность инфраструктурного проекта тесным образом связана с возможностью привлечения относительно недорогих кредитных ресурсов и отлаженного механизма финансирования. Сложность механизма финансирования связана, прежде всего, с большим числом участников, многообразием технических процедур и документов. Механизм проектного финансирования формируется на условиях синдицированного кредитования на основе взаимодействия нескольких кредитных организаций. При реализации проекта особую роль играет государство, которое прямо участвует в регулировании рисков и выполняет различные обязательства при возможных дефолтах в части компенсации старших кредиторов и акционеров проектной компании.

ЛИТЕРАТУРА

- Джэйлз К. (2014). Кризис производительности поразил мировую экономику // *Vedomosti.ru*. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/21368971/krizis-proizvoditelnosti-porazil-mirovuyu-ekonomiku#ixzz2qq1XP7Ic>.
- Кувшинова О. (2013). В фокусе: Новая норма – стагнация // *Ведомости*. Приложение «Форум», от 24 декабря. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/598301/novaya-norma-stagnaciya#ixzz2qqZVKFJS>.
- Люткова М. (2014). Бюджет не сэкономит на транспорте // *Vedomosti.ru*. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/21587921/transportu-dengi-ne-pomogut#ixzz2r20BtjP3>.
- Письменная Е., Бянова Н. (2012). Дорогое ускорение // *Ведомости*. № 246(3260) С. 3 от 26 декабря. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/370021/dorogoe-uskorenie#ixzz2S3DnOmdY>.
- Старинская Г. (2013). ВСТО могут расширить за счет средств ФНБ // *Vedomosti.ru*. от 25 ноября. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/19151371/truba-blagosostoyaniya>.

REFERENCES

- Giles K.* (2014). The crisis hit the world economy performance. *Vedomosti.ru*. Available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/21368971/krizis-proizvoditelnosti-porazil-mirovuyu-ekonomiku#ixzz2qq1XP7Ic>. (In Russian.)
- Kuvshinova O.* (2013). Focus: The new standard – Stagnation. Sheets Appendix “The Forum”, on December 24. Available at: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/598301/novaya-norma-stagnaciya#ixzz2qqZVKFjS>. (In Russian.)
- Lyutova M.* (2014). The budget does not save on transport. *Vedomosti.ru*. Available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/21587921/transportu-dengi-ne-pomogut#ixzz2r20BtjP3>. (In Russian.)
- Pysmennaya E., Biyanova N.* (2012). Expensive acceleration. *Vedomosti*, № 246(3260) of 26 December. C. 3. Available at: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/370021/dorogoe_uskorenie#ixzz2S3Dn0mdY. (In Russian.)
- Starynska G.* (2013). ESPO can expand at the expense of the NWF. *Vedomosti.ru*. 25. November. Available at: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/19151371/truba-blagosostoyaniya>. (In Russian.)

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТА К ОБУЧЕНИЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

БОГДАНОВ Ю.В.,

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины»,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
филиал в г. Минеральные Воды,
e-mail: jbogdanow@rambler.ru

В статье рассмотрены проблемы качества обучения студентов в контексте актуализации личной мотивации к обучению. Акцентирована направленность мотивации на выбор определенной линии целенаправленного поведения.

Рассмотрены возможности практического применения существующих процессуальных теорий мотивации в процессе обучения студентов: теория ожидания В. Врума, теория справедливости Дж. Стэйси Адамса и расширенная модель ожидания Портера-Лоулера.

Показаны причины, по которым студенты оказываются в зоне неэффективного обучения (категория теории «X» по концепции Дугласа МакГрегора), и возможности перехода в зону эффективности (категория теории «Y»).

Предложено применение в системе высшего образования теории поставки целей.

Ключевые слова: мотивация; поведение; удовлетворение потребностей; теория ожиданий; ценность вознаграждения; справедливость; цель.

STUDENT'S MOTIVATION TO LEARNING: THEORY AND PRACTICE

BOGDANOV Y.V.,

Candidate of technical Sciences,
associate Professor of the Department of Humanitarian and socio-economic disciplines,
Rostov state University of Railways (branch in the Mineral Water),
e-mail: jbogdanow@rambler.ru

The article considers the problems of quality of education in the context of actualization of personal motivation for learning. The direction of motivation to selecting a line-oriented behavior.

Considered are the possibilities of practical application of existing procedural theories of motivation in the learning process of students: theory expectations Century Vroom, J. a theory of justice. Stacy Adams and extended model of expectations porter-Lawler.

Shows the reasons why students are in the area of inefficient training (category theory of «X» on the concept of Douglas McGregor) and transition in the area of efficiency (category theory «Y»).

It is proposed to use in the system of higher education of the theory of supply purposes.

Keywords: motivation; behavior; needs; expectations theory; the value of remuneration; justice; goal.

JEL classification: I21, I23.

В последние годы система высшего образования постоянно реформируется, однако изменения зачастую не способствуют улучшению внутреннего содержания и качества подготовки студента в конкретном вузе.

Целью данной публикации является анализ мотивации студентов к качественной учебе и возможностей применения теорий мотивации к повышению эффективности обучения.

Мотивацией к учебе мы считаем процесс побуждения студента к учебной деятельности под воздействием внутренних и внешних движущих сил.

В содержательных теориях мотивации анализируется содержание таких категорий, как потребности и вознаграждения, а также их воздействие на поведение исполнителей. В процессуальных теориях анализируется поведение людей с учетом как потребностей и вознаграждений, так и других факторов.

Простая модель мотивации включает три элемента: потребность, целенаправленное поведение, удовлетворение потребности.

Человек испытывает потребность не только в конкретных вещах (одежда, пища и пр.), но и в «неосязаемых» (признание, возможность личного роста, уважение и т. д.).

Пытаясь удовлетворить свои потребности, люди выбирают определенную линию целенаправленного поведения. Получение высшего образования представляет собой один из способов такого целенаправленного поведения.

Удовлетворение потребностей отражает позитивные ощущения человека, когда его желание выполнено. Получив положительную оценку знаний по предмету на экзамене, завершив выполнение курсового или дипломного проекта, получив благодарность преподавателя, студенты испытывают чувство удовлетворения.

Следует обратить внимание на различие уровней мотивации студента. На уровне удовлетворительного поведения он выполняет тот минимум, который устанавливается для него преподавателем (деканатом). Отсюда стремление студентов старательно балансировать между желанием минимизировать количество и качество прилагаемых усилий и желанием избежать отчисления. Такие студенты убеждены, что их нынешняя успеваемость напрямую не связана с удовлетворением их насущных потребностей. Они, как правило, не удовлетворены своей учебой, преподавателями и вузом в целом, а отсюда систематические прогулы, академические задолженности и последующее отчисление.

Однако для студентов с высоким уровнем мотивации учеба является желанной, приносящей награду и удовлетворение. Исследования показывают, что студенты обычно не работают в полную силу, а максимально выкладываться начинают лишь в том случае, если уверены, что их дополнительные усилия соответственно будут вознаграждены. В этом случае задачей преподавателя является создание студентам возможности для полноценного удовлетворения их потребностей в процессе учебы в обмен на их старание.

Содержательные теории мотивации основываются на идентификации тех внутренних побуждений (называемых потребностями), которые заставляют людей действовать так, а не иначе. Это отражено в работах А. Маслоу, Д. МакКлелланда и Ф. Херцберга (*Метелев, 2008*).

Более современные процессуальные теории мотивации основываются на том, как ведут себя люди с учетом их восприятия и сознания. Согласно теории ожиданий не только потребность является необходимым условием мотивации человека для достижения цели, но и выбранный тип поведения.

К основным процессуальным теориям относят теорию ожидания Виктора Врума, теорию справедливости Дж. Стэйси Адамса и расширенную модель ожидания Лаймана Портера и Эдварда Лоулера (*Макаров, 2012*).

В основе процессуальных теорий мотивации лежат ответы на вопросы:

- почему? возникновение целенаправленного поведения;
- куда? направление поведения;
- как? поддержка поведения;
- когда? окончание.

Определение мотивации как процесса управления выбором впервые дал Виктор Врум, и большинство современных процессуальных теорий мотивации именно так рассматривают мотивацию. По утверждению В. Врума, люди постоянно находятся в мотивированном состоянии.

Согласно **теории ожидания В. Врума**, мотивация зависит от трех факторов, которые можно представить как произведение трех сомножителей:

Мотивация = $(3-P) \times (P-B) \times (W)$,

где: $(3-P)$ – ожидания того, что усилия дадут требуемые результаты;

$(P-B)$ – ожидание определенного вознаграждения в ответ на достигнутый уровень результатов;

W – валентность – предполагаемая степень относительного удовлетворения или неудовлетворения, возникающая вследствие получения определенного вознаграждения (ожидаемая ценность вознаграждения или привлекательность перспективы).

Под ожиданием понимается личностная оценка вероятности определенного события.

Применительно к высшему образованию, наличие активной потребности не является единственным необходимым условием мотивации студента для достижения определенной цели (качественного усвоения дисциплины и специальности в целом). Студент прикладывает свои усилия на достижение этой цели лишь тогда, когда он рассчитывает с большой вероятностью удовлетворить за счет этого свои потребности или достичь цели.

Ожидания по факторам затрат усилий и результатов $(3-P)$ – это оценка вероятности достижения желаемого результата студента за счет затрат усилий. Если студент, оценивая собственные возможности, ощущает, что затрачиваемые им усилия с малой вероятностью обеспечат требуемый результат, то, согласно модели ожиданий, мотивация будет ослаблена. Чем сильнее ожидание, что потраченные усилия дадут желаемый результат, тем больше вероятность, что студент добросовестно и качественно выполнит поставленную перед ним задачу (выполнит курсовую ра-

боту, подготовит выступление на научную конференцию и пр.). Ожидания по факторам затрат усилий и результатов (З-Р) зависят от оценки студентом своей базовой подготовки, способности к обучению, уверенности в поддержке со стороны преподавателя.

Ожидания по факторам результата-вознаграждения (Р-В) характеризуется оценкой вероятности получения определенного вознаграждения или поощрения за достигнутый результат. Мотивация деятельности зависит от ощущений связи между достигнутыми результатами и желаемым поощрением.

При определении ожидания по факторам результата-вознаграждения студенты должны быть уверены в том, что они получают обещанное преподавателем вознаграждение, при этом важную роль играет несколько факторов. Во-первых, уверенность будет расти, если обещания преподавателя ясны и определены (например, четко сформулированы требования, выполнение которых позволяет студенту получить зачет «автоматом»). Преподаватель должен быть конкретен при формулировке своих обещаний и условий, которые затрагивают их. Во-вторых, уверенность растёт, если студент знает, что преподаватель действительно обладает полномочиями по обеспечению желаемого вознаграждения. С этой точки зрения следует помнить, что действия преподавателей по созданию, защите и улучшению своих репутации и имиджа невероятно важны для достижения успеха в мотивировании студентов. В-третьих, преподаватель (и любой сотрудник вуза) обязан выполнять ранее оговоренные обещания.

Ожидания ценности вознаграждения (валентности) – важнейший элемент рассматриваемой модели мотивации. Валентность вознаграждения может быть в диапазоне от абсолютно положительной (+1.00) до абсолютно отрицательной (–1.00). Таким образом, валентность характеризует степень относительного удовлетворения или неудовлетворения, возникающих вследствие получения определенного вида и количества вознаграждения (поощрения за достигнутый результат). Ценность вознаграждения, являясь наиболее важным элементом теории мотивации, к сожалению, не всегда учитывается преподавателями.

Следует отметить, что все вышесказанное относится, в первую очередь, к действиям со стороны преподавателя для мотивации качественного изучения студентом дисциплины. Собственно мотивация студента к качественному усвоению всей образовательной программы принципиально отличается.

При определении ожидания по факторам затрат усилий и результатов (З-Р) студент пытается оценить, какова вероятность того, что он сможет в течении 5 лет обучения обеспечивать нужный результат. При этом он оценивает не только свои умственные усилия, но и финансовые (стоимость обучения постоянно растёт), а также факторы внешней среды (например, возможная отмена отсрочки от армии) и т. д.

Ожидания в отношении фактора «результаты-вознаграждение» также не столь однозначны. Ведь вознаграждение – не только вручение диплома о высшем образовании, вознаграждением может быть и направление в аспирантуру по результатам обучения в институте, и помощь со стороны вуза в трудоустройстве и пр. Так, низкая оценка студентом вероятности связи хорошей успеваемости и гарантий трудоустройства оказывает существенное демотивирующее влияние на обучение. Следовательно, вузу надо увязать гарантии трудоустройства студентов с уровнем полученных знаний (характеризуемых оценками).

Даже если студенты уверены в том, что они могут выполнить учебный план и получают обещанное им вознаграждение (диплом, знания, трудоустройство), они все равно задают себе достаточно трудный вопрос: «Получив диплом, смогу ли я с его помощью удовлетворить свои потребности?» Согласно теории ожидания, ответ на вопрос заключается в измерении ценности вознаграждения. Таким образом, вознаграждением за хорошую успеваемость может стать привлекательность перспективы (хорошо оплачиваемая работа, возможность карьерного роста, социальный статус и т. п.). К сожалению, ответ на этот вопрос находится за пределом вуза и определяется сложившейся в стране социально-экономической системой.

Согласно *теории справедливости* люди субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и затем соотносят его с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу. В соответствии с этим, на наш взгляд, 5-балльная шкала не позволяет дифференцированно справедливо отразить оценку вознаграждения студента. Несмотря на трудоемкость, накопительная рейтинговая система повышает уровень мотивации студента, объективно отражая обязательность выполнения ряда задач всеми студентами и их итоговую оценку как вознаграждение затраченных усилий.

Также, в соответствии с данной теорией, студенты, имеющие лучшую успеваемость, должны иметь лучшую перспективу (поощрения, трудоустройство, карьеру).

Комплексная процессуальная теория мотивации Портера-Лоулера включает элементы теории ожидания и теории справедливости.

На рис. 1 показан интегрированный подход, который называется «расширенной моделью ожидания», в рамках которого рассматривается взаимосвязь между выполнением работы и полученным удовлетворением.

Уровень затрачиваемых усилий студента зависит от ценности вознаграждения и веры в то, что изменение затрат усилий связано с возможным вознаграждением. Результаты, достигнутые студентом в учебе, зависят от трех факторов: затраченных усилий, способностей и навыков студента, а также восприятия им своей роли. Способности и навыки студента определяются как базовой подготовкой в школе, так и качеством преподавания и квалификацией профессорско-преподавательского состава вуза. Восприятие им своей роли а значительной мере формируется оценкой значимости роли студента (или конкретной профессии) со стороны общества. Гораздо сложнее обстоит дело с третьим фактором – затраченными усилиями.

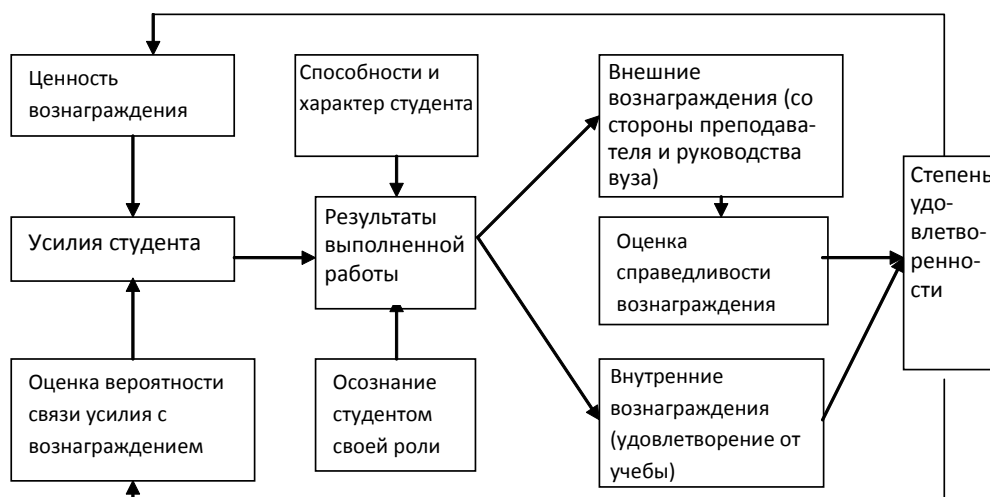

Рис. 1. Расширенная модель ожидания

Достижение студентом определенного уровня результативности приводит к появлению внутренних и внешних вознаграждений. Внутреннее вознаграждение заключено в самом учебном процессе. Например, признание его научного авторитета или чувство выполненного долга перед родителями, оплатившим учебу. Внешнее вознаграждение предлагается вузом и является прямым следствием выполнения студентом поставленной перед ними задачи (грамота, стипендия, помощь в трудоустройстве). Степень относительного удовлетворения или неудовлетворения, возникающая вследствие получения внешних и внутренних вознаграждений с учетом их справедливости характеризует совокупную ценность вознаграждений на самом деле.

Если комбинации этих двух типов вознаграждения воспринимаются студентом адекватной затраченным им усилиям, она переходит в чувство удовлетворения. В противном случае студент уменьшает затраченные усилия или ищет другие варианты получения искомого вознаграждения (не через учебу). Используя приобретенный опыт, студент регулярно корректирует свои будущие действия.

В завершение рассмотрим параллельную теорию мотивации – концепцию Дугласа МакГрегора (Виханский, Наумов, 2008). Эта концепция включает две противоположные (параллельные) теории: теорию «Х» и теорию «У».

Теория «Х» во многом отражает подход большинства российских преподавателей к студентам:

- средний студент стремится избегать учебы;
- студенты не очень честолюбивы, боятся ответственности и хотят, чтобы ими руководили;
- для достижения качественного обучения надо принуждать студентов учиться под угрозой санкций;
- строгое руководство и контроль являются главными методами управления в вузе.

Вывод теории «Х» таков: в учебной деятельности преподавателя (сотрудника деканата) должна преобладать негативная мотивация, основанная на страхе наказания.

Теория «У» строится на противоположных принципах:

- нежелание учиться – это не врожденное качество российского студента, а следствие плохих условий, которые подавляют естественное желание студента к получению знаний;
- при благоприятном, успешном опыте студенты стремятся брать на себя ответственность;
- приобщение является функцией вознаграждения, связанного с достижением цели студента и вуза;
- при наличии соответствующих условий студенты формируют в себе самодисциплину и самоконтроль;
- интеллектуальный потенциал студентов выше, чем принято считать.

Вывод теории «У»: необходимо предоставлять студентам больше свободы для проявления самостоятельности и творчества.

«ХУ-теорию» необходимо использовать, учитывая конкретное состояние уровня сознания и мотивации студентов. Руководители вуза и преподаватели совместно должны стремиться развивать студенческую группу, если она недостаточно мотивирована, из зоны неэффективного обучения «Х» к ситуации эффективности «У».

В этой связи следует задуматься о применении в системе высшего образования теории постановки целей: в основе определения поведения человека лежат осознанные цели и намерения. Необходимо помочь студенту сформулировать количественные и качественные целевые показатели, которые он должен достичь за определенный промежуток времени (учебный год).

Важно помнить, что уровень исполнения поставленных задач зависит от 4-х характеристик целей:

- сложность (зависит от уровня подготовки студента на текущий момент);
- специфичность (образование);
- приемлемость (со стороны студента и преподавателя);
- приверженность (осознанное понимание важности достижения целей).

Нами предлагается использовать опыт применения данной теории на ведущих промышленных предприятиях в практике вуза по следующему алгоритму:

1. Определение целей для учебной группы (средний балл успеваемости, количественные показатели научной и общественной работы и пр.).
2. Определение индивидуальных целей студента (по аналогии с группой).
3. Осуществление совместных действий студента, преподавателя и администрации (деканата) по достижению индивидуальных целей.
4. Подведение итогов. Определение вознаграждения за достигнутые результаты. Удовлетворенность результатом.

Главным итогом вышесказанного является то, что реформа образования, сколь бы гениальной она ни казалась, не решит проблему качества образования, пока не будет в полную силу работать механизм мотивации студентов к получению качественных знаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Виханский О.С., Наумов А.И.* (2008). Менеджмент: учебник. 4-е изд, перераб и доп. М.: Экономистъ.
- Макаров В.М.* (2012). Теория менеджмента. СПб.: Изд-во Политехн. университета.
- Метелев С.Е.* (2008). Менеджмент: теория и практика: монография / С.Е. Метелев, Н.К. Иванкин, А.Д. Космин; федер. агентство по обр., РГТЭУ, Омский ин-т (филиал). Омск: Экономик.

REFERENCES

- Makarov V.M.* (2012). Management Theory. SPb. (In Russian.)
- Metlev S.E.* (2008). Management: theory and practice: monograph. S.E. Metlev, N.K. Ivankin, A.D. Kosmin; Feder. Agency arr., RGTEU, Omsk Institute (branch). Omsk: Economics. (In Russian.)
- Vihansky O.S., Naumov A.I.* (2008). Management: textbook. 4-th edition, revised and additional. Moscow. Economist. (In Russian.)

ЭФФЕКТИВНАЯ ДИНАМИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ – БАЗОВЫЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

ГОРБУНОВ А.П.,

кандидат исторических наук, профессор,
Пятигорский лингвистический университет, г. Пятигорск,
e-mail: info@pglu.ru

Современная экономика характеризуется нарастанием системного давления императивов трех объективных тенденций: инновационности, конкурентности и глобализации, которые охватывают практически все уровни и сферы национального производства. Это означает, что эффективное развитие экономики каждой страны определяется мерой одновременной реализации императивов названных тенденций и максимальной реализации их потенциала. При этом все отмеченные доминирующие тенденции в качестве интегрированной основы имеют общую субстанцию – генерирование нового знания, его производственного освоения и масштабного распространения.

Ключевые слова: высшая школа России; инновационная экономика; факторы инновационной динамики российской экономики; эффективность нового знания.

EFFICIENT DYNAMICS OF HIGH SCHOOL – BASIC FACTOR OF INNOVATION TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

GORBUNOV A.P.,

PhD, Professor,
Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk,
e-mail: info@pglu.ru

Modern economies are characterized is buildup of pressure systems dark three imperatives of objective tendencies ion: innovation, competitiveness and globalization, which cover almost all levels and all areas of the national production. This means that the effective development of the economy of each country is determined by the measure of one of the imperatives of time mentioned trend and implications maximize their potential. In this case, all marked with the dominant trends in an integrated framework are common substance – the generation of new knowledge, its development and production of large-scale distribution.

Keywords: School Russia; innovative economy; factors of innovation dynamics of the Russian economy; the effectiveness of new knowledge.

JEL classification: I23, I28.

В методологическом аспекте промышленный способ генерирования нового знания означает, что главным стратегическим инструментом реализации инновационного, конкурентного и глобализационного векторов национальной динамики может стать только такой сектор общественного производства, который необходимо включает все три стадии инновационного алгоритма, т. е. сектор, который способен обеспечить производство, освоение и использование нового знания. Этот сектор в современной экономике представлен сферой высшей школы, – единственной сферой, механизм функционирования которой объективно включает генерирование, распространение и применение нового знания. Отмеченные экономические перемены приобрели не только структурные производственные изменения, но и – что еще важнее – необратимые социальные последствия, что качественно меняет направленность и методологию разработки современного актуального экономического знания. И объясняется это тем, что осознание и рационализация происходящих перемен всегда осуществляется со значительным временным лагом.

Вместе с тем, следует осознавать, что значимость высшей школы в функции инновационного фактора динамики российской экономики во многом зависит от того, насколько сама отечественная экономика подготовлена к восприятию инновационных импульсов, идущих от высшей школы. В частности, такие импульсы должны быть подкреплены требованием соответствующих навыков на рынке труда; способностью адаптировать глобальные знания к отечественному состоянию производства, возможностями реализации современных тенденций в области информационно-коммуникативных технологий.

В настоящее время сформировалось функциональное взаимодействие между уровнем образования, качеством производительности труда и ростом национального дохода – как прямой зависимостью между этими тремя параметрами, в основе которой находится именно уровень массового образования. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «в системе российского образования сложилась следующая ситуация: а) система образования по инерции ориентирована на подготовку кадров для полномасштабной индустриальной экономики с полным набором инженерно-технических специальностей; б) установки «модернизаторов образования» замкнуты на идею интеграции в западные образовательные форматы; в) система подготовки управленческих кадров фактически разрушена и вытеснена импортом образовательных услуг» (Ефимов, Лаптева, 2010. С. 10).

Уже с момента первого промышленного переворота высшее образование выступало в качестве дополнительного средства ускорения экономического роста и преодоления бедности, но только в наше время, в период инновационного развития экономики, оно из дополнительного превратилось в доминирующий фактор такого развития.

Российское общество постепенно перешагивало пороговые уровни доступности образования: сначала – всеобщее начальное, позже – неполное среднее, затем – полное среднее и, наконец, мы стоим на пороге всеобщего высшего. При этом в силу ряда конъюнктурных финансовых затруднений может сложиться иллюзия допустимости краткосрочного сокращения параметров высшей национальной школы. Но это как раз и может оказаться тем краткосрочным сокращением, которое будет иметь долгосрочные роковые последствия. И хотя опыт многих стран доказал, что начальное и среднее образование важнее, чем высшее, для сокращения бедности, высшее образование имеет приоритет для роста конкурентоспособности национальной экономики в условиях ее глобализации.

Высшее образование обеспечивается двумя, во многом альтернативными, экономическими формами – государственной и частной высшей школой. При этом эффективность национальной высшей школы в целом во многом зависит от оптимальной специализации каждой: для нужд народного хозяйства – государственные вузы, для инновационно-исследовательских целей – частные.

Высококвалифицированную рабочую силу, то, что в современной экономической теории принято обозначать категорией «человеческий капитал», непосредственно производит только высшая школа. Требования к человеческому капиталу со стороны глобальной экономики, рост конкуренции и практические потребности производства создают напряженность между традиционными установками университетского образования (осуществлять подготовку широко образованных выпускников, ориентированных на исследовательскую работу) и современной трактовкой функции университетского образования (как сферы подготовки молодых специалистов, предоставляя им те необходимые навыки, опыт и знания, которые могут быть применены в сфере производства и бизнеса). В то время как традиционалисты рассматривают университеты как генератор и проводник фундаментальных знаний, антитрадиционалисты выступают за более прикладной, утилитарный подход к получению и распространению знаний. Однако практика показывает необходимость компромисса, сосуществования названных подходов.

Одновременно все большее распространение получает позиция, согласно которой современный университет есть некое «бизнес-предприятие» по производству и распространению знаний, аналогичное любому другому типу бизнеса по основным принципам организации и управления. В современном обществе университеты содействуют экономическому росту на основе научных и технологических исследований, что привело к появлению новых отраслей и секторов экономики.

Тем не менее, в научной литературе функциональный статус высшей школы как базового инновационного фактора социально-экономической трансформации остается в центре теоретических поисков, актуальность которых усилена реальным становлением «экономики знаний». Анализируя современные концепции производства знаний, М.В. Федоров, Э.В. Пешина, отмечают, что «формирование экономики, основанной на знаниях, на современном этапе общественного развития является определяющей международной концепцией, согласно которой знания играют первостепенную роль, а их производство становится источником экономического роста и конкурентоспособности» (Федоров, Пешина, 2012. С. 6).

Сегодня теоретическая трактовка и прикладной прогноз динамики инновационной роли высшей школы вошли в число остродискуссионных проблем современной мировой и российской экономической науки, поскольку фактически речь идет о стратегических ресурсах страны в период глобализации ее национальной экономики. Однако разработка концептуального подхода, отражающего специфику современной российской высшей школы именно в статусе базового фактора инновационной трансформации российской экономики по-прежнему сохраняет свою не только теоретическую, но и практическую значимость, требуя выявления сущности и особенностей эффективной динамики высшей школы.

В своем анализе мы исходим из следующих посылок:

- в современную эпоху высшая школа является элементом общественного воспроизводства, реализующим определенные фазы воспроизводственного процесса посредством интеграции «науки – образования – производства» и маркетинга интеллектуального продукта в организационно-управленческой структуре университета;

- инновационная динамика высшей школы обладает признаками специфического экономического отношения, исторический генезис которого определяет становления отношений менеджмента в высшей школе России, а также роль и значение межвузовской коммуникации в свете концепции менеджмента как экономического отношения;
- реализация инновационно-факторного потенциала российской высшей школы предполагает продуктивную интеграцию менеджмента, коммуникации, риторики и лингвистики, снятие противоречий развития отношений менеджмента в системе российской высшей школы, совершенствование организационно-методических основ подготовки специалистов управления;
- инновационное управление вузами выступает средством достижения нового качества вуза в виде становления «креативно-инновационного» университета как адекватного ответа на вызовы новой эпохи и конкурентоспособного в мировом образовательном и научном пространстве постиндустриального общества;
- инновационные ориентиры деятельности современного российского вуза требуют развития его коммуникативно-познавательных функций, решения локальных проблем развития экспорта образовательных услуг и формирования иных необходимых условий инновационной перестройки северокавказской высшей школы.

В условиях инновационного обновления российской экономики эффективная динамика отечественной высшей школы превращается в базовый фактор соответствующей трансформации, поскольку императивы отмеченной динамики приобретают статус системных векторов развития национальной макроэкономики; реализация названных императивов образует содержание процесса инновационной трансформации российской экономики. Практическая значимость этого теоретического вывода состоит в том, что в подобной ситуации исходные посылки инновационной экономической политики представлены требованиями эффективной динамики российской высшей школы и должны содержать программу их приоритетной реализации.

Развитие современной экономической теории требует адекватного отражения кардинального изменения положения высшей школы в пофазном механизме воспроизводственной системы, в границах которого высшая школа теперь перемещается на позиции особой «предпроизводственной» фазы; теоретическая характеристика предпроизводственной фазы составляет фундаментальную основу формирования концепции современной высшей школы. В практическом аспекте такая теоретическая характеристика воспроизводственного позиционирования высшей школы служит основанием для расширенной статистической трактовки границ сферы производства, оптимизации структуры общественного разделения труда и включения сферы высшего образования в экономические основы материальной жизнедеятельности общества.

Исходный (предпроизводственный) статус высшей школы означает, что она же выступает и конечной стадией воспроизводственного процесса, что подчиняет потребностям развития высшей школы содержание процесса общественного воспроизводства, порождая адекватные цели национальной экономики и соответствующие критерии их достижения. В практическом аспекте такая теоретическая характеристика воспроизводственного позиционирования высшей школы служит основанием для расширенной статистической трактовки границ сферы производства, для оптимизации структуры общественного разделения труда и включения сферы высшего образования в экономические основы материальной жизнедеятельности общества.

Система интеграции «наука – образование – производство» выступает как необходимое инструментальное условие маркетинга создаваемого высшей школой интеллектуального продукта, инновационная природа которого требует соответствующей инновационной трансформации всей «цепочки» воспроизводственного движения экономики. Практическая значимость этого теоретического вывода состоит в возможности разработки алгоритма маркетингового цикла движения инновационного продукта высшей школы. Как подчеркивает А.Г. Санина, «задачи обеспечения инновационного развития экономики и формирования общества, основанного на знаниях, требуют изучения взаимодействия между различными институтами в сферах науки, образования и производства. Интегративное взаимодействие таких институтов дает мультипликативный эффект, как о том свидетельствует, в частности, опыт Китая, Израиля и Финляндии, где стимулирование развития небольших инновационных предприятий при поддержке государства стало одним из факторов экономического роста» (Санина, 2010. С. 122).

В экономике знания инновационная динамика высшей школы концентрированно моделирует перспективные направления и механизм последующей инновационной динамики всего отечественного производства; на этой основе приоритетные объекты научного внимания высшей школы трансформируются в приоритетные векторы динамики национальной экономики. При таком подходе исторический генезис инновационной динамики как экономического отношения предстает в виде субординированной системы хозяйственных связей между «допроизводственными» и «производственными» субъектами экономики.

Перемещение высшей школы на позиции допроизводственной фазы воспроизводственного механизма приводит к тому, что специфическая организация управленческой деятельности в инновационно-организованной системе высшей школы становится общепринятой организацией управления в инновационных секторах реальной экономики. Практическая значимость этого вывода состоит в необходимости создания «передающего» звена в организационно-управленческом механизме от высшей школы к первичным производственным звеньям инновационных отраслей народного хозяйства.

Объективным следствием превращения высшей школы в базовый инновационный фактор российской социально-экономической трансформации является возникновение новой стадии в развитии отношений внутривузовского ме-

неджмента – в виде обособления управленческой деятельности административного аппарата российских вузов в особую сферу профессиональной активности. Этот теоретический вывод фиксирует происходящую в настоящее время специализацию научной, преподавательской и управленческой видов деятельности в структуре российской высшей школы.

Формирование, развитие и реализация креативного потенциала российской высшей школы невозможно без реального перехода от традиционного университета – к инновационному типу университета, конкурентоспособного в мировом образовательном и научном пространстве постиндустриального общества. В практическом аспекте это означает, что отличительной особенностью креативного инновационного университета является его функционирование на основе эффективного управления интеллектуальной собственностью, к чему в перспективе сведется функционирование предприятий инновационных секторов российской экономики. Поэтому, как подчеркивает Г.А. Ключарев, «выживут» и твердо встанут на ноги «инновационные возмутители» – те учебные заведения, которые сумеют освоить новые, во многом нетрадиционные для классических университетов области образовательных услуг (Ключарев, 2011. С. 72).

Развитие национальной высшей школы происходит под воздействием демографических, финансовых, правовых и политических факторов, каждый из которых реализует специфический вектор влияния, подчас противоречащий векторам влияния других факторов; в этой ситуации трансформация российской экономики в «экономику знания» будет происходить по мере реализации программных целей российской высшей школы. В практическом аспекте это требует: усиления разнообразия форм экономико-правовой организации высших учебных заведений и программ обучения; открытости вузов как условия адаптации университетов к окружающей их социально-экономической среде; повышения мобильности преподавателей и студентов; формирования механизма реальной конкуренции между университетами; эффективного использования образовательных ресурсов в экономике; отражения высшей школой потребностей рынка труда.

Основу инновационно-организованного получения высшего образования составляет повузовская дифференциация требований стандартов образования по специальностям с учетом реального научно-преподавательского потенциала данного университета. Основу инновационно-организованного получения высшего образования составляет повузовская дифференциация требований стандартов образования по специальностям с учетом реального научно-преподавательского потенциала данного университета, что, с одной стороны, соответствовало бы многообразию образовательных устремлений различных групп абитуриентов, а с другой, – повысило бы инициативу и ответственность выпускающего вуза.

Ускорению динамики высшей школы будет служить целенаправленное определение каждым вузом оптимального для него баланса (пропорции) между научной и преподавательской сферами, со всеми вытекающими отсюда финансовыми, организационно-правовыми и иными (аккредитационными) последствиями. Следовательно, изучение этого процесса позволит разграничить группу преимущественно бюджетных учебных университетов и группу преимущественно коммерческих исследовательских университетов; минимизация числа исследовательских вузов будет способствовать эффективному использованию материальных и финансовых ресурсов всей высшей школы, а также стимулировать межуниверситетское сотрудничество и кооперирование. Общая тенденция в российском высшем образовании такова, отмечается в публикации российских исследователей проблем высшей школы, что за счет укрупнений и соединений число университетов и институтов, подведомственных министерству образования и науки РФ, будет сокращено до 250–300. И процесс этот в первую очередь затронет вузы, созданные в советское время под решение конкретных задач государства и после смены экономической модели оказавшиеся в тяжелом положении (Абанкина, Абанкина, Филатова, Николаенко, 2012. С. 104).

Системная реализация потенциала эффективной динамики высшей школы как инновационного фактора трансформации российской экономики позволяет предложить следующие практические рекомендации:

- предусмотреть переход к формированию общероссийского рынка образовательных услуг, предусмотрев в нем наличие сектора экспорта и сектора импорта такого рода услуг на всех уровнях образования;
- перейти к массовому представлению грантов для получения высшего образования по актуальным для общества направлениям высшего профессионального образования;
- заменить господствующий сегодня механизм фиксированного субсидирования вуза новым механизмом его финансирования за счет образовательного гранта, прошедшего региональную и отраслевую экспертную оценку;
- ускорить создание единого общероссийского пространства высшего образования, подобно тому, как в стране создается единое экономическое (рыночное) пространство;
- расширить диапазон университетской автономии посредством перехода к академическому самоуправлению;
- осуществлять многомерный рейтинг университетов, дифференцированный по отдельным специальностям и курсам, рассматривая его как инструмент подготовки к участию в мировых рейтингах и как навигационный инструмент для абитуриентов России и зарубежья;
- наращивать антикризисный потенциал высшей школы как доминантный элемент макроэкономического регулирования российской экономики знания;
- перейти к созданию региональных образовательных кластеров на базе организации «зонтичной» структуры территориального строения высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абанкина И.В., Абанкина Т.В., Филатова Л.М., Николаенко Е.А. (2012). Тенденции изменения общественного спроса на высшее образование в современной России // *Вопросы образования*. № 3. С. 88–112.
- Ефимов В.С., Лаптева А.В. (2010). Высшее образование в России: вызовы XXI века // *Университетское управление*. № 4. С. 6–17.
- Ключарев Г.А. (2011). Частное высшее образование: инновационный потенциал и инвестиционная привлекательность // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 9. № 1. С. 71–80.
- Санина А.Г. (2010). Условия интеграции науки, образования и бизнеса в современной России // *Социологические исследования*. № 7. С. 122–129.
- Федоров М.В., Пешина Э.В. (2012). Современные концепции производства знаний // *Университетское образование*. № 3. С. 6–12.

REFERENCES

- Abankina I.V., Abankina T.V., Filatova L.M., Nikolaenko E.A. (2012). Trends in social demand for higher education in contemporary Russia. *Problems of Education*, no. 3, pp. 88–112. (In Russian.)
- Efimov V., Lapteva A. (2010). Higher education in Russia: Challenges of the XXI century. *University Management*, no. 4. P. 6–17. (In Russian.)
- Fedorov M.V., Peshina E.V. (2012). Modern concepts of knowledge production. *University education*, no. 3, pp. 6–12. (In Russian.)
- Klyucharyov G.A. (2011). Private higher education: innovative potential and investment attractiveness. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no. 1, pp. 71–80. (In Russian.)
- Sanina A.G. (2010). Terms of integration of science, education and business in modern Russia. *Case Studies*, no. 7, pp. 122–129. (In Russian.)

РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОТЧЕТНОСТИ КАФЕДРЫ ВУЗА НА ОСНОВЕ ОНТОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТА СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

ПОЛУБОЯРОВ В.В.,

кандидат технических наук, доцент, начальник Управления информатизации и телекоммуникаций, доцент
кафедры информационных систем и компьютерного моделирования,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
e-mail: vvp@volsu.ru

На основе анализа проблематики построения информационной системы планирования и отчетности кафедры как элемента системы стратегического управления вузом предложен подход к ее построению как композитного решения. Обосновано использование управляемого онтологией подхода к разработке подобных систем. Приведено описание процесса разработки онтологии предметной области «Планирование и отчетность кафедры».

Ключевые слова: стратегическое управление образовательной организацией; система поддержки принятия решений; управляемая онтологией разработка программного обеспечения; планирование и отчетность кафедры.

DEVELOPING INFORMATIONAL SYSTEM OF UNIVERSITY CHAIR PLANNING AND REPORTING ON THE BASIS OF ONTOLOGY AS A TOOL OF EDUCATIONAL INSTITUTION STRATEGIC MANAGEMENT

POLUBOYAROV V.V.,

Candidate of Technical Sciences, Head of IT Department,
Associate Professor of Informational Systems and Computer Simulation Chair,
Volgograd State University, Volgograd,
e-mail: vvp@volsu.ru

The author suggests approaching to the construction of information system of chair planning and reporting as an element as a strategic management system of higher education institution as a composite solution. He justifies applying ontology driven approach to construction of this type of systems and describes the process of ontology development of "Chair Planning and Reporting" subject field.

Keywords: strategic management of educational institution; decision support system; ontology driven software design; chair planning and reporting.

JEL classification: I20, I22, I23, I28.

Усиление конкуренции на рынке высшего образования, глобализация, повышение мобильности в сфере высшего образования, сетевое взаимодействие образовательных учреждений, изменения нормативной базы и организационно-правовых форм, внедрение механизмов взаимодействия образовательных учреждений и объединений работодателей свидетельствуют о высоком динамизме окружения, в котором функционирует современный вуз. Необходимость быстро реагировать на социально-экономические изменения в окружающей среде привела к не-

обходимости внедрения в управленческую практику образовательных учреждений автоматизированных элементов системы стратегического управления: миссии, видения, стратегических целей, стратегии и пр. Многие российские вузы внедряют в свою деятельность стратегическое управление, основанное на широкомасштабной информатизации деятельности, процессов и структур, что обуславливает конкурентоспособность и потребительскую привлекательность организации в долгосрочном периоде.

В современных условиях важно не только достоверно оценить качественную составляющую деятельности образовательного учреждения в текущем времени, на различных уровнях управления, но и надежно спрогнозировать уровень и развитие организации в будущих периодах. Это актуализирует точную идентификацию системы характеризующих образовательное учреждение в целом и его базовых подразделений показателей, разработку применяемого для их оценки методологического инструментария и моделирование действенной системы управления образовательным учреждением.

Процессный подход к изучению деятельности подобной сложной системы предполагает создание системы контроля ее параметров. Любой процесс можно характеризовать рядом показателей, наблюдение за которыми обеспечивает возможность управления процессом. Эти показатели должны определять как предметное существо процесса, так и используемые ресурсы. В самом общем виде основу системы мониторинга показателей (первичных или агрегированных) – системного и регулярного наблюдения за процессами – составляют (Пузанков, 2004. С. 51–52):

- номенклатура источников первичной информации;
- система первичных показателей;
- регламент сбора информации;
- система проверки достоверности представляемой информации;
- система обработки информации (весовые коэффициенты и дальнейшее агрегирование);
- требования к анализу показателей и вид итоговой информации.

Система оценки деятельности базовых структурных подразделений – кафедр – предназначена для выявления потребляемых ресурсов и эффективности функционирования этих подразделений. Эта система должна включать ряд показателей, разработанных на основе анализа различных данных, которые используются для внешней оценки деятельности вуза (статистическая отчетность, показатели рейтинга и аккредитации), и набор внутренних показателей, ориентированных на оценку деятельности кафедр.

Методика оценки деятельности кафедры во многом определяется целью такой оценки. Для Волгоградского государственного университета эта цель заключается в повышении конкурентоспособности, внешней оценки университета в целом, а также для информационной поддержки процесса стратегического управления и будущего перехода на оплату труда профессорско-преподавательского состава с использованием эффективных контрактов. Поэтому показатели деятельности кафедры должны быть представлены как значимые с точки зрения аккредитационных показателей и характеризующие текущие приоритеты вуза и его стратегические цели.

К оценке деятельности учебных подразделений предъявляется ряд требований (Архипова, 2012. С. 81–82):

- комплексность оценки – достаточное количество показателей;
- минимальная сложность сбора и первичной обработки информации;
- простота расчета показателей;
- открытость расчета – возможность многоуровневого контроля достоверности информации;
- наращивание системы оценок – добавление и удаление показателей;
- возможность реализации процедуры оценки с помощью информационной системы.

В Волгоградском государственном университете в качестве групп показателей отчетности кафедр выбраны следующие:

- 1) кадровое обеспечение;
- 2) основные образовательные программы;
- 3) аспирантура;
- 4) докторантура;
- 5) научно-исследовательская работа;
- 6) научно-методическая работа;
- 7) основные научные направления (научные школы);
- 8) обеспеченность образовательного процесса кадрами, информационными ресурсами и учебно-методической документацией;
- 9) воспитательная и социальная деятельность.

Общее количество показателей в системе планирования и отчетности кафедры в настоящее время составляет 58.

Одной из ключевых задач при внедрении системы планирования и отчетности является повышение достоверности данных. В качестве решения этой задачи в ВолГУ осуществляется постепенный переход от непосредственного заполнения значений показателей отчетов кафедрами к учету результатов деятельности кафедры профильными подразделениями по направлениям деятельности. В последнем случае результаты деятельности кафедры отражаются в отчете автоматически. В качестве профильных подразделений, предоставляющих сведения для соответствующих разделов отчетов кафедр, выступают Управление кадров (п. 1), Учебно-методическое управление (пп. 2,8), Управление науки и подготовки научных кадров (пп. 3–6), Управление международного сотрудничества (п. 8), Управление учебно-воспитательной работы (п. 9). В настоящее время реализован централизованный учет значительной доли

показателей. Часть этих показателей автоматически попадает в отчет кафедры, в частности – сведения об основных образовательных программах, по которым кафедра является выпускающей (включая количество обучающихся по этим программам), грантовой деятельности (тематика, исполнители, суммы), а также деятельности по заключению договоров на прохождение практики студентами и трудоустройство выпускников. Другая часть показателей, по которым организован централизованный учет, планируется к включению в отчет кафедры за 2014 г., например, сведения об учебных и научных публикациях сотрудников кафедры (рис. 1).

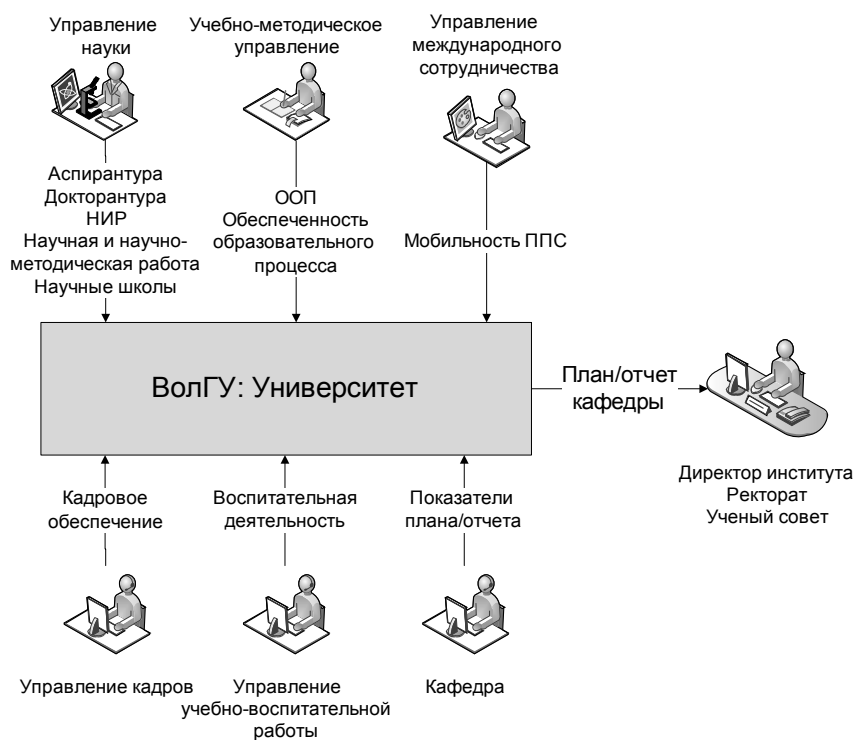

Рис. 1. Реализованная в ВолГУ система централизованного учета показателей отчетов кафедр

Ведение подобного учета и создание систем планирования и отчетности невозможно без применения информационных технологий. Как правило, система планирования и отчетности является компонентом комплексной информационной системы управления. Комплексная информационная система стратегического университетского управления представляет собой информационно-коммуникационное решение, построенное на основе систем управления эффективностью и систем бизнес-интеллекта, с учетом особенностей процессов стратегического управления в университетах. В качестве основных элементов (подсистем) такой информационной системы можно выделить:

- подсистему мониторинга и поддержки принятия решений;
- подсистему управления по ключевым показателям;
- подсистему планирования и бюджетирования.

Подсистема мониторинга и поддержки принятия решений служит для осуществления регулярного процесса сбора, структурирования и обобщения информации, необходимой для анализа и принятия управленческих решений. В системе стратегического университетского управления мониторинг необходим для внешнего и внутреннего анализа, т. е. анализа как внешней среды, так и самого университета. Мониторинг также служит для контроля реализации намеченных стратегических планов и достижения поставленных целей. Все это необходимо для формирования прогнозов, позиционирования университета во внешней среде, оценки (а в случае необходимости – и переоценки) целевых показателей и планов, и на этой основе – для формирования направлений дальнейшего развития (Исаев, 2010. С. 38).

Отсутствие готовых решений в области поддержки принятия решений при стратегическом управлении образовательным учреждением, а также наличие уже внедренных учетных систем обуславливают необходимость построения индивидуального композитного решения для каждой конкретной образовательной организации. В данных условиях перспективным представляется использование онтологического подхода к разработке информационной аналитической системы стратегического управления образовательной организацией. В данном случае онтология будет использоваться для формирования и фиксации общего разделяемого всеми экспертами знания о предметной области, ее явной концептуализации, позволяющей описывать семантику данных, обеспечения возможности повторного использования знаний, интеграции и совместного использования разнородных данных и знаний в рамках одной системы, обеспечения лучшего понимания предметной области пользователями системы (Полубояров, Чернавин, Вуйлов, 2013. С. 87).

В качестве методологии разработки использовался подход SABO (Systematic Approach for Building Ontologies) (Falbo R. de A, 1998. P. 352–356), согласно которому пройдены следующие этапы:

1. Идентификация цели: целями разрабатываемой онтологии является интеграция информации, используемой разными приложениями, и улучшение коммуникаций между сотрудниками организации.
2. Спецификация требований: онтология должна отражать структуру объектов предметной области, участвующих в процессе планирования и отчетности деятельности кафедр.
3. Идентификация и структурирование терминов. В качестве ключевых концепций предметной области были выделены: «Организация», «Деятельность», «Обеспечение» и «Классификатор».
4. Формализация онтологии. Для формального описания онтологии использован язык дескриптивной логики OWL DL (Krotzsch, 2007. P. 259), в силу его свойств, наиболее существенными из которых в рамках данной задачи являются разрешимость (возможность в дальнейшем построения системы логического вывода), выразительная вариативность (возможность найти компромисс между выразительными потребностями и доступными вычислительными ресурсами) и автоматическая классификация понятий (для каждого понятия будет определено место в иерархии понятий, исходя из его описания). Для разработки формальной онтологии использовано инструментальное средство Protégé (Knublauch, 2003. P. 23).

Коллективно разрабатываемая онтология для формализации структуры задачи стратегического управления образовательной организацией:

- сможет выступать инструментом формализации и сохранения знаний в организации и единым языком для всех заинтересованных участников;
- предоставляет возможность построения информационных систем на ее основе (аналитического учета, экспертных систем, систем поддержки принятия решений);
- является концептуальной основой для интеграции различных компонентов композитной системы;
- может быть интегрирована с онтологией более высокого уровня.

ЛИТЕРАТУРА

Архипова Е.Н., Кононова О.В., Крюков В.В., Шахгельдян К.И. (2010). Автоматизация рейтинговой оценки деятельности преподавателей // *Университетское управление: практика и анализ*. № 5. С. 51–62. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15597369>.

Архипова Е.Н., Крюков В.В., Шахгельдян К.И. (2012). Автоматизация рейтинговой оценки деятельности учебного подразделения вуза // *Университетское управление: практика и анализ*. № 1. С. 80–90. Доступно на: <http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/1326/>.

Баканова М.В. (2010). Анализ бизнес-процессов кафедры вуза как основы разработки стратегии автоматизированного управления кафедрой // *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского*. № 18(22). С. 104–109. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15505300>.

Запругаев С.А. (2003). Стратегическое планирование в университетах США // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер.: Проблемы высшего образования. № 1. С. 26–27. Доступно на: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/prb/2003-01/prb0301_02.pdf.

Исаев Д.В. (2010). Комплексная информационная система стратегического университетского управления. *Бизнес-информатика*. № 1. С. 38–44. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13121756>.

Мальцева Г.И., Шиловская Л.Л. (2009). Система внутренних экономических отношений государственных вузов со сложной организационной структурой // *Университетское управление: практика и анализ*. № 4. С. 16–22. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13083954>.

Минева О.К., Акмаева Р.И., Усачева Л.В. (2013). Реализации стратегия развития университета на основе построения стратегической карты // *Вестник Саратовского государственного технического университета*. Т. 1. № 1. С. 297–304. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19415760>.

Полубояров В.В., Чернавин Д.А., Вуйлов Д.А. (2013). Развитие системы управления классическим университетом в условиях широкомасштабной информатизации // *Власть*. № 3. С. 87–90. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18885398>.

Полубояров В.В., Чернавин Д.А. (2013). Управляемая онтологией система аналитического учета публикаций сотрудников как элемент поддержки принятия решений в образовательной организации // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 3. Экономика. Экология. № 2(23). С. 115–123. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21098152>.

Пузанков Д., Кутузов В., Рябов В., Мамонтов А. (2004). Стратегический менеджмент в техническом университете // *Высшее образование в России*. № 3. С. 40–53. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9573679>.

Торхова А.Н. (2010). Разработка и внедрение управленческого учета в учреждениях высшего профессионального образования, функционирующих в условиях многоканального финансирования и единой системы бюджетного учета // *Вестник Самарского государственного университета путей сообщения*. № 4. С. 51а–58. Доступно на: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15647630>.

Ricardo de Almeida Falbo, Creden Silva de Menezes, Ana Regina C. da Rocha. A (1998). Systematic Approach for Building Ontologies. Progress in Artificial Intelligence – IBERAMIA 98. Lecture Notes in Computer Science, vol. 1484, pp 349–360.

Knublauch H. (2003). Tutorial: Creating Semantic Web (OWL). Ontologies with Protege. 2nd International Semantic Web Conference (ISWC 2003) H. Knublauch. Доступно на: <http://iswc2003.semanticweb.org/pdf/Protege-OWL-Tutorial-ISWC03.pdf>.

Krotzsch M. (2007). Semantic wikipedia. *Journal of Web Semantics*. № 5(4). P. 251–261. Доступно на: <http://smtp.websemanticsjournal.org/index.php/ps/article/download/127/125>.

REFERENCES

Arkhipova E.N., Kononova O.V., Kryukov V., Shageldyan K.I. (2010). Automation-rated activities of teachers. *University Management: Practice and Analysis*, no. 5, pp. 51–62. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15597369>. (In Russian.)

Arkhipova E.N., Kryukova V., Shageldyan K.I. (2012). Automation-rated activities of educational division of the university. *University Management: Practice and Analysis*, no. 1, pp. 80–90. Available at: <http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/1326/>. (In Russian.)

Bakanova M.V. (2010). Analysis of business processes as a foundation university faculty development strategies automated management of the department. *Proceedings PGPU them. Belinsky*, no. 18(22), pp. 104–109. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15505300>. (In Russian.)

Isaev D. (2010). An integrated information system for strategic university management. *Business Informatics*, no. 1, pp. 38–44. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13121756>. (In Russian.)

Knublauch H. (2003). Tutorial: Creating Semantic Web (OWL) Ontologies with Protege. 2nd International Semantic Web Conference (ISWC 2003) H. Knublauch. Available at: <http://iswc2003.semanticweb.org/pdf/Protege-OWL-Tutorial-ISWC03.pdf>.

Krotzsch M. (2007). Semantic wikipedia. *Journal of Web Semantics*, no. 5(4). R. 251–261. Available at: <http://smtp.websemanticsjournal.org/index.php/ps/article/download/127/125>.

Maltseva G.I., Shilovskaya L.L. (2009). The system of internal economic relations of state universities with a complex organizational structure. *University Management: Practice and Analysis*, no. 4, pp. 16–22. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13083954>. (In Russian.)

Mineva D.C., Akmaeva R.I., Usachova L.V. (2013). Implementation strategy of the university on the basis of constructing a strategy map. *Bulletin of Saratov State Technical University*, vol. 1, no. 1, pp. 297–304. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19415760>. (In Russian.)

Poluboyarov V.V., Tchernavin D.A., Vuylov D.A. (2013). Management development classic university in terms of large-scale information technology. *Power*, no. 3, pp. 87–90. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18885398>. (In Russian.)

Poluboyarov V.V., Tchernavin D.A. (2013). Ontology-driven system of analytical accounting staff publications as an element of decision support in an educational organization. *Bulletin of Volgograd State University. Series 3. Economics. Ecology*, no. 2(23), pp. 115–123. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21098152>. (In Russian.)

Puzankov D., Kutuzov V., Ryabov V., Mamontov A. (2004). Strategic Management at the Technical University. *Higher education in Russia*, no. 3, pp. 40–53. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9573679>. (In Russian.)

Ricardo de Almeida Falbo, Creden Silva de Menezes, Ana Regina C. da Rocha. A (1998). Systematic Approach for Building Ontologies. Progress in Artificial Intelligence – IBERAMIA 98. *Lecture Notes in Computer Science*, vol. 1484, pp. 349–360.

Torhova A.N. (2010). Development and implementation of management accounting in institutions of higher education, operating under a single multi-channel financing and fiscal accounting. *Bulletin of the Samara State University of Railways*, no. 4, pp. 51a–58. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15647630>. (In Russian.)

Zapryagaev S.A. (2003). Strategic planning in U.S. Universities. Herald of the Voronezh State University. *Problems of higher education*, no. 1, pp. 26–27. Available at: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/prb/2003-01/prb0301_02.pdf. (In Russian.)

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В XX ВЕКЕ

КОСТЕНКО Е.П.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: kostenko.ep@yandex.ru

В статье исследуются особенности развития теории и практики управления персоналом в «научный период». Выявлены причины трансформации подходов, методов и принципов управления работниками. Показано, под влиянием каких условий меняются взгляды на процессы управления персоналом, как эволюционирует трактовка базовых управленческих категорий. Рассмотрены достоинства и недостатки, сходства и отличия классического и гуманистического направлений в управлении персоналом, а также входящих в них школ. В заключительной части статьи рассматриваются особенности современного этапа развития теории и практики управления персоналом.

Ключевые слова: управление персоналом; теория управления человеческими ресурсами; этапы развития теории и практики управления персоналом; классификация теории управления человеческими ресурсами.

EVOLUTION OF THE THEORY AND PRACTICE OF HUMAN RESOURCES MANAGEMENT IN THE XX CENTURY

KOSTENKO E.P.,

PhD, Associate Professor of the department of human resources management,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: kostenko.ep@yandex.ru

In the article examines the features of the genesis and development of the theory and practice of human resources management in the «scientific period». The causes of the transformation approaches, methods and principles of management employees were identified. It was shown what conditions influence on changing of views on human resource management processes and how the interpretation of basic management categories evolves. The advantages and disadvantages, the similarity and difference of classical and humanistic trends in human resource management, as well as their member schools are considered. In the final part of the article it was reviewed the features of the contemporary stage of development of the theory and practice of human resource management.

Keywords: personnel management; theory of human resource management; stages of development of the theory and practice of factory system of personnel management; classification of theory of human resources management.

JEL classification: M12.

На протяжении всей истории экономической цивилизации главными мотивами поиска, разработки и развития управленческих идей являлось повышение эффективности принимаемых управленческих решений, их реализации, улучшение конкурентного положения предприятий и на этой основе обеспечение благополучия, благосостояния и безопасности членов социальной организации. Отмеченное актуализирует задачу изучения эволюции взглядов на управленческие процессы в целом и закономерности формирования и развития подходов к управлению персоналом, в частности.

Предметом исследования в данной статье является анализ процесса возникновения, развития, борьбы и смены подходов к управлению работниками в XX в.

Сложности, с которыми сталкиваются исследователи при изучении эволюции принципов, методов и концепций управления персоналом, коренятся не столько в неоднородности фактического материала, сколько в принципах вза-

имного соотношения тех или иных процессов, явлений и осмысливающих их теорий. В этой связи одной из важных проблем является проблема периодизации теории и практики управления персоналом.

Важно различать управление персоналом (работниками) как функцию, как практику и управление персоналом как область знаний и научную дисциплину. В качестве первого история управления персоналом насчитывает несколько тысячелетий. Еще давние представители человечества, объединенные в родовые общины, ежедневно сталкивались с вопросами разделения труда, трудовой мотивации и дисциплины. В Древнем Египте строительство пирамид также являлось примером сложной организации труда десятков тысяч людей, требующей решения проблем распределения работ и рабочего времени, стимулирования труда, определения санкций за ненадлежащее исполнение обязанностей и т. д. Изменение принципов и методов практического управления персоналом происходило и происходит под влиянием смены технологических укладов и изменений (иногда радикальных) в трудовой деятельности.

В развитии теории управления персоналом можно выделить два основных этапа – «донаучный период», когда происходило кумулятивное накопление знаний об управлении работниками, знаний, основанных на фактах, на эмпирическом (индуктивном) понимании, и «научный период», когда индуктивные знания заменяются знаниями, основанными на дедукции.

На рубеже XIX–XX вв. был завершен процесс накопления практического опыта управления работниками, его теоретического отражения и обоснования, и началось формирование научных основ управления персоналом. Под научными основами управления понимается система научных знаний, составляющая теоретическую базу практики кадрового менеджмента.

С момента появления менеджмента как науки проблема периодизации теории управления персоналом становится тесно связанной с вопросами выделения и классификации основных школ управления. Более того, теория управления персоналом до определенного момента развивалась в рамках общей теории управления. Теория управления персоналом стала предметом специальных академических исследований в основном в первые десятилетия XX в., при этом ее интенсивное формирование началось лишь после Второй мировой войны.

Разнообразие возникших в XX в. теорий, школ и направлений управленческой мысли отражает сложность, многомерность и противоречивость практики управления персоналом. При изучении эволюции теорий управления персоналом, на наш взгляд, целесообразно выделить два основных направления – классическое и гуманистическое.

В теориях, относящихся к классическому направлению, внимание уделяется роли человеческого фактора в структуре экономических ресурсов как одному из производительных факторов производства. В рамках классического направления выделяются три управленческие школы: школа научного управления, административная школа и школа бюрократической организации. Гуманистическое направление объединяет теории, объясняющие достижение эффективности производства на основе совершенствования самого работника, его личностного саморазвития. В рамках гуманистического направления можно выделить школу человеческих отношений и бихевиористскую школу.

В начале XX в. применение на практике принципов научного менеджмента и жесткого администрирования, характерных для Ф. Тейлора, Г. Эмерсона, Г. Форда, Ф. и Л. Гилбретов, А. Файоля и др., позволило добиться роста производительности труда, улучшения экономических показателей деятельности предприятия. Американские основатели научного менеджмента внесли значительный вклад в формирование теории управления персоналом. Являясь профессиональными инженерами, они усовершенствовали систему управления на основе применения технических механизмов. Использование логики и анализа позволило значительно усовершенствовать многие рабочие операции и добиться более эффективного их выполнения. Таким образом, стала развиваться новая система управления работниками, основанная на инженерных расчетах и опытах.

В то же время, распространение идей классической школы, вопреки представлениям Ф. Тейлора, А. Файоля и их последователей, способствовало более интенсивной эксплуатации работников, усилению текучести кадров, обострению противоречий между собственниками предприятий и наемными работниками, препятствовало распространению принципов партнерства, социальной справедливости, гармонии и сотрудничества в рамках предприятия. Во многом это объясняется тем, что человеческому фактору отводилась не главная, а второстепенная функция.

Согласно представлениям классиков менеджмента работник является приложением, дополнением к средствам производства, а активизация человеческого фактора осуществлялась преимущественно при помощи разработки новых подходов к системе оплаты и стимулирования труда, совершенствования формальных отношений между руководителями и наемным персоналом. Однако, по мере совершенствования производства, увеличения на предприятиях доли высококвалифицированных рабочих и специалистов, роста благосостояния работников, многие рекомендации классической школы утратили свою актуальность.

Ограниченность классической школы отмечалась уже в 20-е гг. XX в. «Классическим» концепциям противопоставлялись управленческие теории новой школы менеджмента, которую многие авторы называли «гуманистическим вызовом». Как отмечал Д.М. Гвишиани, этот период в развитии американской теории организации и управления называют эпохой «новых начинаний», в отличие от периода «проповеди административной эффективности», когда господствовал тейлоризм (Гвишиани, 1972. С. 56).

Таким образом, недостаточная степень учета человеческого фактора и невозможность в полной мере реализовать его потенциал стали предметом критики технократического управления персоналом и классической школы в целом. Началась переоценка взглядов на производственные системы и способы активации ведущих элементов этих систем. Опыт ведущих промышленных фирм подтвердил, что реализация потенциала технической подсистемы производства в значительной степени предопределяется возможностями реализации потенциала социальной подсистемы.

стемы (квалификацией сотрудников, их заинтересованностью в эффективном труде, стилем руководства, морально-психологическим климатом на предприятии). Это позволило сформировать общественную атмосферу для появления новых подходов к управлению.

В 20–30-е гг. XX в. возникла школа человеческих отношений. Наиболее известными и яркими ее представителями являются Г. Мюнстерберг, М. Фоллет, Э. Мэйо, Ф. Ротлисбергер и Ч. Барнард. Для взглядов этих ученых нехарактерно методологическое и теоретическое единство, у них нет общего предмета исследования, однако их объединяет действительно новый подход к решению управленческих проблем и критическое отношение к тейлоризму и его различным модификациям. При этом необходимо подчеркнуть, что теоретики доктрины «человеческих отношений» не отказываются полностью от «тейлоровских» методов рационализации в управлении персоналом, однако стараются их «гуманизировать».

Отличительными чертами нового подхода в теории и практике управления персоналом являются:

1. Отказ от инженерного подхода, при котором работник являлся просто частью производственной системы. Предприятие стало рассматриваться не только как технико-технологическая, но и как социальная система, обеспечивающая условия социального развития работников, инициирующая положительные внешние эффекты.

2. Критика концепции «экономического человека», в рамках которой главным стимулом человеческой деятельности являлась материальная заинтересованность. На первый план вышла концепция «социального человека», предполагающая, что кроме материальной выгоды работник стремится к удовлетворению моральных потребностей (приобретение социального статуса, признание и уважение коллег, саморазвитие, самовыражение и т. д.).

3. Субъективизм и индивидуализация управления персоналом. Представители школы человеческих отношений выдвинули положение о том, что главным объектом внимания является человек. С работником нужно общаться как с личностью. С помощью стандартных установок, правил и инструкций невозможно добиться стандартного поведения всех работников, поэтому к каждому из них требуется индивидуальный подход.

4. Отказ от рассмотрения только формальной структуры организации, создаваемой по инициативе руководства. Любая формальная организация с ее официально установленными правилами и порядками обязательно дополняется неформальной организацией, основанной на моральных аспектах взаимодействия (симпатиях, взаимопомощи, тесном общении и заинтересованности). Возникновение неформальных организаций связывается с невозможностью удовлетворения индивидуальных потребностей работника. Неформальную организацию нельзя рассматривать только как «хорошую» или только как «плохую». Она – неотъемлемая часть формальной организации, способная оказывать значительное влияние на эффективность ее функционирования. Поэтому в процессе управления важно установить равновесие не только между технической и социальной системами, но и между формальной и неформальной сторонами организаций.

5. Изменение взглядов на взаимоотношения руководителей и подчиненных. Резкой критике подвергся один из главных постулатов классической школы о координации посредством иерархии. Представители школы человеческих отношений выступили против абсолютизации роли авторитета руководителя. Произошел переход от жесткой регламентации, безукоснительного выполнения всех требований руководителя и пренебрежительного отношения к воле простого рабочего к демократизации управления, гуманному обращению к подчиненными, уважению мнения специалистов и работников, групповому принятию решений. Возможности повышения эффективности бизнеса стали связываться с использованием коллективного управления и самоуправления групп за счет более эффективных коммуникаций, лучшего восприятия и реализации общей политики организации.

6. Рассмотрение менеджмента как процесса взаимодействия людей, задачи которого сводятся к изучению межличностных отношений. Теоретики неоклассической школы в значительной степени способствовали изучению человеческого аспекта менеджмента, и, в первую очередь, функций руководства людьми. Они исходили из того, что менеджеры выполняют свою работу, взаимодействуя с людьми, поэтому менеджер должен, прежде всего, уметь работать с людьми.

7. Новое понимание движущих мотивов поведения работников и их групп. Представители школы человеческих отношений пришли к пониманию того, что поведение работника зачастую определяется не только опытом, квалификацией, знаниями, но и чувствами. Поэтому в управлении нужно учитывать эмоциональный фактор поведения и интересы работника. Поведение работников в коллективе определяется не столько экономическими и логическими факторами, сколько существующими групповыми установками и традициями. Значительное место в исследованиях стали занимать вопросы улучшения морально-психологического климата в коллективе.

8. Использование для получения и обоснования выводов и рекомендаций в области управления персоналом аналитического инструментария, принципов, достижений таких наук как психология, социология, педагогика, антропология и др.

Таким образом, во второй четверти XX в. менеджмент приобрел социально-психологическую ориентацию. Представители школы психологии и человеческих отношений предложили новый подход к определению места и роли работника в организации, изменили отношение к трудовым ресурсам со стороны бизнеса.

Несмотря на ряд преимуществ по сравнению с классической школой, общая концепция школы человеческих отношений не лишена недостатков. Уже в середине XX в. многие ее постулаты подверглись критике. Прежде всего указывалось на три момента. Во-первых, представителям школы человеческих отношений не удалось содержательно определить природу конфликтов, возникающих между рабочими и руководителями, способы их разрешения. Подчеркивалось, что, хотя хорошие человеческие отношения и способствуют сглаживанию конфликтных ситуаций, тем не

менее, недостаточно просто предоставить работнику ощущение своей важности в ситуациях, ведущих к большинству конфликтов. Во-вторых, практически не учитывалось влияние формальной структуры на поведение членов организации, а также значение экономических стимулов мотивации. В-третьих, не учитывалось влияние типа и сложности технологий на установление неформальной структуры организации.

По мнению А.В. Кезина, с одной стороны, концепции школы человеческих отношений составляют альтернативу классическому менеджменту, ориентированному на натурализм или даже механицизм, а, с другой, субъективный план рассмотрения является в развитых ими концепциях фактически единственным, так что концепции оказываются почти такими же односторонними, «одномерными», как и концепции классического менеджмента (Кезин, 2001. С. 55).

К недостаткам школы психологии и человеческих отношений можно отнести:

1. Гипертрофированное внимание к социальным факторам при игнорировании технологических и производственных факторов. Недостаточное понимание экономического содержания общей системы управления.
2. Отсутствие системного взгляда на проблемы управления и способы их решения. Неспособность предложить что-либо, кроме расплывчатых лозунгов и обещаний.
3. Отсутствие целостной научной теории о месте работника в организации. Наличие тенденции к манипулированию работником.
4. Достаточно ограниченное представление о модели поведения человека. По мнению П. Друкера, для представителей школы человеческих отношений характерна склонность рассматривать коллектив в качестве механического объединения отдельных личностей, тогда как любой коллектив имеет свои закономерности существования и развития (Голубев, 2003. С. 279).
5. В теории человеческих отношений значительное внимание уделяется необходимости воспитания у рабочих «чувства ответственности», но не говорится о самой ответственности, подчеркивается роль «ощущения значимости», но не значение рабочих и их работы (Друкер, 2001. С. 58).
6. Завышенная оценка степени влияния социально-психологических методов воздействия на работника.

В целом, несмотря на недостатки и дискуссионные моменты, основные положения школы человеческих отношений оказали заметное влияние на развитие управленческой мысли и получили продолжение в новых, более сложных концепциях менеджмента.

Во второй половине 1950-х гг. начался существенный пересмотр принципов экономической политики во многих странах мирового хозяйства. В этот период многие развитые страны активно восстанавливали свой промышленный потенциал и выходили на траекторию устойчивого экономического роста. В теории и практике управления персоналом на первый план вышли воззрения, делавшие акцент на активности, предприимчивости, индивидуализации присвоения и максимизации удовлетворения потребностей работников. По мере изменения принципов хозяйствования, совершенствования методов исследования и развития таких наук, как психология, антропология, социология и экономика, изучение управления стало приобретать все более научный характер, что и предопределило трансформацию школы человеческих отношений. В конце 1950-х гг. она «переросла» в бихевиористскую (поведенческую) школу. Наиболее известными представителями этого направления являются А. Маслоу, Д. Макгрегор, Ф. Герцберг, Р. Лайкерт, К. Арджирис. В своих работах основное внимание они уделяли рассмотрению проблем мотивации, изучению авторитета, лидерства и власти, анализу организационной структуры предприятия и выявлению типов коммуникаций в организациях, т. е. всего того, что касалось вопросов социального взаимодействия. Считается, что развитие именно этих подходов привело к созданию в современных организациях особой управленческой функции – управления персоналом и развитию прикладного инструментария управления мотивацией и стимулирования труда, представленного в работах Р. Каплана и Д. Нортон (Каплан, Нортон, 2003). Отраслевые особенности применения концепции управления мотивацией на основе модели ключевых показателей эффективности на примере образовательных организаций России рассмотрены в работах Е. Михалкиной и Л. Скачковой (Михалкина, Скачкова, 2013. С. 48–60).

Бихевиористская школа попыталась преодолеть ряд проблем школы человеческих отношений и уделяла значительно больше внимания анализу повседневной практики производственного руководства и изучению проблемы морально-психологического стимулирования и мотивации отдельного работника. Целевой установкой школы является повышение эффективности использования человеческих ресурсов и на этой основе повышение эффективности организации в целом.

В соответствии с установками бихевиористской школы, важнейшими мотиваторами поведения работника выступают: характер и содержание труда, объективная оценка и признание достижений работника, возможность творческой самореализации, возможность управлять своим трудом.

Основными отличиями бихевиористской школы от школы человеческих отношений являются:

1. Изучение сложного и разнообразного комплекса потребностей человека как социоиндивида, а не только упрощенных психофизиологических потребностей.
2. Рассмотрение преимущественно не методов налаживания межличностных отношений сотрудников и отношений «начальник-работник», а отношения рабочих к работе самой по себе, которое расценивалось как главный фактор поддержки мотиваций.
3. Индивидуализация анализа, стремление оказать работнику помощь в осознании им своих собственных возможностей.

4. Разработка алгоритма повышения эффективности труда преимущественно отдельного работника.
5. Формирование научной основы управления, использование научных методов и исследований для изучения поведения людей и применение концепций поведенческих, социологических наук к управлению организациями.

Бихевиористское направление менеджмента непосредственно примыкает к школе человеческих отношений. Представители поведенческого направления управленческой мысли предлагают такой подход к управлению, при котором каждый работник может быть полностью использован в соответствии с его потенциалом. Как и все предшествующие теории, теории представителей бихевиористской школы не лишены недостатков и дискуссионных моментов. Вместе с тем, теории представителей бихевиористской школы не потеряли своей актуальности и в настоящее время. В конце XX в. произошел значительный рост числа бихевиористских концепций, что во многом определяется усилением конкуренции и глобализации в мировой экономике.

В 70-е гг. XX в. в американской управленческой науке утвердились такие понятия, как «человеческие ресурсы» и «управление человеческими ресурсами», вместо понятий «персонал» и «управление персоналом».

Отличие концепции человеческих ресурсов от концепций управления персоналом, лежащих в основе школ научного управления и человеческих отношений, состоит в признании экономической целесообразности капиталовложений, связанных с привлечением рабочей силы, поддержанием ее в трудоспособном состоянии, обучением и созданием условий для более полного выявления возможностей и способностей, заложенных в характере и индивидуальных отличиях каждой личности. Среди безусловных гуров этого направления можно выделить М. Армстронга.

Историко-генетический анализ теорий управления человеческими ресурсами в обобщенном виде представлен в табл. 1.

Таблица 1

Теории управления человеческими ресурсами

Управленческая школа	Представители	Содержание идей
<i>Классическое направление (начало XX в.)</i>		
Школа научного управления	Ф. Тейлор, Г. Эмерсон, Г. Форд, Ф. и Л. Гилбреты	Работник один из факторов производства. Научная организация труда работников. Разработка принципов рационализации трудовых операций.
Административная школа	А. Файоль, Дж. Муни, А. Рейли, Л. Гулик, Л. Урвик	Работник – главный ресурс организации. Разработка вопросов планирования, координации трудовой функции, контроллинга.
Школа бюрократической организации	М. Вебер, М. Крозье, Р. Мертон, Э. Доунс, А. Гоулднер	Работник – инструмент достижения управленческих результатов. Способы достижения целей – ответственность работников, четкие должностные инструкции, бюрократические правила и процедуры.
<i>Гуманистическое направление (с 20–30-х гг. XX в.)</i>		
Школа человеческих отношений	Г. Мюнстерберг, М. Фоллет, Э. Мэйо, Ф. Ротлисбергер и Ч. Барнард	Работник – особый ресурс предприятия. Идеи социального развития работника в организации, менеджмент как процесс взаимодействия людей и изучения межличностных отношений.
Бихевиористская школа	Конец 1950-х гг. А. Маслоу, Д. Макгрегор, Ф. Герцберг, Р. Лайкерт, К. Арджирис	Работник – уникальный ресурс организации. Проблемы морально-психологического стимулирования и мотивации отдельного работника.
Школа управления человеческими ресурсами	М. Армстронг, Е. Лоулер, Дж. Пфедфер, М. Хьюзелид, С. Вуд	Работник – инвестиционный ресурс организации, особая экономическая ценность. Затраты на персонал, как инвестиции, приносящие прибыль. Разработка программ длительной занятости работника. Формирование агентских отношений между работником и нанимателем.

Источник: Управление человеческими ресурсами организации, 2013. С. 18.

В последней четверти XX в. произошло кардинальное изменение отношения к работникам. Если ранее преимущественно использовался термин «персонал», «трудовые кадры предприятия», то в настоящее время используется категория «человеческие ресурсы», которая трактуется как совокупность самостоятельных, способных к самореализации, к саморазвитию личностей. Именно учет личностного фактора приводит к трансформации концепции управления персоналом в управление человеческими ресурсами. Такая трансформация обусловлена изменением отношения к работникам в условиях постиндустриального общества и экономики знания. Это связано с внедрением качественно новых технологий; снижением возможностей контроля над исполнителями и необходимостью расширения самоконтроля; широким распространением коллективной и командной организации труда; повышением образовательного и культурного уровня населения; усилением демократизации социально-экономической жизни современного общества; обострением глобальной конкуренции, поднявшей планку требований к работникам.

Таким образом, произошла трансформация парадигмальной роли человеческого ресурса в производстве. Если ранее труд (человеческий ресурс) рассматривался как традиционный фактор производства наравне с другими ма-

териальными факторами (оборудование, материалы), а значит, и задача минимизации затрат сводилась к экономии, прежде всего, заработной платы, то в настоящее время работник – это источник благосостояния фирмы, ключевой нематериальный ресурс. Изменение роли человеческого ресурса в производстве повлекло за собой и изменение общего подхода к экономическому развитию, заключающегося в том, что человек это не средство накопления богатства, роста благосостояния, а цель развития производства и роста благосостояния.

Современный этап развития теории управления характеризуется большим вниманием к вопросам развития, эффективного использования человеческих ресурсов на основе изучения потребностей и мотивов поведения индивидов, направленного на решение задач инновационного развития экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Гвишиани Д.М. (1972). Организация и управление. М.: Наука.
- Голубев К.И. (2003). История менеджмента: тенденция гуманизации. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Друкер П. (2001). Практика менеджмента / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс».
- Каплан Р., Нортон Д. (2003). Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес.
- Кезин А.В. (2001). Менеджмент: методологическая культура. М.: Гардарики.
- Михалкина Е.В., Скачкова Л.С. (2013). Концепция новой модели оплаты труда на основе внедрения ключевых показателей эффективности в учреждениях высшего профессионального образования // *Мотивация и оплата труда*. № 1. С. 48–60.
- Управление человеческими ресурсами организации: теория, процессы, технологии (2013). Монография / Под ред. Е.В. Михалкиной. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета.

REFERENCES

- Gvishiani D.M. (1972). Organization and Management. Moscow: Nauka. (In Russian.)
- Golubev K.I. (2003). History of management: the trend of humanization. SPb.: Legal Center Press. (In Russian.)
- Drucker P. (2001). Practice Management. Translated from English. Moscow: Williams. (In Russian.)
- Kaplan R., Norton D. (2003). Balanced Scorecard. From strategy to action. Moscow: Olimp-Business. (In Russian.)
- Kezin A.V. (2001). Management: methodological culture. M.: Gardariki. (In Russian.)
- Mikhalkina E.V., Skachkova L.S. (2013). The concept of a new model of wages in the institutions of higher education based on the key performance indicators. *Motivation and compensation*, no. 1, pp. 48–60. (In Russian.)
- Human resource management organizations: Theory, Process, Technology (2013). Monograph. Ed. E.V. Mikhalkin, 2nd ed., Rev. and ext. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publishing. (In Russian.)

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СТРАХОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДОВЛАДЕЛЬЦЕВ

БАЛАКИРЕВА Л.Ю.,

главный специалист Управления морского страхования ООО «Росгосстрах», аспирант,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: balakireva_lu@mail.ru

В статье рассматриваются направления совершенствования страхования ответственности судовладельцев, моделей проведения данного вида страхования в России, изменения инфраструктуры рынка страхования, меры, необходимые для обеспечения защиты интересов страхователей и пострадавших в результате страховых событий лиц. Представлены рекомендации, которые будут способствовать развитию рынка страхования ответственности судовладельцев и рынка морского страхования в целом, повышению качества предоставляемых страховых услуг и более полному обеспечению интересов и потребностей страхователей – предприятий судоходной отрасли.

Ключевые слова: страхование ответственности судовладельцев; рынок страхования; инфраструктура; страховые услуги.

ACTUAL DIRECTIONS OF REGULATION AND DEVELOPMENT OF SHIPOWNERS INSURANCE RESPONSIBILITIES

BALAKIREVA L.Y.,

Chief Specialist, Department of Marine Insurance «Rosgosstrakh», Postgraduate,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
e-mail: balakireva_lu@mail.ru

This article discusses ways of improving liability insurance shipowners, models of this type of insurance in Russia, infrastructure changes of the insurance market, the measures necessary to protect the interests of policyholders and injured in the event of insurance entities. Provide recommendations that will contribute to the development of the insurance market and indemnity and marine insurance market in general, improve the quality of insurance services and more fully ensure the interests and needs of insurers – companies shipping industry.

Keywords: insurance responsibilities of shipowners; insurance market; infra-structure; insurance services.

JEL classification: G22, L91.

Страхование ответственности судовладельцев обладает значительным потенциалом для развития и более полного обеспечения интересов и потребностей страхователей. Развитие любого вида страхования невозможно без создания определенных предпосылок и условий, способствующих его осуществлению и дальнейшему развитию – экономических, политических, нормативно-правового регулирования.

В выступлениях представителей Минфина России и иных органов законодательной и исполнительной власти, в Стратегиях развития страховой деятельности в Российской Федерации (на среднесрочную перспективу и до 2020 г.) обращается внимание на такие направления государственной политики в сфере страхования, как:

- создание условий, обеспечивающих приоритетное развитие добровольных видов страхования, взаимного страхования, микрострахования, повышение доступности страховых услуг;
- обеспечение баланса интересов между субъектами страхового дела и страхователями (выгодоприобретателями), выработка мер по повышению качества предоставляемых страховщиками услуг в целях защиты прав потребителей страховых услуг, усиление институтов по защите прав потребителей;

- расширение сферы деятельности участников и субъектов страхового дела при обеспечении гарантий защиты прав потребителей страховых услуг;
- повышение стабильности и надежности инфраструктуры страхового рынка, оперативности и эффективности его функционирования;
- активное участие страховщиков на международном страховом рынке.

Данные направления также применимы и актуальны в отношении страхования гражданской ответственности судовладельцев. С тем, чтобы данные направления были реализованы, необходимо принятие ряда мер, направленных на регулирование страховых отношений и более качественное обеспечение страховых интересов разных категорий судовладельцев.

Применительно к страхованию ответственности судовладельцев, страховой интерес – это имущественный интерес судовладельца, реализуемый посредством использования страхования в качестве источника компенсации возможного ущерба, вызванного предъявлением претензий со стороны третьих лиц, связанный с причинением вреда жизни, здоровью и имуществу третьих лиц при осуществлении судоходной деятельности, путем выбора наиболее приемлемых условий страхования. С одной стороны, страховой интерес мотивируется наличием риска и результатом его оценки, с другой – он ограничен финансовыми возможностями страхователя.

Более качественное обеспечение страховых интересов разных категорий судовладельцев возможно за счет разработки новых страховых продуктов, позволяющих комбинировать различные страховые риски в интересах страхователей, совершенствования правил страхования и методического обеспечения деятельности страховщиков, повышения их финансовой устойчивости (Балакирева, Кириллова, 2014), проведения страховых исследований, направленных на выявление новых интересов и потребностей.

В состав расчетно-методического обеспечения деятельности страховой организации, осуществляющей страхование ответственности судовладельца, входят следующие составляющие:

- методы анализа риска и определение вероятности возникновения аварийных ситуаций;
- определение страхового тарифа, включая определение базовой тарифной ставки и коэффициентов;
- алгоритм расчета страховой суммы (лимита ответственности);
- методы и направления анализа страхового портфеля;
- порядок определения вреда, алгоритм урегулирования претензий.

Проблемным вопросом является определение размера страховой суммы (лимита ответственности) по договору страхования гражданской ответственности судовладельца. В соответствии с действующим законодательством страховая сумма по добровольному страхованию определяется по соглашению сторон договора страхования и указывается в фиксированном размере. Последствием такого соглашения чаще всего является возможность выделения судовладельцем некой денежной суммы в качестве страховой премии, с учетом которой устанавливается агрегатная страховая сумма. Последствия и возможный размер причиненных убытков третьим лицам при наступлении страхового события не оцениваются и не прогнозируются. В результате при урегулировании страховых случаев, как правило, лимита ответственности недостаточно для возмещения причиненных убытков, т. е. страховая сумма устанавливается в зависимости от финансовых возможностей страхователя. В морском праве существуют законодательно установленные лимиты ответственности судовладельцев (*Конвенция об ограничении ответственности...*, 1976), которые страховщик должен учитывать при установлении страховой суммы по полису страхования ответственности судовладельца, однако указанные лимиты применимы не во всех случаях. Ряд законодательных актов содержат требования об обязательном страховании ответственности судовладельцев по отдельным рискам, в том числе с указанием минимальных страховых сумм. Необходимость учета таких особенностей страхования ответственности судовладельцев, как значительный размер потенциальных убытков, сложность их прогнозирования и большая величина расходов на ликвидацию последствий аварии, обосновывает важность установления страховой суммы в размере, превышающем указанные минимальные страховые суммы.

Страховая сумма (лимит ответственности) по договору страхования ответственности судовладельца должна быть установлен на основании анализа вероятности реализации потенциальных рисков и стоимости потенциального ущерба. В частности, при определении лимита ответственности необходимо удостовериться, что его будет достаточно для погашения претензий потерпевших в связи со следующими событиями:

1. Причинением вреда жизни, здоровью и имуществу пассажиров.
2. Причинением вреда жизни, здоровью и имуществу членов экипажа.
3. Причинение вреда другому судну при столкновении.
4. Повреждение имущества третьих лиц, включая инфраструктуру порта.
5. Загрязнение окружающей среды.
6. Повреждение или гибель груза.
7. Удаление остатков кораблекрушения.

У страховщиков должна быть методика по определению возможного размера ущерба, которая может различаться для разных типов судов и сферы деятельности судовладельца. Предлагается учитывать следующие факторы для расчета возможного ущерба:

- специфика деятельности судовладельца;
- тоннаж судна;
- прогнозируемое число претензий в результате одного события;

- количество и стоимость перевозимых грузов или количество пассажиров;
- район плавания;
- наличие законодательно установленных страховых сумм по отдельным рискам или нормативов выплат;
- частота наступления страховых случаев;
- заявленные и произведенные страховые выплаты.

Методика в страховой компании может быть разработана при участии страхового актуария, чьи возможности практически не используются при осуществлении российскими страховыми организациями деятельности по морскому страхованию.

На российском страховом рынке заметно пренебрежение страховыми интересами мелких судовладельцев, в том числе частных физических лиц или индивидуальных предпринимателей, которые часто остаются не охваченными страхованием.

На российских акваториях все чаще встречаются моторные лодки, катера, гидроциклы, надувные суда (в том числе надувные катамараны), спортивные гребные и парусные суда. Существующая сегментация страхового рынка сокращает возможность использования страховых услуг отдельными слоями населения, в частности, гражданами, имеющими недорогие маломерные суда для отдыха на воде или занятия спортом, в том числе – проживающими на отдаленных от крупных городов территориях. Вред, который может быть причинен третьим лицам в результате их эксплуатации, не столь значителен и может быть застрахован в относительно небольшой страховой компании, более оперативно перестроившей свою страховую бизнес-политику и инфраструктуру. Для такой категории страхователей целесообразным представляется микрострахование, которое предполагает отношения по заключению договоров страхования судовладельцами – гражданами, имеющими низкий доход, за невысокую плату – от небольшого числа рисков и на адекватные страховые суммы. Как правило, владельцев маломерных, прогулочных и спортивных судов в первую очередь интересует страхование на случай причинения вреда жизни, здоровью лиц, находящихся на судне и ответственности за повреждение иных судов в результате столкновения с ними. Лимит ответственности в пределах 500–700 тыс. руб. представляется достаточным для повышения охвата данной категории лиц страхованием. В отношении владельцев спортивных судов необходимость наличия полиса страхования зачастую предписывается правилами проведения соревнований, в отношении туристов-путешественников условия страхования определяются договорами о предоставлении судов в чартер. Микрострахование, осуществляемое в интересах малообеспеченных потенциальных страхователей и позволяющее защитить от самого значимого для потенциального страхователя риска (страхового события), имеет положительную тенденцию роста в мире за последние несколько лет. Его развитие на российском страховом рынке позволило бы удовлетворить интересы более широкого круга судовладельцев, расширило бы охват страхового поля, в том числе в регионах, предоставив региональным страховым компаниям определенную нишу для деятельности.

Расширению перечня страховых услуг будет способствовать введение новых программ и условий страхования. Договоры страхования с судовладельцами заключаются, как правило, на срок 1 год или на период навигации. Увеличение сроков действия договоров страхования, учитывая, что частота происшествий и аварий на водных путях невысока, не приведет к значительному увеличению платы за страхование, однако позволит страховщикам повысить финансовую устойчивость и сформировать страховые резервы на более длительный период, приведет к стабильности отношений между страховщиком и страхователем.

Российские судовладельцы используют стареющий изношенный флот, включение в договор страхования накопительного элемента (как в страховании жизни), позволяющего за счет регулярных страховых взносов создать страховой фонд, что позволит решить проблему проведения и оплаты капитального ремонта судов, а с годами – провести замену старых судов на новые, используя средства накопленного страхового фонда.

Страховщиками практически не используется механизм комбинирования в договоре страхования рисков ответственности с финансовым риском судовладельца или предпринимательским риском, связанным с недополучением прибыли в результате осуществления судоходной и перевозочной деятельности. Тем не менее, страхование непредвиденных затрат, которые может понести судовладелец в период плавания (вынужденные стоянки, изменение курса, непредвиденные водолазные и поисковые работы, применение санкций со стороны капитанов порта, властей иностранных государств, задержки судов и т. д.) позволило бы снизить финансовые издержки судоходных компаний, в том числе, сократить материальные и иные ресурсы, которые затрачиваются на организацию предоставления гарантий банков, поиск денежных средств в самих судоходных компаниях и у их акционеров, как это сейчас практикуется. Стимулирование деятельности посредников и других участников рынка страхования ответственности судовладельца позволит укрепить и развить инфраструктуру рынка страхования.

Все большую роль в страховании играют страховые агенты и страховые брокеры, по своей сути их деятельность практически не различается. Действия агента в интересах страховщика, а брокера – в интересах страхователя достаточно трудно идентифицировать, в большинстве случаев и те и другие работают в интересах страховщиков. Предлагается объединить агентов и брокеров в единое понятие страховых посредников с установлением единых принципов регулирования их деятельности. В практике страхования и перестрахования ответственности судовладельцев страховые брокеры играют несравнимо более значительную роль, чем страховые агенты. Важно, чтобы независимо от статуса и организационно-правовой формы признанные мировые страховые гиганты могли на законных основаниях и на паритетных условиях сотрудничать с российскими страховщиками.

В целях установления требований к страховым посредникам и повышения контроля за недобросовестностью отдельных лиц целесообразно внести соответствующие изменения в законодательство Российской Федерации, по-

высив их ответственность за сохранность документов по страхованию (например, пакеты документов, предоставленных страхователями, выгодоприобретателями по урегулированию убытков, бланки квитанций, полисы) и полученных от страхователей денежных средств, за своевременность передачи их страховщику, а также ответственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну страховщика, персональные данные страхователей, достоверность, объективность, полноту и своевременность предоставления сведений и документов, подтверждающих исполнение своих полномочий. Пока норм, регулирующих деятельность страховых посредников, в страховом законодательстве содержится явно недостаточно.

В страховании гражданской ответственности судовладельцев важными элементами инфраструктуры страхового рынка являются сюрвейеры, диспашеры, аджастеры, Р&I корреспонденты. Страховое законодательство не содержит функций, прав, обязанностей этих профессионалов по оценке рисков, не относит их к участникам или субъектам страхового дела, тем не менее, на основе их оценок и отчетов страховщики принимают юридически и экономически значимые решения о приеме рисков на страхование и об осуществлении страхового возмещения. Согласно Закону Российской Федерации «Об организации страховой деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о страховании), в понятие страховой деятельности включается оказание услуг, связанных со страхованием, таким образом, деятельность указанных лиц может попадать под регулирование.

Предлагается законодательно определить круг обязанностей лиц, представляющих интересы страховщика в решении вопросов:

- по оценке риска после наступления страхового случая, определению размера или достижению соглашения о сумме страхового возмещения, подлежащего выплате, составлению экспертного заключения на основе анализа обстоятельств страхового случая для страховщика, урегулированию заявленных требований страхователя при наступлении страхового случая (аджастер);
- по составлению расчета по распределению убытков, и соответственно страхового возмещения, между судами грузом, фрахтом по общей аварии при морском страховании или страховании гражданской ответственности судовладельца, а также распределение сумм ущерба между выгодоприобретателями, если их несколько (диспашер);
- по анализу и оценке рисков факторов, влияющих на условия договора, по вынесению решения о целесообразности принятия на страхование или в перестрахование объекта и/или риска, определению страхового тарифа и страховой премии по договору страхования (андеррайтер).

При рассмотрении направлений совершенствования государственного регулирования страхования гражданской ответственности судовладельцев невозможно не затронуть вопроса о перестраховании риска. Действующая редакция статей ГК РФ и Закона о страховании определяет договор перестрахования как договор страхования финансового риска, указывая, что «передаче подлежит риск обязательств по страховой выплате», а это методологически неверно и не позволяет перестраховщику оценить влияние риска на застрахованный объект. Передача в перестрахование должна предусматривать передачу конкретного объекта страхования, застрахованного по договору страхования от конкретных рисков, а не просто сумму финансовых средств. Четко не выработана методология определения размера собственного удержания страховщика, сколько можно передать рисков, страховой премии в перестрахование и сколько оставить на собственном удержании. Возможны два подхода:

- 1) законодательно определить доли передаваемой страховой премии по видам страхования, например, для страхования ответственности судовладельцев, не более 80% от страховой премии;
- 2) обязать страховщиков самостоятельно определять размер собственного удержания в зависимости от форм и видов перестрахования, объектов и рисков, подлежащих страхованию по разработанной им методике, и отражать размер собственного удержания по видам страхования в учетной политике. Второй вариант является более гибким и учитывает международную практику перестрахования морских рисков.

Проблемы по передаче и принятию рисков в перестрахование связаны с отсутствием единых подходов к регулированию перестраховочных операций на национальных рынках государств Таможенного союза и Единого экономического пространства (ЕЭП). Например, в России ответственность по договору страхования можно передать перестраховщику, имеющему лицензию и имеющему рейтинг уровня достаточной кредитоспособности у рейтинговых агентств, получивших аккредитацию в Минфине России. Однако не во всех странах деятельность по перестрахованию лицензируется или имеются требования к получению страховщиками оценки своей деятельности у рейтинговых агентств. По законодательству Республики Беларусь, риски подлежат перестрахованию в государственной компании республики, в Казахстане требования о наличии у перестраховщика рейтинга определенного уровня еще выше, чем в России. В результате нормы национального законодательства данных государств не способствуют, а зачастую и ограничивают развитие перестраховочных операций в рамках единого экономического пространства, не способствуют размещению крупных рисков на международном рынке. Развитие перестраховочной деятельности, создание мощной перестраховочной защиты от крупных рисков в мировом масштабе зависит не только от национального регулирования перестраховочной деятельности, но и от выработки единых требований и подходов к перестраховочной деятельности в рамках международных соглашений, которые не должны содержать ограничений и барьеров для продвижения страховых услуг.

В соответствии со ст. 11 Закона о страховании (*Закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации»... 1992*), страховщики обязаны применять актуарно (экономически) обоснованные страховые тарифы, которые рассчитываются на основании статистических данных, содержащих сведения о страховых выплатах, об уровне убыточности страховых операций не менее чем за 3 отчетных года.

Для установления страховых тарифов по обязательному страхованию перевозчиков использовались данные Росстата, отражающие количество перевезенных пассажиров, количество пострадавших на транспорте и сведения об аварийности на водном транспорте, статистики, накопленной за ряд лет страховщиками по данному виду страхования, оказалось недостаточно.

Для более корректной оценки страховых тарифов по добровольным и обязательным видам страхования для водного транспорта рекомендуется на базе профессионального объединения страховщиков создать систему сбора, обработки и анализ статистических данных с учетом следующих факторов:

1. Критерии оценки риска для целей тарификации (район плавания судна, возраст судна, состояние водных путей и климатические условия).

2. Нарушения судовладельцами обязательных требований по безопасности судоходства, позволяющие введение повышающих коэффициентов к страховому тарифу от обеспечиваемого перевозчиком уровня безопасности и технического состояния транспортного средства (случаи временного задержания судна, случаи работы судна без разрешительных документов, отсутствие договоров на техническое обслуживание, отсутствие договоров с владельцами причалов об обеспечении посадки, высадки пассажиров и т. д.).

3. Корректировка в формах статистической отчетности видов транспортных происшествий и инцидентов, по которым необходимо вести статистическое наблюдение: аварии и эксплуатационные происшествия, в результате которых погибли или получили телесные повреждения люди, разрушение судна, которое невозможно и нецелесообразно устранить путем замены или ремонта (конструктивная гибель), повреждение судна, затопление судов, оставление судна в случае предполагаемой гибели, посадка на мель, повреждение гидротехнического сооружения иных объектов морской и речной инфраструктуры, затопление судна или груза, повлекшее прекращение движения на данном участке пути или в шлюзе более чем на 72 часа, разлив нефти и нефтепродуктов в количестве более 10 т, причинение ущерба окружающей среде, вызванного повреждением судов.

Предложенный перечень рисков можно использовать для корректировки действующих страховых тарифов и коэффициентов к ним в последующие годы. Однако для оценки этих рисков необходимо не только усовершенствовать формы статистической отчетности, проанализировать собранные данные, но и с учетом проведенного мониторинга сложившихся страховых тарифов по обязательному страхованию перевозчика скорректировать их размер по морскому и внутреннему водному транспорту.

Было бы целесообразно, чтобы формы отчетности содержали показатели в более детальной разбивке по видам страхования, осуществляемым страховщиками. В частности, следует учитывать специфику рисков объемы ущерба по морскому страхованию (в том числе, включая страхование гражданской ответственности судовладельцев); страхованию гражданской ответственности владельцев морских судов, судов смешанного плавания река–море (если ответственность не застрахована по договору морского страхования); ответственности владельцев речных и озерных судов; владельцев парусных судов; маломерных водно-моторных судов; владельцев добывающих судов, нефтяных платформ, иных специализированных судов; страхованию ответственности судовладельцев за неисполнение договоров перевозки (грузов, пассажиров). Данная классификация по подвидам страхования с учетом типов судовладельцев с детализацией данных по страховым рискам, страховым случаям, причинам их наступления, страховым выплатам позволит учесть интересы различных категорий судовладельцев, сформировать показатели статистики по ним в целях более качественной оценки рисков с учетом специфики деятельности страхователей, а также устанавливать адекватные страховые тарифы, препятствовать демпингу, рассчитывать страховые резервы.

Указанная выше статистическая информация могла бы собираться в рамках информационной системы баз данных страховщиков, обрабатываться и анализироваться объединениями страховщиков, Централизация сбора статистических показателей, их открытость, прозрачность способствовали бы сокращению антиселекции рисков, снижению случаев мошенничества и недобросовестного поведения участников страхования.

На международном рынке морского страхования заметную роль играют профессиональные объединения страховщиков и страхователей, ставящие перед собой цели по повышению безопасности мореплавания, борьбы с субстандартным судоходством, по расширению и совершенствованию условий страхования, повышению страховой культуры и налаживанию доверительных отношений между страховыми организациями и судовладельцами. В России существует ряд профессиональных объединений, в частности, это Российский союз морских страховщиков и Национальный союз страховщиков ответственности, деятельность которых может сыграть позитивную роль в совершенствовании страхования ответственности судовладельцев и повышения его значения. Особое значение будет иметь расширение сферы деятельности по:

- разработке и утверждению типовых условий договоров страхования, что позволит оградить клиентов от заведомо невыгодных условий, а также обеспечить соответствие условий страхования задаче эффективной защиты имущественных интересов страхователей;
- разработке единых методик определения потенциально возможного вреда, причиненного третьим лицам, а также расчета суммы ущерба при наступлении страхового случая;
- унификации подходов к оценке вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу третьих лиц, использованию института независимой экспертизы для объективной оценки размера вреда;
- проведению совместных исследований по повышению безопасности мореплавания, изменению гидрометеорологических условий и других факторов, влияющих на судоходство, составлению карт риска, формированию единых баз данных, проведению семинаров и обучающих мероприятий для страхователей.

Указанные рекомендации будут способствовать развитию рынка страхования ответственности судовладельцев и рынка морского страхования в целом, повышению качества предоставляемых страховых услуг и более полному обеспечению интересов и потребностей страхователей – предприятий судоходной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

Балакирева Л.Ю., Кириллова Н.В. (2014). Финансовая устойчивость страховщика при осуществлении страхования ответственности судовладельцев // *Финансы*. № 3.

Закон Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Доступно на: <http://www.consultant.ru/>.

Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ. Доступно на: <http://www.consultant.ru/>.

Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ. Доступно на: <http://www.consultant.ru/>.

Конвенция об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 года. Доступно на: <http://www.consultant.ru/>.

REFERENCES

Balakireva L.Y., Kirillova N.V. (2014). Financial stability of the insurer under the insurance of responsibility of ship-owners. *Finance*, № 3. (In Russian.)

Law of the Russian Federation dated 27.11.1992 № 4015-1 "On organization of insurance business in the Russian Federation". Available at: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian.)

Code of Inland Water Transport of the Russian Federation of 07.03.2001 no. 24-FZ. Available at: <http://www.consultant.ru/> (In Russian.)

Merchant Shipping Code of the Russian Federation of 30.04.1999 no. 81-FZ. Available at: <http://www.consultant.ru/> (In Russian.)

Convention on Limitation of Liability for Maritime Claims, 1976. Available at: <http://www.consultant.ru/> (In Russian.)

ECONOMIC THEORY

Mamedov O.U., Brizhak O.V. The modern corporation in the coordinates of classical political economy.....	5
Belousov V.M., Lubsky A.V. Geoeconomic paradigm of scientific research.....	10
Volchik V.V., Krivosheeva-Medyantseva D.D. Institutional circumstances for innovative development of the Russian economy.....	18
Shafirov L.A., Oganessian A.A. Consumer lending rationalization for the local development benefits: an institutional approach.....	27
Bulankina N.N., Meshcheriakova L.A. Motivation and incentives, as an objective form of realization of human interests.....	43
Badoev S.H. Basic objective trends of contemporary economic system.....	47
Aksenov V.V., Ragovik L.V., Selivanova A.G. Post-crises growth of global economy and the new industrial policy.....	50
Gorbunov A.P. Universities in the structure of knowledge economy.....	55
Zhigalo E.A. Models of income redistribution in the context of social justice.....	59
Krivorotova N.F. Prerequisites and consequences of the introduction inflation targeting in countries with developing markets.....	65
Zakharchenko D.V. The system of marketing management of competitiveness of industrial companies in the context of formation and development of the "New Economy".....	69
Sakharova L.A. Russian economy: contradictory dynamics of industrial development retracted 22.09.23	
Kozelskiy A.V. Evolution of infrastructure services as a factor of economic growth.....	79
Nakhmedova D.T. Regional localization mechanisms of social differentiation and poverty.....	84
Korolev V.K., Paida G.V. Political economy's paradigms in methodology of postmodern discourse.....	89
Stupak V.A. Some questions of formation small agricultural enterprises credit service in Russia.....	94

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMIC PRACTICE

Germanova O.E., Shtanko M.S. The models of realization of the economic content of shareholders' property as a reflection of modern trends of its development.....	97
Zaynullina T.G. Problems and prospects of low-rise housing.....	105
Zhukova I.A. Modeling reduction of accumulated environmental damage of coal mining areas by forming materials handling system of mine dumps.....	108
Bakhteev A.V. Methodological elements of auditor's use of analytical procedures within risk-based approach.....	113
Tatuev A.A., Magomedova P.G. Problems of the organizational-economic development of the fuel-energy complex of Russia.....	118
Laptev S.V., Filina F.V. The problem of improving the monetary policy of modern Russia.....	124
Stupak D.M. Promoting economic development of innovative activity in agriculture.....	130
Takushinova M.M. Reserves and prospects for improving the deposit insurance system.....	133
Aretova E.V., Litvinsky K.O. Public-private partnerships in Russia: current problems and prospects.....	138
Sheveleva A.V. Transformation of ecological-economic policy of the oil and gas sector in terms of strategic energy resources limited.....	143
Magomedova P.G. System contradictions of development of fuel and energy complex.....	149
Savvateev E.V. Perspectives of development regulation mechanism of the service sector spatial socio-economic system.....	153
Sakharova L.A., Hokonov M.M. Contradictions of development of small business in the modern Russian industry.....	158

REGIONAL ECONOMY PROBLEMS

Belokrylova O.S., Kiseleva N.N. Institutional changes in the earth market of Southern regions.....	163
Anopchenko T.U., Aydarkina E.E. Analysis of the magnitude of the damage and of prevented damage to water objects of Rostov region enterprises functioning on its territory.....	169

Movchan I.V., Ishchenko-Padukova O.A. Regional investment policy as an institution modernization of business in Southern Russia.....	175
Izmailova T.V., Meshcheriakova L.A. Major issues and perspectives of development resorts and tourist services in Stavropol territory.....	180
Prokopenko Z.V. Cluster determinant of regional development.....	184
Kashnikova T.V. Program-target method increase competitiveness of small business region.....	188
Yushkova N.G. Spatial approach in the study of the processes of regional socio-economic systems' development and functioning.....	192
Sheveleva A.V. An integrated strategic approach to the analysis of the environmental impact of enterprises of oil and gas complex.....	199
Kushnarenko T.V. Conceptual basis of transition to non-oil model of development of territories of the South of Russia.....	204
Shafirov L.A. Russian monotowns residents' living conditions as the basis for estimation of households' sustainable lending potential.....	208
Shatalov S.N. Peculiarities of reforming the system of provision of pensions within a depressed macroregion.....	218
Tokaeva T.I. Regional employment: functional changes and orientation features.....	222
Gladkaya S.V. Mechanisms to increase the region's investment attractiveness.....	226
<i>TRENDS IN WORLD ECONOMIC DEVELOPMENT</i>	
Arkhipov A.Yu., Voronina T.V., Fomicheva E.V., Kolomiets A.D. Business entities and industries of the South of Russia in the context of Russia's membership in the WTO.....	231
Andreeva A.V., Ragovik L.V., Shelepov V.G. Restriction of development of offshore financial networks and realization of equitable taxation model.....	236
Palagina A.N. Chamber of Commerce of the Russian Federation as a key element of business support infrastructure in terms of Russia's accession to the WTO.....	241
Shelepov V.G. Deoffshorization and sustainable development of economy: taxation and financial instruments.....	247
<i>PROBLEMS OF EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT</i>	
Bogdanov Y.V. Student's motivation to learning: theory and practice.....	253
Gorbunov A.P. Efficient dynamics of high school- basic factor of innovation transformation of the Russian economy.....	258
Poluboyarov V.V. Developing informational system of university chair planning and reporting on the basis of ontology as a tool of educational institution strategic management.....	263
<i>ECONOMIC HISTORY</i>	
Kostenko E.P. Evolution of the theory and practice of human resources management in the XX century	268
<i>ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LAW</i>	
Balakireva L.Y. Actual directions of regulation and development of shipowners insurance responsibilities.....	274

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

2013

Том 11

Номер 4

Часть 3

Сдано в набор 01.11.2013. Подписано в печать 07.11.2013.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif.
Печать офсетная. Усл. п. л. 27,4. Уч.-изд. л. 26,5.
Тираж 558 экз. Заказ № 71. С. 282.

Издательство «Наука-Спектр».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8.
Т. 8(863)269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.